

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 2011

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

В.Г. Агаков, кандидат физико-математических наук, профессор

Заместитель главного редактора

В.В. Афанасьев, доктор технических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

А.Ю. Егоров, доктор экономических наук, профессор

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор

Л.П. Кураков, доктор экономических наук, профессор

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, доцент

Е.Л. Николаев, доктор медицинских наук, профессор

В.Г. Родионов, доктор филологических наук, профессор

Э.З. Феизов, доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 930. 26

С.В. БОЛЬШОВ

ИСТОРИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Ключевые слова: бронзовый век, Средняя Волга, абашевская культура, курган, погребальный обряд, культурно-историческая общность, полевые исследования.

Рассмотрена история полевых исследований средневожской абашевской культуры, которые охватывают период более столетия. Приведены все основные источники по абашевской культуре Среднего Поволжья. Средневожская абашевская культура является региональной культурой абашевской культурно-исторической общности, занимавшей территорию лесостепи от Украины до Приуралья в первой половине II тыс. до н. э.

S.V. BOLSHOV

THE HISTORY OF THE ARCHEOLOGICAL EXPLORATION OF THE ABASHEVSKII CULTURE IN THE MIDDLE VOLGA REGION

Key words: Bronze Age, Middle Volga, Abashevskii culture, barrow, burial rite, cultural-historical community, archeological exploration.

The history of the archeological exploration of the Abashevskii culture in the middle Volga region, which embraces the period of more than a century, is examined in the article. The article gives the main sources on the Abashevskii culture of the middle Volga region. The Abashevskii culture of the middle Volga region is the regional culture of the Abashevskii cultural-historical community, which occupied the territory of forest-steppe from Ukraine to Transurals region in the first half of the 2 century BC.

Первые, известные нам, упоминания о курганах в Среднем Поволжье в краеведческой и научной литературе относятся к концу XIX в. Курганы, расположенные в Яранском уезде Вятской губернии, описывает В.К. Магницкий [19]. В 70-80-е годы XIX в. были проведены первые раскопки курганного могильника у г. Ядрин, в Правобережье Средней Волги. В «Известиях общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете И.А. Износков писал, что курганы у г. Ядрин относятся к раннему периоду и, возможно, связаны с местной народностью [10. С. 132].

В работе С.М. Шпилевского систематизировались сведения о курганных могильниках на территории Казанской губернии [33. С. 529-530, 542, 544]. В ней давалось описание курганов в Козьмодемьянском, Царевококшайском, Цивильском и Ядринском уездах губернии. Позднее раскопками была установлена принадлежность большинства курганов к средневожской абашевской культуре.

В 1892 г. геолог П.И. Кротов обследовал р. Ярань, правый приток р. Вятка. Обнаруженные там курганы он связал с известными в этом районе древнефинскими городищами [18. С. 378-380, 388]. В конце 80-х годов XIX в. крупнейший русский археолог А.А. Спицын обследовал южные и юго-западные районы Вятской губернии. А.А. Спицын перечисляет курганные группы в Малмыжском, Уржумском и Яранском уездах Вятской губернии [28. С. 34-35]. В 1900 г. в «Известиях общества» появляется статья Н.А. Архангельского, в которой он описывает курганы в Ядринском уезде Казанской губернии [2. С. 213-225].

Первый этап изучения курганных могильников в лесной зоне Среднего Поволжья связан с их выявлением и описанием расположения, его можно ограничить разведками в Чувашской области в 1921 г., произведенными под руководством профессора Казанского университета В.Ф. Смолина. На распаханных курганах Абашевского могильника собрана коллекция керамики, которую В.Ф. Смолин отнес к эпохе бронзы – ранней поре железного века [24. Л. 12].

Второй этап в изучении абашевских могильников в Среднем Поволжье связан с началом раскопок Абашевского могильника в 1925 г. В.Ф. Смолин датирует Абашевский могильник II тыс. до н. э., отмечая, что культура Абашевского могильника формировалась под влиянием юга, а именно: Кавказа [26. С. 29-36]. В 1926 г. на территории Чувашской республики начинает работу Средне-волжская комплексная экспедиция Государственной академии истории материальной культуры. Отряд экспедиции, возглавленный В.Ф. Смолиным, обследовал нижнее течение р. Цивиль, где были обнаружены абашевские курганы у деревень Тохмеево и Пикшик. На крупнейшем абашевском курганном могильнике Среднего Поволжья – Тохмеевском – раскопан один курган [25. С. 24-27]. Второй отряд Средневолжской комплексной экспедиции под руководством П.П. Ефименко в 1926-1927 гг. обследовал большую группу абашевских курганных могильников в различных районах Чувашской республики. Значительные по масштабам раскопки были проведены на Алгашинском, Катергинском, Тауш-касинском и Тюрлемском могильниках (раскопано 20 курганов). П.П. Ефименко отнес раскопанные курганы к новой лесной культуре эпохи бронзы [9. С. 43-110].

В 1929-1930 гг. Е.И. Горюнова предпринимает попытку изучения курганных могильников в Волго-Вятском междуречье, на территории Марийской республики. Раскопки проводились на Малокугунурском и Сретенском могильниках. Было раскопано четыре кургана, но они оказались пустыми, и культурная принадлежность могильников в то время не была установлена [7. С. 285-289]. В 1945 г. были возобновлены раскопки абашевских могильников в Чувашии. О.А. Кривцова-Гракова продолжила изучение Абашевского могильника, где раскопала два кургана. Были отмечены некоторые новые черты погребального обряда, ранее не зафиксированные исследователями абашевской культуры. В одном из курганов, где было изучено пятнадцать погребений, О.А. Кривцова-Гракова отметила группы могил, которые определенное время существовали без насыпей и представляли собой грунтовый могильник. В качестве доказательства она приводит стратиграфические наблюдения [17. С. 98].

В 1947-1949 гг. исследования абашевских могильников были продолжены М.С. Акимовой. Ею были проведены раскопки на Таушкасинском и Катергинском могильниках Чувашии. Материалы этих памятников, как отмечает М.С. Акимова, находят прямые аналогии в Абашевском могильнике [1. С. 154-179].

В 1949 г. Н.Ф. Калинин в Правобережье Средней Волги исследовался Васюковский могильник: раскопано пять курганов и исследовано пять погребений. На основе стратиграфических наблюдений Н.Ф. Калинин, как и О.А. Кривцова-Гракова, приходит к выводу, что насыпи курганов и погребения разновременные и могилы какое-то время оставались без насыпей. Отмечается также новое явление в обряде – неоднократная подсыпка насыпи. В одном из курганов отмечен случай захоронения на погребенной почве. В могильнике зафиксировано также не типичное для абашевских племен Средней Волги скорченное положение погребенных на боку [12. С. 38]. В Среднем Поволжье отмечено еще только четыре случая положения погребенного «скорченно на боку» в Абашевском могильнике [26. С. 33]. В 1950 г. археологическая экспедиция Саратовского педагогического института под руководством П.Д. Степанова раскапывает один из двух абашевских курганов у д. Тиханкино в Чувашии.

Третий этап в изучении курганов абашевской культуры в Среднем Поволжье связан с работами археологической экспедиции Казанского филиала Академии наук СССР, Марийской археологической экспедиции и Чувашской археологической экспедиции. С 1956 по 1960 г. были проведены раскопки могильников, давшие основной материал для изучения абашевской культуры Среднего Поволжья. В 1956 г. Марийская археологическая экспедиция под ру-

ководством А.Х. Халикова изучила восемь из одиннадцати курганов Нартасского могильника в Волго-Вятском междуречье. В результате этих раскопок появились неоспоримые доказательства существования абашевских могильников в Левобережье Волги. В 1957 г. экспедиция продолжила работы в Волго-Вятском междуречье, где под руководством А.Х. Халикова и О.Н. Евтюховой были проведены раскопки на Вильяльском, Малокугунурском, Прокопьевском, Семейкинском, Сретенском, Тапшерском, Троицком и Туруновском могильниках. Всего за два года в Марийской республике на девяти могильниках было изучено тридцать девять курганов и установлена их близость абашевским могильникам Чувашии [30. С. 148-168; 8. С. 131-150]. В 1958 г. экспедиция исследовала Вилатовский II и Миняшкинский могильники в Правобережье Средней Волги [31. С. 158-187]. На крупнейшем абашевском могильнике Среднего Поволжья Вилатово II (39 курганов) было раскопано 12 курганов, давших материал по раннему периоду заселения абашевцами Среднего Поволжья.

В 1957-1958 гг. Н.Я. Мерпертом изучались абашевские могильники Чувашии: раскопаны два кургана Абашевского могильника, пять курганов у с. Большое Янгильдино. Основные работы были сосредоточены на могильнике Пикшик, где за два года было раскопано четырнадцать курганов. Раскопки Н.Я. Мерперта дали новые материалы по погребальному обряду: на могильнике Пикшик зафиксированы сложные деревянные сооружения, ограды, жертвенники, отмечена большая роль огня в обряде. Представления о погребальном обряде абашевцев значительно изменились [20. С. 143]. В 1958-1959 гг. В.Ф. Каховским раскопано шесть курганов Тохмеевского могильника [15. С. 40].

В 1960 г. А.Х. Халиковым изучался уникальный абашевский могильник – Пепкинский курган. Памятник дал богатый и уникальный материал средневолжской абашевской культуры [32]. Материалы коллективного погребения убитых воинов, в костяках которых найдены сейминские наконечники стрел, являются незаменимыми при постановке и решении проблем культурогенеза в Среднем Поволжье в эпоху бронзы. До сих пор многие исследователи обращаются к материалам Пепкинского кургана, по-новому анализируя и интерпретируя их. В 1960 г. А.Х. Халиков исследовал также абашевские могильники в Правобережье Средней Волги, в пределах Татарской республики. Раскопки проводились на могильниках Карашам, Победа II, Юлдуз. В могильнике Юлдуз в двух погребениях отмечены следы трупосожжения [11. С. 113]. Ранее этот обряд не фиксировался в абашевских могильниках Правобережья Среднего Поволжья.

В 60-70-е годы XX в. раскопки курганных могильников в лесной зоне Среднего Поволжья производились лишь эпизодически. Так, в 1962 г. А.П. Смирновым и В.Ф. Каховским был раскопан курган у д. Малые Собары. И по погребальному обряду, и по сосудам он был определен как абашевский [6. С. 45-49].

В 1962 г. Г.А. Архипов раскапывает Шукшиерский курган в Волго-Вятском междуречье, где изучает два погребения [3. С. 249-252]. В 1968 г. П.Д. Степанов изучает Староардатовский курган, где, как и в Пепкинском кургане, зафиксировано коллективное погребение с семью костяками [29. С. 76].

В 80-е годы XX в. изучение курганов в Среднем Поволжье продолжается Марийской и Чувашской археологическими экспедициями. Наиболее масштабно раскапываются курганы абашевской культуры в Чувашии Б.В. Каховским. В 1982 г. Б.С. Соловьев изучает один курган Малокугунурского могильника на территории Марийской республики [27. С. 87]. В 1982-1983 гг. В.Ф. Каховским и Б.В. Каховским раскапываются два кургана Станъялского могильника в Волго-Сурском междуречье. В 1984 г. Б.В. Каховским раскопано два кургана Алгашинского могильника [16. С. 18-21; 13. С. 4-13]. В 1986 г. Б.В. Каховский продолжает изучение Алгашинского могильника (раскопано девять курганов) и Таушкасин-

ского (три кургана). В одном из курганов Алгашинского могильника изучено коллективное погребение: пробитые черепа и наконечник стрелы сейминского типа в позвоночнике одного из костяков синхронизируют его с Пепкинским курганом. В 1987 г. Б.В. Каховским открыта новая абашевская курганная группа из 8 курганов у д. Новое Буяново в Чувашии. На одном из разрушающихся курганов собраны фрагменты абашевской керамики [14. С. 173].

С 1987 по 1990 г. раскопки абашевских курганов в Среднем Поволжье продолжила археологическая экспедиция Марийского республиканского краеведческого музея. В 1984 г. археологической экспедицией Марийского республиканского краеведческого музея открыты три новых абашевских могильника в Волго-Вятском междуречье: Упшинский, Пеленгерский I и II. В 1987 г. автором совместно с О.В. Кузьминой (Куйбышевский государственный педагогический институт) изучался Вилловатовский II могильник: раскопано три кургана и изучено тринадцать погребений [4. С. 81-113]. В 1988-1990 гг. автором исследовался Пеленгерский I могильник. Раскопано пятьдесят курганов и изучено семьдесят четыре погребения: зафиксирован ряд новых черт погребального обряда [5. С. 54-84].

В лесной полосе Среднего Поволжья абашевские могильники располагаются двумя компактными группами: в Волго-Сурском и Волго-Вятском междуречьях. К настоящему времени в Волго-Сурском междуречье исследовано 22 могильника, где раскопано 98 курганов и изучено 216 погребений, в Волго-Вятском междуречье раскопки проводились на 12 могильниках, общее число изученных курганов – 93 и погребений – 133. Таким образом, в лесной полосе Среднего Поволжья раскопками исследовано 34 курганных могильника. Всего на севере Средней Волги известно 47 абашевских могильников с 565 курганами. Могильники, на которых не проводились раскопки, сосредоточены в Волго-Вятском междуречье, и их абашевская принадлежность не вызывает сомнений. Считать их абашевскими дают основание и их топография, и внешние характеристики курганов: форма, размеры и высота, расположение относительно друг друга, наличие ровика. Кроме того, на этой территории не известны курганные могильники других культур.

Взгляд на абашевскую культуру не как на культуру локальную, существовавшую только в Среднем Поволжье, начал формироваться сразу после раскопок В.Ф. Смолиным Абашевского могильника. Уже в 30-40-е годы XX в. В.А. Городцов писал, что территория распространения абашевской культуры включает районы Поочья и Подонья [23. С. 67-68]. Позднее в 60-е годы XX в. это положение получило подтверждение в работах П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, А.Х. Халикова, Н.Я. Мерперта.

Разработка Н.Я. Мерпертом теоретического обоснования выделения культурно-исторических общностей в большой степени способствовала осмыслению абашевских древностей по-новому. Своеобразным итогом изучения абашевской проблематики к концу 70-х годов XX в. явилось создание А.Д. Пряхиным модели абашевской культурно-исторической общности [21, 22]. В абашевскую культурно-историческую общность (АКИО) были включены доно-волжская, средневолжская и южноуральская абашевские культуры. Абашевские памятники и памятники с абашевскими чертами выделяются и в прилегающих к этим культурам районах. Памятники, расположенные в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье, отнесены рядом исследователей к средневолжской абашевской культуре; памятники Украины – к доно-волжской, а памятники Зауралья – к южноуральской абашевской культуре. Каждая из региональных абашевских культур характеризуется как особенными, характерными только для нее признаками обряда и категориями инвентаря, так и общими признаками и категориями, объединяющими региональные культуры в единую культурно-историческую общность, существовавшую в первой половине II тыс. до н. э. Племена абашевской

культурно-исторической общности, вероятно, относятся к индоарийской группе индоевропейской языковой семьи. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые признаки погребального обряда: курганный насыпь, использование подстилки в могильной яме, большая роль огня в обряде и ряд других.

Литература

1. Акимов М.С. Курганный могильник около дер. Тауш-Касы в Чувашии (раскопки 1947-1948 гг.) // УЗ ЧувНИИ. Вып. IV. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1950. С. 154-179.
2. Архангельский Н.А. Археологические достопримечательности Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Т. XVI. Вып. 1. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1900. С. 213-225.
3. Архипов Г.А. Шукшиерский курган абашевской культуры // Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. С. 249-254.
4. Большой С.В., Кузьмина О.В. Новые исследования II Виловатовского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 81-113.
5. Большой С.В. Средневожжская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2003. 180 с.
6. Большой С.В., Каховский Б.В., Михайлов Е.П. Малособарский (Второтюрарский) курган абашевской культуры в Чувашии // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 45-49.
7. Горюнова Е.И. Сретенская и Кугунурская курганные группы // Советская археология. 1937. № 4. С. 285-288.
8. Евтюхова О.Н. Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое в Марийской АССР // Труды Марийского научно-исследовательского института. Вып. XIV. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1959. С. 131-150.
9. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. Материалы и исследования по археологии СССР. № 97. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 43-110.
10. Износков И.А. Заметки о городах, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и встречающихся в них находках // ИОАИЭ. Т. III. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1880. С. 73-134.
11. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 238 с.
12. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945-1952 гг. // Труды КФАН СССР. Серия ист. наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. С. 35-39.
13. Каховский Б.В. Исследования Чувашской археологической экспедиции в 1983-1984 гг. // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1985. С. 3-31.
14. Каховский Б.В. Раскопки курганов абашевской культуры в Чувашском Поволжье // АО 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 173.
15. Каховский В.Ф. Итоги работ IV (III) отряда Чувашской археологической экспедиции за 1958 и 1959 годы // Археологические работы В Чувашской АССР в 1958-1959 годах. УЗ ЧувНИИ. Вып. XXV. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1964. С. 29-72.
16. Каховский В.Ф. Исследования археологических памятников Чувашии в 1981 и 1982 годах // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1983. С. 3-25.
17. Кривцова-Гракова О.А. Абашевский могильник // КСИИМК. Вып. XVII. М.: Наука, 1947. С. 92-98.
18. Кротов П.И. Древние поселения Яранского уезда // ИОАИЭ. Т. X, вып. 4. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1892. С. 374-391.
19. Магницкий В.К. Курганы в Яранском уезде В.К. Магницкий // Казанские губернские ведомости. 1874. № 84.
20. Мерперт Н.Я. Абашевские курганы Северной Чувашии // Абашевская культура в Среднем Поволжье. Материалы и исследования по археологии СССР. № 97. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 111-156.
21. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. 167 с.
22. Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. С. 21-54.
23. Сафонов И.Е. Абашевская культура в оценке В.А. Городцова // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 66-69.
24. Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувобласти в 1921 г. Рукопись // Научный архив ЧГИГН. От. II. Ед. хр. 81, № 186.
25. Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г. // ИОАИЭ. Т. XXXIII, вып. 4. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1927. С. 15-32.
26. Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике (очерк археологических раскопок в 1925 г.). Чебоксары: Изд-во общ-ва изучения Чуваш. края, 1928. 56 с.
27. Соловьев Б.С. Раскопки Мало-Кугунурской курганной группы // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. 1984. Вып. 8. Йошкар-Ола. С. 84-90.
28. Сплицын А.А. Приуральский и край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованные средства. Вып. I. М., 1893. С. I-VIII+1-191.
29. Степанов П.Д. Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР 1967-1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. С. 70-81.
30. Халиков А.Х. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье // Советская археология. 1959. № 2. С. 148-168.

31. Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. Материалы и исследования по археологии СССР. № 97. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 157-241.

32. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. III. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 69 с.

33. Шпилевский С.М. Древние города и другие Булгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877. 585 с.

БОЛЬШОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат исторических наук, докторант кафедры региональной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (bostg@mail.ru).

BOLSHOV SERGEY VLADIMIROVICH – candidate of historical sciences, doctoral candidate of Regional History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 947.084

Е.А. БУРДИН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ЗАКЛЮЧЁННЫХ НА ОБЪЕКТАХ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ ПОВОЛЖЬЯ В 1930-1950-х ГОДАХ*

Ключевые слова: Большая Волга, Волголаг, ГУЛАГ, гидроузел, исправительно-трудовой лагерь.

Рассмотрена проблема применения рабочей силы осуждённых ГУЛАГа в процессе строительства гидроузлов Волжского каскада. Выявлены и проанализированы динамика численности спецконтингента, проблемы его трудового использования и степени эксплуатации. Установлено, что в этот период для обеспечения рабочей силой сооружения гидроузлов на Волге специально создавались исправительно-трудовые лагеря. Преимущество принудительного труда заключалось в мобильности и низких требованиях к жилищно-бытовым условиям. Численность заключённых зависела от масштаба строительных работ. Эффективность труда из-за низкой квалификации, материальной незаинтересованности и других причин была невысокой, однако их использование способствовало ускоренному решению многих производственных задач.

E.A. BURDIN

USING FORCED LABOR OF PRISONERS ON OBJECTS HYDROPOWER VOLGA REGION IN 1930-1950th

Key words: the Big Volga, Volgolag, GULAG, hydroknot, labor camp.

The problem of application of labor gulag prisoners in the construction of waterworks Volga cascade. Identified and analyzed the dynamics of the number of convicts, its labor utilization and the degree of exploitation. Found that in this period to provide manpower on the Volga hydroelectric facilities specially created forced labor camps. The advantage of forced labor was in the mobility and low requirements for housing and living conditions. The number of prisoners depended on the scale of construction works. The efficiency of labor due to low skills, material and other reasons, lack of interest was low, but their use contributed to the rapid solution of many industrial problems.

Мобилизационный характер советской экономической системы 1930-1950-х годов вызывал потребность в масштабном применении принудительного труда. Систематическое использование рабочей силы заключённых началось со строительства в 1931-1933 гг. Беломорско-Балтийского канала в Карело-Финской АССР, а также сооружения в 1930-1934 гг. промышленных предприятий, проведения лесозаготовок и других работ в Пермской области.

Одним из основных направлений экономической деятельности ГУЛАГа становится строительство гидротехнических и энергетических сооружений. В частности, в начале 1930-х годов начинается реализация схемы «Большая Волга», предусматривавшей создание мощных гидроузлов. Однако проблема использования трудовых ресурсов ГУЛАГа на объектах гидроэнергетики в Поволжье до сих пор оставалась неисследованной. В связи с этим мы поставили перед собой задачу выяснить масштабы, роль и место принудительного труда заключённых при строительстве гидроузлов на Волге, сконцентрировав внимание на изучении динамики численности осуждённых, трудовом использовании и эффективности их эксплуатации. Поставленную проблему мы рассмотрим в основном на примере Дмитровского, Волжского и Кунеевского ис-

* Статья выполнена за счет средств гранта РГНФ 11-11 73003 а/В.

правильно-трудовых лагерей, заключённые которых строили Иваньковский, Рыбинский, Угличский и Куйбышевский гидроузлы.

Подчеркнём, что успешный опыт работы подразделений ГУЛАГа в труднодоступной, малоосвоенной местности позволил высшей политической элите СССР сделать вывод о целесообразности распространения подобной практики и на другие крупные народнохозяйственные объекты, в том числе в центральных районах страны. Поэтому приказом ОГПУ № 889/с 14 сентября 1932 г. был организован Дмитровский ИТЛ, главной задачей которого являлось возведение канала «Москва – Волга» [10. С. 214]. Это строительство стало началом практического воплощения схемы «Большая Волга», поскольку включало в себя сооружение Иваньковского гидроузла – первой ступени Волжского каскада.

Дмитровский ИТЛ функционировал более 5 лет и был закрыт 31.01.1938 г. [10. С. 214]. Анализируя динамику среднегодовой численности спецконтингента, представленную в табл. 1, отметим присутствовавшую в 1933-1935 гг. тенденцию к её увеличению. В 1936 г. общее количество заключённых начало неуклонно снижаться. Их максимальная численность была зафиксирована 01.01.1935 г. – 192 229, минимальная – 01.01.1938 г. – 16 068 человек [10. С. 214]. В результате сравнения объёма произведённых строительных работ и количества осуждённых выяснилось, что между ними существовала прямая зависимость. Как правило, наименьшая наполняемость ИТЛ наблюдалась в подготовительный и завершающий периоды возведения гидротехнических сооружений, а максимальная – в основной.

Таблица 1

Общее среднегодовое количество заключённых Дмитровского ИТЛ в 1933-1937 гг., тыс.*

1933	1934	1935	1936	1937
51502	156319	188792	177215	99742

* Табл. 1 составлена по [7; 10. С. 214].

На всём протяжении своего существования Дмитровский ИТЛ, подразделения которого располагались в основном в Московской области, являлся крупнейшим исправительно-трудовым лагерем ГУЛАГа. В 1934-1937 гг. он был самым большим по общей численности спецконтингента, значительно превосходя по этому показателю Бамлаг и Белбалтлаг. По авторским подсчётам, в 1933 г. среднегодовое количество заключённых в Дмитровском ИТЛ составляло 11,3% от среднегодовой численности осуждённых во всех ИТЛ СССР, в 1934 г. – 25,2%, 1935 г. – 23,8%, 1936 г. – 21,2%, 1937 г. – 10%. Приведённые цифры говорят не только об огромном размахе гидростроительства на данной территории, но и о колоссальных возможностях ГУЛАГа в плане мобилизации и концентрации значительного количества необходимой для этого рабочей силы.

Сохранившиеся источники позволили нам установить показатели трудового использования спецконтингента Дмитровского ИТЛ только на завершающем этапе его функционирования. На производстве в декабре 1937 г. и январе 1938 г. работало соответственно 83% и 82,3% заключённых. Показательно, что в это же время аналогичные средние показатели по всем ИТЛ НКВД составляли 64,4% и 62,5% [5. Д. 1139. Л. 1]. Эффективность применения принудительного труда в Дмитровском ИТЛ за указанный период существенно превышала среднюю по СССР.

После детального изучения доступных нам документов удалось проследить некоторые аспекты организации труда осуждённых, а также его стимулирования и принуждения. Первичной формой административной и трудовой организации заключённых с 15.02.1934 г. стали строительные отряды, утверждённые специальным положением [11. С. 66]. В каждый отряд входило от 300 до 600 человек, которые делились на бригады из 25-30 человек.

Как известно, одной из острейших проблем ГУЛАГа была проблема стимулирования производительности труда и качества работы спецконтингента. Анализ документов показал, что в практике Дмитровского ИТЛ применялись такие методы поощрения заключённых-ударников, как зачёты рабочих дней (досрочное освобождение), выплата премиального вознаграждения, свидание с семьей или родственниками, улучшенное питание, удобное жильё и т.д.

Перечисленные выше методы стимулирования труда осуждённых сочетались с мерами принуждения и наказания за отказ от выхода на работу и нарушения режима и условий содержания. Наиболее жёсткими из них были перевод в штрафной изолятор (ШИЗО) сроком на 1 год и привлечение к уголовной ответственности, вплоть до расстрела.

Продолжением начавшейся реализации схемы «Большая Волга» в конце завершения сооружения Иваньковского гидроузла в составе канала «Москва – Волга» стало крупномасштабное строительство Рыбинского и Угличского гидроузлов на Верхней Волге. Для производства грандиозных работ по их возведению приказом НКВД СССР № 0156 от 07.12.1935 г. был создан Волжский ИТЛ (Волголаг) [3. Д. 7. Л. 97]. Отметим, что этот лагерь несколько раз реорганизовывался и переименовывался. Например, на базе 4 отделений Волжского ИТЛ 24.02.1942 г. был образован Рыбинский ИТЛ для спецконтингента пониженной трудоспособности, т.е. больных и инвалидов [10. С. 369]. Затем, после упразднения этого лагеря 26.02.1944 г., до 29.04.1946 г. функционировал ИТЛ Волгостроя, выделенный в Волжский ИТЛ МВД СССР, закрытый 29.04.1953 г. [10. С. 191, 234, 368].

Так как указанные лагеря дислоцировались в одном и том же месте и обслуживали работы Волгостроя, их, по нашему мнению, условно можно называть одним термином – «Волжский ИТЛ». В этом случае он был самым долговечным из всех гидротехнических лагерей, поскольку просуществовал более 17 лет – с 7 декабря 1935 г. по 29 апреля 1953 г. Естественно, специфика производственной деятельности за этот срок значительно трансформировалась. Если в период с 1935 по 1941 г. основной упор делался на форсирование сооружения основных объектов Рыбинского и Угличского гидроузлов, то в годы войны акцент сместился на производство спецукупорки и корпусов для мин, а также заготовку и поставку дров и древесины для НКВД и пр. [10. С. 369]. Начиная с 1946 г. заключённые Волжского ИТЛ занимались преимущественно достройкой Верхневолжских гидроузлов. Поскольку основные объёмы работ по их возведению были проделаны в 1935-1941 гг., нас больше всего интересовал именно этот временной отрезок.

Рассматривая динамику общей среднегодовой численности осуждённых, представленную в табл. 2, отметим, что в 1936-1938 гг. наблюдалась тенденция к её увеличению. В 1939-1940 гг. общее количество заключённых несколько уменьшилось, но уже в 1941 г. оно существенно повысилось. В 1942 г. их численность резко снизилась и продолжала падать до 1947 г. С 1948 г. наметилась стойкая тенденция к её уменьшению, сохранявшаяся вплоть до закрытия ИТЛ. Максимальное количество спецконтингента было зафиксировано 15 марта 1941 г. – 97069 человек, минимальное – 1 апреля 1953 г. – 14 117 человек [4. Д. 371. Л. 20; Д. 500. Л. 36 об.].

Таблица 2

Общее среднегодовое количество заключённых Волжского ИТЛ в 1936-1953 гг., тыс.*

1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
33276	56884	76312	67092	65824	81521	40089	24387	22798
1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
17313	16979	19737	18278	18415	18400	17109	15632	14597

* Табл. 2 составлена по [4. Д. 364, 371, 379, 390, 406, 424, 435, 457, 472, 479, 495, 500; 5. Д. 1140, 1155].

Во время производства основных работ по строительству гидроузлов в 1935-1941 гг. Волжский ИТЛ, подразделения которого располагались в основном в Ярославской области, являлся одним из крупнейших исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. Например, в начале 1939 г. по общей численности заключённых он занимал четвёртое место (из 42 ИТЛ), уступая только Бамлагу, Севвостлагу и Белбалтлагу. По авторским подсчётам, в 1937-1938 г. среднегодовое количество осуждённых в Волжском ИТЛ составляло 5,8% от среднегодовой численности спецконтингента во всех ИТЛ НКВД СССР, в 1939 г. – 5%, 1940 г. – 4,7%, 1941 г. – 5,2%. Эти показатели значительно уступают показателям Дмитлага 1933-1937 гг., но и они служат ярким свидетельством крупномасштабной хозяйственной деятельности ГУЛАГа в сфере гидротехнического строительства, которое обеспечивалось рабочей силой в первую очередь.

Архивные источники позволили нам выявить показатели трудового использования спецконтингента Волжского ИТЛ на протяжении 1936-1947 гг., кроме 1937 г. (см. табл. 3). В основном нас интересовали показатели группы «А» (в неё входили работавшие на производстве заключённые). Удалось установить, что в 1936-1941 гг. в процентном выражении она варьировалась от 75,8% (1941 г.) до 79,9% (1940 г.), составив в среднем 78,1%, т.е. несколько выше, чем по ГУЛАГу в целом (70-75%). Но и эти показатели были меньше установленных по плану – в среднем около 85%. Особенно низкими были показатели трудового использования осуждённых в 1942-1944 гг. – в среднем 54,4%, что было связано с ухудшением их трудоспособности. Однако в 1945 г. наблюдалась тенденция роста группы «А», которая в среднем за 1945-1947 гг. составила 69,6%. Подчеркнём, что эти данные не являются стопроцентно достоверными в силу неполноты источников, приписок и расхождения в оценках некоторых количественных показателей.

Таблица 3

**Динамика трудового использования заключённых Волжского ИТЛ в 1936-1947 гг.,
% к среднегодовому составу***

Годы	Группа «А»	Группа «Б»	Группа «В»	Группа «Г»
1936	79,2	11,4	9,4	0
1938	78	9,5	6,7	5,8
1939	77,5	9,1	8	5,4
1940	79,9	6	14,1	
1941	75,8	6	18,2	
1942	47,7	7,5	44,8	
1943	58,1	8,4	31,8	1,7
1944	57,4	8,7	27,3	1,6
1945	68,1	7,2	24,7	
1946	67,7	6,1	26,2	
1947	73,1	6,8	20,1	

* Табл. 3 составлена по [4. Д. 852. Л. 24; 5. Д. 72. Л. 4, 7; Д. 1140. Л. 81, 98, 117, 158, 203; Д. 1155. Л. 13, 16].

Приоритетный характер строительства Рыбинского и Угличского гидроузлов, особенно в 1936-1941 гг., в большой степени способствовал тому, что Волжский ИТЛ получал рабочую силу в основном в соответствии со своими потребностями. Однако даже здесь обеспеченность необходимыми кадрами не всегда достигала 100%. Например, в 1939 г. этот показатель составил в среднем 93,5% [6. Д. 19. Л. 18]. В течение I, II и III кварталов 1940 г. происходило значительное уменьшение численности спецконтингента «...за счёт освобождения без восполнения извне», что привело к обеспечению Волгостроя рабочей силой на только на 83% [6. Д. 38. Л. 36-37]. Именно нехваткой заключённых администрация ИТЛ часто объясняла невыполнение производствен-

ных планов. Тем не менее наличие рабочей силы не всегда гарантировало их реализацию. Так, в 1939 г. Угличский гидроузел был обеспечен ею на 95,5%, но выполнил план основных работ всего лишь на 66% [6. Д. 16. Л. 151].

В результате изучения источниковой базы выяснилось, что одной из главных причин срывов плановых заданий была плохая организация труда осуждённых. В этом отношении показательным является выступление представителя руководства ИТЛ Цыплакова на III партийной конференции Волгостроя в феврале 1939 г.: «В системе ГУЛАГа есть организация, называемая гидротехническим отделом. Это совершенно беспомощная организация, как по количественному составу, так и по квалификации большинства людей, которые там работают. Никакой технической помощи, никакого технического руководства от этой организации никто не имеет и мало того, что вопросы, которые мы ставим... не разрешаются там месяцами. Гидротехническое строительство ведётся вообще без каких-либо технических условий, утверждённых законодательным порядком...» [6. Д. 14. Л. 74].

Анализ документов показал, что управленцы всех уровней на строительных площадках не интересовались лагерными вопросами, а сотрудники ИТЛ не проявляли должного интереса к вопросам производственной деятельности и использования заключённых. Сложившееся положение дел на Волгострое характерно для других ИТЛ. Отсутствие взаимодействия между администрацией ИТЛ и производственных участков и районов приводило к нерациональному использованию принудительного труда и в конечном счёте к провалу планов.

Практически на протяжении всего периода 1936-1941 гг. обычной практикой было невыполнение норм выработки, а также низкая производительность труда осуждённых. Так, в 1938 г. нормы по земляным и бетонным работам реализовывались соответственно на 87,8% и 67,9% [6. Д. 14. Л. 20]. За 11 месяцев 1939 г. средние нормы выработки почти по всем основным работам были выполнены лишь в размере от 21,4% до 64,9%, а превышены только по 3 показателям из 20 [6. Д. 19. Л. 25]. Несколько улучшилось положение в 1940 г. Реализация норм в среднем составила около 102%, а в денежном выражении средняя выработка на человеко-день по строительно-монтажным работам равнялась в целом по Волгострою 30 руб. 18 коп., или 81,5% от плана (в 1939 г. – 73,2%) [6. Д. 38. Л. 43; Д. 19. Л. 25].

О нерациональном производственном использовании заключённых свидетельствовали значительные простои. За 1938 г. общее количество простоев по Волгострою составило 914 449 трудодней, выразившиеся в 6,4 млн руб. убытков (один день официально стоил 7 руб.) [6. Д. 14. Л. 20]. Несмотря на постоянно декларируемые руководством строительства меры о необходимости борьбы за рациональную организацию труда, количество простоев не снижалось. Так, только за январь 1939 г. было зафиксировано 151 485 человеко-дней простоев, а в первой половине февраля – 42 000 [6. Д. 14. Л. 20-21]. Анализ источников показал, что основными причинами простоев были необеспеченность фронта работ, отсутствие дисциплины и плохие погодные условия.

Весьма существенным фактором снижения эффективности трудового использования осуждённых были отказы от работ. Показательно, что причиной этого явления было не столько нежелание работать отрицательно настроенной части спецконтингента, придерживающейся воровских норм поведения, сколько сопротивление произволу администрации ИТЛ, которая далеко не всегда предпринимала меры по обеспечению должного вещевого, продовольственного и медицинского обеспечения заключённых. Например, на строительстве Угличского гидроузла основной причиной невыполнения плана в осенне-зимний период 1939 г. стал невыход на работу осуждённых, обу-

словленный отсутствием одежды и обуви. Начальник работ Зильберштейн оправдывалась: «...работы на сооружениях не ведутся потому, что не выводится от 600 до 1000 человек, а те, которые выводятся – они прячутся по разным местам. Поэтому одеть лагерь необходимо, что возможно было проводить работы зимой, как и летом» [6. Д. 16. Л. 78]. По авторским подсчётам, обеспеченность осуждённых вещевым довольствием в 1939 г. равнялась в среднем 54%, в 1-м полугодии 1941 г. – 75,2%.

Сохранившиеся архивные документы содержат только косвенные упоминания о стимулировании осуждённых, работавших на Волгострое, в частности, о денежных выплатах за перевыполнение норм выработки. Вместе с тем известно, что в 1937-1938 гг. сфера действия зачётов рабочих дней и премиальных вознаграждений была существенно ограничена, а в 1939 г. зачёты запретили [1. С. 225]. Основными стимулами после этого стали улучшенное снабжение и питание, денежное премирование и облегчённый режим содержания для осуждённых, показывавших высокие показатели производительности труда.

Из существовавших в законодательстве мер взыскания в источниках упоминается применение в Волжском ИТЛ следующих: помещение в ШИЗО и привлечение к уголовной ответственности.

Основной вклад в строительство Куйбышевского гидроузла внесли осуждённые Кунеевского ИТЛ. Он был организован 6 октября 1949 г., а местом расположения его управления стал г. Ставрополь (ныне Тольятти) Куйбышевской области [10. С. 308]. Существовал Кунеевский ИТЛ 8,5 лет (с 06.10.1949 г. по 12.03.1958 г.).

Как и в других гидротехнических ИТЛ, здесь численность заключённых была различной и зависела от масштаба строительных работ. Анализируя представленные в табл. 4 сведения, отметим, что резкое нарастание среднегодового количества спецконтингента происходило с 1949 по 1953 г., достигнув пика в 1954 г. Тенденция к его снижению наметилась только после окончания сооружения главных объектов гидроузла в 1954-1955 гг., сохранившись до 1957 г. Минимальная численность осуждённых была зафиксирована 1 декабря 1949 г. – 1253 человека, максимальная 1 января 1954 г. – 46507 человек [10. С. 308].

Таблица 4

Общее среднегодовое количество заключённых Кунеевского ИТЛ в 1949-1957 гг., тыс.*

1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
1290	8689	18503	33908	38984	41325	35759	29529	16586

* Табл. 4 составлена по [2. Д. 2. Л. 5, 26, 49, 101, 138; Д. 4. Л. 5, 10, 19, 25, 30, 102, 208, 223, 230, 246; Д. 6. Л. 2; 5. Д. 457. Л. 204; Д. 495. Л. 38, 49, 81; Д. 1413. Л. 12, 18; Д. 1418. Л. 13, 29; 10. С. 308; 8].

По авторским подсчётам, общее среднегодовое количество осуждённых Кунеевского ИТЛ за 1949-1957 гг. составляло в среднем 2,2% от аналогичного показателя по всем ИТЛ ГУЛАГа за этот же период. В 1954 г., когда в исправительно-трудовом лагере была наибольшая численность спецконтингента, этот показатель равнялся 4,7%. Не вызывает сомнения тот факт, что Кунеевский ИТЛ был одним из крупнейших лагерей европейской части СССР. Так, по данным на 01.07.1955 г., по фактическому наличию заключённых он занимал третье место (36614 тыс. человек, или 15,2%) среди 9 контрагентских лагерей, уступая лишь Севвостлагу и Воркутлагу [5. Д. 1413. Л. 12].

В процессе изучения доступных архивных материалов нам удалось установить показатели трудового использования спецконтингента Кунеевского ИТЛ в 1950-1951 гг. и 1953-1954 гг., т.е. за 4 года из 8 лет функционирования лагеря (см. табл. 5). В эти годы показатели группы «А» колебались от 80,2% в 1953 г. до 85,2% в 1954 г., составив в среднем 82,9% (план – 85,5%), несколько

превысив аналогичный показатель Волжского ИТЛ в 1936-1941 гг. – 78,1%. По нашему мнению, в среднем трудовое использование заключённых Кунеевского ИТЛ превышало таковое по лагерям ГУЛАГа. Например, по авторским подсчётам, основанных на отчётных сведениях за несколько месяцев 1955-1956 гг., Кунеевлаг постоянно лидировал среди контрагентских ИТЛ по количеству группы «А» – 85-86%, в то время как общий средний показатель не превышал 77%.

Таблица 5

**Динамика трудового использования заключённых Кунеевского ИТЛ в 1950-1954 гг.,
% к среднегодовому составу***

Годы	Группа «А» факт/план	Группа «Б» факт/план	Группа «В» факт/план	Группа «Г» факт/план
1950	85/95		15/5	
1951 (11 мес.)	81,15/82	10,25/10	4,8/5,6	3,8/2,4
1953	80,2/81,4	8,5/8,8	2,9/5	8,4/4,8
1954	85,2/83,8	7,9/8,4	3,1/4,2 (9 мес.)	3,25/2,7 (9 мес.)

* Табл. 5 составлена по [2. Д. 4. Л. 10; 5. Д. 495. Л. 84; 8; 9; 12].

В результате изучения делопроизводственной документации выяснилось, что начиная с 1950 г. значительно расширилась сфера применения стимулов для заключённых Кунеевского ИТЛ. В частности, активно использовались зачёты рабочих дней, была введена заработная плата, увеличены премии и т.д. Как и раньше, основными мерами наказания являлись помещение в ШИЗО, привлечение к уголовной ответственности и др.

Кроме вышеуказанных ИТЛ функционировали Самарский (1937-1941 гг.) и Ахтубинский (1950-1953 гг.) ИТЛ и Городецкая ИТК (колония) (1948-1953 гг.), снабжавшие рабочей силой соответственно Куйбышевский гидроузел (довольные подготовительные работы), Сталинградский и Горьковский гидроузлы.

Таким образом, для обеспечения рабочей силой строительства мощных гидроузлов Волжского каскада в 1930-1950-х годах специально организовывались исправительно-трудовые учреждения, преимущественно в виде лагерей. О решающем вкладе заключённых ГУЛАГа свидетельствует тот факт, что они использовались при сооружении 6 из 8 ГЭС на Волге. В целом показатели трудового использования спецконтингента гидротехнических ИТЛ превышали средние по ГУЛАГу. По общей среднегодовой численности осуждённых они были одними из самых крупных в европейской части СССР.

Основными недостатками в плане организации производства и применения рабочей силы спецконтингента гидротехнических лагерей были: 1) поспешный и случайный отбор и распределение прибывших специалистов и квалифицированных рабочих, что приводило к их использованию на общих работах; 2) слабая борьба за максимальный вывод заключённых на работу; 3) частая переброска рабочей силы с одного участка на другой; 4) неправильная расстановка людей на производстве по их трудоспособности; 5) отсутствие взаимодействия между администрациями ИТЛ и производственных участков и районов; 6) в ряде случаев отсутствие контроля, некомпетентность со стороны руководства всех уровней; 7) неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, медицинское обслуживание и т.д.; 8) плохое материально-техническое снабжение. В результате неправильной организации работы и нерационального использования рабочей силы срывались производственные планы, нередкими были простои и отказы от работ.

С целью повышения производительности труда осуждённых на строительстве гидроузлов применялась система стимулирования, наиболее эффективными мерами которой были зачёты рабочих дней, премиальные вознаграждения.

граждения и заработная плата. Однако в 1939-1949 гг. вместо них использовались в основном улучшенное снабжение и питание, а также облегченный режим содержания. Наиболее жесткими мерами взыскания являлись перевод в ШИЗО и привлечение к уголовной ответственности.

Преимущество принудительного труда состояло в мобильности и низких требованиях заключенных к жилищно-бытовым условиям. Их численность зависела от масштаба строительных работ. В целом экономическая эффективность принудительного труда была, по меньшей мере, невысокой. Тем не менее использование заключенных способствовало ускоренному решению многих производственных задач в процессе сооружения гидроузлов Волжского каскада.

Литература

1. Бородин Л.И., Эртц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага // ГУЛАГ: экономика принудительного труда / под ред. Л.И. Бородина, П. Грегори, О.В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2005. 320 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 7.
3. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 а.
4. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1.
5. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 4.
6. ГАРФ. Ф. Р-8359. Оп. 1.
7. Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 121.
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 7717. Оп. 1. Д. 10. Л. 214.
9. СОГАСПИ. Ф. 7717. Оп. 5. Д. 1. Л. 9
10. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского; общество «Мемориал»; ГАРФ. М.: Звенья, 1998. 600 с.
11. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953 / ред. А.Н. Яковлев; сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков; Междунар. фонд «Демократия». М.: Материк, 2005. 568 с.
12. Управление по делам архивов мэрии городского округа Тольятти. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 241. Л. 35.

БУРДИН ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры музееведения, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (burdin_e@mail.ru).

BURDIN EVGENIY ANATOLIEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor of Museology Chair, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk.

УДК 340

А.Г. ГАЛКИН

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ И ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В УСЛОВИЯХ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1864-1914 гг.)

Ключевые слова: судебная реформа, история российской прокуратуры, окружной суд.

Исследована проблема взаимодействия в пореформенный период органов прокуратуры с полицейскими структурами и присяжными поверенными в сложных условиях Кубанской области.

A.G. GALKIN

HISTORICAL EXPERIENCE OF REFORM AND PROSECUTION OF THE INSTITUTE BARRISTERS IN KUBAN REGION (1864-1914)

Key words: judicial reform, the history of Russian prosecutors, the district court.

We study the problem of interaction in the reform period of the prosecution with the police authorities and a lawyer in the difficult conditions of the Kuban region.

Реализация судебной реформы 1864 г. на территории Кубанской области, среди прочего, повлекла за собой значительные изменения в статусе органов прокурорского надзора, в новых условиях сосредоточившихся в основном на деятельности в рамках предварительного следствия и в суде.

Кардинальный характер указанных изменений в статусе прокуратуры обусловил стремление местных властных структур (сначала Наместничества на Кавказе; затем – Главного управления гражданской частью на Кавказе,

Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска) определить место прокурорского надзора в созданной системе судебных установлений и принципы его взаимоотношений с другими звеньями единой судебной системы региона.

Как показывают документы, на практике более всего возникало вопросов о порядке взаимоотношений органов прокурорского надзора с полицейскими управлениями и чинами полиции. С одной стороны, именно от действий полиции на первоначальном этапе расследования уголовных дел в большинстве случаев зависел успех в раскрытии преступлений. С другой стороны, в определении принципов взаимоотношений прокуратуры и полиции в регионе важное значение имело особое административно-территориальное устройство Кубанской области, связанное с доминирующим положением здесь казачества. При этом сами обязанности полиции были возложены на атаманов отделов, станиц, хуторов. В данной связи войсковые Наказные Атаманы Кавказских казачьих войск и войска Донского изначально поставили перед Главным Управлением казачьих войск и министерством юстиции вопрос о том, может ли установленный в ст. 1343 и 1345 т. II ч. I Общего Губернского Управления порядок сношений прокуратуры с полицейскими управлениями и чинами полиции применяться к отношениям прокурорского надзора с атаманами отделов, на которых, хотя и были возложены по гражданскому управлению обязанности полиции, вместе с тем по военному ведомству атаманы отделов и окружные атаманы пользовались по закону правами бригадных командиров.

Рассмотрев поставленный вопрос, министр юстиции пришел к выводу о том, что в силу ст. 172 Учреждения управления Кавказского края (по прод. 1889 г.) и Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета об устройстве гражданского и военного управления области войска Донского сношения лиц прокурорского надзора с атаманами отделов, окружными атаманами и их управлениями должны были по формальному указанию закона происходить в форме предложений. Вместе с тем, принимая во внимание исключительное положение областей казачьих войск, министр юстиции дал поручения прокурорам Тифлисской и Харьковской судебных палат разъяснить подведомственным им чинам прокурорского надзора, что взаимные сношения их с полицейскими чинами и учреждениями Кавказских казачьих войск должны были происходить в форме сообщений [1].

Однако, как показало время, разъяснения министра юстиции оказалось недостаточно, поскольку в нем не был установлен порядок взаимоотношений в форме «сообщений». В данной связи органы прокуратуры нередко требовали от атаманов отделов отчетности в форме «донесений». Так, прокурор Тифлисской Судебной палаты в письме начальнику Кубанской области Я.Д. Маламе от 29 января 1894 г. напоминал, что право разъяснения полицейским чинам порядка производства дознания по уголовным делам принадлежит не непосредственному начальству этих чинов, а лицам прокурорского надзора. Причем общие или циркулярные разъяснения по отдельным делам зависят от прокуроров окружных судов и их товарищей. Деятельность же служебного начальства полиции в отношении к следственной части ограничивается наблюдением за точным исполнением полицией поручений, возлагаемых на нее судебными властями [2].

Формально прокуроры окружных судов были вправе требовать исполнения поручений по производству дознания и следствия по уголовным делам только от станичных, аульных и хуторских атаманов, волостных, сельских, аульных старшин и полицейских чинов. Поскольку в казачьих войсках станичные (хуторские) атаманы были обязаны производить предварительные дознания, принимать полицейские меры для обнаружения и задержания виновных, охранять

следы преступления до прибытия судебного следователя и т.д., право предъявления им со стороны прокурорского надзора требований личного исполнения, само собой, устанавливалось их подчиненностью по следственной части прокурорам. Однако такого права не было предоставлено прокурорам по отношению к начальникам полиции. И если правила ст. 485 Устава уголовного судопроизводства (УУС) не могли быть применены к исправникам, то тем более нельзя было допустить, чтобы прокуроры пользовались указанными в этой главе УУС правом в отношении атаманов отделов, которые хотя и несли обязанности исправника, вместе с тем пользовались правами бригадного командира и могли быть в чине генерал-майора (т.е. классом выше прокурора).

В итоге циркулярными предписаниями министерства юстиции от 22 июня 1872 г. и от 31 января 1881 г. № 2735 Прокурорам Судебных палат было вменено в обязанность преподавать чинам полиции общие разъяснения порядка производства по уголовным делам дознания и следственных действий. Во исполнение приведенного распоряжения министерства юстиции прокурором Тифлисской судебной палаты тайным советником Андреевым была издана в 1886 г. Инструкция чинам полиции округа Тифлисской судебной палаты, циркулярно разосланная в полицейские установления, в том числе и Кубанской области. Эта инструкция действовала в неизменном виде до 1894 г., когда прокурор Тифлисской судебной палаты приступил к ее пересмотру и просил начальника Кубанской области сообщить ему о том, какие разъяснения необходимо было бы включить в новую редакцию инструкции. В данной связи начальник Кубанской области в своем письме от 3 марта 1894 г. высказал мнение о том, что в новую редакцию инструкции необходимо включить следующие положения: во-первых, чтобы прокурор окружного суда и его товарищи как можно чаще разъясняли станичным и хуторским атаманам в форме циркуляров либо даже в словесной форме, как они должны поступать в том или другом случае, чтобы успешно выполнять даваемые судебной властью поручения; во-вторых, необходимо было как можно более четко разграничивать обязанности полиции и судебных следователей во избежание недоразумений, возникающих на практике [3].

Однако позиция прокуратуры, стремившейся осуществлять общий контроль за состоянием законности, встречала и определенное непонимание казачьей верхушки. В частности, атаманы отделов Кубанской области неоднократно обращались в данной связи за необходимыми разъяснениями положений действующего законодательства к вышестоящему начальству. Так, атаман Таманского отдела в своем рапорте на имя начальника Кубанской области от 23 мая 1912 г. просил в дополнение к приказу по Кубанской области от 20 апреля 1912 г. № 175 и отзыву Главного Управления казачьих войск от 28 июля 1893 г. № 1131 уведомить Прокурора Екатеринодарского окружного суда о необходимости точного соблюдения порядка сношений [4].

В итоге в области в общих чертах сложились практика, в соответствие с которой отношения прокуратуры с полицией по следственной части строились в форме донесений только с теми чинами, которые были непосредственно подчинены прокурору Екатеринодарского окружного суда и его товарищам, а именно: станичными и хуторскими атаманами, волостными, сельскими, аульными старшинами и полицейскими чинами. Начиная с атаманов отделов, отношения должны были строиться в форме сообщений. Тем не менее настойчивое стремление высших административных чиновников Кубанской области, и, прежде всего, самих начальников области, к возможно более тесному и плодотворному сотрудничеству с новыми судебными установлениями по вопросам полномочий органов прокурорского надзора, несомненно, позволило последним сосредоточиться на непосредственном выполнении своих обязанностей.

Бесспорный интерес представляют также взаимоотношения прокурора и его товарищей окружного суда и органов военно-прокурорского надзора. Особенно актуальным данный вопрос является потому, что для производства дознания и следствия по государственным преступлениям был предусмотрен особый порядок, регулируемый положениями ст. 1030-1061 УУС. Редакция раздела II книги III Устава уголовного судопроизводства (ст. 1030-1061) о судопроизводстве по государственным преступлениям была изменена Указом Императора от 7 июня 1872 г., т.е. практически сразу после введения в действие судебных уставов Александра II на территории Кубанской области.

Первоначальное дознание о государственных преступлениях производилось порядком, определенным в ст. 20-29 Высочайше утвержденных 19 мая 1871 г. «Правил о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений» [12]. В случае же отсутствия чинов этого корпуса первоначальные меры, не терпящие отлагательства, в том числе обыск в помещении подозреваемого лица с опечатанием его бумаг, производились полицией [5]. Ввиду того, что в Кубанской области на тот момент не было чинов жандармского корпуса, на которых, собственно, и возлагалась обязанность производства дознания по государственным преступлениям, ответственность за исполнение полицией правил при производстве дознания по государственным преступлениям была возложена циркулярами Министерства внутренних дел от 4 сентября 1875 г. № 95 и 1 ноября 1876 г. № 56 на прокурора Екатеринодарского окружного суда [6].

Специфика преступного мира региона состояла в том, что наибольшее развитие здесь получили такие виды преступлений, как грабежи и разбои, чаще всего возникавшие в среде горского населения. В дальнейшем работа окружных судов была осложнена крайне неспокойной криминогенной обстановкой в период первой русской революции 1905-1907 гг., во время которой резко возросли преступления против порядка управления. Развитие судебной системы в этот период претерпело немалые изменения, связанные с передачей дел о государственных преступлениях в ведение военного суда. В связи с этим резко изменялись принципы взаимоотношений прокурора и его товарищей с военно-прокурорским надзором. Как правило, все, что касалось дел о государственных преступлениях, в том числе и участия в них прокурорского надзора, регулировалось секретными актами.

Что касается взаимодействия прокурорских чинов с лицами военно-прокурорского надзора, для регулирования этого вопроса был издан секретный циркуляр Департамента полиции МВД от 28 июня 1907 г. [7]. В случае объявления местности на особом положении чрезвычайные полномочия получали генерал-губернаторы. Эти должностные лица наделялись властью главнокомандующих на своих территориях. Именно генерал-губернатор или губернатор на основании положения о чрезвычайной охране мог признать необходимым после получения донесения полиции передать дело на рассмотрение военно-окружного суда и, в случае такой необходимости, немедленно отдавал по этому предмету соответствующие распоряжения, лишь уведомляя об этом прокурора местного окружного суда. Как показывает анализ практики, сложнее дело обстояло с уголовными делами о лицах гражданского ведомства. Такие дела могли быть изъяты из общего порядка подсудности и переданы на рассмотрение военного суда лишь до утверждения обвинительного акта судебной палатой, так как именно этим моментом определялся окончательный переход дела из ведения прокурорского надзора, к которому только и могли быть обращены требования административных властей по передаче им расследований по уголовным делам для решения вопроса об обращении таковых к военной подсудности.

Высочайшим указом от 1 июля 1907 г. № 346 была изменена редакция ст. 1349, 1376, 1378, 1379, 1380-1382, 1388, 1393, 1399 Военно-Судебного Устава. Согласно этому документу после получения материалов следствия военный прокурор обязан был препроводить военному начальнику свое заключение не более чем через сутки. Военный начальник, в свою очередь, после получения заключения военно-прокурорского надзора обязан был дать делу дальнейшее направление в тот же день, а при согласии на предание суду – немедленно сделать распоряжение о доставлении обвиняемого в суд. После того как дело возвращалось военному прокурору от военного начальника, обвинительный акт передавался суду в тот же день. Суд же рассматривал дело в распорядительном заседании не позднее следующего дня после поступления его с обвинительным актом. Участь самого обвиняемого, как правило, была незавидной, поскольку документы, указанные в ст. 727 и 760 Военно-Судебного Устава, вручали ему только в день распорядительного заседания суда. Кроме того, прокурорам судебных палат в интересах достижения полноты и правильности проводимых чинами полиции дознаний по преступлениям, указанным в пп. 2 и 3 Секретного циркуляра МВД от 28 июня 1907 г., поручалось вменить прокурорам окружных судов и их товарищам в непрременную обязанность по каждому делу лично наблюдать за дознанием и руководить им, имея при этом в виду, что вся деятельность чинов полиции должна была быть направлена к быстрому установлению события преступления и исследованию виновности лиц, заподозренных в совершении преступного деяния [8].

Помимо этого, на прокурора Екатеринодарского окружного суда возлагалась обязанность из возникшего по тому же делу предварительного следствия предоставлять дополнительно военно-прокурорскому надзору копии актов, которые могли иметь значение для военно-окружного суда при рассмотрении дела, не выжидая требований об этом или запросов, а по мере обнаружения следствием не бывших в виду при производстве дознания обстоятельств. Должны были приниматься всевозможные меры к экстренному доставлению упомянутых сведений по назначению, т.е. лицам военно-окружного надзора [9].

Рассматривая реализацию судебной реформы, нельзя не отметить того, что принцип состязательности в суде также имел региональную специфику.

В целях обеспечения получения квалифицированной юридической помощи российскими подданными на территории Кубанской области при съездах мировых судей организовывались консультации присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных. Правила организации таких консультаций устанавливались съездами мировых судей. В качестве образца принимались «Правила консультации присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных при Екатеринодарском съезде мировых судей», утвержденных 2 марта 1900 г.

Членами таких консультаций могли быть: во-первых, присяжные поверенные; во-вторых, помощники присяжных поверенных. Частные поверенные могли быть приняты в члены консультации по предложению одного из действительных членов консультации. Желающие поступить в члены консультации при Екатеринодарском съезде мировых судей подавали письменное заявление в консультацию и избирались Общим собранием консультации посредством закрытой баллотировки большинством голосов присутствовавших на общем собрании членов консультации. Постановление общего собрания консультации об отказе в избрании в члены консультации подлежало обжалованию в Екатеринодарский съезд мировых судей в месячный срок со дня их объявления.

Основными направлениями деятельности членов консультации были следующие: а) дача словесных и письменных советов дежурными консультантами; б) составление состязательных и разного рода деловых бумаг;

в) исполнение обязанностей защитника по арестантским делам, по сообщению председателя съезда мировых судей; г) разрешение юридических вопросов, встречающихся в практике и дача мотивированных заключений по предложенным на разрешение вопросам [10].

Высшее управление делами консультации принадлежало общему собранию ее членов, а для непосредственного заведования делами консультации общее собрание избирало распорядительную комиссию в составе председателя, секретаря, казначея и одного кандидата.

Тем, кто обращался в консультацию, советы по юридическим вопросам давал очередной консультант в определенные для этого дни и часы. Расписание консультаций подлежало обязательному опубликованию в местных ведомостях, а также вывешивалось в качестве объявлений в судебных и административных учреждениях. Советы, как правило, давались за плату, размер которой устанавливался по усмотрению консультанта с учетом минимальных тарифов, определенных на общем собрании.

Кроме устных обращений, могли поступать просьбы о даче письменного, мотивированного совета. В этом случае консультант записывал в книгу содержание предложенного вопроса с указанием представленных просителем документов, а также срока, определенного на изготовление заключения и платы за него. Кроме этого, консультант выдавал просителю билет на получение заключения с указанием тех же сведений, что и заносимых в книгу, находившуюся в консультации. Консультант, который принимал предложение на письменное заключение, мог, в случае необходимости, сообщить об этом секретарю распорядительной комиссии, который, в свою очередь, мог созвать особое совещание не менее чем из трех членов консультации по особому очередному списку.

Бедным как письменные, так и устные советы могли давать бесплатно. Вместе с тем признание бедным зависело от усмотрения дежурного консультанта, а при сомнении – от председателя и распорядительной комиссии. Отказать же в выдаче совета консультант мог, если были основания предположить, что совет испрашивался для ведения чужого дела лицом, не состоявшим в числе поверенных.

Ежегодный отчет о деятельности консультации присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных при Екатеринодарском съезде мировых судей составлялся распорядительной комиссией и утверждался общим собранием консультации.

Внутренний распорядок консультации присяжных поверенных определялся особой инструкцией, обязательной для всех членов консультации. Эти правила могли быть изменены по постановлению общего собрания консультации и по утверждению таковых Екатеринодарским съездом мировых судей.

Поступлению в число присяжных поверенных предшествовала определенная процедура. Вначале подавалось прошение в Екатеринодарский окружной суд. Так, например, Михаилом Гавриловичем Афанасьевым в 1887 г., в связи с увольнением его от должности судебного следователя 1-го Екатеринодарского участка и вовсе от службы, было подано прошение о поступлении в число частных поверенных Екатеринодарского округа, основываясь на ст. 406¹-406⁵ Учреждения судебных установлений о дозволении быть поверенным по судебным делам и о выдаче надлежащего свидетельства. Заседание Екатеринодарского окружного суда, где производилось испытание по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству, было открытым. После него соискателю было выдано (на определенный судом срок) свидетельство на право хождения по чужим делам в суд [11].

Таким образом, учет опыта судебной реформы 1864 г., на наш взгляд, может способствовать большей целенаправленности проводимой в настоящее время реформы уголовной юстиции Российской Федерации. Коренная переоценка ценностей, произошедшая в современном российском обществе, сравнима с процессами, происходившими в России в период буржуазных реформ второй половины XIX в.

Литература

1. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 141. Л. 2-2об.
2. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2512. Л. 5об.
3. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2512. Л. 7, 18-19.
4. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 62. Л. 14.
5. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 166. Л. 300.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 715. Л. 4, 7.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5307. Л. 9.
8. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5307. Л. 9; 21.
9. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5307. Л. 2об.
10. ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 155. Л. 76-80.
11. ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 93. Л. 20.
12. Правила о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г. Екатеринбург, 1875.

ГАЛКИН АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет, Россия, Краснодар (g197412@yandex.ru).

GALKIN ALEXANDER GEORGIEVICH – candidate of juridical sciences, assistant professor, Kuban State Agrarian University, Russia, Krasnodar.

УДК 94/47:323.172

Р.М. ГИБАДУЛЛИН

СОВЕТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС

Ключевые слова: федерация, государственность республик, этнополитический конфликт и компромисс, дискурс, сепаратизм, унитаризм, этнос.

Изучены этнополитические аспекты в советских идеологических подходах к построению Российской Федерации. Проанализирована советская концепция национальной государственности республик через призму понятий «этнополитический конфликт-компромисс».

R.M. GIBADULLIN

SOVIET CONCEPTION OF THE NATIONHOOD OF RUSSIAN REPUBLICS AS AN ETHNO POLITICAL COMPROMISE

Key words: federation, nationhood of republics, ethno political conflict and compromise, discourse, separatism, unitarism, ethnos.

The article is about the problem of study of ethno political aspects in the soviet ideological approaches to the building of Russian Federation. The author uses «ethno political conflict-compromise»'s term to analyze soviet conception of the nationhood of Russian republics.

Развитие Российской Федерации в постсоветский период характеризуется стратегией федерального центра, направленной на отказ от советской модели федерализма, основанной на признании национальной государственности республик как этнополитических по своей природе образований. Так, Конституция РФ 1993 г., а также утверждённая Указом Президента РФ от 15.06.1996 г. «Концепция государственной национальной политики» ориентируют на постепенное превращение Российской Федерации в систему административно-территориальных субъектов, не имеющих отличительных этнических признаков или атрибутов национальной государственности [8. С. 272, 293]. Такая стратегия находится в явном противоречии со стремлением республик к сохранению и усилению своих национально-государственных и этнополитических начал.

В современной федералистике принято считать, что подобный конфликт интересов между региональным сепаратизмом и унитаризмом центра должен разрешаться путём достижения компромисса, составляющего политическую основу любой федерации [5]. Такое понимание проблемы актуально и для Российской Федерации, поскольку её исторической основой изначально являлся именно компромисс, позволивший разрешить этнополитический по своей сути конфликт между силами, выступавшими за целостность России как традиционно понимаемого «единого и неделимого» национального государства, и самоопределявшимися этнорегиональными обществами, отстаивавшими своё право на создание собственной национальной государственности. Однако в отечественной историографической и общественно-политической традиции этнические аспекты генезиса и развития Российской Федерации никогда последовательно не осмысливались через призму понятий «конфликт-компромисс».

В советской исторической науке безраздельно господствовал подход на иной понятийной основе – «национальное угнетение-освобождение». Согласно официально предписанной идеологизированной схеме «социалистическая революция», сокрушив царскую империю как «тюрьму народов», обеспечила «национальное освобождение» всех народов и «полное удовлетворение их исторических чаяний» в форме советской федерации. Исходя из этого, в советской концепции «развитого социализма» констатировалось «полное и окончательное решение национального вопроса», что не оставляло в ней места понятию этнополитического компромисса. Постсоветский же подход к пониманию генезиса Российской Федерации основывается на идеологеме «историческая ошибка большевиков». Этот подход, в отличие от представлений советского времени, игнорирует объективно-историческое значение этнополитического конфликта в дореволюционной России как фактора, обусловившего появление национальной государственности республик в составе Российской Федерации. Их создание объявляется результатом исторически неоправданной и ошибочной популистской политики большевистского руководства страны. В итоге сам собой отпадает и вопрос о целесообразности поддержания сегодня в Российской Федерации этнополитического компромисса в ходе её реформирования.

И, тем не менее, в современных историко-правовых работах всё же содержатся косвенные подтверждения того, что этнополитический компромисс рассматривается как определяющий фактор в образовании Российской Федерации, в частности, в решении проблемы совмещения в ней национальной государственности двух типов: России в целом и республик в её составе. В историко-правовой литературе в той или иной степени получили отражение межэтнические противоречия, связанные с решением этой проблемы. Оно оказалось непростым, прежде всего, для самой революционной власти. Так, входившие в коалицию с большевиками левые эсеры при обсуждении проекта Конституции РСФСР 1918 г. предлагали ввести территориально-административный принцип государственного устройства, считая недопустимым национально-государственное разделение страны [1. С. 195]. Единства в этом вопросе не было и среди большевиков. Голосование в конституционной комиссии выявило лишь минимальный перевес позиции И.В.Сталина, выступавшего за построение федерации по национально-государственному принципу, над позицией М.А.Рейснера, предлагавшего строить федерацию административных единиц (5 голосов против 3) [2. С. 52]. Некоторые руководящие работники РСФСР даже в 1922 г. в процессе создания СССР продолжали придерживаться идеи превращения всей страны в унитарное государство [2. С. 158].

Следует заметить, что такие унитаристские идеи обосновывались, конечно же, не великодержавной идеей подавления нерусских этносов, а соображениями

внеэтнического порядка, продиктованными целесообразностью предстоявших социально-исторических преобразований. Так, М.А. Рейснер, отвергавший национально-территориальный принцип построения Российской Федерации, предлагал строить её как федерацию «трудовых коммун», т.е. руководствовался социально-классовой целесообразностью [2. С. 52]. И всё же столкновение позиций по проблеме национально-государственного устройства страны историками-правоведами традиционно рассматривается как проявления национализма и шовинизма, т.е. как межэтническое противоборство [2. С. 159].

Важнее, однако, учитывать то, что такое противостояние происходило не только в среде политического руководства, но и на уровне массового сознания, т.е. там, где достижение межэтнического компромисса имело жизненное для страны значение. При этом саму проблему компромисса следует видеть в двух ракурсах. Прежде всего, необходимо было преодолеть губительное для единства империи отчуждение «невеликорусских» этносов от российской государственной идентичности. Эту проблему удалось решить, придав российской государственности идеологически приемлемые для «инородцев» формы путём создания автономий в виде «национальных республик». Эти республики стали для их титульных этносов связующим звеном в идеологической легитимации в их глазах центральной власти, подчинение которой отныне могло восприниматься ими не как «национальное порабощение», а как добровольное волеизъявление собственной республики. Эта было особенно важно для преодоления колониального характера отношений «инородцев»-мусульман с российским государством, власть которого над собой они были вынуждены признавать, но которое никогда не считали «своим», поскольку в соответствии с их мировоззрением православно-клерикальная по своей идеологии империя могла быть отнесена лишь к понятию «Дар аль-Харб» («Миру войны»), враждебному по отношению к «Дар аль-Исламу» («Миру Ислама»).

Другая сторона межэтнического компромисса заключалась в проблеме восприятия республик русским населением. Например, государственность советского Татарстана, идеологически легитимированная лозунгом самоопределения нации и рекрутированием управленческих кадров из широких социальных слоёв, воспринималась секуляризованным сознанием татарского населения как «своя», если не как «мусульманская», то как «национальная» или «народная». Однако такой татаризированный образ государственности не мог не наталкиваться на проблему восприятия его традиционным «великорусским» государственным сознанием. В данном случае от него требовалось то, что прежде казалось бы невозможным, – признание им «инородческой» по своему руководящему составу и формальной самопрезентации Татарской республики. Решению проблемы во многом способствовала коммунистическая идеология, апеллировавшая к «социально-классовой сознательности и солидарности» русского населения. Так, во избежание уже наметившихся было эксцессов изначального неприятия им «татреспублики» его призывали «не поддаваться унынию, чувству тоски, потому что – это коммунистическая республика», ему внушали, что «коммунисты, считая и Татарскую республику своей Родиной, должны трудиться для Татарской республики так же, как это они делают во Всероссийской советской республике» [3. С. 250-253].

Однако совершенно ясно, что не столько коммунистическая риторика в решающей степени обеспечивала лояльное отношение русских к появлению на свет «национальных республик», сколько удовлетворявшая интересам сохранения национально-государственной целостности русского этноса унитаристская модель советского национально-государственного строительства, основанная на политическом преобладании федерального центра над республиками. Её суть

заклучалась в том, что самоопределение этносов должно было подчиняться принципу приоритетности «интернациональных, социально-классовых» интересов над этническими [6. С. 265]. Этот принцип, выражающий идею диктатуры пролетариата в национальном вопросе, согласно мнению И.В. Сталина, означал, что «кроме права народов на самоопределение, есть ещё право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение». На практике это не оставляло места для политической самостоятельности этносов даже в момент их самоопределения и должно было означать безоговорочное признание республиками над собой коммунистического руководства со стороны центральной российской власти. Этому способствовало и то, что центральная российская власть, провозгласив федерацию раньше, чем на её территории стали самоопределяться этносы, тем самым перехватила у них политическую инициативу и предопределила развитие Российской Федерации не на договорной основе, а как федерации автономий [8. С. 258].

Усиливавшаяся в последующем политическая зависимость республиканских властей от Москвы, позволявшая рассматривать их в качестве местной инстанции российской государственно-административной системы, согласно официальной социально-классовой идеологии не имела этнополитического измерения, хотя этнополитический подтекст несамостоятельности республик всё же не мог не ощущаться на уровне массового сознания. Как отмечают современные исследователи, достаточно очевидным для всех был негласный принцип кадровой политики КПСС, согласно которому в число первых должностных лиц в республиках должны были назначаться русские, призванные контролировать в интересах центральной власти действия представителей титульного этноса¹ и символизировать этнополитические интересы местного русского населения.

Таким образом, реализованная большевиками модель федерализации России позволила совместить интересы «великороссов» и «иностранцев» в сфере национально-государственного строительства. Однако достигнутый компромисс не устранил всех противоречий. Это ощущалось на концептуальном уровне, в официальной общественно-политической дискурсивной практике и проявлялось, прежде всего, в двойственном характере идеологической легитимации национальной государственности республик. С одной стороны, политико-правовые источники этой государственности виделись в самоопределении титульных этносов, с другой – в декретировании её центральной властью. Именно использование взаимоисключающих дискурсов «самоопределения» и «декретирования» составляло в конечном счёте идеологическую суть этнополитического компромисса, лежавшего в основе Российской Федерации.

Например, история образования Татарской республики в полной мере соответствовала дискурсу «декретирования» уже тем, что республика фактически была создана не актом национального самоопределения татар, а декретом центральной российской власти «как часть Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Характерно, что этот момент, подтачивающий официальную идеологическую концепцию о «свободном самоопределении советских народов», почти никогда не акцентировался в общественно-политических изданиях Татарстана советского времени, а формулировка декрета не цитировалась в развёрнутом виде. Это делалось редко во второстепенных изданиях и лишь теми авторами, которые, вероятно, сознательно стремились усилить и закрепить образ государственности Татарстана как производной от государственности российской [7. С. 3].

¹ В научной литературе этот несколько щекотливый с точки зрения межэтнических отношений момент признаётся чаще в отношении союзных республик [4. С. 518].

Во всех основных советских общественно-политических изданиях Татарстана присутствовала характерная для того времени идеологическая конструкция, сочетавшая в себе дискурсы «декретирования» и «самоопределения». Наряду с признанием социалистической революции в качестве главного источника государственности республики авторами всегда подчёркивалась государствообразующая роль татарского народа, который своей национально-освободительной борьбой создал объективно-исторические предпосылки появления Татарской республики. Например, во вступительной статье к юбилейному изданию, посвященному 60-летию образования ТАССР, председатель Совмина ТАССР Г.И. Усманов отметил как определяющую в создании республики роль декрета ВЦИК и СНК РСФСР, который «явился не только актом торжественного провозглашения автономии, но и основным законом, определившим государственное устройство республики, организацию высших органов ее власти и управления» [9. С. 19]. Эта констатация декретирования республики революционной центральной российской властью, казалось бы, не оставлявшая места идее национально-государственного самоопределения, тем не менее, не помешала автору без ссылок на какие-либо факты народного волеизъявления утверждать, что «татарская нация на основе принципа самоопределения, провозглашенного пролетарской революцией, ... приобрела свою национальную государственность» [9. С. 19].

Таким образом, изначально положенный в основу Российской Федерации этнополитический компромисс на концептуальном уровне проявлялся в двойственности идеологической легитимации республик. Именно благодаря этому они одновременно воплощали в себе и актуальную для самоопределявшихся этнических обществ сепаратистскую идею их государственно-политического обособления, и важный для русского населения унитаристский принцип сохранения юрисдикции российского государства на всей его территории. Это делало государственность национальных республик более или менее приемлемой для той и другой стороны, каждая из которых акцентировала в ней собственные этнические приоритеты. Однако это означало, что дезинтегрирующие межэтнические различия в понимании самих источников идеологической легитимности не были преодолены полностью. Напротив, они были закреплены и, сохраняясь в латентной форме в условиях федерации, проявляются по сей день в общественно-политической сфере. Именно это обстоятельство и актуализирует идею компромисса.

Литература

1. Исаев И.А. История государства и права России: учеб. пособие. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 336 с.
2. История отечественного государства и права: учебник / под ред. О.И. Чистякова. М.: БЕК, 1997. Ч. II. 496 с.
3. Образование ТАССР: сб. документов и материалов. Казань, 1960. 438 с.
4. Работяжев Н.В. Союз Советских Социалистических Республик (СССР) // Федерализм: энциклопедия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 515-519 с.
5. Соловьёв Э.Г. Федерация // Федерализм: энциклопедия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 590 с.
6. Сталин И.В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве // Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 5. С. 264-275.
7. Стариков В.Н. Татарская АССР (Краеведческое пособие). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. 112 с.
8. Стешенко Л.А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X-XXI вв. М.: НОРМА, 2002. 384 с.
9. Усманов Г.И. Равная среди равных // Цвети, мой Татарстан / сост.: И. Беляев, Ш. Муллаянов; под ред. Т.С. Сабирзянова. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 13-57 с.

ГИБАДУЛЛИН РУСТАМ МАРСЕЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (Lilu_flower@mail.ru).
GIBADULLIN RUSTAM MARSELTVISH – candidate of historical sciences, History Department Chairman, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 001.89(470)

М.А. ДИБИРОВ

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 1970-х ГОДОВ:
УСПЕХИ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Ключевые слова: научно-техническая революция, научно-техническая политика, технический прогресс.

Рассмотрены основные черты трудовой активности кубанского крестьянства в личном и подсобном хозяйстве в 1950-1960-е годы.

М.А. DIBIROV

SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY 1970's: ACHIEVEMENTS AND UNREALIZED POTENTIAL

Key words: scientific-technical revolution, science and technology policy, technological progress.

The main features of the labor activity of Cuban peasants in their personal and part-time farm in 1950-1960's.

Характеризуя социально-экономическое развитие СССР в 1970-е годы, следует учитывать, что, как и ранее, его перспективы в решающей степени определялись программными установками КПСС, конкретизированными и детализованными текущими партийно-правительственными постановлениями. В данной связи отметим, что еще в начале 1960-х годов руководство КПСС взяло курс на построение к 1980-м годам материально-технической базы коммунизма, причем главным условием реализации этой задачи провозглашались интенсификация народного хозяйства и использование достижений научно-технического прогресса.

Несмотря на известную утопичность поставленной программной цели, в целом благодаря хозяйственной реформе 1965 г. к началу 1970-х годов СССР удалось добиться заметных позитивных перемен в сфере экономики. К примеру, прирост национального дохода в восьмой пятилетке составил 96,4 млрд руб. (или 199%). Причем примечательно, что темпы роста чистого дохода в восьмой пятилетке даже обгоняли темпы роста основных производственных фондов, составляя 154 и 152%, соответственно [5. С. 42].

Тем не менее намеченные III Программой КПСС конкретные рубежи экономического и социального развития на 1970 г. достигнуты не были. Не были выполнены и определенные программой задачи максимального использования достижений научно-технического прогресса в народном хозяйстве и соответствующего роста жизненного уровня населения.

В целом, к началу 1970-х годов среди негативных моментов развития отметим недостаточно активное наращивание производственных мощностей по выпуску новой продукции, неудовлетворительное использование имеющихся производственных мощностей. Текущая работа, погоня за выполнением плана зачастую лишали видения перспектив развития, препятствовали улучшению качества роста. Как следствие, в стране не были осуществлены запланированные преобразования в деле комплексной механизации и автоматизации, ликвидации тяжелого физического труда. Фактически в промышленности преобладала техника и использовались технологии первой половины века. Во всех отраслях значительная доля рабочих была занята выполнением монотонного, зачастую тяжелого и не безвредного для здоровья ручного труда.

Провал намеченных на 1960-е годы планов коммунистического строительства, зафиксированных в основном партийном документе, заставил руководство КПСС отказаться от задач, сформулированных в партийной программе. При этом вместо построения материально-технической базы коммунизма на передний план была выдвинута задача совершенствования «развитого социализма».

Тем не менее обращение к экономическим и социальным показателям, заложенным в план девятой пятилетки, показывает, что руководство КПСС продолжало ставить по-настоящему масштабные, амбициозные планы. Особо отметим, что на XXIV съезде КПСС в качестве стратегической цели партии был закреплен курс на интенсивное развитие экономики, повышение эффективности производства, органическое соединение достижений НТР с преимуществами социализма [11. С. 249-250].

Задачи интенсификации развития экономики страны в условиях научно-технической революции обусловили рост влияния науки на все сферы человеческой деятельности и, прежде всего, на материальное производство. Особенностью развития сферы науки в условиях НТР стали прогрессирующее разделение труда и превращение науки в многоотраслевую сферу деятельности.

Это предопределило не только растущий интерес к осмыслению места науки в общественном разделении труда, внедрению ее достижений в текущее производство, но и переход к практической реализации установки на всемерное развитие сферы научного знания. В частности, если в 1970 г. доля научных работников высшей квалификации составляла 26,7% их общей численности (в 1965 г. – 22,4%), то в 1975 г. она достигла 29,4%, а в 1980 г. превысила 30-процентный рубеж (31,7%). В целом общий объем ассигнований на науку с 1960 г. по 1980 г. увеличился более чем в 5,5 раз [6. С. 95-525]. При этом общая численность работников сферы науки выросла почти в 2,5 раза, а число ученых – в 3,9 раза при росте промышленно-производственного персонала в 1,7 и общей занятости в народном хозяйстве СССР в 1,5 раза [7. С. 564].

На наш взгляд, именно к 1970-м годам следует отнести заметный рост внимания к развитию принципиально нового явления – интеграции науки и материального производства. В это время практические оформились специфические обособленные сферы научного труда – фундаментальные научные, исследования, прикладные исследования и опытно-конструкторские разработки, сложилась соответствующая функциональная структура науки. Ускорение научно-технического прогресса сопровождалось ростом доли прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок, что свидетельствовало о повышении роли социально-производственных функций науки – приложения научного знания к решению конкретных производственных научно-технических проблем, их реализации в технических и технологических принципах и приемах, материализации научных знаний в новейших технических системах и пр. Объективно интенсификация развития научной сферы, «индустриализация» науки обусловили обособление в совокупных производительных силах специфической подсистемы – научных производительных сил. Среди прочего важным следствием отмеченного процесса стало возникновение своеобразной «индустрии науки» – производства научного инструментария, экспериментальной и вычислительной техники, приборов, оборудования и пр. В целом доля машин, оборудования, приборов и инструментов в основных фондах научно-исследовательских организаций постоянно увеличивалась.

С другой стороны, самое серьезное внимание было обращено на ускорение развития традиционной «заводской науки». Ранее ее функции в основном ограничивались отбором научно-технических решений для предприятия, внедрением научных решений в производство, разработкой новых приспособлений к оборудованию и т.п. Однако в условиях ускорения научно-технического прогресса начался постепенный переход заводского сектора науки к проведению прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок по про-

блемам, обеспечивающим коренной рост научно-технического уровня собственного производства и выпускаемой продукции на каждом конкретном предприятии (объединении) [3]. В итоге к концу периода, по данным выборочных исследований ЦСУ СССР, около 55% промышленных предприятий имели в своем составе лаборатории, конструкторские или экспериментальные подразделения, примерно 4,0-5,5% – подразделения, ведущие активные научные исследования и опытно-конструкторские разработки. Особенно высоким этот показатель был в отраслях машиностроения, где примерно 20-25% (в отдельных – 30-45%) предприятий и почти все производственные объединения имели в своем составе подразделения, ведущие НИОКР [9. С. 125-127]. Наблюдался также значительный рост доли инженерно-технических работников, занятых конструкторскими, технологическими и проектными работами. По данным НИИ труда Госкомтруда СССР, в ряде отраслей промышленности (нефтяной, химической, электротехнической, автомобильной и др.) на этих работах было занято 50-70% общей численности ИТР [10. С. 56].

Специфическим проявлением разрастания НТР «вширь» стала все более активная и результативная рационализаторская и изобретательская деятельность рабочих и инженерно-технических работников. В частности, примечательно, что при росте с 1965 г. по 1980 г. числа внедренных в производство рационализаторских предложений в 1,4 раза, количество внедренных изобретений выросло в 3 раза. Темпы же роста экономического эффекта от использования изобретений за тот же период в 5,4 раза превысили темпы роста экономического эффекта от рацпредложений. При этом особо отметим устойчивый рост экономического эффекта от внедрения изобретений и рацпредложений. Так, средний экономический эффект, полученный от использования рационализаторских предложений, составлял в 1965 г. 617,5 руб., а в 1980 г. – 1058,9 руб., от внедрения изобретений – соответственно 22,9 и 99,0 тыс. руб. [6. С. 99]. В целом рост уровня общей и технической образованности трудящихся обусловил исключительно высокий уровень и устойчивый рост отдачи затрат на изобретательскую и рационализаторскую деятельность. Кстати, он заметно превосходил отдачу затрат на науку. В 1980 г. 1 рубль затрат на изобретательство и рационализацию обеспечил экономический эффект более 17 руб., в то время как отдача на 1 рубль затрат в передовых НИИ составляла 5-7 руб. К тому же в целом в 1970-е годы доля внедренных в производство изобретений и рацпредложений составила 70-80% их общего числа, тогда как результаты, полученные в сфере НИОКР, использовались на практике в среднем на 50% [1. С. 229-239].

Рост внимания государства к проблемам НТР в рамках 1970-х годов привел к тому, что наиболее эффективной организационной формой соединения науки с материальным производством к концу десятилетия стали считаться отраслевые научно-производственные объединения (НПО), на основе сквозного комплексного планирования осуществлявшие всю совокупность работ цикла «исследование – производство». Впервые созданные в СССР в 1967 г., к концу 1970-х годов они были сформированы практически во всех ведущих отраслях. Общая численность НПО достигла полутора сотен. XXVI съездом КПСС НПО были признаны принципиально новой и перспективной формой комплексного управления научно-техническим прогрессом.

НПО выполняли весь комплекс работ – от постановки проблемы и проведения целевых научных исследований до внедрения их результатов в серийное производство. Включая в себя научно-исследовательские, технологические, проектно-конструкторские организации и промышленные предприятия,

НПО фактически выполняли роль научно-технических центров отдельных отраслей (подотраслей, всесоюзных производственных объединений) по закреплённой за ними специализации. Строгая координация деятельности подразделений НПО обеспечила существенное сокращение суммарных затрат на проведение НИОКР и более эффективное внедрение их результатов в производство (по ведущим НПО – «Позитрон», «Криогенмаш», «Агроприбор» – до 30%) [2. С. 17]. По расчётам К.И. Таксира, создание НПО обеспечило сокращение внедренческого периода в 1,5-2 раза [12. С. 29].

Вместе с тем реализация курса на всемерное ускорение научно-технического прогресса к концу 1970-х годов выявила и ряд серьёзных проблем. В частности, стало очевидным, что отраслевые научно-производственные объединения оказались наиболее приемлемой формой интеграции науки и материального производства лишь в отраслях узкой специализации, где имелось большое число предприятий, сходных по профилю и технологии. В этом случае имелась возможность «тиражирования» техники и технологии и использования их значительным числом, а в отдельных случаях и всеми предприятиями отрасли. В таких отраслях научно-производственные объединения в полной мере реализовали свою функцию научно-технического обеспечения отрасли в целом. Разработки НПО «Микроприбор», например, использовались на 70 предприятиях, НПО «Союзнаучлитпром» – почти на 150% [8. С. 104].

Однако в тех отраслях промышленности, где преобладали предприятия, выпускавшие продукцию широкого и быстро обновляющегося ассортимента, или предприятия, выпускавшие уникальную продукцию, обеспечить ускорение научно-технического прогресса только за счёт создания отраслевых НПО оказалось невозможным. Здесь возникала необходимость расширения научно-технической комплектности производственных объединений (или даже предприятий), что достигалось посредством включения в их состав НИИ, проектно-конструкторских и технологических подразделений, опытного производства соответствующей специализации. Такие производственные объединения были созданы в приборостроении, станкостроительной, автомобильной, химической и некоторых других отраслях промышленности. В качестве примера можно привести опыт объединений ЗИЛ, ЛОМО, «Электросила», «Уралмаш», НКМЗ и др., которые зарекомендовали себя как высокоэффективные формы интеграции науки и материального производства и обеспечили значительный рост научно-технического уровня производства и выпускаемой продукции. На «Уралмаше», например, были разработаны несколько десятков новых видов машин и оборудования и освоен их выпуск. На НКМЗ разработано и выпущено уникальное оборудование, не имеющее аналогов в мировой практике тяжёлого машиностроения (новые типы шагающих экскаваторов, прокатный стан – 3000, пресс усилием 65 тыс. т и др.).

Также выяснилось, что преимущественно отраслевое развитие научно-технического потенциала и производственно-хозяйственное управление сферой НИОКР в значительной мере препятствовали развитию действенных функциональных и обуславливали практически полное отсутствие организационных связей научных исследований с материальным производством в масштабе всего народного хозяйства, на уровне крупных сфер и комплексных отраслей. При этом создававшиеся комплексные программы решения межотраслевых и общих для всего народного хозяйства научно-технических проблем не имели соответствующего организационно-экономического обеспечения. Ответственность за исполнение комплексных программ возлагалась, как

правило, на министерства и ведомства, более других заинтересованные в реализации целей программы. При этом, однако, функции ответственных исполнителей сводились преимущественно к координационной деятельности, поскольку ни одно министерство (ведомство) не имело возможности обеспечить реального управления деятельностью ведомственно обособленных соисполнителей программы. Вследствие этого многие важные для народного хозяйства научно-технические проблемы либо не разрабатывались вообще, либо исследования по ним велись крайне медленно. В данном контексте необходимо также особо отметить крайне неравномерное распределение научно-технического потенциала между отраслями материального производства, вследствие чего возможности ускорения научно-технического прогресса в отдельных звеньях народного хозяйства существенно различались. К примеру, легкая промышленность, находившаяся по числу занятых на втором месте после машиностроения, по обеспеченности научными кадрами стояла в ряду отраслей промышленности только на шестом месте. Отсталая научно-исследовательская и опытно-конструкторская база оформилась в пищевой, деревообрабатывающей, медицинской промышленности, в сельскохозяйственном и ряде других видах машиностроения [9. С. 8-9, 35].

Соответственно, руководство страны поставило задачу проведения переоценки научной и конструкторской базы всех отраслей народного хозяйства и соответствующей перегруппировки научных сил, а также последующего выравнивания научно-технического потенциала всех отраслей материального производства [4. С. 44].

Таким образом, научно-техническая политика оставалась в фокусе внимания руководства страны в рамках всего рассматриваемого периода. При этом в процессе ее разработки и реализации были определены вполне ясные и, вместе с тем, масштабные цели развития, найдены интересные организационные формы. Однако, на наш взгляд, они недостаточно полно учитывали назревшие потребности общего реформирования советского хозяйственного механизма.

Литература

1. Врублевский В.К. Труд на пороге третьего тысячелетия. Киев: Высш. шк., 1980.
2. Зыков Ю.А., Слетова Т.Л. Комплексные программы научно-технического прогресса. М.: Наука, 1977.
3. Каньгин Ю.М., Мироненко А.В. Роль исследовательской и опытно-экспериментальных служб предприятия в научно-техническом прогрессе. М.: Знание, 1974.
4. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981.
5. Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика, 1971.
6. Народное хозяйство СССР в 1980 г. М.: Статистика, 1981.
7. Народное хозяйство СССР. 1922-1982. М.: Статистика, 1982.
8. Научно-технический прогресс и экономика социализма. М.: Экономика, 1979.
9. Организационные формы связи науки с производством в промышленности. Л.: Наука, 1980.
10. Развитие общественного труда в условиях зрелого социализма. М.: Экономика, 1980.
11. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1971.
12. Таксир К.П. Научно-производственные объединения. М.: Наука, 1977.

ДИБИРОВ МУРАД АРСЕНОВИЧ – аспирант кафедры истории и социально-политических дисциплин, Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Россия, Краснодар (g197412@yandex.ru).

DIPIROV MURAD ARSENOVICH – post-graduate student of History and Sociopolitical Disciplines Chair, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Rossinsky, Russia, Krasnodar.

УДК 94 (470.41) «19»: 338 (091)

В.В. ЕРМАКОВ

ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В МЕНЗЕЛИНСКОМ УЕЗДЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: экономика, предпринимательство, мобилизация, военнопленные, «сухой закон», инфляция.

Рассмотрены вопросы развития экономики и предпринимательства в Мензелинском уезде Уфимской губернии. С началом Первой мировой войны условия их развития значительно изменились. Предпринимателям пришлось приспосабливаться к обстоятельствам и потребностям военного времени.

V.V. ERMAKOV

ECONOMICS AND BUSINESS IN MENZELINSK DISTRICT DURING WORLD WAR I

Key words: economics, business, mobilization, prisoners of war, «dry» law, inflation.

The article deals with the problems of economics and business in Menzelinsk district Uphimsk province. Under war conditions these problems changed considerably. Businessmen had to adapt themselves to circumstances and requirements of the war period.

Мензелинский уезд являлся одним из шести уездов Уфимской губернии. Накануне Первой мировой войны его население составляло около 400 тыс. человек. Обстановка военного времени заставляла местные власти действовать сообразно изменившимся условиям. 16 августа 1914 г. было создано чрезвычайное Мензелинское уездное земское собрание. Смета расходов на 1914 г. была сокращена более чем на 30 тыс. руб. За счет этого 10 тыс. руб. было перечислено в распоряжение Всероссийского Земского Союза помощи раненым. Кроме того, решено было создать такой же комитет в уезде, ассигновав ему на первоначальные расходы 1000 руб. [8].

Одно из значимых событий первого периода войны – введение «сухого закона». В утвержденном Советом министров Положении от 27 сентября 1914 г. городским думам, сельским обществам и земским собраниям было предоставлено право на время войны запрещать торговлю всеми спиртными напитками в местностях, находящихся в их ведении. Местные органы власти повсеместно воспользовались этими правами.

17 октября 1914 г. Мензелинская городская дума приняла решение о запрете торговли водкой и пивом. Постепенно действие «сухого закона» было распространено и на сельскую местность. Это имело самые благоприятные последствия. Как отмечал уездный гласный Н.В. Катанский, «с этого момента лицо деревни переменялось до неузнаваемости... Со всех сторон несутся вести о полном прекращении всякого хулиганства, озорничества и всего того, чем, к несчастью, проявляет себя нетрезвый человек. Все это прекратилось будто по мановению волшебного жезла. Большие людные базары проходят в таком порядке, какого никогда не наблюдалось раньше» [8].

По отзывам волостных старшин, запрет на торговлю спиртным был встречен населением в целом доброжелательно и с пониманием. Содержатели чайных, съестных, бакалейных и прочих заведений должны были немедленно пресекать попытки распития посетителями каких-либо алкогольных напитков. Одновременно усилилась борьба с самогонованием. Осенью 1914 г. уездные земские начальники издали предписания, обязывавшие волостных старшин и сельских старост выявлять и решительно пресекать факты самогонования [12].

Введение «сухого закона» имело негативные последствия для деятельности местных винокуренных и пивоваренных заводов – Петровского, Князевского, Троицкого, Ново-Никольского, Смыловского. Постепенно их работа была практически прекращена, а владельцы – понесли большие убытки.

В связи с условиями военного времени пришлось отказаться от проекта проведения железнодорожной ветки к г. Мензелинску от одной из станций Общества Волго-Бугульминской железной дороги. Этот проект, утвержденный в 1914 г. императором Николаем II, так и остался нереализованным.

Однако жизнь не стояла на месте. Одни предприятия и проекты закрывались, а вместо них возникали другие, в соответствии с потребностями военного времени. Примером государственного предпринимательства явилось строительство Челнинского элеватора. Строился он на средства Государственного банка России. Ёмкость элеватора была определена в 2 млн пудов, приёмная способность – в 8 тыс. пудов ржи в час. Наряду с Самарским (3 млн пудов) и Балаковским (2 млн пудов) он относился к числу крупнейших элеваторов России. К весне 1914 г. был решён вопрос о приобретении участка земли. В марте 1914 г. начались работы по проведению нивелировки участка, разведочному бурению и шурфованию, устройству дамбы и моста через р. Челнинка, выемке котлована под главное здание, постройке временных сараев для хранения материалов и машин, временных бараков для рабочих и домов для служащих. Смета на строительство была утверждена министром финансов России 26 ноября 1914 г. в размере 1 580 700 руб. [7].

На сооружении элеватора было занято около 320 рабочих, а после начала Первой мировой войны – задействованы еще и несколько десятков австрийских военнопленных. Строился он подрядным способом. Поставка пиломатериалов осуществлялась с Набережночелнинского лесопильного завода Товарищества «Ф.В. Стахеев и К^о». Заказ на строительство дымовой трубы высотой 45 м в августе 1915 г. был передан строительной конторе В.Ф. Якоби (г. Москва). Цемент, песок, известь, проволока и т.д. заготавливались на месте. Оборудование и механизмы для элеватора закупались на конкурсной основе, преимущественно на российских предприятиях. Локомотивы мощностью 110 и 300 л.с. были заказаны на Людиновском заводе Акционерного общества Мальцевских заводов. Электродвигатели, генераторы электрического тока, распределительные щиты и т.п. изготавливались на Ревельском заводе Акционерного общества «Вольта». Электрические провода и кабели произведены на предприятиях Акционерного общества «Соединённые кабельные заводы» и Товарищества латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина, электрические печи – на заводе «Р. Кольбе» (г. Петроград), электрическая арматура – на заводах Общества «Динамо» и т.д. Автоматические весы «Авери» закуплены в Англии. Договор о закупке и монтаже зерносушилки системы «Hoves» (США) заключён 28 мая 1915 г. с Международным Техничко-Промышленным обществом. Эксплуатация Челнинского элеватора была начата 4 сентября 1917 г. [6]. Была определена его основная задача – заготовка и переработка зерна для действующей армии.

Частное предпринимательство, несмотря на условия военного времени, также продолжало развиваться. Примером этого являлось, например, строительство дрожжевого завода в селе Набережные Челны. Инициатором строительства этого завода выступил инженер путей сообщения В.Н. Флеров. 16 октября 1915 г. он подал прошение на имя Управляющего Акцизными сборами Уфимской губернии. В нем В.Н. Флеров заявлял о намерении открыть в Набережных Челнах хлебопекарню с механическим оборудованием, а при ней – дрожжевой завод. Завод был рассчитан на производительность до 10 пудов прессованных дрожжей в сутки. Своей деятельностью он должен был удовлетворить потребности хлебопекарной промышленности Набережных Челнов и привести к заметному снижению цен на хлеб.

Разрешение на строительство предприятия было получено от Министерства финансов России и от Управляющего Акцизными сборами Уфимской губернии. 23 декабря 1915 г. эти сведения были доведены властями до В.Н. Флерова. Поскольку в условиях военного времени действовал «сухой закон», дозволение на сооружения было дано со строгой оговоркой – без права винокурения и без права свободной продажи дрожжей населению. Одновременно было разрешено использовать на предприятии паровую машину – «в качестве двигательной силы и для отопления».

Летом 1916 г. дрожжевой завод В.Н. Флерова был в основном построен, но до конца еще не оснащен. В связи с этим Акцизный надзиратель в июне 1916 г. выражал сомнения, что предприятие будет запущено в действие в текущем году [11]. Лишь в 1917 г. завод был включен в список действующих предприятий Мензелинского уезда [1].

В условиях военного времени обозначилась проблема нехватки рабочих рук. Массовая мобилизация мужского населения на фронт в Мензелинском уезде началась с некоторой отсрочкой – 17 сентября 1914 г. Это дало возможность без особого напряжения и в срок выполнить сельскохозяйственные работы. Всего, по неполным данным, в период с 1914 г. по 1916 г. из Мензелинского уезда было призвано на фронт 54990 человек [2].

Государство оказывало помощь семьям мобилизованных на фронт. Мензелинской земской управе было предоставлено право освобождать их от уплаты земских сборов. На каждую семью полагалось государственное денежное пособие. Месячный размер пособия на каждого едока в семьях фронтовиков составлял примерно 2 руб. 80 коп. Этого хватало и на удовлетворение самых насущных потребностей, и на наем дополнительной рабочей силы, если в этом была необходимость. В ряде случаев семьи фронтовиков обеспечивались семенами, бесплатными дровами [5]. Помощь государства, таким образом, была существенной, но все же она не могла компенсировать тех потерь, которые понесло село с началом войны.

Нехватка рабочей силы частично возмещалась применением труда военнопленных. Условия использования их труда были установлены в «Правилах отпуска военнопленных на казенные и общественные работы», утвержденных центральными властями России 7 октября 1914 г. В соответствии с ними военное начальство могло предоставлять пленных в распоряжение губернских и уездных земских управ. Те, в свою очередь, распределяли их среди нуждавшихся в рабочей силе сельскими хозяевами, обеспечивали их доставку к месту работы, охрану, медицинское обслуживание [3]. В Мензелинском уезде использовался труд нескольких сот военнопленных из Мензелинского и Елабужского лагерей.

Однако основная масса населения могла рассчитывать только на свои собственные силы. Нужно было как-то выживать, растить детей, ожидать от родных весточки с фронта. И хотя жизнь становилась все труднее, люди находили возможность организовать помощь действующей армии, а также тем своим сельчанам, кому приходилось совсем плохо.

В Мензелинске с 1 декабря 1914 г. начало свою деятельность городское попечительство Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и их семьям. Постепенно начал формироваться бюджет попечительства. Так, 364 руб. 8 коп. было выручено от проведения благотворительных концертов, 78 руб. 74 коп. составили отчисления от жалования преподавателей реального училища и женской гимназии, 190 руб. 40 коп. – членские взносы, 204 руб. 87 коп. – пожертвования от частных лиц. Средства эти использовались для помощи нуждающимся. Так, было выдано пособие 119 семьям

фронтовиков и потерявшим кормильца – по 1 руб. 50 коп. на каждого члена семьи [9]. Такого рода попечительства были организованы во всех крупных селениях Мензелинского уезда.

Между тем война затягивалась, и ей не видно было конца. Ее последствия все более тяжелым грузом ложились на крестьянские плечи. Многие хозяйства были на грани разорения. К 1916 г. в два раза по сравнению с довоенным временем увеличилось количество безлошадных и беспосевных хозяйств. Около трети общего количества крестьянских дворов вообще остались без мужских рук. Заметно сократилась площадь посевов.

Возросли материальные тяготы, связанные с непрерывным ростом цен. С началом военных действий власти предприняли ряд мер для сдерживания цен. 6 августа 1914 г. в «Уфимских губернских ведомостях» было опубликовано постановление, запрещавшее завышать цены на продукты и предметы первой необходимости. За нарушение полагалось довольно строгое наказание – штраф до 3 тыс. руб. или 3 месяца тюрьмы. Однако эти меры в условиях растущей инфляции значения практически не имели.

Начальник Уфимского губернского жандармского управления генерал-майор Устинов в 1915 г. доносил в МВД России о положении дел в губернии: «... Дороговизна не только не падает, но растет чуть ли ни с каждым днем... Растут цены на все вообще предметы, и в настоящее время товары поднялись в цене вдвое, втрое, а даже некоторые в несколько раз их прежней стоимости...» [13]. Попытки властей сдерживать рост цен неизбежно приводили к исчезновению из продажи самых необходимых товаров.

Рост цен, естественно, происходил и в Мензелинском уезде. По сравнению с довоенным временем они выросли в несколько раз. Так, с октября 1913 г. по октябрь 1915 г. цена на рожь возросла (за пуд) с 54 коп. до 1 руб. 10 коп., на муку ржаную – с 69 коп. до 1 руб. 35 коп., на гречу – с 64 коп. до 1 руб. 46 коп., на овес – с 38 коп. до 1 руб. 10 коп., на сало – с 5 руб. 50 коп. до 12 руб., на масло сливочное – с 15 руб. 50 коп. до 24 руб. и т.д. [10]. По сравнению с довоенным временем значительно возросли цены на промышленные товары, повысилась плата за аренду земли, сенокоса, за наем рабочих, за помол зерна и т.д.

Тяжелые условия военного времени заставляли крестьян сплачиваться и объединять свои усилия. В 1916 г. в Набережных Челнах действовало крестьянское кредитное товарищество. Его деятельность развивалась весьма успешно. Количество его членов только за 1917 г. увеличилось с 707 до 766 человек. Расширялись масштабы кредитной деятельности. Лишь за декабрь 1917 г. крестьянским хозяйствам было выдано 75 ссуд в размере 5655 руб. Наибольшее количество ссуд (30, на 1210 руб.) было выделено на покупку корма для скота. Кроме того, кредиты были использованы для приобретения рабочего скота, домашней птицы, пчел (2210 руб.), меди и железа (500 руб.), разных товаров с целью перепродажи (1210 руб.), для покупки и починки сельскохозяйственных орудий и инвентаря и т.д. [4]. Такие же товарищества действовали в с. Бетьки, Ильбухтино и др.

Вследствие растущей нищеты, продолжения кровопролитной войны в деревне быстро накапливался горючий материал для социального взрыва. Этому способствовало и возвращение с фронта массы больных, искалеченных солдат. По призыву политических лидеров и партий, даже самых экстремистских, они были готовы на решительные действия. От прежнего спокойствия и умиротворенности не осталось и следа. Так созревали условия и социальная база октябрьского переворота 1917 г. и последующей братоубийственной гражданской войны.

Литература

1. Адрес-Календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа, 1917. 40 с.
2. Гумеров Ф.Х. Хрестоматия по истории Башкортостана. Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г. 2-е изд. Уфа, 2005. 364 с.
3. Казанские губернские ведомости. 1915. 7 апр.
4. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 384. Л. 7, 9.
5. НА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 176. Л. 99-99 об.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА) (г. Санк-Петербург). Ф. 587. Оп. 42. Д. 1372. Л. 214.
7. РГИА. Ф. 587. Оп. 42. Д. 1684. Л. 1-4.
8. Систематический свод постановлений Мензелинского уездного земского собрания чрезвычайных сессий 15 февраля, 16 мая и 16 августа и 40-й очередной сессии с 10 по 23 ноября 1914 г. Мензелинск, 1915. 22-23 с.
9. Уфимский вестник. 1915. 26 февр.
10. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. С. 150-151, 440-456; НА РТ. Ф. 573. Оп. 2. Д. 5. Л. 63об.-64.
11. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-131. Оп. 1. Д. 327. Л. 4об., 8, 12.
12. ЦГИА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 231. Л. 200.
13. Цит. по: Хрестоматия по истории Башкортостана. Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г. / сост. Гумеров Ф.Х. 2-е изд. Уфа, 2005. 325 с.

ЕРМАКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой экономической теории, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (vv.ermakov@mail.ru).

ERMAKOV VLADIMIR VASILYEVICH – candidate of historical sciences, Economic Theory Department Chairman, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 947(470.345):336«11»

В.Ю. ЗАВАРЮХИН

К ВОПРОСУ О ПРИМИТИВНОЙ ФОРМЕ ДЕНЕГ И ЕЕ ФУНКЦИЯХ: СРЕДСТВА ОБМЕНА, МЕРЫ ВЕСА И СЧЕТНОЙ ЕДИНИЦЫ

Ключевые слова: примитивная форма денег, «палеоденьги», функция, средство обмена, мера веса, счетная единица, накопление.

Представлен опыт системного исследования примитивной формы денег и ее функций: средства обмена, меры веса, счетной единицы. Особое внимание уделено рассмотрению вопроса возникновения и использования денежного счета, «палеоденег» на Руси, в Мордовском крае.

V.Yu. ZAVARYUKHIN

TOWARD THE QUESTION OF PRIMITIVE MONEY FORM AND IT'S FUNCTIONS: MEANS OF EXCHANGE, MEASUREMENTS OF WEIGHT AND COUNT

Key words: primitive money form, «paleo money», function, means of exchange, measurements of weight and count saving.

In the article the experience of primitive money form and it's functions: means of exchange, measurements of weight and count is shown. A particular attention is paid to research of appearing and using money account, «paleo money» in Russia, in the Mordovian region.

У проживающих на планете людей еще в древности возникла потребность в особом товаре, деньгах, которые служили бы всеобщим эквивалентом при обменах продуктов своего труда и торговли. Основной причиной обмена являлось разделение труда.

При обмене предпочтение стало отдаваться какому-то товару, который становился эквивалентом других товаров, т.е. все товары, которыми торговали в данной области, приравнивались к определенному количеству этого товара, который и выполнял функцию денег.

Б.Ф. Кевбрин, А.А. Тарасов отмечают: «У многих первобытных народностей Азии, Африки, Океании очень долго существовала примитивная форма денег – раковины. Раковины ходили как деньги и в таких странах с высокой древней цивилизацией, как Китай, Япония и Индия. Представители многих

малоразвитых племен и сегодня носят раковины-деньги в связке и в случае опасности зарывают их в землю как сокровище. В Меланезии известны так называемые «свинные деньги», которые представляют собой связки раковин, стеклянных бус, собачьих зубов и даже свиных хвостиков. На эти деньги покупают свиней и платят ими выкуп за невесту» [3. С. 52-53].

А.А. Щелоков пишет, что оценкой, мерилom богатства в домонетный период длительное время являлось имущество, которым владеет человек. В Римском гражданском праве слово «пекус» являлось юридическим термином, которое таким образом обозначало, определяло имущество. «Пеку», «пекус» (рекus) – это скот, в Древнем Риме данное слово было словом-синонимом благосостояния, богатства. Он приводит несколько понятий сочетаний данного слова с понятием деньги: *Pecunia* – имущество, деньги; *Pecunia non numerata* – недосчитанные или неуплаченные деньги; *Pecunia numerata* – сосчитанные или уплаченные деньги; *Peculatus* – злоупотребление должностного лица доверием, выразившееся в растрате казённых денег или растрате [14. С. 158].

«Характерно, – по мнению Ю. Александрова, – что современное «geld» (деньги) имеет в основе древнегерманское «gelten» – платить, возмещать в виде жертвоприношения. Такой платой был скот, каменные орудия, затем в эпоху обработки металлов, – бронзовые таганы, чаши, топоры, кольца, обручи, украшения из золота, жемчуга и т.д. То есть в общении с богами человек выступал как субъект экономических отношений. А с себе подобными? Пока пращур находился на «самообеспечении», довольствуясь лишь крайне необходимым, а условия жизни у всех были примерно одинаковыми, проблем не возникало. Но началось разделение труда, росли потребности. А с ними появился и обмен излишками» [1. С. 1].

Развитие всех видов ремесла имело неразрывные связи с развитием торговли. По утверждению Ф. Энгельса, с отделением ремесла от земледелия «возникает производство непосредственно для обмена – товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже с заморскими странами» [15. С. 163]. Производство товара еще задолго до капиталистического производства стало условием экономической и культурной жизни общества.

«При товарном производстве, – пишет М.Ф. Жиганов, – продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-нибудь продукта, а в силу этого для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке. Одним из основных условий товарного обращения является наличие всеобщей формы стоимости какого-либо определённого товара, который функционирует в качестве денег – скот, меха, металл» [4. С. 89].

Далее Ж.-М. Серве резюмирует: «Поэтому деньги – как выражение социальных отношений, предполагавших иерархию и господство одних над другими – не являются изобретением нового времени. Они возникли в еще более древние эпохи, чем цивилизации Средиземноморья, Ближнего и Дальнего Востока, Центральной Америки. Обращение ценных предметов внутри этих человеческих сообществ (и между ними) было явлением универсальным и в известном смысле предвещало двойную функцию денег и как средства обмена, и как счётной единицы» [11. С. 10-12].

Экономические функции в них не были еще основными. Преобладали нормы обычного права: несли существовавшие в себе системы родственных отношений, уже имевшихся политических союзов, верований и культов, чем в первую очередь и определялись обеспечение рабочей силой, организация производства, порядок распределения богатств.

Процесс эволюции форм денег заключается в переходе от «штучных денег» (скот, меха, украшения, например, раковины «каури») к «весовым деньгам», когда весовое количество определённого товара, например соли, металла и т.д., становится денежной единицей. «Как только происходит обмен товарами, — описывает появление примитивных денег Ф. Бродель, — немедленно же раздаётся и лепет денег. Роль денег, эталона всех обменов, старается играть тот товар, на который есть наибольший спрос, или же тот, что есть в изобилии» [2. С. 470].

Ю. Александров отмечает, что учёные считают, что первыми деньгами были так называемые «священные» деньги, появившиеся ещё в каменном веке. Тогда для нашего предка добрые взаимоотношения с природными стихиями были куда важнее, чем со своими ближними. Он верил, что всё во власти богов и духов, и стремился заслужить их расположение. Как? Принесением в жертву всего лучшего, чем владел [1. С. 1]. То есть их история началась тогда, когда ещё существовал обычай и действовали нормы обычного права. Примитивные деньги, или как их ещё называют «палеоденьги», играли важную роль в обычном праве: они использовались при отправлении обрядов, связанных с рождением, браком, поминовением умерших, и церемониях, возмещавших объявление войны либо заключение мира. Ими возмещали нанесенный физический и моральный вред. Они же являлись средством, с помощью которого пытались умиротворить богов плодородия и смерти. Но они ещё не являлись средством погашения долгов, оплаты за купленный товар или работу.

Итак, системы товарообмена в древних сообществах были гораздо более сложными, чем просто меновое хозяйство. Как отмечает Ж.-М. Серве, огромное многообразие продуктов, изделий и материалов, выступало в роли денег в древних обществах (ткани и какао-бобы у майя и ацтеков, раковины каури, золото в царствах Западной Африки, металлические слитки в греческих мегаполисах, железные прутки у хеттов, ячмень и пшеница в Месопотамии, пшеница и медь в Египте, просо и шелк в Китае) [11. С. 13]. А в некоторых слабо развитых странах вышеуказанные вещи существуют в такой роли и поныне. Примитивные деньги ещё не отжили свое время.

А.Ф. Ироко, бенинский ученый, посвятивший много времени исследованию вопроса использования раковин каури в качестве примитивных денег, пишет, что чаще всего использовались каури, маргинеллы и оливеллы — раковины морских моллюсков. Большинство раковин каури, свыше тысячи лет употреблявшихся в качестве примитивных денег в Африке, добыто у Мальдивских и Лаккадивских островов, к юго-западу от Индии, а также вблизи Занзибара и Пембы, у восточного побережья Африки [6. С. 21]. Таким образом, раковины всех видов уже обладали всеми характеристиками примитивных денег — они уже выступали в качестве меры стоимости того или иного товара, средством обращения и финансовым резервом.

Мексиканский ученый-антрополог, археолог П.П. Риверо делает интересный вывод: «Если в долине Мехико владение большим количеством какао-бобов определяло главным образом лишь социальный статус, то «ица», жившие на Юкатане, землевладельцы которых имели множество рабов и великолепно украшенные жилища, вкладывали свое богатство в расширение товарного сельского хозяйства и приобретение еще большего количества рабов. Это объясняет, почему испанцы сохранили на Юкатане какао-бобы в качестве денег, но единицей стоимости считали уже не полотнища ткани, а собственную денежную единицу (реал), продолжали, однако, соотносить ее с колебаниями в производстве какао-бобов» [9. С. 19]. Хотя стоимость большинства находившихся товаров выражалась числом бобов какао, фактически же

постоянным денежным счетом были куски ткани, а бобы какао являлись примитивными деньгами, возможно, в связи с тем, что их легче было делить.

В Китае до появления монет (и даже после их введения в конце IV в. до н.э.) в качестве денег, т.е. в качестве расчётного средства использовались металлические отливки в форме лопаток и ножей. С VII в. до н. э. началась чеканка первых монет в Малой Азии и Греции, причем в отдельных городах продолжали пользоваться и слитками. В это время (и вплоть до появления монет в IV в. до н.э.) в Индии деньгами служили небольшие серебряные квадратики, украшенные выбитыми на них изображениями [9. С. 14].

Не только в экзотических странах раковины выступали в качестве монет. В XII-XIV вв. они имели хождение и на Руси. Они до сих пор попадают археологам в составе древних кладов, во время проведения раскопок в экспедициях. По утверждению А.А. Щелокова «...В разных местностях «денежные» ракушки именовались по-разному: жуковина, жерновка, ужомка и даже змеиная голова». Кто хоть раз видел или держал в руках такую раковинку, согласится – сходство и с жуком, и со змеиной головкой имеется» [14. С. 158].

В связи со специфической чертой народов Поволжья – украшения одежды, ношения на одежде монет в виде различных украшений: поясных подвесок, на головных уборах мордвы-эрзи – «панго», монистах – мы обнаруживаем практически почти всегда там, среди них, и раковины каури, что также является доказательством обращения каури в древности как денежных знаков среди этих народов. Особенно это заметно в украшениях мордовского народа.

Как отмечает И.Г. Спасский «В археологических комплексах Северо-Западной Руси XII-XIII вв., включая новгородские и псковские раскопки, как и в гораздо более ранних культурах, археологи неоднократно находили *Surgaea moneta* (каури). Эти изящные маленькие раковины размером в небольшую сливу, с незапамятной древности транспортировались на огромные расстояния с Мальдивских островов Индийского океана, где имеются их месторождения, проникали в Африку, Азию и Европу; их знали античный мир и Северное Причерноморье. Известно, что в Африке и Азии они тысячелетиями служили платежным средством» [12. С. 70].

«В погребальных комплексах Новгородской и Псковской земли каури занимают место кун-монет; в некоторых случаях они были обнаружены даже в виде своего рода кладов. В северо-восточной Европе и на Руси отдельные экземпляры их встречались даже в куфических и западноевропейских монетах. Обильны находки каури в средневековой археологии Прибалтики, притом несомненно, что туда этот экзотический товар поступал отнюдь не через Русь, как считают некоторые исследователи, а с Запада. Из городов Прибалтики в XII в. и позже их доставляли в Северо-Западную Русь; новгородские купцы снабжали ими среднее и верхнее Поволжье, где применение каури прослеживается начиная примерно с XII в. Еще в XVI в. новгородские купцы закупали в Риге тысячами «гажьи головки». В России раковины дольше всего, вплоть до начала XIX в., сохраняли свое товарное значение в сибирской торговле» [12. С. 71].

И.Г. Спасский делает упор на то, что «Русский народ хорошо знал эти миниатюрные раковины, несколько напоминающие череп змеи или небольшого четвероногого; он создал для них много областных названий – ужомка, жуковина, жерновок, жерновка и одно из наиболее употребительных – змеиная головка (в документе XVI в. – *гажья головка*). Точно таков же смысл их названия в языках народов Поволжья и Прикамья – «голова змеи». Легко заметить, что все названия являются образными и определяют предмет лишь ассоциативно. Есть основание усматривать такую же образность и других древнерусских терминов, дошедших до нас в русских словах, по-латыни и по-

французски, и поставить вопрос о платежной роли каури в безмонетный период денежного обращения Северо-Западной Руси» [12. С. 71].

Б.А. Романов рассматривал в своей работе деньги и денежное обращение Древней Руси, где «белка», «векша», «кун» в древнерусской торговле выступали как эквиваленты товаров в роли денег. Последний термин, например, очень долго употреблялся для обозначения денег вообще, хотя меховые деньги давно уже были заменены металлическими [10. С. 370].

Примитивная форма денег и система денежного счета существовала и у других народов. У мордвы в значении «деньги» применялось слово «ур». По утверждению В.А. Юрченкова, у мордвы «Были и свои деньги. Они назывались – ур («белка»). Именно беличьи шкурки считались деньгами» [16. С. 29-30].

Материалы мордовского языкознания также говорят о том, что у древней мордвы функции денег на протяжении многих веков выполняли шкурки белки «ур». Мордовский языковед Н.Ф. Цыганов утверждает, что слово «ур» – белка, вплоть до недавнего времени бытовало в ряде мордовских селений в значении «копейка» или же «деньги» вообще («урот улить» и т.д.) [13. С. 137-146].

С данными выводами Н.Ф. Цыганова нельзя не согласиться, тем более что в некоторых селах Чамзинского района Республики Мордовия понятие «урот улить?» (деньги есть? – В.З.) сохранилось в употреблении в данном значении до настоящего времени, например, в с. Репище Чамзинского района [5].

Такое же явление отмечено было у коми, мари, удмуртов – угро-финских народов, где слово «белка» также встречается в значении «копейка» или вообще «деньги». Беличья система валюты существовала, подтверждает Н.Ф. Мокшин, и у соседей мордвы (финно- и тюркоязычных, славян). Установлено, что основные термины и система денежного счета появились в Поволжье и Прикамье с возникновением здесь крупных городов задолго до чеканки монет ханами джучидской династии, т.е. до монголов [7. С. 282].

Слово «ур» в значении денежной единицы «копейка» указывает, что мордва промышляла белкой с давних пор и что у нее беличья шкурка выступает как деньги, по крайней мере, не позднее X-XI вв. Это подтверждается и описаниями арабских путешественников, например, Абу Хамида Ал-Гарнати, путешествовавшего в 1150-1153 гг. по районам Среднего Поволжья. Он пишет: «Они осуществляют торговые сделки между собой при помощи старых беличьих шкур, на которых нет шерсти, когда из них нельзя извлечь никакой пользы и они абсолютно ни для чего не пригодны. И когда эти шкуры головы белки и ее двух лапок, то (эти шкуры) правильны. И каждые 18 штук в счете их идут за один серебряный дирхем... За каждую шкуру из этих шкур дают краюху превосходного хлеба, которого достаточно (для пропитания) сильного человека; за них можно купить все: невольниц, отроков, золото, серебро, шкурки бобра (куницы) и другие товары...» [8. С. 176].

По утверждению Ф. Броделя, даже в России периода Петра Великого роль примитивных денег выпала на долю пушнины: порой речь шла просто о квадратных кусках меха, которые в отдельных случаях загромождали кассы царских казначейств. Но в Сибири подати собирались имевшими хороший сбыт драгоценными мехами, и именно мехами царь производил многочисленные платежи, в частности, своим чиновникам.

Но многие вышеперечисленные и другие примитивные деньги были неудобными в использовании, и тем более в перемещении, требовалось много усилий для их транспортировки. И вот появляются примитивные деньги из металла: железа, меди. Они имели различную форму: полосы, пластины, подковы, копыя, наконечники стрел, тарелки, кольца и т.д. И, наконец, появляется всеобщий эквивалент – золото и серебро. В них сочетались важные

свойства: прочность, редкость, привлекательность для глаза, при малом объеме обладали большой стоимостью.

Сообщения русских летописей о начале обращения монет в Новгороде и Пскове не дают сведений о том, что вместе с кунами были «отложены» и векши (или белки). Но последние, действительно, и в дальнейшем служили платежным средством. Монеты («лобци» и «артуги» – ливонские, «гроши литовские» – по-видимому, пражские гроши) заменили прежние куны. В то же время эти сообщения и некоторые другие документы позволяют до какой-то степени уравнивать куну и мортку. В одном случае после упоминания куны имеется разъяснение «еже есть морд куней», «еже есть мордки куные», в другом – «оставиша торговати кунами мордками кунными»; а о псковичах в аналогичном случае сообщается, что, заведя серебряные деньги, они «мортки оставиша» [12. С. 69].

И.Г. Спасский продолжает: следует еще отметить, что многочисленные сообщения летописей XII и XIII вв. о рыночных ценах и различных платежах постоянно упоминают вместе и слиточное серебро, и малые единицы – куны и векши (белки), а иногда и мордки, но не содержат никаких намеков на сколько-нибудь условный характер ценности малых единиц. «Даже в тех случаях, когда из-за неурожая или по другим причинам цены катастрофически возрастали, это единство платежной системы заметным образом не нарушалось, что можно было ожидать при наличии в ней знаков денег, не имевших никакой внутренней стоимости» [12. С. 69].

Но примитивная форма продолжает упорно существовать и позднее «... в публикациях одного из участников новгородских раскопок В.Л. Янина были высказаны интересные соображения о платежной роли некоторых весьма массовых и притом предельно «стандартизированных» изделий древнерусской промышленности, распространение которых как бы идет по стопам монетного обращения предшествующей поры. Янин имеет в виду волынские шиферные пряслица, неоднократно встречавшиеся даже вкладах вместе со слитками, а также хорошо известные повсеместно и чрезвычайно часто встречающиеся стеклянные браслеты и бусы» [12. С. 69].

Итак, до появления денег люди занимались торговлей, непосредственно обменивая покупаемый товар на продаваемый. Постепенно какой-то товар берет на себя обязанности быть посредником при продаже или обмене. В нём выражается стоимость всех других товаров. И в нём измеряется труд, затраченный на производство товаров. Этот товар становится всеобщим эквивалентом, т.е. товаром – деньгами. В то же время у них были и черты, типичные для денег наших дней: их было мало и, значит, хватало далеко не всем и, кроме того, они, как и современные деньги, сами по себе не имели какой-либо действительной ценности. «Палеоденьги» также предвосхищали собой экономическую и политическую природу современных средств обращения: с одной стороны, они устанавливали стоимость разных видов деятельности и материальных продуктов (и тем самым выступали как предшественники современных «стандартизированных» платёжных средств), с другой – выражали и укрепляли иерархическую систему в отношении между отдельными людьми и их группами.

Многие «палеоденьги», т.е. её виды, в развитии обладали всеми характеристиками форм примитивных денег – они уже выступали в качестве меры веса, меры стоимости того или иного товара, счетной единицы, средством обмена, обращения и даже – «финансовым» резервом (функция накопления).

Литература

1. Александров Ю. От «священных» к «электронным» // Техника – молодежи. 1994. № 11.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / пер. с фр. Л.Е. Кубелля. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.

3. Денежное дело в России: Дополнительный материал к лекциям по курсу «История» / сост.: Б.Ф. Кевбрин, А.А. Тарасов; Саранск: кооп. ин-т МУПК. Саранск, 1999.
4. Жиганов М.Ф. Память веков: Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976.
5. Заварюхин В.Ю. Памятники нумизматики и бонистики в региональном историко-культурном процессе (на примере Мордовского края): дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2006.
6. Ироко А.Ф. Морская казна // Курьер ЮНЕСКО. 1990. Март.
7. Мокшин Н.Ф. Деньги // Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А-М. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2003. С. 282.
8. Монгайт А.Л. Абу Хамид Ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150-1153 гг. // История СССР. 1959. № 1.
9. Риверо П.П. Драгоценные бобы Кецалякоатля // Курьер ЮНЕСКО. 1990. Март.
10. Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1.
11. Серее Ж.-М. Как рождались деньги // Курьер ЮНЕСКО. 1990. Март.
12. Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л.: Аврора, 1970. С. 70.
13. Цыганов Н.Ф. Заметка о древнемордовской денежной единице // Зап. НИИЯЛИЭ. Т. 9. Саранск, 1947. С. 137-146.
14. Щелоков А.А. Энциклопедия коллекционера. М.: Эксмо, 2007. С. 158.
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс, К. Маркс. Соч. Т. 21. М.: Политиздат, 1985. С. 163.
16. Юрченков В.А. Мокшэрзятне умонь шкасто ды ней (Мордва в древности и сегодня) / В.А. Юрченков, Н.Г. Юрченкова; 4, 9, 11 путешкстне сермадозь Н.Г. Юрченковань марто вейсэ. Саранск, 1999. С. 29-30.

ЗАВАРЮХИН ВЯЧЕСЛАВ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт, Россия, Саранск (zavaryuhin@mail.ru).

ZAVARYUKHIN VYACHESLAV YURYEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor of Criminal Legal Disciplines Department, Saransk Cooperative Institute, Russia, Saransk.

УДК 930(470) «19»]: 94 (44) «17»

Т.Н. ИВАНОВА

ИДЕИ Г. МАБЛИ В ОЦЕНКЕ РУССКОГО ИСТОРИКА

Ключевые слова: Г. Мабли, В.И. Герье, политическая мысль Франции XVIII в.

Дан анализ работ русского ученого В.И. Герье о французском мыслителе Г. Мабли. Изучение этих произведений будет способствовать более разносторонней и объективной оценке Мабли в современной историографии.

T.N. IVANOVA

IDEAS OF G. MABLY IN THE ASSESSMENT OF THE RUSSIAN HISTORIAN

Key words: G. Mably, V. Guerrier, political thought of the XVIII century France.

The article is devoted to the analysis of the works of the Russian scientist W. Guerrier about the French thinker G. Mably. The author considers that study of these works promotes more comprehensive assessment of Mably in the contemporary historiography.

Известный политический писатель кануна Великой французской революции Габриэль Бонне де Мабли (1709-1785) способствовал своими идеями росту революционных настроений во Франции. Его прах был в 1793 г. с почетом перезахоронен якобинцами в Пантеоне, но к началу XIX в. его имя было практически забыто соотечественниками.

В конце XIX в. наследие Мабли вышло из забвения в немалой степени благодаря русскому историку Владимиру Ивановичу Герье (1837-1919). Он еще в 1883 г. написал две первых статьи о Мабли [5, 6]. Но особое значение имела книга Герье «Аббат Мабли, моралист и политик», изданная им в 1886 г. в Париже [10]. Это было первое подробное исследование о выдающемся мыслителе не только в русской, но и во французской историографии. Сразу после выхода книги в свет в библиографическом обзоре журнала «Revue historique» она получила высокую оценку из уст Ж. Моно. Критик сетовал на то, что в 1885 г. столетие со дня смерти Мабли прошло почти незамеченным во Франции, а профессор Московского университета В. Герье подготовил и выпустил в свет заме-

чательную книгу о французском философе к юбилею. Заслугой данного исследования Моно считает то, что в нем обобщены выводы предшествующих работ о Мабли, взгляды философа проанализированы в связи с общим развитием общественной мысли XVIII в., дана взвешенная оценка его доктрины. «Герье анализирует Мабли не как критик, и не как апологет», – замечал Моно [11. Р. 122].

Трактовка русским ученым личности Мабли и его доктрины оказала большое влияние на последующие исследования французских ученых. А. Олар в своем фундаментальном произведении о революции писал: «Относительно всего, что касается политических теорий Мабли, мы отсылаем читателя к превосходной книге Герье, где все они резюмированы» [7. С. 8].

В 1911 г. вышла книга Пьера Тейсендэ де Ла Серв (Teyssendier de la Serve) «Мабли и физиократы», в которой автор, широко цитируя Герье, принимает его трактовку политических взглядов Мабли. Французский ученый обращает внимание на то, что имя Мабли с начала XIX в. вновь предается забвению, из которого оно ранее вышло, в том числе благодаря книге Герье [12. Р. 27].

Высоко оценивал исследования Герье известный французский историк А. Сэ, автор серии книг о французских мыслителях предреволюционной Франции. В своей статье «Политическая и социальная доктрина Мабли» он соглашается с оценкой, данной Герье, отсылая читателя к его книге [13].

Что же сделало исследование Герье о Мабли таким популярным и авторитетным во французской историографии? Ученый не раскрыл каких-то неизвестных фактов из жизни Мабли, не обнаружил его новые, неизученные работы. Но он создал комплексное исследование о французском мыслителе, в котором все известные идеи Мабли подробно анализировались, сравнивались с доктринами его современников. Широкий фон, созданный Герье, дал возможность увидеть место Мабли в последовательном развитии философской мысли XVIII в., что позволило дать объективную и разностороннюю оценку его доктрине.

Исследованию идей Мабли Герье посвятил пять статей и уже упоминавшуюся выше монографию. Ученый объяснял свой интерес к доктрине Мабли тем, что в его творчестве можно найти ответ на вопрос, почему Франция, «быстро миновав конституционную монархию, от абсолютизма перешла к республике» [4. С. 124].

Личность Мабли имеет, по мнению Герье, особый интерес и потому, что его работы представляют «дальнейший шаг по отношению введения этики и нравственных принципов в политику» [5. С.139]. Его учение о нравственности в политике проявилось в неприятии принципов макиавеллизма и признания нравственных принципов для международного права. Вслед за Руссо он считал, что «благоденствие народа обуславливается не успехами разума, а успехами нравственности» [1. С. 173].

Политические идеи аббата Мабли Герье оценивал, сравнивая их с теориями Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Морелли, физиократов и др. Из учения Монтескье Мабли принял идею о разделении властей, понимая ее как равновесие властей. Развивая эту идею, он критиковал физиократов за их веру в возможность реформирования общества без конституционных преобразований, только волей просвещенного государя. В противовес физиократу Мерсье де ла Ривьеру Мабли стоял, по словам Герье, «за конституционную или, как он выражается, за умеренную монархию..., как за такой порядок, при котором монархический элемент также твердо обеспечен, как и народное представительство, и каждому из них отведена свойственная ему сфера деятельности» [4. С. 141].

Мабли критиковал физиократов и за их приверженность частной собственности, противопоставляя ему общинное землевладение. Герье пишет: «Он восстал против этого как моралист, который составил себе совершенно

противоположный идеал – идеал коммунистический» [1. С. 178]. Предшественником Мабли в этом отношении был, по мнению Герье, Морелли. Однако Мабли не во всем следовал за Морелли. Последний, принадлежавший к материалистической школе, считал, что природный инстинкт человека заключается в присущем ему эгоизме. А Мабли, по мнению Герье, является представителем идеала стоического, близкого к аскетизму [10. С. 111-112].

Французский мыслитель считал, что путем законодательных реформ можно создать идеальный строй, при котором, ограничивая потребности граждан, путем финансовой политики и законов о наследстве люди придут к равенству. Идеалом Мабли была земледельческая община с коллективной ответственностью на землю. Герье указывает, что аббат был за сильную власть, которая «священным насилием» может «принудить человека отказаться от своих пороков» [1. С. 186].

Герье критикует Мабли за утопизм, считая невозможным его идеальный строй, «основанный на отречении от личной поземельной собственности и на абсолютном равенстве в общем (коммунистическом) владении землей» [2. С. 282]. Русский историк полагал, что частная собственность является основой прочности государства и его стабильного развития. Герье считает Мабли повинным в том, что попытки осуществить предложенный идеал закончились революционным насилием. Он отмечает, что «социалистическая вспышка в прошлом веке – заговор Бабефа, является попыткой практически осуществить идеал, всего обстоятельнее и реальнее изображенный в сочинениях Мабли» [6. С. 198].

Можно отметить, что отношение к Мабли у Герье двойственное. С одной стороны, он полагает, что французский философ «первым среди современников показал тесную связь морали и политики и доказал, что нравственность – источник и основа общественного счастья». С другой стороны, Герье считал, что Мабли не только предсказал, но «даже ускорил» революцию. Ведь уже «в наказах 1789 года часто обнаруживается след трудов и взглядов Мабли» [10. С. 2-5]. Один из французских рецензентов книги «Аббат Мабли» обращает внимание на эту неоднозначность оценок философа русским ученым. «Мабли – сын времени, которое он сам назвал веком парадоксов» – пишет рецензент и оправдывает Герье его стремлением показать своего героя и как моралиста, и как политика [8. С. 314].

Действительно, если к учению о нравственности Мабли русский ученый подходит сочувственно, то политическая доктрина аббата вызывает у него осуждение. По его мнению, он формулировал в своих сочинениях тот *средний* политический тон, который был осуществлен революцией 1789 г. и в общих чертах доньше сохранился в учреждениях Франции [4. С. 125]. Герье указывает, что Мабли занимает как бы *среднюю* позицию между Монтескье с его принципом политической свободы, осуществляемой в конституционной монархии, и Руссо с его проповедью равенства и демократической республики «с непосредственно властвующим и законодательствующим народом». По мнению Герье, «Мабли уклонился от Монтескье своим увлечением идеей равенства, а с Руссо – существенно расходился в том, что относился с крайним недоверием к непосредственной демократии» [4. С. 125]. Русский ученый считал, что во время французской революции идеи Мабли взяли вверх над доктриной Монтескье и Руссо. «...Законодатели Франции хотели осуществить свободу наравне с равенством, но, увлекшись равенством, они отступили от программы Монтескье, отвергли аристократический принцип, и потому были не в силах основать конституционную монархию». С другой стороны, полагает Герье, Франция, несмотря на авторитет Руссо, «после некоторых колебаний, совершенно отступила от его доктрины непосредственного народовластия и законодательства толпы» [4. С. 125].

Герье критикует Мабли за его непоследовательность в политических взглядах. В одних своих работах французский писатель «отдает монархиям предпочтение перед свободным государством – за большую их способность к существенным реформам» [4. С. 135]. Защищая идею «равновесия властей», Мабли, на первый взгляд, стоял за конституционную монархию. В других сочинениях французский мыслитель выступал за полную зависимость исполнительной власти от законодательной. Герье замечает, что у него «...верховная власть все более и более отождествлялась с властью народного представительства, а королевская власть низводилась на степень простой республиканской магистратуры» [4. С. 141].

Поэтому, с одной стороны, Мабли – монархист, с другой – в своих разъяснениях теории равновесия он становится на республиканскую позицию, «распространяя под видом мнимо-конституционных идей республиканские принципы» [4. С. 153]. В чем Герье соглашается с Мабли, так это в осуждении принципа непосредственной демократии, предлагаемой Руссо. Русский историк считал, что «не народной массе должна... принадлежать законодательная власть, а правильно избранным представителям ее» [3. С. 90].

Герье указывает на историческое значение доктрины Мабли и ее роль в подготовке революции. «Мабли был первым из политических писателей своего времени, который открыто заявил, что абсолютизм во Франции должен уступить место конституции, и который еще при Людовике XV настаивал на созыве генеральных штатов» [4. С. 129].

Следует подчеркнуть, что оценка доктрины Мабли русским ученым была достаточно разносторонней и объективной и основывалась на комплексном анализе его работ и произведений его современников. Советская историография, оценивавшая позитивно коммунистические взгляды Мабли, оставила без внимания труды Герье о французском мыслителе. Мабли, как утопист-коммунист, трактовался в работах советских историков как республиканец, революционер, но критиковался за его «мелкобуржуазный идеал» ограничения потребностей. В целом советскими учеными политическая доктрина Мабли оценивалась выше его этического учения.

В то же время зарубежная историография с вниманием относилась к исследованиям Герье о Мабли. Так, в фундаментальном издании «Критическая библиография французской литературы XVIII века» имя Герье упоминается неоднократно [9. Р. 154-157]. К достоинствам его труда относят то, что русский ученый верно определил место Мабли в ряду французских мыслителей XVIII в., выявил противоречия его учения и влияние его на ход французской революции. Герье, по мнению авторов, показал, как «коммунистическая утопия» Мабли стала интерпретироваться в качестве «инструмента примирения личных интересов и всеобщего счастья» [9. Р. 155]. Составители библиографии пишут, что книга русского ученого «до сих пор является ценным исследованием, хотя некоторые аспекты, рассмотренные Герье, получили с тех пор более полную трактовку» [9. Р. 155].

Таким образом, анализ, данный Герье доктрине Мабли, был самым полным в историографии XIX в. Сейчас, в период деидеологии и уточнения марксистских оценок наследия Мабли, вовлечение работ Герье в широкий научный оборот в отечественной историографии поможет формированию более объективного взгляда на доктрину французского мыслителя.

Литература

1. Герье В.И. История XVIII века. Лекции, читанные в 1902-03 году. М.: Типо-литография Ю. Венер, 1902. 525 с.
2. Герье В.И. Мабли // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1896. Т. 19 А. С. 282-284.
3. Герье В.И. Опыт приложения этики к политике в XVIII веке // Научное слово. 1903. № 5. С. 84-101.
4. Герье В.И. Политические идеи аббата Мабли // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 124-158.

5. Герье В.И. Учение о нравственности и социальная утопия Мабли // Русская мысль. 1883. Кн. 1 [отд. 1]. С. 139-174.
6. Герье В.И. Французский этико-социалист XVIII века // Русская мысль. 1883. Кн. 2 [отд. 1]. С. 193-234.
7. Олар А. Политическая история французской революции. 1789-1804 гг. 3-е изд. Пг.: Книгоиздательство Петроградского совета, 1918. 536 с.
8. [Ch.] Guerrier, Mably // *Revue critique d'histoire et de littérature*. T. XXV. Paris, 1888. P. 313-317.
9. Critical Bibliography of French Literature 18th Century. Vol. 4 / D.W. Alden, R.A. Brooks, D. Clark Cabeen. Supplement: Syracuse University Press, 1980. 780 p.
10. Guerrier W. L'abbé de Mably. Moraliste et politique, étude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit républicain au XVIIIe siècle. Paris: F. Vieweg, 1886. 208 p.
11. Monoi G. Bulletin historique // *Revue historique*. Paraissant tous les deux mois. T. 32. Septembre-Décembre. Paris, 1886. P. 112-129.
12. Teyssendier de La Serve P. Mably et les Physiocrates, Poitiers, Société française d'imprimerie et de Librairie. Poitiers, 1911. 163 p.
13. See H. La doctrine politique et sociale de Mably // *AHRF*. 1924. P. 135-148.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru).
IVANOVA TATYANA NIKOLAEVNA – candidate of historical sciences, professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(470.42):323.2

С.В. КИСТАНОВ

БОРЬБА С ОППОЗИЦИЕЙ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ НА ПРИМЕРЕ АРДАТОВСКОГО УЕЗДА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Ключевые слова: кадеты, выборы, Государственная Дума, агитация.

Исследована тема борьбы властей с представителями партии кадетов накануне выборов в IV Государственную Думу. Отмечены меры властей по недопущению революционной пропаганды, пресечению агитации оппозиционных партий, а также средства, предпринимаемые для победы борющихся правых политических взглядов.

S.V. KISTANOV

THE FIGHT AGAINST OPPOSITION ON THE EVE OF THE ELECTIONS TO IV STATE DUMA BY THE EXAMPLE OF ARDATOV DISTRICT, SIMBIRSKAYA PROVINCE

Key words: Constitutional Democrats, elections, State Duma, agitation.

The article is devoted to the fight of the governmental authorities against the representatives of Constitutional Democrats on the Eve of the Elections to IV State Duma. The issues mentioned include the measures taken by the governmental authorities against revolutionary propaganda and opposition parties agitation as well as the means aimed at the victory of the electors stuck to right-wing political views.

Деятельность партии конституционных демократов на территории современной Мордовии – одна из малоисследованных в историографии тем. В советский период деятельность партии кадетов широко не рассматривалась, так как сама партия считалась контрреволюционной. Начатые В.В. Шелохаевым в 1980-х годах исследования в основном затрагивали деятельность центральных органов кадетской партии, столичных организаций, а также их деятельность в Государственной Думе [9]. Диссертационные исследования последних лет в основном рассматривали деятельность кадетов в губернских центрах, ограничиваясь статистическим материалом по численности организаций в уездах, а также место кадетов в политической системе Российской империи в период выборов в Государственную Думу [3, 4].

Ардатовская группа партии кадетов образовалась в конце 1905 г. и существовала в период выборов в Государственную Думу первого созыва. Её лидером и наиболее известным деятелем стал Александр Елезарович Березовский. Численность ардатовской группы установить в настоящее время невозможно, так как в губернском комитете никогда не было сведений о её численности [1. Л. 11]. Источников по деятельности группы в 1906-1911 гг. нет, из

чего можно сделать вывод, что в этот период она прекратила свою активную деятельность. Симбирский губернатор и симбирское губернское жандармское управление ежегодно запрашивали по уездам информацию о действовавших организациях конституционно-демократической партии, её примерной численности и распространённости, о лицах состоящих во главе её [5. Л. 11]. Мы имеем подобного рода донесение из Ардатовского уезда за 1911 г., в котором сообщалось о том, что партии кадетов в уезде не существует [8. Л. 10].

Однако следующий год прошёл под знаком выборов в IV Государственную Думу. В апреле 1912 г. (т.е. за полгода до выборов в Думу) ардатовский уездный исправник отправил доклад помощнику симбирского губернского жандармского управления, в котором констатировал, что «Деятельность Государственной Думы третьего созыва на настроение местного населения и в частности местных общественных деятелей произвела благоприятное влияние, все население относится к ней доверчиво и никакой критики действий Думы не замечено. Влияние результатов деятельности Государственной Думы на ход предстоящих выборов в смысле политической группировки избирателей и проведения в выборщики, а затем и в члены Думы кандидатов той или иной партии, можно ожидать в более правом направлении. В настоящее время общественные силы в уезде еще не группируются и партийная работа на местах не ведется. От выборов можно ожидать благоприятных результатов, а опасений, что будут выбраны левые – не предвидится» [6. Л. 76]. В таком же ключе был составлен рапорт полицейского надзирателя ардатовскому уездному исправнику от 15 апреля: «В члены Государственной Думы едва ли могут быть избраны левые, т.к. население больше придерживается правых взглядов» [6. Л. 77].

Уверенность властей подкреплялась и тем обстоятельством, что на территории Ардатовского уезда к 1912 г. не было никаких организованных групп оппозиционных политических организаций: ни кадетской, ни эсеровской, ни социал-демократической. За весь предыдущий 1911 г. в уезде был отмечен только один случай революционной агитации: в с. Вармазейки агитацией населения в антиправительственном духе занимался высланный из Буинского уезда Симбирской губернии Александр Никифоров [6. Л. 4].

Но с приближением предвыборной кампании ситуация неожиданно изменилась. Фактором неожиданности стало не только то, что кадеты в уезде есть, но и то, что они имеют силы вести полноценную агитационную работу, как в 1905-1906 гг. Ардатовский уездный исправник докладывал, что в Ардатове предвыборной агитацией кадетов руководил бывший член Государственной Думы Александр Елезарович Березовский, а агитация среди населения первоначально имела успех [6. Л. 155]. Агитация также велась адвокатом Александром Кокиным, человеком, по аттестации исправника, «очень вредным, которого все боятся, сведения с подписью свидетеля на которого очень трудно достать». В предвыборные дни ему удавалось собирать большие группы людей [6. Л. 39-40].

Численность кадетской группы в Ардатове была достаточно велика для того времени, в нее, по данным полицейских исправников, входило около 20 человек, а ее наиболее активными членами являлись Александр Березовский, доверенный фирмы Попова – Назар Анисимов, торговцы Александр Анисимович Артамонов и Пётр Павлович Алинов, содержатель номеров Александр Петрович Винокуров. Численный состав ардатовской группы партии кадетов позволяет сделать вывод, что она была в этот период одной из крупнейших в регионе (Пенза – 24 человека, Симбирск – 21 человек, Тамбов – 25 человек, Козлов – 18, Моршанск – 4 и Сызрань – 1 человек [2. Л. 165]) и поэтому ее появление на политической арене в период выборов заставило власти предпринимать активные меры к недопущению ее влияния на местное население.

Уже 1 июля земским и городским управам было поручено в срок до 8 августа составить списки избирателей. Надзор за правильностью их составления был поручен полицмейстерам и исправникам. Особое внимание предлагалось обратить на включенных в список скомпрометированных в политическом отношении лиц, а также на лиц, находящихся или ранее понесших наказание по суду [6. Л. 114].

В конце июля уездным исправникам были отправлены предписания по поводу определения лиц, которых было бы нежелательно допускать до участия в выборах. Ардатовским уездным исправником в письме на имя симбирского губернатора такие люди были отмечены: проживающие в г. Ардатов Александр Березовский, Николай Иванович Метальников и Александр Павлович Кокин, в с. Новая Пуза Александр Знаменский, в с. Тарханы Сиротов, в с. Тургенево Николай Рождественский, в с. Курмачасы Михаил Подлесников, в с. Лада Евгений Багрянский, в с. Куракино Павел Княжев [6. Л. 119]. Все они были отмечены как «лица, вредные в прогрессивных направлениях и могущие на выборах оказать влияние на население в противоправительственном направлении». В том же месяце исправникам было поручено предоставить начальнику ГЖУ сведения и о священниках уезда, участие которых в выборах в Думу было бы нежелательно. Следует отметить, что в упоминаемом выше отчете ардатовского исправника губернатору было названо 5 священников (Знаменский, Рождественский, Подлесников, Багрянский, Княжев). Как мы видим, уездные власти быстро определили круг потенциально опасных элементов и начали планомерную борьбу с местными кадетами.

С августа 1912 г. в Ардатовском уезде развернулась борьба с прессой революционных политических организаций. 18 августа полицмейстерам и урядникам было приказано изъять из обращения предвыборную литературу левых организаций путем личных переговоров с начальниками почтовых учреждений. Полиции также было предписано предпринять все возможные меры к недопущению распространения среди населения агитационных воззваний и всяческой противозаконной литературы подобного характера. С 27 августа исправникам было приказано следить за всеми появляющимися в уезде нелегальными брошюрами [6. Л. 121; 7. Л. 65]. Одновременно были предприняты меры контрагитационного характера. Так, в августе в Симбирской губернии в связи с выборами пожелал читать лекции Председатель симбирского отдела Национального союза Александр Мотовилов. В связи с этим губернатор обязал полицмейстеров и исправников оказать лектору всяческое содействие и полное внимание, что и было выполнено [6. Л. 120].

В сентябре контроль за прессой стал главной задачей губернских и уездных властей. Практически ежедневно настольный реестр входящих бумаг уездного исправника пополнялся требованиями о наложении ареста на то или иное издание, прежде всего на газеты «Луч», «Правда» и «Речь». Департаментом полиции в то же время был составлен циркуляр «О порядке привлечения к ответственности лиц, допустивших к обращению в заведомых ими публичных библиотеках книг, изданных вне России и не предоставленных рассмотрению иностранной цензурой, а также книг, запрещенной этой цензурой» [7. Л. 65, 168, 226, 258]. Словом, делалось все возможное для того, чтобы население было полностью изолировано от всяческой антиправительственной агитации, проводимой представителями революционных партий, в частности кадетской.

Наконец, накануне выборов состоялась поездка по уездам Симбирской губернии губернатора, которая окончательно решила исход предвыборной борьбы в Ардатовском уезде не в пользу кадетской партии. Административный ресурс сыграл свою роль. После посещения губернатором населенных

пунктов уезда крестьяне, ранее поддерживавшие кадетов, перешли на сторону правых. В выборщики были избраны только лояльные (правые) элементы [6. Л. 154]. В отчете ардатовскому уездному исправнику приставы 10 и 19 октября докладывали, что никакого партийного влияния на сам процесс избрания выборщиков не было [6. Л. 150, 153].

Избирательная кампания по выборам в IV Государственную Думу стала последним ярким деянием представителей партии кадетов на территории современной Мордовии в дофевральский период. Начавшаяся достаточно активно их избирательная кампания потерпела поражение. Его причины объяснимы прямым препятствием деятельности кадетов со стороны представителей власти, которые лишили оппозицию любых средств воздействия на население. Наоборот, следует отметить, что местные органы власти достаточно успешно решили проблему нейтрализации оппозиционной группы и добились своей главной цели – провели в состав выборщиков только лояльные им элементы.

Литература и источники

1. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 364.
2. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 1.
3. Седугин В.И. Социал-демократы и кадеты Поволжья в начале XX века (1905-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. 19 с.
4. Стоянов Ф.В. Выборы в Государственную Думу в губерниях Среднего Поволжья: 1906-1912 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 23 с.
5. ЦГА РМ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 30.
6. ЦГА РМ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 51.
7. ЦГА РМ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 54.
8. ЦГА РМ. Ф. 49. Оп. 2. Д. 10.
9. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1983. 327 с.

КИСТАНОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Историко-социологического института, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (kistanov-viz@yandex.ru).

KISTANOV SERGEI VASILYEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 8.1.2

О.Н. КОРШУНОВА, Я.М. ПОЛИВАНОВ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ КАК ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: коллективная память, исторический образ, фальсификация истории, ревизия памяти.

Дан анализ изучения образов Великой Отечественной войны и проблем коллективной памяти о войне. Подчеркивая актуальность темы, авторы сосредотачивают внимание на специфике и современном состоянии образов Великой Отечественной войны.

O.N. KORSHUNOVA, Ya.M. POLIVANOV
FALSIFICATION OF HISTORICAL IMAGES AS A PROBLEM OF THE FUNCTIONING
OF COLLECTIVE HISTORICAL MEMORY

Key words: collective memory, a historical image, history falsification, revision of memory.

Article is devoted to the analysis of studying of images of the Great Patriotic War and to the problems of collective memory of war. Underlining a theme urgency, authors concentrate attention on specificity and a current state of images of the Great Patriotic War.

Актуальность исследования критериев адекватности восприятия исторического прошлого определяется рядом обстоятельств. Одним из факторов, определяющих степень приближения представлений о прошлой истине, выступают глобальные тенденции цивилизационного развития в конце XX – на-

чале XXI вв. Системный кризис современного индустриального человека – это кризис культуры, связанный с «расщеплением» личности на интеллектуальную составляющую, с одной стороны, и эмоционально-волевую – с другой. В индустриальной культуре духовно-нравственная составляющая находится на периферии человеческой ментальности [1; 2. С. 98], что чревато нарастанием деструктивных явлений, подтачивающих стабильность и нормальное функционирование общества.

С другой стороны, восприятие прошлого детерминируется особенностями современного состояния российского общества. Современный транзит России чреват распадом предшествующей «усредненной» картины мира, характерной для большей части населения СССР. Она в той или иной мере объединяла разные этнические и социальные группы, равно как и психологические группы людей в нечто целое. Распад универсальной картины мира приводит к кризису индивидуальной и групповой идентичности и появлению сонма групповых и субкультурных картин мира, – утверждает Н.А. Хренов. Распад традиционных ценностей имеет следствием распад коллективных ценностей, т.е. распад идеологии влечет за собой распад психологии [2; 7. С. 203-204]. Одним из проявлений подобного процесса служат перекосы и неадекватности в восприятии человеком исторического прошлого, в том числе трагически-героического периода Великой Отечественной войны.

Деформации памяти получают «подпитку» под воздействием активизировавшихся в последнее время попыток реабилитировать фашизм как идеологию и практику, приписать ему цивилизаторскую роль. Подобные мифологемы – искажение исторической реальности и переписывание истории по конъюнктурным, сиюминутным соображениям являются целенаправленной перелицовкой образов Второй мировой войны. Инфильтрация и культивирование «реанимируемых» мифов, какими бы геополитическими обстоятельствами они ни порождались, таит в себе потенциальную политическую и социальную угрозу.

На основополагающую роль памяти в истории указывал Д. Дидро, полагавший, что историю нам доставляет память, философию – разум, поэзию – наше воображение. Разумеется, индивидуальная память находится в сложной взаимозависимости с групповыми идентичностями, т.е. коллективной памятью. Коллективная память упорядочивает фрагментированную повседневность. Ее контуры и приоритеты, трансформации определяются не только объективными процессами и ментальной спецификой. В её формирование вольно или невольно участвуют помимо профессиональных политиков публицисты и историки.

Историческая память – это конструкция, результат сознательного и бессознательного взаимодействия разнонаправленных персоналий и сил, вбирающих в себя прошлое в виде интенций. В понятии память объединена совокупность представлений о прошлом, которые в данный момент становятся доминирующими и образуют нечто вроде разделяемого большинством конструкта. Память предстает источником национальной идентичности, чувства причастности к конкретному социуму, который благодаря характерным для него общим ощущениям и мифам узнает себя в общем прошлом и настоящем. В памяти о Великой Отечественной войне тесно связаны память народа и обобщенная реконструированная память, сконцентрированная в исторической и художественной литературе, телепрограммах, песнях, художественных фильмах. Отдельное место в ее формировании принадлежит СМИ и учебникам по истории.

Историческое сознание охватывает и существенные, и случайные события, впитывая в себя систематизированную информацию через систему образования и неупорядоченную информацию – через средства массовой информации, худо-

жественную литературу. Случайная информация, в том числе по истории войны, часто опосредована культурой окружающих человека людей, включая семью, в известной мере – традициями и обычаями, которые несут в себе представления о жизни народа и страны. Историческая память – это определенным образом сфокусированное сознание, отражающее значимость информации о прошлом в ее связи с настоящим и будущим. Историческая память избирательна, ибо акцентирует внимание на одних исторических событиях и игнорирует другие. Она нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных личностей формируются впечатления и нравственные ценности.

В отличие от индивидуальной истории в реконструированной коллективной памяти факты, события и процессы выступают в осмысленной, систематизированной форме. Поэтому бытующая память о войне являет собой весьма противоречивый комплекс истинных и ложных знаний, понятий и образов.

В западной историко-социологической мысли, работающей в русле методологии социального конструирования, представлены разные версии понятия коллективной памяти. Согласно Б. Шварцу, коллективная память – это «репрезентация прошлого, воплощенная как в мемуарном символизме, так и в историческом основании». В отличие от него, Э. Адамчик акцентирует внимание на том, что в традиции есть элементы, минимально связанные с оригиналом события [3; 9. Р. 360, 343].

Все большее распространение получают историко-психологические методы изучения реалий войны. Они подвергаются коррекции в соответствии с новыми версиями соотношения экзистенциальных сущностей и объективной реальности. Американский исследователь Дж. Агамбен, работающий в этом направлении, исходит из постулата о том, что страдание не поддается переводу в слова без утраты своей сущности. Историк полагает, что жертвы концлагерей, претерпевшие страдания, которые привели к утрате ими человеческой личности, не способны на память и свидетельствование об исторических событиях. Подобные версии вполне конструктивны и помогают восстановить панораму трагедии Второй мировой войны. Однако при абсолютизации такой точки зрения можно впасть в другую крайность – исторический релятивизм. Так, ссылаясь на опасность обобщенных образов, Ямпольский предлагает вырваться «за пределы культивирования преемственности и коллективной памяти». Он предлагает описывать историю как таковую в категориях множества [4; 8. С. 56, 57].

В контексте попыток героизации пособников гитлеровских войск, ревизии памяти о войне, предпринимаемой на уровне международных политических структур, значение формирования позитивного образа России, в том числе в его историческом измерении и внутри страны, и вовне ее, очевидно, возрастает. Образ страны – это абстрактная, по сути, категория, влияющая на экономическое, политическое, социальное развитие государств [5. С. 110].

В значительной мере феномен образа страны – понятие культурологическое. Это предполагает учет факта, что в любой культуре новейшего времени наличествуют уровни этнической (малой) традиции, общенациональной, массовой, мировой. Особой гранью тенденций современной социокультурной эволюции человечества служит «размножение» этнополитических границ как парадоксальное следствие неумолимой глобализации. Объективной предопределенностью России является миссия гармоничного выстраивания отношений с мирами Запада и Востока. Однако абстрактное декларирование целей, вытекающих из геополитических реалий, без «заземления» их на конкретные проекты и действия, выступает «дурной реальностью». Современные политологи сходятся на резюме, что «добиться любви всего человечества, полагаясь только на пропагандистскую машину, невозможно».

Лимитирующим фактором служит обусловленность образа России вовне и его клишированных вариантов интересами, установками, стереотипами, предубеждениями самого Запада, так что «восприятие России на протяжении многих веков было для Запада неким средством самопознания». Реалии самодержавного деспотизма побуждали западного человека усилить приверженность просвещенным социальным и политическим институтам, а советский коммунизм служил аргументом в пользу демократии и рынка [1. С.15; 6].

Образы Великой Отечественной войны представляют собой обобщенное отражение действительности, формируемое пропагандой враждующих сторон. Будучи чувственно-рациональным воспроизведением прошлого, исторический образ структурно перекликается с историческим повествованием. В научной литературе утвердились понятия образов Германии, фашизма, врага, образ Родины, народа, Победы. Изучение этих образов с современных методологических позиций находится в начальной стадии. Если история и ход военного противостояния в годы войны изучены достаточно детально, то история и содержание идеологического противостояния пропагандистских структур, пропаганды как инструмента и механизма формирования исторических образов, мифов и идеологием войны либо изучены недостаточно, либо клишированы.

Тенденцией пласта публикаций конца 1980-1990-х годов стало появление сенсационных – по контрасту с предыдущим периодом – версий, ставивших под вопрос вину руководства фашистской Германии за развязывание войны. Это означало радикальный поворот в трактовке образа Германии, что разверзло круговорот дебатов в общественных и исторических кругах не только России, но и близкого и дальнего зарубежья. Дискуссионный режим обсуждения проблем, связанных с образами войны, активизировал исследования историков-профессионалов.

Историко-политическое изучение истории Великой Отечественной войны в современный период показывает, что образ Германии как потенциального врага был сформирован в Советском Союзе уже к 1939 г., так что заключение пакта Молотова–Риббентропа не могло кардинально повлиять на представления советских людей о Германии. И в канун войны, и на протяжении военных лет образ Германии формировался при четком разграничении образов немецкого народа, с одной стороны, и правящей верхушки Германии – с другой. В таком ракурсе очевиден гуманистический аспект советских образов войны. Факторами складывания и эволюции образов войны в 1941-1945 гг. были: обстановка на фронтах, степень критичности ситуации 1941-1942 гг., объективно гуманистическая миссия СССР во Второй мировой войне, масштаб людских и материальных жертв, мобильность пропагандистских структур, размах использования культурно-пропагандистских средств, иллюстративных кинофотоматериалов, степень их адекватности реальной обстановке.

Проблема угрозы фальсификации истории в современном мире встроена в контекст влияния исторических факторов на политическое развитие. Позицию нерешительной диалектики (принцип нерешительности) отстаивает американский историк, профессор университета Вирджинии А. Мегилл. Предлагая свои контуры исторического мышления, автор монографии по исторической эпистемологии отстаивает постулат о том, что истинный историк «счастлив оставить свое суждение в пространстве между противоречивыми установками и утверждениями» [3. С. 72; 7]. История, по его версии, состоит и в рассказе, и в памяти о прошедшем. Память как часть коллективного бессознательного сама по себе обрекает историка на риск фальсификации.

Другая угроза неадекватности трактовок исторических сюжетов кроется в том, что история – ценностный ресурс, система отсылок и доказательств для принятия политических решений. Это сближает историю с идеологией как явлением, подверженным социокультурному влиянию. Взгляд на историю сквозь призму культуры, по определению, фокусируется на истории ментальностей, особенностях восприятия событийной истории, во многом сопряженных с семантической лингвистикой и не в меньшей мере – со спецификой социальной «среды обитания». При этом национальный дискурс исторических текстов неизбежно этноцентричен, тенденциозен по своей природе, ибо сопряжен с гносеологией.

Историческая память обладает особенностью удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого, в результате чего историческое знание превращается в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта и его фиксации в фольклоре. По мнению ряда западных исследователей, ныне в Европе, и в России термин «память» подвергся инфляции. Это прослеживается и в средствах массовой информации, и в научных трудах. В этом кроется одна из причин того факта, что в России лишь около одной пятой части молодых людей считают себя патриотами. В современном мире налицо попытки реабилитировать фашизм и даже отстаивать противоречащую нормам международного права псевдогипотезу о цивилизаторской роли фашизма.

В последние годы за рубежом и даже в России получил распространение тезис о том, что минувшая война была по своей сути противостоянием двух тоталитарных режимов, двух диктатур за мировое господство. При такой постановке вопроса вина за развязывание самой кровавой войны в истории возлагается и на Германию, и на СССР. Встречаются попытки вписать гитлеровский режим в координаты морали.

Подписанный 15 мая 2009 г. Д. Медведевым Указ «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» – ответ на участвовавшие попытки фальсификации истории нашей страны, и прежде всего истории Великой Отечественной войны. В интервью от 8 мая 2009 г. президент подчеркнул, что «попытки фальсификации истории становятся все более жесткими, злыми, агрессивными» [4. С. 2; 8]. Парламентская ассамблея Совета Европы недавно приняла резолюцию об осуждении преступлений «коммунистических тоталитарных режимов». Вслед за ней в июне 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ принимает резолюцию, уравнивающую «сталинский тоталитаризм» и гитлеровский расистский режим, приняв решение отмечать 23 августа в странах Евросоюза как день памяти фашизма и сталинизма. Тиражирование западными СМИ тезиса о тождестве нацизма и тоталитаризма имеет как геополитический, так и идеологическую подоплеку, помимо прочего связанную с причастностью западных демократий потворству Гитлеру в канун Второй мировой войны.

Для дискредитации российской истории военную тему используют в первую очередь националисты и неофашисты в Эстонии и Латвии. Отступление от исторической истины превращается в инструмент современной психологической войны, в «воинство» которой ее активисты стремятся рекрутировать прежде всего молодых людей.

Особенно опасно то, что деятельность отечественных СМИ, по определению социологов, подчинена странной сверхзадаче – оболваниванию аудитории. В процессе трансформации общества в 1990-е годы понятие воспитания практически исчезло из сферы образования и молодежной политики. Исчезла и идея о таких составляющих гражданского становления, как трудовое, патриотическое и нравственное воспитание. И лишь Постановление Прави-

тельства РФ от 16 февраля 2001 г. о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» и аналогичная программа на 2006-2010 гг. стали своеобразным поворотом к активизации этого вектора молодежной политики.

Наряду с потребностью в системе патриотического воспитания в масштабе страны и государства необходимо патриотическое воспитание в сфере высшего образования. Эффективность его будет зависеть от сопряжения чувственно-эмоциональной составляющей с историко-интерпретирующей. Одним из сюжетов, иллюстрирующих мотивацию советских людей в годы войны, может быть «образ врага» как идеолого-психологическая конструкция, характерная для массового сознания в XX в. [6. С. 3, 4, 26; 9]. Новыми ракурсами иллюстрации и анализа истории войны народов СССР против фашизма являются идеологемы и мифологемы войны, истоки феномена героизма на фронте и в тылу. Новым ракурсом, позволяющим взглянуть на историю глазами сверстников-студентов, предстает освещение истории «Снежных десантов» (поисковиков). Использование всего комплекса исторических источников, включая визуальные и аудио-записи, кинохронику, позволит приблизиться к подлинности содержания эпопеи борьбы народов антифашистской коалиции, в первую очередь советского народа, против фашизма с его попыткой установить «новый порядок» в мире. Наряду с новыми публикациями и поисками «белых пятен» важно не оставлять «за кадром» публикации советского периода, мемуары участников войны.

Воспитательный аспект в отстаивании объективного взгляда на минувшую мировую войну неразрывно связан с учебным контекстом освещения событий 1939-1945 гг. в учебных курсах. В свете наблюдаемых ныне тенденций пересмотра смысла противостояния в годы Второй мировой войны актуален государственный подход к содержанию и организации учебного процесса по историческим и социально-гуманитарным дисциплинам.

Литература

1. Вайнштейн Г. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. С. 013-023.
2. Делокаров К.Х., Комиссарова Г.И. Образование и динамика социокультурных ценностей. М.: Социология и культура, 2000. 154 с.
3. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон*, 2007. 480 с.
4. Медведев Д. Россия всегда будет реагировать на попытки исказить события, связанные с победой СССР в Великой Отечественной войне // Высшее образование сегодня. 2009. № 6. С. 2.
5. Образ России в мировом пространстве: история и современность: материалы конф., Москва, 25 июня 2008 г. // Вестник МГУ. 2009. № 1. С. 110-115.
6. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОСПЭН, 2006. 288 с.
7. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
8. Ямпольский М. Настоящее как разрыв // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 51-74.
9. On Thanksgiving and Collective Memory: Construction the American Tradition, By Amy Adamczyk // Historical Sociology. 2002. Vol. 15, № 3, Sept. P. 343-365.

КОРШУНОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин, Казанский государственный технологический университет, Россия, Казань (kgd2006@list.ru).

KORSHUNOVA OLGA NIKOLAEVNA – doctor of historical sciences, professor, head of Humanitarian Disciplines Department, Kazan State Technological University, Russia, Kazan.

ПОЛИВАНОВ ЯРОСЛАВ МСТИСЛАВИЧ – кандидат исторических наук, ассистент кафедры гуманитарных дисциплин, Казанский государственный технологический университет, Россия, Казань (kgd2006@list.ru).

POLIVANOV YAROSLAV MSTISLAVICH – candidate of historical sciences, assistant of Humanitarian Disciplines Department, Kazan State Technological University, Russia, Kazan.

УДК 947.083.7

В.Н. КУЗНЕЦОВ

**МЕНШЕВИКИ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В 1911 ГОДУ – НАЧАЛЕ 1917 ГОДА**

Ключевые слова: меньшевики, ликвидаторы, нелегальная и легальная революционная деятельность, пропаганда, интернационализм, оборончество, рабочие группы ВПК.

Показано, что меньшевики вели постоянную борьбу с большевиками за влияние на рабочих, получая от пролетариата определенную поддержку. Меншевики выступали с ликвидаторских позиций, не веря в возможность скорой революции. В годы войны меньшевики в основном заняли оборонческие позиции.

V.N. KUZNETSOV

MENSHEVICS OF THE MID AND LAW VOLGA REGION IN 1911 – THE BEGINNING 1917

Key words: Mensheviks, liquidators, illegal and legal revolutionary activity, propagation, internationalism, defensiveness, working groups VPK.

In article it is shown that Mensheviks combated a constant Bolsheviks for influence on workers, getting from proletariat certain support. Mensheviks acted with , liquidators positions, without trusting in possibility of fast revolution. In days of war Mensheviks have taken defense positions basically.

К 1911 г. социал-демократия региона разделилась на большевиков и меньшевиков. Меншевики в основном выступали с ликвидаторских позиций, не веря в эффективность подпольной деятельности и в возможность скорой революции. В то же время сторонники обеих точек зрения сосуществовали в рамках сохранившихся небольших партийных групп. Надо было решать задачу восстановления связей с рабочими и возобновления революционной деятельности.

Активную роль в этих процессах играли меньшевики. В Самаре в июле 1911 г. И.А. Зеленский создал социал-демократическую рабочую ячейку. В августе П.Ф. Шмелев начал собирать партийные взносы во Втором потребительском обществе, которые хранились у неформального главы общества также меньшевика Л.А. Ильина. В июне 1913 г. рабочие Трубочного завода инициировали создание культурно-просветительского общества «Маяк». По их просьбе учредителем его и автором устава стал помощник присяжного поверенного А.П. Кравченко, высланный из Кавказа социал-демократ ликвидатор. В последующие месяцы с рабочими Трубочного завода встречались меньшевики Б.Н. Николаевский и депутат Государственной Думы от Уфимской губернии В.И. Хаустов.

К концу 1913 г. меньшевики Самары вели свою деятельность в больничных кассах, в обществе взаимопомощи приказчиков, книгопечатников, в профобществах строительных рабочих, булочников и кондитеров, книгопечатников, портных, в потребительском обществе неимущих мещан. Особенно большую роль социал-демократы играли в «Обществе разумных развлечений», членами которого состояли преимущественно рабочие Трубочного завода. В правление общества входили как большевики, так и ликвидаторы (А.П. Кравченко, К.С. Шехтер, Е. Успенская).

В Астрахани в 1913 г. высланные с Кавказа ликвидаторы Р.М. Арсенидзе, Д. Селенин и Д. Абанькин вели пропаганду среди работников завода Нобеля, распространяли «Новую рабочую газету». В 1913 г. на юбилей дома Романовых решили откликнуться ликвидаторы во главе с И.И. Ромишвили. Они хотели организовать активные акции протеста, но в ночь на 18 февраля 1913 г. И.И. Ромишвили был арестован. В очередной раз он и еще три ликвидатора подверглись аресту в апреле 1914 г. за проведение нелегального рабочего собрания в день марксистской печати 22 апреля.

Меншевики стремились к выпуску легальных газет. В Саратове в марте 1911 г. вернувшийся из двухгодичной высылки меньшевик Д.А. Топуридзе организовал издание еженедельной «Приволжской газеты». Первоначально ти-

раж газеты составлял около шести тысяч экземпляров, но к осени уменьшился наполовину. Из-за финансовых убытков Д.А. Топуридзе в январе 1912 г. прекратил издание газеты.

Астраханские меньшевики летом 1911 г. начали редактировать газету «Астраханский край». Р.А. Аствацатуров и высланный из Ростова-на-Дону М.Б. Смирнов смогли придать ей социал-демократическую ликвидаторскую направленность. 5 октября 1911 г. распоряжением губернатора выпуск газеты прекратился (вышло 76 номеров) [2, оп. 241, 1911. 5ч. 5л. Б. Л. 26 об.].

В сентябре 1913 г. в Самару приехал Б.Н. Николаевский, встретившийся с рабочими Трубочного завода. Обсуждался вопрос: какого направления нужно держаться рабочим – ликвидаторской «Новой рабочей газеты» или большевистской «Северной правды». Большинство высказалось за меньшевистское издание. Вскоре состоялось нелегальное собрание двенадцати социал-демократов. А.П. Кравченко выступил по вопросу о том, какую из этих двух газет выписывать самарским рабочим. После обсуждения решили выписать и ту и другую.

В начале ноября 1913 г. состоялось собрание партийного актива, на котором А.П. Кравченко докладывал о расколе во фракции РСДРП в Государственной Думе. Четверо из присутствующих оправдывало меньшевистскую «семерку», двое были за большевистскую «шестерку», у остальных определенного мнения не было. Споры между ленинцами и ликвидаторами разгорелись и по вопросу издания легального социал-демократического журнала «Заря Поволжья». В декабре 1913 г. этот вопрос обсуждала инициативная группа. Большевик С.А. Павлов так описывал разногласия в письме в Сызрань: «Вчера было собрание и решили журнал издавать, четверо ликвидаторов присутствовало и при голосовании воздержались, мотивируя, что несвоевременно издавать сейчас журнал, когда рабочие недостаточно еще созрели, надо подготовить массу» [2. Оп. 241, 1911. 5 ч. 68 л. А. Л. 54].

В 1914 г. в Самару был выслан один из лидеров столичных ликвидаторов, типографский наборщик П.К. Грибков, после чего позиции ликвидаторов значительно усилились. Он стал руководителем общества книгопечатников и попытался дать бой большевикам за контроль над «Зарей Поволжья». Поводом стал следующий казус. В мае 1914 г. в редакцию одновременно поступили из Петербурга две статьи. Первая против ликвидаторов большевика Г.Е. Зиновьева, а вторая с обоснованием ликвидаторства меньшевика Ф.И. Дана. Против публикации первой выступили ликвидаторы, а против второй – большевики. В редакции произошел раскол. Большевик С.М. Белов в письме в Поронино к В.И. Ленину так описывал и оценивал ситуацию: «У нас в редакции был обыск, во время которого были забраны все рукописи. Конфисковал жандармский полковник и рукопись, и статью тов. Г.З. Надо сказать, что ликвидаторская часть журнала ратовала за непомещение статьи, находя ее направленной против другой части социал-демократов и способной вызвать раскол среди самарских рабочих. Теперь вопрос стоит так: или помещать статьи все определенного последовательного характера и разойтись с ликвидаторами, или же быть наполовину последовательными. Ликвидаторов же здесь среди сознательных рабочих, пожалуй, не меньше половины, интеллигенция же вся ликвидаторская. Определенных большевиков, способных писать в журнале, здесь совсем нет» [2. Оп. 244, 1914. 5 ч. 68 л. Б. Л. 40].

Дело передали на рассмотрение «читающих рабочих», которые должны были составить специальную комиссию. 15 мая 1914 г. за городом состоялось собрание комиссии из 27 человек, где меньшевиков представлял П.К. Грибков. Решили, что «Заря Поволжья» должна быть не фракционной, а нейтрального направления.

Участие в издании журнала было то единственное, что объединяло самарских большевиков и ликвидаторов. В июне 1914 г. собралось семь меньшевиков (П.К. Грибков, Л.А. Ильин, А.П. Кравченко и др.). Решили: совместная работа с большевиками невозможна, так как они принимают к себе всех без разбора и, кроме того, полиция прекрасно осведомлена о подпольной работе. В конце июня 1914 г. большевики избрали собственный комитет. Так произошел организационный раскол между большевиками и ликвидаторами в Самаре.

В Саратове разногласия между большевиками и ликвидаторами рассматривались на собрании рабочего кружка в июне 1913 г. В резолюции говорилось: «Принимая во внимание, что фракционная полемика приносит только вред, необходимо сократить газетную полемику до минимума» [2. Оп. 241. 1911. 5 ч. 69 л. Б.Л. 68 об]. Такая примиренческая позиция вызвала недовольство большевиков, которые в декабре 1913 г. провели собственное собрание и решили впредь принимать в социал-демократическую группу только большевиков. Так в Саратове раскол произошел раньше, чем в Самаре – в 1913 г.

В Симбирске при полном упадке социал-демократического движения вопрос о внутривнутрипартийных разногласиях носил чисто «академический характер» и не выливался ни во что мало-мальски серьезное. В Астрахани традиционно господствовали ликвидаторы, но в условиях общего подъема активизировались и большевики. Высланный сюда С.Г. Шаумян(ц) весной 1913 г. провел собрание партийных рабочих, на котором присутствовало 25 человек, принявшее (22 – «за», 1 воздержался, 2 – «против») две большевистские резолюции: «О "Правде"» и «О социал-демократической фракции».

Ликвидаторы не собирались отступать. Один из них, помощник присяжного поверенного, Р.М. Арсенидзе в октябре 1913 г. писал депутату Государственной Думы Н.С. Чхеидзе: «Беки подняли тревогу, перетянули к себе «Луч» (деньги на подписку). Теперь я заставил их немного замолчать, решили выпустить и ту, и другую (и «Правду», и «Луч»). Теперь можно прислать 50 экземпляров одной и 50 другой. Передай «Рабочей газете», чтобы писали популярно, не оставляя ни одного выступления беков, но без резких выражений. Но отвечать надо не путем непродуманных резолюций, а путем подробного выяснения всех правдивых махинаций и извращений фактов. Это необходимо. Масса читает и не разбирается, если нет подробного ответа. Осужайте «Правду» за раскольничество» [2. Оп. 241. 1911. 5 ч. 69 л. Б. Л. 68 об].

17 апреля 1914 г. состоялось партийное собрание, организованное И.И. Ромишвили. Присутствовало двадцать семь человек рабочих заводов Нобеля и Норена, бондари, портные, приказчики, служащие трамвая и паровозов. Решили собрать посильные взносы и передать их в редакции «Правды» и «Северной рабочей газеты», распространить 22 апреля, в день марксистской печати обе газеты в двойном количестве».

В Саратове в декабре 1915 г. меньшевики (С.И. Цедербаум, П.В. Пятницкий и др.) попытались установить связи с рабочими и повлиять на выборы в рабочие группы ВПК, но уже в январе 1916 г. их группа распалась. Меньшевики Саратова во многом уступали большевикам. Как писал в январе 1916 г. П.В. Пятницкий своему другу в Енисейск: «Не подумайте, что здесь много меньшевиков... Меньшевиков 2/3 человека, и они абсолютно ничего не делают» [2. Оп. 246. 1916. 5 ч. 69 л. Б. Л. 5.].

В Царицыне летом 1916 г. высланные сюда меньшевики образовали свой кружок во главе с нелегальным «Петром». Всего в него вошло 14 человек. Группа планировала установить связи с рабочими, но деятельность ее сама собой затухла осенью 1916 г.

Борьба с большевиками по вопросам войны, ВПК, использования других легальных организаций сплотила самарских меньшевиков. К концу 1915 г. у них образовалась активная группа. Ее ядром были А.Я. Бакаев, высланный в Самару звенигородский мещанин А.И. Кабцан, В.С. Кайрович, А.А. Князев, А.Н. Левин и высланный из Ростова-на-Дону Б.С. Васильев. Но в июне 1916 г. аресту и высылке за пределы губернии подверглись А.И. Кабцан, А.Н. Левин, Б.С. Васильев.

В 1915 г. власти Саратова подняли вопрос о создании биржи труда из буржуазии и рабочих, которая бы выдавала пособия и предоставляла работу. Большевиков не устраивал принцип комплектования: 12 представителей буржуазии и 8 рабочих. Меньшевики считали, что в любом случае рабочие смогут ее использовать для защиты своих интересов и неучастие в выборах – это предательство этих интересов. На городское собрание, созванное для решения этого вопроса, прибыло 200 рабочих представителей. 3/4 поддержали большевиков и высказались за бойкот своего участия в бирже.

В целом меньшевики составили большевикам серьезную конкуренцию за доминирование в легальных организациях. Особенно большую настойчивость проявляли К. Ежова и живший одно время в Саратове А.П. Кравченко. К. Ежовой удалось потеснить большевиков в больничной кассе печатников. Дело дошло до скандала на одном из заседаний кассы между ней и большевиками, когда те, имевшие еще большинство, приняли решение не пускать ее на заседания. Но и это не остановило меньшевичку. На выборах правления профобщества торгово-промышленных служащих в декабре 1915 г. полностью доминировали меньшевики.

Меньшевики, в отличие от большевиков, ратовали за созыв рабочего съезда, который бы заменил собою нелегальную партию. Газета самарских меньшевиков «Наш голос» писала: «Созыв общероссийского рабочего съезда является настоятельной потребностью переживаемого момента. Для того, чтобы можно было услышать подлинный голос рабочей России, мы, рабочие, должны общими усилиями созвать рабочий съезд... Всероссийский рабочий съезд должен будет влить живую струю в широкие рабочие массы, вдохнуть непоколебимую веру в будущее, призвать к объединению и выработать ближайшую программу действий» [4. 13 сент.].

Точка зрения ликвидаторов по многим вопросам хорошо выражена одним из них, П.В. Пятницким в письме И.В. Мгеладзе в Енисейск: «Наше развитие пойдет тем же путем, что и в Германии. Следовательно, мобилизация рабочих сил необходима, но где? В данное время это возможно только вокруг продкомиссий, бирж и комитетов, но не вокруг обычных классовых организаций... Ведь революции никто не создавал по желанию, а были результатом недовольства правительством. Ужели большевикам до сих пор не ясно, что наше правительство уже встало на путь дальновидности и поэтому дело за рабочими, чтобы извлечь максимум из этого пути... Будет или не будет революция – у власти может стать только буржуазия, но никто другой, а поэтому пролетариат прямо заинтересован, чтобы у власти стала либеральная буржуазия. Буржуазия создает свои организации, как ВПК, биржи и прочие, ради своих целей, но разве стать под одну крышу с буржуазией равносильно прикованию ее цепями?» [2. Оп. 246, 1916. 5 ч. 69 л. Б. Л. 6.].

В августе 1914 г. П.Ф. Шмелев и К.С. Шехтер вступили в общество приказчиков и скоро стали там фактическими руководителями, делая все возможное для пропаганды марксизма. Эта деятельность продолжалась до их ареста в начале 1915 г. К началу войны в руках ликвидаторов находилась такая крупная разрешенная властями организация, как «Общество разумных развлечений». Но уже 26 июля 1914 г. за антивоенные выступления губернатор его закрыл, что явилось для меньшевиков большим ударом. А.И. Кабцан и А.П. Кравченко в октябре 1915 г.

успешно баллотировались в правление потребительского общества «Самопомощь», а А.П. Кравченко стал секретарем правления [1. 11 окт.]. Кроме того, он же являлся секретарем правления третьего общества взаимного кредита.

Меньшевики продолжали резко критиковать власти. Например, сотрудник «Нашего голоса» П.Я. Голиков дважды выступал на собраниях: в августе 1915 г. в городской Управе по вопросу о дороговизне и в феврале 1916 г. среди торгово-промышленных служащих по выборам в ВПК, но в обоих случаях его речи оставались незамеченными полицией. В июне 1915 г. попытался принять участие в областном съезде по борьбе с дороговизной А.И. Кабцан, но, как гласно-поднадзорного, полицейский чиновник удалил его с заседания [2. Оп. 245, 1915. 27 ч. 68. Л. 6 об.].

Ликвидаторы, господствовавшие в социал-демократическом движении Астрахани, конечно же, направляли все усилия на завоевание легальных организаций. Они участвовали в работе ВПК, имели сильные позиции в народном университете, обществе трезвости и обществе потребителей. В Симбирске социал-демократы продолжали вести себя достаточно пассивно. Можно отметить только одно: меньшевики Н.А. Вологин, А.А. Кузнецов, Н.Н. Чебоксаров вошли в состав симбирского ВПК, образованного в июне 1915 г.

Война стала, по выражению одного из социал-демократов Самары, «громовым ударом» [2. Оп. 244, 1914. 9 ч. 68 л. Б. Л. 113.], который поверг в шок членов партии и активных рабочих. 23 июля 1914 г. состоялось организованное ликвидаторами собрание в «Обществе разумных развлечений». Там главные позиции занимали меньшевики, председателем собрания избрали П.К. Грибкова. На собрании присутствовало около 60 человек. Выступавшие были едины в неприятии войны, которая, по их мнению, велась в интересах высших слоев общества и бюрократии. Предлагалось использовать войну в агитационных целях, высказывались пожелания устроить беспорядки среди запасных солдат.

Позиция меньшевиков по вопросу о войне с течением времени менялась. По-прежнему осуждая войну, они призывали к победе России. Вот как, например, война виделась самарским меньшевикам в 1915 г.: «Война стала у нас оборонительной. Даже больше – наша Родина сейчас стоит перед угрозой нашествия германских войск к центру ее общественно-политической жизни: Петрограду, Москве, Киеву. Ей угрожает смертельная опасность быть разбитой, разгромленной прусским юнкерством... Пролетариат, стоя за оборону страны, остается верен заветам международных социалистических конгрессов» [4. 27 окт.]. Между тем сильны оказывались и интернационалистские настроения. Проведенная по инициативе самарских меньшевиков в августе 1915 г. поволжская меньшевистская конференция одной из своих задач ставила выступление против войны, разоблачение ее преступного характера.

26 сентября 1915 г. самарские меньшевики организовали посещение города членом Государственной Думы, состоявшим в военно-бюджетной комиссии, В.И. Хаустовым. В городе прошла его встреча с рабочими Трубочного завода, где он осуждал власти за якобы стремление к сепаратному миру и призывал к поражению Германии, так как ее победа приведет к разгрому русского пролетариата и русской промышленности.

В Астрахани тамошние социал-демократы ликвидаторы поддерживали войну до победного конца. В Симбирске война расколола некогда единое социал-демократическое движение. Большая часть (Н.С. Охотин, А.А. Кузнецов, Н.Н. Чебоксаров, Н.А. Вологин и др.) заняла оборонческие и ликвидаторские позиции. Жандармская агентура докладывала в ноябре 1914 г.: «В кругу местных социал-демократов настроение мирное, никакой партийной работы не ведется. На эту войну они смотрят как на освобождение от гнета милитаризма. Главная причина их миролюбивого настроения к правительству та, что

они думают, что при благоприятном завершении войны, правительство оплатит народу за все его жертвы и за тот подъем, с каким они откликнулись на зов войны. По окончании войны, по их мнению, правительство должно удовлетворить земельную нужду нашего крестьянства в виде принудительного отчуждения частновладельческих земель и даровать амнистию политическим заключенным» [3. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1223. Л. 65об.-66.].

В августе 1915 г. А.Н. Левин и Б.С. Васильев начали издавать легальную газету «Наш голос». Фактическим редактором ее являлся Б.С. Васильев, формальным А.В. Молодкин. В первом номере определялись главные задачи, которые должны решаться с помощью данного печатного издания: «Работа над сплочением рабочего класса в самостоятельную политическую силу – таково повелительное требование момента и, вместе с тем, повседневная задача действительного марксизма. Служению этой задачи – будет посвящен «Наш голос»» [4. 29 авг.].

«Наш голос» получил широкое распространение по России. Из Казани, Пензы, Полтавы, Астрахани, Саратова, Бирска, Москвы, Брянска, Оренбурга, Иркутска поступали приветствия в его адрес. Тираж вырос с 2000 до 11000 экземпляров. В редакцию поступали посильные пожертвования от рабочих. Например, с 11 по 18 октября 1915 г. сумма составила 54 руб. 75 коп., в том числе от рабочих железнодорожных мастерских 5 руб. 40 коп., от рабочих патронного завода 7 руб. 70 коп., от рабочих Трубочного завода 7 руб. 50 коп., от работников депо 7 руб. [4. 20 окт.].

Власти чинили всяческие препятствия газете. 25 декабря 1915 г. читатели получили последний, четырнадцатый номер газеты. Меньшевики не опускали руки, и она возрождалась под названиями «Голос труда» и «Голос». С изданием сотрудничал О.Ю. Мартов, благодаря статьям которого оно приобрело интернационалистский характер. В июне 1916 г. аресту и высылке из губернии подверглись играющие главную роль в издании газеты А.Н. Левин, Б.С. Васильев, затем был произведен обыск у фактического издателя её Н.А. Краснощековой, и в конце 1916 г. губернатор закрыл газету.

У социал-демократов и рабочих отсутствовало единство по вопросу об участии в выборах в рабочие группы ВПК. Наиболее острые баталии вокруг ВПК развернулись в Самаре. Меньшевики высказались за участие в ВПК. Их газета «Наш голос» писала: «...Мы говорили, что рабочий класс должен зорко следить за процессом организации буржуазных сил и учитывать его прогрессивное значение. Но от внимания и учета необходимо переходить к действию. И участие в выборах в ВПК дает нам для этого чрезвычайно удобную почву. ...Стоит ли нам бойкотировать ВПК? Конечно, нет! Уйти оттуда всегда можно успеть» [4. 26, 27 сент.].

25 сентября 1915 г. агитировать самарских рабочих за участие в ВПК приехал В.И. Хаустов. Он советовал им идти в ВПК, но только если правительством будет дана свобода собраний, слова, печати, неприкосновенности личности и т.д. Но и на таких условиях, – убеждал В.И. Хаустов, – надо идти только с согласия российского съезда рабочих, который должен состояться в недалеком будущем. Если же свободы не будут даны, то от участия в ВПК необходимо категорически отказаться и занять выжидательное положение до исхода войны и в случае поражения Германии поднять революцию.

Большевики и меньшевики приняли 24 сентября 1915 г. участие в собрании рабочей комиссии для избрания выборщиков в ВПК. Председателем избрали А.И. Кабцана, который первым слово предоставил В.И. Хаустову, задавшему тон собранию. Собравшиеся приняли резолюцию об участии в ВПК на тех же условиях, что и в Москве и Петрограде. После этого прошли выборы в организационную рабочую комиссию по выборам в ВПК. Председателем вновь стал А.И. Кабцан. В итоге в рабочую группу самарского ВПК избрали 12 человек.

Как и предполагали меньшевики, рабочие группы стали довольно громкой антиправительственной политической трибуной. В конце 1916 г. в рабочую группу самарского комитета прибыл представитель центрального ВПК меньшевик Л.М. Пумпянский, под руководством которого были составлены две резолюции, посвященные продовольственному кризису, направленные в Государственную Думу.

Кто такие меньшевики к 1917 г.? Это те интеллигенты и рабочие из среды РСДРП, которые больше не верили в возможность революции и старались добиться изменений в рамках существующего строя. Так меньшевизм революционного течения превратился к началу 1917 г. в вариант российского либерализма.

Литература

1. Голос Самары. 1915.
2. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 102.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАОУ).
4. Наш голос. 1915.
5. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983.

КУЗНЕЦОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (kuznetsov_simb@mail.ru).

KUZNETSOV VALERIY NIKOLAYEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor, Universal History Department Chairman, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk.

УДК 348. 72

В.Ф. ЛЕВИН

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРОУЧЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: православная вера, ислам, мусульманин, язычество, католики, иудаизм, хлысты, протестанты, раскольники, церковь, государство, вера, богохуление.

Статья посвящена государственному правовому регулированию деятельности неправославных вероучений в начале XX в. Предметом изучения являются виды религиозных преступлений и российское законодательство по этой проблеме.

V.F. LEVIN

OF LEGAL REGULATION HISTORY OF UNORTHODOX RELIGIOUS BELIEFS ACTIVITIES AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

Key words: Orthodoxy, Islam, Muslim, Catholic, Judaism, Protestant, Church, State.

The article deals with the state legal regulation history of unorthodox religious beliefs activities as well as some forms of religious crimes in Russia at the beginning of the XX century.

С началом первой русской революции в 1905 г. на повестку дня встал вопрос об изменении религиозной политики, а в соответствии с этим и законодательства. В результате пересмотра действовавших узаконений принцип веротерпимости был расширен – не допускалось насильственное «держание в вере», переход в ислам не должен был преследоваться, лица, числившиеся православными, но ранее принадлежавшие другим исповеданиям, могли теперь придерживаться своей веры. Несмотря на либеральные тенденции в вопросе вероисповедания, законодательство по-прежнему сохраняло иерархию конфессий, во главе которой стояла Русская Православная Церковь (РПЦ). Государство обеспечило православию законодательную защиту его прав.

Переломной вехой для РПЦ стали указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и манифест 17 октября 1905 г. «О свободе совести» [12]. В этих документах правительство на официальном уровне закрепило за «инородческим» населением Российской империи некоторые элементы религиозной

свободы. В частности, им было предоставлено право перехода из православной веры в другие религиозные конфессии. Поэтому были отменены соответствующие статьи в «Уложении о наказаниях». Этим правом в России воспользовались 170 тыс. католиков, 36 тыс. мусульман и около 10 тыс. протестантов [2. С. 47].

Правительству пришлось пойти на некоторые уступки и в отношении старообрядцев и сектантов, которым, однако, запрещалось, как и прежде, пропагандировать и распространять свою веру, в то время как РПЦ продолжала оставаться «первенствующей и господствующей».

Характер деятельности РПЦ, особенно в миссионерстве, сильно изменился после объявления свободы вероисповедания. Если до 1905 г. «иноверие» в своем распространении встречало препятствие со стороны не только церкви, но и гражданской власти, так как открытый разрыв с РПЦ был уголовно наказуем, то с момента издания манифестов эти внешние ограничения были сняты.

Святейший Синод своим циркуляром предложил епархиальным архиереям «дать отклики» на этот указ и его возможные последствия. Многочисленные отзывы показали, что указ рассматривался ими как покушение на права православной церкви, создавая благоприятные условия для «инославия и иноверия» [13. С. 73]; в частности, по словам архиепископа Казанского и Свияжского Никанора (Н.Т. Каменского), «все направлялось к низвержению могущественного положения православия» [10. С. 342-343]. Позицию священнослужителей можно понять, так как они осознавали возникавшие проблемы, связанные с началом процесса выхода «инородцев» из православия в другие вероисповедания и образованием многочисленных религиозных сект.

Немалую роль в широком распространении и общей активизации сектантства в поздней Российской империи сыграли кризис РПЦ, неуклонное падение ее влияния и духовного авторитета в обществе. Наряду с официальной РПЦ влиятельной силой в русском православии продолжало оставаться старообрядчество – течение, возникшее в результате небезызвестного церковного раскола XVII столетия.

Церковные деятели давали негативную оценку закону о веротерпимости 1905 г. Так, православный миссионер В.Н. Эсливанов высказывался: «Иноверие, в частности мухаммеданство, получило полную свободу для качественного своего роста. Но мухаммеданство не удовлетворилось данным ему правом и, толкуя свободу вероисповедания как свободу для пропаганды ислама, стало открыто количественно увеличивать свой рост за счет языческих и христианских народностей края» [14. С. 4].

В Казанской губернии среди старо- и новокрещеных татар под влиянием усиленной мусульманской пропаганды обозначился усиленный переход в ислам. Большая часть перешедших в ислам крещеных татар приходилась на Казанский, Мамадышский и Тетюшский уезды. В Елышевском приходе, например, к 15 февраля 1907 г. осталось только 8 православных домов. Оставивших православие насчитывался 251 двор. Аналогичная картина была и в других приходах. Так, в Старо-Икшурминском приходе значилось 60 православных и 60 «отпавших», в Больше-Саврушском – 100 православных и 80 «отпавших»¹ [11. С. 51].

В период первой русской революции, когда власти, занятые проблемами подавления революционного движения, ослабили борьбу с религиозными преступлениями, разгромленные в период правления Александра III тоталитарные секты, враждебно относящиеся к политике государства, снова стали разрастаться. В Казанской губернии наиболее опасной из всех сект, зарегистрированных на

¹ Приходы Мамадышского уезда Казанской губернии Елышевский, Больше-Саврушский и Старо-Икшурминский являлись центром этого перехода.

территории края, была секта «хлыстов», созданная в 1905 г. крестьянином Яковым из села Шакурово. Сектанты, провозгласив себя новоявленными «ревнителями благочестия», завлекали в свои ряды сотни обманутых крестьян, которые бросали свои семьи и устремлялись в неизвестность за новоявленным «пророком». Брак сектанты считали грехом, в результате распадались многие семьи. Посты «хлысты» распространяли не только на себя и на свои семьи, но и на скот и мелкую птицу. Собираясь в уединенных местах, «хлысты» занимались отправлением оргий, святотатствовали. Две уединенно стоящие избы в селе Шакурово они объявили «монастырем» и превратили в место сборищ. Занимаясь антиобщественной деятельностью, секта отвлекала крестьянское население от общественно полезного труда. Необходимо было принять срочные меры по нейтрализации негативного влияния сектантов на духовность местного населения края, вырвать крестьян из цепких лап главарей сектантов, вернуть многих из них в свои семьи [5].

В южных уездах Казанской губернии и в северных уездах Симбирской губернии началось массовое отпадение христиан-чувашей в сектантство и язычество. Лавирование христиан-чувашей между язычеством и православием проявлялось также во внешних признаках: отправлении обрядов и таинств по принуждению, отказе от ношения нательного креста и т.п. Распространилось «двоеверие». Оно было широко распространено в Поволжских губерниях. Только в Казанской губернии их было несколько десятков тысяч [6].

После обнародования указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» многие руководители РПЦ подвергли критике деятельность гражданских властей. Представители православного духовенства рассматривали данные законы как покушение на права РПЦ и создание благоприятных условий для «инославия и иноверия» [13. С. 74].

Рост панисламских настроений привел к тому, что некоторые представители церкви призывали запретить допуск к власти не только «иноверцев», но и крещеных представителей нерусских народностей [1]. П.Е. Афанасьев же в своих взглядах пошел дальше, призывая лишить российских мусульман всех политических прав.

Данный период государственной политики в отношении сектантов имел следующие характерные черты: 1) доработка уже имеющихся законов, относившихся к сектантству; 2) выработка законов в отношении вновь появившихся сект; 3) большая работа вне законодательной области по поиску мер борьбы с религиозным инакомыслием; 4) стремление светской власти отмежеваться от наказания сектантов; 5) кризис взаимоотношений государственной власти и церкви, судебной и исполнительной властей [15].

Государство в очередной раз было вынуждено пойти на ужесточение мер против антиправославной деятельности. В начале XX в. законодательство, регламентирующее борьбу с религиозной преступностью, было оптимизировано. Ранее нормативные документы, устанавливающие ответственность за религиозные преступления, содержались во II главе Уголовного уложения, которая называлась «О нарушениях, ограждающих веру постановлений». Эта глава была введена Законом от 14 марта 1906 г. и состояла из 24 статей, в которых была установлена ответственность за различные разновидности религиозных преступлений.

Принятие данного закона в разгар первой русской революции (1905-1907 гг.) было вызвано всплеском религиозной преступности, направленной против РПЦ как опоры государства и ее служителей на местах. Их участниками становились не только так называемые «инородцы», представители нерусских народов и неправославных религиозных конфессий, но и широкие массы городского и сельского русского населения.

Власти, понимая всю опасность происходящего, пытались бороться с этой напастью. Законом 1906 г. были дополнительно, к ранее действующим, введены такие разновидности уголовно-религиозных преступлений, как: 1) «поношение» нехристианских вероисповеданий; 2) осуществление бесчинства при богослужении неправославных конфессий; 3) самовольное совершение христианского священнодействия неуполномоченными лицами.

Дополнения в закон были внесены из-за случаев разгрома мусульманских мечетей и еврейских синагог в период революционных потрясений. Как уголовно наказуемое, считалось преступление, связанное с «публичной поддержкой раскола». Борьба с расколом или старообрядчеством, а также с организациями, представляющими интересы староверов, велась с разной степени интенсивностью начиная с реформы патриарха Никона. Это вызывало в либеральной и нелегальной революционной прессе наибольшую критику².

Более жесткие меры были приняты против исламской пропаганды, направленной на вовлечение в ислам тех этнических групп, которые много веков исповедовали православие. В период первой русской революции в придачу к исламской пропаганде в Казанской и Симбирской губерниях националистическими группами развернулась политическая кампания, направленная на предъявление политических требований к центральному и региональным государственным органам власти. Суть их состояла в полном воспрещении какой-либо миссионерской деятельности среди мусульман; воспрещении насильственного обращения в православие; запрещении кампании, направленной на насильственное посещение русских школ; организации преподавания в национальных школах только на родных языках и др.³ [11].

Анализ этих требований свидетельствовал о том, что исламское руководство хотело создать условия для ликвидации всех возможных препятствий в проведении исламской пропаганды в крае.

Реальная повседневная жизнь показала, что недооценивать религиозные преступления было нельзя, так как это приводило к обострению политической ситуации в стране. В 1907-1910 гг. в Среднем Поволжье резко обострились отношения между православными и отступниками. Это случилось в таких населенных пунктах края, как В. Отары, Савруши, Три Сосны, Старая Икшурма Чистопольского уезда и в других местах. Бурным ходом шло строительство мечетей, число которых значительно опережало количество церквей. Активизировался процесс перехода в ислам православного населения из числа русских [8].

Исламисты в ходе активно проводимой ими религиозной пропаганды вербовали в свои ряды и язычников, количество которых в крае превышало 14 тыс. [9].

Толчком к принятию серьезных правовых и судебно-уголовных мер стали факты появления в селах бродячих исламских проповедников – мугаллимов, которые имели место в 1910-1912 гг. Они пропагандировали, по оценке полиции, идеи ваххабизма, агрессивного ислама, старались привлечь на свою сторону часть населения, недовольную национальной политикой правительства. Хотя в Симбирской губернии массовых подобных фактов обнаружено не было, во всех исламских учебных заведениях на основе циркуляра Министерства народного просвещения от 15 марта 1908 г. были проведены контрольно-проверочные рейды с целью выявления подобных бродячих проповедников-мугаллимов. Были проверены даже некоторые частные дома, где, по

² Ст. 29 Устава о наказаниях за совершение нарушений законных распоряжений, основанных на применении ст. 59 вышеупомянутого устава.

³ Приходы Мамадышского уезда Казанской губернии Елышевский, Больше-Саврушский и Старо-Икшурминский являлись центром этого перехода.

предположению полиции, могли укрываться мугаллимы. Наиболее тщательно проверялись многонациональные Ардатовский, Алатырский, Буинский и Курмышский уезды. Подобные бродячие учителя-проповедники были обнаружены только в Карсунском уезде Симбирской губернии, их деятельность при помощи полиции была немедленно пресечена [4].

Несмотря на все издержки, в новое российское законодательство было внесено немало дополнений, улучшающих прежнюю юридическую практику, хотя они носили противоречивый характер. Вот одно из имеющихся противоречий. Законом 14 марта 1906 г. была введена норма, регламентирующая ответственность за «нарушение свободы индивидуального культа». То есть при всей нелюбви правительства к раскольникам, магометанам, иудаистам, лютеранам властям запрещалось вмешиваться в процесс отправления богослужения этим и другим религиозным конфессиям. Был также устранен такой состав преступления, как, например, «отпадение из православия раскольника, ранее обращенного в православие», введено ограничение наказания за ненасильственное соращение из православия в другую веру.

Важным шагом на пути демократизации законодательства об ответственности за религиозные преступления была отмена ответственности родителей или опекунов за воспитание детей по правилам «ненадлежащего вероисповедания». Впервые в российской истории, кроме православной церкви, законодательно обеспечивались права других конфессий.

Важным проявлением демократических устремлений властей стало исключение из закона статей об ответственности за «отпадение из православия» и переход в другую веру, а также за «ненасильственное соращение из одного вероисповедания в другое».

По таким преступлениям, ранее считавшимися тяжкими, как, например, «богохуление», «кощунство и «соращение», значительно понижены и смягчены меры ответственности.

По некоторым направлениям, за отдельные преступления карательные санкции были значительно усилены. Ответственность значительно ужесточена: 1) за «богохуление» на лиц, которые подобные деяния совершили непублично; 2) за «ненасильственное» соращение из одного христианского вероисповедания в другое; 3) за самооскопление либо оскопления другого [13. С. 74]; 4) за оскорбление православного священника с целью оказания неуважения к православной церкви.

Ряд мероприятий, направленных на ужесточении наказания за религиозные преступления, были приняты под давлением членов Особого Совещания при Государственном Совете, которые посчитали, что меры по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за религиозные преступления, предложенные совместным совещанием представителей Святейшего Синода и Министерства юстиции, оказались недостаточными.

Преследование оппозиционных к православию конфессий приводили к обратным результатам, создавая вокруг них ореол мучеников. Против религиозных гонений подняла голос и либеральная печать, и новые суды, стоявшие за законность.

Литература

1. Батунский М.А. Русская клерикальная исламистика и ее оппоненты: круговая оборона и многоцелевое нашествие // Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода 1905-1907 гг. СПб., 1910. С. 47.
3. Вульфорт В. По поводу статьи 96 Уголовного уложения // Вестник права. 1904. № 10.
4. ГАУО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 310. Л. 10.
5. Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 125867. Л. 64

6. НАРТ. Ф. 4. Оп. 148. Д. 373. Л. 102-102об.
7. НАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 125459. Л. 89.
8. НАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 125459. Л. 93об.
9. НАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 125459. Л. 93-93об.
10. Никанор. Собрание сочинений архиепископа Никанора. Казань, 1909. С.342-343.
11. Отчет о деятельности «Братства святителя Гурия» за 1906/07 «братский» год. Казань, 1908. С. 51.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (СУ). 1905. № 63. С. 526.
13. Церковная реформа: сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе / сост. И.И. Преображенский. СПб., 1905. С. 74.
14. Эсливанов В.Н. Трудности и нужды Казанской инородческой миссии. Казань, 1915. С. 4.
15. Юшков С.В. История государства и права СССР. М.: Юридическая литература, 1950. С. 344-345.

ЛЕВИН ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ – кандидат юридических наук, профессор кафедры государственного и административного права, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (levinvf@mail.ru).

LEVIN VALERY FEDOROVICH – candidate of juridical sciences, professor of State and Administrative Law Chair, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 94(470+571):348.5

В.Ф. ЛЕВИН

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Ключевые слова: православная вера, ислам, мусульманин, язычество, скопцы, католики, иудаизм, хлысты, протестанты, раскольники, церковь, государство, вера, церковный суд, богохуление.

Статья посвящена государственному правовому регулированию борьбы с религиозными преступлениями и неправославными вероучениями в истории России. Предметом изучения являются виды религиозных преступлений и российское законодательство по этой проблеме.

V.F. LEVIN

CHURCH JUSTICE IN THE HISTORY OF RUSSIA:

THE BASIC FORMS AND METHODS OF STRUGGLE AGAINST RELIGIOUS CRIMES

Key words: Orthodoxy, Islam, Muslim, The Moslem, Paganism, Catholic, Judaism, Protestant, Church, State, Protestants, Dissenters, Church court.

The article deals with the state legal regulation of struggle against religious crimes and not by orthodox dogmas in the history of Russia. An object of research are kinds of religious crimes and the Russian legislation on this problem.

Церковный суд во все рассматриваемые времена занимал важное место в судебной иерархии Российского государства. Это существовало с незапамятных времен, и его основные полномочия впервые были прописаны еще в Соборных Уложениях, например 1649 г. Его главное предназначение – *обеспечение правосудия в среде духовенства*, которое относилось, наряду с дворянством, к привилегированным сословиям и служило одной из политических и социально-культурных опор государства и его руководителей.

Византийская (Православная) церковь так же, как и католическая, боролась с ересью и колдовством нередко при помощи жестких методов. Приведем факт из византийской жизни VI в. н.э.: «В 581 г., в Антиохии некто Анатолий-возница с товарищами был уличен в тайном совершении языческих обрядов. Христианская полиция еле спасла обвиненных "служителей беса", "оскорбителей Христа и колдунов" из рук разъяренной толпы. Сам патриарх Григорий едва оправдался от подозрений в соучастии; народ притих, ожидая примерной казни Анатолия. Но лишь стало известно, что обвиненные присуждены только к ссылке, как народные страсти вспыхнули с новой силой. Когда ссылаемых стали сажать на шхуну, толпа сбила полицейские наряды, овладела шхуной и сожгла ее вместе с осужденными; сам Анатолий был еще на берегу и был отведен снова в тюрьму. Для удовлетворения народа его осудили на смерть от звериных когтей в амфитеатре» [9. С. 67].

По мнению А.Ф. Грекулова, применением жестоких пыток по отношению к еретикам и колдунам, хотя и в меньшей степени, чем католическая инквизиция, отличалась и Русская Православная Церковь. Жестокими расправами в XI столетии прославился новгородский архиерей Лука Жидята, по приказу которого резали бороды, выжигали глаза, отрезали языки, иных распинали на кресте и подвергали пыткам, жгли огнем. Жестоко сей священнослужитель расправлялся и с принадлежащими ему крестьянами, совершившими незначительные проступки. Так, холопу Дуду по его приказу отрезали нос и обе руки [9. С. 69].

Как средство расправы со своими политическими противниками обвинение в колдовстве использовал владимирский епископ Федор в XIII в. По его приказу заключали в тюрьмы, обращали в рабство, лишали имущества. В ходе жестоких пыток выкалывали глаза, рубили головы, резали языки, распинали на стенах срубов. Орудием борьбы с еретичеством были так называемые церковные соборы. Они выносили приговоры, которые светские власти были обязаны претворять в жизнь [9. С. 89].

Православные иерархи санкционировали массовые расправы с еретиками-стригольниками в Новгороде в XIV в. На них по приказу православных иерархов была устроена настоящая охота. Пойманных еретиков топили в реке, заживо жгли в срубках, зверски пытали, вешали. В Москве Русская Православная Церковь санкционировала расправу с вождями «жидовствующей ереси». По решению церковного собора 1504 г. руководителей московские еретиков И. Волка, М. Коноплева и И. Максимова сожгли в железной клетке на льду Москвы-реки, а Н. Рукавова в Новгороде. Перед этим у них отрезали языки [9. С. 91].

В XVII в. суровым расправам были подвергнуты старообрядцы – противники церковной реформы патриарха Никона. Требования кровавой расправы над церковными противниками отразились и на законодательстве XVII в. В Соборном уложении 1649 г. критика церкви и ее догматов рассматривалась как богохульство и каралась сожжением на костре [1. С. 67-68].

Деятельность православного правосудия осуществлялась на основе церковного судебно-процессуального законодательства, которое в первой половине XIX в. в ходе кодификации было уточнено, конкретизировано, оптимизировано. Начиная с 1830 г. была четко определена компетенция церковного суда, разграничены его полномочия с общегосударственной судебной системой и другими сословными судами. В течение всего периода царствования Николая I наблюдался процесс сужения полномочий церковного суда, а после принятия Судебных Уставов в 1864 г. в период проведения судебной реформы этот процесс продолжился и полномочия церковного правосудия были еще более значительно урезаны [2. С. 111].

Однако следует сказать о том, что, несмотря на значительное сокращение прерогатив, церковный суд вплоть до революционных потрясений 1917 г. был важным инструментом в руках правительства России по поддержанию законности и правопорядка в среде как духовенства в целом, так и отдельных священнослужителей, продолжал регулировать некоторые гражданские, уголовные и семейные процессуальные правоотношения, не подпадающие под действие гражданской судебной системы [3. С. 67-69].

В данном исследовании мы остановимся только на одной из сторон деятельности церковных судов – *регуливании уголовных правоотношений*, т.е. всесторонне рассмотрим его роль по борьбе с уголовными преступлениями в духовной среде, совершаемыми священнослужителями. Церковный судебный процесс осуществлялся только в отношении лиц, представляющих духовное сословие, имеющих соответствующий сан.

Рассмотрим основные источники *процессуального церковного права*. Их следует разделить на две части. Одну из них представляют светские как законодательные, так и правоприменительные нормативные акты. Другую часть представляют источники исключительно религиозного, церковного характера. Организуя судебное заседание, церковный суд, с одной стороны, руководствовался решениями Вселенских и Поместных Соборов, Священным Писанием, Священными Канонами, Духовным Регламентом. С другой стороны, суд каждый свой шаг сверял с требованиями Высочайших Императорских Указов, Судебных Уставов, решениями и определениями Кассационных Департаментов Сената, законами государства, определениями Святейшего Синода и т.п.

Однако следует заметить, что в системе правовых установлений церковных судов их руководители на первое место всеми силами старались поставить именно церковные источники. Об этом свидетельствует их первичное расположение в уставах Духовных Консисторий, Духовном Регламенте, а также в судебных решениях.

Однако, несмотря на чисто формальные признаки, главенство все-таки принадлежало светскому уголовно-процессуальному законодательству. Все-таки духовные дела разрешались, большей своей частью, на основе требований государственного светского законодательства. В первую очередь это был Свод Законов Российской империи, который содержал в себе все необходимые судебно-процессуальные документы, на основании которых строилось все церковное правосудие. Эти документы были те же, которыми руководствовалась и светская судебная система. В их числе наиболее важными мы считаем Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав уголовного судопроизводства и т.д. [4. С. 78-80].

Следует сказать, что светское законодательство было *максимально адаптировано к религиозному правосудию*. В этой связи оно обладало такими замечательными качествами, которые позволяли на *толерантной основе*, бесконфликтно, не задевая интересов верующих *различных конфессий*, не оскорбляя национальные чувства граждан, решать самые сложные дела как с участием духовных лиц, так и с участием лиц, принадлежащих к разным верованиям.

Особо стоит сказать о роли Устава Духовных Консисторий. Этот документ долго обсуждался был принят при императоре Николае I еще в 1840-1841 гг. В нем подробно регламентировалась деятельность православных судов при рассмотрении уголовных дел с участием или по обвинению православных священнослужителей. Подробно были регламентированы как порядок и формы православного судопроизводства, осуществляемого в Консисториях, так и подведомственность и подсудность епархиального суда. В Уставе духовных Консисторий были установлены виды наказаний, налагаемых на священнослужителей при совершении ими преступлений [7. С. 112].

Каждый светский закон, регламентирующий судопроизводство, содержал нормы, заключающие в себе регламентацию работы с духовными лицами, взаимоотношения судебных и следственных органов с монастырями и церквями, строго указывал на разновидности тех дел, где допускалось или рекомендовалось участие духовного суда. Были строго установлены пределы компетенции светских и духовных судов, оговорены формы участия духовных лиц в производственной деятельности светского суда и наоборот.

Государственное законодательство Российской империи наиболее жестко преследовало за совершение преступлений, связанных с отступлением православных из числа крещеных татар в исламскую, православных малороссов, белоруссов и великороссов латинскую веру, а крещенных по православному обряду евреев и идолопоклонников (язычников) за отпадение в дру-

гие верования. Причем по каждому из разновидностей отпадения существовал свой четко заведенный порядок предания преступивших закон суду. Эти законодательные нормы были отражены в императорских указах Николая I, среди которых особое место занимают указы «О порядке рассмотрения дел об уклонившихся в магометанскую веру новокрещеных татарах», «О порядке рассмотрения дел о новокрещеных из евреев и идолопоклонников, отпадающих из православия», «О порядке производства дел по предмету совращений из православия в латинство», «О порядке разрешения дел по совращению из православия в другие исповедания» и др.

Так бывшие крещеные татары, пожелавшие отпасть в ислам, а также православные, ставшие членами сект скопцов, духоборов и других, перешедших в старообрядчество, должны были подвергнуты воздействию со стороны православных священнослужителей Главного Управления Духовных дел, которые после рассмотрения обстоятельств данного дела обязаны были попытаться отговорить стремящихся от отпадения от совершения подобного шага и предупредить о всех возможных последствиях. Только после того, как со стороны вероотступников последовало упорство в их деяниях, члены духовной Консistorии, кому попадало для рассмотрения данное конкретное дело, обязаны были передать его чиновникам МВД для передачи в светский суд и рассмотрения дела по существу [8].

Светские власти, в то же время, старались не связываться с делами, в которых были замешаны исламские священники. Об этом свидетельствует помещенный ниже пример. В 1863 г. на рассмотрение Пензенской Палаты Уголовного суда попало дело по обвинению муллы деревни Юнон Краснослободского уезда Пензенской губернии в оскорблении своего отца, которого поддерживали и простые прихожане. Дело получило широкую огласку, грозя перерасти в стихийные выступления исламского населения. Решением Пензенской Палаты Уголовного суда дело было передано на рассмотрение по существу в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, которое собрало суд Улемов и лишило проштрафившегося муллу священнического сана [5].

При рассмотрении дел об евреях и бывших язычниках, уклонившихся из православия в другие верования, чиновники МВД и Начальники губерний, прежде, чем они передадут дело в суд для вынесения окончательного приговора, должны были получить от местной Консistorии решение суда, в котором было бы изложено, что данным лицам были сделаны увещевания, однако они, несмотря на все старания духовного начальства продолжали упорствовать в своем заблуждении [9]. При случае совращения православных в латинскую (лютеранскую) веру были также введены жесткие меры. Во-первых, было предписано по подобным фактам немедленно проводить следствие при наличии соответствующего заключения от православной Консistorии, во-вторых, священнослужителей – католиков и лютеран – передавать для судебного разбирательства не духовным судам католического и лютеранского вероисповедания, а сразу в руки светских следователей и в светские суды для вынесения решений по совершенному ими уголовно наказуемому деянию [10].

Из всего вышеизложенного можно сделать три вывода. Во-первых, ни одно дело, связанное с отпадением из православия, не рассматривалось без участия представителей духовного суда местной православной Консistorии, которая должна была подготовить заключение о передаче дела в руки светских судебно-следственных властей. Во-вторых, в случаях, которые руководство страны относило к менее опасным, например, отпадение из православия крещеных татар и евреев, на православных духовных судей была возложена миссия провести увещевания заблудших, в ходе которых их предупреждали о возмож-

ных последствиях совершения ими данных преступлений. Только в случае упорствования лиц данной категории в своих заблуждениях направлялось заключение духовного суда о необходимости привлечения вероотступников к светскому уголовному суду (уездному или губернскому, после 1864 – Окружному).

В-третьих, так как после Польского антирусского восстания 1830-1831 года наибольшую опасность правительство видело в вовлечении православных в католичество (лютеранство), то наибольшие репрессии полагались именно за переход православных в эти верования, так как в этом правительство видело угрозу национальной безопасности. В данном случае никаких увещательных бесед представителям местных православных консисторий по отношению к вероотступникам вести не полагалось, а на местные православные суды при Консисториях была лишь возложена обязанность подготовки Начальнику губернии и в МВД заключения, в котором бы обосновывались признаки совершения уголовного преступления на религиозной почве по конкретному факту, что и служило основанием для производства со стороны властей следственных и судебных действий (в дореформенный период).

На Начальника губернии было возложено утверждение приговоров духовных православных судов, где было прописано вразумление по церковным правилам, прекращение дел в связи со смертью обвиняемого либо в случае добровольного возвращения в православие. В данных случаях решением Начальника губернии дело прекращалось и решался вопрос только о выплатах судебных издержек [11].

При правлении Николая I был также подписан императорский указ «О производстве дел, прикосновенных к церковной собственности». По всем этим делам было подтверждено право рассмотрения светскими судебными установлениями, однако все дела, связанные с церковной собственностью, монастырскими тяжбами, ее порчей или хищением, были переданы на рассмотрение в более высокие судебные инстанции. Например, имущественные тяжбы рассматривали суды второй инстанции, а наиболее сложные и запутанные передавались на рассмотрение Сената [12].

Главнейшим источником, регламентирующим деятельность православных епархиальных судов был «Устав Духовных Консисторий», утвержденный императором Николаем I 27 марта 1841 г., который просуществовал вплоть до 1917 г. В этом документе, в частности, было особо подчеркнуто, что «Духовная Консистория есть Присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе Православной Российской Церкви, именуемое Епархией». Было также подчеркнуто, что единственным ведомством, которое имело право входить в духовные судебные дела, останавливать распоряжения епархиального ведомства, был Святейший Синод.

Основаниями, указанными в «Уставе» для руководства церковно-судебной деятельностью, были Закон Божий, в Священном Писании предложенный; Каноны или Правила Святых Апостолов; решения Святых Соборов, Вселенских и Поместных; Духовный Регламент и Указы Святейшего Правительствующего Синода; гражданские уставы и законы.

В период проведения судебной реформы 1864 г. в новых судебных уставах источники судопроизводства получили дальнейшее развитие. Были приняты «Устав уголовного судопроизводства» 1864 г., в котором были конкретизированы взаимоотношения судебного и духовного ведомства, оговорены случаи, когда дела о преступлениях, совершенных священнослужителями, рассматривались как духовные, а иногда как судебные. Был детализирован порядок исполнения судебных решений в отношении лиц духовного ведомства, священ-

нослужителей. Был также конкретизирован порядок привлечения к производству следственных действий священнослужителей светскими следователями.

Важным источником церковного правосудия стал также принятый в 1864 г. «Устав о предупреждении и пресечении преступлений». В частности, в случае совершения противоправного проступка в православной церкви право проведения следствия по данному делу было возложено на духовное ведомство – местную православную Консисторию. Именно нарушение данного устава имело следствием проведение в отношении данного мирянина, нарушившего его требования, следственных действий с последующим преданием его за невыполнение предписанных в уставе правил, духовному суду православного ведомства.

А правила эти были жесткие и многообразные. В их числе были такие нормы поведения, как регулярное посещение церкви, прохождение один раз год исповеди в храме у священника, даже детей, начиная с 7-летнего возраста, причем приходские священники обязаны были по каждому гражданину, нарушающему эти правила, сообщать в Консисторию подробные сведения. Нарушители подвергались личной или публичной епитимье. Наиболее упорных в непослушании предавали для принятия мер светскому начальству. Причем можно было легко за подобные проступки лишиться работы, должности, подвергнуться взысканию по службе и т.п.

Строгие правила существовали и в отношении суеверий, которые также исповедовали некоторые граждане православного вероисповедания, а также были меры, которые своей целью обязаны были препятствовать православным переходу в другие верования. Вероотступничество православных в другие верования было строго запрещено, в случае проявлений подобных случаев от православного начальства Консистории требовалось проведение вразумления вероотступников, в случае их упорства Консистория сообщала в органы светской власти для принятия к вероотступникам мер административного или уголовного характера.

По представлению духовных судов местной православной Консистории по отношению к вероотступникам светские власти применяли комплекс административных мер, в числе которых было запрещение проживать в населенных пунктах совместно с православными, над именными правоотступников устанавливалась жесткая государственная опека и т.п.

В селах право первоначально судить вероотступников из числа рожденных в православии граждан при обращении их в язычество, магометанство или иудейство было предоставлено приходскому священнику по заявлению соседей, односельчан и т.п. Вовлекать православных в иноверие было запрещено и христианским конфессиям (римско-католикам, лютеранам, старообрядцам баптистам и т.д.). Именно на основании требований данного устава подобные деяния были признаны преступными, ответственность за совершение которых наступала согласно законодательству.

Таким образом, в дореволюционный период Русской Православной Церкви были предоставлены достаточно серьезные полномочия по борьбе с антирелигиозными преступлениями.

Литература

1. Антонович В.Б. Колдовство. Материалы, процессы, исследования. СПб., 1877. С. 67-68
2. Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892. С. 111.
3. Беко Ж. Организация уголовной юстиции в главнейшие исторические эпохи. СПб., 1867. С. 67-69.
4. Бобринцев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902. С. 78-80.
5. ГАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
6. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. С. 67.
7. Есилов В.В. Уголовное право. Преступления против государства и общества. М., 1912. С. 112.

8. ПСЗ II. Т. IX. № 7440. СПб., 1834.
9. ПСЗ II. Т. VII. № 5231. СПб., 1832.
10. ПСЗ II. Т. XV. № 13116. СПб., 1840.
11. ПСЗ II. Т. 33. № 33773. СПб., 1858.
12. ПСЗ II. Т. 28. № 27006. СПб., 1853.

ЛЕВИН ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ. См. с. 65.

УДК 351.741(09)(470.344)

О.В. ЛУКИНА

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1861-1917 ГОДАХ
(на примере чувашских крестьян Янгильдинской волости
Козьмодемьянского уезда)**

Ключевые слова: образование, чувашское крестьянство, Казанская губерния, Козьмодемьянский уезд, Янгильдинская волость, школа, земское училище, просвещение.

Рассмотрено состояние образования в Казанской губернии на примере одной из волостей Козьмодемьянского уезда. Проанализированы тенденции развития школьного образования, типы учебных заведений, преподавательский состав, динамика количества учащихся за указанный хронологический промежуток.

O.V. LUKINA

**THE FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM
IN THE KAZAN GUBERNIA IN 1861-1917 YEARS (AS AN EXAMPLE OF CHUVASH PEASANTRY
OF YANGILDINSKAYA AREA OF THE KOSMODEMYANSKY DISTRICT)**

Key words: the education, the chuvash peasantry, Kazan gubernia, Kosmodemyansky district, Yangildinskaya area, the school, secondary school, the public education.

It is examined the state of education in Kazan gubernia as an example one of the areas of the Kosmodemyansky district. It is analysed the trends of the school education's development, the types of the educational institutions, the training staff, the dynamics of the pupils' number for the pointed chronological period of time.

Развитие просвещения в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. происходило в контексте общеимперской «доктрины» системы образования: буржуазные реформы 60-х годов и последовавшие за ними контрреформы Александра III определили состояние и направления развития образования в регионе. Однако последнее имело и свои особенности, что обуславливалось прежде всего многонациональным составом населения губернии, малочисленностью привилегированных сословий.

С учреждением Министерства государственных имуществ в чувашских селах Козьмодемьянского уезда стали открываться приходские училища, в которых наставниками определялись или сами священники, или богословы, окончившие курс наук в духовных семинариях и поступающие в учителя до открытия священнических вакансий. Цель образования для учащихся состояла в том, чтобы развить грамотность, а старательных мальчиков подготовить на должности волостных и сельских писарей, занимаемые обычно русскими. У наставников-семинаристов мальчики учились хорошо, так как они постоянно могли с ними заниматься в классах, не будучи прерываемы другими обязанностями [4. С. 200].

Картина школьного образования к концу XIX – началу XX столетия была чрезвычайно пестрой. Помимо того, что начальные училища отличались в ведении различных министерств и ведомств, они различались типовым разнообразием: одноклассные, двухклассные, второклассные, школа грамоты... В число начальных учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения в конце XIX столетия входили: городские, уездные, ремесленные, приходские и начальные училища различных наименований [2. С. 61].

Земские училища относились к министерскому типу школ и официально именовались как начальные народные училища в губерниях, на которые распространяется действие Положения о земских учреждениях [2. С. 62].

Реформа 1808-1814 гг. в качестве первой ступени образования предусматривала церковноприходскую школу, но в начале XIX в. она не получила широкого развития.

Положение коренным образом изменилось в обер-прокурорство К.П. Победоносцева, который в деле воспитания народных масс в духе преданности церкви и престолу придавал церковноприходским школам решающее значение. Этот тип школ преобладал в Казанской губернии.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда открывались школы и земские училища. Обратим внимание на годы их открытия: Ишакская церковноприходская школа (октябрь 1888 г.), Ишакская женская школа грамоты (январь 1892 г.), Ишакская школа Братства святого Гурия (октябрь 1894 г.), Больше-Котьяковское земское училище (1911 г.), Катрасинская церковноприходская школа (октябрь 1886 г.), Больше-Катрасинское земское училище (1909 г.), Кшаушская школа грамоты (сентябрь 1890 г.), Мало-Катрасинская (Яуши) церковноприходская школа (октябрь 1886 г.), Шоркасинская церковноприходская школа (октябрь 1890 г.), Шоркасинское земское училище (1911 г.), Янгильдинское земское училище (1861 г.), Янгильдинская церковноприходская школа (октябрь 1886 г.), Чандровская церковноприходская школа (октябрь 1886 г.), Ырашпулхская школа грамоты (1896 г.), Хор-Сирминская школа грамоты (1895 г.), Шебашкарсинская школа грамоты (1908 г.), Варпосинская церковноприходская школа (1902 г.), Хачик-Касинская школа грамоты (январь 1890 г.) [5. С. 194].

Проанализируем развитие и состояние учебных заведений, открывшихся во второй половине XIX – начале XX вв.

Янгильдинское земское училище открылось в частном доме в ноябре 1861 г. Попечителем училища был священник Георгий Алексеевич Аристовский. С 1903 г. учителем работал Алексеев Василий Алексеевич, чуваш, сын крестьянина из деревни Выселки Тогаево-Воскресенской волости, получивший образование в Симбирской чувашской учительской семинарии [5. С. 221].

Кшаушская средняя школа была открыта 15 сентября 1890 г. священником Ишакского церковного прихода Атафием Петровичем Добросмысловым. Располагалась она в частном доме церковного старосты Арсентьева Ивана Михайловича. Первым учителем был Федор Ефремович Ефремов, крестьянин, православный чуваш, родившийся в деревне Марково Ядринского уезда. С 1908 г. начальная школа реорганизована в одноклассное училище смешанного типа. Полный курс обучения составлял 4 года [5. С. 214].

Ишакская средняя школа была открыта в 1843 г. Министерством государственных имуществ (через 10 лет она была закрыта). В 1876 г. вновь открыта, но как церковноприходская школа, а с 1881 г. преобразована в земское училище. Первыми учителями были дьякон Румянцев Александр Иванович, окончивший курс в Чебоксарском духовном училище в 1876-1888 гг., и Быстров Арсентий Макарович, чуваш, окончивший курс Казанской учительской семинарии (работал в 1881-1885 гг.), Афон Иванов, чуваш, работал с 1885 г. по 1888 г. В 1888 г. школа размещалась в церковном помещении размерами в длину и ширину по 2,5 сажени, при высоте в 1 сажень и 8 вершков. В 1876 г. обучалось 38 мальчиков и 6 девочек: из них 11 русских детей. В школу ходили дети из деревень Кибеккасы, Шибачево Адайкасы, Мамликасы, Чиганары, Анаткасы, Сятракасы, Чиршкасы. На учебные пособия из церковной кассы вы-

делялись 25 руб. в год. Попечителем школы состоял А.П. Добросмыслов, постоянную помощь оказывали член Совета Братства Н.А. Бобровников и председатель Козьмодемьянской земской управы В.И. Образцов, выделивший на содержание школы 400 руб. В 1894 г. в школе обучалось 74 мальчика: в старших классах – 25, в младших – 49, из них 67 чувашей и 7 русских. Поступали в эту школу из селений Козьмодемьянского, Ядринского, Цивильского уездов. У села Ишаки и граничили эти три уезда. Учащиеся из дальних деревень жили на частных квартирах и платили по 4 руб. в месяц [5. С. 208].

Ведомость о числе учебных заведений в Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда за 1873 г. свидетельствует: при селе Байзарино (Ишаки) имелась частная школа для обучения крестьянских мальчиков, т.е. школа для мужского пола. Число учителей – 2 человека духовного звания, учащихся – 7 человек из среды сельских крестьян. В 1874 г. число учителей – 1 человек духовного звания, учащихся – 5 человек из среды сельских крестьян.

В Катрасинской церковноприходской школе, открытой в 1886 г., среди учащихся было 25 мальчиков и 1 девочка. Исправляющий должность учителя Катрасинской школы – Степан Семенов. В библиотеке, кроме учебных, других книг не было, среди них можно выделить следующие: Священная история (на чувашском и русском языке) 40 экземпляров; азбука (на чувашском и русском языке) 61 экземпляр; сборник арифметических задач – 2 экземпляра [1. Д. 227. Л. 136].

В заведомой учителем Трофимом Ефремовым Чандровской школе в 1886 г. преподавали различные науки, в школе было 33 мальчика и 4 девочки. Библиотека включала следующие издания: Букварь на чувашском языке (60 книг); Библейская история (1 книга); Священная история на чувашском языке (2 книги); Родное слово для младшего возраста (3 книги); Священная история Г. Чельцова (2 книги); Пасхальная служба на чувашском языке (2 книги); Начало христианской веры на чувашском языке (1 книга); Молитвенник на чувашском языке (2 книги); Евангелие от Матери на чувашском языке (3 книги); Главные церковные праздники на чувашском языке (1 книга); Новая азбука Л.Н. Толстого (1 книга); Сокращенный молитвослов (2 книги); Кирилл и Мефодий (4 книги). Всего 84 книги [1. Д. 227. Л. 139].

В вверенном учителю А. Иванову Ишакском сельском училище обучались: духовного звания – 2 ученика, мещанского – 1 ученик из русских, крестьянского – 17 мальчиков, 2 девочки из чувашей; русских – 2 мальчика и 2 девочки. В фундаментальной библиотеке училища имелось 26 томов, в учебной библиотеке 15 томов и 19 томов учебных пособий [1. Д. 227. Л. 139].

Ведомость о числе учебных заведений в волости за 1886 г. свидетельствует, что было всего 5 учебных заведений: Янгильдинское и Ишакское сельское училище, Янгильдинская, Катрасевская и Чандровская церковноприходские школы.

Во всех учебных заведениях обучались как мальчики, так и девочки.

В Янгильдинском сельском училище был 1 учитель и 22 ученика; Ишакском сельском училище – 2 учителя и 26 учащихся.

В Янгильдинской церковноприходской школе – 1 учитель и 10 учащихся; Катрасевской – 2 учителя и 26 учащихся; Чандровской – 2 учителя и 37 учащихся.

Всего было 8 учителей и 121 учащийся [1. Д. 227. Л. 143].

В заведомой учителем Трофимом Ефремовым Чандровской школе в 1887 г. преподавали различные науки. Среди учащихся был 31 мальчик и 3 девочки. Библиотека включала следующие издания: буквари на чувашском языке (29 книг), Священная история (на чувашском и русском языке) – 10 книг, Церковнославянское обучение (1 книга), Евангелие на чувашском языке

(3 книги), Кирилл и Мефодий (3 книги), Русская Азбука (9 книг), Пасхальная служба на чувашском языке (1 книга), Священная история на русском языке (5 книг), молитвенник на чувашском языке (1 книга), главные церковные праздники на чувашском языке (1 книга), Молитвослов на славянском языке (3 книги), собрание арифметических задач (1 книга), отечественная история (1 книга), Евангелие на славянском языке (1 книга), Азбука Московская (15 книг), Родное слово (3 книги), Арифметический задачник (1 книга), первая учебная книжка (1 книга), Дар слова (1 книга) [1. Д. 241. Л. 21].

Благодаря ведомостям за 1887 г. можно судить о состоянии Чандровского церковноприходского училища: было 2 учителя мужского пола духовного звания. Среди учащихся в этой школе был 31 мальчик, из них чувашей – 29, русских – 2; девочек – 3 [1. Д. 241. Л. 21]; Янгильдинского земского училища – 1 учитель, 26 учащихся, из них: мальчиков – 22, девочек – 4 [1. Д. 241. Л. 23]; Мало-Катрасинского церковноприходского училища – всего обучалось 30 мальчиков и 1 девочка из крестьянской среды, было 2 учителя, из них один – духовного звания, второй – из крестьянской среды [1. Д. 241. Л. 25]; Ишаковском земском училище обучалось 40 мальчиков, из них 38 было из среды крестьян, 1 – из среды духовенства и 1 – из мещан; 5 девочек, из них 3 из крестьян, 2 – духовенства. Всего обучалось 45 человек. Было 2 учителя – оба мужского пола и духовного звания [1. Д. 241. Л. 27].

В Янгильдинской волости в 1887 г. насчитывалось 5 учебных заведений: Янгильдинское земское училище, Ишаковское земское училище, Янгильдинская церковноприходская школа, Катрасинская церковноприходская школа, Чандровская церковноприходская школа. Все учебные заведения были рассчитаны для обоего пола [1. Д. 241. Л. 30].

Ишакская центральная чувашская братская школа была основана 4 октября 1894 г. в селе Ишаки Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Организатором ее был Д.Ф. Филимонов, он же руководил ею до 1899 г. Школа готовила учителей для братских школ и школ грамоты. Срок обучения в ней – шесть лет: 1-4-е годы обучения составляли первый класс, а 5-6-е годы – второй класс. Учебно-воспитательный процесс в 1-2-м году обучения осуществлялся на родном языке, а в дальнейшем – на русском. При школе существовал иконописный класс. Выпускники центральных братских школ поступали по направлению епархиального начальства в учительскую семинарию [3. С. 194].

В 1906 г. в Янгильдинской волости были следующие учебные заведения: в селе Янгильдино находилось одно начальное двухклассное и одноклассное сельское училище; в деревне Итменькасы – одна церковноприходская школа; в селе Ишаки – одна церковноприходская школа и одна школа Святого Гурия; в деревне Чиганары находилась одна школа грамотности [1. Д. 386. Л. 10].

Изучив архивные документы за 1909 г., отметим, что в Янгильдинской волости продолжало функционировать Ишаковское земское училище. Как и прежде, оно предназначалось для учащихся обоего пола, работали 2 учителя: один – из духовного сословия, вторая из крестьян – В.А. Васильева. Среди учащихся было 23 мальчика: из духовенства – 1, мещан – 4, крестьян – 18, военных – 7. Одновременно здесь учились и 6 девочек – все они были из крестьянских семей. В школе имелись 2 библиотеки, в которых было 12 томов [1. Д. 426. Л. 234].

Продолжало работать Собакасинское земское училище, предназначенное для детей обоего пола; преподавал 1 учитель – Иван Васильев (из крестьян). Учащихся было 17 человек, все они были мужского пола и выходцами из крестьян, девочек не было. В школе имела библиотека, где было 202 тома [1. Д. 426. Л. 236].

Рассмотрим состояние школ и училищ в 1909 г. в Янгильдинской волости: в Янгильдинском земском училище, предназначавшемся для детей обоего пола, в это время преподавал 1 учитель – Н. Герасимов (из крестьян). Среди учащихся было 20 мальчиков (из них 19 были выходцами из крестьян, 1 – из духовенства) и 2 девочки, одна из которых была из крестьянского сословия, вторая – из духовенства. В школе имелась одна библиотека, где было 149 томов [1. Д. 426. Л. 238]; в Мало-Катрасинском земском училище преподавали 2 учителя: один – выходец из среды духовенства, вторая – учительница из крестьян (Л. Сютрукова). Среди учащихся было 35 мальчиков и 5 девочек, все они были выходцами из крестьян. В школе имелась библиотека, имевшая в наличии 535 томов [1. Д. 426. Л. 240]; в Чандровской церковноприходской школе, предназначавшейся для детей обоего пола, преподавал один учитель из крестьян (Трофим Рябинин). Учащихся было 30 человек, из них 26 мальчиков и 4 девочки, все они были крестьянского сословия. В школе имелась одна библиотека, включавшая 548 томов [1. Д. 426. Л. 243].

В Янгильдинской волости в 1910 г. в школе Братства Святого Гурия, предназначавшейся для детей обоего пола, было 4 учителя (1 – духовного звания, 3 – крестьяне). Учащихся 67 человек, из них 60 мальчиков и 7 девочек. В школе имелась одна библиотека, где насчитывалось 1247 томов [1. Д. 424. Л. 98]; в Больше-Катрасинском земском училище был один учитель, учащихся – 46 мальчиков и 6 девочек. В школе имелись две библиотеки, где было 214 томов [1. Д. 424. Л. 101]; в Чандровском церковноприходском училище для детей обоего пола был 1 учитель и 38 учащихся – 28 мальчиков и 10 девочек [1. Д. 424. Л. 102]; в Ишакском земском училище было 2 учителя, одну из учительниц звали Лидией Красновой; учащихся было 20 мальчиков и 6 девочек [1. Д. 424. Л. 104]; в Яушевском земском училище – одна учительница крестьянского сословия; учащихся – 33 мальчика и 5 девочек [1. Д. 424. Л. 103]. Имелась библиотека, в которой было 758 томов [1. Д. 424. Л. 105]; в Собакасинском земском училище, предназначавшемся для детей обоего пола, была 1 учительница из среды мещан, звали ее Анной Лукояновой. Среди учащихся было 32 мальчика и 4 девочки. Школьная библиотека включала 189 томов [1. Д. 424. Л. 109]; в Шоркасинском земском училище была 1 учительница – Зинаида Пибуоринская, учащихся – 16 мальчиков и 2 девочки [1. Д. 424. Л. 107].

Рассмотрим состояние школ в Янгильдинской волости в последний предвоенный год – 1913. В Больше-Катрасинской школе преподавала 1 учительница – Е. Исаакова, родом из крестьян. Среди учащихся было 27 мальчиков и 2 девочки, все они были крестьянского сословия. В школе были 2 библиотеки, включавших 811 томов [1. Д. 458. Л. 185].

В Янгильдинском земском училище продолжал преподавать Н. Герасимов. Уменьшилось число учащихся. Если в 1910 г. было 20 мальчиков, то в 1913 г. всего 16; 14 из них были из среды крестьян, двое – из мещан; также были 3 девочки – все они были крестьянского сословия. В школе имелись две библиотеки, имевшие в наличии 372 тома книг [1. Д. 458. Л. 186].

В Яушевском земском училище, располагавшемся в деревне Яуши и предназначавшемся для детей обоего пола, преподавала 1 учительница – Н. Сютрукова. Учащихся было 48 человек, среди них 41 мальчик и 7 девочек. Все учащиеся были выходцами из крестьян. В школе – четыре библиотеки, в которых было 1223 тома учебных книг и пособий.

В Чандровской церковноприходской школе преподавал 1 учитель – Т. Рябинин. Среди учащихся было 29 мальчиков и 5 девочек, все были выходцами из крестьян. В школьной библиотеке было 525 томов [1. Д. 458. Л. 191].

В Ишакском земском училище преподавали 3 учителя. Среди учащихся было 49 мальчиков, из которых 48 были крестьянского сословия, 1 – из духовенства, и 13 девочек, из них 9 были из крестьян, 1 – из мещан, 3 – из духовенства [1. Д. 458. Л. 193].

В Ишакской школе Братства Святого Гурия законоучителем и заведующим школой был священник Владимир Любимов; также было 3 учителя, 1 – из среды духовенства, 2 – из крестьян. Одного из учителей звали П. Иванов. Среди учащихся было 54 мальчика (из них 52 были из среды крестьян, 1 – из духовенства, 1 – из мещан) и 6 девочек, из которых 3 были из крестьян, 2 – из духовенства и 1 – из чиновничества. Библиотека включала 1730 томов [1. Д. 458. Л. 195].

В Шоркасинском земском училище продолжала преподавать Зинаида Пибуринская. Было 25 учащихся, из них 20 мальчиков и 5 девочек. Функционировали две библиотеки, имевшие 689 томов учебных книг [1. Д. 458. Л. 197].

В Собакасинском земском училище было два учителя: 1 – из среды духовенства и учительница из мещан – Анна Лукоянова. Обучались 18 мальчиков, все из крестьян, и 3 девочки, 1 – из мещан и 2 – из крестьян. В школе было 3 библиотеки, в которых находилось 724 тома учебных книг и пособий [1. Д. 424. Л. 109].

Преобладание церковноприходских школ, земских училищ и фактическое отсутствие среднеспециальных образовательных учреждений в Янгильдинской волости, как и в целом по Казанской губернии, во многом обуславливалось малочисленностью дворянского сословия и многочисленностью крестьянского населения. На протяжении XIX – начала XX вв. эти учебные заведения претерпели незначительные изменения: увеличивалось лишь количество школ и учащихся, кардинальных изменений не происходило. С 1911 г. был предусмотрен переход на всеобщее начальное обучение, но из-за начавшейся Первой мировой войны этот процесс не был завершен. Среди учителей преобладало духовенство, однако были и отдельные представители из среды крестьян и мещан. Обучение предполагалось для детей обоего пола. В целом образование не носило системный характер, переход на всеобщее начальное обучение только начался и так и не был завершен в эпоху самодержавия.

Таким образом, следует отметить, что развитие просвещения в Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда происходило в соответствии с общероссийской системой образования: среди учебных заведений преобладала низшая ступень – церковноприходские школы, земские училища, количество учащихся менялось незначительно. Однако основная часть населения оставалась безграмотной. Всеобщее начальное, а в последующем среднее образование произойдет лишь в советскую эпоху.

Литература

1. ГИА ЧР. Ф. 46. Оп. 1.
2. Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX веке (на примере Вятской губернии): дис. ... канд. истор. наук. Киров, 2008. 364 с.
3. Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 526 с.
4. Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
5. Павлов Л.П., Станьял В.П. Страницы истории Чебоксарского района Чувашской Республики: пособие по истории и культуре родного края. Кугеси, 1997. 300 с.

ЛУКИНА ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА – ассистентка кафедры архивоведения и документоведения, аспирантка историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (OlgaLukina1986@rambler.ru).

LUKINA OLGA VALENTINOVNA – assistant of Archivists and Documentation Department, post-graduate student of historical-geographical faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94 (470. 344): 691

А.П. MATBEEB

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ЧУВАШСКОГО СОВНАРХОЗА В 1957-1962 ГОДАХ

Ключевые слова: совнархоз, местная промышленность, строительные материалы, производительность труда, кирпичный завод, черепичный завод, известковый завод.

Изучена история становления и развития промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза в 1957-1962 гг. Предмет исследования – заработная плата промышленно-производственного персонала и номенклатура основной продукции предприятий промышленности строительных материалов.

A.P. MATVEEV

THE MAIN TENDENCIES AND THE PROBLEMS OF BUILDING MATERIALS INDUSTRY OF CHUVASH ECONOMIC COUNCIL IN 1957-1962

Key words: Economic Council, local industry, building materials, labour productivity, brick factory, tile factory, lime factory.

The article is devoted to the history of forming Chuvash Economic Council and building materials production at the factories of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1957-1962. The subject of the research is the salaries of the industry and production personnel and the nomenclature of the main production at the factories of building materials industry.

В соответствии с распоряжением № 4341-р Совета Министров РСФСР от 5 сентября 1957 г. было создано Управление строительных материалов Совета народного хозяйства Чувашского экономического административного района, в которое были переданы ряд заводов. Среди них кирпичные заводы: Алатырский (г. Алатырь), Ивановский (п/о Ивановка, Марпосадского района), Канашский (г. Канаш), Чебоксарский (г. Чебоксары). Шоркистринский (станция Шоркистры Урмарского района), Шумерлинский (г. Шумерля). В это же управление был передан Чебоксарский завод железобетонных изделий № 1 (г. Чебоксары) [1. Л. 1]. Начальником Управления промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза был назначен Михаил Иванович Репкин¹, а позже эту должность занимал В.Б. Бекман.

В последующие годы консолидация заводов, специализирующихся на выпуске строительных материалов в рамках вновь созданного управления, была продолжена. В 1959-1960 гг. из Промсовета Чувашской АССР были преданы Янтиковский (с. Гришино, Янтиковский район), Козловский кирпичный завод, Вурманкасинский завод керамических блоков (п. Южный, г. Чебоксары), известковый завод (р/п Козловка, Козловского района) и Урмарский известковый завод (р/п Урмары, Урмарский район) [4. Л. 3]. В 1960 г. в подчинении управления было уже 13 предприятий. 7 января 1961 г. в строй действующих вступили Чебоксарский завод ЖБИ № 2, директором которого был назначен М.В. Шувалов, и Мыслецкий кирпичный завод [7].

Основными задачами и функциями управления промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза были: 1) руководство работой по составлению производственных планов на предприятиях и в организациях; 2) налаживание рациональных хозяйственных связей между предприятиями управления; 3) повышение технологического уровня заводов на основе внедрения новой техники и технологий; 4) улучшение организации производства, нормирования, оплаты труда работников заводов, увеличение выпуска продукции и повышение производительности труда, улучшение качества изделий и их ассортимента, экономия сырья, материалов, электроэнергии, снижение себестоимости производства продукции; 5) всесторонняя помощь изобретателям и рационализаторам,

¹ 21 октября 1958 г. М.И. Репкин был награжден значком «Отличник социалистического соревнования РСФСР» [5].

внедрение разработок в производство; 6) укрепление хозяйственного расчёта, повышение рентабельности предприятий; 7) улучшение условий труда работников заводов, а также жилищных условий; 8) организация материально-технического снабжения и сбыта продукции, произведённой на предприятиях, обеспечение выполнения договоров по её поставке; 9) разработка норм выработки, расходования сырья, топлива, электроэнергии в производстве, норм производственных запасов и осуществление контроля за их выполнением; 10) подбор и расстановка руководящих, инженерно-технических кадров на подведомственных предприятиях; 11) организация, совместно с профсоюзами, распространения передового опыта передовиков производства; 12) проведение мероприятий по улучшению структуры управления предприятиями; 13) осуществление контроля за правильным расходованием средств на заработную плату, своевременной её выплатой работникам; 14) финансирование подведомственных предприятий и организаций и контроль за их финансовой деятельностью; 15) планирование социальных проектов; 16) рассмотрение и утверждение отчётов предприятий и организаций; 17) организация учёта и отчётности, а также контроль за их постановкой на предприятиях и в организациях [1. Л. 2-5].

В период существования Совета народного хозяйства Чувашского экономического административного района реконструировались старые, строились новые предприятия и наращивались объёмы производства строительных материалов.

В 1957 г. все предприятия Управления промышленности строительных материалов выполнили плановые задания по производству валовой продукции, а в 1958 г. – с данным показателем не справился Козловский известковый завод (97%) [2. Л. 6]. С планами производительности труда предприятия тоже справлялись, за исключением Шоркистринского кирпичного и Янтиковского черепичного заводов. Зарплата на заводах, выполнивших план, опережала на 4,2% и 8% зарплату рабочих, работавших на заводах, не выполнявших план [2. Л. 11]. Средняя заработная плата рабочих в ценах тех лет составляла 611 руб. 50 коп. Наибольшей она была на Чебоксарском кирпичном заводе (695 руб. 83 коп), а самая маленькая – на Янтиковском черепичном заводе (455 руб. 17 коп.)².

Представление о производстве кирпича на предприятиях Чувашского управления промышленности строительных материалов в 1957 и 1958 гг. даёт табл. 1.

Таблица 1

Производство кирпича на предприятиях Чувашского управления промышленности строительных материалов (ЧУПСМ) в 1957 и 1958 гг., тыс. шт. [2. Л. 10]

Предприятия	1957 г.	1958 г.
Чебоксарский	27 595	37 431
Ивановский	9 566	13 158
Алатырский	6 382	7 573
Шумерлинский	5 525	7 067
Канашский	1 610	3 251
Шоркистринский	7 822	8 026
Янтиковский	402	500
Всего по УПСМ	58 902	77 006

Как видно из табл. 1, 65,7% объёмов кирпича производили Чебоксарский и Ивановский заводы.

Производством черепицы занимались Шумерлинский, Шоркистринский и Янтиковский заводы (см. табл. 2).

² Подсчитано автором по данным [2. Л. 11].

Таблица 2

**Производство черепицы на заводах Чувашского управления промышленности
строительных материалов в 1957 и 1958 гг., тыс. шт. [2. Л. 11]**

Предприятия	1957 г.	1958 г.
Шумерлинский	314	335
Шоркистринский	718	596
Янтиковский	70	70
Всего по УПСМ	1 102	1 001

Наиболее мощным по объемам производства черепицы был Шоркистринский завод, а второе место по объемам занимал Шумерлинский.

На Канашском кирпичном заводе вырабатывали шлаковые блоки. В 1957 г. их было произведено 740 тыс. шт., а в 1958 г. – 1971 тыс. шт. [2. Л. 11].

Два предприятия специализировались на производстве извести. Лидирующее положение с 1957 г. в производстве этого строительного материала перешло от Козловского к Урмарскому известковому заводу. Представление о производстве извести даёт табл. 3.

Таблица 3

**Производство извести на предприятиях Чувашского управления промышленности
строительных материалов в 1957 и 1958 гг., т [2. Л. 11]**

Предприятия	1957 г.	1958 г.
Козловский завод	2 545	3 603
Урмарский завод	2 943	12 575
Всего по УПСМ	5 488	16 178

Три завода Чувашского управления промышленности строительных материалов добывали песок и бутовый камень.

Таблица 4

Производство бутового камня и песка в 1957 и 1958 гг., куб. м [2. Л. 11]

Предприятия	1957 г.	1958 г.
Бутовый камень		
Козловский известковый завод	9 495	7 959
Урмарский известковый завод	2 047	3 351
Чебоксарский кирпичный завод	–	44
Всего по УПСМ	11 542	11 354
Песок		
Чебоксарский кирпичный завод	8 689	22 126
Канашский кирпичный завод	–	900
Всего по УПСМ	8 689	23 026

Примечание. Знак (–) означает отсутствие явления.

В 1958 г. по сравнению с 1957 г. была увеличена добыча песка, однако резко упали объёмы его добычи на Канашском карьере.

На предприятиях управления промышленности строительных материалов совнархоза трудились 1 тыс. 987 человек, в том числе 1 тыс. 440 промышленных рабочих, в том числе на Чебоксарском заводе – 450, на Ивановском – 214, на Алатырском – 119, на Шумерлинском – 123, на Канашском – 98, на Шоркистринском – 190, на Козловском – 80, на Урмарском – 134, на Янтиковском – 32 рабочих. В строительстве было занято 225 работников [2. Л. 11].

Успешно были выполнены плановые задания в 1959 г. План по валовой продукции совнархозная промышленность реализовала на 106,6%, по сравнению с 1958 г. прирост составил 13%. Промышленность строительных материалов имела опережающие темпы развития с приростом в 29,7% [2. Л. 11]. Вместе с тем с производственной программой не справились Козловский, Урмарский известковые и Ивановский кирпичный заводы [6].

В период совнархозов наблюдался абсолютный рост производства строительных материалов в Чувашской АССР. В 1959-1960 гг. ввели в строй Чебоксарский завод ЖБИ № 2 [8. Л. 431] и Вурманкасинский завод керамических блоков, расширили завод ЖБИ № 1, шесть действующих предприятий выпускавших кирпич, и два известковых завода, строился Ивановский завод силикатного кирпича и Канашский завод асбестосмоляных труб [8. Л. 434].

План 1960 г. по выпуску валовой продукции Управлением промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза был выполнен на 107,9%, а по товарной – на 109,3%. Было изготовлено 59,6 тыс. куб. м сборных железобетонных конструкций, 80,1 тыс. куб. м бетона, 44,7 тыс. куб. м раствора, 1,5 тыс. т арматуры, 122 млн шт. кирпича, 2 млн шт. шлакоблоков, 1 млн 500 тыс. шт. черепицы, 20 тыс. т извести, 35 тыс. т известковой муки и 13 тыс. куб. м бутового камня. Сверх плана выпустили продукции на 566,9 тыс. руб.³, а её пророст по сравнению с аналогичным показателем за 1959 г. составил 1 млн 746 тыс. руб., или 28,9%. Производительность труда выросла на 102,1%, а себестоимость товарной продукции была снижена на 11,1 тыс. руб. Необходимо отметить, что плановыми заданиями предусматривались убытки по предприятиям, так вот они были снижены на 4,1 тыс. руб. [12].

В эти годы был освоен выпуск новых видов изделий: керамзита, керамических камней и колонн двутаврового сечения. На Ивановском кирпичном заводе в эксплуатацию ввели люлечный конвейер протяжённостью 4300 погонных метров.

Выросло качество изготовления кирпича, только Шоркистринский кирпичный завод продолжал выпускать продукция низкого качества,⁴ так как было старое оборудование и нарушались технологические процессы⁴.

Все предприятия были планово-убыточными, затраты на производство превышали доходы от реализации товарной продукции на 6,1%, а в 1961 г. – на 8,8%. В 1960 г. прибыль в сумме 470 тыс. руб. предусматривалась лишь по Чебоксарскому кирпичному и Урмарскому известковому заводам [3; 4. Л. 2-3; 10. Л. 63]. Процент убыточности на Чебоксарском заводе ЖБИ № 1 – 5,7%, на Чебоксарском заводе ЖБИ № 2 – 11%, на Алатырском кирпичном заводе – 2,2%, на Ивановском кирпичном заводе – 2,3%, Канашском кирпичном заводе – 4,1%, на Вурманкасинском заводе керамических блоков – 13,1%, на Шумерлинском кирпичном заводе – 4,3%, на Шоркистринском кирпичном заводе – 9,1%, на Козловском известковом заводе – 26%, на Янтиковском черепичном заводе – 50% и на Мыслецком кирпичном заводе – 26,2% [10. Л. 63].

Планы по производству кирпича, извести, черепицы и известняковой муки выполнялись не каждый год. Потери от брака составляли более 100 тыс. руб., что было на треть выше запланированных.

Среди причин низкого качества продукции: несоблюдение технологии производства кирпича и черепицы; недостаточная обработка шихты перед формовкой кирпича-сырца; плохая регулировка резательных полуавтоматов; отсутствие контрольно-измерительной аппаратуры; изношенность прессов для формовки черепицы; плохая сушка черепицы.

Не выполнили планы по себестоимости продукции и накоплениям завод ЖБИ № 2, Вурманкасинский завод керамических блоков и Урмарский известковый завод. Провалили и задания по внедрению новой техники, из предусмотренных планом 40 мероприятий выполнили только 37 [4. Л. 20].

Одной из не последних причин невыполнения плановых заданий рядом предприятий была высокая текучесть рабочей силы. Так, в 1960 г. уволилось 1 тыс. 24 рабочих, т.е. 42% от их общего количества. К этому вынуждали тяжё-

³ Предприятие выпускало пустотные плиты, колонны, балки, ригели, панели, плиты покрытий.

⁴ В ценах тех лет.

лые условия труда и неудовлетворительное состояние дел по охране труда. В 1960 г. по сравнению с 1959 г. производственный травматизм вырос на 10%.

Заводской быт работников были плохими. Так, на Урмарском известковом заводе не было бытового помещения, отвечающего санитарно-гигиеническим требованиям. Отдыхали рабочие и принимали пищу в землянке, а столовая работала только 3-4 часа в сутки. Вода для питья кипятилась в грязном баке; душевых, умывальников, мыла и полотенец не было. В аптечках отсутствовали медикаменты для оказания первой помощи [4. Л. 21].

Верховный Совет СССР 14 июля 1951 г. принял указ «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогулы мерами дисциплинарного и общественного воздействия». После этого дисциплина, которая держалась на страхе наказания, рухнула. Много стало прогульщиков и опаздывающих. За несоблюдение трудовой дисциплины в 1960 г. было уволено 67 человек [10. Л. 64-65].

В марте 1961 г. приняли в эксплуатацию после реконструкции производственные мощности Чебоксарского ЖБИ № 1 [11. Л. 152]. Позже были построен Новочебоксарский завод строительных изделий. В целом за период с конца 1950-х – начала 1960-х годов производство строительных материалов выросло в 2,9 раза, а железобетонных конструкций и изделий – в 4,5 раза [10. Л. 65].

Наиболее эффективно организовали производство следующие директора заводов: Н.Н. Янковский (завод ЖБИ № 1), М.В. Шувалов (завод ЖБИ № 2), В.М. Паршин и Б.А. Ветров (Козловский известковый завод).

Среди передовиков и новаторов производства следует выделить начальника ПТО завода ЖБИ № 1 Ю.К. Ерёмину, мастера Н.Г. Кожевникова, бригадира бетонщиков В.М. Степанова, механика Н.И. Лаптева, инженера-конструктора П.К. Спиридонова, электрика Г.П. Петрова, бригадира арматурщиков С.М. Бадюдина, главного инженера завода ЖБИ № 2 Ю.Г. Анчикова, главного механика А.К. Жданова, энергетика М.Н. Старостина, бригадира бетонщиков завода ЖБИ № 2 Л.Л. Кузнецова, бригадира слесарей В.К. Калякина, мастера С.И. Курбакова, бетонщиков Г.А. Белаш и В.А. Тувалёву.

В немалой степени усилиями таких работников в 1961 г. на предприятиях промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза было произведено продукции на 13,7 млн руб., а в 1962 г. – на 15,7 млн руб. Прирост составил 114,6%. Более высокий прирост производства валовой продукции был только в машиностроении – 124,5% [11. Л. 2-117]. Если в 1961 г. было изготовлено 154 млн шт. условного кирпича стеновых материалов, 117,3 тыс. куб. м сборных железобетонных конструкций и других строительных материалов, то в 1962 г. производство стеновых материалов выросло до 155 млн шт. условного кирпича, а сборных железобетонных изделий – до 120 тыс. куб. м [13, 14].

Общий объём капитальных вложений на 1961 г. в промышленность строительных материалов совнархоза Чувашии составил 5 млн 120 тыс. руб., в том числе в строительно-монтажные работы – 2 млн 30 тыс. руб., а в 1962 г. соответственно – 3 млн 840 тыс. руб. и 1 млн 860 тыс. руб. [9. Л. 35], что составляло соответственно 11,6% и 7,2% от общих капиталовложений в промышленность совнархоза [9. Л. 36]. За счёт этих инвестиций были введены в эксплуатацию мощности по производству 4 тыс. куб. м сборных железобетонных конструкций и изделий в год. Однако этих мощностей не хватало, и Совет народного хозяйства Чувашского экономического административного района от 19 июля 1961 г. просил на следующий год дополнительные средства на капитальное строительство [9. Л. 38]. Москва дополнительных инвестиций не дала. Причиной отказа было невыполнение плана капиталовложений (98%), а по вводу основных фондов – на 72%. Не было выполнено распоряжение совнархоза от 26 марта 1960 г. о наращивании мощностей кирпичных заводов до 240 млн шт. кирпича и железобетонных изделий до 140 тыс. куб. м сборного железобетона [10. Л. 63, 64].

Таким образом, в период совнархозов местная промышленность строительных материалов развивалась ускоренными темпами, чему способствовали централизованные федеральные инвестиции. Все заводы управления промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза были планомерно-убыточными. Капитальные вложения полностью не осваивались, росло незавершенное строительство. На ряде предприятий простаивало оборудование, выпускаемая продукция была низкого качества, а из-за тяжелых условий труда, бытовой неустроенности существовала большая текучесть рабочих. Остро стояла проблема трудовой дисциплины.

Литература и источники

1. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 1. Д. 7.
2. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 1. Д. 10.
3. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.
4. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 1. Д. 78.
5. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 2. Д. 6. Л. 381.
6. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 2. Д. 11. Л. 11, 40, 40об.
7. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 2. Д. 15. Л. 190.
8. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 2. Д. 44. Л. 431.
9. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 2. Д. 81.
10. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 2. Д. 82.
11. ГИА ЧР. Ф. Р – 1832. Оп. 2. Д. 84.
12. История промышленности и рабочего класса Чувашии / авт. кол.: Н.И. Иванов, А.Ф. Ижоркин, С.Е. Хаймулин, Г.И. Иванов, К.Д. Дмитриев, И.И. Бойко и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. Ч. 2. С. 123-124.
13. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. / авт. кол.: И.И. Бойко, В.Г. Харитонов, Д.А. Захаров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Кн. 2 (1945-2000 гг.). С. 77.
14. История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1967. С. 159.

МАТВЕЕВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (adelante10@rambler.ru).

MATVEEV ANDREY PAVLOVICH – candidate of juridical sciences, assistant professor, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 691:666.9(470.345)

А.П. МАТВЕЕВ

ПРОИЗВОДСТВО СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В МОРДОВСКОЙ АССР В 1951-1956 ГОДАХ

Ключевые слова: местная промышленность, строительные материалы, производительность труда, лесопильный завод, меловый карьер, кирпичный завод, черепичный завод, глазурный завод, Саранская махорочная фабрика, консервный комбинат, Мордовское отделение «Заготзерно», спиртотрест, Саранский пенькокомбинат, маслозавод.

Изучено производство строительных материалов на заводах Мордовской АССР в 1951-1956 гг. Предмет исследования – заработная плата промышленно-производственного персонала и номенклатура основной продукции предприятий промышленности строительных материалов.

А.Р. МАТВЕЕВ

BUILDING MATERIALS PRODUCTION IN THE MORDOVIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC (1951-1956)

Key words: local industry, building materials, labour productivity, sawmill, chalk open-cast mine, brickworks, tile factory, glaze factory, Saransk makhorka factory, tinned food factory, Mordovian department of «Zagotzerno», alcohol trust, Saransk hempen factory, butter dairy.

The article is devoted to the building materials production at the factories of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1951-1956. The subject of the research is the salary of the industrial and production staff and the nomenclature of the main production of the enterprises of the building materials industry.

В 1951 г. на 6 предприятиях Управления промышленности строительных материалов при Совете Министров Мордовской АССР трудилось 585 человек промышленно-производственного персонала, в том числе 506 рабочих, 20 ин-

женерно-технических работников, 29 служащих, 6 человек младшего обслуживающего персонала, 12 пожарников и сторожей, 2 ученика. В капитальном строительстве было занято 12 человек, на транспорте – 17, в жилищно-коммунальном хозяйстве – 3 работника [3. Д. 31. Л. 55-56].

Средняя годовая заработная плата рабочего составляла 4424 руб., ИТР – 8900, служащих 6259 руб., младшего обслуживающего персонала – 2350 руб., работников пожарно-сторожевой службы – 2910 руб., учеников – 2100 руб., строителей – 4160 руб., водителей – 5370 руб. и работников жилищно-коммунального хозяйства – 4600 руб. Однако сохранялась тенденция опережения роста фонда заработной платы на предприятиях по отношению к производительности труда.

К 1956 г. численность промышленно-производственного заводского персонала выросла до 824 человек, в том числе на Рузаевском предприятии – до 224, на Саранском – до 360, на Атемарском – до 108, на Трепаловском – до 85, на Кергудском – до 20, на Шишкеевском – до 27 работников. Численность промышленно-производственного персонала составляла 711 рабочих, в том числе на Рузаевском предприятии – 197, на Саранском – 310, на Атемарском – 94, на Трепаловском – 74, на Кергудском – 15, на Шишкеевском – 21 человек. Дефицит рабочих наблюдался на Саранском (56 человек), Рузаевском (30 человек) и Атемарском (26 человек) предприятиях [3. Д. 117. Л. 14].

Управление промышленности строительных материалов при Совете Министров МАССР, перевыполнив план по выпуску валовой продукции в 1951 г., не справилось с производственными программами 1952 и 1953 гг. Подвели Рузаевский кирпичный и Кергудский черепичный заводы, а также Атемарский завод строительных материалов. Отметим, что производственное задание 1953 г. было скорректировано в сторону уменьшения. Первоначально план выпуска валовой продукции составлял 10,2 млн руб., в 1954 г. – 11,7 млн руб., в 1955 г. – 16 млн руб. [3. Д. 60. Л. 2].

Основной продукцией предприятий было изготовление красного и трепельного кирпича (Трепел – тонкопористая осадочная горная порода, состоящая из микроскопических зёрен опалового кремнезёма, аналогичная диатомиту, но почти лишённая органических остатков. Применяется как строительный материал, наполнитель, адсорбент и др.)

Его выпускали Атемарский, Саранский, Рузаевский, Кергудский и Шишкеевский заводы. В 1951 г. было изготовлено 15 млн 285 тыс., в 1952 г. – 17 млн 529 тыс. и в 1953 г. – 20 млн 816 тыс. шт. кирпича. План его производства в 1951 г. был выполнен на 113,2%, в 1952 г. – на 79,6%, а в 1953 г. – только на 84,9%.

Значительное количество кирпича производилось на Рузаевском кирпичном заводе, на втором месте стоял Саранский кирпичный завод, а на третьем – Атемарский завод строительных материалов.

Обжиг кирпича на Кергудском черепичном заводе в 1951 г. составил 159 тыс., в 1952 г. – 97 тыс. и в 1953 г. – 105 тыс., а на Шишкеевском соответственно – 98 тыс., 143 тыс. и 116 тыс. шт. кирпича [3. Д. 24. Л. 3]. Отметим, что это было непрофильное производство и план на него не устанавливался.

Пиломатериал производили Трепаловский лесопильный завод и как непрофильную продукцию – Шишкеевский черепичный завод. В 1951, 1952 и 1953 гг. Трепаловское предприятие выпустило соответственно 9776, 8531 и 9258 куб. м. Однако план по выпуску данного изделия был выполнен только в 1952 г. на 106,5%, а в 1951 и 1953 гг. соответственно – на 88,8% и на 94,4%. Шишкеевский черепичный завод в указанные годы произвёл только 238 куб. м штакетника [3. Д. 24. Л. 5].

План по производству черепицы никогда не выполнялся, за исключением контрольных параметров задания 1953 г. по изготовлению черепицы-сырца на Шишкеевском заводе.

Для производственных нужд предприятия заготавливали дрова. В целом планы по заготовке и вывозке дров всегда перевыполнялись и предприятия были полностью обеспечены топливом. Не выполнили установленных заданий по вывозке дров: в 1951 г. Трепаловский, а в 1953 г. – Атемарский и Трепаловский заводы. Саранский кирпичный завод заготавливал дрова в небольшом количестве и завозил уголь и торф. Отметим, что в 1954 г. Управлением промышленности строительных материалов при Совете Министров МАССР была поставлена задача сократить расход дров до 0,25 куб. м на 1 т производства извести и расширить использование каменного угля [3. Д. 24. Л. 21], который поставлялся в Мордовию с Донецкого и Кузнецкого (Кемеровская область) угольных бассейнов, а также механизировать добычу мела, поставив экскаватор в карьере.

Все заводы заготавливали деловую древесину. С планами заготовки древесины в 1951 г. не справились Атемарский, Рузаевский и Шишкеевский заводы, а по её вывозке задание выполнил только Трепаловский лесопильный завод. В 1952 г. Атемарский завод строительных материалов не выполнил план заготовки древесины, а с заданием её вывозки справился только Трепаловский лесопильный завод. В 1953 г. только это предприятие перевыполнило контрольные цифры по заготовке и вывозке древесины.

Производительность труда на предприятиях была невысокой, а планы по её росту часто не выполнялись. Так, в 1953 г. контрольные задания по росту производительности труда Рузаевским кирпичным заводом были выполнены на 79,8%, Саранским – на 94,2%, Атемарским заводом строительных материалов – на 76,0%, Трепаловским лесопильным заводом – на 87,2%, Кергудским черепичным заводом – на 71,2% и Шишкеевским черепичным заводом – на 128,5%, а в целом по шести предприятиям – на 85,7%. В год один рабочий изготавливал продукции в ценах тех лет на 8750-31267 руб. [3. Д. 24. Л. 13]. В 1956 г. в целом по предприятиям среднегодовая выработка на одного рабочего составляла 17587 руб., что соответствовало 95,6% от плановых заданий. На Рузаевском заводе она равнялась 84,8%, на Саранском – 99,1%, Трепаловском – 92,7%, на Кергудском – 95,7% и на Шишкеевском – 89,0% [3. Д. 117. Л. 14].

Росту производительности труда способствовали механизация производства, внедрение новой техники на заводах, повышение квалификации работников. Так, в 1951 г. непосредственно на производстве было обучено 137 рабочих и 24 – повысили свою квалификацию в постоянно действующих школах и на курсах [3. Д. 64. Л. 19].

В 1953 г. по причине низкой производственной и технологической дисциплины, несоблюдения правил ухода за агрегатами и сроков планово-предупредительного ремонта имели место значительные простои оборудования на заводах. Так, на Рузаевском кирпичном заводе они составляли 31,1%, на Саранском – 18,2% и на Атемарском заводе строительных материалов – 20,8% к фактически отработанному времени [2. Д. 17. Л. 18]. Отметим, что такая ситуация была не только на мордовских заводах. В связи с этим, в соответствии с приказом № 41 Министерства промышленности строительных материалов РСФСР от 26 января 1954 г., для повышения производительности труда пошли на повышение норм выработки. Их повышение в целом по предприятиям Управления промышленности строительных материалов при Совете Министров МАССР составило 3%, а снижение расценок на продукцию – 2,9%, в том числе по Рузаевскому и Саранскому кирпичным заводам соответственно – на 3,2% и 3,1%, по Атемарскому заводу строительных материалов – на 3% и 2,9%, по Кергудскому и Шишкеевскому черепичным заводам – на 1% и 1%, по Трепаловскому лесопильному заводу – на 2% и 1,9%. Пересмотру не подле-

жали нормы выработки на погрузочно-разгрузочные, лесозаготовительные и транспортные работы [2. Д. 17. Л. 18-20]. Несмотря на это, план 1954 г. по выпуску валовой продукции предприятия Управления промышленности строительных материалов при Совете Министров МАССР выполнили только на 92,4%, или объём валовой продукции составил 8963 тыс. руб. Задание по обжигу кирпича реализовали на 90,7%, изготовив 25 млн 400 тыс. шт.

Срыв плановых заданий объяснялся неудовлетворительной работой Рузаевского кирпичного завода и Атемарского завода строительных материалов, где вследствие плохой организации труда простаивало оборудование. На Рузаевском предприятии простои составляли 30,5%, а на Атемарском – 57% от отработанного времени. Было большое количество брака. За невыполнение производственной программы 15 мая 1954 г. был освобождён директор Рузаевского завода Ф.С. Конышев, а на эту должность назначен Ф.С. Башмаков [2. Д. 17. Л. 46].

Хуже обстояло дело с производством извести, которой было произведено 3400 т, что составило 90,7% от плана. Контрольные цифры по изготовлению черепицы тоже выполнены не были, произвели 207 тыс. шт., или 71% от запланированного количества. Показатели производства пиломатериала выглядели значительно лучше. Выпустили 9900 куб. м пиломатериала, что составляло 110% к плановому заданию.

План по производительности труда был реализован только на 85%, а задание по снижению себестоимости продукции – на 21,7%. За год она упала на 2%. Это явилось основными причинами убыточности работы кирпичных и черепичных предприятий. Убытки составили 807 тыс. руб., а лесопильные заводы дали прибыль в сумме 572 тыс. руб. В целом по производствам годовая прибыль планировалась в сумме 753 тыс. руб., а фактически получился убыток в 235 тыс. руб. [3. Д. 24. Л. 35-37].

Руководство Управления промышленности строительных материалов при Совете Министров МАССР в справке об итогах работы предприятий на имя председателя Совета Министров МАССР И.П. Астайкина отмечало, что кирпичные и черепичные заводы стали убыточными по причине того, что Министерство промышленности строительных материалов РСФСР установило для этих предприятий себестоимость выпускаемой продукции ниже плановой калькуляции: по кирпичу на 28 руб. 26 коп. за 1 тыс. шт., по извести – на 8 руб. 75 коп. за 1 т, по черепице – на 327 руб. за 1 тыс. шт., что в целом равнялось 879,7 тыс. руб. Так, Саранский кирпичный завод, выполнивший план по изготовлению продукции и получивший прибыль в 55 тыс. руб., стал банкротом, получив убыток на 242 тыс. руб. К тому же высокой была стоимость электроэнергии для этого предприятия, которая составляла 45 руб. 43 коп. на 1 тыс. шт. кирпича [3. Д. 24. Л. 37].

План по капитальному строительству в сумме 7 млн 600 тыс. руб. был выполнен. Строились новые производственные помещения на Саранском кирпичном заводе, была пущена в эксплуатацию 8-камерная кольцевая печь и сушильные сараи общей площадью 1100 кв. м. На Атемарском заводе строительных материалов приняли в эксплуатацию шахтную печь для обжига извести, на Шишкеевском и Кергудском черепичных заводах поставили две напольные печи для обжига черепицы и кирпича. В стадии строительства находились сушилка на Рузаевском кирпичном заводе и электростанция мощностью 150 кВт на Атемарском заводе строительных материалов. Были приобретены бульдозер, скрепер, автосамосвал «МАЗ-205», автокран, мотовоз, пресс «Колхоз» и другое оборудование на сумму 395 тыс. руб. Для работников Саранского и Рузаевского кирпичных заводов сдали три жилых дома общей площадью 1006 кв. м и два – строили (один 148 кв. м и 12 квартирный

дом) [З. Д. 24. Л. 38-39]. Для сравнения отметим, что в 1951 г. капитальные вложения в ценах тех лет составили 2 млн 396 тыс. руб., в том числе в кирпичные предприятия 2 млн 185 тыс. руб., в черепичные – 29 тыс. руб., в производство извести – 145 тыс. руб., в лесопиление – 37 тыс. руб. Проводились геолого-разведочные работы по строительству Атемарского цементного завода, а также в с. Чамзинка. Модернизировались Саранский кирпичный завод (280 тыс. руб.) и Атемарский завод строительных материалов (22,2 тыс. руб.). Велось строительство сушильных сараев, механической мастерской, монтаж прессы «Прогресс», кирпичеделательного агрегата «Вокуум», люлечного конвейера на Рузаевском кирпичном заводе, а также – деревянного общежития на 75 человек, 12- и 8-квартирных жилых домов, артезианской скважины, трансформаторного киоска, сараев и линии электропередачи и различные землеустроительные работы. Хозяйственным способом на строительных и монтажных работах было занято 55 работников, в том числе 52 рабочих.

Строительство Саранского кирпичного завода № 2 с 1950 г. вёл строительный трест № 13 Минмашстроя СССР. Его проектная мощность составляла 28 млн шт. кирпича в год, а сметная стоимость 17 млн 850 тыс. руб. Однако план освоения федеральных инвестиций на строительство предприятия в 1951 г. был выполнен лишь на 72%, а в целом по Управлению промышленности строительных материалов при Совете Министров МАССР – на 82,4% [З. Д. 62. Л. 5, 12, 15-17; Д. 60. Л. 193].

Капиталовложений в развитие собственной энергетической базы предприятий было мало, поэтому она была слабой. В 1951 г. на Трепаловском, Атемарском и Ковылкинских заводах работали собственные небольшой мощности электростанции, которые вырабатывали соответственно 19 тыс., 1 тыс. и 5 тыс. кВт·ч электроэнергии [З. Д. 11. Л. 45]. В 1952-1955 гг. на Атемарском предприятии строилась новая электростанция мощностью 150 кВт и стоимостью 499,2 тыс. руб. В 1956 г. электростанции Атемарского и Трепаловского заводов выработали соответственно 23 и 14,5 тыс. кВт·ч электроэнергии [З. Д. 117. Л. 3].

В 1955 г. продолжалось строительство Саранского кирпичного завода № 2, а капитальные затраты на действующий Саранский кирпичный завод составили в ценах тех лет 907,1 тыс. руб. (приобретение трёх автосамосвалов марки «ГАЗ-93», общей стоимостью 49,8 тыс. руб., прокладка 1 км шоссейной дороги (120 тыс. руб.) и 1,5 км узкоколейки (60 тыс. руб.), строительство водопровода (48,9 тыс. руб.), продолжение строительства сушильных сараев (206,7 тыс. руб.) и 12-квартирного жилого дома площадью 320 кв. м (421,7 тыс. руб.).

На Атемарском заводе строительных материалов были построены кольцевая печь на 166 кв. м стоимостью 365,2 тыс. руб., сушильные сараи на 600 кв. м (70 тыс. руб.), закончено строительство электростанции.

Инвестиции в Кергудский черепичный завод составили 155 тыс. руб., в том числе 15 тыс. на приобретение грузовой автомашины ГАЗ-51, 80 тыс. на строительство сушильных сараев и 60 тыс. на печь для обжига черепицы.

Капитальные затраты на модернизацию основных фондов и производственной инфраструктуры Шишкеевского черепичного завода составили 195 тыс. руб., в том числе были построены печь для обжига черепицы, производственный корпус и приобретена автомашина ГАЗ-51 грузоподъёмностью 2,5 т.

В 1955 г. общие капиталовложения в эти предприятия составили 5 млн 105 тыс. 400 руб. что позволило увеличить объём валовой продукции до 10 млн 21 тыс. руб. Было произведено 27 млн 800 тыс. шт. кирпича, 5255 т извести, 103 тыс. шт. черепицы и 9738 куб. м пиломатериала. Заготовили

7769 куб. м дров и 9188 куб. м деловой древесины, вывезли соответственно 7241 и 8869 куб. м. Однако производственным планом предусматривалось изготовить 55 млн шт. кирпича, 7,5 т извести, 600 тыс. шт. черепицы, 10 тыс. куб. м пиломатериала, заготовить 8 тыс. куб. м дров и 11 тыс. куб. м деловой древесины. Среди причин невыполнения плана низкая производительность прессов и качество ремонта оборудования на Рузаевском и Атемарском заводах, а также недостаток рабочей силы. Так, сменная производительность на этих предприятиях составляла 23,8 тыс. шт. при плане 24,1 тыс. шт. кирпича за сезон [2. Д. 21. Л. 18-19; 3. Д. 60. Л. 2-4; Д. 113. Л. 1]. К тому же Саранский кирпичный завод № 1 имел сезонный цикл работы, в отличие от нового Саранского завода № 2, который построили в 1955 г. но он ещё не вышел на проектную мощность и произвёл только 150 тыс. шт. кирпича.

В 1956 г. капитальные вложения в предприятия составили 2 млн 642 тыс. руб., из них на строительно-монтажные работы – 1 млн 178 тыс. руб., приобретение оборудования и инвентаря – 732 тыс. руб. [2. Д. 102. Л. 8-10]. В строительных работах хозяйственным способом было занято 43 работника, их средняя заработная плата в год составляла 5173 руб. [2. Д. 102. Л. 12]. В целом в промышленности строительных материалов Мордовского управления промышленности строительных материалов в первой половине 1950-х годов было инвестировано 29 млн руб., из них в кирпичное производство 23,4 млн руб., в черепичное – 1,3 млн руб., в лесопиление – 300 тыс. руб., в жилищное строительство – 4 млн руб. [3. Д. 113. Л. 33]. Это позволило в 1956 г. совокупный объём валовой продукции увеличить до 12 млн 532 тыс. руб., что составило 93,3% от плана. Отметим, что доля саранских кирпичных заводов составляла 3 млн 2 тыс. 400 руб. [3. Д. 113. Л. 62, 63; Д. 117. Л. 17]. С заданиями не справились кирпичные предприятия и Атемарский завод строительных материалов (69,9%).

Причины невыполнения заданий были разные. На Рузаевском предприятии плохо была организована работа цеха по обжигу кирпича, к тому же не хватало квалифицированных рабочих. Саранский завод № 1 не был обеспечен сырьём в достаточном количестве, а Саранский завод № 2 – не был готов к работе в осенне-зимних условиях из-за неоконченного строительства глинозапасника, к тому же в течение первого полугодия 1956 г. велись пусконаладочные работы.

Атемарский завод строительных материалов произвёл 5730 т извести, 1 млн 547 тыс. трепельного кирпича и 650 т известняковой муки [1. Д. 1. Л. 9]. Однако предприятие не справилось с планом по причине плохих погодных условий, из-за которых садка кирпича-сырца в печи производилась с повышенной влажностью, в результате чего цикл обжига кирпича удлинялся. Не хватало дров на топливо, не было складского помещения для произведённой извести и до полной реализации она хранилась в напольных печах, что привело к их простоям. Известняковая мука не пользовалась спросом в колхозах, и план по её производству был выполнен только на 6,5%.

На Кергудском и Шишкевском заводах плохо была поставлена организация труда. Черепица реализовывалась с трудом.

План по производству продукции в натуральном выражении был выполнен только на 88,5%, в том числе кирпича – на 83,5%, извести – на 78,5%, черепицы – на 52,6%, но были перевыполнены задания по заготовке (176,6%) и вывозке (118,4%) дров, а также деловой древесины (124,5% и 115,7%).

Кирпичные прессы работали на полную мощность, за исключением Саранского завода № 2. Атемарского завода строительных материалов и Кер-

гудского черепичного предприятия. Отметим, что в 1956 г. по отношению к 1955 г. производительность агрегатов упала, за исключением Рузаевского предприятия. К тому же в 1956 г. агрегаты отработали: на Рузаевском заводе 517 смен, Саранском заводе № 1 – 506, на Саранском заводе № 2 – 704, на Атемарском предприятии – 143, на Кергудском – 68, на Шишкеевском – 94 смены [З. Д. 117. Л. 6]. Более производительные кольцевые печи стояли только на Саранских и Рузаевском предприятиях.

Таким образом, советскую экономическую систему отличало детальное планирование производства, развития инфраструктуры и социальной сферы, фондированное снабжение, полностью регламентированный сбыт продукции, жёсткая вертикаль отчётности и исполнения решений партийных органов и приказов министерств и ведомств. На предприятиях промышленности строительных материалов было изношенное оборудование, высокая доля ручного труда и низкая квалификация работников, что вело к низкой производительности труда и росту заработной платы опережающими темпами по отношению к ней. Однако велось обновление основных фондов и оборудования на кирпичных, черепичных и лесопильном заводах, но общий объём валовой продукции рос медленнее, чем инвестиции в производство. Планы роста производства и производительности труда не выполнялись, допускался перерасход фонда заработной платы, были высокий процент брака и низкое качество продукции. Однако дефицит строительных материалов в этот период гарантировал сбыт продукции предприятий. Управление промышленности строительных материалов при Совете Министров Мордовской АССР, несмотря на значительные федеральные инвестиции, не обеспечило качественной модернизации отрасли. Ведомство решало задачи увеличения объёма валового производства; снижения себестоимости товарной продукции; повышения рентабельности заводов; обеспечения роста производительности труда; выполнения плановых заданий по ассортименту, по росту фонда заработной платы, прибыли, экономии материально-технических ресурсов, улучшению качества сырья и выпускаемой продукции, увеличению сменности работы оборудования на предприятиях, совершенствованию организации производства и труда, организации выпуска инновационной продукции; повышения квалификации рабочих, инженерно-технических работников и подготовки новых специалистов путём жесткого планирования и постоянного административного контроля за ресурсным и кадровым снабжением, производственным процессом и сбытом продукции.

Рабочие составляли подавляющую часть промышленно-производственного персонала заводов. Это были малообразованные и малоквалифицированные люди, в значительной части с сельским укладом быта. Инженерно-технические работников и служащих было мало, это же относится и к младшему обслуживающему персоналу, работникам охраны и пожарным. Учеников на предприятиях тоже не хватало.

Источники

1. ЦГА РМ. Ф. Р-624. Оп. 2.
2. ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 1.
3. ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 2.

УДК 94 (470), 19 [...]: 2 – 674.5

Е.К. МИНЕЕВА

**АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ:
ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ***

Ключевые слова: советская власть, антирелигиозная политика, церковь, нравственность, добро, нация, интеллигенция, идеология, культура, вера.

Рассмотрены вопросы политики советской власти по отношению к религии и церкви, её взаимодействия с национальной политикой государства, проанализированы последствия и влияние атеистической идеологии на формирование интеллигенции, нравственных добродетелей общества.

Е.К. MINEEVA

ANTIRELIGIOUS POLICIES SOVIET REPUBLIC AND ITS IMPLICATIONS

Key words: soviet government, antireligious policy, church, morality, goodness, people, intellectuals, ideology, culture, faith.

This article discusses the policy of the Soviet government towards religion and the church, its interaction with national policies, analyzes the implications and impact of atheist ideology on the formation of intellectual and moral virtues of society.

Материальность, удовлетворяющая в первую очередь естественные потребности людей, их желание жить комфортно, богато и в роскоши, напрямую связывает человечество с политической и экономической подсистемами общества. Однако не столько материальная, сколько духовная сфера определяет его суть. Стремление к совершенствованию, истине, красоте и добру, нравственности отличает человеческий социум. Наука, образование, мораль, искусство способствуют прогрессу, полноценному общественному развитию, творческой деятельности, приносящей человеку духовное наслаждение, которое обогащает человечество в целом и становится импульсом к последующему движению вперёд.

Значительную роль в историческом развитии играет религия, одна из немногих систем общественного сознания, обосновывающая целесообразность и ценность существования мира, самой человеческой жизни на Земле. Во все времена племенам и народам сопутствовали верования, впитывавшие накапливавшиеся с человеческими поколениями философские, нравственные, эстетические представления людей. Так рождалась и развивалась Мудрость общества, транслировавшаяся через века и тысячелетия. Социальное сознание сохраняет и передаёт проверенный жизнью поколений опыт, отсорбировавший главное, например, нормы или образцы поведения людей, ставшие примером для подражания. Несмотря на множество разнообразных верований, общей, характерной для них чертой являются сформировавшиеся в религиозных учениях духовные ценности, без которых не может быть стремящегося к прогрессу общества.

Одной из мировых религий закономерно является христианство, пришедшее на Русь из Византии. Столетиями православие способствовало не только укреплению государственности в России, но и сплочиванию русского общества в борьбе с трудностями, болезнями и внешней опасностью. Вера останавливала людей от греха, играя сдерживающую и оберегающую общественную роль, в воспитательных целях она настраивала на подражание добрым и благородным поступкам. Это тот случай, когда традиционализм имеет ярко выраженное позитивное значение. При помощи веры и церкви традиционные установки государства на религиозность в виде распространения моральных заповедей (не убий, не укради, говори правду, делай добро...) предоставляли социуму реальную возможность контролировать нравственную чистоту отдельных его представителей. Таким образом, в России к октябрю 1917 г. религия

* Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0408 «Ретроспектива процессов модернизации государственного управления в Чувашии (60-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.)».

представляла собой неотъемлемую часть духовной и материальной культуры русского общества, вне которой оно не представляло своё существование.

В то же время не следует забывать, что Россия в начале XX в. – многонациональное государство, полиэтничность которого формировалась в результате присоединения и вхождения в его состав новых территорий и народов. К 1917 г. русские составляли 43% всех жителей империи, 57% приходилось на «чуженациональное» население страны. В качестве естественного продолжения абсолютным социальным большинством Советской России оставались русские (по переписи 1926 г. – 73,6% в РСФСР, по последней переписи – 82% в РФ). Каждый из нерусских этносов в процессе вхождения империи в советское пространство имел свою культуру, язык и религию.

Не случайно по отношению к нерусским этносам в стране с давних пор получило широкое распространение слово «инородцы». Термин напрямую был связан и с религиозным фактором. Первоначально содержание данного понятия в основном определяло нехристианскую природу входивших в состав России народов, имевших отношение главным образом к язычеству. По справедливому замечанию историка Н.Н. Кадырметовой, юридический контекст ярлыка «инородцы» подразумевал этносы неправославного исповедания (в основном монгольские, тюркские и финские этносы) [2. С. 18]. Борьба за этническую культуру и религию стала частью национально-освободительного движения народов Российской империи в начале XX в.

Создавая мощь многомиллионного этнического крестьянства аграрно-индустриального государства, революционная интеллигенция России стремилась использовать национально-освободительное движение в политических целях – борьбе за власть. Поддержка угнетённых этносов, провозглашение принципа права наций на самоопределение вплоть до образования собственного государства превратились в основополагающие идеи целенаправленной национальной политики советской власти. Закономерной стала и установка Республики Советов на «безверие» общества. Существенную направляющую и контролирующую роль в национальной политике РСФСР играла партия большевиков (атеистов), создававшая на местах свои подразделения и постепенно возвышавшаяся над государственными структурами власти.

Большевики издали ряд декретов, по которым к советскому государству отошли церковные и монастырские земли, приходские школы, семинарии и духовные академии, у церкви была изъята право регистрации браков и рождения детей. Наконец, 23 января 1918 г. советская власть обнародовала Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», по реализации которого церковь стала нищей и бесправной. Фактически шёл процесс упразднения на территории страны религиозных верований. Поэтому специально созданный при наркомате юстиции для разрешения церковного вопроса отдел получил своеобразное название – «ликвидационный».

Помимо общей идеи марксизма-ленинизма о том, что «религия – опиум народа», идеология большевиков имела практическую причину данной антирелигиозной политики. Исторический опыт развития многонационального государства демонстрировал некоторую разобщённость этносов страны по принципу религиозных верований. В результате в 1920-е годы возникла потребность не только пойти на уступки этнической интеллигенции, создавая и развивая национальные автономии, но и прореагировать на конфессиональное своеобразие народов, что, однако, могло затормозить процесс укрепления нового режима власти. Кроме того, существовали реальные опасения сильного воздействия религиозной идеологии на малопросвещённое сознание инонационального населения страны. Так, например, мусульманство, обладавшее мощной

консолидирующей силой, имело реальную возможность значительно ослабить восприятие коммунистического мировоззрения многочисленными этносами Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, чего никак не могли допустить большевики. Не случайно в 1917-1920 гг., во время Гражданской войны руководство страны, создавая Мусульманский комиссариат, провозглашая Татаро-Башкирскую советскую республику, пыталось пойти навстречу мусульманам России. В то же время, постепенно укрепляя свои позиции, советская власть отказывается от признания религиозных верований. Превалирующей становилась такая национальная политика, которая предавала забвению религиозный вопрос. Этничность в Республике Советов начала институционализироваться, получила развитие национальная культура. Под прикрытием этой политики внутри государства осуществлялся запрет религии, место которой теперь последовательно и основательно занимала социалистическая идеология. Руководство советской страны создало новую «религию» – веру в коммунистические идеалы, в надежде на достижение которых было объединено абсолютное большинство её общества.

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, идеократия – это «владычество идей», термин для обозначения общественного строя, основанного «не на предании и не на материальных интересах, а на сознательных идеях» [1]. Стирая в общественном сознании важный компонент духовности человека, советская власть пыталась заполнить образующуюся пустоту принципиально новым элементом духовной культуры – идеологией, основанной на политических целях. Поднявшиеся в результате революции малограмотные, неопытные, но стремившиеся к справедливой, счастливой жизни в прошлом угнетённые слои общества поверили в коммунизм. Однако стремление навязать населению всего государства мировосприятие группы людей (партии большевиков) не могло быть долговечным.

Первые революционеры, руководители советской власти, сами свято верившие в ими созданную мечту, делали многое для её достижения. Приобщение населения страны к новой вере, социалистическим принципам и идеалам стало делом государственной важности для Республики Советов. Специальные курсы, кружки, семинары, партшколы, средства массовой информации в виде газет, журналов, фильмов, агитационно-пропагандистских пароходов и поездов выполняли важную функцию – укрепляли веру людей в строительство коммунизма. Данная задача активно реализовывалась и при помощи национальной политики государства. Советская власть использовала низкий уровень социально-экономической и культурной зрелости нерусских этносов. Предоставляя народам право на свободное развитие, она создала эталон культуры принципиально нового, социалистического содержания («пролетарская культура», часто отвергавшая всю предшествовавшую культуру), с целью распространения которого применялись национальная форма, заинтересованность нерусских регионов в создании и укреплении литературы, музыки, театров, образительного искусства на основе образцов этнической материальности и духовности, но с обязательным присутствием социалистических идей.

Использовался и низкий уровень политической зрелости масс. Представлявшее основную часть населения России крестьянство в действительности находилось в отдалении от происходившей партийной борьбы за власть. Оно только начинало пробуждаться и проявлять интерес к политике. Первая русская революция, мировая война, события 1917 г. революционизировали деревню, но ещё не настолько, чтобы осознанно откликаться на всё происходившее в стране. Значительная агитационно-пропагандистская работа среди аграрных слоёв общества, умелое лавирование между интересами пролетариата и многочисленного многонационального крестьянства укрепляли социалистическую идеологию в сознании большей части населения страны Советов.

В то же время создание образованных, профессиональных кадровых сил во всех сферах жизни и деятельности Советского государства, формирование принципиально новой интеллигенции, образование единой гражданской общности – советского народа – было крайне тяжёлой, точнее до конца так и не выполнимой задачей.

Квалифицированные работники были необходимы для поднятия нового и восстановления пострадавшего в годы Первой мировой и Гражданской войн промышленного и сельскохозяйственного производства. Процесс школьного и вузовского обучения, приобщение широких масс к образованию также требовали новых кадровых сил, которых молодая республика ещё не имела. Часть и без того немногочисленной интеллигенции Российской империи не приняла события октября 1917 г., следствием чего стал её отъезд за границу или саботаж. Кроме того, советское правительство с недоверием и неприязнью относилось к работникам умственного труда бывшей империи, несмотря на их частичное использование в военном, производственном, школьном деле. Над большей частью интеллигенции (носительницей и создательницей духовных ценностей), не покинувшей Россию и сотрудничавшей с советской властью, в период репрессий 1930-х годов была учинена политическая расправа.

Существовала потребность в создании новой – советской интеллигенции. Однако рабочих и крестьян характеризовали потенциальные возможности, природная смекалка, практический опыт долголетнего труда, а не теоретические знания и умения, приобретённые в ходе длительной кропотливой учёбы. Чрезвычайно низкий общий уровень культуры поднявшегося в прошлом угнетённого большинства стал значительной проблемой Советского государства. Проживавшие ранее в нищете, являясь в основном людьми безграмотными, далёкими от понимания духовных и материальных ценностей цивилизованного мира, народные низы российского общества теперь стали относиться к высшим социальным слоям. Реальность такова, что постижение культуры, внедрение в психологию и сознание не одного человека, а нескольких поколений потребности в истинной духовности представляют собой весьма длительный с точки зрения человеческой жизни процесс.

Далеко не всегда он определяется только временем. Всколыхнувшая общество в результате революции волна неприятия прошлого, в том числе памятников культуры, церквей и храмов, олицетворявших старый режим власти, угнетавшей простой народ, нигилистический порыв, поддерживаемый революционной элитой в массах трудящихся, не способствовали их приобщению к нравственным добродетелям. Радикализм, насильственное отлучение верующих от религии, отход от общегосударственной идеи соборности и переход к воинствующему атеизму отвернул людей, в большинстве своём малокультурных, от общих духовных ценностей. Отсюда – низкая ступень развития и большая разница между провозглашёнными идеалами и реальной действительностью. Главной становилась коммунистическая идеология, обязательная для формирования советского человека, которая на практике часто входила в противоречие с общепризнанными в мире представлениями об образованности и интеллигентности людей.

Понятной становится и длительная борьба партии с недисциплинированностью, пьянством и разгулом, половой распущенностью и преступностью своих работников в первые годы советской власти, особенно в сельских подразделениях. Партийные и государственные органы проводили значительную работу в плане чистки своих рядов, разъяснения элементарных правил совместного общежития, что подтверждают многочисленные материалы как центральных, так и региональных архивов [3, 4].

Массовая стихийность, вера в светлое будущее, непререкаемость кумиров, малограмотность и доверчивость простых людей использовались госу-

дарственными и партийными структурами власти не только в целях внедрения в общественное сознание коммунистической идеологии, но и для проведения массовых репрессий против идеологических противников – «врагов» народа. Наконец, слабость и малочисленность интеллигенции в те годы не могли родить в ближайшем будущем новые поколения истинных интеллигентов. Тем не менее государственные верхи опасались даже новой, постепенно формировавшейся советской интеллигенции, которая со временем начала составлять реальную угрозу номенклатурной элите СССР.

Главное для интеллигенции не столько образованность, сколько её гуманистическая идеология и направленность, размышления над тем, как сделать народ счастливым, общечеловеческая добродетельность, стремление к добру. Не случайно основными стратами советского общества признавались дружественные классы рабочих и крестьян, а интеллигенция определялась понятием «прослойки». С точки зрения привилегий преимущества распределения общественных благ сохранялись за рабочими и крестьянами. Образованные, выросшие в советское время писатели, поэты, музыканты, учёные лучше разбирались в существовавшей диспропорции реальной жизни, сравнивая прошлое и настоящее, «наше» и находящееся за «железным занавесом» «чужое», чем наносили вред социалистической идеократии. В подобных условиях перерастание СССР в фантомное государство стало неизбежностью.

Вера в лозунги о реальной возможности создания коммунизма продолжала существовать и действовать в СССР до середины 1960-х годов. Строительство промышленных гигантов, коллективизация сельского хозяйства, революционные изменения в культуре, поднятие целинных земель проводились на волне общего подъёма, героического энтузиазма советских людей, приближавших, как им казалось, поистине справедливое и счастливое будущее. Значительную роль в долголетию социалистической идеологии сыграла Великая Отечественная война, которая сплотила гражданское общество страны в едином порыве борьбы за победу над фашизмом. Далее реализация долгожданной мечты была отодвинута периодом восстановления разрушенного в военные годы народного хозяйства. Марксистско-ленинская идеология, ставшая законом и моралью для советского народа, по-прежнему играла в этом святом труде главенствующую роль.

Надо сказать, что идеи патриотизма, героизма, правдивости и честности вносили высоконравственное, гуманистическое начало в процесс позитивного воспитания молодёжи. Однако они составляли моральный кодекс, основанный на достижении политических, классовых целей, после развенчания которых его ожидал неизбежный конец. С 1970-х годов вера в социалистические идеалы постепенно начала таять, пока не угасла совсем, что вылилось в завершение советского строя, развал СССР. Содержание лозунгов о развитии социализма, общественной справедливости, о дружбе народов, войдя в противоречие с тем, что происходило в реальной действительности, было выхолено. Моральный кодекс советского человека распался.

Россия в 1990-е годы представляла собой хаотическое постсоветское пространство, в рамках которого начался период «дикого» капитализма и шла духовная деградация общества. Вера в коммунистические идеалы рухнула, а от религии народ был отвернут атеистическим советским строем, вырастившим в «безверии», как минимум, два поколения. Хотя в самые тяжёлые периоды жизни страны народ обращался к Богу за вечными духовными ценностями. Так, в годы Великой Отечественной войны люди потянулись в церковь, однако подобное поведение в целом не поощрялось, осуждалось государством и обществом. Период возрождения религиозной культуры со стороны руководства советской страны был недолгим. Поэтому до конца 1980-х годов «безверие» пре-

валировало в сознании людей, по-прежнему оставаясь одним из главных направлений жизни и деятельности советского народа. Отсутствие веры, активно внедрявшаяся в повседневность населения страны западная культура, основанная на насилии, усугубили духовный кризис российского общества в конце XX – начале XXI вв. «Безверие» привело к нравственной распушенности, лёгкой восприимчивости в качестве образца поведения дурных поступков и зла.

Сознавая трагические последствия социальной бездуховности, высшие органы государственной власти РФ изменили с начала нового столетия отношение к вере и церкви. Смена курса на возрождение духовности общества, по сути, явилась отражением постепенного возвращения людей к религии в самой жизни. Единение государства и церкви, здоровая нравственная основа религиозности масс способны восстановить в социальном сознании моральные ценности, духовную потребность в поощрении развития семьи и воспитания молодёжи в направлении добра и гуманности. Следование общества нравственным добродетелям обещает позитивные перемены и в политической жизни страны – восстановление единства нации и укрепление гражданской позиции российского народа.

Литература и источники

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIII. СПб., 1894.
2. Кадьирметова Н.Н. Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2004.
3. См.: ЦГА РМ. Ф. П-326. Оп. 1. Д. 37. Л. 172, 195; Д. 45. Л. 61; Д. 50. Л. 8.
4. См.: ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1. Л. 11-12 и др.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).
 MINEEVA ELENA KONSTANTINOVNA – doctor of historical sciences, professor, History Russia Department named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 322.2(470.345)

А.К. МОИСЕЕВ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: религия, верования, традиция, суеверие, неформальная молодежная организация, экстремизм, агрессия, суицид, сатанинская атрибутика, прагматизм, социальная неадаптированность.

Статья посвящена рассмотрению проблем молодежного социума и современных неформальных молодежных организаций Республики Мордовия, способных привести к проявлениям экстремистского характера. Особое внимание уделено необходимости эффективного противодействия властных структур республики молодежным религиозным группам, которые могут послужить почвой для создания опасных преступных молодежных группировок.

A.K. MOISEEV

SOCIO-CULTURAL UNDERSTANDING OF INFORMAL YOUTH ORGANIZATIONS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA ON THE PRESENT STAGE

Key words: religion, belief, tradition, superstition, informal youth organizations, extremism, aggression, suicide, satanic paraphernalia, pragmatism, social unsuitability.

The article considers the problems of youth and contemporary informal youth organizations in the Republic of Mordovia, which can lead to manifestations of extremist nature. Particular attention is paid to the need to effectively counter the power structures of the republic youth religious groups, which may serve as a basis for the creation of dangerous criminal youth gangs.

В моменты кризисного состояния общества возрастает влияние на его духовную составляющую религии, расширяется спектр религиозных и нерелигиозных верований, усиливаются мистические настроения, связанные с суеверием, оккультизмом. Особенно это заметно среди молодежи. В настоящее время

молодежь участвует в различных нетрадиционных религиозных объединениях и неформальных движениях, учащаются случаи экстремизма в ее среде.

В Мордовии насчитывается более десятка неформальных молодежных движений: готы, эмо, рокеры, рэперы, панки, футбольные фанаты и т.п. Правоохранительными органами республики пресечена деятельность религиозной группы, входящей в сатанинскую организацию «Благородный орден дьявола». В настоящее время важно обратить пристальное внимание на деятельность этих нетрадиционных молодежных организаций, которые, по словам организатора сатанинской группы А. Б. Казакова, стали базой для создания его организации. Следует отметить прежде всего такие движения, как трейсеры, рэперы, неонацисты (скинхеды), гопники, панки, хиппи, металлисты, эмо, готы.

Движение *трейсеров* исходит из понятия паркура – дисциплины, заключающейся в быстром преодолении препятствий. Официальной датой зарождения паркура в Саранске стало 3 сентября 2006 г., когда группа будущих трейсеров собралась на первую тренировку. В Саранске было четыре команды: «Urban free run», «Under ways», «Street jumpers» и «Free men» по 4-5 человек в каждой. Недавно они объединились в общую команду – «Saransk Parkour Alliance». В Мордовии нет специализированной площадки, паркур живет под открытым небом [1].

Без усиленного контроля субкультура трейсеров несет потенциальную опасность. Стремление к беспредельной свободе, выраженное подрастающим поколением, дает особый склад личности, которая нацелена на вседозволенность. Сегодня необходимо свести деятельность этой группы к официальным занятиям, пока идея вседозволенности, родственная сатанистам, не стала определяющей.

Субкультура *рэперов* на территории РМ существует достаточно долго. Основную категорию мордовских рэперов составляет молодежь 13-14 лет и старше. В глобальной сети функционирует рэп-портал Мордовии, посвященный русскому рэпу, с которого можно бесплатно скачивать музыку, биографии рэп-групп, рэп-клипы и рэп-тексты. В 2008 г. проводился городской фестиваль «Рэп-олимп-2008», в котором приняли участие порядка 15 групп и индивидуальных исполнителей. В настоящее время их число растет. Непрофессиональное чтение рэпа часто можно услышать на школьных и студенческих концертах.

Проблема подростковой агрессии – одна из самых актуальных. Несформированная личность способна в таком состоянии на многое. Жестокость в любых проявлениях составляет основу сатанинских организаций.

Неонацисты (скинхеды) – группа молодежи с бритыми головами, в одинаковых черных джинсах и камуфляжных куртках без воротников и высоких армейских ботинках. Множество погромов и актов вандализма, приписанных скинхедам, вполне вероятно, на долгие годы определит негативное отношение общества к этой субкультуре.

В Мордовии скинхеды функционируют как клуб футбольных фанатов, потенциально опасных для общества. В 2002 г. саранские нацисты отпраздновали день рождения Гитлера, организовав парадное шествие по улицам города. 14 мая 2003 г. саранские скинхеды устроили охоту на рэперов [3].

Идея избранности, как основополагающая в этой субкультуре и толкающая на произвол, уводит от подлинных ценностей. В связи с таким подходом подрастающее поколение забывает о любви, справедливости и других неотъемлемых ценностях человека, что станет базой для такого явления, как сатанизм.

Гопники – агрессивные молодые люди с бандитской идеологией и лагерным лексиконом, выделяющиеся стилем одежды. В 1990-х годах гопничество в Мордовии стало очень популярным, особенно среди несовершеннолетних. В настоящее время представители субкультуры гопников не столь явны по своим

внешним проявлениям. При этом снизился уровень преступности несовершеннолетних, которые и составили базу для этого неформального молодежного течения. Однако идея ухода от нормы, которую впервые в Мордовии продемонстрировали именно гопники, осталась и воплотилась в движения неформалов.

Субкультура *панков* предполагает во многом асоциальное действие и употребление грубой лексики под воздействием наркотиков, спиртных напитков, токсических веществ. Все это выражает идею антисистемы. Сегодня панки республики не имеют лидера, они все равны и свободны: отвергают любые официальные организации, даже поддерживающие их движение. Прекратил функционировать сайт саранских панков <http://punk.t35.com/>. Угасание активности панк-движения – общероссийская тенденция. Однако стремление к протесту осталось и выражается по-прежнему в асоциальной форме поведения.

Субкультура *хиппи* – движение молодежного протеста против сложившегося уклада жизни, возникшее на рубеже 1960-х годов в США и других странах. Изначально хиппи предприняли самый большой бесконтрольный эксперимент употребления наркотиков. Это была их свобода, представляющая собой бунт. Художники, поэты, писатели, музыканты – все чувствовали вдохновение под воздействием марихуаны, мескалина, ЛСД, экстази, кокаина. Для хиппи-культуры в Республике Мордовия характерно увлечение самиздатом. В 2002-2004 гг. в Саранске хиппи выпускали такие издания, как «Время колокольчиков» и «Наскальная живопись», где в основном перепечатывались Интернет-материалы. В целом субкультура хиппи в Мордовии, как и панковское движение, сегодня находится в угасающем состоянии. Идея вседозволенности, доходящая до свободных призывов к употреблению наркотиков, распространению свободной любви, стала основой разложения молодежи. Несмотря на затухание этой субкультуры, мы видим распространение этих изначальных установок.

Металлисты – молодежная субкультура, которая появилась в 1980-е годы. Идеология этой субкультуры сосредоточена вокруг особого стиля музыки. Большинство металлистских организаций встречается в г. Саранске, Рузаевке, а также в нескольких районах. К возможным результатам воздействия рок-произведений на мозг человека относятся агрессивность, ярость, гнев, депрессия, страхи, вынужденные действия, состояние транса различной глубины, склонность к самоубийству, неестественный, принудительный секс, неспособность четко принимать решения, произвольное движение мышц, желание постоянного звучания рок-музыки, развитие мистических наклонностей, социальная отчужденность. В Саранске к группам, играющим металл, относятся: «Саркома», «Новатор», «Аргир», «Александрия», «13 Апостол», «PHEROMONE», «Like the wind», «Бастин», «Кардан», «BLACK STAR». Лучшей считается группа «Мания величия».

Субкультура *эмо* выражает себя во внешней манере одеваться и особом внутреннем состоянии. Если в крупных городах эмо-культура давно заняла свое место, то в Саранске она только начала развиваться. В Саранске был зафиксирован поистине вопиющий случай: 17-летний студент Мордовского университета Вячеслав Сергеев разбился, упав с 12-го этажа. По версии следствия, юноша расстался с жизнью после ссоры со своей девушкой. Участники неформального движения эмо считают, что к гибели их единомышленника причастны скинхеды [2]. В Мордовии эмо – это не столько музыкальное направление, основанное на гиперэмоциональном восприятии действительности, а мода, получившая в настоящее время широкое распространение. На городском форуме Саранска развернулась серьезная полемика по поводу существования мордовских эмо, перешедшая в их оскорбление и унижение. В Интернете широко известность получили иронические «заповеди эмо»: «Тщательно спланируйте сценарий своего самоубийства, обмозгуйте, где, когда и как оно состо-

ится, после расскажите всем о том, что собираетесь умереть, ревите, бейтесь головой о диван или подушки, орите...» [6].

Подобное увлечение чувственными мечтами приводит к разрушению человека, который за внешними переживаниями скрывает смертный грех уныния, приводящий к суициду. В связи с этим мы имеем дело с патологией личности.

Готы – субкультура, возникшая в конце 1970-х годов в Англии. Суть идеологии готов – смакование боли и страданий, упоение своими несчастьями, реальными или надуманными. Большинство саранских представителей этого движения относятся к вамп-готам, для которых характерно употребление крови в определенных ритуалах на кладбищах Мордовии. В настоящее время в республике ни лидера, ни формальной структуры у них нет. Субкультура готов, часто приравниваемая к сатанистам, несет угрозу как для всего общества, так и для самого человека, что в рамках обозначенного региона особенно опасно.

В 2009 г. в Мордовии обезврежена секта *сатанистов*, вовлекавшая в свои ряды студентов и школьников. В последние годы сатанизм получил значительное распространение в России. Сатанизм в Мордовии получил распространение с конца XX в. Саранское братство сатанистов, или как они себя называют, «приверженцев черного культа», активнее всего действовало в 1997-1998 гг. Молодые люди (в основном студенты) собирались в группы по 10-15 человек, ночью шли на городское кладбище, где на одной из старых могил с большим черным надгробным камнем совершали обряды [4].

Более того, на этом деятельность сатанистов на территории Республики Мордовия не прекратилась. Октябрьским районным судом г. Саранска Республики Мордовия в 2009-2010 гг. рассматривалось дело в отношении членов религиозного объединения (сатанистов), которые причинили вред отдельным гражданам. Межрегиональное подразделение религиозного объединения сатанинского толка «Благородный орден дьявола» (существует на территории России с 1999 г., объединяет сатанинские организации Москвы, Краснодарского края, Республики Татарстан, а также Беларуси и Украины). В настоящее время установлены более 60 членов сатанинского объединения из числа жителей Мордовии и Ульяновской области: студенты и выпускники высших и средних специальных учебных заведений, ученики школ. Организатор – уроженец г. Минск Республики Беларусь, гражданин Республики Беларусь Александр Борисович Казаков.

21 января 2009 г. Следственным управлением Следственного комитета Прокуратуры РФ по Республике Мордовия были возбуждены 2 уголовных дела по признакам ч. 1, 2 ст. 239 УК РФ (организация объединения, посягающего на личность и права граждан), арестованы А.Б. Казаков и Денис Германович Даньшин, которые в дальнейшем были осуждены.

По местам жительства активных членов сатанинской организации, а также по месту отправления религиозных обрядов изъяты многочисленные предметы сатанинского культа, списки членов, иные доказательства их преступной деятельности. Выявлены факты причинения физического насилия членам религиозной организации, намеревавшимся выйти из ее состава, половых сношений с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста. Казаков фактически создал религиозное объединение, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами, причинением вреда их здоровью, побуждением граждан к совершению противоправных деяний, осуществлял руководство таким объединением и пропаганду указанных деяний.

Для совершения религиозных обрядов, проведения собраний членов ордена, изучения основ религии сатанизма, хранения религиозной литературы и ритуальных предметов 10 декабря 2008 г. А.Б. Казаков арендовал жилое помещение – частный дом.

В результате проведения оперативно-разыскных мероприятий установлено, что Казаков давал указания членам ордена вступать в половые сношения с вновь принимаемыми адептами и тем самым он жестко регламентировал различные аспекты жизни членов ордена.

В настоящее время установлены 42 члена объединения, устанавливаются личности еще 18, информация о которых направлена в территориальные подразделения по противодействию экстремизму МВД, ГУВД, УВД по субъектам РФ.

В конце 2009 г. Госдепартамент США обнародовал ежегодный отчет о ситуации со свободой совести в мире за год. В части доклада, посвященной России, отмечается, что власти ограничивают права ряда религиозных меньшинств: «...некоторые органы безопасности, включая ФСБ, относятся к деятельности руководства некоторых нетрадиционных религиозных групп как угрожающей общественной безопасности». В качестве примера «нарушения религиозной свободы» было приведено задержание российскими спецслужбами А.Б. Казакова. Забота авторов доклада о правах сатанистов удивила представителей Русской Православной Церкви. Сатанопоклонничество несет в себе прямой вызов обществу. Эта «религия» выступает за отмену любых нравственных и правовых ограничений, государство и общество не должны спокойно взирать на противоправные обряды, которые совершают сатанисты [5].

Это последний официально зарегистрированный случай противозаконной деятельности сатанистов в Республике Мордовия, но гарантировать, что после суда их существование прекратится, нельзя.

Деятельность сатанинских организаций опасна тем, что основывается на ритуальных убийствах животных, взрослых людей и детей. Настоящей жертвой становятся смертные муки любого живого существа. Сатанисты устраивают сексуальные оргии, в том числе с участием несовершеннолетних, совмещают на могилах, принуждают к гомосексуализму. Их обряды предполагают осквернение погребений и гробокопательство, сдирание кожи с живых животных и сжигание их трупов на кладбищах. Сатанисты выражают свою ненависть к традиционным конфессиям осквернением храмов и святой атрибутики.

Подобные сатанинские явления основываются на таких свойствах нетрадиционных молодежных организаций, как пропаганда вседозволенности, жестокости, доходящая до крайней агрессии, своей избранности; стремление к нарушению всех норм, протесту; употребление наркотиков и алкоголя; влечение к беспорядочным половым сношениям и суициду; интерес к сатанинской атрибутике. Негативные стороны нашего общества свидетельствуют об имеющихся в нем проблемах. Молодежь живет в общем социальном и культурном пространстве, поэтому кризис общества и его основных институтов не мог не отразиться на содержании и направленности молодежных устремлений. Кризис института семьи и семейного воспитания, подавление индивидуальности и инициативности ребенка, подростка, молодого человека как со стороны родителей, так и педагогов – всех представителей взрослого мира – приводит, с одной стороны, к социальному и культурному инфантилизму, а с другой – к прагматизму и социальной неадаптированности к проявлениям противоправного или экстремистского характера.

Литература и источники

1. Петрова Н.М. Саранская молодежь освоила паркур // Столица С. 2007. № 41, 6 нояб.
2. Русланова Е.А. Полет с 12-го этажа // Столица С. 2008. № 7, 19 февр.
3. Саранские скинхеды отпраздновали день рождения Адольфа Гитлера // РИА «Столица С». 2002. 22 апр. [Электронный ресурс] URL: <http://stolicas.narod.ru/arh/2002/apr/apr-02-22.htm>.
4. Сектанство [Электронный ресурс] // Духовная и религиозная жизнь республики. URL: <http://www.gidrm.ru/sektanstvo/>.

5. Суд над сатанистами // Вечерний Саранск. 2010. 3 февр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vsar.ru/2010/02/sud-nad-satanistami/>.

6. Портал эмо-культуры [Электронный ресурс] // Если жизнь в черно-розовом цвете. URL: <http://www.emo.ru/com:nodes/task:show/id-392.html>.

МОИСЕЕВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ – аспирант отдела теории и истории культуры, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (guniign@list.ru).

MOISEEV ALEXANDR KONSTANTINOVICH – post-graduate student, Scientific Research Institute of Humanities with Government of Republic Mordovia, Russia, Saransk.

УДК 94

В.В. НЕФЁДОВ

СЕПГ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА В ГДР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ

Ключевые слова: свобода народа, Восточная Германия, социализм, Хонеккер, Кренц.

Дан анализ деятельности СЕПГ в Восточной Германии и влияния «перестройки» в СССР на культурные процессы в ГДР во второй половине 1980-х годов. Рубежным периодом в истории Восточной Германии явилась отставка главы ГДР Э. Хонеккера осенью 1989 г. При исследовании автор использовал первоисточники, в том числе записи из личного дневника Э. Кренца.

V.V. NEFEDOV

THE SED AND CULTURE PROGRESS OF SOCIETY IN THE GDR IN THE MIDDLE OF 1980th

Key words: people's freedom, East Germany, socialism, Honecker, Krenz.

In the article written by V. Nefedov is analysis culture human factor and role SED in culture, people's freedom and extension of personal gift in the GDR in the middle of 1980th.

Общая проблематика истории и культуры ГДР как уникального фактора на политической карте мира с 1949 по 1990 г. изучена недостаточно подробно. Культурные процессы в странах мировой системы социализма постоянно находились под контролем СССР и КПСС, хотя их непохожесть часто определялась спецификой каждой конкретной страны. Показателен в этом отношении переломный 1989-й год в истории ГДР. Летом 1989 г. генерал-полковник МГБ ГДР в отставке Маркус Вольф в беседе с Эгоном Кренцем заявил, что в быстро меняющихся условиях «в вопросах культурной политики партия не должна выступать в роли менеджера по кризисным ситуациям. Нужно досконально изучить положение с выездами из ГДР. Мы должны точно знать, почему люди нас покидают» [1. С. 57].

Многие восточные немцы были разочарованы тем, что путешествовать по миру можно только на западные марки, да и в ГДР на них можно было многое приобрести, тогда как в конце 1980-х годов марка ГДР обесценивалась. В качестве туристов граждане республики убеждались в этом даже в странах социализма. Общество в Восточной Германии разделилось на тех, у кого есть западные деньги, и тех, кто их не имел. Недовольны были граждане ГДР и политикой СЕПГ в отношении СМИ. Запрещение в республике советского журнала «Спутник» побудило многих восточных немцев задаться вопросом: до какой же степени её граждане свободны в выборе? Люди не хотели, чтобы им предписывали, что читать, тем более, если это издание выходит не в их стране, а в дружественном СССР. Поэтому не случайно, что по ряду важнейших тем – свободе выезда, политике в отношении СМИ, охране окружающей среды – церковь сумела перехватить лидерство в формировании мнений просто потому, что СЕПГ заботилась об этом недостаточно. Складывалось впечатление, что церковное руководство видит проблемы яснее и реальнее, чем всё политбюро ЦК СЕПГ.

9 октября 1989 г. газета ЦК Союза свободной немецкой молодёжи «Юнге вельт» впервые не напечатала на первой странице портрет Хонеккера. Вместо этого был помещен фотоснимок задумчивых молодых людей под заголовком, набранным крупным шрифтом: «Взгляд в будущее». Более того, эта газета опубликовала открытое письмо Г. Канта, президента Союза писателей ГДР. Последние строки этого письма заставили читателей задуматься: «Много недель назад проводился опрос. Требовалось одной фразой сказать, что ты считаешь лучшим в ГДР. Я хорошо помню свой ответ на этот вопрос, тем более что я сформулировал его в одной фразе, которую вряд ли можно сократить. "То, что она есть", – сказал я тогда. Если бы теперь меня спросили, что я считаю худшим в ГДР, я бы, наверное, ответил: "То, что она есть такая, как сейчас"» [5].

18 октября 1989 г. на пленуме ЦК СЕПГ состоялась отставка Хонеккера с поста партийного лидера. Последним Генеральным секретарём ЦК СЕПГ был назначен Э. Кренц, который считал, что партийную программу 1976 г. к концу 1980-х годов пришла пора менять. На этом пленуме Кренц подчеркнул тезис о том, что социалистическая ГДР была и остаётся суверенной страной. Одновременно Кренц выступил за плодотворное сотрудничество с ФРГ: «Мы готовы изучить пути и возможности для того, чтобы на долгое время сделать отношения между ГДР и ФРГ более тесными, закреплёнными на основе договоров, и при этом развивать постоянные совместные формы сотрудничества в хозяйственной, экономической, политической, культурной, гуманитарной и туристической сферах. Это отвечает традициям Договора об основах отношений» [6].

Э. Кренц писал, что «планируемый на 1990 г. XII съезд партии следует подготовить честным общенародным обсуждением, которое должно охватить все темы: социальная защищённость и справедливость, принцип оплаты по труду, ценовая политика, общественные и личные свободы, социалистическая демократия, коллективность и индивидуальность, солидарность поколений, любовь к родине и интернационализм» [1. С. 79]. Заметим, что в 1990 г. съезд партии не состоялся. 27 октября 1989 г. Кренц встретился с первыми секретарями окружных комитетов СЕПГ. Всего на совещании выступило 8 окружных секретарей. В общей тенденции никаких расхождений не было. Процесс обновления, по их мнению, шёл слишком медленно. СЕПГ оказалась не подготовлена к этому перелому в обществе. Ставилась под сомнение в республике её ведущая роль. Люди высказывали недоверие к искренности СЕПГ и её способности к повороту, к ЦК, к легитимности народных представителей. Люди требовали отмены всех форм духовной опеки [6].

Сразу же после этого собрания Кренц получил письмо от министра народного образования ГДР Маргот Хонеккер, супруги ушедшего в отставку Эриха Хонеккера. Почти 20 лет Э. Кренц и М. Хонеккер дружески сотрудничали. Но их отношения были омрачены с тех пор, когда она возложила на ССНМ, которым ранее руководил Кренц, ответственность за многие недостатки в школах, хотя они, в сущности, относились к компетенции системы народного образования. Попытка М. Хонеккер провести в июне 1989 г. Педагогический конгресс, т.е. нечто вроде съезда СЕПГ по народному образованию, не привела к улучшению политической атмосферы. Напротив, тогда многие расценили этот конгресс как насмешку над педагогами. Кренц удовлетворил вскоре после этого письма просьбу М. Хонеккер о её отставке с поста министра. Президент США Дж. Буш заявил на пресс-конференции 7 ноября 1989 г.: «То, что Кренц сказал о политических реформах, звучит воодушевляющее и противоречит прежним оценкам. Он твёрдо держится своей линии» [6].

7 ноября 1989 г. Э. Кренц предложил создать комиссию политбюро ЦК СЕПГ по вопросам культуры. Руководить ею должен был Клаус Хепке. Также планировалось создать комиссию по вопросам науки и образования во главе с Грегором Ширмером. Планировалось, что председатели обеих комиссий могли бы в будущем участвовать в заседаниях политбюро и секретариата, хотя они и не входили в состав ЦК. Однако канцлер ФРГ Г. Коль уже позволил себе в тот день прямо вмешаться в дела Восточной Германии. В записке А. Шалька к Э. Кренцу приводятся слова Коля, что ГДР, наряду с послаблениями в культурной политике, должна быть готова «гарантировать разрешение оппозиционных группировок и проведение свободных выборов» [Личный архив Э. Кренца].

8 ноября 1989 г. на X пленуме ЦК СЕПГ Э. Кренц вполне объективно заявил, что «недооценка индивидуальности и компетентности в профессиональной и общественной деятельности часто приводила к игнорированию духовного богатства и губила творческое отношение». Тогда же лидер СЕПГ «установил для себя границы реформ: мне не нужны решения, направленные против социализма»; во время краткого перерыва Кренц подошёл к двери, услышал крики демонстрантов и прочитал их плакаты – один из них ему особенно запомнился: «СЕПГ = социализм, честность, демократия». Тогда же Кренц признал для себя, что «с нашей стороны подход к инакомыслящим осложняло сочетание неуверенности и высокомерия» [1. С. 263].

9 ноября 1989 г. в «Нойес Дойчланд» было опубликовано воззвание Кристи Вольф к выезжающим из ГДР на Запад: «Что же мы можем вам обещать? Нелёгкую, но полезную и интересную жизнь» [6].

Этот призыв известной писательницы поддержали и подписали: от «Нового форума» Бербель Болей, от «Демократического прорыва» Эрхард Нойберт, от Социал-демократической партии Ута Форстхауэр, от «Демократии» Ганс-Юрген Фшибек, от «Инициативы за мир и права человека» Герхард Попе, а также такие известные деятели культуры республики, как Фолькер Браун, Рут Бергхаус, Кристоф Хайн, Штефан Гейм, Курт Мазур и Ульрих Пленудорф.

Это были все творческие люди со своими политическими взглядами, которые выступали за идею демократического социализма в республике. Речь в этом призыве шла о «нашей стране», о «родине», о том, чтобы «остаться здесь», и о «двери». Воззвание укрепило часть граждан ГДР во мнении, что они могут сохранить её как суверенное социалистическое государство. Вечером того же дня была мирно открыта Берлинская стена. Кренц вспоминал, что «то, что не льётся кровь, – на грани чуда, учитывая имеющиеся стереотипы об "образе врага". Никто у нас в ГДР не хочет уподобиться социал-демократу Носке, который в 1918-1919 годах слыл "кровавой собакой"» [1. С. 298].

11 ноября 1989 г. Э. Кренц присутствовал на заседании съезда Демократического блока. В своём выступлении он проинформировал представителей партий блока Национального фронта и массовых организаций о программе действий СЕПГ: «В области культуры и искусства также необходимо исключить ненужную мелочную опеку, административное вмешательство и цензуру. Подлежит отмене обязательное получение официального разрешения на издание книг и постановку театральных пьес. Коренные перемены планируются также в системе образования. Требуется изменить методику преподавания обществоведения, истории и немецкого языка. Преподавание военного дела должно быть отменено». 12 ноября 1989 г. Кренц получил представленную ему ежедневную сводку, которая «показывает, что за эти выходные около миллиона граждан ГДР посетили ФРГ и Западный Берлин. Число тех, кто собирается там остаться, резко пошло на убыль». 17 ноября 1989 г. председа-

тель ХДС ГДР Лотар де Мезьер выступил на заседании Народной палаты. Он заявил, что «народ обозначил проблемы, выйдя на улицы, но решаться они должны не там, а путём демократического разговора. Не социализм подошёл к концу, а его искажённая административная диктаторская форма» [1. С. 322].

22 ноября 1989 г. на заседании политбюро ЦК СЕПГ премьер-министру ГДР были предложены меры по руководству и общественному контролю за деятельностью АДН, радио и телевидения республики. Предложения были нацелены на повышение ответственности государственных СМИ и их руководителей за соблюдение информационной свободы журналистов. Представителю совета министров было рекомендовано назначить генеральным директором (интендантом) телевидения ГДР Ганса Бентцина.

23 ноября 1989 г. в кинотеатре «Интернациональ» на берлинской Карл-Маркс-аллее состоялась премьера особого рода. Демонстрировался фильм студии «Дефа» «След камней», поставленный в 1966 г. Франком Бейером по одноимённому роману Эрика Нойча. 23 года назад фильм после трёх дней показа был снят с проката в результате начавшейся после XI пленума ЦК СЕПГ (1965 г.) политики в области культуры.

Перед показом фильма в зале состоялась встреча Э. Кренца и его супруги с исполнителем главной роли Манфредом Кругом, который в середине 1970-х годов покинул ГДР. Приход в кино четы Кренцев он назвал обнадёживающим жестом. Что касается того, как тогда поступили с фильмом, он говорит: «Тогда я получил первый удар. Это для меня стало началом разрыва с родной ГДР» [1. С. 343]. Теперь выяснилось, что это можно сделать и по-другому.

24 ноября 1989 г. в «Нойес Дойчланд» было опубликовано письмо представителей берлинского Немецкого театра канцлеру Колю, направленное против его вмешательства во внутренние дела ГДР: «Мы с растущим беспокойством следим за вашими действиями в поддержку демократии в ГДР, слушаем ваши призывы к свободным выборам в нашей стране, от которых, по-вашему, будет зависеть наше экономическое сотрудничество. Народ ГДР сам отвоевал свои реформы и будет делать это и впредь. В жёстком диалоге с нашим правительством и с СЕПГ нам не нужна политическая поддержка со стороны вашей партии и вашего правительства. У нас нет возражений, г-н Федеральный канцлер, если Вы выйдете на улицы ради свободных выборов, но мы не хотим, чтобы Вы ехали зайцем на подножке нашего движения реформ... А потом, какие же это будут свободные выборы, если они будут куплены на деньги ФРГ?» [6].

27 ноября 1989 г. Вальтер Момпер, бургомистр Западного Берлина, на конференции Аспенского института представил «7 тезисов об актуальном развитии в ГДР и Восточной Европе и его последствиях для Берлина». Он заявил: «Обескровливание ГДР, которое в Федеративной республике одни осуществляют активно, а другие – просто ничегонеделанием, могло бы, конечно, пробудить у населения ГДР готовность к государственному объединению, но это было бы не воссоединением, а "аншлюсом ввиду бедности"» [1. С. 365-366].

28 ноября 1989 г. канцлер Коль выступил в бундестаге ФРГ и обнародовал свой план сотрудничества с ГДР, состоявший из противоречивых 10 пунктов. Глава ГДР Кренц отверг вечером того же дня все предварительные условия для переговоров с ФРГ, вытекающие из выступления Коля. Депутаты бундестага неоднозначно оценили 10 пунктов канцлера, поддержав позицию Кренца. Председатель фракции СДПГ Г.-Й. Фогель заявил, что в ФРГ все готовы говорить только о ГДР, но никто «о недостатках и недочётах нашей собственной общественной деятельности». [1. С. 363] В ФРГ бросаются в глаза 3 основные проблемы – утрата социальной справедливости, жилищная нужда

и возрастающая угроза для окружающей среды. Депутат от «зелёных» Ю. Эстерле-Шверин охарактеризовала программу Коля в области германской политики как трёхступенчатый план, посредством которого ГДР должна была быть затянута «домой в рейх» [1. С. 363].

В этот же день, 28 ноября 1989 г. на пресс-конференции писатель Штефан Гейм зачитал текст воззвания «За нашу страну!» [6], в котором прозвучал призыв сохранить ГДР как суверенное государство. Вместе с Геймом этот документ подписали такие деятели литературы и искусства, как Криста Вольф, Фолькер Браун, Ютта Ваховяк, Конрад Вайс, Франк Бейер, Зигхард Гилле, Тамара Данц, представители церкви – генеральный суперинтендант Гюнтер Круше, епископ Кристоф Демке, пастор Фридрих Шорлеммер, учёные, адвокаты, врачи, медсёстры, педагоги, функционеры СЕПГ – Вольфганг Бергхофер и Хайнц Варцеха, а также граждане, принадлежащие или близкие к новым политическим группировкам, – Себастьян Пфлюгбайл и Ульрике Поппе.

Кренц подписал это воззвание 29 ноября 1989 г., его подпись вызвала многочисленные протесты в Восточной Германии – под этим призывом не должны стоять подписи руководства СЕПГ. Все попытки Кренца сказать правду оказались бесполезными. Вскоре инициатива, заложенная в этот документ, сошла на нет. 30 ноября 1989 г. в своём дневнике Кренц с горечью заметил, что «во времена, подобные нынешнему, главное – соответствовать духу времени. А этот дух гласит: ГДР принимала участие во всяком зле. Вот в этом нам поверят скорее». Многие люди и по сей день верят в то, что ГДР была страной штази [Из письма Э. Кренца автору статьи].

1 декабря 1989 г. заседание Народной палаты фактически было посвящено разбору недостатков и недочётов СЕПГ. Кренц назвал это собрание «судилищем» [1. С. 374].

В своей речи глава Госсовета ГДР сказал: «Мне противно, когда под видом фактов преподносятся вещи, взятые исключительно из западных источников. СМИ на Западе ежедневно фабрикуют статьи, предназначенные для того, чтобы посеять рознь среди реформаторских сил в ГДР» [1. С. 375].

В этот же день, 1 декабря 1989 г., в гамбургском еженедельнике «Ди Цайт» вышла статья Тео Зоммера, в которой он дал свою оценку ситуации в ГДР: «Если смотреть объективно, то при Кренце за 6 недель произошло больше перемен, чем у Горбачёва за первые 2 года его пребывания у власти. Правительство и Политбюро отправлены в отставку, разрешены поездки, гласность в СМИ; ликвидирована руководящая роль партии, соответственно изменена конституция; не раз обещаны свободные выборы; готовятся избирательный закон, закон о союзах и объединениях, соглашения о защите инвестиций; программа действий партии обещает повсеместные перемены; СЕПГ встречается за круглым столом с новыми партиями и гражданскими объединениями.

Однако сложилось впечатление, что за всем этим партия лишь плетётся в хвосте...» [4].

В отставку с поста Генерального секретаря ЦК СЕПГ Кренц ушёл 3 декабря 1989 г. 4 декабря 1989 г. Кренц в последний раз посетил Москву в качестве Председателя Государственного совета ГДР – де-юре – главы делегации Восточной Германии. Де-факто на тот момент вся полнота власти находилась в руках премьер-министра ГДР Ганса Модрова. Это было сделано на заседании Народной палаты 1 декабря 1989 г. по аналогии с Западной Германией, где Президент выполняет лишь представительские функции. Вся полнота власти в ФРГ находится в руках канцлера. В ГДР этому статусу был равен пост премьер-министра.

ГДР рушилась на глазах, а Горбачёв оценивал свой визит в Ватикан. Одна из центральных тем бесед Папы римского и Генерального секретаря ЦК КПСС касалась взаимосвязи политики и морали. Иоанн Павел II спросил Горбачёва, как можно увязать две категории – политику и мораль? Горбачёв ответил ему: «Политика должна иметь человеческие черты» [1. С. 387].

Кренц так прокомментировал это высказывание в своём дневнике: «Это правильно! И всё же в этом ответе много иллюзий. Горбачёв не замечает, что его новое мышление совершенно не ценится другой стороной. В политике первую скрипку играет не мораль, а политические интересы» [1. С. 387].

Таким образом, в 1990 г. на карте мира уже не было места для самой ГДР. Инициативу в свои руки взяла Западная Германия. Канцлер Коль решил, что ГДР больше не имеет права на свой суверенитет, хотя в республике не был проведён референдум среди её граждан по поводу ликвидации социалистической Германии [2. С. 71-73].

Э. Кренц в 2009 г. отмечал, что «горьким разочарованием для меня стала двойная игра Горбачёва. Ещё 1 ноября 1989 г. он предостерег меня от канцлера Коля, который, как он выразился, поставил на «коня национализма». В беседе со мной Горбачёв категорически заявил: «Объединение Германии не стоит на повестке дня» [3. С. 4]. Далее Кренц отмечает, что вскоре «взгляд Горбачёва на ГДР тогда уже изменился так, как будто такого союзника никогда не было. А Гельмут Коль, который в 1986 г. ещё сравнил Горбачёва с Геббельсом, стал его новым другом» [3. С. 4]. Кренц с горечью написал в своей книге: «Я не имею возможности проверить, что ещё в Москве говорилось за нашей спиной, а гадать не хочу. Я также полагаю, что мы слишком рано выпустили из своих рук германский вопрос как якобы закрытый, тогда как нужно было именно сохранять его для левых представлений. Мы назывались "Социалистическая единая партия Германии", мы читали "Нойес Дойчланд", но мы перестали следовать тем словам, которые включил в наш национальный гимн поэт и коммунист Иоганнес Роберт Бехер: "Германия, единое Отечество!". И тогда другие написали этот лозунг на своих знамёнах. Во всяком случае, не советским экспертам по Германии ставить это нам в упрёк. Именно они стояли у колыбели политики размежевания» [1. С. 260].

Таким образом, без участия и поддержки СССР республика не смогла противостоять должным образом американской агрессии в языке, искусстве, во всех сферах национальной культуры. Неудача «перестройки» в Советском Союзе привёл к исчезновению ГДР как суверенного государства с политической карты мира и к объединению Германии.

Литература

1. Кренц Э. Осень 1989 года / пер. с нем. А.А. Белина; пер. предисл. [К российским читателям] О.И. Быстровой. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. 444 с.
2. Нефёдов В.В. Свобода выбора пути развития (ГДР и проблема объединения Германии) // Свобода в России: иллюзия, реальность и будущее. Материалы межвузовской научной конференции. Пенза, 2000. 220 с.
3. Советская Россия. 2007. № 163.
4. Die Zeit. 1989. Dezember, 1.
5. Junge Welt. 1989, Oktober, 9.
6. Neues Deutschland. 1989. Oktober, 19, 28; November, 8, 9, 24, 29.

НЕФЁДОВ ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры новой и новейшей истории, Московский государственный педагогический университет, Россия, Москва (nefslava@mail.ru).

NEFEDOV VYACHESLAV VIKTOROVICH – candidate of historical sciences, Moscow State Pedagogical University, Russia, Moscow.

УДК 94 (470.345)

В.К. ПИКСАЙКИН

СОЗДАНИЕ МОРДОВСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ЛЕСОТОПЛИВНОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (1988-1990 гг.)

Ключевые слова: товарная продукция, заготовка торфа, товарная продукция, производительность труда, план, фонд зарплаты, природные ресурсы, объем производства, хозяйственный расчет.

Рассмотрена история создания Мордовского территориального лесотопливного производственного объединения, которое занималось не только заготовкой и реализацией деловой древесины, дров и торфа, но и изготовлением товаров народного потребления.

V.K. PIKSAYKIN

CREATING MORDOVIAN TERRITORIAL LESOTOPLIVNOGO PRODUCTION ASSOCIATION (1988-1990)

Key words: commodity production, harvesting of peat, commodity production, labor productivity, plan, payroll, natural resources, the volume of production, economic calculation.

The article discusses the creation of Mordovia territorial lesotoplivnogo production association, which was engaged not only the harvesting and sale of timber, firewood and peat, and manufacturing of consumer goods.

В партийно-государственных документах второй половины 1980-х годов значительное внимание уделялось проблемам интенсификации и реконструкции производства, роста производительности труда, рационального использования сырья, материалов, топлива и электроэнергии, повышения престижности инженерного творчества, концентрации капитальных вложений на приоритетных направлениях развития народного хозяйства, борьбы с приписками и уравниловкой, внедрения хозяйственного расчёта, а также научно-техническому прогрессу [1-8].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 8 июля 1988 г. и Совмина РСФСР от 5 августа 1988 г. «О генеральной схеме управления народным хозяйством РСФСР», Министерство топливной промышленности РСФСР за подписью министра В.Г. Архипова издало приказ № 76 от 12 августа 1988 г. «О генеральной схеме управления народным хозяйством и генеральной схеме управления топливной промышленностью РСФСР» [9. Д. 456. Л. 12-21].

Этими постановлениями и приказом предписывалось начать перестройку деятельности министерств и ведомств РСФСР с учётом перехода предприятий на полный хозяйственный расчёт и самофинансирование, перевода их в основном на двухзвенную систему управления.

В ежегодных планах с 1 января 1987 г. и на 12-ю пятилетку (1986-1990 гг.) предприятиям устанавливались: темпы роста товарной продукции, объём добычи торфа, производство основных видов продукции в натуральном выражении, объём производства товаров народного потребления в розничных ценах, объём реализации продукции, рост производительности труда, показатели качества продукции, задания по разработке и внедрению новой техники и технологий, задания по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, задания по ремонту производственных мощностей по добыче торфа, годовые лимиты материально-технических ресурсов и снижения норм их расхода, фонд заработной платы непромышленного персонала, фонд заработной платы работникам вновь вводимых предприятий, норматив прироста фонда зарплаты для промышленно-производственного персонала, норматив фонда заработной платы для руководящих, ИТР и служащих, нормативное соотношение между приростом средней зарплаты и приростом производительности труда в годовых планах, предельный уровень затрат на 1 рубль продукции, прибыль, норматив отчислений от расчётной при-

были в государственный бюджет и резервный фонд, норматив прироста фондов материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, норматив образования фонда развития производства.

Было рекомендовано, в случае опережающего роста производительности труда, в пятилетних и годовых планах создавать резерв по росту заработной платы в размере 1% планового фонда зарплаты для оказания помощи предприятиям в случае временного ухудшения показателей их работы по независящим от них причинам.

Предприятиям топливной промышленности разрешалось реализовывать распределяемые в плановом порядке и изготовленные в соответствии с заключёнными договорами товары народного потребления, от получения которых покупатель отказался, торговым организациям по своему усмотрению, а проданный товар засчитывать в планы поставок. Оценка выполнения предприятиями договорных обязательств устанавливалась по поставкам торфа для сельского хозяйства и по реализации, в соответствии с номенклатурой, согласованной с торгующими организациями, непродовольственных товаров народного потребления. Предприятия могли вносить в бюджет дополнительную плату в размере 3% стоимости сверхнормативных некрокредитованных банком запасов неустановленного оборудования и товарно-материальных ценностей, за исключением торфа.

Для каждого предприятия были разработаны программы социального развития, в которых предусматривалось вовлечение средств предприятий и кредиты на жилищное строительство и объектов социального назначения. На эти цели должно было отчисляться не менее 50% средств фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Кроме того, были разработаны программы технического перевооружения производства за счёт фонда развития производства и собственных средств предприятий [9. Д. 721. Л. 4-6].

Произошло объединение министерств и ведомств, осуществляющих руководство однородными отраслями народного хозяйства и проведено сокращение их структурных подразделений и численности аппаратов на 51,5%.

В Министерстве топливной промышленности РСФСР было разрешено иметь кроме должности министра одного первого заместителя, 5 заместителей и коллегия в составе 12 человек. Сокращению подлежало 89 сотрудников центрального аппарата министерства. Были ликвидированы и республиканские (РСФСР) органы управления среднего звена – Республиканское промышленное объединение по добыче торфа («Росторф») и Республиканское промышленное объединение по добыче угля («Росуголь») [9. Д. 719. Л. 12-21].

В Министерстве топливной промышленности РСФСР было создано 15 структурных подразделений, с численностью центрального аппарата в 268 человек [9. Д. 758. Л. 29].

Было проведено сокращение численности работников организаций, обслуживающих Министерство топливной промышленности РСФСР на 89 человек [9. Д. 758. Л. 30]. Сократили количество министерств и ведомств в автономных республиках (АССР), в том числе и министерства топливной промышленности.

В соответствии с этими решениями, постановлениями СМ МАССР от 15 августа 1988 г. «О генеральной схеме управления народным хозяйством Мордовской АССР» и от 28 сентября 1988 г. «О генеральной схеме управления топливной промышленностью Мордовской АССР», Министерство топлив-

ной промышленности МАССР было упразднено, а на базе подведомственных ему предприятий и организаций создано Мордовское территориальное лесотопливное производственное объединение (Мордовлестоппром), которое подчинялось Совету Министров Мордовской АССР и входило в систему Министерства топливной промышленности РСФСР¹.

Генеральным директором был назначен А.Д. Ледяйкин. В РСФСР было создано 44 таких объединений, а также 24 территориальных топливных производственных объединения [9. Д. 758. Л. 22-25].

Постановлением Совмина Мордовской АССР от 28 сентября 1988 г. «О генеральной схеме управления топливной промышленностью Мордовской АССР» было установлено, что в состав ТПО «Мордовлестоппром» вошли предприятия и организации, находившиеся с 28 сентября 1988 г., в соответствии с законом СССР «О государственном предприятии (объединении)», в двойном подчинении – объединения и райисполкомов, а именно: торфопредприятия: Ардатовское, Ельниковское, Пуркаевское, Чамзинское, «Карасное» Темниковского района, «Чистое» Краснослободского района, «Каргоньжй» Ковылкинского района; промкомбинаты: Атюрьевский, Zubово-Полянский, Инсарский, Теньгушевский, Симкинский; предприятия райтопсбыта: Ардатовское, Атяшевское, Ельниковское, Инсарское, Ичалковское, Ромодановское, Торбеевское; предприятия гортопсбыта: Ковылкинское, Рузаевское, Саранское. Мордовское территориальное лесотопливное производственное объединение работало как единый производственно-хозяйственный комплекс на принципах хозрасчёта и самофинансирования. Наиболее успешно работали такие торфопредприятия, как «Ардатовское», «Карасное» и «Ельниковское».

Приказом от 25 октября 1988 г. генерального директора ТПО «Мордовлестоппром» А.Д. Ледяйкина в штатное расписание ТПО «Мордовлестоппром» были введены должности начальника производственного отдела, по две единицы старшего инженера и старшего экономиста, юрисконсульта. Заместителем генерального директора был назначен И.С. Атманзин, С.Н. Курков стал главным инженером, Т.В. Петрикова – начальником планового отдела, Н.М. Милованикина – главным бухгалтером. В штат всего вошла 21 единица, в том числе инженеры, инспектора, экономисты, бухгалтеры, ревизор.

Была создана группа планирования и реализации фондов, которую курировал заместитель генерального директора И.С. Атманзин. Главному инженеру С.Н. Куркову подчинялся производственно-технический отдел. За генеральным директором А.Д. Ледяйкиным было общее руководство ТПО «Мордовлестоппром», а также непосредственно планово-экономическим отделом, бухгалтерией, юрисконсультом, инспектором и главным инженером. Председателем профкома был избран главный инженер С.Н. Курков [9. Д. 759. Л. 83-84], что отражало огосударствление профсоюзов в советское время.

В штате «Мордовлестоппрома» имелась 21 единица. Оклады чиновников были высокими, но не превышали разумных пределов. Генеральный директор получал в месяц 350 руб., главный инженер – 330 руб., заместитель гене-

¹ В связи с преобразованием Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики в Мордовскую Советскую Социалистическую Республику (МССР) объединение стало подчиняться Совету Министров – Правительству МССР, а с 25 января 1994 г., в связи с преобразованием МССР в Республику Мордовия – Правительству РМ. Мордовское правительство 23 февраля 1994 г. принимает постановление № 41 «По вопросу учреждения государственного предприятия "Мордовлестоппром"», а 4 марта 1994 г. Государственный комитет по управлению государственным имуществом Мордовской ССР издал приказ № 26-у «Об учреждении государственного предприятия "Мордовлестоппром"» как правопреемника имущественных прав ТПО «Мордовлестоппром» и всех предприятий, входивших в его состав.

рального директора и главный бухгалтер по 315 руб. На весь штат расходовался в месяц на зарплату 5 045 руб.

В те времена доктор наук профессор получал 450 руб., доцент вуза – 320 руб., кандидат наук старший преподаватель – 270 руб., ассистент – 175 руб., аспирант – 75 руб. и начинающий учитель – 120 руб.

В декабре 1988 г. началась проверка предприятий и организаций, подчинённых ТПО «Мордовлестоппрому», в ходе которой Мордовским управлением статистики были выявлены многочисленные факты нарушений в состоянии учёта и отчётности представляемой в органы статистики [9. Д. 759. Л. 104].

Второй проблемой на предприятиях, которую стало решать руководство ТПО «Мордовлестоппром», было плохое состояние противопожарной охраны.

Основной функцией территориального производственного объединения было обеспечение предприятий, организаций, учреждений, коммунального хозяйства, объектов социального назначения и населения топливом [9. Д. 758. Л. 3-Зоб.].

Для Мордовской АССР был установлен лимит по запасам угля в объёме 10,5 тыс. т на 1 октября 1988 г. и 14,1 тыс. т – на 1 января 1989 г. [9. Д. 758. Л. 6].

В 1990 г. объединение «Мордовлестоппром» на 12 предприятиях изготовило товаров народного потребления на 1 млн 67 тыс. 100 руб. Кроме того, ТПО «Мордовлестоппром» занималось производством кускового торфа, деловой древесины и заготовкой дров.

Таким образом, в августе-сентябре 1988 г. Министерство топливной промышленности Мордовской АССР было упразднено, а на базе подведомственных ему предприятий и организаций (торфопредприятия Ардатовское, Ельниковское, Пуркаевское, Чамзинское, «Карасное», «Чистое», «Каргоньжйя», промкомбинаты: Атюрьевский, Zubovo-Полянский, Инсарский, Теньгушевский, Симкинский, предприятия райтопсбыта: Ардатовское, Атяшевское, Ельниковское, Инсарское, Ичалковское, Ромодановское, Торбеевское и предприятия гортопсбыта: Ковылкинское, Рузаевское, Саранское) создали Мордовское территориальное лесотопливное производственное объединение (Мордовлестоппром), которое подчинялось Совету Министров Мордовской АССР и входило в систему Министерства топливной промышленности РСФСР.

Литература

1. Материалы Внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 г. М.: Политиздат, 1985. С. 10-11.
2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. С. 8-12.
3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. М.: Политиздат, 1985. С. 11.
4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 10-14.
5. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17-18 февраля 1988 г. М.: Политиздат, 1988.
6. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988.
7. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 января 1989 г. М.: Политиздат, 1989.
8. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15-16 марта 1989 г. М.: Политиздат, 1989.
9. ЦГА РМ. Ф. Р-1048. Оп. 1.

ПИКСАЙКИН ВЯЧЕСЛАВ КУЗЬМИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (PVK.08@mail.ru).

PIKSAYKIN VYACHESLAV KUZMICH – competitor of scientific degree of Historical Sciences Candidate, Scientific Research Institute of Humanities with Government of Republic Mordovia, Russia, Saransk.

УДК 94(470.344)'1917/1927'

А.Р. РАТНИКОВА

**ХОЗЯЙСТВЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЛИСПОЛКОМОВ ЧУВАШИИ В 1917-1927 ГОДАХ*****Ключевые слова:** органы местной власти, волость, исполнительный комитет, земельный вопрос.

Проанализировано хозяйственное направление деятельности волостных исполнительных комитетов Чувашии в 1917-1927 гг. Подробно исследованы такие аспекты, как участие волисполкомов в национализации земли, сборе сельскохозяйственного налога и т.д. Рассмотрены трудности, препятствующие эффективному осуществлению данного рода деятельности на местах.

A.R. RATNIKOVA

ECONOMIC ACTIVITY VOLISPOLKOMOV CHUVASHIA IN 1917-1927 YY.

Key words: local authorities, parish, Executive Committee, the land question.

The article analyzes the economic activity of township executive committees of Chuvashia in the years 1917-1927. Discussed in detail such aspects as part volispolkomov in the nationalization of land, collecting the agricultural tax, etc. Considered obstacles to the effective implementation of this kind of activity on the ground.

Волостные исполнительные комитеты в период своего существования – с момента их образования в 1917 г. до их ликвидации осенью 1927 г. – были важным структурным элементом в системе органов местной власти. Они являлись связующим звеном между населением и вышестоящими инстанциями в виде уездных исполкомов, т.е. информировали данные органы о проблемах населения, которые невозможно было решить своими силами в рамках волости. Однако главная их функция состояла в решении большинства текущих вопросов на местах. В связи с этим круг полномочий волисполкомов был весьма разносторонним. Они занимались решением вопросов в политической, социальной, хозяйственной, военной и образовательной сферах.

Всестороннее рассмотрение многогранной деятельности волисполкомов в рамках статьи не представляется возможным, поэтому мы остановимся на анализе одного из главных аспектов их работы – хозяйственного направления. С учетом условий сельской местности и отдаленности от других вышестоящих органов власти необходимо подчеркнуть, что переоценить значение волисполкомов в решении хозяйственных проблем сложно. Понятно, что они контролировали все вопросы указанного аспекта деятельности, но не лишне будет очертить круг обязанностей волисполкомов в этом отношении.

На первое место на любом этапе существования исполкомов в волостях ставился земельный вопрос. Однако особенно актуальной эта проблема была в первые годы советской власти, когда решался вопрос о форме земельной собственности, по сути, о том, кто будет хозяином на земле.

Как известно, был выбран путь национализации всех земельных угодий государства. Свою роль в этом сыграли и волисполкомы, они также участвовали в процессе национализации в пределах своей территории. Данная работа имела две важные составляющие. С одной стороны, волисполкомы выполняли задание сверху по распределению земельных угодий, с другой – важно было донести до населения суть проводимых преобразований. В этом отношении члены исполкомов в волостях были незаменимы по той причине, что именно им сельские жители доверяли больше всего, в то время как к приезжим представителям власти население всегда относилось с недоверием.

Конкретные указания по разрешению земельного вопроса волисполкомы получали от вышестоящих органов. Так, в Журнале заседания Чебоксарского

* Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0408 «Ретроспектива процессов модернизации государственного управления в Чувашии (60-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.)».

уездного совета крестьянских депутатов от 1-3 марта 1918 г. читаем: «Волостные Советы должны немедленно собрать сведения, сколько в каждом обществе данной волости пахотной и луговой земли, сколько земли приходится на душу населения, сколько душ в обществе... Советы крестьянских депутатов приступают к уравнительному распределению земли между обществами... Волостные Советы полученные сведения немедленно препровождают в Уездный Совет для разверстки земли по волостям» [1. Л. 45]. Таким образом, наглядно показаны функции волостных исполкомов в вопросе национализации земли. Работа эта была важной и необходимой, требовала определенной квалификации и, как следствие, отнимала на начальном этапе много времени и сил.

Однако и после окончания национализации земельный вопрос всегда стоял первым в череде хозяйственных проблем. После того как основные проблемы в этой сфере были решены, важным моментом, кроме текущих дел, стала пропаганда новых форм землеустройства. С этой целью проводились дни урожая, в ходе которых работники волисполкомов обращались к населению с призывом активно включаться в общественную работу, участвовать в создании колхозов и совхозов, объясняли пользу и выгоду этих земельных форм устройства [3. Л. 2-29]. Такие мероприятия проводились по всем сельсоветам волости. Далее на заседании волисполкома анализировалось, как были организованы эти дни и с каким значимым результатом. Функции волисполкома в этом плане состояли в координации работы сельсоветов с целью достижения наиболее высоких результатов и анализа проведенной работы по итогам данных мероприятий.

Отдельно можно выделить подготовительную работу по сбору сельскохозяйственного налога. Волисполкомы выполняли работу по определению урожайности сельских обществ, в связи с этим определяли размеры налога, доводили до населения значение указанного мероприятия. Кроме того, в их ведение входило доведение до уездных исполкомов сведений о неплательщиках налога, призыв таких личностей к исполнению гражданского долга перед страной [4. Л.15-20].

Круг сельскохозяйственных вопросов хорошо прослеживается по Форме годового отчета для волисполкомов от 4 октября 1924 г. Согласно документу в раздел «Землеустройство в волости» входили следующие пункты: «1. Агropункты, прокатные пункты, зерноочистительные обозы и их работы; 2. Опытнопказательные участки; 3. Работа агроперсонала в волости; 4. Отношение населения к агрокультурным мероприятиям; 5. Положительные достижения и изменения в области агрокультуры; 6. Формы землепользования; 7. Подготовка к многополью и введение новых культур; 8. Землеустроительная работа; 9. Общая постановка и характер работы волземкомиссии» [2. Л. 420]. Этот перечень показывает, чем занимались члены исполкома в отношении сельского хозяйства.

Под каждым конкретным пунктом отчета скрывалась большая работа. Например, волземкомиссия создавалась с целью решения текущих хозяйственных дел населения. Любой житель волости мог подать заявление в комиссию по личному земельному вопросу, а комиссия в кратчайшие сроки была обязана это заявление рассмотреть и вынести по нему решение.

Значительную роль в деятельности исполкомов играла разъяснительная работа. Члены исполкомов доводили до населения и разъясняли людям значимость всех сельскохозяйственных и других мероприятий государства. От того, насколько доходчиво и успешно они обращались к сельским жителям, часто зависел успех дела. Все значимые моменты: национализация, продразверстка, сельхозналог и др. – усваивались населением через органы местной власти. В этом деле большую роль играл человеческий фактор – авто-

ритет членов исполкома и их политическая и экономическая грамотность. Конечно, случались и неудачи при проведении подобных земельных акций, но часто они не были связаны с плохой пропагандистской работой волисполкомов. Существовали и такие объективные причины, как неурожай, когда задание государства выполнить было невозможно.

В сферу вопросов хозяйства также входили дела о лесах. Во многих волисполкомах создавались лесные комиссии, которые отвечали за учет лесов местного значения и наблюдали за исполнением лесохозяйственного плана [З. Л. 133]. Комиссии занимались отпуском лесного материала населению, на своих заседаниях члены комиссии анализировали недостатки в этом вопросе и пути их преодоления.

К другим моментам анализируемого профиля работы необходимо отнести ремонт дорог, мостов, общественных зданий и др. В каждом отчете местных органов власти имеются подобные пункты. «Ремонт мостов производится отделением местного хозяйства общего отдела уисполкома. Собственной инициативы в этом деле крестьянства нет» [З. Л. 53-55]. Из вышеприведенных строк видно, что в определенных моментах, которые требовали значительных материальных затрат и административного ресурса, исполкомам волости помогали уездные исполнительные комитеты.

Таким образом, перечень хозяйственных вопросов волисполкомов был чрезвычайно широким. Условно в нем можно выделить несколько групп вопросов. К первой следует отнести текущие дела государственного значения, которые решались ежедневно. Посевная, сбор налогов, контроль за состоянием зданий, мостов, дорог в волости. Вторая группа включала частные вопросы, с которыми к волисполкомам обращалось население. Например, о выделении леса. Такие вопросы рассматривались специальными комиссиями на местах. Председатель и члены местного органа власти постоянно составляли различные отчеты в уездные исполкомы, в которых докладывали о состоянии дел в волости. Документация волисполкомов доказывает то, что если в первые годы существования и деятельности этих органов власти на местах эффективность их работы была низкой, то ко второй половине 1920-х годов наметились положительные тенденции.

Необходимо также очертить проблемы и сложности, которые возникали и мешали работе волисполкомов. Одной из главных причин этих трудностей являлось отсутствие подготовленных кадров среди членов изучаемых органов власти на местах. Для работы членам исполкома необходимо было иметь определенную квалификацию, так как ставились сложные задачи, решение которых было невозможно без определенного образования. Например, для подсчета сельхозналога требовались знания в области экономики, не говоря уже о математике. За счет организации специальных курсов по повышению квалификации уровень образованности членов исполкома постепенно начинает расти.

Одной из важных и постоянных проблем являлась нехватка средств, порождавшая длительную переписку с вышестоящими инстанциями, что неизбежно тормозило решение насущных вопросов. Финансовые возможности уездных исполкомов были шире волостных. Зачастую решение отдельных вопросов находилось не в компетенции волисполкомов. В результате критика со стороны местного населения не всегда была обоснованной. В данных органах власти, особенно в первые послереволюционные годы, в большинстве своем работали люди, искренне верившие в торжество социалистических идеалов и выступавшие за интересы трудящихся.

В целом, характеризуя работу волисполкомов в хозяйственном направлении деятельности, необходимо отметить, что эта сфера всегда стояла на первом месте в череде повседневных проблем. Именно в их компетенцию входило решение текущих вопросов, а в случае необходимости – обращение к вышестоящим инстанциям. В отношении населения члены исполкомов решали проблемы на месте, они выносили постановления о выдаче дров населению, оказывали помощь отдельным гражданам при ремонте и пр. Именно волостные исполнительные комитеты пользовались доверием населения и являлись главным помощником местных жителей, которые обращались к ним по всем важнейшим вопросам их быта и повседневной жизни.

Литература и источники

1. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. 111. Оп. 2. Д. 2.
2. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 170.
3. ГИА ЧР. Ф. 366. Оп. 3. Д. 2.
4. ГИА ЧР. Ф. 366. Оп. 3. Д. 6.

РАТНИКОВА АЛЬБИНА РАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zaia.79@mail.ru).

RATNIKOVA ALBINA RADIMIROVNA – senior teacher, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 61 : 6 (470. 343)

В.И. РЫБАЛКА

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ МАРИЙСКОЙ АССР (1966-1985 гг.)

Ключевые слова: задачи, реорганизация, строительство, специализация, подготовка кадров.

Рассмотрены вопросы реорганизации в работе лечебно-профилактических учреждений, создания централизованных районных больниц, укрепления материально-технической базы здравоохранения, оснащения их современным медицинским оборудованием. Особое место отведено специализированной медицинской помощи, подготовке кадров врачей и средних медицинских работников.

V.I. RYBALKA

PUBLIC HEALTH SERVICE DEVELOPMENT IN MARI AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC COUNTRYSIDE (1966-1985 YEARS)

Key words: tasks, reorganization, construction, specialization, manpower training.

Reorganization in the work of medical and preventive treatment institutions, centralized regional hospitals creation, material and technical basis of public health service upgrading and providing it with modern medical equipment are considered in the article. Particular attention is given to the specialized medical aid, personnel training of the doctors and the paramedical workers.

В начале рассматриваемого периода перед органами здравоохранения Марийской АССР стояли следующие задачи: дальнейший рост и укрепление материальной и технической базы здравоохранения путем реорганизации существующих и строительства новых современных многопрофильных больниц; создание центральных районных больниц мощностью 150 и более коек; оснащение их новейшим оборудованием и аппаратурой; укомплектование высококвалифицированными кадрами; создание максимальных условий труда и быта путем проведения комплекса санитарно-гигиенических и оздоровительных мероприятий на промышленных предприятиях, колхозах и совхозах; усиление санитарного надзора за чистотой и сохранностью внешней среды; совершенствование форм и методов медико-санитарного обслуживания колхозников; достижение высокого качества медицинского обслуживания сельского населения.

К 1970 г. была проведена некоторая реорганизация в работе лечебно-профилактических учреждений, санитарно-противоэпидемической службы; созданы новые виды специализированной медицинской помощи; реконструированы и вновь построены современные лечебные учреждения; значительно увеличилась коечная сеть и численность квалифицированных медицинских кадров.

На базе районных больниц было создано 14 крупных централизованных районных больниц, способных оказывать все виды специализированной медицинской помощи сельскому населению. Завершение строительства комплекса республиканской больницы на 570 мест позволило организовать многопрофильную и высококвалифицированную помощь сельскому населению. Вновь построено несколько лечебных корпусов Мари-Турекской, Звениговской, Моркинской, Куженерской больниц; построена Советская районная больница; с 75 коек до 150 расширена и реконструирована Горномарийская участковая больница.

Дальнейшее развитие специализированной помощи по различным профилям хирургической, терапевтической и других основных служб было бы немыслимо без создания современной службы крови. В 1969 г. вступил в строй действующий новый корпус республиканской станции переливания крови, оснащенный современной техникой и оборудованием, куда приезжали больные из различных районов республики.

В годы восьмой пятилетки в сельской местности были проведены капитальный ремонт и реконструкция более 20 участковых больниц и около 50 медицинских пунктов как за счет средств предприятий, колхозов и совхозов, так и за счет централизованных средств. Только за 1966-1968 гг. в отрасль здравоохранения было направлено почти 2 млн руб. капитальных вложений, а за 1968 г. капитальные вложения на строительство больниц составили 702 тыс. руб., за 9-ю пятилетку – 6 млн 375 тыс. руб. Бюджет здравоохранения только за 1974 год составил 29 млн руб. 781 тыс. руб. [2].

Неуклонный рост бюджета обеспечил строительство и ввод новых больниц в республике. Увеличение бюджета к 1975 г. в два раза по сравнению с 1960 г. способствовало расширению коек в лечебно-профилактических учреждениях республики до 8300 и обеспечило население 119 койками на каждые 10 тыс. жителей.

К концу 1970-х годов в республике была создана мощная база здравоохранения: республиканская больница на 570 мест, горбольница № 2 на 35, Йошкар-Олинская городская на 720, детская – на 240. Все эти медицинские учреждения посещали и лечились в них и труженики сельского хозяйства республики. В республике также функционировали 14 центральных районных больниц на 2530 коек, 49 участковых больниц – на 2230, 6 медико-санитарных частей – на 225, 10 диспансеров на 225 мест, госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны на 150, грязелечебница на 60, психиатрическая больница на 470 койко-мест, больница водников в поселке Звенигово, сельская амбулатория. Кроме того, медицинскую помощь и профилактическую работу осуществляли станции переливания крови, 16 санитарно-эпидемиологических станций, 2 дезинфекционные станции, 5 санаториев на 600 мест, 2 санатория-профилактория, 4 городских стоматологические поликлиники, 92 здравпункта, 398 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 2 Дома ребенка и 51 детские ясли [1. Л. 38]. К 1965 г. обеспеченность стационарной помощью была на 8,2 выше общесоюзного показателя.

В результате укрепления лечебно-профилактических учреждений обеспеченность населения стационарными койками увеличилась во всех районах,

и в среднем для села составляла 78, а по городам – 182,1 на каждые 10 тыс. жителей. Сельское здравоохранение пока еще более чем в два раза отставало от городского (по койкообеспечению).

Значительное развитие в рассматриваемый период получила специализированная медицинская помощь, проводилась профилизация больниц и отделений, возникали новые виды квалифицированной помощи. Кроме крупных оснащенных диспансеров, таких, как онкологический, кожно-венерологический, противотуберкулезный, трахоматозный, лечебной физкультуры, специализация медицинской помощи все шире стала внедряться в поликлиниках и амбулаториях не только города, но и района, сельской местности. К появившимся еще в 1920-х годах основным профилям медицины – хирургии, терапии, педиатрии, акушерству и гинекологии – прибавились травматологическая, эндокринологическая, гематологическая, неврологическая, кардиоревматологическая, гастроэнтерологическая и другие службы.

Врачи и медицинские работники среднего звена специализированных диспансеров и кабинетов, которые стали организационно-методическими центрами, помимо лечебно-консультативной помощи, все шире стали проводить в сельской местности работу по организации диспансерного обслуживания населения, разработке и проведению профилактических мероприятий по снижению заболеваемости сельского населения.

В десятой пятилетке продолжалось строительство амбулаторно-поликлинических учреждений в районах новостроек и в сельской местности, улучшился уровень подготовки и повышения квалификации врачей и среднего медицинского персонала.

Четвертая сессия Верховного Совета МАССР (29 июня 1976 г.), обсудив вопрос о состоянии здравоохранения в республике, приняла постановление «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения организации здравоохранения в республике в свете решений XXV съезда КПСС» [3]. Была намечена и утверждена обширная программа улучшения медицинской помощи в республике на десятую пятилетку.

В эти годы намечалось построить больниц на 600 коек, и общее количество их в лечебных учреждениях к концу пятилетки должно было достигнуть 7560, что составило бы в среднем 121 койко-место на каждые 10 тыс. жителей республики (показатели без учета ведомственных учреждений). За годы десятой пятилетки намеченные планы практически были выполнены, так как бюджет на нужды здравоохранения позволял укрепить материально-техническую базу лечебно-профилактических учреждений. Так, бюджет в 1976 г. составил 29,7 млн руб., в 1977 г. – 30,5, а в 1978 г. – 35,8 млн руб.

План капитального строительства лечебных учреждений в 1976 г. был перевыполнен в два раза, а в 1977 г. он составил 153%. На строительство больниц только в 1978 г. было отпущено 1 млн 750 тыс. руб. капитальных вложений [4]. Кроме того, многие объекты возводились за счет централизованных средств предприятий, колхозов и совхозов.

В эти же годы были построены Параньгинская (на 100 мест), Куженерская и Оршанская больницы. Построены также к концу рассматриваемого периода Моркинская, Микряковская больницы, несколько поликлиник, более 20 медицинских пунктов в сельской местности.

Вместе с укреплением материальной базы лечебно-профилактических учреждений проводилась работа по оснащению их современным медицинским оборудованием и санитарным транспортом. На эти цели ежегодно расходовалось около миллиона рублей. Это особенно важно для сельской мест-

ности в связи с большой удаленностью некоторых населенных пунктов от районных больниц.

К концу 1970-х годов во всех районных центрах и крупных участковых больницах имелись рентгеновские, клинико-диагностические, физиотерапевтические и электрокардиографические кабинеты, в ряде центральных районных больниц – биохимические лаборатории и кабинеты лечебной физкультуры.

В республике проводилась непрерывная работа по подготовке кадров врачей и медицинских работников среднего звена. К концу 1970-х годов в районных больницах имелись врачи по всем основным специальностям, во многих больницах – по 10 и более профилям.

Количество врачей с 1965 по 1985 г. увеличилось почти в два раза, больничных коек – более чем на 40%. В конце 1985 г. на селе осуществляли прием врачи и фельдшеры в 53 амбулаторно-поликлинических учреждениях, в расчете на 10 тыс. человек сельского населения количество врачей всех специальностей было 6,1 человека, больничных коек – 58,3. Врачебные учреждения, оказывающие амбулаторно-поликлиническую помощь, в смену могли принять 1,9 тыс. больных.

Однако оставался еще высоким уровень заболеваемости среди населения, проживающего в сельской местности. Материальная база участковых больниц и поликлиник в республике не отвечала нормативным требованиям, слабым звеном продолжительное время оставалась неуккомплектованность врачебными кадрами.

Увеличилось число путевок в санатории, дома отдыха, туристических и др., выдаваемых работникам агропромышленного комплекса. Так, по данным областного комитета профсоюза работников сельского хозяйства, в 1985 г. всего лечилось и отдыхало в санаториях и домах отдыха 5974 человека, в том числе в санаториях и санаториях-профилакториях с лечением – 4632 человека, в домах и пансионатах отдыха и туристических базах – 472 отдыхающих. Примечательно, что росла численность лечившихся и отдыхающих в санаториях и домах отдыха, использующих туристические путевки среди колхозного крестьянства. Этими услугами в 1985 г. воспользовался 1361 колхозник. Большой популярностью у них пользовались санаторий-профилакторий «Сосновый бор» Марийского Госагропрома [5. С. 95, 96].

Таким образом, в рассматриваемый период значительно улучшилось медицинское обслуживание в марийской деревне. Обеспеченность села больничными койками приближалась к городской. Однако уровень и качество медицинской помощи сельскому населению республики все еще отставали от уровня и качества медицинской помощи, оказываемой городским жителям.

Литература и источники

1. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 642. Оп. 6. Д. 420.
2. Марийская правда. 1976. 20 янв.
3. Марийская правда. 1976. 1 июля.
4. Марий коммуна. 1978. 1 янв.
5. Социально-экономическое развитие марийского села. Йошкар-Ола, 1988. 179 с.

РЫБАЛКА ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (Anytik99999@rambler.ru).

RYBALKA VLADIMIR IVANOVICH – candidate of historical sciences, assistant professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 394.2

Т.В. СЕМЁНОВА

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАЗДНИКА ХЁР СЃРИ
В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ*****Ключевые слова:** праздник, девичье пиво, деньги, церемония, возрастная категория.*Рассмотрены особенности чувашского праздника хёр сǎри, время и порядок его проведения, состав участников. Праздник имел широкое распространение до начала XX в., а затем постепенно исчез.*

T.V. SEMENOVA

ABOUT SOME FEATURES OF A HOLIDAY «THE MAIDEN BEER» IN CALENDAR CEREMONIALISM OF CHUVASHS**Key words:** holiday, the maiden beer, money, ceremony, age category.*In article the Chuvash holiday «the maiden beer», time and order of its carrying out, the structure of participants is considered. The holiday had a wide a wide circulation prior to the beginning of 20 centuries, and then gradually disappears.*

Различные аспекты социальной организации чувашей неоднократно привлекали внимание ученых, но этнографическое изучение проводилось главным образом на уровне таких ее структурно-организационных, перманентно действующих институтов, как община и семья. Вне поля зрения оказались «скрытые» неформальные группы или объединения, также действующие постоянно, но проявляющиеся в определенное время. К их числу можно отнести социальные группы, составлявшие в целях совершения религиозно-обрядовых и хозяйственных действий, отчасти регулируемых народным календарем, а в некоторых случаях проводимых по мере необходимости и потому носящих спонтанный характер. Состав таких групп постоянно менялся, в то время как роли и функции действующих лиц оставались большей частью неизменными.

В настоящей статье рассматриваются праздничные осенне-зимние собрания группы чувашских девушек хёр сǎри, игравшие определенную роль в календарной обрядности чувашей. Чувашское название праздника хёр сǎри буквально переводится как «девичье пиво». Обиходное народное название праздника – «девичий пир», отражает суть сбора девушек: приготовление пива для организации праздника с песнями, плясками и угощением.

Нами предпринята попытка выявить локальные варианты времени проведения этого праздника, состав участников на основе как архивных источников, опубликованных материалов, так и полевых материалов. Хронологические границы исследования конец XIX – 50-е годы XX вв.

В термине хёр зафиксирована определенная возрастная категория девушек, имеющих право на участие в празднике: совершеннолетние девушки, достигшие брачного возраста и считающиеся «взрослыми». В чувашской народной традиции исследуемого периода данной группе соответствовали юные участницы обряда в возрасте 15-16 лет. Предшествующая ей возрастная группа хёрача объединяла девочек 12-14 лет, которые не были непосредственными участницами праздника. Можно предположить, что возрастные границы хёр варьировались исторически и на более ранних этапах не были столь хронологически определенными. Так, если в качестве основных нормативных признаков, определяющих возрастные границы данной категории, считать достижение брачного возраста (начало) и брак (конец), то применительно к XVIII в., – когда, с одной стороны, девушки вступали в брак в 25-30 лет, а с другой – родители отдавали замуж несовершеннолетних и возрастные рамки

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №11-11-21601 е/В).

данной группы значительно «раздвигались». Основное значение имели народные представления о поре совершеннолетия – пике брачного возраста и его конце, с течением времени претерпевающей большие изменения [2. С. 72].

В соответствии с социальными нормами общинной жизни важными условиями для участия в *хёр сари* становились: приобретение трудовых навыков, опыт социального общения, следование принятым стандартам поведения и этикетным нормам: «Кто пустит на *хёр сари* девушек, не участвовавших в жатве хлебов?» – говорилось в народе. Сама организация праздника предназначалась для демонстрации определенных качеств и являлась своеобразным экзаменом для девушек, символически подтверждая статус их принадлежности к «брачной» возрастной группе [2. С. 72].

Время проведения праздника сильно варьировалось в зависимости от локальных традиций этнографических групп чувашей.

Известный чувашский этнограф К.В. Магницкий указывает, что в Ядринском уезде *хёр сари* устраивался в понедельник после Масленицы ночью; в Тетюшском и Цивильском уездах девичьи пиры начинались в декабре до Рождества и продолжались в разных селениях до самой Масленицы; в Козмодемьянском уезде – на Масленице [6. С. 235]. Однако Н.В. Никольский отмечает, что *хёр сари* постоянно делали в ноябре [9. Л. 234], а Н.И. Ашмарин в «Словаре чувашского языка» объясняет, что этот обряд проходил на Крещение [1. С. 37]. Г.Т. Тимофеев в своем произведении «Тăхăрьял» отмечает, что *хёр сари* устраивали по окончании Михайловой недели (православные отмечают Михайлов день 21 ноября/8 ноября по ст. стилю) [11. С. 137]. Во время наших экспедиций в Шемуршинский район Чувашской Республики информаторы рассказывали, что *хёр сари* устраивали на праздник Казанской иконы Божией Матери (4 ноября/22 октября по ст. стилю), а в Комсомольском районе Чувашской Республики – на Покров (в ночь с 13 на 14 октября) [7].

Праздник *хёр сари* у группы низовых чувашей (анатри) хронологически совпадал с *кашарни* – праздником периода зимнего солнцестояния, отмечавшегося чувашской молодежью в течение двух недель, от Рождества Христова до Крещения, и являлся частью новогодних гуляний и праздников.

У верховых чувашей (вирьял) традиционные девичьи пиры были приурочены к периоду проведения *сурхури/кашарни*, который по времени совпадал с началом нового солнечного года и открывал цикл праздников и обрядов, совершаемых с целью благополучного достижения нового урожая и приплода скота. На следующий день после *сурхури* парни постарше совершали подворный обход деревни, собирая для девичьего пира муку, масло, солод, крупу и хмель. Молодицы, вышедшие замуж в прошедшем году, дарили полотенца, тканые узорные пояса. Эти подарки предназначались для лучших музыкантов, играющих на девичьем пиру.

После обхода всех дворов собранные продукты относили в специально отведенный для *хёр сари* дом. Здесь из собранных продуктов девушки варили обрядовое пиво, пекли пироги и другую снедь. Вечером назначенного дня в этом доме собиралась молодежь всей деревни и устраивала «большие посиделки». Девушки приглашали на *хёр сари* своих подруг из соседних деревень. Во время приготовлений к празднику парни присматривались к девушкам и примечали, кто как умеет вести домашнее хозяйство, выбирали невест. На девичий пир приходили и взрослые. Они присматривались за поведением молодежи, выбирали для своих сыновей невест. Девушки в первую очередь угощали пивом пожилых, которые, получив ковшик пива, поздравляли всех молодых с новым годом, желали счастья и благополучия в наступившем году:

парням – жениться, девушкам – выйти замуж и зажечь дружной и богатой жизнью. В опустошенный ковш они опускали монетки, которые потом отдавались хозяину дома за аренду помещения [5. С. 178-179].

Основу участников составляли повзрослевшие девушки деревни, которые одевались в свои лучшие одежды: для конца XIX в. это суконная верхняя одежда, на голову тухья, сверху на нее лисья шапка, на ноги башмаки или кожаные сапоги, на плечо – тевет. Девушки старались наряжаться одинаково. В зависимости от количества девушек праздник мог происходить одновременно в двух или даже в трех местах одной деревни. Число устроительниц пира в этих случаях не превышало 10-12 человек в каждой группе [3. С. 227]. У верховых чувашей праздником было охвачено иногда целое село, кроме пожилых и стариков. В этих случаях село предварительно делилось на «улицы», в которых проходили отдельные пиры [4. С. 393].

В каждой группе, включающей 10-17 девушек одной «улицы», выбирался свой «главарь» и назначался «казначей». Все члены группы приступали к выполнению своих обязанностей. К исполнению своих функций девушки приступали уже на подготовительном этапе пира: договаривались о характере сбора и размере складчины, обычно включающей муку, солод, хмель, продукты и дрова, о выборе дома, приглашении музыканта или гостей. Способы организации складчины имели региональные отличия. У низовых чувашей расходы несли сами девушки и их семьи: каждая участница приносила необходимые продукты. Иногда складчину составляло уже готовое пиво. Так, в Буинском уезде Симбирской губернии пиво варили матери девушек: каждая должна была поставить 7-8 ведер, которые «вливались в бочонки, грузились на сани и привозились в дом, где намечалось собрание» [11. С. 137].

Праздник не замыкался в рамках одного селения, так как основной его смысл заключался в расширении социальных и пространственных границ. Территориально эти селения могли включать как близлежащие/соседние, так и отдаленные населенные пункты. Играли роль и принадлежность к общей сложной общине или одному церковному приходу, и организация совместных традиционных праздников и религиозных молений. В зонах этнокультурных контактов участницами пира становились также девушки разных национальностей [2. С. 74].

Девушкам-участницам их родственники выделяли лошадей и сами же их запрягали. В зависимости от времени года, использовали тарантасы или дорожные сани. В гривы лошадей заплетали ленты, а хвосты завязывали узлом. Также использовали лучшую сбрую: хомут с латунными украшениями, ременные узды, шлею, вожжи, чересседельник. На дугу вешали по одному или по два колокольчика. В состав молодежной группы для приглашения на пир гостей из других деревень также входили юноши, как правило, младшие или старшие братья девушек, исполняющие роль «охранников»: «На каждые сани – три девушки, на две лошади – два вершинника. Вершинник смотрит за лошадьми, следит за девушками, чтобы их не трогали, не ограбили, не украли. Вершинник держит нагайку, входит вслед за девушками в избу, стоит у дверей и наблюдает» [11. С. 137]. Въезжали в те дворы, у которых были открыты ворота. Во дворе сходили с повозок, черпали пива и с песней шумно заходили в дом. Следует отметить, что в этот день в чужой деревне открытых ворот бывало довольно много. Здесь следует иметь в виду то обстоятельство, что все девушки-участницы являлись потенциальными невестами. Среди них часто бывала и та, на которую положили глаз в соседней деревне. В то же время самим девушкам интересно было побывать в доме возможного жениха. Если девушки и парни еще не были знакомы, то посещение деревни и дома становилось прекрасной возможностью посмотреть друг на друга и выбрать своего спутника жизни.

Участники обряда, войдя в дом, сажали хозяев за стол, вручали по кружке пива, кланялись им. Затем хозяева выпивали пиво, все вставали. Начиналось угощение зрителей. Одного из участников выбирали старшим, его функция заключалась в сборе денег с присутствующих. Кто выпивал кружку пива, тот обязан был положить на дно кружки столько монет, сколько может. За малую сумму никого не упрекали. Сборщик клал деньги в кошелек. Набранная сумма пересчитывалась и делилась между девушками поровну. Эти деньги родителям не отдавались. Таким образом, взрослые девушки могли иметь личные средства, необходимые им для покупки нарядов и приготовления к будущей свадьбе.

Музыкальное оформление обряда сопровождалось игрой на гармошке или скрипке. В данном ритуале очень важное место занимали частушки и пляски. Все это надолго создавало веселое настроение.

Обряд длился весь день и всю ночь. Закончив пить пиво, возвращались домой. Если пиво оставалось, то веселье продолжалось и в своей деревне [10. С. 93].

Опрашиваемые нами информаторы рассказывали, что на этот праздник парни и девушки собирались преимущественно в клубе, а их родня приходила смотреть на это действо и давала девушке (родственнице) деньги. Деньги оставались у девушки, и она могла купить на них что-нибудь для себя.

Савельева Раиса Михайловна, 1935 года рождения несколько раз была главой (ертӳсӗ) хӗр сӑри и следила за порядком. Если у девушки был парень (жених), он тоже приходил посмотреть на то, как она поет и танцует, и за это обязательно должен был дать ей деньги.

Хӗр сӑри, хӗр сӑри,
Йӗкӗтсем укҫа парсан
Хӗр сӑри лайӑх пулать.

У Р.М. Савельевой было много родни, которая приходила посмотреть на обрядовое действо, соответственно, и денег она собирала больше остальных девушек. На первые деньги хӗр сӑри она купила синее покрывало, которое и по сей день напоминает ей о временах молодости [8].

Функциональный смысл праздника хӗр сӑри состоял в закреплении статуса взрослых девушек и ее субординации по отношению к другим взрослым социальным группам общины. Время проведения хӗр сӑри (осень-зима) характеризует праздник как начальный этап в цикле предшествующих браку молодежных встреч, увеселений, игр, продолжающихся в течение всего весеннего периода в хороводах, гуляньях хӗр пуххи («девичьи сборища») и завершающихся «месяцем невест» – хӗр уйӑхӗ (июнь – начало июля), в ходе которого справлялись свадьбы.

Литература и источники

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чӑваш сӑмахӗсен кӗнеки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1950. Вып. 17. X-Ш. 434 с.
2. Денисова-Вовина О.П. Праздник хӗр сӑри – «девичье пиво» в календарной обрядности чувашей // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. Т. XLVII. С. 71-82.
3. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Типография Императорского ун-та, 1875. 279 с.
4. Комиссаров Г.И. Чуваша Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 311-432.
5. Культура Чувашского края: учеб. пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др. / сост. М.И. Скворцов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. Ч. I. 351 с.
6. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Типография Императорского ун-та, 1881. 267 с.
7. Полевые материалы автора 2009 (далее ПМА): с. Бичурга-Баишево, д. Малое Буяново, д. Асаново, с. Чепкас-Никольское Шемуршинского района ЧР; д. Новочелны-Сюрбеево, д. Ивашкино, д. Новые Мурлаты Комсомольского района ЧР.
8. ПМА 2009: Савельева Р.М., 1935 г.р.; с. Бичурга-Баишево Шемуршинского района ЧР.

9. Рукописный фонд профессора Н.В. Никольского. История. Этнография. Фольклор: Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 159. Инв. № 4705-4745. Л. 232-234.

10. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

11. Тимофеев Т.Г. Тăхăрлă. Этнографические очерки, фольклорные материалы, дневниковые записи, письма и воспоминания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 431 с. (на чув. яз.).

СЕМЁНОВА ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – аспирантка кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tanya-010383@mail.ru).

SEMENOVA TATIANA VITALIEVNA – post-graduate student of Archaeology, Ethnography and Regional History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 371.12.018.46(470.344)(091)) “18/19”

Л.Н. ТОХТИЕВА

ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ*

Ключевые слова: школьное учительство; педагогические курсы, учительские собрания и съезды.

Представлены отдельные аспекты профессиональной подготовки учителей для школ Чувашии.

L.N. TOHTIEVA

TEACHERS' TRAINING AND SKILL UPGRADING IN CHUVASHIA AT THE END OF THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Key words: school teaching, pedagogic courses, teachers' meeting and conferences.

Separate aspects of professional teachers' training in school of Chuvashia.

В условиях модернизации российского общества проблемы школьного образования являются особенно важными. К злободневным вопросам в современных условиях следует отнести анализ профессиональной подготовки и переподготовки педагогических кадров в дореволюционной истории нашей республики.

Некоторые аспекты формирования учительских кадров и их деятельность на территории Чувашии освещены в работах современных ученых Г.А. Александрова, А.В. Арсентьевой, Л.М. Гавриловой, Н.М. Ивановой, Д.Е. Егорова, Л.А. Ефимова и некоторых других. Однако проблема деятельности учительства в регионе не была предметом специального исторического исследования, в результате чего недостаточно изученными остаются профессиональная деятельность, повседневная жизнь учителей, их условия труда, взаимоотношения с учениками и родителями, общественностью. В этой связи актуальным является рассмотрение профессиональной подготовки школьного учителя в дореволюционный период. Изучение опыта предшествующих поколений позволит педагогам республики двигаться вперед значительно быстрее с учетом как достижений, так и ошибок прошлого.

Школьное учительство – особая социально-профессиональная группа, сформировавшаяся в России в основном во второй половине XIX – начале XX вв. Учителя, по мнению Л.М. Гавриловой, являлись «самым многочисленным и быстрорастущим...» сообществом [3. С. 32], по убеждению Г.А. Александрова, «наиболее сформированным отрядом дореволюционной чувашской интеллигенции» [1. С. 3]. Педагоги выполняли наиболее важные социальные функции – воспитание и обучение, формирование жизненных ценностей новых поколений. Первоначально лица, осуществлявшие учительские обязанности как на территории Российской империи в целом, так и Чувашском крае в частности, не имели никакой специальной подготовки. Это были более или менее грамотные люди из среды духовенства или светские лица, закончившие какое-либо учебное заведение или получившие домашнее образование. В школах в основном ра-

* Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0408 «Ретроспектива процессов модернизации государственного управления в Чувашии (60-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.)».

ботали выпускники удельных училищ, волостные писари, отставные солдаты, исключенные семинаристы либо случайные люди, не имеющие определенной подготовки [5. С. 103-104]. После 1868 г. для желающих занять учительскую должность обязательным был экзамен (испытание) на звание учителя. Требования к уровню образования школьных наставников постепенно повышались, складывалась гибкая система специального педагогического образования.

Во второй половине XIX – начале XX вв. происходило постепенное увеличение числа городских и сельских школ, в связи с чем наблюдалась потребность в педагогических кадрах. Так, по данным В.П. Рожнова, в 1860 г. насчитывалось 42 сельские школы и 14 – городских, а в 1900 г. – 596 и 31 соответственно [7. С. 161, 172-173].

Учительство в то время представляло собой довольно пеструю социальную группу как по социальному происхождению, так и по уровню образования, профессиональной квалификации. Учителя городских школ, составлявшие меньшинство, обладали сравнительно высокой квалификацией. Более половины преподавателей сельских школ не имели специальной педагогической подготовки. Возможность получить высшее или среднее образование, устроиться на работу в более привилегированное учебное заведение, как правило, имели выходцы из дворян, чиновничества, духовенства и состоятельные горожане. Подавляющее большинство учителей начальных сельских школ были детьми крестьян и сельского духовенства.

Центрами подготовки учителей для Казанского учебного округа во второй половине XIX в. стали учебные заведения Казани, Оренбурга, Самары, Симбирска, Уфы. Некоторые представители чувашского народа учились в Московском, Санкт-Петербургском, Парижском, Варшавском, Сорбонском университетах, в духовных семинариях и т.д.

Важная роль в подготовке педагогических кадров принадлежала Казанскому университету. Здесь за 1880-1916 гг. высшее образование смог получить 91 выходец из Чувашского края [4. С. 21]. При этом следует отметить, что в Казанском университете в дореволюционный период так и не сложилась цельная система подготовки к преподавательской деятельности. Выпускники университета становились учителями благодаря хорошему знанию предметов, мировоззренческим установкам, личным качествам. По данным В.П. Рожнова, в 1858 г. из 13 учителей-предметников городских училищ Чувашского края 3 человека окончили Казанский университет, 8 – гимназии, 1 – уездное училище и 1 имел домашнее образование. По образовательному уровню учителей лучше других выглядело Чебоксарское училище, где из 4 учителей-предметников работали 2 учителя с университетским образованием и 2 – со средним (гимназия) [2. С. 7].

Учителей для Чувашского края готовили и в средних учебных заведениях Казани – духовной семинарии, учительском институте, низших педагогических учебных заведениях – инородческой семинарии, земской женской школе. Так, в 1849 г. в штате Ядринского училища состояли три выпускника Казанской семинарии – К. Соколов, А. Николаев и Д. Органский, а также И. Муромцев, выпускник Казанской гимназии, А. Константинов, выпускник Санкт-Петербургского института Гатчинского воспитательного дома, и И. Михайлов, учившийся во 2-й Казанской гимназии. В 1902 г. в училище г. Цивильска работали: Н.Н. Волжанин и А.Н. Храмцов, выпускники Казанского учительского института; А.П. Василевский, выпускник Казанской духовной семинарии и А.П. Мансуров, выпускник Казанского городского четырехклассного училища [2. С. 7]. По данным Л.А. Ефимова, в Чебоксарском уезде в 1876 г. находилось 4 городских и 24 сельские школы, в которых преподавали 27 законоучителей и 31 учитель. Большая часть учителей имела специальное образование: 8 че-

ловек окончили Казанскую земскую учительскую школу, 4 – неполный курс Казанской учительской семинарии, 2 – педагогические курсы при Казанском уездном училище, 2 – другие низшие педагогические заведения [5. С. 109]. Все законоучители были священниками и окончили Казанскую духовную семинарию. В начальных школах Ядринского и Цивильского уездов по состоянию на 1886 г. из 215 учителей окончили Казанскую учительскую семинарию 13 человек, Казанскую земскую женскую семинарию – 13, Симбирскую чувашскую школу – 10, Казанскую духовную семинарию – 67, остальные – уездные двухклассные и другие начальные училища [5. С. 109].

Особым учебным заведением, центром распространения педагогических знаний, передовых методик обучения в сельских школах Поволжья являлась чувашская школа в Симбирске (1868 г.), основанная И.Я. Яковлевым и преобразованная в учительскую (1890 г.). Здесь за дореволюционное время было подготовлено около одной тысячи учителей [5. С. 122]. В Порецкой учительской семинарии – первом педагогическом заведении на территории Чувашии (1872 г.) – подготовлено 765 учителей [5. С. 107]. С 1914 г. начинает свою деятельность Шихранская учительская семинария.

Обучение в Симбирской чувашской школе было трехклассным (шестилетним). Преподавались предметы: закон божий, русский и церковнославянские языки, главные основания геометрии, земледелие, черчение и рисование, история, география, главные сведения понимания явлений природы, чистописание и пение, ремесла и гимнастика. Теоретическое изучение педагогики сочеталось с практикой, которая проходила в начальном училище: посещение занятий, проведение уроков, знакомство с методической литературой. Воспитанники Симбирской учительской школы были призваны не только учительствовать, но и проводить просветительскую работу среди сельского населения, организовывать библиотеки, народные чтения, распространять сельскохозяйственные знания, создавать мастерские. Таким образом, по мнению Л.А. Ефимова, деятельность чувашских учителей впервые приобретала статус гражданской профессии, а сельские школы становились важным социальным институтом для подготовки грамотных и равноправных граждан России [5. С. 119].

В конце XIX – начале XX вв. ситуация с педагогическими кадрами в Чувашском крае изменилась. Педагогическое образование стало отличаться большой вариативностью и систематичностью. Появление педагогических классов при женских гимназиях, епархиальных училищах и в духовной семинарии, а также специальных педагогических учебных заведений (учительских семинарий и Казанского учительского института) привели к значительному увеличению численности учителей и повышению качества их образования. Так, в 1914 г. в уездах насчитывался 871 учитель, стоит отметить, что $\frac{3}{4}$ из них – чуваша [1. С. 5].

Система переподготовки учителей в этот период состояла из проводившихся регулярно курсов, педагогических съездов и собраний. С 1896 по 1904 г. в Казанской губернии действовало 16 таких курсов, 7 из них – в Чувашском крае. Например, в 1897 г. в Цивильске были организованы месячные педагогические курсы для совершенствования приемов преподавания предметов по программе Н.И. Ильминского. Для церковных школ в 1898 г. были организованы педагогические курсы при Чебоксарском духовном училище. Их слушателями стали учителя одноклассных церковно-приходских школ и школ грамоты из 7 уездов Казанской губернии: Чебоксарского, Цивильского, Ядринского, Тетюшского, Козьмодемьянского, Чистопольского и Царевококшайского. Летом 1901 г. 10 учителей по рекомендации Цивильского уездного епархиального отделения были отправлены на педагогические курсы в г. Казань [6. С. 38]. 1 июля 1902 г. при Чебоксарском городском училище открылись постоянно

действующие педагогические курсы [6. С. 39]. Слушатели курсов знакомились с важнейшими сведениями по общеобразовательным предметам, с дидактикой и методикой начального обучения, посещали и проводили пробные уроки с последующим их разбором преподавателями училища.

Однако курсы не могли решить проблему масштабной подготовки педагогов. Во-первых, их проведение было дорогостоящим мероприятием. Во-вторых, далеко не все желающие имели возможность посещать их.

В начале XX в. стали применяться новые формы педагогического образования с целью предоставления учителям возможности обмениваться опытом, поделиться методическими наработками. Так, в 1905 г. в Чебоксарском уезде были устроены учительские собрания, которые проходили во внеучебное время под председательством уездного наблюдателя. Всего было проведено 3 собрания и каждое в новой школе: Шершульской, Сотниковской церковноприходских школах и Липовской школе грамоты. Собрания оказались достаточно плодотворными: некоторые суждения приняли форму постановлений и были занесены в особые протоколы. Главной обсуждаемой темой оказалась проблема обеспечения церковных школ [6. С. 39].

Большую помощь в педагогической деятельности оказывали уездные учительские съезды. В их работе могли принять участие все учителя данного уезда. Например, в 1882 г. был проведен первый съезд в Цивильске, в следующем году – в Ядринском и Козьмодемьянском уездах.

На первом съезде учителей в г. Цивильск присутствовало 23 педагога, кроме того, явились 2 учителя Ядринского уезда. Участниками съезда были изложены письменные сведения о состоянии их училищ. Прослушано и проанализировано 11 уроков, обсуждены вопросы: продолжительность учебного года, расписание уроков. Рекомендовались меры по улучшению успеваемости. Главным средством для привлечения в школу детей было признано «сердечное отношение учителей к ним и вообще к учебному делу». Учитель должен был сблизиться с учениками и крестьянами, поставить себя так, чтобы крестьяне относились к нему с доверием, как к своему помощнику в воспитании детей. Относительно привлечения в школу девочек было решено так: «Не стеснять девочек четырехлетним курсом обучения, и допустить для того на первое время двухгодичный курс. Средством для привлечения в школу служило пение молитвы на чувашском языке и рукоделие. Что касается возраста детей, принимаемых в школу, то считать нормальным для крестьянских малышей с 9 лет» [5. С. 95].

В работе первого съезда учителей Чебоксарского уезда, проходившего в с. Бичурино (июнь 1883 г.), принимали участие учителя 18 чувашских, 6 марийских и 5 русских школ. Руководили съездом директор народных училищ Казанской губернии И.А. Износков, инспектор чувашских школ И.Я. Яковлев и инспектор училищ Казанской губернии В.А. Казаринов. В качестве методистов прибыли И.С. Бюргановский (по чтению, письму и арифметике), Л.П. Петров (по пению), оба из Симбирской чувашской школы. Съезд признал недостаточным 3-годичный курс обучения инородцев и требовал введения 4-летнего курса. Он рекомендовал обучение русской грамоте со второго года; принял систему двух отделений при 4-летнем курсе обучения. Педагоги настаивали на введении чтения книг на родном языке. Решения съезда нашли широкую поддержку среди педагогической общественности того времени.

На съезд учителей Ядринского уезда, работавшего с 1 по 10 августа 1883 г. в с. Аликово, прибыли 25 учителей из Ядринского уезда и 5 педагогов из чувашских школ Козьмодемьянского уезда. Руководили работой съезда инспектор чувашских школ учебного округа И.Я. Яковлев и инспектор 3-го участка Казанского учебного округа П.И. Беляев, а также член училищного совета от Ядринского

уездного земства священник П.М. Сартов. Обсуждались проблемы, связанные с постановкой учебного процесса в школе, в частности обучение грамоте, чтению, правописанию, церковнославянскому языку, арифметике, преподавание Закона Божия и пения. По предложению И.Я. Яковлева вновь был включен вопрос о привлечении девочек в школу. Учителей волновали вопросы о дисциплине, наградах и поощрениях, учебных и учительских библиотеках, учебных пособиях и др. Во время съезда опытные педагоги проводили открытые уроки во временной школе из 14 чувашских детей, устроенной при Аликовском двухклассном училище.

По каждому обсужденному вопросу принимались важные решения и рекомендации. Например, участники съезда пришли к выводу о необходимости открытия при сельских училищах воскресных повторительных классов для учеников, окончивших в них курс. Но, чтобы «возбудить в них более интереса и расположить их к воскресным занятиям, необходимо, кроме повторения пройденного, сообщить им в форме бесед и другие полезные знания по русской истории и географии» [3. С. 49].

Любопытно, что на уездном съезде самими учителями был решен вопрос о начале учебного года. При этом устанавливались разные сроки в зависимости от времени окончания полевых работ. На съезде также было предложено открыть по одной учительской библиотеке на уезд.

Об участии преподавателей Чувашского края в работе учительских съездов и краткосрочных педагогических курсов частично можно судить по материалам анкетирования в 1903-1904 гг. Наиболее активно в работе педагогических курсов участвовали педагоги Цивильского и Ядринского уездов, в работе съездов – учителя Чебоксарского и Ядринского уездов [3. С. 50]. Оказалось, что процент участвовавших лиц среди учителей школ духовного ведомства выше, чем среди преподавателей земских школ. Так, из учителей земских школ в работе названных курсов участвовали 29,6% (236 из 796 учителей), из преподавателей школ духовного ведомства – 45,6% (438 учителей из 960). Данный факт, по мнению Л.М. Гавриловой, был обусловлен не только низким уровнем квалификации учителей церковных школ, но и необходимостью их идеологической обработки. Основное внимание на педагогических курсах, проводимых духовным ведомством, уделялось изучению «наилучших методов обучения детей Закону Божию» [3. С. 50].

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. возросшая армия учителей Чувашского края становилась полноценной социальной группой. В этот период в преподавании начинает преобладать светский характер обучения, на место священника приходит подготовленный педагог, говорящий на родном языке учащихся и потому близкий им по духу и культуре [6. С. 40]. В целом происходят качественные изменения профессионального облика школьного учителя.

Литература

1. Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары: Чувашия, 1997. 198 с.
2. Арсентьева А.В. Учительство городских училищ Чувашского края: личности, судьбы, повседневная жизнь // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 3-15.
3. Гаврилова Л.М. Учителя средней и начальной школы Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-экономическое развитие Чувашии в период капитализма. Чебоксары: ЧНИИ, 1987. С. 32-55.
4. Гаврилова Л.М. Подготовка кадров интеллигенции Чувашии в учебных заведениях Казани во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Чувашии периода капитализма. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 3-34.
5. Ефимов Л.А. Школы Чувашского края в XIX-XX вв. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2003. 536 с.
6. Иванова И.П. Начальная народная школа и учительство во второй половине XIX – начале XX вв. в Чувашском крае // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 33-41.
7. Рожнов В.П. Статистика Чувашии в период капитализма // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1971. Вып. 1. С. 137-196.

ТОХТИЕВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – соискатель учёной степени кандидата исторических наук, Чувашский государственный университет, Россия, Чувашия (toklarisa@yandex.ru).

TOHTIEVA LARISA NIKOLAEVNA – competitor of scientific degree of Historical Sciences candidate, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 329

А.А. ФОМЕНКОВ

**РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ И РОССИЙСКАЯ ПРАВая Оппозиция:
К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ 1980-х – 1990-х ГОДОВ**

Ключевые слова: русская эмиграция, Народно-трудовой союз, Российское Христианско-Демократическое Движение, Славянский собор, Конгресс русских общин, Православный монархический орден-союз, Российский имперский орден-союз, Всероссийский Социально-Христианский Союз освобождения народа, Национал-большевистская партия.

Статья посвящена взаимоотношениям формировавшейся на рубеже 1980-х – 1990-х годов русской правой оппозиции (националистов, монархистов) с русскими эмигрантскими организациями. Проанализированы особенности данного сотрудничества. Сделаны выводы о малой роли русских эмигрантских кругов в политических процессах в Российской Федерации в начале 1990-х годов.

A.A. FOMENKOV

**RUSSIAN EMIGRANTS AND RUSSIAN LEGAL OPPOSITION:
REVISITED TO COOPERATION AT THE TURN OF 1980s – 1990s**

Key words: Russian Emigration, The National Alliance of Russian Solidarists, Russian Christian and Democratic Movement, Slavonic Council, Congress of Russian Communities, Orthodox Monarchist Order-Council, Russian Imperial Order-Council, All-Russia Social and Christian Council of nation liberation, National Bolshevik Party.

The article is devoted to relations between Russian legal opposition (nationalists and monarchists) that have been forming at the turn of 1980s – 1990s and Russian emigrant organizations. Peculiarities of such collaboration are analyzed. It was drawn conclusions of a small role of Russian emigrant circles in political processes in the Russian Federation in the beginning of 1990s.

Как известно, в постсоветский период в ряде бывших союзных республик существенную роль в управлении страной играли политики, находившиеся долгое время в эмиграции за границей. Так, существенный период своей жизни в эмиграции провели бывшие президент Латвии В. Вике-Фрейберга, президент Литвы В. Адамкус, министр обороны Эстонии А. Эйндселн. В Российской Федерации же представители русской эмиграции оказались по большому счёту невостребованными. Тем не менее контакты с русским зарубежьем у ряда отечественных политических организаций были. Далеко не в последнюю очередь это касается оппозиционных структур.

В период «застоя» какие-либо связи советских инакомыслящих правого направления с русскими эмигрантскими организациями и, прежде всего, с Народно-трудовым союзом (НТС) были практически невозможны, так как отношения «...с НТС по андроповской установке означало и «связь» с ЦРУ» [8. С. 102]. Последнее же обстоятельство автоматически вело к обвинению уже не в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а к «измене Родине» (по первой статье максимальное наказание – 3 года, а по второй – от 10 лет до расстрела) [12. С. 32, 63]. Позднее, уже в период перестройки, с НТС довольно активно сотрудничали некоторые отечественные умеренно демократически настроенные политики, в частности В.В. Аксютин [2. С. 7]. Именно тогда председателем Исполнительного Бюро Совета НТС Ю.Б. Брюно и его бывшие сотрудники по Закрытому сектору, занимавшемуся переправкой литературы в СССР, выступили с предложением «растворить» НТС в дружественной организации в России и ликвидировать сам союз. Речь шла о Российском Христианско-Демократическом Движении под руководством В.В. Аксютинца (РХДД). В чем была причина этого шага? Скорее всего, речь шла о каких-то переговорах с какими-то силами, которые обещали подобному образованию финансовую и прочую помощь. Но поддержки среди большинства членов НТС это предложение не нашло. Многолетний руководитель НТС Евгений Романович Романов, проанализировав ситуацию, пришел к выводу, что РХДД – слишком сырое образование, с непредсказуемой судьбой, и просто так выбрасывать де-

сятилетиями наработанный опыт и репутацию НТС в надежде на успех некоего нового гибрида – безответственно.

Следует также отметить, что влияние на взгляды В.В. Аксючица русские эмигранты, несомненно, оказали, однако в начале 1990-х годов (т.е. именно в тот период, когда последний являлся видным отечественным политиком) члены НТС практически никак не влияли на работу Российского народного собрания, возглавляемого Аксючицем в течение нескольких месяцев 1992 г.

Кроме того, следует указать, что большинство сравнительно молодых работников НТС в Россию в начале 1990-х годов переезжать отказались. Дело было не только в материальной стороне вопроса и трудностях жизни в посткоммунистической стране. Эмигранты трезво оценивали ситуацию, понимая, что они не обладают тем интеллектуальным багажом и способностями, которыми обладало старшее поколение НТС, и в новых условиях не смогут быть эффективными. Характерно, что то же самое произошло и с диссидентами, оказавшимися в эмиграции в 1970-1980-х годах: почти никто из них не вернулся в Россию. Как показала практика, одно дело критиковать режим, издавать журналы, и совсем другое – заниматься конкретной политической работой в сложный и непредсказуемый период перемен в России.

Незначительными следует также признать контакты с русской эмиграцией и такой видной оппозиционной структуры, как Русский национальный собор (РНС). Действительно, инициатива создания указанной структуры исходила от руководства международной организации «Славянский Собор» и была озвучена 17-19 января 1992 г. в Москве на её третьем внеочередном съезде. Предполагалось, что РНС станет национальным отделением в «рамках» Славянского Собора. Впрочем, «с первых дней существования руководство РНС не согласовывало свои действия [с последним]...» [10. С. 115]. Нет никаких сведений о приезде на Учредительный съезд РНС представителей дальнего зарубежья (упоминалось лишь о делегатах из 29 областей РФ и ряда стран СНГ [1. С. 2; 5. С. 6]). Среди значимых персон, прибывших на съезд, упоминался член международного фонда «Русская соборность» А. Зубов [1. С. 2], однако ни степень «международности» данной организации, ни качество контактов с зарубежными партнёрами А. Зубова неизвестны.

Существовали определённые предпосылки для усиления влияния русской эмигрантской среды на политические процессы в России в результате создания Конгресса русских общин. Данное событие состоялось 29-30 марта 1993 г. в Москве. В нём приняли участие представители русского и русскоязычного населения ряда государств из бывшего СССР, а также, что очень важно, США, Австралии и Швейцарии. В основном собравшимися обсуждались вопросы о двойном гражданстве для этнических русских, оказавшихся после распада Советского Союза за границей, а также о многочисленных случаях нарушения их прав и о мерах по борьбе с указанными явлениями [11. С. 12]. Впрочем, и в данной структуре на лидирующие позиции вышли российские граждане – в первую очередь Д.О. Рогозин, ставший главой исполкома КРО [15. С. 7].

Что же касается одного из самых известных отечественных эмигрантов – Александра Солженицына – он в начале 1990-х годов ни к какой политической силе не примкнул. Никак не отметил он и Национально-республиканскую партию России, возглавляемую Н.Н. Лысенко, считавшим свою организацию «партией Солженицына» [9. С. 1].

Наиболее известным эмигрантом третьей волны, присоединившимся к радикальной оппозиции Б.Н. Ельцину в начале 1990-х годов, стал Э.В. Лимонov (Савенко). В 1992-1993 гг. он совмещал занятие политикой в России с частыми визитами в Европу, даже своё окончательное переселение в Россию

Лимонов датировал 1994 г. [3. С. 16]. Впрочем, в период активного противостояния Ельцина и радикальной оппозиции он успел проявить себя рядом статей, содержащих призывы к большей революционности противников действующей власти (см., напр. [4. С. 4]) и созданием своей, на тот момент крайне малочисленной, партии – НБП.

Налаженные контакты с русским зарубежьем имелись у Православного монархического ордена-союза (ПРАМОС) и Российского имперского ордена-союза. Указанное обстоятельство объяснялось в первую очередь тем, что данные структуры были созданы именно за рубежом в среде русской эмиграции, а в России возникли, по сути, их филиалы. Достаточно активное сотрудничество между российскими отделениями и иностранными структурами данных политических объединений началось в конце 1980-х годов и во многом было связано с началом кампании по идентификации останков расстрелянных в 1918 г. Николая II и его семьи, а также с визитом представителей дома Романовых в СССР [14. С. 13]. Впрочем, обе эти организации были весьма малочисленными и серьезного влияния в оппозиционных кругах не имевшими.

Из числа бывших советских диссидентов-русофилов обширными связями в эмигрантских кругах обладал И.В. Огурцов, один из основателей Всероссийского Социально-Христианского Союза освобождения народа (ВСХСОН). Именно он, кстати, организовал поездку в Европу и США для другого видного диссидента правого направления В.Н. Осипова. В ходе данной поездки, состоявшейся в 1989 г., последний посетил Германию, Австрию, Бельгию, США. Из наиболее значимых лиц, с которыми контактировал Осипов, следует отметить главу русской организации «Витязи» К.И. Ренненкампа (Франция) и протоиерея Александра Киселёва из США. Состоялись также встречи бывшего диссидента с представителями русских землячеств [8. С. 164-165]. Впрочем, говорить о сильном влиянии русских эмигрантских кругов на политическую деятельность В.Н. Осипова в конце 1980-х – начале 1990-х годов вряд ли приходится.

Таким образом, в целом следует признать, что русские эмигрантские круги приняли в политической борьбе в России в начале 1990-х годов минимальное участие. Указанное обстоятельство можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это обусловлено оторванностью существенной части русских эмигрантов от современных отечественных реалий, что выразилось прежде всего в отсутствии подробной информации о российских политических партиях и движениях. Впрочем, в какой-то степени, может быть, имеет смысл говорить о завышенных ожиданиях. В самом деле, «часто взгляды представителей русской послеоктябрьской эмиграции на развитие России и её место в мире [рассматривались]... как планы готовых преобразований» [13. С. 5], однако к концу 1980-х годов выяснилось, что никакого внятного рецепта от русского зарубежья получено не было, хотя отдельные наработки, несомненно, присутствовали. Во-вторых, в начале 1990-х годов достаточно активно начали контактировать с русским зарубежьем сторонники Б.Н. Ельцина [7. С. 16; 16. С. 3], стремившиеся, судя по всему, сформировать за границей имидж реставраторов добольшевистской России, что хотя и не соответствовало действительности, нашло отклик у ряда русских эмигрантов. Как следствие, симпатии многих зарубежных русских оказались на стороне действующей власти, а серьёзного интереса к оппозиции не возникло (хотя ряд оппозиционеров был ментально и идейно ближе). Третьей значимой причиной являлась относительная слабость русских эмигрантских объединений на фоне ряда других диаспор – еврейской, армянской, китайской, ирландской, что, кстати, признавали и сами представители русской эмиграции: «...наши... организации очень слабые, немногочисленные; ...мы собираемся... на съез-

ды, но большинство из нас интересуется лишь тем, чтобы поговорить, выпить в баре...» [6. С. 5]. Однако определённый вклад в сохранение и развитие национального русского самосознания русские эмигранты всё-таки внесли [6. С. 5]. В-четвёртых, русским эмигрантским кругам за рубежом в период перестройки не был представлен по-настоящему интересный проект преобразований, в котором они могли бы принять активное участие.

Литература

1. *Виноградов И.* Русский национальный собор // Нижегородская правда. 1992. 18 фев.
2. *Вожди: сборник биографий / сост. В. Прибыловский.* М.: Информационно-экспертная группа «Панорама», 1995. 117 с.
3. *Лимонов Э.* Моя политическая биография. СПб.: Амфора, 2002. 301 с.
4. *Лимонов Э.* Нас загоняют в тупик // Советская Россия. 1992. 31 дек.
5. *Мозокин В.* Без фундамента недолговечен дом... Субъективные заметки с Русского национального собора // Земля нижегородская. 1992. 22 фев.
6. *Назаров М.* Наши идеалы // Слово. 1991. № 1. С. 5-9.
7. Обращение к нашим соотечественникам за рубежом в ответ на письма г. Красовского // Отечество (Новосибирск). 1991. № 5.
8. *Осипов В.Н.* Корень нации. Записки русофила. М.: Алгоритм, 2008. 621 с.
9. *Смирнов А.* Народные республиканцы – партия идей Солженицына // Наше время. 1990. № 4.
10. *Струкова Е.* Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987-1996). М.: Историческая библиотека, 2005. 309 с.
11. *Супрунюк Б.* Стерлигов с вами // Московские новости. 1993. 11 апр.
12. Уголовный кодекс РСФСР с изменениями и дополнениями на 1 января 1978 г. с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Юридическая литература, 1979. 256 с.
13. *Фёдорова М.С.* Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли Русского зарубежья 20-40-х гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 238 с.
14. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 8650. Оп. 1. Д. 6.
15. ЦАОПИМ. Ф. 8823. Оп. 1. Д. 34.
16. Это наше право. Обращение представителей русских патриотических организаций // Литературная Россия. 1991. 21 июня.

ФОМЕНКОВ АРТЁМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доцент кафедры истории политических партий и общественных движений, Нижегородский государственный университет имени И.Н. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород (artjom2310@inbox.ru).

FOMENKOV ARTJOM ALEXANDROVICH – candidate of historical sciences, assistant professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia, Nizhni Novgorod.

УДК 908

Н.И. ХАЛТУРИНА

ХОЗЯЙСТВО УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ЯРАНСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКОВ

Ключевые слова: крестьяне, земледелие, скотоводство, крестьянская реформа, удел, свободная земля, пахотная земля, урожайность, орудие труда.

Исследовано хозяйство удельных крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – середине XIX вв.: посевные площади, урожайность зерновых культур, орудия труда и приёмы земледелия.

N.I. KHALTURINA

THE FARM OF SPECIFIC PEASANTS IN YARANSK UYEZD OF VAYTKA GUBERNIYA FROM THE END OF THE EIGHTEENTH CENTURY TILL THE MIDDLE OF THE NINETEENTH CENTURY

Key words: peasants, farming, cattle-breeding, peasant reform, a lot, free land, arable land, productivity, im-
plement of labour.

The farm of specific peasants in Yaransk uyezd of Vyatka guberniay from the end of the eighteenth century till the middle of the nineteenth century: crop area, yield of grain crops, tools and techniques of farming.

Удельные крестьяне Яранского уезда Вятской губернии занимали наиболее благоприятную в хозяйственном отношении территорию относительно других категорий крестьян, проживавших на территории Вятской губернии.

Так, в 1852 г. в одном из отчётов вятского губернатора прозвучало, что «самыми зажиточными крестьянами считаются удельные, поселённые большею частью в хлебородных уездах Яранском и Сарапульском» [8. С. 102].

Главной отраслью хозяйства удельных крестьян в рассматриваемое время оставалось, как и по всему Яранскому уезду, земледелие. В начале XIX в. среднеуездный надел составлял 3,07 десятины. В большинстве крестьянских хозяйств наделы были меньше среднеуездного показателя [6. С. 114].

Решался земельный вопрос в удельной деревне путём выделения удельным крестьянам наряду с казёнными из фонда свободных земель и за счёт покупки земли у казны и частных лиц. В 1802 г. был издан закон, на основании которого можно было наделять удельных крестьян казённой землёй. Но уже в 1811 г. Департамент уделов был вынужден издать циркуляр о том, чтобы управляющие контор не выдавали представления о наделении крестьян землёй впредь до «особого распоряжения», так как вскоре после принятия закона Департамент уделов был завален просьбами о выделении казённой земли [8. С. 105]. В 1827 г. последовало уточнение правил: удельные крестьяне могли быть наделены казённой землёй только в многоземельных губерниях, что резко сузило сферу применения закона. В этой связи усилились просьбы к властям о наделении землёй. Вот одна из них: в 1840 г. в Вятскую удельную контору обратились «крестьяне Яранского уезда Пиштанского приказа починка Дружного Козьма Иванов Чермных и Михайло Степанов Жаворонков, доверенные от общежителей из числа 27 душ, писанных по 8-й ревизии», которые «просят по недостатку земли, находящейся у них во владении с прирезанною на 8-мь душ, состоявших в их починке по прошедшей 7-й ревизии наделить их по числу душ 8-й ревизии узаконенною пропорцією земли из смежных казённых дач, находящихся свободными и никем не занятыми наравне с государственными крестьянами...», так как они «... наделены землёю по 7-й ревизии на 21 душу, а по 8-й, прибыло у них таковых 6-ть, на которых ещё не наделены» [3. Оп. 8. Д. 889. Л. 1-1(об.), 6].

Большие трудности по наделению крестьян землёй создавала существующая в стране система управления. Об этом свидетельствует следующий типичный факт. В 1810 г. Департамент уделов возбудил ходатайство о наделении 183 удельных крестьян Вятской губернии (среди которых были и крестьяне Яранского уезда) казёнными землями. В 1811 г. десяти ревизским душам такие земли были выделены, через десять лет (в 1821 г.), получили землю ещё 39 ревизских душ. При этом чиновник казённой палаты «отысканные» земли оценил как «заросшие мелким лесом и потому для казны бесполезные». В 1830 г. получили наделы на казённых землях ещё 20 ревизских душ. Судьба остальных крестьян неизвестна [8. С. 106].

Покупка земли Департаментом уделов также не принесла успеха вследствие ограниченности денежного капитала. К сожалению, источники не позволяют определить соотношение основных путей увеличения абсолютных размеров землепользования удельных крестьян. Определённую роль сыграли и наделение казённой землёй, и покупка земли в собственность удела у частных владельцев. В то же время источники вполне определённо указывают на то, что крестьяне самовольно занимали казённые и частные земли, приспосабливали для обработки неудобные участки. Масштабы приобретения земель и самовольные переселения достигали значительных размеров.

Так, в 1839 г. жители Пиштанского приказа завладели казённой землёй в Пачинской и Кугушергской дачах. По свидетельству, «учинённому командированным для производства мирских дел Котельнического уездного суда дворян-

ским заседателем Сарычевым при депутате со стороны удельной земли расчищенной в казённом ведомстве... оказалось... пашни в длину – на 50 ширину 10 сажень, покосу в трёх местах 1-м в длину 140 ширину 45, 2-м в длину 150 ширину 30 и 3-м в длину 100 ширину 50 сажень и вырублено под расчистку земли разного рода лесов в длину на 80 и ширину 40 сажень» [2. Оп. 1. Д. 33].

Во второй трети XIX в. земельная проблема оставалась наиболее острой во внутренней жизни удельной деревни. В 1842 г. возник вопрос о наделении земель крестьян 16 селений вышеупомянутого Пиштанского приказа. Ситуацию выясняли до 1845 г., когда казённая палата на запрос ответила, что съёмка казённых земель в этой части губернии не произведена и выделить земли она не может. В последнем сообщении в Департамент уделов по этому вопросу, датированном маем 1847 г., говорилось, что от казённых властей сообщения о съёмке не поступало [8. С. 108].

Здесь же встречается жалоба удельных крестьян на «неправильное» вступательство казённых крестьян Пиштанской волости починка при речке Шуйше « в землю починка Мельничного» [2. Оп. 1. Д. 106. Л. 82-82(об.)].

Столкновение интересов двух категорий крестьян к взаимным захватам земель нередко было связано «непрофессиональной работой» межевой комиссии. Обнаруживалось, что границы некоторых участков после Генерального межевания оказались «не видимыми в натуре» или снятыми небрежно. В результате никто из должностных лиц не мог точно показать границ участков. В таких условиях произвести размежевание общих владений государственных и удельных крестьян, а также определить количество казённых земель с тем, чтобы свободные земли отвести в надел, было невозможно. Ко всему вышеизложенному можно дополнить, что иногда населённые пункты с одинаковым названием объединяли одну дачу, что значительно затрудняло возможность провести границу между землями, относящимися к тому или иному селению.

Так, в августе 1831 г. возник спор между крестьянами Водозерского приказа починка Отар Семёном и Иваном Коневыми с ясашными поселянами Мало-ижмаринской волости починка Елатарова и Шудомаринской деревни Отар по поводу захвата последними удельной сенокосной земли примерно 3,1/2 десятины. Дело дошло до Министерства императорского двора и оттуда было направлено в Вятскую казённую палату. На основании указа Сената 31 марта 1813 г., «дабы видеть сколько у кого из них по числу душ 7-й ревизии находиться в завладении излишка за 15-десятинную пропорцию, снять землю при тех селениях, как в беспспорном владении находящуюся, так и спорную чрез уездного землемера на план с надлежащим о количестве и качестве оной изчислением и с показанием на оной земле владеемой непринадлежащую жителям... спорную землю предоставить в общее владение спорящим казённым и удельным крестьянам по числу их душ» [3. Оп. 8. Д. 305. Л. 4-4(об.), 24, 25].

Аналогичная ситуация возникла в 1842 г. между крестьянами казёнными Рождественской волости починка большого Туманура и удельными Пиштанского приказа починка Малого Туманура. Между крестьянами «произошла ссора и драка о земле, принадлежащей последним, но оспариваемой первыми без всяких доказательств...». Разбирательство продолжалось до 1845 г., итогом стал приезд удельного землемера Бехтерева который «полосу... около 100 десятин отрезал во владение удельных крестьян» [3. Оп. 8. Д. 1076. Л. 28-28(об.)].

Во второй трети XIX в. продолжалось освоение удельными крестьянами новых земель, принадлежавших другим ведомствам. Так, в 1835 г. удельные

крестьяне деревни Малые Ярки Ильинского приказа расчистили под пашню 59 десятин [8. С. 110]. К середине XIX в. размеры землепользования удельных крестьян в Вятской губернии составляли по Яранскому уезду – 87451 десятин, из фонда которой пахотная земля составляла 70020 десятин, а на одну душу мужского пола, исходя из числа душ – 30701 соответственно приходилось 2,29 десятины, что свидетельствовало о явной нехватке земли [8. С. 110]. Урожайность зерновых культур была такая: озимые – «сам 3», яровые – «сам 2 ½» [4. Оп. 1. Д. 202. Л. 330(об.)-331].

Нехватка земельных угодий неизбежно вела к неудовлетворительному состоянию скотоводства. Об этом единодушно сообщали из разных имений и приказов. Из Пиштанского приказа сообщали, что «крестьяне приказа нуждаются в земле, которая к тому же по дурному свойству требует тщательной обработки и удобрения, по крайнему недостатку лугов, крестьяне не имеют возможности иметь достаточного количества скота – на пахотную десятину приходится всего по 1 и 1/8 головы» [8. С. 110-111].

Недостаточное количество угодий препятствовало развитию земледелия. В удельных приказах сохранялись традиционные способы земледелия, которые вели к сокращению количества лесов, выгонов и сенокосов, что, в свою очередь, отрицательно сказывалось на скотоводстве.

Не произошло существенных изменений и в производственно-технической базе земледелия. Так, в Яранском уезде для земледельческих работ использовалась «царёвосанчурская косуля», имеющая те же части, что и плуг, которая, однако, была «устроена не прочно и тяжела для работника». Через двадцать с лишним лет управляющий вятским имением отмечал, что «сельское хозяйство находится здесь и в соседних имениях в младенческом состоянии, чему главная причина недостаток земли» [1. С. 116-117, 132-133]. Вот как описывал очевидец земледельческие работы в удельных имениях в 1856 г.: «Земля обрабатывалась обыкновенными здешними сохами (о двух ральниках с шабалкой) в одну лошадь, деревянными боровами, и только для общественной запашки заведены лёгкие американские плуги. А хлеб сеют правой рукой из сита, ударяя о последнее дабы разлетелось зерно по пашне в обе стороны, жнут хлеб ручными серпами, молотят цепями, солому убирают деревянными вилами и граблями, хлеб веют руками с лопаты посредством ветра, траву косят больше косами и горбушами, а в некоторых местах и литовками» [8. С. 112].

Но всё же отрицать полностью прогресс сельского хозяйства в удельной деревне первой половины XIX в. было бы неправильно. В это время наблюдалось и усовершенствование сельскохозяйственной техники, которая принадлежала самим крестьянам. Так, в земледельческой газете 1851 г. приводились такие факты: на вятскую сельскохозяйственную выставку была представлена высокопроизводительная конно-действующая мукомольная мельница с устройством при ней «маслобойки», построенная удельным крестьянином Яранского уезда Осипом Христолюбовым [5. С. 161-162].

Существенным, хотя и трудно прослеживаемым, было ещё одно направление в развитии производительных сил удельной деревни, связанное с повышением производительности труда за счёт совершенствования трудовых навыков, накопления опыта и знаний. В удельных имениях имелись сельские училища и в слободе Кукарка ремесленная школа. Качественный уровень подготовки в ремесленной школе подтверждается её успешным участием на выставке сельских произведений в России в 1850 г. «Блистательными... были железные изделия ремесленной школы удельного ведомства, находящейся

Яранского уезда в слободе Кукарке, а также вещи, представленные бывшими учениками этой школы удельными крестьянами Яранском уезде Андреем Ковязиным, Николаем Репиным и Александром Мирошиным. Вещи эти, по чистоте отделки, не уступили бы лучшим в этом роде, и потому комитет, желая поощрить выделку железных вещей в Вятской губернии, присудил мастеру Кукарской ремесленной школы, Петру Шашкину, под наблюдением которого все эти вещи были сделаны, серебряную медаль малого размера, а прочим трем удельным крестьянам денежные премии», – встречается сообщение о ремесленном заведении в вышеуказанной газете [5. С. 163].

В среде удельных крестьян встречались сравнительно образованные люди. Например, один из ревизоров отмечал в 1857 г., что в слободе Кукарке он остановился в доме удельного крестьянина Кошкина, «где нашёл фортепьяно, журналы «Северная пчела», «Современник», «Художественный листок» [8. С. 113]. Крестьянин Пиштанского приказа Осип Харитонов регулярно выписывал по сельскому хозяйству периодику. Представленные им на Вятскую выставку две маслобойни, модели водопроводной машины и механической тёрки картофеля были выполнены по рисункам и схемам, помещённым в журналах и газетах [7. С. 110].

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве наиболее наглядно отражают показатели урожайности основных культур. Данные о количестве высеваемого зерна обнаруживают изменение в посевных площадях: в 1814-1817 гг. в удельных селениях Вятского имения среднегодовой посев составлял 122 716 четвертей, в 1821-1827 гг. – 149 052, в 1828-1831 гг. – 280 009 четвертей [8. С. 113]. Во второй четверти XIX в. темпы увеличения посева значительно замедлились: в 1836-1840 гг. – в среднем 62 195, в 1854-1858 гг. – 92 941 четвертей [8. С. 114].

Таким образом, анализ развития производительных сил в удельной деревне с конца XVIII по первую половину XIX вв. свидетельствует о заметных положительных сдвигах в их состоянии. Расширялись посевные площади (в основном за счёт освоения крестьянами новых земель), наблюдался некоторый рост урожайности зерновых культур, совершенствовались орудия труда и приёмы земледелия.

Литература и источники

1. Байков (псевдоним В.П. Бурнашева). Обзорение сельского хозяйства удельных имений в 1832-1833 гг. СПб., 1836.
2. ГАКО ф. 61.
3. ГАКО ф. 575.
4. ГАКО ф. 711.
5. Земледельческая газета. 1851. № 21.
6. История уделов за столетие их существования. СПб., 1902. Т. III.
7. Китарты Я.И. Вятская очередная выставка сельских произведений. 1854 год. Казань, 1856.
8. Половинкин Н.С. Производительные силы удельной деревни Урала в первой половине XIX века // Крестьянство Урала в эпоху феодализма: сб. науч. тр. Свердловск: Академия наук СССР. Урал. отд-ние, 1988.

ХАЛТУРИНА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – соискатель учёной степени кандидата исторических наук кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (hvnpost@yandex.ru).

KHALTURINA NATALIYA IVANOVNA – competitor of scientific degree of Historical Sciences candidate, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 391 (=511.152)

Т.А. ШИГУРОВА

**ПОКРЫВАЛО МОРДОВСКОЙ НЕВЕСТЫ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ:
ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: культура, история, мордва, невеста, свадебный костюм, покрывало, функция, защита.

Представлен опыт исследования социальной, магической и обереговой функций свадебного покрывала мордовской невесты. Рассмотрены особенности декоративного оформления покрывала невесты у мокши и эрзя, ритуалов его надевания и снятия, манеры ношения.

T.A. SHIGUROVA

VEIL OF MORDOVIAN BRIDE IN A WEDDING RITE: ETHNIC AND SOCIAL ASPECT

Key words: culture, history, Mordovian people, bride, wedding costume, veil, function, protection.

The article represents research experience of social, magic and protective functions of Mordovian bride's veil. Veil design peculiarities of Moksha and Erzya are being studied as well as rituals of veil's taking off and the way of its wearing.

Ритуальный свадебный костюм мордовского народа наиболее ярко отражает отношение человека к традиционной одежде и отдельным ее компонентам. Важным является то, как он создает костюм, видоизменяет и использует его в разных ситуациях. Национальная одежда отражает отношения между людьми в обществе, в том числе и связанные с самой одеждой (см. [22. С. 3-17]). Проследить это можно на примере свадебного покрывала невесты.

Мордовская невеста со дня сватовства осознавала ответственность данного момента в своей жизни, ведь он был связан с подготовкой к будущим резким переменам: изменению ее социального статуса, места жительства, обязанностей в семье и т.д. Ее уже называли по-другому: «максанькай», «максанька» (выданная), «ладязь тейтерь» (помолвленная), «симф стирь» (пропитая дочь), «чиянь патя» (эрзя), «вяштень стирь», «вештень паця» (мокша) (просватанная). В Инсарском районе невесту называли «девушкой, у которой съеден пирог». Такое имя сохранялось до свадьбы. Предстоящие перемены вызывали естественное волнение, переживания. В это время девушке нужно было дошить недостающие предметы одежды, предназначенные для одаривания родственников жениха, заучить причитания, выполнить необходимые ритуальные действия, соблюсти все правила. Рассматриваемый период продолжался от 2-3 недель до 3 месяцев, а иногда и дольше. Известно, что в старину свадьба происходила через год. Считалось: чем дольше невеста пробудет помолвленной, тем ей больше чести (подробнее см. [24. С. 211-223; 25. С. 56-58]).

Мордовская традиционная одежда отражала происходящие в жизни девушки перемены. Она сообщала окружающим об изменении ее статуса, выделяла среди остальных подруг. Но назначение костюма этим не исчерпывалось: он должен был защитить невесту, уберечь ее от сглаза и злых сил. Невеста становилась объектом пристального внимания, о ней говорили окружающие, при встрече стремились рассмотреть. Иногда из-за боязни порчи выданная девушка до самого «венца» почти не выходила на улицу, а если и показывалась, то с особой тщательностью относилась к своему внешнему виду. Некоторые девушки даже закрывали лицо платком, чтобы «недобрые» глаза не смогли взглянуть на них. Платок, покрывало на голову, фата упоминаются в этнографической литературе XIX в. как необходимый головной убор просватанной девушки.

Во время сватовства невеста, покрытая «фатой», сидела в чулане с подругами. Свекор и свекровь шли смотреть на нее и платили девушкам деньги за пропуск. В селах Саранского уезда Пензенской губернии на сговоре «казнень приказамо», когда мать жениха приходила договариваться о дарах, невеста

сидела скромно у печи в платке, опущенном на глаза. Покрывание головы выполняло обереговые функции, предохраняя от дурного глаза, порчи, «нечистой» силы. Во время обряда «одирвань ваномачи» (смотрины невесты) свекровь покрывала невесту фатой. Женщины и девушки при этом пели: «Фатой покрыт уж стан ее, платком покрыто лицо ее». Ритуал смотрин невесты бытовал как в эрзянских, так и в мокшанских селах. Сваты до этого момента зачастую вообще ни разу не видели девушку. В селе Старый Байтермиш Саратовской области обычай «Одирвань содамо» (узнавание невесты) совершался накануне свадьбы: невеста и несколько ее подруг садились за стол, накрытые фатой, а сваха, указывая на чьи-либо вытянутые руки, пыталась узнать невесту, чтобы затем одарить деньгами (см. [23. С. 113-114]).

Рис. 1. Мордовская невеста под покрывалом

У многих народов невеста во время свадьбы меняла свою одежду несколько раз с целью повысить свой престиж и предотвратить порчу. Интересно, что у мордвы-мокши в конце XIX в. Сохранялся обряд «фатань канни» (ношение фаты), во время которого (обычно за день до свадьбы) девушки наряжались в невестины наряды и шли приглашать гостей на свадьбу. Обряд сопровождался веселыми песнями, шутками, что должно было содействовать благополучному испытанию свадебного костюма. Переодевание, скрывающее невесту, восходит к обрядам, направленным на обман злых духов.

Особенность костюма мордовской невесты в день свадьбы состояла в том, что голова девушки обязательно должна была быть покрыта. Так, И. Лепехин в описании мордовской свадьбы XVIII в. отмечал: «Невеста, поблагодарив своих родителей за все попечение и воспитание и оплавав всех своих ближних, покрывается белым холстом до пояса и выводится из отеческого дома через своего брата до сеней или телеги... Женихов отец при собрании всех гостей и сродников берет поставленный на столе длинный пирог аршина в полтора за конец и подымает другим концом пирога наложенное на невесту покрывало, говоря сии слова: «Вот тебе свет, будь счастлива к хлебу, животу и к размножению семьи». Потом поменяет ей свекор прежнее имя» [15. С. 171-172].

Использование невестой покрывала сохранялось вплоть до начала XX в. В Спасском уезде Тамбовской губернии во время выезда в церковь и «совершения таинства брака вся голова невесты до пояса бывает покрыта большим шелковым платком (фатой)» [2. Л. 16]. В Инсарском уезде Пензенской губернии «во время венчания невеста покрыта шелковым или бумажным платком в знак невинной девичьей стыдливости» [5. Л. 11]. В селе Косогоры Ардатовского уезда Симбирской губернии невеста была «покрыта до самой груди двумя платками: бумажным и шелковым, что называется «фатой» [4. Л. 5]. В Городищенском уезде невесту везли к венцу под белым покрывалом. Считалось, что белый цвет не имел здесь особого символического значения. Главное, чтобы никто не увидел девушку и не попытался ее отбить. По пути к церкви невеста стремилась снять с себя фату и бросить ее на дорогу, свекровь препятствовала этому ритуальному действию, а в случае исполнения братья поднимали фату и отдавали обратно, только с выкупом. В заключение невеста должна была совершить обряд передачи накосника с несколькими волосами своей матери.

Рис. 2. Чувашская свадьба (невеста с подругами)

В.Н. Майнов сообщал, что у терюхан на невесту надевали «попоняху», т.е. «покрывало с рукавами, расшитыми шелком; эту попоняху накидывают на голову и закрывают всю невесту» [16. С. 100]. Иеромонах Макарий в ответе на анкету РГО подробно перечисляет элементы костюма невесты Нижегородской губернии, замечая при этом: «А на верх всей сряды надевается дудяшник, который вышивается рядами» [1. Л. 16].

В Чембарском уезде Пензенской губернии утром в день свадьбы на голову невесте повязывали красный шелковый платок «полубар», а сверху – покрывало «фатаня», подаренное свекровью. Родная мать в это время причитала: «Огненной фатой я спрячу твою голову, спрячу – закрою твоё девичество». Мокшанскую невесту в Темниковском уезде закрывали красною фатой с целью защиты от злых людей, которые могут испортить ее, равно как и от нечистой силы, способной вмешаться в свадебный ритуал. Пензенская мокша использовала для этого холстяную простынь, вышитую крестами и четырехугольниками. Под этим покрывалом новобрачных вели до дома.

Покрывание невесты у мордвы имело важный практический смысл уже на ранних этапах развития традиционной культуры, в период существования древнейшей формы заключения брака – умыкания, когда девушку крали силой без ее согласия. Исследователи мордовской народной культуры упоминают о приобретении жен на войне в качестве военной добычи. Данные факты получили широкое отражение в фольклоре, подтверждаясь и многими свадебными ритуалами. «Жених и его родня называются разбойниками, татарами, ногайцами; разыгрывались сцены битвы и захвата невесты; невеста убегала перед свадьбой в другой дом. В мифологической традиции, в легендах, этических песнях похищение совершали сами мордовские боги» [7. С. 14].

Любопытно, что терминологические обозначения «урьва» (сноха), «уря» (невестка) и др., а также слово «уре» (раб) обнаруживают этимологическую связь с арийским, индо-иранским словом «*агуа – (арийский, ариец)» [8. С. 112]. Это дает основание предположить, что девушки ирано-язычных племен скотоводов-земледельцев могли рассматриваться северными финно-угорскими соседями в качестве престижной добычи. Покрывало, используемое при похищении девушки, устраняло ее сопротивление, лишая возможности ориентироваться в пространстве и пресекая даже мысль о побеге. Кроме того, покрывало защищало ее тело во время движения по лесу. Сведения об одежде

народов Восточной Европы середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. крайне скудны. Однако известно, что скифские и сарматские женщины носили на голове «мягкие покрывала, которые закрывали головные уборы или затылок сзади, ниспадали на плечи, спину, достигая поясицы или кистей рук. На края покрывал зачастую нашивали бляшки с изображениями птиц, головы Горгоны и т.д. ... По сведениям Геродота, такую одежду носили не только собственно скифы, но и их соседи – племена не скифского происхождения» [20. С. 16-20].

В мордовских селах Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний невесту из родного дома в день свадьбы увозили в кибитке из ивовых прутьев «онава», «улема кудо» (дом бытия). Сверху ее покрывали пологом, сшитым из широкого полотна и украшенным у эрзи узкими полосами вышивки из красной пряжи; позже он служил занавескою у постели молодых. Согласно В.Н. Майнову, «остов кибитки обтягивался холстом, вышитым разными цветными узорами или же не вышитым, смотря по достатку женихова двора, по количеству живущих в нем женщин и по их рукодельности. Нам случилось видеть в Арзамаском уезде покрывку на кибитку, вышитую в 36 широких полос весьма замысловатыми узорами, потребовавшими усилий 4 женщин в продолжение 14 месяцев» [16. С. 103-104]. «Онаву» в конце XIX в. обвязывали тремя кушаками, внутри кибитки – 12 платками. Вместо двери вешали красивую шаль, а впереди и по бокам – разные ленточки, кисти, украшения. В кибитку клали постель невесты, маленький сундучок с нарядами и предметами женского туалета. Следует заметить, что невеста у чувашей с начала и до завершения свадьбы передвигалась в сопровождении подруг в особой кибитке (см. [19. С. 155]).

Особенно важным моментом в мордовском свадебном ритуале считалось снятие покрывала с головы невесты. Для всех участников это было большое событие: собирались все родственники, соседи, чтобы посмотреть впервые на молодую, оценить ее внешность, поведение, рассмотреть наряды.

Закрывание невесты покрывалом было широко распространено у многих народов Евразии [11. С. 281; 12. С. 134-136, 141; 18. С. 72; 19. С. 151; 20. С. 163]. В свадебном обряде народов Среднего Поволжья оно выполняло функции оберега, имело сакральный смысл (см. [6. С. 67-68; 19. С. 151]. По замечанию Е.Г. Кагарова, покрывало в costume невесты применялось «в качестве универсального приема защиты от губительных влияний сглаза и злых сил» [10. С. 163]. По мнению некоторых исследователей, покрывало обеспечивало освящение свадебного ритуала, а узоры вышивки усиливали его магические функции (см. [13. С. 29]). Чаще всего использовали белый (160 на 90 см) холщовый платок, украшенный красной бахромой или плетеным кружевом (см. также [26. С. 32]). В конце XIX в. для этой цели стали покупать фабричные шелковые, полушелковые, ситцевые шали. В этнографических источниках упоминается обычно красный цвет фаты.

Вплоть до начала XX в. в мокшанских и эрзянских селах на второй, а иногда на третий день свадьбы невесту знакомили с хозяйством. При этом особое почтение новобрачная оказывала богиням воды и бани, чтобы первая – давала детей и очищала нечистое белье, а вторая – смывала нечистоту. Во время этого ритуала особенность одежды мокшанской «молодухи» заключалась в обилии полотенца, которые свисали с ее головы, словно имитируя водные потоки. М.Е. Евсеев отмечал, что «полотенца эти в настоящее время в обряде никакой роли не играют и значение их забыто: молодушка в том же виде возвращается с ними обратно. Они, по всей вероятности, назначались в дар Ведь-аве» [9. С. 303]. Нисколько не умаляя значения полотенца и холста как символов дарения, обращаем внимание и на то, что покрывание головы большим количеством полотенца в конце XIX в. было проявлением свадебного ряжения, подчеркивавшего особую важность происходящего. Основное значение данного ритуала состояло, по мнению коллектива, в показе источника воды, поклонении богине

воды (Ведь-аве) и испытании характера невесты. Часто по окончании этого ритуала в избе совершался обряд наречения нового имени молодой, после чего ее опоясывали и вели к печи, чтобы она показала свое умение печь блины.

Платок-покрывало, или «вельхтэрда» (м), «вельтявкс» (э), «онава» (м), «фата» (м., э.), «вишка шаршав» (э), был обязательным элементом костюма мордовской невесты на протяжении всех свадебных обычаев и обрядов, начиная уже с первого знакомства с нею родственников жениха. Большое прямоугольное полотнище, сшитое из нескольких точек холста, украшалось традиционной вышивкой. Многогранность традиционной культуры мордовского народа нашла своеобразное воплощение в декоративном оформлении покрывала невесты: у эрзи – вертикальными полосами плотной ковровой вышивки, у мокши – многоугольными разноцветными звездами-розетками, разбросанными по всему полю. «Розеток должно быть, начиная с 7, нечетное количество: 7, 9, 11, 13 и т.д. Розетки носили название «тяште» – звезды и обозначали самих вышивальщиц и невесту. Каждая розетка имела свой неповторимый узор, повторений не было» [14. С. 57]. Края оформлялись вышивкой с кистями или в виде тесьмы.

Аналогичным мокшанскому был декор старинного образца платка-покрывала чувашской невесты: «углы и края покрывала украшались сложными двусторонними узорами в виде восьмиконечных звезд-розеток, вышивкой, а края обшивались шелковой или хлопчатобумажной тесьмой» [19. С. 151].

Мордовской невесте помогали в приготовлении приданого девушки-вышивальщицы («сермады стирьхть», «лездыцят»). В Старошайговском районе Республики Мордовия помогавших вышивать покрывало («вельхтерда», «онава») называли «тяштень кайхть» (раскладывающие звездочки), поскольку они вышивали по краям полотна орнаменты наподобие звездочек. В середине этого холста невеста вышивала большой узор в виде звезды с двенадцатью концами. После рождения ребенка «вельхтэрда» использовалось для покрывания люльки.

Многообразные факты из археологии, антропологии и ономастики убедительно свидетельствуют о том, что на этнической территории древнемордовских племен, расположенных в Окско-Сурском междуречье, с глубокой древности происходили взаимодействие и взаимообогащение различных культур. По справедливому замечанию Н.Ф. Мокшина, «мордовский этнос как при формировании, так и в процессе дальнейшей своей истории находился в генетических и культурных связях с другими этносами, и его самобытная культура, как материальная, так и духовная, аккумулировала компоненты многих культур, творчески перерабатывая их» [17. С. 51].

Перекрещивание различных культурных влияний благодаря примитивной меновой торговле либо вследствие постоянных войн, приводивших к обмену женщинами (термин «жена» у мордвы – арийского происхождения), было очень сильным. Очевидно, в глубокой древности жену чаще добывали силой, без ее согласия, поэтому она всегда рассматривалась как представитель чужой культуры. Известно, что мордовская невеста после свадьбы постепенно входила в круг родственников жениха, а посещение религиозных обрядов начинала лишь после рождения ребенка: «каждую мордовскую невесту считают (в новом семействе) неразумным младенцем. И свекровь, и снохи начинают с нежностью обучать всему тому, что нужно знать каждой мордовке. Так, в течение двух недель после венчания молодая только и знает каждое утро в печь посматривать: смекает то, от чего загорелись дрова, каким способом они подожжены; подмечает – где должны в печи занимать место большой чугунок с водой, где – средний, где – малый, где ставятся щи, где – каша, где – картофель; смотрит – как пекутся блины, как мыть посуду, мести пол. В конце второй недели в течение 3-х дней спокойно ходит, сложив руки, за двумя старшими снохами, которые на плечах носят 5-ти ведерный ушат, как в реке наливают и носят в дом. По исте-

чении 2-х недель переходит к практике» [З. Л. 19]. Считалось, что покрывало способно было оберегать невестку от гнева духов чужого рода.

Из сказанного выше следует, что покрывало невесты широко использовалось на разных этапах свадебного ритуала мордвы, причем помимо своего прямого назначения – в качестве особого символа. В целом же для костюма невесты наиболее характерными были социальные, магические и обереговые функции. Обращает на себя внимание разнообразие декора покрывала невесты, вариативности ритуалов его изготовления, надевания и снятия, особенностей манеры ношения. Однако все это лишь малая доля дошедшего до нас бесценного культурного достояния мордовского народа.

Литература и источники

1. Архив Русского географического общества (АРГО). Раз. 23. Оп. 1. Д. 100. Этнографические сведения по Нижегородской губернии. Макарий, иеромонах. Этнографические разговоры в Нижегородском уезде.
2. АРГО. Раз. 40. Оп. 1. Д. 39. Рукописи трудов членов Русского географического общества и отдельные документы по Тамбовской губернии. С. Чигин. Мордва-мокша. Очерк (религиозные верования, песни Спасского уезда Тамбовской губернии). 1903. 22 л.
3. АРГО. Раз. 53. Оп. 1. Д. 31. О народностях Европейской России. Географо-этнографический очерк мордовского села Скафтым Кузнецкого уезда Саратовской губернии. 60 л.
4. АРГО. Раз. 53. Оп. 1. Д. 41. О народностях Европейской России. К. Невоструев. Описание обычаев мордвы-эрзи села Косогор Ардатского уезда Симбирской губернии. 1849 г. 14 л.
5. АРГО. Раз. 53. Оп. 1. Д. 48. О народностях Европейской России. П. Секторов. Этнографические сведения о мордве. 1855 г. 12 л.
6. Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 142 с.
7. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы / МГПИ. Саранск, 2000. 260 с.
8. Бутылов Н.В. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). Саранск, 2006. 220 с.
9. Евсеев М.Е. Избр. тр.: в 5 т. Т. 5. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. 553 с.
10. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929. С. 153-197.
11. Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 345 с.
12. Косарева И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в.: монография. Ижевск: УИИЯЛ. Урал. отд-ние РАН, 2000. 228 с.
13. Корнишина Г.А. Знаковые функции народной одежды мордвы: учеб. пособие по спецкурсу / МГПИ. Саранск, 2002. 70 с.
14. Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорное ткачество, резьба по дереву. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 119 с.
15. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768-1769 годы. СПб., 1771. Ч. 1. 538 с.
16. Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. 268 с.
17. Мокшин Н.Ф. Истоки мордовского этноса // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2004. С. 44-53.
18. Морозова А.С. Традиционная народная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. 255 с.
19. Петров И.Г. Знаково-символические функции одежды и предметов быта в свадебной обрядности чувашей Урало-Поволжья // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 145-162.
20. Рикман Э.А. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гетто-даки (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу) / отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. 272 с.
21. Сулова С.В., Мухамедова, Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 312 с.
22. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3-17.
23. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Т. 6, ч. 1. Эрзянская свадебная поэзия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1972. 472 с.
24. Шигурова Т.А. Приданое в свадебном обряде мордвы (конец XIX – начало XX в.) // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография. Кн. 8 / под общ. ред. О.И. Кирикова. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 211-223.
25. Шигурова Т.А. Традиционный костюм мордвы в свадебных обычаях и обрядах. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2008. 88 с.
26. Шигурова Т.А. История культуры России IX-XIX вв.: учеб. пособие. Саранск, 2010. 52 с.

ШИГУРОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (shigurov@mail.ru).

SHIGUROVA TATYANA ALEKSEEVNA – candidate of historical sciences, associate professor, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 101.3

Ю.И. ЕФИМОВ

**ПОЛОЖЕНИЕ ЭТНОСОВ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Ключевые слова: этническое сознание, культура, население.

Исследованы вопросы положения этносов в Симбирской губернии XIX – начала XX вв.

Yu.I. EFIMOV

**STATE OF THE ETHNIC GROUPS IN THE GUBERNIYA OF SIMBIRSK DURING
THE 19TH AND THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES**

Key words: ethnic consciousness, culture, population.

This publication is dedicated to questions of the ethnic groups's state in the guberniya of Simbirsk during the 19th and the beginning of the 20th centuries.

Начавшиеся в последние десятилетия XX в. процессы этнического возрождения – это особый показатель роста единства этноса, повышения уровня сознания и самосознания его членов, с одной стороны, а с другой – протест, стремление противостоять интернационализации, универсализации, нивелировке своих особенностей. Ключевым критерием независимого бытия этноса, на наш взгляд, является этническое сознание (самосознание). У того или иного этноса в тот или другой исторический промежуток времени может отсутствовать какой-либо объективный признак (например, своя территория или свое государство), однако этнос всё равно осознает себя существующим, целостным и единым организмом. Этническое сознание – при всех его неизбежных внутренних изменениях – это непрерывное опознавание этносом своей непреходящей самости, сохранение и вольное или невольное наследование этноцентризма. Таким образом, основная задача исследования – выявить изменения в социально-политическом положении этносов Симбирской губернии.

В результате анализа этнической истории Среднего Поволжья были выделены три этапа в эволюции этнического сознания: 1) начало XVII – начало XX вв. – дореволюционный период; 2) 1917-1991 гг. – советский период; 3) 1991-2009 гг. – постсоветский период.

Основным источником для исследования послужили архивные и статистические данные. По результатам исследования были сделаны следующие выводы.

Во-первых, к началу XX в. коренные народы Поволжья в той или иной степени сохранили собственную национальную идентичность. В основном это было связано с аграрным характером российской цивилизации. Сельская дореволюционная этническая община представляла собой достаточно изолированное сообщество, сопротивляющееся ассимиляции с другими группами и интеграции с ними. Обладая значительной внутренней сплоченностью, основанной на конфессиональной принадлежности, посредством предписания поведенческих норм, крестьянская община поддерживала и усиливала внутригрупповое единство. В образе дореволюционной сельской общины можно выделить следующие характеристики: религиозность, язык, территориальную этническую сегрегацию, относительно компактное расселение по территории губернии; развитую общинную инфраструктуру (школы, религиозные общества и т.д.); традиционные занятия. Все это давало возможность жить в своей этнической среде и создавало благоприятные условия для поддержания и передачи последующим поколениям языка и обычаев.

Во-вторых, анализ статистических источников позволяет сделать вывод о том, что к концу XIX – началу XX вв. население края преимущественно составляли русские, проживали в сельской местности, были верующими и неукоснительно соблюдали православные, семейные и календарные обряды. По состоянию на 1897 г. русские в Симбирской губернии составляли 67,4%, мордва – 13%, чувашаи – 10,3%, татары – 9,3%. Если в целом в Симбирской губернии проживало около 1782 тыс. человек, то в центральном губернском городе Симбирске всего около 150 тыс.

Что касается Симбирска, то он изначально был основан как русский город, не имеющий ничего общего с прежними поселениями мордвы, чувашей и татар, находящихся на его территории до 1648 г. Вплоть до начала XIX в. население города оставалось преимущественно русским.

В-третьих, в период роста города в первой половине XIX в. формируется его татарское население, при этом инфильтрация татар происходит напрямую не только из деревень, но и из уездных городов. Татары известны в городе с самого его основания в качестве служилого населения, однако их нельзя отнести собственного к горожанам, так как жили они в уезде. Несмотря на то, что вблизи Симбирска были татарские села, значительная татарская община фиксируется в городе только в XIX в. Если в 1860 г. мусульман в городе насчитывалось всего 305 человек, то статистика 1916 г. учла уже 9594 человека. Перепись 1897 г. показывает, что почти все татары были мусульманами (1242 мужчины и 935 женщин), 12 татар были православными. Новообращенные в православие татары были маргинальной группой и не образовывали единой общины, часть их – ученики чувашской школы. В 1853 г. в городе появляется первая мечеть. В 1872 г. была основана татарская школа (медресе) во флигеле при дворе мечети. Расселение татар было компактным. Они жили на Лосевой улице и идущей параллельно Татарской улице (имелась еще и Нижне-Татарская улица). В начале XX в. татарская община оформляется юридически в Общество мусульман города Симбирска. В 1905 г. симбирская мечеть становится соборной, что оформляет мусульман в официальный «приход». По данным переписи 1897 г., татарская община насчитывала всего 4 представителя купечества, 192 мещанина и 1949 крестьян. Естественно, что крестьянский компонент в то время преобладал над городским. Данные о крестьянском сословии среди татар говорят о преобладании миграционного потока прямо из села, но часть крестьян были коренными жителями Симбирска и владели недвижимостью. Татарская община как культурно, так и организационно была замкнута на себе более других этноконфессиональных групп города. Прибывающие в город селились в домах и на постоянных дворах татар. Замкнутость проявлялась и в традиционности религиозной жизни, бытовой культуры, семейных обычаев и норм, занятий. Говоря о месте, которое занимала мусульманская община в Симбирске, необходимо заметить, что, несмотря на достаточно серьезные капиталы, сосредоточенные в руках татарских купцов, их не допускали к сословному самоуправлению, они не участвовали в работе ярмарочной комиссии. Здесь мы не наблюдаем такого дуализма, который отмечен, например, в Казани в работе и структуре мещанского общества. Активизация татарской общины, как правило, влекла за собой некоторое противодействие со стороны губернских и городских властей [1]. Вместе с тем татары-мещане не дискриминировались мещанским обществом, как это происходило, например, с чувашами. Татары участвовали в работе самоуправления на городском уровне. Таким образом, татары являлись в конце XIX – начале XX вв. второй по численности этнической группой в структуре населения Симбирска и смогли создать городскую общину, выполнявшую функции организации религиозного быта татар-мусульман, организации образования, выражения интересов татар в органах городского самоуправления.

В-четвёртых, адаптация чувашей к городской среде происходила в нескольких условиях и не завершилась созданием общинной организации. Этому препятствовали как незначительное число чувашских семей в городе, так и политика православной церкви, усматривающей в общинной организации православных чувашей признаки сектантства. Вплоть до 60-х годов XIX в. чувашаи проживали исключительно в деревне. Доля чувашей в городском населении составляла 0,73%, что не соответствовало доле чувашей в губернии (10,3%). По этой причине при переселении в город представители чувашей не только сталкивались с новой этнической обстановкой, но и должны были адаптироваться к неизвестной им ранее городской культуре. Своеобразным вариантом организации городской этнической общины можно считать открытую в 1868-1871 гг. при активном содействии чувашского просветителя И.Я. Яковлева чувашскую школу, которая, по сути, была интернатом, т.е. дети постоянно жили здесь, разъезжаясь летом на каникулы. При школе была создана церковь. Половина всего чувашского населения Симбирска (166 человек) была связана со школой Яковлева. Деятельность школы оказала огромное влияние на формирование социальной культуры, в том числе и на семейно-общинную организацию чувашей. Симбирская чувашская школа стала своеобразным культурным центром для всего чувашского народа, а не только для города. Ученики и соратники И.Я. Яковлева проделали огромную работу по созданию чувашской письменности и переводу книг на чувашский язык.

Данные переписи 1897 г. показывают, что среди мещан города был всего один чуваш, шесть мужчин относились к духовенству, но подавляющее большинство чувашского населения города – крестьяне (282 человека). К дворянству и почетным гражданам относилось шесть человек. Отношение к чувашам со стороны городского населения было негативным. Достаточно упомянуть, что само название «чуваш» было ругательным. В то же время «чувашская община» поддерживалась русской интеллигенцией и купечеством. В большей степени это было связано с тем, что к деятельности школы власти, да и горожане, относились как к «обрусению». Школа рассматривалась как рассадник русской культуры среди «темных» чувашей, где не должно было быть места для чувашских традиций. Главным условием со стороны городских властей, как и в случае с татарской школой, было изучение русского языка. Чувашаи очень трудно воспринимали русский язык, и до конца дней большинство говорило с акцентом [4].

Уже во второй половине XIX в. отмечается некоторое «размывание» чувашской этнической самоидентификации. Деревенские чувашаи хотя и были православными, придерживались языческих обычаев. Язычество ставило их на более низкий уровень по отношению к татарам и русским, исповедовавшим мировые религии. Так или иначе, чувашаи подвергались сильному влиянию со стороны татарской этнической культуры, которая приводила к ассимиляционным процессам в среде чувашей [3. С. 21]. Что касается ассимиляции чуваш русскими, то они слабо подвергались русскому влиянию [2]. И хотя в XVIII – XIX вв. большая часть чувашей была крещена и языческая религия в чистом виде перестала существовать, элементы древних обрядов сохранились у некоторых чувашей до сегодняшних дней.

Таким образом, можно прийти к выводу, что к концу XIX – началу XX вв. в Симбирском (Ульяновском) Поволжье сложилась поликультурная этническая и религиозная традиция. Главенствующее положение занимала русская этническая культура. Русские обладали доминирующим правом в социально-политической сфере общества.

Татары с явной дискриминацией в свой адрес не сталкивались, в то же время в латентном виде она существовала. Что касается чувашского населения, то оно подвергалось двойной дискриминации: как со стороны русских, так и со стороны татар. Если вести речь о мордовском населении, то уже в тот период можно отметить сильно выраженные аккультурационные и ассимиля-

ционные процессы. В целом интенсивность процесса этнической ассимиляции определить трудно, но то, что он имел место, несомненно.

Поселения области подвергались взаимному влиянию частично из-за ассимиляции, частично из-за этнокультурных связей. Новая географическая среда и соседство с нерусскими народами наложили свой след и на материальную культуру русских Ульяновского Поволжья. В свою очередь, славянская культура оказала большое влияние на жизнь нерусских народов Симбирского края. Аккультурация местного населения в первую очередь проходила как христианизация. Так, в результате тесного общения с русскими, особенно в районах преобладающего по численности русского населения среди мордвы эрзя, издавна началось развитие ассимиляционных процессов. Мордва сравнительно легко принимала христианскую веру, ибо в их религии находились аналоги христианским легендам о богах. Татары, в первую очередь из-за приверженности к мусульманству, почти не были подвержены обрусению. Ими воспринималась не столько русская этническая культура, сколько культура европейская, с которой они знакомились через русскую городскую культуру.

Литература

1. ГАУО. Ф. 88Б. Оп. 4. Ед. хр. 268. Л. 6.
2. Симбирские губернские ведомости. 1876. № 92.
3. Симбирские епархиальные ведомости. 1897. № 1. С. 21.
4. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. С. 129.

ЕФИМОВ ЮРИЙ ИЛЬИЧ – старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин, Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института, Россия, Чебоксары (galin-ralinina@yandex.ru).
EFIMOV YURIY ILYICH – senior teacher, Chuvash Branch of Moscow Humanitarian and Economics Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 338:631

Г.В. КАЛИНИНА, А.А. ЛЕБЕДЕВА

КЛЮЧЕВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА*

Ключевые слова: социальное развитие, управление социальным развитием, качество жизни.

С позиции философского знания обоснована авторская исследовательская парадигма проблем социального развития, имеющих специфику их проявления в трансформирующемся обществе рыночного типа. В результате изучения информационных и практических источников авторами предложены концептуально новые подходы к осмыслению и практической реализации ключевых концептов социального развития общества.

G.V. KALININA, A.A. LEBEDEVA

KEY METHODOLOGICAL CONCEPTS STUDY SOCIAL DEVELOPMENT SOCIETY

Key words: social development, social development management, quality of life.

From the perspective of philosophical knowledge is based on the author's research paradigm of social development, with specific manifestations of market-oriented society in transition. As a result of the study information and practical sources authors proposed conceptually new approaches to understanding and implementing key concepts of the social development of society.

Проблемы социального развития имеют специфику их проявления в трансформирующемся обществе рыночного типа и, как следствие, с позиции философского знания требуют обоснованной авторской исследовательской парадигмы.

В результате изучения информационных и практических источников авторами предложены концептуально новые подходы к осмыслению и практической реализации ключевых концептов социального развития общества.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 110200015а).

1. Историко-философская реконструкция исследования социального развития позволила заключить, что пока в изучении этого вопроса еще нет общих устоявшихся теоретических взглядов; техника анализа процессов функционирования более разработана, чем техника исследования процессов развития; наиболее дискуссионные методологические аспекты в современной трактовке данного понятия связаны с управляемостью (направленностью) выживанием и устойчивым состоянием социума.

Анализ механизмов социального развития показал необходимость более глубокого изучения внутреннего строения развивающихся социальных объектов и уровня их организации, позволяющих реализовать количественный подход к изучению процессов социального развития.

2. Конкретизировано понятие «качество жизни», которое означает, в авторской интерпретации, степень социального развития и полноту жизнеощущения людей, выраженных в единстве показателей, которые характеризуют уровень реализации индивидуальных и социальных потребностей человека и отражают творческий смысл жизни человека и социума.

3. Доказано, что уровни организации объектов социального развития в исследовательских системах предопределены интеграционными процессами, последовательно оперирующими все более сложными и широкими по объему категориями предмета социальных изменений в границах философии истории. На смену таким единицам анализа, как нация и государство в границах общества, приходят концепции, системными единицами которых выступают сами социальные процессы, понимаемые как морфогенез культур, жизненный цикл этносов и суперэтносов, системная трансформация суперкультурных систем, становление локальных цивилизаций и зарождение ноосферных процессов.

В сложных системах, подобных человеческому обществу, происходит структурирование по уровню развития людей, уровню их благосостояния, по вероисповеданию, политическим убеждениям и т.д. Точные границы такого структурирования провести практически невозможно, однако в целом общество приобретает структуру, в которой ни один человек не может считать себя достаточно удаленным от любого социального явления.

4. Выявлено, что в научном сообществе происходит формирование новой парадигмы социального знания и его методологии, основными чертами которой являются: сближение естествознания и наук об обществе; сближение и взаимодействие противоположных концептуально-методологических подходов; внедрение в социальное познание идей и методов синергетики, возрастание в связи с этим статистических, вероятностных методов и приемов; использование в социальном познании «нелинейного мышления», базирующегося на взаимоисключающих принципах; изменение субъект-объектных отношений в сторону усиления субъективного фактора; выход общей методологии за пределы сферы только научного познания и включение в ее предмет исследования любых видов человеческой деятельности (теоретизация и методологизация социальной практики).

5. Предложена авторская вариация подходов (методов познания) к содержанию понимания проблем социального развития, которая должна вести исследователя к тому, что И. Фихте называл «полагание границы самому себе». Полагание исследователем границы самому себе, равно как и учет социокультурных реалий, в рамках которых происходит это полагание, позволяет социальной философии и ее методологии развиваться за счет критики собственных оснований. При этом философская критика конструктивна, она строится на выявлении еще не реализованных возможностей и нерешенных теоретических проблем, а поэтому социальная философия анализирует не столько ответы, сколько вопросы, которые призваны помочь частным наукам решать такие задачи, перед которыми в данный момент остановилось позитивное знание ученых.

6. Сформулирована современная концепция социального развития, включающая расширенное число компонентов, обеспечивающих благосостояние не только в экономическом аспекте, но и в широком социальном. Исследование категории «социальное развитие» показало ее тесную содержательную взаимосвязь с категорией «качество жизни». Результаты, полученные в ходе построения и исследования моделей качества жизни населения, могут служить объективной оценкой достигнутого уровня социального развития.

7. Доказано, что из новых парадигм социального познания вытекает новый пласт социальных технологий, ориентированных на снятие противостояний человека и среды как многослойного жизненного пространства, в котором сливаются воедино природа и люди, вещи и тексты. Эта технология, включающая в себя две взаимоувязанные стратегии – социально-диагностическую и конструктивно-коммуникативную, интегрируется в процесс выработки решений на основе высокоразвитых форм коммуникации, способствуя устранению существующего поныне разрыва между эмпирическим и теоретическим уровнями социального познания.

8. Система ценностей представлена как главный стабилизирующий фактор любого общества и обеспечивается системой воспитания и образования. «Размывание» системы базовых ценностей общества означает потерю такой его сущностной потребности, как стабильность и жизнеспособность социума.

9. Спрогнозировано, что дальнейшая интенсификация развития мировой информационной сферы обуславливает обострение конкуренции за лидерство в процессе развития общества, делает информационную сферу все более привлекательным объектом противоборства для оказания экономического, политического, культурного давления.

10. Предложен тезис о том, что управление социальным развитием связано, прежде всего, с выявлением прогрессивных тенденций, определением целей и задач, преобразованием управляемой системы. Развитие всегда имеет направленность, определяемую логикой естественной эволюции или целенаправленными усилиями. Современный этап управления социальным развитием предполагает исследование его потенциала, возникающих во множестве новых социальных форм жизнедеятельности, а также формирования нового мышления, направленного на повышение качества жизни не в ущерб развитию экологии и здоровью человека.

11. В качестве стратегической цели новой социальной политики предложена концепция: «К устойчивому социальному развитию – через взаимную ответственность государства и гражданского общества».

Развитие социальной реальности может быть инициировано только после определения и формализации краткосрочных, промежуточных и долгосрочных целей, после чего возможен переход к осуществлению оперативных мероприятий, реализация которых позволит обеспечить готовность государства к реализации первоочередных задач.

12. Практика самоуправления представлена как целеполагающая деятельность человека, направленная на функционирование организованных социальных систем, обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы с учетом внутренних потребностей и тенденций в развитии местного самоуправления как социального организма.

Литература

1. Калинина Г.В. Философский аспект управления социальным развитием / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2006. 208 с.
2. Калинина Г.В. Социальное развитие и качество жизни: проблемы методологии / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2006. 217 с.
3. Калинина Г.В., Сильвестрова Т.Я., Розин В.М. Исследование социального развития, качества жизни и общественных потребностей (контрапункт социально-философского и методологического дискурсов). Чебоксары: САЛИКА, 2010. 671 с.

КАЛИНИНА ГАЛИНА ВИКТОРОВНА – доктор философских наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой коммерции и менеджмента, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (galin-kalinina@yandex.ru).

KALININA GALINA VIKTOROVNA – doctor of philosophical sciences, candidate of economics sciences, Commerce and Management department chairman, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

ЛЕБЕДЕВА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (galin-kalinina@yandex.ru).

LEBEDEVA ALLA ALEKSANDROVNA – candidate of jurisprudence sciences, assistant professor of civil law disciplines, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 141

М.Ю. ПУРЫНЫЧЕВ

РИТУАЛ КАК ОСНОВА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Ключевые слова: теория принятия решений, Конфуций, ритуал, образование, китайские традиции.

Исследовано влияние ритуала как социокультурного фактора на принятие решений. Теоретические положения аргументированы ссылками на эмпирический материал на основе китайских традиций.

М.Ю. PURYNICHEV

RIUAL AS THE BASIS OF DECISION-MAKING IN CHINESE TRADITION

Key words: Decision-making theory, Confucius, ritual, education, Chinese traditions.

In the article the ritual influence is analyzed as cultural factor of decision-making. Theoretical positions are given reason by references to an empirical material on the basis of the Chinese traditions.

Принятие решений – сложнейший вид интеллектуальной деятельности человека, который требует глубокого исследования как на личностном, так и на социальном уровнях.

Часто субъект принятия решений не в состоянии объяснить, почему он поступил в данных обстоятельствах так, а не иначе. Существует огромный недостаток методологической культуры в области принятия решений, необходимо углублять профессиональные компетенции, требуемые для принятия решений в конкретных областях профессиональной деятельности. На это указывают специалисты по теории принятия решений Г.В. Сорокина, В.С. Диев и др.

Исследовательские программы по проблемам теории и практики принятия решений, как правило, носят междисциплинарный характер. Эти вопросы интересуют философов, психологов, математиков, социологов, специалистов в областях управления, в конечном счете всех тех, кто заинтересован в повышении ответственности человека за результаты его интеллектуальной деятельности.

Признавая тот факт, что не существует жестких алгоритмов принятия решений для всех областей человеческой деятельности одновременно, следует выделить механизмы интеллектуальной деятельности, которые носят общезначимый характер и определяют процесс принятия решений в профессиональной и обыденной жизни человека.

Представляется немаловажным учитывать исторический и социокультурный контексты разрывания процедур принятия решений. Традиция способна сохранить сложившиеся социальные нормы регуляции общественной жизнедеятельности в качестве самоочевидных правил поведения личности, коллектива. Данное явление обнаруживается в традиционной культуре как западных, так и восточных народов. Различия в моральных принципах, философские, психологические основы жизни людей разных цивилизаций становятся определяющими в свете проблемы «Восток-Запад», когда мы характеризуем их поступки, процесс принятия решений.

* Исследование выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по Государственному контракту № 02.740.11.0366.

«В плюралистическом обществе, например, на современном Западе, сильны церковь и государство, деньги и работа, государственная и частная собственность, баланс между вмешательством государства и правами. И наоборот, в Китае на первом месте личная жизнь – преисполненная честности и верности, искренности и доброжелательности государству; система, внушаемая воспитанием в семьях, обеспечивает стабильные нормы поведения. Закон необходим как инструмент управления, но нравственность каждого гражданина является основой государства» [16. С. 16].

В «Новой философской энциклопедии» ритуал определяется как «сложная система символического действия, используемая в культовых системах, а также в различных типах социального поведения как средство закрепления отношения субъекта (или группы) к священным объектам, особо значимым этапам общественной или человеческой жизни, а также статуса и принадлежности к определенной группе» [12. С. 458].

Элементами ритуального акта оказываются ритмические движения, жесты, стандартные позы, чтение вербальных текстов, заклинания, жертвоприношение. Ритуальный акт осуществляется в особых психических состояниях (это может быть молитва, медитации, экстаз и пр.) и имеет специфическое оформление, атрибутику (ношение определенной одежды, музыкальное сопровождение, песнопение и др.).

Ритуал специфически целесообразен. Он лежит в основе повседневной трудовой деятельности, выполняя не только психологическую, но и социальную функцию. (Хотя не все в нем рационально объяснимо). Ритуальные действия служат средством интеграции и поддержания целостности человеческих коллективов, способны снять эмоциональное напряжение и гармонизировать человеческую психику, предлагая некоторое основание для принятия жизненно важных решений.

Китай – уникальный культурный мир, демонстрирующий огромный авторитет традиций на протяжении всей своей великой истории. О китайской традиционности пишут многие. В.В. Малявин, например, отмечает «Китай принадлежит к тем великим цивилизациям Востока, где ... существует отчетливое понимание самобытной природы традиции мироздания, а также хорошо проработанная техника традиции, т.е. воспроизводство учителя в ученике... Философия и техника традиции в Китае глубоко оригинальны... В Китае традиции тождественны с полнотой жизни ... Доверие к традиции, этой универсальной уникальности, растущей, как живое тело, свободно, органично и непредсказуемо. И человек традиции, хранящий, хоронящий в себе неутолимую полноту бытия, за все ответственен и за все отвечает...» [10. С. 34-35].

Цель китайцев – не столько изменения, реформы и прогресс, сколько постоянство, ритуал и традиции и, как следствие, благоденствие.

Современное китайское общество, оставаясь традиционным в своей жизнедеятельности, сохраняет в явном и скрытом виде ритуалы и ритуализированные действия, в которых отражен и закреплён памятью поколений социальный опыт – это знание и представления о мире и человеке, доказавшие свою эффективность и действенность в практике принятия жизненных решений. Следование ритуалу для китайцев – важная традиция, поддержанием которой обеспечивается целостность культуры. Ритуальные правила распространены на всю жизнь человека, на его даже самые обыденные дела и поступки. Ритуализированное поведение освобождает человека от необходимости всякий раз обдумывать каждое слово, каждый шаг, жест, принимаемые решения. Новые поколения, как правило, берут от старших социальный опыт, знание, прошедшее проверку временем и доказавшее свою действенность и результативность в практике принятия решений.

Понятие ритуала является центральным в конфуцианстве. Конфуций с особым вниманием в своих беседах и проповедях относился к ритуалу и жестко тре-

бовал его правильного исполнения. Поскольку, в его понимании, ритуал устанавливал связь между миром ныне живущих и умерших поколений, то его нарушение означало прервать эту связь, нарушить гармонию, баланс во всем мире.

Китайский ритуал – явление сложное и неоднородное по составу. В нем постоянно шли трансформации, при которых эзотерическое, сакральное, потаенное плавно переходило в экзотерическое, секулярное, открытое. Обнаружив эти переходы, западные китаисты даже предложили выделить два типа ритуалов в Китае – религиозные и секулярные. Однако отечественные китаеведы считают более корректным вести речь о разных типах священной коммуникации: 1) между людьми; 2) между людьми и духами.

Исследователи древнекитайской мудрости полагают, что ритуальные правила пронизывают всю жизнь человека, придавая священный оттенок обыденным делам и поступкам. «Почтительность вне ритуала утомляет, а осторожность вне его ведет к трусости; при смелости вне ритуала поднимают смуту, от прямоты вне ритуала становятся нетерпимы» [7. С. 53]. Конфуций называл гармонию «хэ» основой бытия мира, которая устанавливает баланс духовных энергий. И если обратиться к основным источникам по древним ритуалам Китая (Дао-дэ цзин, Лунь-юй, Чжуан-цзы и т.д.), то становится ясно, что через многие понятия, которые используются в текстах («справедливость», «преданность», «искренность» ... – черты благородного мужа) проступает ритуально-магическая ткань самой жизни. На эту черту указывают многие комментаторы конфуцианских и даосских текстов.

Конфуций в духе архаической культуры, построенной на тождественности понятий космической и социальной справедливости, выстроил строгую иерархическую систему, пронизывающую собой космос и социум как единое сакральное целое. Вот почему безусловная преданность чиновника правителю и безусловное его почитание воспринимаются не актом примитивного конформизма, а священным актом, призванным поддерживать равновесие и гармонию во Вселенной. Конфуций соединил воедино понятия «власть» и «справедливость», ибо в их единстве реализуется Воля Неба. Ему же принадлежит идея о «следовании срединному пути» (Чжун-юн), или учение о середине, в котором Учитель предостерегал об опасности следования крайностям. Эти идеи перспективны в осмыслении процедур принятия решений человеком.

В.В. Малявин указывает на «ритуальную выверенность каждого жеста, каждого слова и даже каждой мысли», что свидетельствует о стремлении китайцев жить по Конфуцию и встроиться в изобильный ритм вселенной жизни.

В конфуцианской традиции управление – это, прежде всего, исправление себя, возвращение к «первозданной чистоте сердца» [9. С. 151].

У Конфуция ритуал выступает и как форма символического мышления, и как принцип иерархического понимания бытия, и как метод конструирования космоса и социума. «Учитель сказал: Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [6. С. 58].

Поучения Конфуция звучат и в начале XXI в. современно. «Когда над Невесами следуют пути, будь на виду, а нет пути – скрывайся. Стыдись быть бедным и незнатным, когда в стране есть путь; стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет пути» [6. С. 93-94]. В этих словах Конфуция показаны основные ценностные ориентиры человека восточной культуры. Конфуцианство породило понятие коллективной ответственности, доказывая важность нравственности как основания в нормальном функционировании общества, соблюдения «ли» – правил и ритуалов, а также обладания «вэнь» – духовной культурой. «Когда молодой человек дома почитателем с родителями, а вне его – проявляет уважение к старшим; когда он скромнен и правдив; когда он с любовью относится к людям –

он всем этим приближается к человеческому началу (жэнь) в себе. И если у него еще остаются силы, он изучает взнь» [13. С. 51].

«Благородный муж способен видеть проблему со всех сторон и оказывать на нее влияние, ничтожный человек оказывает влияние и смотрит на проблему с одной стороны» [15. С. 100].

Ритуализация человеческого действия – это следование идеальным образцам поведения, вписывание в модель идеального равновесия космоса. Можно утверждать, что системы ритуализированного поведения, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивают сохранность традиционных культур, делают предсказуемыми поведенческие реакции человека в жизненных ситуациях.

В трудах Н.Я. Бичурина, Л.С. Васильева, А.Е. Лукьянова аргументированно показана роль ритуала, традиций в мировоззрении китайцев. Они представлены важнейшими элементами механизма самосохранения, воспроизводства и регенерации общности и социального поведения. Это своеобразные регуляторы и стабилизаторы нормальной общественной жизни [1, 2, 8]. Практически каждый жизненный шаг китайца расписан в традициях и ритуалах. Рождение ребенка, омовение, свадьба, чайные церемонии, семейные взаимоотношения, встреча гостей, похороны – ритуальные действия, каждое из которых соответствовало образу жизни китайца, его социальному статусу.

Есть основания полагать, что на уровне бытового, повседневного мышления китайца все решения, поступки, действия определяются ритуалом, традицией. Хотя, конечно, ритуал полностью не определяет мышление. На процесс принятия решений также влияют знания, информация, которые имеет человек.

Заметим, что современная система образования в Китае имеет корни в системе экзаменов, сложившиеся еще в XII в. До XX в. она почти не претерпела изменений и продолжает служить во благо китайского общества.

Исследуя систему обучения и общественных экзаменов, можно выявить основные морально-этические и нравственные нормы китайского общества: традиционность, стремление к системности и неизменности, почитание мудрости старших поколений.

Эволюция китайского образования может характеризоваться как путь от мудреца к практику, хорошо владеющему традиционным знанием прошлого, новейшей информацией, умениями и навыками. Если опираться на конфуцианское учение о ритуале, то правитель должен быть цзюнь-цзы (благородный муж). В «Луньюе» сказано, что Конфуций обращается к вопросу о цели образования. Он определяет обучение как процесс самосовершенствования. Благородный муж является педагогическим идеалом Конфуция – это верх самообразовательного совершенства. Также правителя должны окружать образованные чиновники, которые могут претендовать называться благородными мужами. Для них была создана система конкурсных экзаменов. Их появление является не чем иным, как началом зарождения организационного уровня традиционной системы китайского образования. Первые сведения о проведении государственных экзаменов датируются эпохой правления династии Хань (III в. до н. э. – III в. н.э.). В период правления династии Сун (X-XI вв.) экзамены становятся основным механизмом рекрутирования на должности чиновников, окончательно оформляется их организация.

Экзамены представляли собой испытания на занятие должностей гражданских чиновников, проводившиеся на трех стадиях в соответствии со схемой административного деления страны – на уездном, провинциальном и столичном уровнях. По результатам экзаменов испытуемый получал ученую степень. В зависимости от уровня экзаменов ученая степень была пропуском на следующую более высокую ступень и главным условием для получения назначения на чиновническую должность.

В результате внедрения новой экзаменационной системы каждый, вне зависимости от происхождения, мог претендовать на управленческую должность. От испытуемого требовалось только подтвердить свое образование соответствующими результатами квалификационных экзаменов. Образование стало основанием для достижения высокого статуса подданного в государстве, и, принимая решения встать на путь самосовершенствования, подданный получал возможность социального роста.

Детей в китайских семьях воспитывали методом безмолвного внушения: их даже не учили семейным ритуалам, они просто должны были подражать действиям взрослых. В Цзацзуани сказано: «Наставляйте сыновей: продолжать дело предков; держать слово; быть честным и вежливым, знать совесть и чувство справедливости; владеть шестью искусствами; говорить ясно и умно; держаться с достоинством; быть преданным и вежливым, почтительным и добросердечным, начитанным и знающим; дружить с умными людьми; не предаваться забавам и развлечениям; быть постоянным в своих стремлениях; разбираться в делах» [14. С. 54].

Если использовать эволюционный подход Л. Гумилева к историческому развитию нации, то Китай находится в фазе этнического гомеостаза, которая характеризуется преобладанием гармоничных людей (производящих ровно столько работы, сколько требуется для личного и видового самосохранения). Китайцы трудолюбивы, чтобы обеспечивать себя и своих потомков всем необходимым для жизни. У них нет потребности в изменениях. Каждое следующее поколение ориентируется на стереотипы поведения предыдущего. Очень развито почитание традиций. Мировосприятие и миропонимание остаются практически неизменными от поколения к поколению [4. С. 444].

В этом контексте общая идея необходимости следовать прошедшим проверку временем вариантам решений жизненных ситуаций оказывается вполне оправданной. Отражая определенную процедуру мыслительной деятельности, которую совершают постоянно люди или группы людей, принимающие решения по тому или иному поводу, традиционное решение уменьшает неопределенность ситуации, неточность ее понимания, снимает неоднозначность. В этом смысле традиционное решение – это результат определенной деятельности человеческого сообщества во многих поколениях, и этим «готовым» знанием мы подчас неосознанно и осознанно пользуемся в разных жизненных обстоятельствах.

Следование ритуалам, правилам, церемониям определяет принцип социального взаимодействия и гармонии, также важен в Китае нравственный постулат – старшие управляют, младшие подчиняются. Подобным образом в конфуцианстве достигается социальный порядок. Говоря о долге человека, Конфуций отмечал: «Отец должен проявлять родительские чувства, а сын – почтительность; старший брат – доброту, а младший – дружелюбие, муж – справедливость, а жена – послушание, старшие – милосердие, а младшие – покорность, государь – человеколюбие, а подданные – преданность. Эти десять качеств и именуются человеческим долгом» [5. С. 121]. Иными словами, каждый должен знать свое место и выполнять положенные ему функции – тогда будет достигнут высший порядок, а вместе с ним и желанная социальная гармония.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный дом, 2002.
2. Васильев Л.С. Традиции и проблемы социального прогресса в истории Китая // Роль традиции в культуре Китая. М.: Наука, 1972.
3. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2008.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
5. Древнекитайская философия: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т.2.
6. Конфуций. Уроки мудрости. Лунъюй. М.: Республика, 1995.
7. Конфуций. Уроки мудрости: соч. М.: Эксмо, 2004.
8. Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций. Философия Дао. М.: Восточная литература, 2000.

9. Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 1992.
 10. Малявин В.В. В поисках традиции // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации: в 3 т. М.: Восточная литература, 1988.
 11. Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М.: Алетея, 2003.
 12. Новая философская энциклопедия: в 3 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2010. Т. III.
 13. Переломов Л.С. Конфуций о человеке // Личность в традиционном Китае. М.: Наука: Восточная литература, 1992.
 14. Цзацзуань: изречения китайских писателей IX-XIX вв. М.: Восточная литература, 1975.
 15. Andrea A.J., Overfield J.H. Confucius Analects // The Human Record: Sources of Global History. Boston, 1990. Vol. 1: To 1700.
 16. Fairbank J.K., Reischauer E.O. China // Tradition and Transformation. Boston, 1989.

ПУРЫНЫЧЕВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – аспирант философского факультета, Московский государственный университет, Россия, Москва (mrphilosoph86@gmail.com).
 PURYNICHEV MIKHAIL YURYEVICH – post-graduate student of philosophical faculty, Moscow State University, Russia, Moscow.

УДК 811.161.1:001.8

Г.М. ПУРЫНЫЧЕВА, М.И. ШИГАЕВА

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Ключевые слова: пространство, социальное пространство, языковое пространство, вестернизация, индивидуально-личностная, социальная модели языковой культуры.

Рассмотрены тенденции языкового пространства России, выделены такие понятия, как социальное пространство, языковое пространство. Предложены две модели измерения языковой культуры – индивидуально-личностная и социальная.

G.M. POURYNICHEVA, M.I. SHYGAYEVA
 LANGUAGE FIELD OF RUSSIA: METHODOLOGY OF ANALYSIS

Key words: area, social area, language field, westernization, individually personal and social models of language culture.

Trends in the language field of Russia are considered; such notions as social area, language field are distinguished. Two models for measuring language culture – individually personal and social – are proposed.

Исследование проблем языкового пространства России сегодня особенно актуально как для практики, так и для теории. Мощная мировая научно-техническая и технологическая революции XX в., создание и активное развитие новых видов связи (Интернет, сотовая связь, кабельное телевидение и пр.), глобализация в социально-культурном пространстве явились причинами утраты самобытности русского языка, выразившейся в интенсивном заимствовании иностранных, в частности англоязычных, слов. Ученые выделяют тенденцию вестернизации (синонимичный термин – американизация) языкового пространства. Высокая частотность употребления иностранных слов наблюдается в деловом и научном общении. Ю.С. Степанов отмечает, что «русский язык может перестать быть... языком науки и останется языком бытовой речи» [7].

Глобализация, с одной стороны, и проявление тенденций национального сепаратизма в политике бывших союзных республик – с другой, обусловили процесс сокращения русскоязычного информационного пространства в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Демократизация российского общества и сопровождающая ее свобода слова, наряду с положительными чертами (живая, непринужденная речь, эфирный диалог и полилог и т.п.), привели к негативным процессам, в частности к снятию ограничений в манерах и способах выражать свои мысли, чувства, настроения. Характерным явлением современного русского языкового пространства стала его вульгаризация, проявляющаяся в употреблении не только жаргонов, но и грубой интонации.

«Сухая» методика преподавания школьного курса русского языка, направленная на сдачу ЕГЭ, не воспитывает школьника как личность, не спо-

способствует формированию мотивации к изучению русского языка, воспитанию гордости за свой «великий и могучий» русский язык, русскую нацию, Россию и в конечном итоге выхолащивает душу подростка.

Указанные факторы дают полное основание утверждать, что сегодня русская языковая культура переживает глубокий кризис, в языковом пространстве действуют противоречивые тенденции, что и обуславливает актуальность методологического исследования проблемы.

Ученые, изучая состояние социума в языковом аспекте, предлагают различные философские основания для объяснения этих процессов. Ощущая ограниченность и недостаточный потенциал традиционной гносеологии, они чаще обращаются к когнитивным подходам, в рамках которых актуализируется проблематика понятий пространства и времени в социальном и культурном контекстах. Этот контекст и порождает потребность в формировании нового понятийного ряда: социальное пространство, культурное пространство, языковое пространство.

В рамках традиционного подхода пространство – одна из основных форм существования материи. Категория «пространство» вызывает неослабевающий интерес специалистов как естественных, так и гуманитарных наук. В настоящее время эта категория используется и во вненаучных типах знания. «Так, пространственные (а также временные) термины выступают в некоторых ситуациях как метафоры, обязанные интеллектуальной моде и предназначенные для придания теоретикоподобной формы суждениям о предметах, не попадающих в контекст традиционной теоретической рефлексии. В этой связи можно говорить, например, о «правовом пространстве», «пространстве рекламы» или «экономическом ускорении». Политическая и экономическая мифология, религиозная и моральная пропаганда, художественная литература – таковы сферы, в которых циркулируют подобные новации» [1. С. 6].

В научной литературе определение понятия «пространство» дается в неразрывной связи с понятием «время»: «Пространство и время – философские категории для обозначения во всеобщей форме таких эмпирически проявляющихся качеств, как протяженность и длительность» [2. С. 308]. Ученые вводят понятие пространственно-временных отношений. Пространство вне времени, как и время вне пространства, не существуют. Они неотделимы от материи, имеют объективный характер, количественные и качественные характеристики.

Сложность и неоднозначность данных понятий обуславливают и наличие разных подходов ученых к их объяснению – от идеалистических до материалистических, с точки зрения естественнонаучного и гуманитарного знания.

Нерешенными и требующими глубокого осмысления специалистами разных областей знания остаются вопросы соотношения безграничности и бесконечности, обратимости и необратимости и др. В конце XX – начале XXI вв. актуализировались попытки обоснования таких аспектов пространства, как социальное, духовное, психологическое, историческое, культурное, языковое.

В современном материализме общество рассматривается как вид социальной материи, имеющий свои особые характеристики. Прежде всего это социальное пространство и социальное время. Не имея самостоятельного статуса в философии, данные категории обнаруживают себя при рассмотрении проблем развития личности в контексте индивидуально-личностных отношений в социуме.

Время и пространство бытия человека содержат многие тайные смыслы, которые и занимают ученых, пытающихся объяснить их взаимосвязь и взаимовлияние в современную, быстроменяющуюся, эпоху. Не последнюю роль здесь играют самоощущения человека, т.е. субъективные представления человека об объективном мире (воспринимаемое пространство). В зависимости от настроения, темпа жизни, образа жизни у человека могут возникать такие ощу-

щения, как «искривление» социального пространства (его необъятность, безграничность или, наоборот, замкнутость, суженность), ускорение времени или, наоборот, его замедление. Все это в конечном итоге влияет на человеческую жизнь. Представления о социальном пространстве и времени выступают регулятором материальной и духовной деятельности человека. Если человек чувствует себя комфортно в окружающем мире, то он будет ощущать себя частью целого и его деятельность будет созидательной. В этой связи необходимо создавать условия для нормального развития социума в целом и индивида в частности, решать проблемы духовно-культурной безопасности нации. «Имея нравственно-духовный ориентир, люди оказываются защищенными от манипулятивных воздействий на сознание, от возникновения проблемы отчаяния и уныния» [5. С. 3]. В условиях взаимоотношения власти и народа, тотальной безответственности и бесконтрольности, беспомощности органов власти в вопросах защиты русского языкового пространства нужна массированная обработка общественного сознания в утверждении идеи детерминации русской языковой культуры в социальном пространстве России. Духовно-культурная безопасность индивида зависит от того, в каком социокультурном, в частности языковом, пространстве он находится.

Языковое пространство – одна из разновидностей социального пространства, которая понимается как прочный, устойчивый ареал распространения того или иного языка, в первую очередь как родного и официально закреплённого на определенной территории, а также регионы двуязычия, где этот язык может использоваться в качестве второго государственного или официального.

Языковое пространство демонстрирует особенности выражения различий общественного положения человека, его культурного и духовного развития, интеллекта, мировоззрения, отношения к себе и окружающим людям, к обществу и происходящим в нем событиям, а через них к самой социальной реальности посредством языка.

Можно объективно судить о сознании человека, лучше понимать его сущность, если попытаться вникнуть в особенности представлений о языковом пространстве личности, общества, выявить тенденции и закономерности его развертывания в разные эпохи.

Анализируя состояние русского языкового пространства советского и постсоветского периодов, можно обнаружить следующие тенденции. Прежде всего исследователи отмечают сокращение зоны активного использования русского языка в ближнем зарубежье. В качестве второго государственного языка он сохранился лишь в Казахстане, Киргизии, Белоруссии, части Молдавии. В других странах ближнего зарубежья русский язык не получил государственного статуса, и поэтому русское языковое пространство быстро сокращается. Кроме того, происходит вытеснение русского языка из зоны дальнего зарубежья и ограничение его использования в качестве одного из языков международного общения.

Русский язык стал «мишенью информационно-психологической агрессии» [3]. Отечественные средства массовой информации навязывают культуру Запада, выдавая ее ценности за общечеловеческие. «Оруэлловский» новояз разрушает, обезличивает родной язык с его многовековыми традициями. В результате ученые отмечают перенасыщение языка иностранными словами, оборотами, искажение и разрушение законов грамматики и графики русского языка. «Оттесняется на периферию, делается маргинальным, «окраинным» языком язык Пушкина и Л. Толстого, Чехова и Шолохова, скудеет живая русская речь» [4. С. 29].

Заемствование иностранных слов зачастую не является следствием эволюции языка. Можно смело констатировать тот факт, что мощный приток и, как следствие, избыток иностранных слов в русском языке – это результат равнодушия, отсутствия любви к родному языку, неустойчивого сознания носителей языка.

Другой заметной чертой русского языкового пространства является резкое снижение речевой культуры, в значительной части обусловленное девербализацией культуры. По словам Н.Г. Комлева, русская речь «катастрофически отстаёт от высоких канонов российской словесности. Она становится все более примитивной, стилистически беспомощной и зачастую вульгарной» [6. С. 11].

Думается, что эти общие характеристики языкового пространства дают неполное представление о происходящих в нем процессах. Для более полного анализа и прогнозирования событий представляется возможным использовать метод моделирования. Можно предложить две модели измерения языковой культуры – индивидуально-личностную и социальную.

Индивидуально-личностная модель языковой культуры – это особый способ моделирования языковой реальности (способный решать теоретические и практические задачи), который обеспечивает творческое освоение мира в целом, бытия конкретного человека, со всеми его особенностями, в частности этическое, эстетическое, научное, религиозное объяснение событий жизни.

Данная модель синкретична и может быть построена с учетом социальных и экзистенциальных факторов развития языковой личности: это менталитет, ее «укорененность» в определенной культуре, этническая принадлежность, уровень усвоения его культурного наследия прошлого, этические, эстетические, религиозные или атеистические (идеалы свободомыслия) ценности, семейный и производственный круг общения, соотношение обыденного (повседневного) и официально принятого языка коммуникации, духовности как субъективного мира человека.

Социальная модель языковой культуры может быть представлена в структуре, интегрирующей гуманитарные методы познания и важнейшие факторы социального бытия: общественные условия, общественные отношения, политические институты и др. Социум как феномен культуры в аспекте языковой целостности может успешно функционировать только при условии доминирования первичных элементов – духовности и духовных традиций, фиксированных в языке. Духовность – основа отношения человека к социуму в целом. Современное общество – мир техники, информации, конфликтов и войн – чаще предстает как бездуховный общественный мир. Однако каждое поколение создает свои системы ориентаций и ценностей, аккумулируя свой разнообразный социальный опыт. При этом в социальном опыте, в наиболее значимой области, фиксируется языковое знание, превышающее диапазон непосредственных предметных контактов отдельного человека. Это знание языковой культуры – многократно воспроизведенный опыт совместной жизни людей, ассимилированный в духовных образах, символах, значениях. Оно несет в себе огромную социально значимую языковую информацию, по глубине и массовости превосходящую возможности конкретного человека и его духовный потенциал.

Духовные основания человеческой жизнедеятельности закладываются социумом через нравственные принципы, нравственные императивы и регулируются им через определение роли этических идеалов в жизни конкретного человека. Сконцентрированный в общественном сознании «человеческий дух» (Гегель) способен выстраивать стратегию всей жизни человека. Общество, реальная жизненная среда в процессе бытия создают множества разных социальных контактов, в которых раскрывается языковая культура, разворачивается динамика социального пространства. Жизнедействуя, мир социальных отношений претерпевает изменения, которые, в свою очередь, вызывают ответные реакции со стороны людей, чьи интересы связаны с этими изменениями. По этим реакциям можно выявить побудительные мотивы человеческой деятельности по освоению языкового пространства и понять границы (своеобразные ограничители) трансформаций языковых выражений.

Социальность накладывает отпечаток на все языковые процессы, происходящие в обществе. Посредством социальных связей, норм, традиций, обычаев, привычек человеку прививается определенная духовность как некий общественный барьер языковой деятельности личности. Так, языковая распушенность, оскорбление человеческого достоинства бранным словом осуждаются обществом, что и зафиксировано в правовых актах.

Предлагая данные модели измерения языковой культуры, авторы не претендуют на их универсальность, исчерпываемость и осознают, что они требуют дальнейшего глубокого осмысления.

Литература

1. Касагин И.Т. Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVIII, № 4. С. 5-15.
2. Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 308-309.
3. Кушнир А.И. Русский язык и национальная безопасность // Национальная безопасность. 2008. 23 окт. Режим доступа: <http://www.psj.ru> (дата обращения: 12.07.2010).
4. Липатов А.Т. Русский язык на лингвокарте мира в условиях глобализации // Социально-гуманитарные науки в XXI: из опыта исследовательских практик: материалы IV межрегиональной весенней молодежной научной школы. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2008. С. 24-31.
5. Новотрясов Н.И. «Царский путь» – золотая середина философии православного сознания. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2006. 160 с.
6. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. В.Д. Черняк. М.: Высш. шк.; СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 509 с.
7. Степанов Ю.С. Олбанцы, вперед! // НГ EXLIBRIS: приложение к «Независимой газете». 2008. № 3, 31 янв. С. 2.

ПУРЫНЫЧЕВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Марийский государственный технический университет, Россия, Йошкар-Ола (kphilosophy@marstu.net).
POURYNYCHEVA GALINA MIKHAILOVNA – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy Chair, Mari State Technical University, Russia, Yoshkar-Ola.

ШИГАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА – доцент кафедры философии, Марийский государственный технический университет, Россия, Йошкар-Ола (ShigaevaMI@marstu.net).

SHYGAYEVA MARINA IVANOVNA – assistant professor of Philosophy Chair, Mari State Technical University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 130.122

А.Г. СТЕПАНОВ

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Ключевые слова: познание, специфика социально-исторического познания, объект, субъект, мировоззрение, знание, детерминация.

Исследована специфика социальных факторов воздействия на систему формирования комплекса познавательных отношений в ракурсе социально-исторического познания. В каждый исторический период в различных социокультурных системах реализуются различные мероприятия по организации знания в целях создания системы его предельно эффективной эксплуатации.

A.G. STEPANOV

SOCIAL DETERMINATION FACTORS OF SOCIAL – HISTORICAL COGNITION SYSTEM

Key words: cognition, specific of social historical cognition, subject, knowledge, determination.

The influence of social factors on the system of cognitive relations is specified in the aspect of social historical cognition. In each historical period in different sociocultural systems any methods of knowledge organization are realised in order to create a system of its effective exploitation.

В самом общем виде теория познания может быть определена в качестве философии знания, содержание которой составляет комплекс информации, раскрывающий сущность взаимодействия объекта и субъекта познавательных отношений в процессе созидания нового знания. Проблемное поле философии

ского анализа процесса познания связано как с установлением онтологического статуса этого явления, так и с определением содержания его субъективно-рефлексивного компонента. Специфика философии как дисциплины социально-гуманитарного цикла «большой науки» заключается в анализе мировоззренческих структур, воздействующих на комплекс мероприятий, составляющих содержание познавательной деятельности человека, разработке проблем соотношения отражения и знания, познания и творчества, познания и практики, социокультурной детерминации познания, гносеологических и этических ценностных компонентов, индивидуального и общественного уровней познания.

Сфера науки – это не только чётко отграниченная совокупность определённого знания, но и система специфического комплекса мероприятий по его получению, что предполагает наличие конкретного отношения субъекта познания к объекту познания, обусловленного соответствующими общественными нормами, культивируемыми в соответствующий социально-исторический период. Значительная часть социальных детерминант, включённых в процесс производства нового знания, непосредственно влияет на содержание и организационную структуру познания, качество коммуникационных взаимосвязей, типов оценки научной деятельности, её мотивации, т.е. всего того, что составляет комплекс жизнеобеспечения науки как социального института. Социальные условия выступают как своеобразный опосредующий фактор системы отношений между объектом и субъектом познания. Так как наука исследует бытие в определённых формах его проявления, в рамках конкретных условий, социальные установки, имманентные организационной системе науки, не могут не оказывать влияния на выбор объекта, цели, задачи, направления, методологические программы и механизмы их реализации, способы фиксации и трансляции результатов исследования. Осуществляя свой выбор, субъект исходит из общих принципов доминирующей социальной парадигмы, которые неизбежно носят определённый социально-мировоззренческий характер. Наука и комплекс социальных отношений тесно взаимосвязаны, любые попытки вынести социальные нормы за рамки науки несостоятельны. Сама научная деятельность как таковая, например, невозможна вне рамок общественно значимых представлений, формирующих систему культивируемых ценностей и непосредственно оказывающих регулирующее влияние на все сферы социальной деятельности в целом и область производства знания в частности.

Являясь одной из определяющих подсистем общества, наука, вне всякого сомнения, обладает известной степенью автономии, что не отменяет её включённости в общую систему социальных приоритетов. Как известно, быть в обществе и быть свободным от него невозможно, поэтому, подобно другим социальным структурам, в сфере гуманитарной науки неизбежно воспроизводятся отдельные аспекты жизни общества, в специфических формах отражаются потребности и тенденции общественного развития. Институт науки абсолютно открыт внешнему влиянию, которое вынуждает её непрерывно совершенствоваться, изменять и обновлять собственные теоретические и практические программы, что подразумевает сознательное отношение к системе исследовательских операций и предполагает конструирование соответствующей социальному заказу исследовательской программы. Выполнение наукой требований социального заказа обусловлено как общественной природой научной деятельности, так и спецификой социокультурной эволюции системы социальных институтов (история науки представляет собой историю синтеза самых разнообразных элементов культуры, протекавшего сложно и неоднозначно). «Современная методология научного познания с экзистенциально-антропологической рефлексией познавательного процесса включает в свой анализ не только «чистую» науку, но и многообразие вненаучных форм знания, воздействующих на реализацию социокультурного типа ра-

циональности» [3. С. 37]. Особенно глубокие последствия имел процесс включения науки в материальное производство, после чего человек стал настойчиво стремиться к истине не как к исчерпывающему знанию о действительности, а как к комплексу эффективных решений. Знание формируется как момент практической активности и применяется, в конечном счете, для преобразования действительности в соответствии с потребностями преобразователей. Таким образом, знание есть не просто инвариант отражения, а отражение объекта исследования с позиций деятельного подхода к действительности.

Получая от общества импульсы для своего развития, наука, в свою очередь, сама влияет на системы общественной жизни, подвергает их своему воздействию. Если вопросы, связанные с определением характера и степени воздействия науки на содержание общественных процессов, стали предметом пристального анализа, то проблемы воздействия социальных представлений на развитие науки рассматривались, в основном, в контексте определения их как объективных сил развития научного прогресса, оставляя вне поля исследования субъективные факторы организации эволюции науки.

Вступление человечества в стадию научной рациональности не только обнаружило основополагающую роль знания в поступательном социально-экономическом и технологическом развитии общества (наука, основанная на строгих теоретических постулатах и экспериментальных методах приобретения и обоснования знания, получает особую общественную ценность), но и поставило перед ним комплекс проблем, связанных с несоответствием темпов приращения и обновления знания, способностями человека по их усвоению. Следовательно, в систему гносеологических исследований неизбежно включается не только сам процесс познания, но и явления, возникшие вследствие его рефлексивного осмысления. Познание, в таком случае, выступает не столько как обособленное действие, направленное на безусловное отражение действительности, сколько как процесс, обусловленный социально детерминированной информационной системой, на который воздействует весь комплекс связей и отношений, составляющих наличное бытие. Дело в том, что отражение действительности в познании не является простым её копированием, а представляет собой сложный, диалектически противоречивый, творческий процесс, реализующий который мы прибегаем к всевозможным допущениям, упрощениям, отвлечениям, абстракциям и идеализациям, остановкам движения, схематизации действительности в целях придания ей системной упорядоченности. «Цель познания – достижение знания путем восприятия природы и трансформации воспринятого в социально-познавательные формы исторических ступеней её упорядоченности» [3. С. 37]. Познание – это своеобразный волевой акт, психологический настрой на установление соответствия субъективных качеств познающего качеств изучаемого объекта. «Воля, следовательно, составляет непрменный аспект познания» [4. С. 112]. Познание, таким образом, представляет собой действие, направленное на преодоление субъектом познавательных отношений противоположности свойств объекта познания качествам собственного познавательного арсенала.

В предельно общем подходе теория познания ориентирует активность субъекта на установление всеобщих характеристик действительности, инвариантных к частным формам её проявления, между которыми существует нечто фундаментально общее, что позволяет экстраполировать особенности одних элементов на характеристику других, устанавливая отношения упорядоченной преемственности. Сопоставляя действительность и формы её отражения в сознании, субъект не в состоянии абстрагироваться между реальностью и системой её упорядоченного отражения. Стремление к упорядоченности является выражением сущности классической модели научной рациональности с её тотальной абсолютизацией логических форм организации знания и критериев его истинности и претензией на

всё более и более исчерпывающее отражение действительности в процессе её исследования. Историю познания вообще можно рассматривать как процесс по организации увеличения качества организации системы рационального знания посредством включения в неё новой информации и рациональных форм её упорядочивания. Упорядоченность содержит в себе воплощение двух противоположных реальностей (объективной и субъективной), что создает предпосылки для того, чтобы представлять предмет в различных аспектах, в не тождественных друг другу проекциях. Поэтому в своем развитии знание проходит через ряд последовательно сменяющих друг друга теорий, которые возникают, изменяются, совершенствуются, а затем отбрасываются, уступая место новым концепциям. При этом концепции, утрачивающие свою состоятельность, в течение некоторого времени продолжают существовать и использоваться наряду с новыми научными программами. На каждом историческом этапе развития знания мы имеем некоторую совокупность научных законов и принципов, одни из которых принимаются наукой в качестве истинных, другие, напротив, отвергаются в новых условиях как необоснованные. Следовательно, познание объекта осуществляется субъектом в процессе непосредственного взаимодействия с исторической средой, с имманентно включенными в её структуру приоритетами, критериями, методами. Познание, таким образом, можно определить как «сферу формотворчества, формообразования, ибо результат познания выражается в социальных формах мыслей» [3. С. 37]. При этом система организации знания в конкретный период развития науки обусловлена как информационной недостаточностью содержания о какой-либо сфере действительности, вызванной объективной невозможностью осуществить более полное и точное её исследование, так и специфической субъективной формой её восприятия, анализа, обобщения и выражения.

Отражение индивидом действительности осуществляется в процессе реализации деятельной активности. С этой точки зрения познание не является актом пассивного воспроизведения объекта в сознании субъекта. Субъект конструирует в своем сознании по возможности предельно целостную картину свойств и качеств объекта, создаваемую в соответствии с определённой логикой ситуации, в которой осуществляется реализация отношений субъект–объект познания. Следует отметить, что субъект познания стремится получить исчерпывающую информацию о действительности в любой ситуации, но уровень организации процесса познания выступает в качестве ограничителя этой возможности. Приступая к практической реализации познания, субъект, оперирует определённой теоретической концепцией с четкими рамками и границами её применения, что обеспечивает возможность повышения эффективности предпринятого исследования и вместе с тем ограничивает исследование определенными параметрами, в частности необходимостью создания целостной картины исследуемого объекта даже в условиях определенного дефицита информации.

Чем глубже субъект познает объект как целостность, тем больше объясняет наличие у него тех или иных свойств через общие закономерности мировосприятия вообще и его гносеологического аспекта в частности. Подобное положение дел инициирует актуализацию классических (идеалистического и материалистического) подходов к определению механизмов формирования целого.

И. Кант, разъясняя понятие «вещь в себе», не только утверждал наличие существования объективного мира как такового, но представил и новую концепцию понимания «объекта исследования» как определённой целостности, непосредственно находящейся в научно-исследовательской разработке. Однако человек, согласно исследовательской парадигме Канта, не способен проникнуть в сущность исследуемого объекта.

В соответствии со второй концептуальной идеалистической гносеологической установкой человек оказывается способным познать бытие как целое. При

этом процесс познания реализуется не самим человеком как самостоятельным субъектом познавательных отношений, а сосредоточившимся в нем абсолютным духом, наделенным стремлением к самопознанию как конечной цели. Через человека изначальная целостность как имманентное свойство разумного, идеального, безличного, творческого начала обнаруживает себя в явлениях, предметах и процессах, проявляя свои сущностные основания. «В-себе-и-для-себя-сущий дух не простой результат природы, но поистине свой собственный результат, он сам себя порождает из тех предпосылок, которые он себе создает, — из логической идеи и внешней природы, в одинаковой мере являясь и той и другой» [1. С. 127]. Объективно-идеалистическая гносеологическая установка, представленная в философии Гегеля, рассматривает человека как уникальное высшее существо органического и неорганического миров, находящееся на вершине развития абсолютного духа и располагающее полным арсеналом познавательных возможностей. Стремление абсолютной идеи к самопознанию и определяет диалектические принципы реализации существования мира.

Существенным недостатком представленных концепций являлось то, что процесс познания рассматривался обособленно от жизненных реалий, а познающий субъект отрывался от конкретной культурно-исторической обстановки. Эти проблемы были преодолены в философии диалектического материализма. Основным принципом процесса познания К. Маркс определил субъективность форм человеческой деятельности, включая деятельность по установлению истинных характеристик исследуемых объектов. Основоположник диалектического материализма утверждал, что человек познает мир в конкретных социально-исторических условиях, находясь в которых, он обречен, усваивать соответствующую этой среде систему мировоззренческих ценностей, которая задает возможности, условия, средства и методы формирования целостного образа объекта познания.

Субъект, всегда практически реализуя познание, определяет объект исследования с позиций собственных интересов, с точки зрения достижения цели своей деятельности. Содержание отражения, в свою очередь, определяет программу познания, а через нее и практическую деятельность субъекта. Познавательная деятельность субъекта и ее результат — теоретический образ исследуемого объекта — детерминированы качеством содержания мировоззренческой базы исследователя, его ролью в социальной деятельности субъекта. Это так потому, что мировоззренческая концепция не может считаться состоятельной вне выражения определённого отношения к человеку и способам его взаимодействия с природной и социальной действительностью. Здесь имеется в виду всеобщее основание в отношениях человека к миру, взятое в единстве познавательной, эмоционально-оценочной, предметно-преобразующей деятельности. Такой подход создает определённый контекст, в котором человек предстает как деятельное существо, активно преобразующее мир, и позволяет преодолеть трактовку мировоззрения как пассивно-созерцательной совокупности общих представлений человека о мире.

Стремление субъекта сконструировать предельно целостный образ объекта исследования, в котором были бы преодолены неизвестные его свойства в условиях информационного дефицита, неизбежно влечёт определённые искажения содержания его информационной картины. Производство знаний предопределяется обретенными субъектом в процессе его социализации качествами, воплощенными в его духовном мире, который выступает своеобразным «фильтром» определения существенных и несущественных свойств объекта исследования. Субъект конструирует систему знаний сообразно содержанию своего внутреннего мира. Подобное положение дел означает, что каждый исторический этап становления организованной системы знания наверняка оперирует только относительным, приближенным знанием. Каждый этап становления

знания, новая программа его организации выступают формами бесконечного процесса объективации относительно-субъективной информации.

Таким образом, проблема определения качества научной информации, её накопления, концентрации, сохранения и трансляции нуждается в тщательном научном анализе. Анализ теоретико-познавательных программ в истории гносеологии позволил обнаружить следующие факты, имеющие для данной проблемы принципиальное, на наш взгляд, значение. Выяснилось, что в основе объективно рационального знания находятся внерациональные, субъективные структуры – исходные данности сознания, проявляющиеся, в частности, в имманентной включенности в систему организации знания процессов, связанных с проекцией вовне индивидуально-личностных образов, обусловленных сложившимися в конкретную историческую эпоху социально-политическими и теоретико-методологическими установками, «...информация – это не небесный подарок, а продукт деятельности субъекта, зафиксированный в его памяти как обобщение прошлого опыта и извлечение из него здравого смысла. ... Теоретизированный мир, наделённый эффектом присутствия, есть следствие объективирования, производимого специальными механизмами мозга» [2. С. 122]. Реальность, таким образом, подвергается воздействию и преобразованию создающими теоретическую схему механизмами мозга творчески мыслящего субъекта. Созидание и практическое применение теоретических схем действительности обусловлено комплексом опытной информации. Таким образом, объекты действительности, воспринимаемые нами в качестве объектов исследования, по своей сути есть концепты реальных объектов, заданные в значительной мере самим субъектом познания, который вычленяет и конституализирует его. Субъект выбирает определённое сечение реальности и в этом смысле задает её. Объект исследования может быть представлен в противоположных друг другу качествах, поэтому историк и художник, биолог и психолог, материалист и идеалист, исследуя один и тот же предмет, видят его, по-разному, он предстает перед ними в разных проекциях. Теоретическая схема неравнозначна объективной реальности, но определяется субъектом как её объективная проекция. Имеет место не только реализация процесса проецирования свойств реальности в сознание человека, но и субъективная её форма – проекция теоретических конструкторов из сознания во внешний мир. Образная проекция вовне не является конструированием копий реальности, это образ, нагруженный определёнными смыслами, оценками и значениями. Смысловые значения опосредованы чувственной информацией, с которой создают своеобразный, целостный континуум системы действительности. Образы объективной реальности переживаются человеком не как продукты организации познавательного ресурса, а как объективный мир, реально существующий вне нас и независимо от нас. Слияние смысловых и чувственных констант составляет существо теоретической схемы действительности. Видение действительности через призму сущностных свойств и качеств объекта принципиально отлично от действительного положения дел. Теоретическое видение схематизирует и упорядочивает действительность, добываясь необходимой глубины познания.

Информация является следствием не только воздействия объекта на субъект, но и наоборот. Таким образом, процесс познания имеет неоднозначный характер. Знание предстает как исходная форма объективации информации. В каждый исторический период в различных социокультурных системах реализуются различные мероприятия по организации знания, что влечет за собой унификацию комплекса приемов и способов его возникновения, становления и развития в целях создания системы предельно эффективной его эксплуатации. В рамках этой системы находит выражение рационально-ценностное отношение человека к действительности.

Литература

1. Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Наука, 1972. Т. 3, 510 с.
2. Кузнецов В.Ю. Мифологема социального времени / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2006. 232 с.
3. Кульков Ю.П. Мирозрение в познании природы: науч. издание / Мар. гос. ун-т, Йошкар-Ола, 2005.
4. Малов Д.А., Феизов Э.З. Объективация субъективного как философская проблема. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 138 с.

СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Stalex73@bk.ru).

STEPANOV ALEKSEI GEORGIEVICH – candidate of philosophical sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 616-092.11:13

В.Л. СУСЛИКОВ, Н.В. ТОЛМАЧЕВА

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ПРОЦЕССА «ЗДОРОВЬЕ↔БОЛЕЗНЬ»

Ключевые слова: причинность, причина, следствие, условие, здоровье, болезнь.

Рассмотрены два различных подхода к анализу понятия причинно-следственных связей процесса «здоровье↔болезнь». Показана сущность диалектического понимания, которая состоит в признании взаимодействия – как основы причинно-следственной связи. Впервые в настоящем исследовании даётся новое философское определение категориям «здоровье», «болезнь».

V.L. SUSLIKOV, N.V. TOLMACHYOVA

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CAUSE-EFFECT RELATIONS OF «HEALTH↔DISEASE» PROCESS

Key words: causality, cause, effect, condition, health, disease.

Two different approaches to the analysis of causal relation's notion: metaphysical and dialectical, were considered. The essence of dialectical understanding, consisting of interactions' recognition as the base of cause-effect relation, was shown. For the first time in the present investigation the new philosophical definition of categories «health», «disease» is given.

Причинность – одна из кардинальных в научном мышлении проблема – является важнейшим принципом научно-теоретического познания в целом. В познании медико-биологических явлений причинность играет особо важную роль, являясь методологической основой учения об этиологии, теории патогенеза, создания эффективной системы терапии и профилактики заболеваний. «Этиология как учение может развиваться только на основе каузальности и детерминизма как основных категорий диалектического метода мышления», – указывал известный теоретик медицины И.В. Давыдовский [4]. Можно согласиться с утверждением о том, что степень зрелости медицинской науки зависит от глубины познания ею причинно-следственных связей [5].

Современная отечественная медицина признает детерминированность всех патологических процессов. Имеется весьма обширная литература по вопросу о причинности в медицине. На первый взгляд, создаётся впечатление о единодушии отечественных философов и теоретиков медицины в выборе исходных позиций анализа проблемы: все ссылаются на диалектико-материалистическую методологию. Однако на деле оказывается, что теоретическая трактовка принципа причинности является вовсе не однозначной. Многие важные для теоретической и практической медицины стороны проблемы причинности, в частности роль внутреннего и внешнего причинного основания в возникновении и течении болезней, разграничение причинных и условных форм, причинно-следственных связей трактуются ошибочно. Сам термин «причинность» в медицинской научной литературе употребляется в различных значениях: причинность отождествляется с классическим детерминизмом, с предсказуемостью, со связью состояний, а категории «причина», «следствие» и «условие», раскрывающие сущность причинности, методами практически не используются или используются в бытовом значении.

В эпоху социально-экономических преобразований, появления новых форм собственности, реформирования функций государственных надзорных органов привели к масштабным изменениям в обществе, нарушению качества компонентов экологической системы и среды обитания. В условиях нарушенного экологического равновесия в биосфере происходит обострение проблем окружающей среды и здоровья населения. Во многих научно-исследовательских работах проблема ухудшения здоровья нации неотрывно связана с воздействием неблагоприятных факторов окружающей среды.

Экологические проблемы, их обострения характерны для всех высокоразвитых стран и промышленных регионов. Техногенное воздействие и неблагоприятные факторы окружающей среды существенно влияют на внутреннюю среду организма, оказывая неблагоприятное воздействие на многие системы и защитно-адаптационные возможности, что ведет к снижению защитных сил организма, иммунитета, сопротивляемости к возбудителям инфекционных заболеваний и повышению чувствительности к неинфекционной патологии.

В настоящее время приоритетным вопросом охраны здоровья населения является оценка ответной реакции организма на воздействие факторов окружающей среды. Оценка здоровья населения по уровню ответной реакции организма на комплексное воздействие факторов риска позволяет интегрально учитывать их комплексное влияние, в том числе неидентифицированных, с учетом возможного эффекта суммации, а также последствий преобразования химических веществ в окружающей среде. Повышение чувствительности к воздействию необратимых факторов природной среды отмечается у детей. В связи с этим большинство научно-исследовательских работ направлено на изучение причинно-следственной зависимости уровня здоровья от внешних факторов воздействия у детей.

Целесообразность подобных исследований продиктована необходимостью реализации основных положений доктрины экологической безопасности РФ от 21.08.02 г. № 1225, ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», ФЗ № 7-ФЗ от 10.01.02 г. «Об охране окружающей среды», Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Положения о социально-гигиеническом мониторинге» № 426 от 01.06.00 г. и другими документами.

Актуальность исследований значительно возрастает на фоне ухудшения медико-демографических показателей, характеризующих состояние общественного здоровья населения, особенно в промышленно развитых регионах и городах. С этих позиций особый интерес представляет санитарно-гигиеническая оценка факторов риска здоровью населения Чувашии, где продолжается тенденция ухудшения показателей общественного здоровья населения. Все это требует поиска причин, влияющих на здоровье, и разработки мер по оздоровлению среды обитания и укреплению здоровья населения.

Рассматривая актуальность проблемы с позиций характера детерминации жизнедеятельности человека в современный период развития социальной сферы и антропобиосферы, следует отметить, что эта работа является методологической предпосылкой последовательного научного подхода к представлению о диалектическом единстве организма и его внешней и внутренней среды. Ф. Энгельс, сформулировавший основные принципы понимания жизни, указал, что сущность ее заключается в постоянном обмене веществ между организмом человека и окружающей его средой, в результате чего постоянно обновляется его химический состав. При этом организм избирательно строит себя из условий своей внешней среды, и эта избирательность обусловлена его наследственной основой, которая не имеет ничего общего с виталистическими мистическими силами и сама представляет собой ассимилированные и превращенные в процессе филогенеза во внутренние механизмы наиболее существенные условия внешней среды.

Детерминация заключается в том, что внешние воздействия на организм преломляются через внутренние условия его жизнедеятельности, его наследственные механизмы, в результате чего следствие – ответные реакции организма – формируется как синтез внешнего и внутреннего.

Системное исследование причинно-следственных связей в ходе возникновения болезней приводит к выводу, что ряд болезней начинается развиваться на молекулярном уровне и сопровождается изменениями ультраструктур клетки. Эти изменения детерминированы сдвигами в комплексе обменных процессов всего организма. Характерно, что клеточные органеллы отвечают на различные воздействия стереотипной реакцией.

Специфичность патологического процесса проявляется на органном и тканевом уровнях и реже – на клеточном и субклеточном.

Следовательно, при рассмотрении механизмов социально-биологической детерминации жизнедеятельности организма человека необходимо, прежде всего, исходить из представлений об организме как сложной многоуровневой системе, характеризующейся взаимной детерминацией всех своих уровней, иначе говоря такой детерминацией, при которой любое изменение проявляется как каскад взаимно причинно-связанных изменений на всех уровнях.

Решение таких масштабных практических задач требует серьезного философско-теоретического исследования.

В философии существует два различных подхода к анализу понятия причинной связи: метафизический и диалектический.

Метафизический подход основывается на представлении, что тела, предметы природы сами по себе косны, неподвижны и изменяют своё состояние лишь в результате внешних воздействий. Следовательно, причиной изменения тела, процесса, явления и т.д. является воздействие на него другого тела (процесса, явления). Среда воздействует на первое тело лишь потому, что на него воздействует второе тело и т.д. Возникает так называемая «дурная» бесконечность причинного ряда. Графически это выглядит следующим образом: $A \rightarrow B = B'$. Здесь воздействие A на B есть причина, а вызываемое этим воздействием изменение B есть следствие B' . Сведение причины возникновения и развития вещи к воздействию другой вещи обуславливает значительные трудности в области познания. Такое представление не вскрывает истинную причину изменений, а лишь переносит трудность объяснения причинности с одного тела на другое.

Таким образом, сущность метафизического понимания причинности сводится к признанию однонаправленности (линейности) причинного действия: тела – носители причинного действия – рассматриваются как пассивные, инертные, качественно не изменяющиеся.

Сущность диалектического понимания причинности состоит в признании взаимодействия – основы причинно-следственной связи. В категории причинности отражается необходимая, генетическая связь между взаимодействием явлений и их изменением. «Взаимодействие, – писал Ф. Энгельс, – является истинной *causa finalis* (конечной причиной) вещей» [11]. В каждом причинно-следственном отношении не только причина влияет на следствие, но и следствие активно влияет на свою причину, т.е. причина и следствие находятся в отношении активного взаимодействия. Причинное взаимодействие, включая в себя как внешнюю, так и внутреннюю связь явлений, служит причиной возникновения новых явлений.

Таким образом, всякая причина возникновения и развития материальных образований содержится в них самих и представляет собой взаимодействие элементов, их образующих. Взаимодействие, выступающее в роли причины, есть процесс взаимного влияния тел, при котором происходит обмен результатами этого влияния, в силу чего каждое из взаимодействующих явлений порознь нельзя определить как причину.

Для объяснения и описания реальных процессов, таким образом, необходимо иметь представление о двух видах причин: 1) причина как взаимодействие вещей, элементов, тенденций; 2) причина как взаимодействие внешнего с внутренним.

Понимание причины как взаимодействия внутреннего с внешним особенно важно для медико-биологических исследований, имеющих дело со сложными организмическими системами, изменения которых зависят «...от двух факторов: природы самого организма и природы окружающих условий» [3]. Такое понимание имеет место в современной теории и практике медицины. Подробно оно впервые было рассмотрено известным теоретиком медицины профессором И.В. Давыдовским в 1962 г. Автор акцентирует внимание на самом понятии «этиология», на принципе единства организма и среды, т.е. внутреннего и внешнего: «Если этиология – это учение о законах связи явлений, т.е. отношение вещей, например, организма и микроба, то, очевидно, и причину болезни следует искать в самом отношении, где интегрально и безраздельно, в единстве сливаются все слагаемые, образующие отношение» [4]. Любое заболевание зависит не только от характера внешних воздействий (физического, химического, биологического), но и в равной степени от внутреннего состояния организма (его иммунитета, возраста, пола, вида, конституции и т.д.). А.А. Сохин, анализируя проблемы инфекционной патологии и иммунологии, отмечает: «Причину инфекции мы усматриваем в процессе специфического взаимодействия внешнего фактора (патогенный возбудитель) с внутренней средой (иммунореактивность организма). Диалектический путь познания каузальных связей в инфекции должен идти от исследования причинных факторов к их взаимодействию, а через него к обнаружению противоречивой сущности инфекционного процесса» [10].

К сожалению, диалектические концепции в этиологии крайне малочисленны, а представление о причинности чаще всего «недиалектичны» и «шаблонны». Наиболее распространенной среди патологов является точка зрения, согласно которой причина болезни отождествляется лишь с одним из нозологических факторов (микроб, вирус), условия рассматриваются как факторы, внешние для причины, а посему специфика следствия связывается только с причиной как главным фактором. Это – концепция монокаузализма в теории патологии, берущая своё начало из глубин XVIII в., имеет в качестве методологического основания философскую концепцию механистического детерминизма. Особого сожаления, с нашей точки зрения, заслуживает тот факт, что подобная трактовка причинности в медицине даётся в большинстве учебников для медицинских институтов.

Как убедительно свидетельствует опыт последних лет – отождествление отдельных патогенетических факторов с причинами, абсолютизация их роли в возникновении болезни приводят к серьёзным диагностическим заблуждениям и ошибкам в назначении терапевтических и профилактических воздействий. Как справедливо указывал А.А. Сохин: «переоценка значения ряда лечебных и дезинфекционных средств, направленных главным образом на возбудителя, явилась результатом преувеличения этиологической роли возбудителя, отождествления его с причиной инфекции. Как бы важны и эффективны ни были эти мероприятия, они не смогут заменить или исключить целесообразных воздействий на резистентность организма» [10].

Понимание причины болезни как взаимодействия внутреннего и внешнего причинного основания необходимо отличать от концепции абсолютной эквивалентности всех условий, принципа поликаузальности, полиэтиологичности болезней, методологическая ошибочность которых в том, что в этих теориях причины и условия отождествляются. Например, М.З. Малышева, цитируя М.А. Жуковского, замечает: «Ряд факторов может явиться причиной эндокринных заболеваний. К этим факторам относятся травмы, инфекционные болезни, местные расстройства кровообращения, неправильное питание, опухоли, фактор наследственности,

процессы аутоиммунизации, поражения ЦНС и др.» [8]. Но особенно противоречивы этиологические концепции, в которых причины и условия «на словах» разделяются, «на деле» же – фактически отождествляются. В качестве примера сошлемся на позицию академика А.Д. Адо: «Причиной болезни называется тот фактор, который вызывает заболевание и сообщает ему специфические черты. Например, причиной лучевой болезни является ионизирующая радиация, причиной инфекционной болезни – патогенные микробы». Условиями, по мнению А.Д. Адо [2], являются факторы, «влияющие на возникновение и развитие болезней», но не являющиеся «обязательными» для них. Разделив причины и условия на внутренние и внешние, автор, по сути дела, отождествил их: «К внутренним условиям, способствующим развитию болезни, относят наследственное предрасположение к заболеванию, патологическую конституцию, ранний детский и старческий возраст, к внешним – конституцию, возраст, пол». Подобная концепция едва ли может способствовать раскрытию сущности патологических процессов.

С точки зрения М.З. Малышевой [8], материалистическая теория причинности – важнейшее методологическое требование, учёт которого в равной степени необходим как клиницисту, так и теоретику медицины – это рассмотрение любой конкретной причинной связи как целостной системы, структуру которой составляют три обязательных компонента: причина, следствие (действие), условия. Условия – не внешний по отношению к причинности элемент (как чаще всего он сегодня трактуется), а неотделимый момент причинно-следственной структуры. Понятием «условие» в диалектическом материализме охватываются различные обстоятельства и предпосылки для реализации причинно-следственной связи. Условия – это комплекс явлений и событий, существующих в пространстве и времени вместе с причиной (или причинами), но непосредственного действия не производящих. Однако их наличие влияет на каузальную зависимость и делает возможным возникновение действия. Различие между «причиной» и «условием», естественно, имеет место, но оно не абсолютно, а относительно: то, что мы называем «условием» в конкретной каузальной связи, становится «причиной» в другом каузальном отношении. Только в фиксированном отношении разграничение «причины» и «условия» определено: в этом случае «причиной» будет называться относительно активный фактор, производящий затем следствие; «условием» – фактор, относительно пассивный, но вместе с тем безусловно влияющий на результат, вызываемый «причиной». Разграничение обусловливающих факторов на относительно активные (причины) и относительно пассивные (условия), действительно, во многом снимает трудности, возникающие в познании и практическом использовании объективных связей, так как акцентирует внимание на том, что производит, вызывает конкретное явление при данных условиях. По мнению Г.А. Свечникова [9], «условие» – это совокупность взаимодействий данного тела с другими телами, за исключением тела, находящегося с ним в причинном отношении.

М.З. Малышева, глубоко проанализировав философские аспекты проблемы причинности, заключила: «внутренними условиями болезни являются факторы, заложенные в самом организме и связанные с его специфическими индивидуальными особенностями и структурой: конституция организма, пол, возраст, функциональные особенности отдельных систем и органов (кроме непосредственно подвергнутых данному заболеванию), наличие витаминов, гормонов и др. внутренние факторы, являющиеся необходимыми участниками в возникновении следствия, определяющие во многом характер, «силу» заболевания, отдельные его стороны» [8].

Высоко оценивая глубокий философский анализ причинно-следственных связей в возникновении болезней, проведенный М.З. Малышевой, которая ограничилась только действием внутренних причинных факторов, т.е. перешла на сторону конституционализма, следует признать односторонность действия без учёта внешних факторов в системе взаимодействий.

В настоящем исследовании даётся новое философское определение понятиям «здоровье», «болезнь» как процессов борьбы причинных и антипричинных факторов, постоянно протекающих в определенных условиях среды обитания человека. Показано, что проблема, просматриваемая в историческом разрезе, хотя и не нова, нуждается в последовательном системном, поэтапном исследовании с привлечением фактических данных эпидемиологических и экспериментальных исследований автора. Механистическое представление причинно-следственных связей процесса «здоровье↔болезнь» служило серьёзной помехой в разработке научно обоснованных теорий этиологии болезней и, соответственно, вносило определённые трудности в выборе адекватных лечебных и профилактических мер в практической медицине. Впервые представлена методологически обоснованная модель причинно-следственных связей процесса «здоровье↔атеросклероз». Методологической основой изучения причинно-следственных связей процесса «здоровье↔болезнь» является принцип эколого-биогеохимического зонирования территорий постоянного проживания населения.

Проанализировав многочисленные философские объяснения причинно-следственной связи процесса «здоровье↔болезнь», в основе которых лежит ошибочная точка зрения об однонаправленности действия причины, отождествляющие такие категории, как «причина» и «условие», и абсолютизирующие одну из категорий «внешние» или «внутреннее», мы даём новое философское объяснение причинно-следственных связей процесса «здоровье↔болезнь», более объективно отражающее действительность. По нашему представлению, причинно-следственная связь – это никогда не прекращающийся во времени и пространстве процесс противоборства причинных и антипричинных факторов, условий и антиусловий, внешних и внутренних факторов, специфических и неспецифических, случайных и необходимых в единой системно-организованной системе биосферы, в результате которого, в соответствии с законом отрицания отрицания, с необходимостью появляется новое качество, новое явление – следствие↔антиследствие. В этом процессе при преобладании сил причинных факторов над антипричинными с диалектической необходимостью появляется новое следствие в качестве нового причинного фактора, генетически связанного со следствием, которое запускает новый процесс противоборства. А при преобладании сил антипричинных факторов над причинными с диалектической необходимостью появляется новое явление – антиследствие, противоположное следствию как возврат к прежнему качеству на новом уровне развития живой системы.

Причинно-следственные связи процесса «здоровье↔болезнь» позволяют уяснить диалектическую сущность процесса и окончательно утвердиться в понимании того, что здоровье – это процесс противоборства причинных и антипричинных факторов, при котором побеждают антипричинные факторы и обеспечивается динамическое равновесие организма с окружающей природной и социальной средой. При этом все жизненно важные системы организма функционируют с максимально возможной интенсивностью и непрерывно приспосабливаются к изменяющейся природной и социальной среде в целях сохранения вида. Болезнь – это процесс противоборства причинных и антипричинных факторов, при котором при относительной слабости антипричинных факторов закономерно побеждают причинные. При этом все внутренние и внешние антипричинные факторы также непрерывно приспосабливаются в целях уничтожения вида.

Методологическая сущность процесса «здоровье↔болезнь» довольно сложна лишь на первый взгляд, однако после расшифровки схемы причинно-следственной связи на примере разработанной нами модели станет очевидным её универсальность, закономерность и применимость для объяснения не только инфекционного процесса, но и формирования современных хронических неинфекционных процессов, в том числе и процесса «здоровье↔атеросклероз».

До наших исследований в отечественной и зарубежной научной литературе не рассматривалась возможность влияния аномальных концентраций и соотношений макро- и микроэлементов в питьевой воде и пищевом рационе на симбиотический микробиоценоз кишечника человека, так как эти природные объекты (вода и пища) содержат ничтожно малые их количества до $n \times 10^{-12}\%$. Мы впервые на фактических материалах у обследованных практически здоровых жителей обнаружили и обосновали эколого-биогеохимическую детерминированность колонизационной резистентности организма, запускающий причинно-следственную связь процесса «здоровье↔атеросклероз», в связи с характеристиками четырёх эколого-биогеохимических зон на территории Чувашии, в смежных областях и республиках (Нижегородская, Ульяновская, Пензенская области, республика Мордовия, Татария и Марий Эл), а также в Белгородской области, республике Якутии-Саха, на территории которых проводили экспедиционные исследования. Как оказалось, все территориальные образования в пределах бывшей СССР были описаны нами ранее как кремниевые биогеохимические провинции [7]. В настоящее время кремниевые биогеохимические провинции обнаружены нами в экспедиционных условиях в пределах территории Непала. Исследованная американскими учеными «зона инсультов» также была квалифицирована нами по литературным данным как кремниевая биогеохимическая провинция.

Многokrатно подтверждённая в условиях экспериментального моделирования кремниевой биогеохимической провинции причинно-следственная связь процесса «здоровье↔атеросклероз» даёт нам основание для философского обоснования модели этого процесса.

Главным «пусковым» причинным и антипричинным фактором в организме здорового человека является нормальная симбиотическая аутомикрофлора кишечника, сосуществующая по принципам мутуализма и комменсализма в постоянном процессе борьбы за своё существование. В условиях эколого-биогеохимических аномальных уровней и соотношений макро- и микроэлементов в питьевых водах и пищевых рационах, обусловленных в кремниевых биогеохимических провинциях присутствием горных пород древних геологических периодов (меловой, юрский и девонский), вся существующая здесь микробиота среды обитания и эндогенная микробиота живых организмов приспособляются с потерей многих функций и свойств, снижением колонизационной резистентности лакто- бифидо- и колиформ бактерий, появлением новых форм микробов (стафилококки, грибки, паразиты, простейшие), которые постепенно, завоёвывая пространство, изменяют среду обитания микробов и макроорганизма. Новые формы микроорганизмов как следствие борьбы микроорганизмов в среде макроорганизма (организма человека) становятся главным «пусковым» причинным фактором цепной реакции микробной ферментации, нарушения процессов витаминобразования, дисбаланса иммунного статуса и аутоиммунизации, дисбаланса макро-и микроэлементов, сдвига процессов гормонообразования, каждый из этих процессов имеет взаимовлияющий синергический и антагонистический характер взаимодействия, в основе этих процессов лежат сложные комплексы приспособительных реакций адаптации, направленных на сохранение вида и одновременно на его уничтожение.

Нами была создана теоретическая модель процесса «здоровье↔болезнь», апробированная на примере изучения причинно-следственных связей атеросклероза с эколого-биогеохимическими факторами среды обитания населения. На основе созданной модели были математически рассчитаны степени дисперсии болезни с отдельными факторами среды (вода, пища), а также с социально-бытовыми факторами. Показана, что математическая и философская модель процесса «здоровье↔атеросклероз» сопряжены и позволяют конкретизировать меры первичной профилактики заболевания.

Литература

1. Агаджанян Н.А. Проблема адаптации и экология человека // Экология человека. Основные проблемы. М.: Наука, 1988. С. 93-103.
2. Адо А.Д. Вопросы общей нозологии. М.: Медицина, 1985. 240 с.
3. Гаркави Л.Х., Квакина Е.Б., Уколова М.А. Адаптационные реакции и резистентность организма. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовск. ун-та, 1990. 224 с.
4. Давыдовский И.В. Проблема причинности в медицине (этиология). М.: Медицина, 1962. 175 с.
5. Давыдовский И.В. Проблемы причинности в медицине. М.: Наука, 1962. 76 с.
6. Жирнов В.Д. Проблема причинности медицины. М.: Медицина. 1978. 238 с.
7. Ковальский В.В., Сусликов В.Л. Кремниевые субрегионы биосферы / Тр. биогеохимической лаборатории. Т. 18. М.: Наука, 1980. С. 3-58.
8. Малышева М.З. Методологическая роль категории «причинность» для современного медико-биологического познания // Методологические проблемы медицины и биологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 86-93.
9. Свечников Г.А. Причинность и связь состояний в физике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 201 с.
10. Сохин А.А. Прикладная иммунология. Киев: Здоровья, 1984. 228 с.
11. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Госполитиздат, 1957. 431 с.

СУСЛИКОВ ВИКЕНТИЙ ЛЕОНИДОВИЧ – доктор медицинских наук, профессор кафедры профилактической медицины, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vikleosus@mail.ru).

SUSLIKOV VIKENTI LEONEDOVICH – doctor of medical sciences, professor, Preventive Medicine Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ТОЛМАЧЕВА НАТАЛИЯ ВИКЕНТЬЕВНА – кандидат медицинских наук, доцент кафедры профилактической медицины, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tolmach68@mail.ru).

TOLMACHYOVA NATALIA VIKENTIEVNA – candidate of medical sciences, assistant professor, Preventive Medicine Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 616-092.11:13

Н.В. ТОЛМАЧЕВА, В.Л. СУСЛИКОВ

ЕДИНСТВО ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССА «ЗДОРОВЬЕ↔БОЛЕЗНЬ»

Ключевые слова: причинно-следственная связь, социология, психология, установка, мотивация.

Проанализированы социально-психологические аспекты в единстве причинно-следственных связей для исследования процесса «здоровье↔болезнь». Показано, как нравственно-психологические явления функционируют в форме внушений, оценочных суждений, социальных установок, стереотипов.

N.V. TOLMACHYOVA, V.L. SUSLIKOV
**THE UNITY OF CAUSE-EFFECT RELATIONS AND SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL ASPECTS
IN «HEALTH↔DISEASE» PROCESS INVESTIGATION**

Key words: cause-effect relations, sociology, psychology, aim, motivation.

Socially-psychological aspects in the unity of cause-effect relations in investigation of «health↔disease» process are analyzed. It is shown how morally-psychological phenomena in the form of suggestions, appraisal judgments, social aims, and stereotypes are functioning.

В реальной жизни причинно-следственные связи проявляются как социально-психологический феномен. Они влияют на внутренний мир, эмоциональное состояние человека. Учитывая эту особенность, мы поставили задачу социально-психологического обоснования природы причинно-следственных связей в исследовании процесса «здоровье↔болезнь» в деятельности медицинского работника, так как истинный врач не может быть равнодушным к страданию больного человека.

Общественно-психологические образования, как, например, общественное настроение, мнение, морально-психологический климат, внушение, установки, т.е. различные состояния сознания, выражают причинно-следственные связи в деятельности врача и проявляются в чувствах переживания или восторга, одобрения или порицания и других его духовных состояниях. «Социально-психологическая сторона отношений, — считает Л.П. Буюева, — выража-

ется в мотивах, чувствах, настроениях, жизненных установках, оценках, стереотипах восприятия и понимания различных явлений жизни отдельными личностями – членами «малой группы», коллектива: класса, общества» [3]. Общественно-психологические образования возникают и осуществляются только при наличии причинно-следственных связей и отношений между людьми. Эта связь осуществляется посредством социально-психологических феноменов, таких, например, как деятельность, общение, мотивы, внушение и т.п.

Ранее отмечалось, что в реальной действительности все находится в разнообразных причинно-следственных отношениях и связях. В жизни людей, в обществе нет ничего, что не было бы связано между собой. Взаимосвязи мы обнаруживаем только в том случае, когда одни явления, события, индивиды влияют на другие явления и индивиды, т.е. все взаимообусловлено – это один из принципов диалектики. В реальном мире существуют многообразные виды связей, которые определяются в зависимости от уровня организации материи. Вряд ли кто будет оспаривать утверждение: «Человек связан тысячами невидимых нитей с другими людьми и обществом» [17].

Связи есть не что иное, как зависимость, реализованная через социальные действия. Ранее отмечалось, что причинная связь, в каких бы формах она ни выступала, имеет сложную структуру. Основными ее элементами являются: субъект связи, предмет связи и механизм сознательного регулирования взаимоотношений между субъектами. В реальной жизни все эти элементы должны быть тесно связанными, скоординированными друг с другом.

Характер деятельности зависит от социально-психологического состояния сознания людей, материальных и духовных потребностей и множества других причин. Деятельность людей выступает как исходный элемент живой социальной реальности. Из всех элементов реальности складывается совокупность элементов: человеческая жизнь, история общества, в них отражается все, что происходит и отражается в нашей повседневной жизни: ее характерные черты, противоречия и гармония, движущие силы и попятные движения. Вне деятельности невозможно понять единство мировоззрения и образа жизни человека. Только в деятельности проявляется все то, что присуще человеку. Деятельность в основном носит осознанный характер, что не исключает и бессознательного в поведении человека [16].

Принцип деятельности в анализе нравственных, социально-психологических явлений и процессов состоит в том, что медицинский работник в результате активных действий способен положительно воздействовать на состояние здоровья больного на основе исследования истории его болезни. Деятельность сама по себе при этом подходе рассматривается как система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие [7].

В самом широком смысле деятельность есть проявление причинно-следственных отношений, целенаправленное воздействие субъекта на объект, т.е. она детерминирована. Вне отношений субъекта и объекта деятельность не существует. Деятельность всегда связана с активностью субъекта, направленной на объект. Субъектом деятельности во всех случаях является человек или группа людей, объектом – человек.

Любая деятельность человека представляется как цепь причинно-следственных связей и действий. Действия – это те «кирпичи», из которых складывается здание деятельности. Любое действие состоит из отдельных элементов, связанных между собой в пространстве и времени. Человеческие действия есть самоорганизующаяся система. Человеческая деятельность отличается от физических и биологических действий, так как в ней присутствуют механизмы регуляции и нормативности. Врач свои действия строит исходя из причинно-следственных связей, общепринятых норм и ценностей.

Человеческая деятельность, в том числе медицинского работника, всегда происходит в процессе общения. Общение является формой обнаружения и способа реализации мировоззренческих, нравственных и социально-психологических отношений, выраженных во взаимоотношениях врача и больного. Их общение есть необходимое условие в лечении больного, процесса их взаимосвязи, а также между ними происходит взаимный обмен информацией, психическими состояниями. Общественно-психологические явления возникают лишь при общении людей друг с другом, при их непосредственном контакте.

Авторы книг по социальной психологии [17] справедливо обращают особое внимание на важность общения между людьми, на необходимость учета социальных, нравственных контактов при выявлении сущности общественно-психологических явлений. В процессе общения проявляется действие таких социально-психологических механизмов, как убеждение, внушение, установки, мотивы, подражание, взаимозаражение и др.

Участники общения обмениваются между собой чувствами, делятся переживаниями и другими душевными состояниями. Любые душевные состояния человека предполагают сопереживание, соучастие, поэтому нуждаются в общении. Г.М. Андреева указывает, что коммуникативная функция общения раскрывает обмен информацией между общающимися индивидами. Интерактивная функция общения выражает взаимодействия между общающимися индивидами, т.е. обмен не только знаниями, идеями, но и действиями. Перцептивная сторона общения означает процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания [1]. Продолжая рассуждать о проблеме единства общения и деятельности, она пишет, что «... в отечественной психологии принимается идея единства общения и деятельности. Такой вывод логически вытекает из понимания общения как реальности человеческих отношений, предполагающего, что любые формы общения есть специфические формы совместной деятельности людей: люди не просто «общаются» в процессе выполнения ими различных общественных функций, но и всегда общаются в некоторой деятельности» [1]. Деятельность индивидуума пересекается с деятельностью других людей. Это пересечение деятельности формирует определенные отношения этого деятельного человека не только к предмету своей деятельности, но и к другим людям.

Ученый-психолог Б.Ф. Ломов рассматривает деятельность и общение не как параллельно существующие взаимосвязанные процессы, а как две стороны социального бытия человека, его образ жизни [10]. А.Н. Леонтьев трактует общение как определенную сторону деятельности: оно включено в любую деятельность, есть ее элемент, в то время как саму деятельность можно рассматривать как условие общения [9]. Итак, общение рассматривается как особый вид деятельности, т.е., с одной стороны, деятельность выступает как часть общения, с другой – общение выражает сторону деятельности. Они вместе образуют неразрывное единство причинно-следственных связей.

Действительно, в реальной жизни социальная группа или отдельный человек в связи с теми или иными причинно-следственными связями и событиями испытывает какие-то чувства. Их сознание принимает определенное состояние. Г.В. Плеханов по этому поводу писал: «... нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало ... и за которым не следовало бы известное состояние сознания» [13].

Термин «состояние» употребляется для характеристики психических явлений, как, например, установок, эмоций, влечений, а также морально-психической атмосферы, общественного и группового мировоззрения и многих других социально-психологических процессов людей. Психическое состояние медицинского работника является целостным, динамическим состоянием готовности к определенной активности для выполнения конкретной деятельности, для исследования процесса «здоровье↔болезнь».

Учение об установках способствует научному и практическому осмыслению поведения людей при выполнении ими конкретных действий. Картина состояния здоровья и характер болезни, выступая в качестве социально-психологических установок, определенного состояния сознания, стереотипов, выполняют особую роль в механизме регулирования поведения как врача, так и больного. Под социальной установкой принято считать состояние готовности группы к определенной оценке ситуации и способу деятельности поведения к ней. Нравственная, социально-психологическая установка врача и больного определяется многими объективными и субъективными факторами.

Согласно учению Д.Н. Узнадзе, установка – это направленность состояния сознания субъекта в определенную сторону и на определенную активность. Установки, – указывал он, – присущи как сознательным, так и бессознательным действиям субъекта, характеризуют его деятельность в целом. Далее он подчеркивал, что для возникновения установки достаточно двух элементарных условий – какой-нибудь актуальной потребности у субъекта и ситуации ее удовлетворения. И в субъекте возникает установка к определенной активности. На основе определенной установки возникает то или иное состояние сознания. В качестве факторов, порождающих установки, могут быть слова, речи, вербальные средства общения, которые объективизируются в деятельности людей [19].

В формировании нравственно-психологических установок врача и больного особую роль играют их внутренние и внешние факторы. Они определяют конкретное их поведение, так как человек, мобилизуя свои психические ресурсы, создает условия для возникновения установки определенного поведения. Объективная картина состояния здоровья больного содержит в себе определенную информацию, с помощью которой можно было оказывать целенаправленное внушающее воздействие на формирование установок поведения больного, которое отвечало бы требованиям его здоровья.

Согласно взглядам Н.Д. Левитова, психическое состояние является как переживанием, так и деятельностью. Состояние есть «...целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния психических свойств личности» [7].

Проблема мотивации является одной из самых важных в современной психологии. А.Г. Маслоу в своей книге «Мотивация и личность» выступает против всякой классификации мотивов. Он рассматривает целые группы мотивов, которые упорядочены в ценностной иерархии согласно их роли в развитии личности. Динамический подход к мотивации предполагает постоянные ее изменения. Базовые, фундаментальные потребности и желания, т.е. мотивы, остаются постоянными. Автор к фундаментальным относит те мотивы, которые связаны с физиологическими потребностями [11].

Понятие «мотив» трактуется психологами далеко не однозначно и употребляется для обозначения разных явлений. Термином «мотив» в психологии называют инстинктивные импульсы, биологические влечения, интересы, желания, стремления, жизненные цели, установки, идеалы и т.д.

В психологии используется также термин «мотивация». Обычно под ним понимается совокупность побудительных сил человеческой деятельности как осознаваемых, так и не осознаваемых самим человеком.

Мотивация – понятие, используемое для объяснения последовательности поведенческих действий, направленных на конкретную цель, которая может меняться в зависимости от различных обстоятельств, причинно-следственных отношений. В понятие «мотивация» входят моменты активизации, управления и реализации целенаправленного поведения человека. Мотивация отвечает на

вопрос: почему так, а не иначе поступает человек, т.е. какие причинно-следственные связи обуславливают конкретную мотивацию.

Как говорил А.С. Выготский, мотивация – это «психическая система», т.е. особый вид психических процессов, регулирующих человеческую деятельность. Направленность личности зависит от потребностей, интересов и мировоззрения. Направленность является важнейшей составляющей мотивационного ядра личности. Основу ее составляют потребности [4].

Деятельность человека побуждается системой причинно-следственных связей, мотивов, в которой одному из мотивов может принадлежать решающая роль. Выбор мотива действия зависит от множества факторов.

Наша реальная жизнь по своей природе не только социальное, но и духовно-психологическое образование. И поэтому в нем действуют законы массовой социальной психологии, в частности закон взаимного заражения и подражания в качестве социально-психологического механизма, обеспечивающего групповую интеграцию. Согласно утверждению Б.Ф. Поршнева, в явлении психического заражения в коллективе проявляют свои действия два разных явления: внушение и подражание [14], которые всегда играли и играют определенную роль в жизнедеятельности медицинских работников. Они на основе подражания осваивают систему традиционного поведения во всех сферах их деятельности. Социальные нормы, духовные ценности, культурные архетипы и т.д. – все это – результат подражания способов распространения традиций – указывал Э. Дюркгейм [5].

Плеханов, как учёный, не мог оставить без внимания такое психическое явление, как подражание. Он писал, что «подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев...» [13]. О значении механизма подражания в сохранении и трансляции традиции писал В.М. Бехтерев: «Путем ... подражания человек перенимает в значительной мере и все общественные условности и обычаи. Лишь благодаря подражанию человек становится общественным существом в настоящем смысле этого слова» [2].

Известный французский психолог, социолог Ж. Тард в своей «теории подражания» определял в данном явлении источник возникновения коллективных норм и ценностей, источник социального прогресса. «... Общество – это подражание, – считал Ж. Тард и все социальное бытие объяснял законами подражания [18].

Подражание осуществляется в процессе межличностного общения на основе символов, знаков и традиций и является одним из основных путей в культурном развитии человека. Подражание помогает человеку адаптироваться к нормам и образцам традиции, и в нем проявляются коллективные эмоции и реакции, выполняющие функции создания авторитетного эмоционально-психологического фона трансляции традиций.

В качестве социально-психологического и нравственного механизма активности в деятельности врача выступают внушения. Они выполняли функции социально-психологических механизмов воспроизводства и трансляции традиций в сфере деятельности медицинских работников. По утверждению А.К. Уледова, социально-психологические явления внушения, подражания, стереотипизация и другие являются механизмами осуществления процессов отношений и общения. Благодаря такого рода механизму люди влияют друг на друга, передают свой опыт, организуются для совместной деятельности. Поэтому внушения играют особую роль в практической деятельности врача.

В.М. Бехтерев подчеркивает, что человек усваивает обычаи не только путем подражания, но и при помощи общественного внушения: «... когда человек вступает в ту или иную группу лиц..., он получает тотчас же со всех сторон внушение, касающееся внешних условий общежития, обычаев, традиций и невольно им подчиняется» [2]. В.Н. Куликов подразделяет внушение на произвольное и непроизвольное. Когда совершается произвольное внушение,

тогда внушающий проявляет свою активность, имеет конкретную цель и использует специальные приемы для воздействия на внушаемого. Непроизвольное внушение – это такое психическое явление, когда совершается процесс принятия человеком от других определенных качеств. Внушающий, имея особые качества, влияет на внушающего в силу объективной «заразительности» этих качеств. Внушаемый имеет предварительную установку о характере действия и результате влияния внушающего. Именно непроизвольному внушению мы больше всего обязаны тем, что приобретаем, подчас не замечая этого, определенный образ мыслей, чувств и манеры поведения от окружающих людей. Силой этого внушения в психике и деятельности медицинских работников укореняются профессиональные традиции и нравы [6].

В реальной жизни внушаются верования, духовные основания и смыслы-ориентиры деятельности человека. По мнению французского психолога Лебона, благодаря внушениям и верованиям, «люди любого возраста опутаны сетью традиций, мнений и обычаев, гнета которых они не в силах избежать и которые делают их всегда немного похожими друг на друга. Самый независимый ум не помышляет уклониться от них» [16]. Внушение равнозначно полному и безоговорочному доверию, выступает как «словесное заражение». Слово является великим генератором мнений и верований, главным средством внушения. Механизм внушения определяется авторитетом врача, который произносит речь ради внушения, а также на внушение влияет социально-психологическая атмосфера.

Итак, нравственно-психологические явления, присущие врачу, функционируют в форме внушений, оценочных суждений, социальных установок, стереотипов, жизненных позиций, т.е. они выступают в качестве его эмоционально-волевых убеждений. Опыт, знания, взгляды и представления становятся мировоззренческим убеждением, выступают в качестве определенной направленности в деятельности врача.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 79-83.
2. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. С. 238-239.
3. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978. С. 114.
4. Вьетковский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1956.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначения. М.: Канон, 1995. С. 37.
6. Куликов В.Н. Вопросы психологии внушения в общественной жизни // Проблемы общественной психологии. М.: Мысль, 1965. С. 331.
7. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. С. 20.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965. С. 271.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 85.
10. Ломов Б.Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 130.
11. Маслоу А.Г. Мотивация и личность: пер. с англ. СПб.: Евразия, 1999. С. 67-68.
12. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс: пер. с фр. М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии», 1996. С. 154.
13. Плеханов Г.В. Письма без адреса // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: в 5 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. Т. 5. С. 295.
14. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. С. 86.
15. Розанова В.А. Психология управления. М.: ЗАО «Бизнес-школа "Интел-Синтез"», 1999. С. 115-246.
16. Социальная психология / под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковича. М.: Политиздат, 1975.
17. Социальная психология. История. Эмпирические исследования / под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979.
18. Тард Ж. Законы подражания: пер. с фр. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892. С. 74.
19. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы теории психологии установки. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1961. С. 18, 23, 39.

УДК 613:101.8

Н.В. ТОЛМАЧЕВА, В.Л. СУСЛИКОВ

**ФЕНОМЕН ОПТИМАЛЬНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ
И ФИЗИОЛОГО-ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА****Ключевые слова:** мировоззрение, методология, гуманизм, экология.

Разработка современных интегративных концепций и выработка рекомендаций по оптимизации среды жизни современного человека и его образа жизни могут быть осуществлены лишь на основе последовательного применения материалистической диалектики, принципа единства социального и биологического в развитии системы «человек – биосфера».

N.V. TOLMACHYOVA, V.L. SUSLIKOV

THE OPTIMALITY PHENOMENON AS A PHILOSOPHICAL AND PHYSIOLOGICALLY-HYGIENIC PROBLEM**Key words:** World outlook, methodological, humanistic, ecological bases are analyzed.

Modern integrative conceptions' development and recommendations' working-out of environment's optimization of a modern man and optimization of his way of life can be accomplished only on the base of successive application of materialistic dialectics, the principle of the unity of social and biological in the development of «a man→biosphere» system.

В постановлениях Правительства Российской Федерации, в ряде федеральных законов РФ ставится важная задача **оптимизации среды обитания населения**, макро- и микроэлементного состава суточных пищевых рационов за счет восполнения дефицита витаминов, минеральных веществ Са, Na, К, пищевых волокон и микроэлементов J, F, Se, Zn, Fe. Предлагается решить важнейшую задачу «восполнения дефицита микроэлементов за счет подземных вод, если ее солевой состав соответствует представлениям об **оптимальном** содержании в ней макро- и микроэлементов» [12]. Однако следует признать, что методологического обоснования критериев оптимальности как среды обитания населения, так и макро- и микроэлементного состава питьевых вод и пищевых рационов до настоящего времени нет ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе.

Решение этой стратегической задачи содержит значительные философские и физиолого-гигиенические аспекты, требует обращения к материалистической диалектике. Один из важнейших этапов – это анализ мировоззренческих, методологических, гуманистических и экологических оснований.

Наиболее адекватно отношение рассматриваемых оснований отражает мировоззренческо-методологический принцип диалектического единства социальной и биологической сторон. Этот принцип служит основой для построения философско-социологической концепции оптимизации процесса социально-биологического развития человека в оптимальной среде обитания.

Концепция оптимизации, раскрывающая многоуровневость и многомерность диалектического единства социальной и биологической сторон в процессе развития человека, имеет эвристическое значение как для обоснования путей оптимизации, так и для методологического обоснования наук о человеке и биосфере с физиолого-гигиенических позиций. Оптимизация отношения сторон необходима для дальнейшего развития природы в направлении всё большего соответствия требованиям общества, формирования оптимальной среды жизни, природы человека.

Острота проблемы оптимизации среды обитания и процесса развития человека связана с тем, что выбор критериев оптимальности содержит глубокий гуманистический и нравственный смысл и во многом зависит от ценностных ориентаций относительно понятия «оптимум». По мнению Т.В. Корсаевой, понятие «оптимум» становится ключевым для сознательного регулирования дифференцированных объектов управления, так как наличие ряда уровней взаимодействия социальной и природной сторон в рамках целостной

системы придаёт оптимуму характер многоуровневой иеарархической структуры [3]. Для разработки этой структуры требуется, по представлениям И.В. Бустужева-Лады, знание системы конкретных оптимумов [1].

Значительная сложность проблемы оптимизации системы «человек – биосфера» как на её отдельных уровнях, так и на конкретных её частях (вода, пища, воздух) обусловлена прежде всего необходимостью определения наиболее объективного критерия оптимальности на достаточно научных и гуманистических основаниях. Поскольку эти критерии могут противоречить друг другу, а оптимизация каждой части системы может не давать нужного эффекта для системы в целом, возникает необходимость в их интеграции.

Некоторые авторы предлагают учитывать совокупность критериев посредством обобщённого показателя оптимальности, приводящего к задаче многократной оптимизации, означающей наиболее желательное компромиссное состояние системы с учётом всего многообразия разрешаемых противоречий. В этом случае понятие оптимизации сближается с понятием гармонизации и так якобы достигается согласованность составляющих систему элементов.

Попытки Г.И. Сидоренко, Ю.И. Прокопенко и Е.Л. Райх оценить степень гармоничности природных и социальных процессов при решении экологических противоречий привлекли внимание к такому интегративному показателю, как здоровье населения, который используется в качестве обобщающего критерия оптимальности соотношения природного и социального в жизнедеятельности человека [7, 9]. В середине 70-х годов прошлого тысячелетия так называемый «социально-экологический оптимум» удовлетворял советскому обществу и соответствовал коммунистическому идеалу всестороннего развития человека и гармонизации отношений общества и природы.

Однако необходимо отметить, что 19 мая 1997 г. вице-президент РАН академик Н.П. Лаверов обратился в Совет безопасности РФ с письмом о необходимости рассмотреть и поддержать предложения по медико-экологическому мониторингу городов и регионов России, так как состояние здоровья населения неблагополучно. Общее собрание РАН и РАМН в конце 2003 г., посвященное теме «Наука – здоровью человека», убедительно показало необходимость междисциплинарных исследований, направленных на улучшение здоровья и качества жизни людей. И, наконец, слова вице-президента РАН академика Н.П. Лаверова о том, что «все наши знания, умения и действия должны приносить биосфере Земли и человеку – как нашим современникам, так и будущим поколениям – только пользу, прежде всего здоровье, долголетие и высокое качество жизни» [5], могут быть реализованы только при оптимизации среды обитания и внутренней среды человека.

В 1995 г. В.В. Ермаковым были предложены биогеохимические критерии для подразделения территорий по степени экологической опасности: 1) зона относительного благополучия с относительно удовлетворительной экологической обстановкой; 2) зона экологического риска с обратимыми, ограниченными и в большинстве случаев устранимыми экологическими нарушениями; 3) зона экологического риска с достаточно высокой степенью экологического неблагополучия, устранение которого требует много времени и значительных затрат; 4) зона экологического бедствия с очень высокой степенью экологического неблагополучия, практически необратимыми нарушениями, имеющими четкую локализацию и специальное использование. В качестве эколого-биогеохимического критерия В.В. Ермаков предлагал определенные уровни содержания и соотношения микроэлементов в укосах трав и кормах для животных [2].

На основе имеющихся данных по содержанию и соотношению микроэлементов в растениях и кормах, выращенных в различных районах Чувашии, мы провели зонирование территории республики по этим эколого-биогеохимическим критериям.

Как показали наши исследования районов, относящихся к зонам экологического бедствия по содержанию основных микроэлементов (без данных по селену), на территории Чувашской Республики не установлено. Большинство районов Чувашской Республики относятся к зоне экологического кризиса из-за пониженного содержания йода, исключая 2 черноземных района (Батыревский и Вурнарский), в укосах и кормах, а соответственно и в кореклубнеплодах, в зернобобовых, что характерно для большинства территорий, входящих в Нечерноземную зону России. В зону экологического риска по снижению содержанию в кормах и в укосах цинка входят Алатырский, Порецкий и Шумерлинский районы, по относительному недостатку меди – Алатырский и Порецкий районы, по относительно высокому содержанию фтора – Вурнарский и Ядринский районы, по относительно оптимальным уровням йода – Батыревский и Вурнарский районы, а также по низким концентрациям молибдена – все районы республики. По эколого-биогеохимическим критериям В.В. Ермакова в зону относительно удовлетворительного состояния по содержанию цинка, меди, кобальта, молибдена, бора, фтора и меди входят большинство районов республики.

По содержанию высокотоксичных химических элементов в укосах растений (мы располагаем данными о кадмии, хrome, свинце, никеле) вся территория республики входит в зону относительно удовлетворительного состояния.

По содержанию бериллия в растительных кормах, по отношениям Ca/P и Ca/Sr вся территория Чувашской Республики входит в зону относительно удовлетворительного состояния.

Высоко оценивая предложенный метод эколого-биогеохимической оценки территорий, следует обратить внимание на выраженное несоответствие полученных оценочных данных с показателями здоровья населения Чувашской Республики. Так, по данным ежегодных докладов о состоянии здоровья населения Чувашии, самая высокая общая заболеваемость и общая смертность регистрируются в Алатырском, Порецком, Шумерлинском районах, т.е. в районах, входящих в зону экологического благополучия по большинству показателей как биогеохимических, так и по величине реальной нагрузки. Более объективное обоснование обнаруженному несоответствию можно получить при анализе материалов многофакторного изучения здоровья населения, разработанных С.П. Сапожниковым [8]. Методика многофакторного математического анализа показателей здоровья населения в зависимости от факторных нагрузок по 52 показателям позволила установить общность причинных факторов, определяющих высокую заболеваемость и смертность населения Алатырского, Порецкого и Шумерлинского районов. Эта общность имеет наиболее тесную корреляционную связь с биогеохимическими характеристиками Присурского субрегиона, установленного при биогеохимическом районировании территории Чувашии В.Л. Сусликовым и В.Д. Семеновым в 1980 г. [11]. Таким образом, можно констатировать, что метод биогеохимического районирования ограниченных территорий является наиболее объективным критерием эколого-биогеохимической оценки влияния факторов окружающей среды на здоровье населения.

Из материалов биогеохимического районирования территории Чувашии следует, что Присурский субрегион отличается высоким содержанием кремния, относительно повышенным содержанием фтора, марганца, стронция, кальция на фоне умеренного недостатка йода, магния и кобальта в суточных пищевых рационах населения. В пределах Присурского субрегиона В.В. Ковальским и В.Л. Сусликовым была открыта зональная, естественная кремниевая биогеохимическая провинция в зоне крупных месторождений кремнистых трепелов в Алатырском и Порецком районах [4]. Кремниевая биогеохимическая провинция привлекла к себе внимание первоначально специалистов строительной индустрии, а впоследствии и специалистов сельского хозяйства. Интенсивное извле-

чение из недр кремнистых трепелов для хозяйственного использования закономерно повлекло увеличение водной, почвенной и воздушной миграции кремния и, соответственно, возрастание этого элемента в пищевой биогеохимической цепи. Ранее скрытый природный дисбаланс микроэлементов в кремниевом биогеохимическом субрегионе приобрел явный антропогенный характер с выраженным преобладанием незамкнутости круговорота кремния в антропобиосфере, что согласуется с данными других исследований.

Резюмируя материалы отечественных и зарубежных авторов, затрагивающих вопросы нормирования оптимальных уровней и соотношений макро- и микроэлементов в питьевой воде и суточных пищевых рационах населения в целях организации управления процессами первичной профилактики широко распространенных микроэлементозов, следует заметить, что не отрицается острая необходимость нормирования оптимальных уровней и соотношений макро- и микроэлементов. Предложены многочисленные методологические подходы к проблеме нормирования уровней химических элементов, однако они приемлемы для нормирования одного микроэлемента по одному из лимитирующих показателей вредности.

В настоящей работе впервые представлена новая методология проблемы физиолого-гигиенического обоснования оптимальных уровней и соотношений макро- и микроэлементов в питьевой воде и в суточных пищевых рационах населения на основе установленных нами закономерностей адаптации населения в различных эколого-биогеохимических зонах постоянного их проживания.

Многолетними комплексными исследованиями причинно-следственных связей между эндемическими и некоторыми хроническими неинфекционными заболеваниями с макро- и микроэлементным составом водно-пищевых рационов населения из различных биогеохимических субрегионов Чувашской Республики была доказана «пусковая», причинная роль определенных аномальных соотношений микроэлементов в развитии эндемического уrolитиаза, зоба, язвенной болезни, ишемической болезни сердца, острого инфаркта миокарда, метакронных новообразований, корковой катаракты и сахарного диабета [10]. Выполненный нами многофакторный математический анализ показал высокую (до 82%) значимость аномально-нерегулируемых соотношений микроэлементов в динамике показателей смертности по классу болезней системы кровообращения. На основании этих исследований, а также по данным популяционного скрининга болезней мочеполовой, иммунной, эндокринной систем и функциональных нарушений репродуктивной функции женщин, представленного нами, а также многими исследователями на базе данных биогеохимического районирования территории Чувашской Республики, был сделан вывод о том, что методологической основой для оценки здоровья населения и среды обитания должна служить система эколого-биогеохимического зонирования ограниченных территорий.

В полном соответствии с методическими указаниями по определению реальной нагрузки (РН) на человека химических веществ, поступающих с атмосферным воздухом, питьевой водой и пищевыми продуктами, были определены фактические величины РН в каждом административно-территориальном районе Чувашии с использованием официальных документов центров Санэпиднадзора, Министерств здравоохранения и социального развития, охраны окружающей среды и природных ресурсов Чувашской Республики.

Критерии эколого-биогеохимической оценки территорий были разработаны нами на основании фактических данных изучения закономерностей проявления биологических реакций практически здоровых людей, проживающих постоянно в установленных нами же ранее эколого-биогеохимических зонах республики. Эти критерии включали следующие данные: 1) величины реальной нагрузки; 2) удель-

ный вес отклонений от гигиенических норм по: а) числу децентрализованных источников водоснабжения; б) числу скважин и централизованных источников водоснабжения; в) числу проб воздуха селитебных зон; г) числу проб почв; д) числу суточных водно-пищевых рационов; е) числу измерений интенсивности шума и вибрации; е) числу измерений интенсивности электромагнитных полей в жилых и общественных помещениях; ж) числу измерений общей радиоактивности в жилых и общественных помещениях; 3) удельный вес обследованных практически здоровых людей с отклонениями клинико-биохимических, иммунологических и микробиологических показателей от физиологических норм; 4) процентное соотношение показателей нарушенных тестов функциональных нагрузочных проб; 5) общую заболеваемость; 6) общую смертность; 7) рождаемость; 8) общую инвалидность; 9) удельный вес детей школьного возраста (10-12 лет), входящих в первую группу здоровья; 10) 25 основных параметров жизнеспособности новорожденных; 11) 30 акушерско-гинекологических факторов риска различных заболеваний у новорожденных и их матерей; 12) 7 основных факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний у взрослого обследованного населения; 13) удельный вес долгожителей (людей в возрасте 90 лет и старше).

Эколого-биогеохимическое зонирование и картографирование территории Чувашской Республики обозначили границы четырех эколого-биогеохимических зон: 1) оптимума, 2) риска, 3) кризиса, 4) бедствия, которые существенно отличаются как антропогенными, так и природными характеристиками, с одной стороны, и биологическими реакциями здоровых жителей – с другой.

Таким образом, разработка интегративных концепций на основе философского обоснования феномена оптимальности и выработка научных рекомендаций по оптимизации среды обитания современного человека и оптимизация его образа жизни на основе методологии эколого-биогеохимического зонирования территорий могут быть осуществлены лишь на базе материалистической диалектики.

Литература

1. Бестужев-Лада И.В. Проблема оптимума в социально-экологическом прогнозировании // Взаимосвязь наук при решении экологических проблем. М.: Обнинск, 1976. С. 27-33.
2. Ермаков В.В. Биогеохимическое районирование. Концепция, классификация и экологическая оценка. Основные направления геохимии. М.: Наука, 1995. С. 183-197.
3. Карсаевская Т.В. Принцип диалектического единства социального и биологического в исследовании социально-экологического оптимума человека // Методологические проблемы медицины и биологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 176-186.
4. Ковальский В.В., Сусликов В.Л. Кремниевые субрегионы биосферы. Биохимическое районирование и геохимическая экология. М.: Наука, 1980. 58 с.
5. Лаверов Н.П. Предисловие к книге «Экология человека в изменяющемся мире». Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 3.
6. Онищенко Г.Г. Актуальные вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации // Гигиена и санитария. 2006. № 5. С. 4-10.
7. Райх Е.Л. Окружающая среда и экология человека // Окружающая среда и здоровье. М.: Наука, 1979. С. 112-145.
8. Сапожников С.П. Влияние эколого-биогеохимических факторов среды обитания на функциональное состояние и здоровье населения Чувашии: автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2001. 33 с.
9. Сидоренко Г.И., Прокопенко Ю.И. Здоровье населения – важнейший системно-образующий фактор при комплексном решении экологических проблем // Экология и здоровье. М.: Обнинск, 1976. С. 39-46.
10. Сусликов В.Л. Геохимическая экология болезней: в 4 т. Т. 3. Атомовитозы. М.: Гелиос АРВ, 2002. 670 с.
11. Сусликов В.Л., Семёнов В.Д. Биогеохимическое районирование Чувашской АССР // Труды биогеохимической лаборатории. М.: Наука, 1981. Т. 19. С. 65-85.
12. Федеральный закон РФ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» № 29-ФЗ от 02.01.2000 г. М., 2000.

УДК 352.075.1:34

А.М. КИРИЛЛОВА

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: субъекты гражданских правоотношений, гражданское законодательство, муниципальные образования, органы местного самоуправления, Конституция Российской Федерации.

Рассмотрен вопрос о правах и обязанностях муниципальных образований как участников гражданских правоотношений. Природа муниципальных образований, органов местного самоуправления – это природа властных публичных институтов. Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальное образование не могут участвовать в правоотношениях. Данные субъекты правоотношений реализуют свою правоспособность через соответствующие органы (органы государственной власти и органы местного самоуправления в рамках их компетенции).

A.M. KIRILLOVA

MUNICIPAL INSTITUTIONS AS THE PARTICIPANT OF CIVIL LEGAL RELATIONSHIP

Key words: the constituent entities of the Russian Federation, civil legislation, municipal institutions, institutions of local governing, Constitution of the Russian Federation.

This article deals with the concerning the rights and charges of municipal institutions as the participant of civil legal relationship. The point of local municipal institutions, institutions of local governing is the point of authoritative public institutions. The Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, municipal institutions can not participate in legal relationship. The given subjects of legal relationship realize their legal capacity through corresponding bodies (public authority and institutions of local governing within the bounds of their reference).

Гражданский кодекс Российской Федерации [1] в подразделе 2 «Лица» определяет субъекты гражданских правоотношений – физические и юридические лица, а также особые субъекты, наделенные правом на участие в гражданских правоотношениях – Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Названные субъекты выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами. К данным особым субъектам применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов (ст. 124 ГК РФ).

Муниципальное образование – территориально-политическая организация населения в городском, сельском поселении, на иной территории, для решения вопросов жизнеобеспечения, связанных с общностью проживания граждан. Природа муниципальных образований, органов местного самоуправления – это природа властных публичных институтов, а не хозяйствующих субъектов. Наделение муниципальных образований гражданской правоспособностью необходимо лишь постольку, поскольку решение вопросов местного значения невозможно без вступления в некоторые гражданско-правовые отношения.

При этом быть участником гражданских правоотношений, обладать всеми правами и обязанностями может только само муниципальное образование, а не органы местного самоуправления, и любая деятельность, связанная с осуществлением местного самоуправления, должна осуществляться только в интересах и от имени данного муниципального образования. Важно отметить также то, что по Конституции Российской Федерации [2] право владения, пользования, распоряжения муниципальной собственностью принадлежит населению, т.е. собственником является население, соответствующим образом объединенное в публично-правовое территориальное образование, а органы местного самоуправления в соответствии со ст. 132 Конституции РФ лишь осуществляют управление муниципальной собственностью.

Очевидно, что Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование (впрочем, как и юридические лица) не могут лично участвовать в правоотношениях. Данные субъекты правоотношений реализуют свою правоспособность через соответствующие органы. От имени РФ, субъектов РФ и муниципальных образований в соответствии со ст. 125 ГК РФ могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти и органы местного самоуправления в рамках их компетенции. ГК РФ с учетом особенностей органов власти вводит нормы, позволяющие данным органам участвовать в гражданских правоотношениях от имени государства или муниципальных образований, а не от себя лично как субъекта права. Пределы и объем такого участия определяются актами, устанавливающими статус данных органов п. 1 (ст. 125 ГК РФ), такими актами являются для органов местного самоуправления Устав муниципального образования и положения о соответствующих органах местного самоуправления. В соответствии с ГК РФ органы местного самоуправления, наделенные правом на участие в гражданских правоотношениях от имени муниципального образования, не являются юридическими лицами и не нуждаются в статусе юридического лица, а действуют в соответствии с главой 5 ГК РФ и Уставом муниципального образования.

В силу п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. При этом никогда не возникает попыток придать органам юридического лица (например, собранию акционеров, собранию участников или исполнительному органу, правлению) статус юридического лица для приобретения ими «скрепок или бумаги» или оформления на работу сотрудников. Правовая конструкция ГК РФ по участию публично-правовых образований в различных правоотношениях обеспечивает соблюдение интересов государства и муниципальных образований, населения, а не интересов органов власти как таковых при осуществлении деятельности, регулируемой гражданским законодательством. В ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [3] (далее – Закон) ключевые положения правоспособности муниципальных образований и статуса органов местного самоуправления урегулированы непоследовательно, не соответствуют теории и практике организации публичной власти, гражданскому законодательству, содержат множество внутренних противоречий, что при их применении приведет к ряду серьезных проблем и правовых казусов. В Законе не прослеживается идея единого субъекта правоотношений – муниципального образования (не юридического лица, а его аналога – особого субъекта правоотношений), от имени которого действуют органы местного самоуправления (по аналогии с органами юридического лица). Тем самым Закон отошел от идеи представительских функций органов местного самоуправления, заложенной в гражданском законодательстве. Закон не дает определения муниципального образования, а определение органов местного самоуправления (п. 1 ст. 2) не указывает на их природу как органов, представляющих интересы муниципальных образований и действующих от их имени. Следствием такого подхода является присутствующая в Законе путаница в понятиях, постоянное смешение муниципальных образований и органов местного самоуправления.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. М.: Юрайт, 2010. Ч. 1. 516 с.
2. Конституция Российской Федерации. М.: Юрайт, 2010. 64 с.
3. Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

КИРИЛЛОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – ассистентка кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (semenova.alena.m@mail.ru).

KIRILLOVA ALENA MICHAILOVNA – assistant of Civil Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 316.77 (075)

Ю.В. АВЕРИНА

ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ О МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ: ОЦЕНКИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ (по итогам социологического исследования)

Ключевые слова: современное общество, печатные СМИ, функции периодической печати, типология изданий, структура информационных предпочтений читателей.

Проанализировано современное состояние местной периодической печати в условиях крупного промышленного города, рассмотрены структура местных печатных СМИ и исполняемые ими функции; исследованы степень доверия к ним читательской аудитории и характер воздействия местной прессы на подписчиков.

Yu.V. AVERINA

CITY DWELLERS ABOUT A LOCAL PRESS: ESTIMATIONS AND PREFERENCES (FOLLOWING THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Key words: a modern society, printing mass-media, periodicals functions, typology of editions, structure of information preferences of readers.

In article is analyzed the current state of local periodicals in the conditions of a large industrial city, is considered the structure of local printing mass-media and functions executed by them; is investigated trust degree in a reader's audience and character of influence of the local press on subscribers.

В XXI в. важнейшим ресурсом развития общества, инструментом власти, общественного развития по-прежнему являются средства массовой информации, из которых печатные СМИ выступают как один из узнаваемых населением каналов её распространения. Причём если журналы читает «избранная» публика, то газеты – это действительно массовые издания. Они и сравнительно недорогие, и менее объёмные по количеству передаваемой информации. Именно на них и следует остановить внимание.

Для того чтобы дать объективную оценку состояния печатных изданий, необходимо проанализировать внешнюю сторону социума, сопоставив с интерпретацией отображение этой реальности в газетах. В данном случае речь идет о крупнейшем в Поволжье промышленном центре Тольятти с населением более 700 тыс. человек, где функционируют около 3000 различных предприятий, организаций и учреждений, среди которых 29 – предприятия автомобильной промышленности.

Исходя из сказанного, можно предположить, что наибольшим спросом в городе должна пользоваться как информация о товарных рынках автомобильной и химической промышленности, строительстве жилья и иных объектов инфраструктуры, так и о состоянии духовной, социокультурной сферы, в которой работники многочисленных предприятий находятся на протяжении всего времени, свободного от работы.

В целях подтверждения данных теоретических позиций обратимся к эмпирическим данным, полученным в ходе социологического исследования, проведенного в марте 2008 г. в городском округе г. Тольятти ($n=500$) методом анкетного опроса. Целью исследования стало выявление специфики местной печати, тенденций ее развития.

Несмотря на высокую скорость развития информационных и коммуникационных сетей, в городском социуме печатные СМИ сталкиваются с барьерами в виде низких доходов населения, невысокой квалификации и слабой социальной активности редакторов и журналистов местных СМИ. Складывается ситуация, когда местные общественно-политические издания «выпадают» из

глобального информационного пространства, что провоцирует информационный разрыв между крупными городскими центрами и периферией.

В ходе исследования нами были поставлены задачи, среди которых – выявление структуры местных печатных СМИ, пользующихся особой популярностью у читателей; оценка состояния газет; исследование степени доверия местной периодике со стороны местного населения.

Результаты нашего исследования показали неожиданные результаты – низкую степень значимости местной периодики для жителей города. В целом проведенные российскими учёными исследования указывают на повсеместное снижение интереса к чтению не только газет, но и иной печатной продукции. В данном случае лишь треть участников опроса подтвердили, что выписывают местные газеты и читают их (35,8%).

Всего в городе издается 22 периодических издания, среди которых доминируют общественно-политические издания массового характера. Типологически большая часть газет имеет ярко выраженный универсальный характер, ориентируемый на всю аудиторию. Газета занимает так называемую вертикальную информационную нишу определенного сегмента рынка периодических изданий. Так, еженедельное информационно-рекламное издание «Презент» читают около трети респондентов (29,9%). Деловая пресса, ориентированная на специальную аудиторию, – профессиональную, чиновничью, также велика по объёму. Так, большая часть опрошенной нами аудитории читает «Площадь свободы» и «Тольяттинское обозрение» (23%).

Наименьшее значение в рейтинге предпочтений занимает телегид «Молния» 14,2%, принадлежащая крупнейшему рекламному холдингу «Абсолют». Газета пишет о жизни города и о горожанах, которые своей деятельностью влияют на среду, способствуют позитивным изменениям.

Для того чтобы выявить характер влияния местной прессы на читательскую аудиторию, остановимся на тех функциях, которые призвана выполнять периодическая печать. С нашей точки зрения, можно выделить пять групп социальных функций, исполняемых периодической печатью. В их число входят такие функции, как информационная, коммуникативная, интерактивная, функция формирования общественного мнения, социального контроля, рекламная, рекреационная, релаксационная. Остановимся на двух из названных групп – информационной и рекламной.

Информационная функция заключается в предоставлении массовому читателю, слушателю и зрителю актуальной информации о самых различных сферах деятельности – деловой, научно-технической, политической, юридической, медицинской и т.п. Получая большой объем информации, люди не только расширяют свои познавательные возможности, но и увеличивают свой творческий потенциал. Знание информации дает возможность прогнозировать свои действия, экономит время. При этом заметно усиливается мотивация к совместным действиям. В этом смысле данная функция способствует оптимизации полезной деятельности общества и индивида.

Ещё одно проявление данной функции – оперативное информирование жителей обо всех наиболее важных событиях городской жизни, обзор текущих событий и проведение анализа. Под влиянием меняющихся условий функционирования общества тематика данных изданий претерпела значительную трансформацию. Теперь в них освещаются не только политические и экономические события, но и новости официальной (управленческой), социальной (экономической), культурной сферы, борьбы с криминализацией общества и т.д. Все, что происходит в городе, вызывает интерес его жителей и, соответственно, получает освещение в городской прессе.

Результаты исследования говорят о том, что наибольшая часть местных читателей (49,2% от числа ответивших) считает себя информированной о происходящих событиях. Что же касается собственно читательских предпочтений, полученные нами данные свидетельствуют: в структуре информационных потребностей основными темами, интересующими читателей, оказались культурная жизнь города (46,7%), функционирование ЖКХ (33,3%), состояние дел в сфере производства (33,3%) и сферах экономики и политики городского округа (31%).

Следовательно, для каждого читателя местной прессы статьи, рассматривающие вопросы собственного благополучия, интересы и предпочтения ближайшего социального окружения индивида (рода, семьи, производственного коллектива), представляются не только наиболее значимыми, актуальными, но и интересными, полезными с точки зрения здравого смысла.

Тем самым оказывается, что темы, касающиеся развития города в целом, а также перспектив развития региона, менее всего заботят читателей местной прессы. Так, взаимоотношениями с соседними регионами, строительством жилищных объектов и объектов соцкультбыта интересуются только 8,9% опрошенных.

Характерно, что, по нашим данным, почти треть информантов стремится к здоровому образу жизни. Так, для 29% имеет значение информация о состоянии здравоохранения. Почти столько же респондентов волнуют проблемы развития спорта, физкультуры, туризма (22,2%). Еще одна немаловажная проблема вызывает недоумение. Так, проблемы семьи характеризуются низким интересом у местных читателей (11,1%). По оценкам респондентов, наука и состояние городской архитектуры стоят на одном уровне (11,2%).

Этнические отношения в городском округе, как оказалось, волнуют 6,7% опрошенных, что удивительно для городского округа Тольятти, в котором проживает несколько этнических групп, в том числе – армяне, азербайджанцы, туркмены, присутствуют граждане, проживающие на территории округа нелегально. Незначительна доля ответивших на вопрос о деятельности религиозных организаций, как и доля лиц, интересующаяся совершенствованием сети местной печати (по 4,4%). И вновь возникает вопрос о причинах данного явления. Самарская область в целом и г.о. Тольятти в частности являются мощными религиозными центрами, где распространены православие, ислам и буддизм.

Парадоксально, но в ситуации, когда рынок образования является одной из наиболее активно обсуждаемых тем в российском общественном мнении, тематика образования оказалась значимой лишь для 26,7% респондентов. При этом отметим, что в г.о. Тольятти имеется ряд крупных государственных и негосударственных вузов, которые привлекают фактически всю молодёжь, заканчивающую средние общеобразовательные школы. Параллельно опрошенные отмечают то, что наболело – низкий уровень развития сети дошкольных воспитательных учреждений в городе. При этом вопрос настолько болезненный, что число ответов, связанных с ним, оказалось на удивление малым – только 8,9%. Очевидно, что местная печать не стремится затрагивать острые социальные темы, ограничиваясь более «спокойными» политическими и социально-экономическими проблемами.

Говоря об информационной функции СМИ, отметим известный факт: развитие современного общества характеризуется активным воздействием научно-технического прогресса на жизнь общества. Известно, что в XXI в. темпы смены технологических укладов во всех сферах жизнедеятельности существенно увеличились. Данный процесс существенно сказался на образе жизни большей части населения.

Важнейшими показателями изменения образа жизни являются развитие и использование новых информационно-коммуникативных и мобильных техно-

логий во всех областях социальной жизни и деятельности, уровень производства и потребления обществом информационных услуг и продуктов. По результатам исследования, для 17,8% участников опроса важна информация о коммуникационных сетях.

Рекреационная функция. Современный этап развития российской прессы, характеризующийся рыночными отношениями, привел к увеличению конкуренции. Для обеспечения конкурентоспособности издания в условиях формирующегося рынка определяющим становится экономический фактор, проявляющийся в выборе методов привлечения финансовых средств и социального статуса. В конкурентной борьбе побеждают сильнеешие – те издания, которые превосходят соперников своими качествами, предлагая покупателям информацию, в наибольшей степени удовлетворяющую их потребности.

Большая часть ответивших (38,8%) отмечают, что в определенной мере конкуренция между печатными СМИ существует. Ещё некоторая часть участников опроса (9,6%) убеждены в существовании конкуренции между местными газетами. Таким образом, 48,4% респондентов (почти половина) ссылаются на наличие конкурентных отношений в местной прессе. И только сравнительно небольшая доля опрошенных (10,5%) такой конкуренции не видят. Характерно и то, что большое число (41%) участников опроса затруднились с ответом.

Возникает вопрос о том, в чем именно выражается конкуренция. Половина опрошенных отмечают, что газеты пишут об одном и том же. Более трети (36,5%) респондентов обращают внимание на то, что печатные СМИ, работая над своим внешним имиджем, улучшают внешний вид изданий.

Активным стимулятором привлечения внимания, по утверждению трети респондентов, является проведение редакциями разного рода розыгрышей. Помимо этого растет год от года мастерство журналистов и редакторов, применяются новые способы и средства подачи материала (14,4%). Действенным методом привлечения внимания читателей, по мнению 12,5% опрошенных, являются опросы читательской аудитории.

Отметим, что 9,1% респондентов подчеркнули неучастие руководителей редакций газет в политической жизни города. Скорее всего, данный факт говорит о неосведомлённости читательской аудитории, нежели о действительно имеющем место социальном факте.

Определённая доля респондентов (7,7%) видит наличие рекламного воздействия в ведении редакциями диалога с аудиторией как в печати, так и в Интернете. Действительно, одним из важнейших источников информации, необходимой для работы редакции, являются письма читателей, телефонные звонки в редакцию, подписка на издания. Письма читателей есть средство прямой и обратной связи: прямой – при их публикации на газетных полосах, обращении их авторов к читателям; обратной – как средства, с помощью которого редакция может узнавать об эффективности публикаций газеты, о реакции читателей на выступления журналистов, о популярности и распространённости своего издания.

В целом информацию о месте издания в системе печатных СМИ можно использовать как для подготовки публикаций в газете, так и в процессе управления редакцией, планирования ее деятельности, организации работы журналистов, их информирования, поддержания популярности и авторитета печатных изданий, самым непосредственным образом влияющих на их тиражи.

Если же говорить о взаимоотношениях местной печати и печати областной, региональной, то здесь ситуация довольно интересная. Местная печать (тольяттинская) явно соперничает с областной (самарской). Данный факт отмечают 47,2% опрошенных. Противоположную позицию подчёркивает 21% читателей. Более того: почти половина читателей газет (41%) убеждены, что

местная печать выдерживает конкуренцию и с российскими газетами. Обратного мнения придерживаются менее трети (28,1%) респондентов.

Далее следует продолжить сопоставление позиции местных печатных СМИ в системе средств массовой коммуникации, обратившись к радио- и телеканалам. Как показал опрос, 38% респондентов считают, что местная печать выдерживает соревнование с российским радио, как, впрочем, и с областным радио (37%). Не будучи в состоянии конкурировать с телевидением и радио в сообщении оперативных новостей, газета, тем не менее, сосредоточивается на их комментировании, на первичном анализе ситуаций и проблем, прогнозировании их развития. К непрерывному потоку оперативной информации, поставляемой телевидением, радио и сетевыми изданиями, газета присоединяет порционную информацию, получаемую читателями через определенные промежутки времени, и сопровождает ее аналитическим комментарием. Она всегда существует в потоке времени, представляя в нем своими номерами памятные столбцы.

Вопреки сложившемуся мифу об исключительной эффективности телевидения данные исследований свидетельствуют, что пресса не только уступает в этом негласном соперничестве ТВ, но во многом превосходит его. К примеру, по мнению 39,9% читателей, местная периодика выдерживает конкуренцию с областным телевидением. В сравнении с российским телевидением выдерживает соревнование местная периодика (41,9%). Однако около трети опрошенных (29%) не согласны с данным утверждением. Превосходство газет заключается в том, что данные каналы распространения информации точнее, у них более широкое и вызывающее доверие содержание, больше информации, полезной для повседневной жизни, они более интеллектуальны, а их содержание лучше запоминается.

Таким образом, из сказанного можно сделать следующие выводы.

Несмотря на развитие и увеличение городской системы средств передачи массовой информации, местная тольяттинская пресса остаётся экономически и политически ангажированной. При этом данная система сохраняет авторитет и доверие со стороны горожан. Показательно, что в условиях специфики города лидерами в освещении жизни города оказались качественные издания информационно-рекламного и делового характера.

Оформление местной печати идёт в ногу со временем. Заголовки газет наглядно отражают уменьшение официальности, в чём-то и объективности повествования. Общими чертами современных названий для текстов являются сенсационность, эмоциональность, оценочность, оригинальность.

В условиях рыночной экономики ведущую роль приобрела рекламная функция печати, наиболее заметно проявляясь во внешнем облике газеты, в частности, в яркой реализации «эффекта новизны» в заголовках, неожиданных розыгрышах.

В целом исследование доказывает: рекламная функция подавляет другую важную функцию газетных заглавий – информационную. Причина заключается не столько в малом количестве происходящих в городе событий, сколько в слабой отраслевой сегментированности информации о делах в городском хозяйстве. Основная масса публикуемых статей посвящена городской политике, событиям на предприятиях автомобильной, химической и нефтехимической промышленности. К тому же отсутствуют сформировавшиеся традиции издания качественной прессы на фоне развития финансируемых крупными государственными и частными финансовыми компаниями малотиражных печатных изданий.

Интересы читателей главным образом базируются на удовлетворении собственных запросов, нежели общественных. Такие актуальные темы, как демографическое состояние городского округа, вызывают интерес у наимень-

шей части среди респондентов. Между тем прирост численности в городе Тольятти, характерный для 1995-2000 гг., к настоящему времени снизился с 10-12 тыс. человек в год до 1,5-2,0 тыс. человек в год. Данный показатель был достигнут за счет большего миграционного притока и, как следствие, присутствием в городе более молодого контингента населения [1].

Несомненно, что в прессе крупного многонационального города должны были бы печататься статьи информационно-аналитического характера, связанные с изучением истории народов и культур мира. Однако нет таких материалов и нет видимого интереса респондентов к данному вопросу. Отчасти это свидетельствует об отсутствии интолерантной атмосферы в городе, попытках редакторов и журналистов уйти в сторону от острых нерешённых проблем.

В целом отметим, что в настоящее время активная, социально ответственная позиция горожан фактически не формируется журналистами и редакторами изданий. Местные власти не заинтересованы в становлении открытых политических отношений, эффективном формировании и функционировании гражданского общества. Задача общественности – направлять систему местной печати в г.о. Тольятти более уверенно, нежели сейчас. Местная ситуация должна анализироваться в интересах всех социальных групп и слоёв более объективно и всесторонне.

Литература

1. http://www.tgl.ru/tgl/gen_plan/soderg/gp3_1.htm.

АВЕРИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры философии и культурологии, Казанский государственный университет культуры и искусств, Россия, Казань (Juliana_07.31@inbox.ru).

АVERINA YULIA VLADIMIROVNA – post-graduate student of philosophy and cultural science chair, Kazan State University of Culture and Arts, Russia, Kazan.

УДК 316.33

Л.Р. МУРТАЗИНА

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: социальный институт, структурно-функциональный подход, институционализация, система, подсистема, микросоциологические теории, макросоциологические теории, социальные связи, социальные взаимодействия, социальные отношения, социальные группы, социальные общности, функции, дисфункции.

Рассмотрены интерпретации понятия «социальный институт» через наиболее известные определения в работах социологов; представлены различные точки зрения и подходы к классификации социальных институтов, имеющиеся в зарубежной и отечественной социологической литературе; основные функции и дисфункции социальных институтов.

L.R. MURTAZINA

SOCIAL INSTITUTE AS A SUBJECT OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Key words: social institute, the structurally functional approach, an institutionalization, system, a subsystem, microsociological theories, macrosociological theories, social communications, social interactions, social relations, social groups, social a generality, function, dysfunction.

In article concept interpretations «social institute» through the most known definitions in works of sociologists are considered; the various points of view and approaches to classification of the social institutes, available in the foreign and domestic sociological literature are presented; the basic functions and dysfunctions of social institutes.

Категория «социальный институт» является одной из фундаментальных в социологической теории.

Круг явлений и процессов, которые социологи обозначают понятием «социальный институт», достаточно широк. Социологический энциклопедический словарь приводит два его значения: 1) учреждение, установление; 2) совокуп-

ность норм права, регулирующих определенную группу обществ, отношений одного порядка и обычно составляющих часть соответствующей отрасли права [9]. В социологию термин «институт» пришел из юриспруденции, где он употреблялся для обозначения совокупности норм, регулирующих правовые отношения (институт собственности, институт наследования, институт брака).

Активизация изучения социальных институтов приходится на 1920-1950 гг. Наиболее известные определения понятия «социальный институт» в имеющихся работах представлены нами в табл. 1:

Таблица 1

Интерпретации понятия «социальный институт»

Автор и название работы	Определение
Ч. Кули. «Социальная организация»	Определенные установившиеся формы мышления
У. Гамильтон. Статья «Институт» в «Энциклопедии по социальным наукам»	Вербальные символы, при помощи которых описывается группа социальных обычаев, широко распространенных и неизменяемых
Г. Гилман. «Исследование природы и применения власти»	Социальные институты – не материальные предметы, а идеи
Ф. Чэпин. «Современные американские институты»	Организационные модели установок поведения членов группы
Т. Парсонс. «Эссе по теории социологии», «Социальная система»	Образцы стандартизированных ожиданий, которые управляют поведением индивидов и социальными отношениями
Л. Баллард. «Социальные институты»	Формы организованных человеческих отношений с целью установления общей воли
Д. Хоманс. «Природа социального знания»	Набор правил и норм, определяющих, как личность должна или не должна вести себя при определенных обстоятельствах в сложившейся ситуации
Дж. Хертзлер. «Социальные институты», «Американские социальные институты»	Комплекс установленных и санкционированных правил и установок поведения индивида в обществе
К. Панунzio. «Главные социальные институты»	Определенные системы идей, обычаев, ассоциаций и инструментов, которые, возникнув из практики человечества, направляют и регулируют деятельность людей
Дж. Фейблеман. «Институты общества»	Групповые цели, объективированные с помощью материальных средств выражения

Примечание. Табл. 1 составлена по [3. С. 14, 15; 4. С. 43; 10. С. 119, 122; 11. С. 75, 123, 160].

Как видим, в вышеназванных работах социальные институты выполняют инструменталистскую роль во внедрении в общественное и индивидуальное сознание рационалистических установок и норм поведения в обществе, используются для описания регулярных и долговременных социальных практик.

Согласно структурно-функциональному подходу, социальный институт – ведущий компонент социальной структуры, интегрирующий и координирующий множество индивидуальных действий людей, упорядочивающих социальные отношения в отдельных сферах общественной жизни, или базисный элемент регулирования общественной жизни, соответственно, конструкционистской интерпретации; институт – пространство, в котором индивид приучается к согласованному поведению, к жизни по определенным правилам («институты побуждают людей идти проторенными путями, которые общество считает желательными») [5].

Образующей основой социальных институтов являются социальные связи, взаимодействия и отношения конкретных индивидов, социальных групп, общностей.

Основные функции социального института Ю.П. Андреев раскрывает следующим образом: 1) закрепление и воспроизводство общественных отношений, 2) регулирование деятельности и общественных отношений, 3) включение людей в деятельность и отношения, 4) транслирующая функция (социальный ин-

ститут – носитель «социальной наследственности»), 5) коммуникативная функция, передача информации, создание условий для общения индивидов [2, 8].

По своему характеру функции социального института могут быть явные и скрытые (латентные). Под явной понимается ожидаемая и необходимая с точки зрения удовлетворения социальной потребности функция социального института. Явные функции законодательно фиксируются и декларируются, они более формализованы и подконтрольны обществу. Латентные функции не запланированы заранее, являются побочным, косвенным результатом деятельности социального института.

Интенсификация общественных процессов, ускорение темпов социальных перемен могут привести к возникновению дисфункций социального института, т.е. к нарушению нормального взаимодействия с социальной средой. Дисфункция социального института может выражаться в неясности целей социального института, падении его социального авторитета и престижа, вырождении его отдельных функций в «символическую» деятельность.

Наличие дисфункций свидетельствует о том, что возникла необходимость в изменении или создании нового социального института.

В социологической литературе приводятся различные классификации социальных институтов:

- наследственные, инструментальные, регулятивные и интегративные (К. Дausон и У. Геттис) [3. С. 19];

- экономические институты, политические институты, институты стратификации, институты родства; институты культуры (Н. Аберкромби) [1. С. 166];

- интегративные институты, поддерживающие солидарность и существующие партикулярные ценности; дистрибутивные институты, реализующие универсальные ценности; организационные институты (П. Блау) [12].

Есть и другие классификации.

В отечественной социологической литературе обычно выделяются: институты семьи и образования, связанные с реализацией основополагающих потребностей общества; институты экономики, обеспечивающие материальную жизнеспособность общества; политические и государственно-правовые институты, способствующие интеграции социальных групп и коллективов; институты культуры, поддерживающие и сохраняющие духовные ценности общества [10. С. 118].

Формирование социальных институтов началось на ранних этапах развития общества. Их развитие шло в направлении совершенствования имеющихся институциональных образований и формирования новых институтов.

Эволюцию социальных институтов Р. Макайвер описал следующим образом:

- 1) общинные обычаи, для которых была характерна слитность политико-экономико-семейно-религиозно-культурных традиций и норм;

- 2) дифференцированные общинные институты, или особые отличительные формы политических, экономических, семейных, религиозных, культурных процедур;

- 3) дифференцированные ассоциации – государство, экономические корпорации, семья, церковь, школа [6].

Разделение труда, специализация профессиональной деятельности вызвали увеличение численности социальных институтов, осложнение их структуры, их сегментацию.

Социальные институты в современных обществах, наряду с регулятивной, интегративной и транслирующей функциями, способствуют и социальному отчуждению, что противоречит растущей потребности в культурной и социальной интеграции современных обществ.

Различные точки зрения и подходы к классификации социальных институтов представлены нами в табл. 2:

Таблица 2

Классификация социальных институтов

№ п/п	Авторы классификации	Типы социальных институтов			
1	Л. Бернард	зрелые		незрелые	
2	Б. Малиновский	универсальные		партикулярные	
3	Л. Баллард	регулятивные		санкционированные, или оперативные	
4	Ф. Чэпин	специфические, или нуклеативные		основные, или диффузно-символические	
5	Г. Барнз	первичные		вторичные третичные	
6	Т. Парсонс	релятивные		регулятивные культурные	
7	Я. Щепаньский	формальные		неформальные	
8	Н.Я. Бромлей	Цивилизационный критерий			
		традиционные		нормативные ценностные	
		Формационный критерий			
		первобытно-общинные		рабовладельческие феодальные капиталистические	
9	Ю.П. Андреев	отстаивающие интересы господствующих		отстаивающие интересы подчиненных	
10	А.А. Радугин	простые		сложные	
11	О.В. Иншаков	Сфера хозяйствования			
		промышленные		сельско-хозяйственные транспортные торговые и др.	
		Уровень			
		мега- макро-		мезо- микро- мини- нано-	
		Масштаб распространения			
		глобальные		страновые региональные локальные	
		Характер			
		сословно-кастовые		бюрократические демократические	
		Степень зрелости			
		развивающиеся		развитые разрушающиеся	
12	Д. Норт	Масштаб			
		всеобщие		частичные единичные	
		Функциональная значимость			
		базисные		вспомогательные	

Примечание. Табл. 2 составлена по [1. С. 167; 2; 3. С. 18; 4. С. 49; 7; 10. С. 117, 119, 127; 11. С. 94, 138; 14. С. 99].

В качестве основных элементов социального института в социологической литературе указываются социальные группы, учреждения, обычаи, материальные орудия, организация (Дж. Фейблеман), а также цель, функции, средства достижения цели, социальные санкции (Я. Щепаньский) [14. С. 98].

К. Панунцио рассматривает социальный институт как систему, состоящую из следующих подсистем: 1) символические и утилитарные инструменты (здания, оборудование, техника, знаки отличия и т.п.); 2) договорные, семейные и принудительные ассоциации (профсоюзы, политические партии, спортивные объединения, школьные правления и т.п.); 3) обычаи, нравы и правила жизни (выборная компания, брачная церемония, обязательная школьная посещаемость и т.п.); 4) идеи, верования, идеалы (вера в Бога, идеал политической демократии и т.п.) [3. С. 16].

Производными от понятия «социальный институт» являются «институция», «институционализация», «институционализация». Последние два термина нами используются как синонимы, но при этом отдается предпочтение термину «институционализация».

Понятие «институционализация» в «Социологическом энциклопедическом словаре» представлено в трех значениях: 1) как образование стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на формализованных правилах, законах, обычаях и ритуалах, что делает возможным прогнозирование социального поведения в определенных социальных ролях; 2) как

правовое и организационное закрепление сложившихся в обществе форм поведения, отношений; 3) как процесс образования института [9].

В «Социологическом словаре» Н. Аберкромби, С. Хилла и Б.С. Тернера институционализацией называется процесс становления социальных практик в социальный институт посредством приобретения практикой регулярного и долговременного характера [1. С. 166].

По нашему мнению, первый подход к понятию «институционализация» вписывается в рамки структурно-функциональной методологии, второй – конструкционистской.

В социологической литературе представлены макро- и микросоциологические традиции интерпретации социальных институтов. В макросоциологических теориях, как отмечает Дж. Хоманс, доминирует трактовка социальных институтов, с одной стороны, как формирований, удовлетворяющих «потребности» индивидов или обществ, с другой стороны, как внешних «рамки», ограничений действий субъектов и их агентов посредством различных норм, правил, обычаев; исследуются нормы, связь норм, ролей и институтов, но не причины существования ролей; структурным направлением функционалистов является изучение содержания взаимоотношения ролей и взаимоотношения институтов, а не причин возникновения и поддержания этих взаимоотношений; функционалистов больше интересуют последствия или функции институтов, особенно с точки зрения сохранения и поддержания равновесия и целостности социальной системы [13].

Представители микросоциологических теорий ориентированы на изучение того, каким образом возникают социальные институты. В частности, в феноменологической трактовке институционализация имеет отношение к повторяющимся индивидуальным практикам.

Различия в западной и восточной институциональных моделях в сравнительном формате нами представлены в табл. 3.

Таблица 3

Различия между западной и восточной институциональными моделями

Институциональное ядро	Институциональные модели	
	западная	восточная
Экономика	Институты рынка или обмена	Нерыночные институты, характеризующиеся централизацией управления и принципом «раздаточности»
Политика	Институты федерации или федеративные начала государственного устройства	Институты унитарно-централизованного государственного устройства
Идеология	Предпочтительность личных, индивидуальных ценностей перед коллективными ценностями, приоритет «Я» над «Мы»	Доминирование коллективных, надличностных ценностей, приоритет «Мы» над «Я»

Таким образом, социологический анализ понятия «социальный институт» и производных от него терминов показывает, что в исследовании социальных институтов и процессов институционализации социальных феноменов могут быть использованы и макросоциологический, и микросоциологический методологический подходы в зависимости от исследовательских задач и методологического выбора исследователей.

В частности, семья как социальный институт при структурно-функционалистской интерпретации может быть рассмотрена как подсистема социальной системы (общества), что позволяет рассматривать изменения в структуре семьи, семейно-брачных отношениях, воспроизводстве населения и т.п., как детерминированные изменениями самого общества. Институциональный подход в микросоциологической версии предполагает изучение индивидуальных практик семейно-брачного и репродуктивного поведения людей.

Литература и источники

1. Аберкромби Н., Хилл Н., Тернер Б.С. Социологический словарь: пер. с англ. / под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2004.
2. Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 38, 39.
3. Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10.
4. Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9.
5. Казаринова Н.В., Филатова О.Г., Хренов А.Е. Социология: учебник для вузов / под общ. ред. проф. Г.С. Батыгина. М.: NOTA BENE, 2000. С. 101.
6. Макайвер Р. Главное направление социальной эволюции // Социология: хрестоматия / под общ. ред. А.И. Сухарева. Саранск: Изд-во НИИ регионологии при Морд. ун-те, 2000. С. 127.
7. Парсонс Т. Система современных обществ: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 58, 59.
8. Радугин А.А., Радугин К.А. Социология: курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Центр, 2000. С. 153-154.
9. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г.В. Осипова. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. С. 105.
10. Социология: хрестоматия / под общ. ред. А.И. Сухарева. Саранск: Изд-во НИИ регионологии при Морд. ун-те, 2000.
11. Социология: хрестоматия / сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003.
12. Тернер Дж. Структура социологической теории: пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. С. 377.
13. Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Социология: хрестоматия / под общ. ред. А.И. Сухарева. Саранск: Изд-во НИИ регионологии при Морд. ун-те, 2000. С. 122-123.
14. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969.

МУРТАЗИНА ЛИЛИЯ РОБЕРТОВНА – доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Филиал Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны, Россия, Набережные Челны (LLLiliya-2007@mail.ru).

MURTAZINA LILYA ROBERTOVNA – assistant professor of Social and Humanitarian Disciplines Chair, Branch of Kazan (Volga region) Federal University in Naberezhnye Chelny, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 355.2

В.В. ПЫЖ

ВОЕННАЯ МОЩЬ И ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОБЪЕКТ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: военная мощь, военный потенциал, экономическая мощь, политическое руководство, военная готовность, вооруженные силы.

Рассмотрены вопросы, связанные с военной мощью государства – одним из самых сильных средств достижения политических целей. На основе анализа военной мощи государства представлен механизм функционирования и развития военного потенциала во взаимодействии со структурными компонентами в рамках совокупного потенциала. Изучена взаимосвязь уровня военного потенциала, состояния Вооруженных сил и сторон общественной жизни государства.

V.V. PYZH

MILITARY POWER AND MILITARY POTENTIAL AS AN OBJECT OF MILITARY POLICY OF THE STATE

Key words: military power, military potential, economic power, political guidance, military readiness, armed forces.

The article reviews the issues connected with military power of the state – as one of the most powerful means of reaching political goals. The mechanism of functioning and developing military potential is shown on the basis of the analysis of the military potential of the state in connection with structural components within the frames of combined potential. Interrelationship of the level of military potential, condition of the armed forces and sides of social life of the state are considered.

Среди важнейших приоритетов развития любого общества всегда особо выделялась его безопасность. 5 февраля 2010 г. Президент РФ подписал военную доктрину государства, которая стала дальнейшим развитием Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. В военной доктрине–2010 прямо говорится, что военные угрозы для России на ряде направлений имеют тенденцию усиливаться [4, 9,11,14]. Обеспечение национальных интересов осуществляется государством всеми имеющимися в его распоряжении средствами, вопрос не ограничивается только военной сферой.

В отечественной и зарубежной литературе довольно подробно рассмотрены отдельные сферы общественной жизни и соответствующие им потенциалы государства: экономический, моральный (духовный), научно-технический, социальный и другие. Во взаимодействии они образуют совокупный (общий) потенциал страны – национальную мощь или национальную силу государства. В исследовании феномена силы государства значительную роль сыграл американский ученый немецкого происхождения Г. Моргентау. Он выделил реальные компоненты, которые формируют то, что можно определить как национальную силу, или мощь, государства: географическое положение и ресурсы, промышленный потенциал, количество и качество Вооруженных сил, людские ресурсы, национальный характер, национальную мораль, качество дипломатии, уровень государственного управления [20].

Такой подход к определению мощи государства получил название атрибутного. Однако формализованное, количественное измерение основных параметров мощи не всегда позволяет адекватно оценить соотношение силы между различными странами в конкретной исторической ситуации, в определенный момент времени. Механическое включение в военную мощь всех потенциалов государства весьма уязвимо как в методологическом, так и логическом отношениях – не вполне адекватно отражаются реальные процессы формирования и регулирования военной мощи, что не позволяет научно ана-

лизировать проблемы, возникающие в ходе этих процессов, а, следовательно, концепция не может в полной мере служить в качестве методологического ориентира в осуществлении практического военного строительства.

По нашему мнению, наиболее полно и рельефно взгляды на проблему военной мощи изложены в фундаментальном труде «Война и армия» [5]. В целом военная мощь государства определяется как «степень его способности вести войну против других государств при напряжении всех материальных и духовных сил общества», отмечается, что в структурном отношении она «включает в себя экономический и научный, морально-политический и собственно военный потенциалы». Продолжая эту мысль, известный исследователь военной теории и истории С.А. Тюшкевич указывает, что в обеспечении безопасности государства в меняющихся исторических, геополитических и иных условиях чрезвычайно важную роль играет единство политики и военной стратегии [15].

Выработку нового подхода к анализу военной мощи государства, разработку ее концепции необходимо начать с научного анализа понятий «потенциал» и «мощь» вообще. Именно их произвольное, неоднозначное толкование лежит в основе методологической и логической путаницы. Понятие «потенциал» можно сформулировать как максимальные возможности отдельного человека, коллектива, класса, государства в той или иной области общественной жизни. В принципе такой подход к определению этого понятия осуществлен в БСЭ: «Потенциал – в широком словоупотреблении – средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии, а также средства, которые могут быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенной цели, решения ключевой задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области: экономический потенциал, производственный потенциал, военный потенциал» [3].

Потенциалы государства существуют применительно к конкретным областям общественной жизни и включают в себя все их максимальные возможности. При этом имеются в виду конкретные возможности государства, для осуществления которых в обществе сложились или уже складываются объективные условия, а не абстрактные возможности.

Таким образом, потенциал государства в той или иной сфере общественной жизни охватывает как реально имеющиеся на данный период, уже реализованные, активно проявляющие себя возможности – функционирующие силы и средства, так и другие – еще нереализованные возможности, которыми располагает данное государство в этой сфере и которые можно мобилизовать и реализовать при соответствующих объективных и субъективных условиях, а также при определенных усилиях со стороны субъектов управления. Реализованные на данный период времени части перечисленных потенциалов, соответственно, называются: экономическая мощь (фактор), социальная мощь (фактор) и т.д. Сумму же реализованных частей всех видов потенциала государства можно обозначить понятием «совокупная (общая) мощь государства».

Каждый конкретный вид потенциала государства в любом периоде времени характеризуется определенным уровнем его реализации, степенью его превращения в действующую, проявляющую себя силу. Естественно, что степень реализации любого вида потенциала государства, будучи зависимой от многих причин и условий объективного и субъективного порядка, является достаточно подвижной величиной.

В связи с этим возникает вопрос: что представляет собой реализованная, проявляющая себя часть того или иного потенциала государства? Понятиями, выражающими функционирующие силы и средства, которые представляют собой уже реализованную часть потенциала, являются «мощь», «фактор».

Следовательно, мощь (фактор) – это та часть различных видов потенциала, которая уже реализована, реально существует, реально функционирует и не только проявляет себя, но и оказывает существенное влияние на характер и темпы развития общества в зависимости от условий и характера ее использования государством, органами его управления.

Исходя из рассмотренного соотношения представляется логичным утверждать, что понятия «потенциал» и «мощь» соотносятся, с одной стороны, как категории «возможность» и «действительность», а с другой – как «целое» и «часть». Мощь (фактор) входит (включается) в соответствующие потенциалы как момент в процессе их реализации. Иначе говоря, потенциалы во всех сферах жизни общества являются своего рода источниками, из которых черпаются силы и средства государства, его мощь. Они являются показателями максимальной величины сил и средств, которые может создать государство в той или иной сфере жизни в определенные исторические периоды времени. И как бы государство ни напрягало свои усилия, большей величины сил и средств, чем имеющаяся на данный период величина потенциала, ему не создать. Превышение потенциальных возможностей поставило бы под угрозу краха всю сложившуюся структуру общества вообще и его хозяйства в особенности.

По мере закономерного поступательного развития общества развиваются и потенциалы государства. Однако мощь государства в той или иной сфере общественной жизни является более переменчивой, динамической, так как она может варьироваться как в зависимости от изменений величины соответствующего потенциала, так и вне их зависимости. В связи с этим можно выделить три возможных способа (варианта) изменения величины мощи государства в той или иной области:

- путем увеличения или уменьшения реализованной части соответствующего потенциала государства при неизменности величины последнего;
- путем изменения величины соответствующего потенциала государства при неизменной степени его реализации;
- путем одновременного изменения как величины соответствующего потенциала государства, так и степени его реализации.

Потенциалы современных государств представляют собой возможности в самых разнообразных областях общественной жизни, параллельно продолжается непрерывный процесс не только количественного, масштабного его увеличения, но и структурного, содержательного усложнения, появления новых видов потенциала. Перед человечеством вскрываются новые пласты неизведанного, открываются новые горизонты и новые сферы возможностей – новые потенциалы, которые оно сможет успешно реализовать.

Итак, у любого государства имеется множество разнообразных потенциалов. Обычно выделяют несколько видов, в которые объединяются и которыми охватываются все виды (подвиды). К ним относятся экономический, моральный (духовный), научно-технический, социальный потенциалы государства. В последнее время исследователи выделяют в качестве самостоятельного вида информационный потенциал [13]. Все имеющиеся виды потенциала государства, их сумму можно назвать совокупным (общим) потенциалом. Широко известен и еще один вид потенциала – военный, который занимает особое место среди слагаемых совокупного потенциала государства.

Необходимо подчеркнуть, что выделение указанных видов потенциала носит достаточно условный характер. Во-первых, нет четких, а тем более непроходимых граней между указанными видами потенциалов, они тесно, органически связаны и проникают друг в друга. Во-вторых, внутри каждого из названных потенциалов можно выделить еще много его компонентов. Проведенный анализ понятий «потенциал» и «мощь» полностью распространяется

в методологическом и логическом отношении и на понятия «военный потенциал» и «военная мощь».

Исторический опыт свидетельствует о том, что с начала своего возникновения и по сегодняшний день каждое государство заботится об эффективном проведении в жизнь своей политики, защите своих интересов в межгосударственных отношениях, обеспечении своей безопасности от внутренних и внешних врагов. Для выполнения этих задач государства нуждаются в определенной военной опоре. Создают эту военную опору путем выделения определенного количества сил и средств из своих ресурсов, из своего совокупного потенциала. Этой опорой или силой, с помощью которой господствующий в обществе класс добивается осуществления своих задач как в отношениях с другими классами внутри страны, так и в отношениях с другими государствами, является военная мощь [1, 2, 6, 7, 8, 10, 12, 16, 17, 18, 19].

Следовательно, военная мощь государства представляет собой совокупность выделенных им на данный период сил и средств, предназначенных для военной защиты его интересов и достижения его внутренних и внешних политических целей. Вполне очевидно, что государство не может весь свой совокупный потенциал, все свои ресурсы превратить в военную мощь. Военная мощь государства не может быть суммой всех его потенциалов, а представляет только их определенную часть.

В зависимости от конкретных исторических условий, сложившихся или складывающихся отношений с другими странами, а также исходя из своих возможностей каждое государство регулирует количество сил и средств, выделенных им на военные цели, т.е. величину своей военной мощи. В связи с этим возникает вопрос: в каких пределах государство может регулировать величину своей военной мощи? Не вызывает сомнения, что любое государство располагает ограниченными возможностями по увеличению своей военной мощи.

Максимально возможный уровень (величина) развития военной мощи того или иного государства на определенный период времени определяется объемом его военного потенциала. Военная мощь государства непосредственно черпается из его военного потенциала, а полная реализация последнего и есть максимальная величина военной мощи государства. Исходя из этого можно сформулировать и определение военного потенциала: военный потенциал государства представляет собой максимальное количество сил и средств, которые оно может выделить из своего совокупного потенциала в интересах формирования и наращивания своей военной мощи.

Необходимо отметить, что полную реализацию своего военного потенциала государства осуществляют далеко не всегда и не на продолжительное время, так как это очень тяжело сказывается на всех сферах общественной жизни. В условиях мирного времени большинство государств стараются выработать наиболее оптимальную, минимально необходимую для обеспечения надежной обороны, величину военной мощи. В этом случае военный потенциал государства характеризуется совокупностью двух величин.

Во-первых, той величиной сил и средств, которую государство уже выделило на военные цели из всех своих возможностей, своего совокупного потенциала. Эта величина и представляет собой реализованную, превращенную в военный фактор часть военного потенциала. Военный фактор и есть наличная военная мощь государства. Во-вторых, той величиной сил и средств, которую государство в состоянии еще дополнительно выделить на военные цели при максимальном напряжении всех своих возможностей.

Военный потенциал государства, будучи источником его военной мощи, не является независимым от других потенциалов государства. В то же время воен-

ный потенциал государства не есть одно из слагаемых его совокупного потенциала, как это имеет место в отношении экономического, научного, морального и социального потенциалов. Военный потенциал государства имеет собственный источник, этим источником и является совокупный потенциал. В зависимости от изменения величины совокупного потенциала государства изменяется, хотя не всегда прямо пропорционально, величина его военного потенциала. Военный потенциал государства составляют максимальные части всех видов его потенциала, которые оно может выделить для формирования и наращивания своей военной мощи. Эти части обозначаются понятиями: «военно-экономический потенциал», «военно-научный потенциал», «моральный (духовный) потенциал», «социальный потенциал». В ходе же военного строительства достигается определенная степень реализации всех составляющих военного потенциала, превращение их определенной части в фактор. Следовательно, военная мощь (фактор) государства представляет собой сумму реализованных частей его военно-экономического, военно-научного, морального, социального и информационного потенциалов, а именно: военно-экономического, военно-научного, морального социального и информационного факторов.

Рассмотрение военной мощи государства с точки зрения ее сущности, структурных компонентов и возможной величины важно, но недостаточно для обеспечения полного и глубокого уяснения всей поставленной проблемы. Военная мощь государства представляет собой, наряду с рассмотренными структурными компонентами, совокупность отдельных элементов (организаций), функционирующих и выполняющих свои специфические задачи. На создание и обеспечение эффективного функционирования этой совокупности организаций и используется то количество сил и средств, которое образует военную мощь государства.

Основные составляющие элементы военной организации у различных государств одинаковы, но по второстепенным элементам могут быть значительные особенности. Это определяется как сущностью и задачами военной политики государства, так и традициями в стране. Например, в Российской Федерации основными элементами военной организации государства являются: Вооруженные силы, военно-промышленный комплекс, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, железнодорожные войска, Министерство по чрезвычайным обстоятельствам и гражданской обороне. До недавнего времени сюда же входили строительные войска, Федеральная служба правительственной связи и информации (ФАПСИ).

Военная мощь государства, будучи порождением и орудием политики, полностью зависит от ее потребностей с точки зрения как объема (величины), так и характера структурного построения (структурных компонентов). Поясним эти положения несколько подробнее. Уже отмечалось, что величина военной мощи государства довольно динамична и, имея верхней границей величину военного потенциала, может изменяться в довольно широких пределах. Динамика этого изменения зависит от политических целей государства и в конечном счете определяется политикой, политическим руководством через утверждение военных расходов в бюджете страны. Чрезмерное увеличение степени реализации военного потенциала государства может подорвать основы динамичного развития общества. Диалектика в данном случае такова: стремление к чрезмерному увеличению военной мощи государства, ее выход за определенную меру, которая обусловлена величиной совокупного потенциала и динамикой его развития, может привести не к усилению, а ослаблению страны в военном отношении.

Политика не только выделяет определенную часть совокупного потенциала государства на военные цели, но и определяет через военную доктрину

(политическая сторона которой является решающей) характер военного строительства, систему подготовки страны и армии к отражению агрессии.

Как правило, в абсолютном большинстве государств мира главными и основными как по своей величине, так и по масштабам возлагаемых функций и решаемых задач, являются Вооруженные силы. Поэтому естественно, что основная часть сил и средств, составляющих военную мощь государства, тратится на Вооруженные силы, их укрепление и совершенствование.

Соотношение между элементами военной организации государства во многом зависит от внутреннего и международного положения страны, задач внутренней и внешней политики, соотношения внутренних и внешних опасностей, глубины понимания политическим руководством проблем обеспечения национально-государственной безопасности.

Очевидно, что если страна переживает кризис, обострены противоречия между политическими силами, все стороны общественной жизни дестабилизированы, а внешние опасности незначительны, то политическое руководство обращает особое внимание на элементы военной организации, которые призваны обеспечивать внутреннюю безопасность. Наглядным примером этого является Россия, где за последние годы были значительно расширены силы милиции и внутренних войск, созданы целые службы, которых оснастили даже тяжелым вооружением.

В руководстве функционированием и использованием элементов военной мощи государства и, в первую очередь Вооруженных сил, особая роль принадлежит политике. Характеризовать роль политики, ее влияние на функционирование и использование военной мощи государства нужно применительно к мирному и военному времени. Военная готовность государства складывается из готовности элементов его военной мощи, т.е. всей его военной организации и мобилизационной готовности страны к наращиванию своей военной мощи в рамках военного потенциала.

Что касается элементов военной мощи государства, особенно его Вооруженных сил, то политика, политическое руководство определяют степень их боевой готовности в целом, а также отдельных видов и родов войск, привлекаемых для боевого дежурства, районы (зоны) патрулирования военноморскими и военно-воздушными силами, состав этих сил и т.д. Для достижения определенных целей политическое руководство может прибегнуть к демонстрации военной силы (мощи), готовности ее применения. И наконец, в условиях мирного времени политика может использовать военную мощь государства путем прямой угрозы ее применения для достижения своих целей. Проявления такой угрозы могут быть разнообразны: от завуалированных форм до открыто ультимативных требований.

В условиях войны еще больше возрастают роль и ответственность политики за эффективное использование имеющейся у государства военной мощи и ее наращивание по мере необходимости. По существу, все более или менее важные решения, связанные с войной (от начала военных действий и вплоть до их завершения), будут носить политический характер. Политика будет определять очередность и силу ударов по противнику, темпы и напряженность военных действий, силы и средства, подлежащие мобилизации для наращивания военной мощи, сам характер, темпы и объем мобилизации, соотношение наступательных и оборонительных операций на различных театрах военных действий.

Таким образом, краткий анализ показывает, что военная мощь государства является одним из самых сильных средств достижения политических целей. Эта мощь непосредственно порождена политикой, и все основные решения, связанные с ее созданием, наращиванием и использованием, осуществ-

ляются на политическом уровне. Однако это не означает, что всеми сложными проблемами занимается только политика – и она одна их решает. В решении этих проблем принимают участие многие ведомства, самые различные специалисты на различных уровнях. Особая роль в подготовке и проработке политических решений по проблемам военной мощи принадлежит военным специалистам. В этом находят своеобразное выражение обратное влияние военной мощи, состояния составляющих ее элементов на политику, характер принимаемых политическим руководством страны решений по проблемам военной политики и военного строительства.

Литература

1. Балувевский Ю.Н. Теоретические и методологические основы формирования военной доктрины Российской Федерации // Военная мысль. № 3. 2007. С. 14-21.
2. Барынькин В.Н. Основы военной конфликтологии. М.: ВАГШ, 1997.
3. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1975.
4. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2010. 10 февр.
5. Война и армия. М.: Воениздат, 1991.
6. Гулин В.П. О новой концепции войны // Военная мысль. 1997. № 2.
7. Дмитриев А.П. Методология формирования концепции национальной безопасности. М.: ВАГШ, 1999.
8. Долбунов Н.Н. Проблемы военной политологии. СПб.: ВМА, 1994. С. 50.
9. Закон Российской Федерации «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.
10. Киселев В.А. Военная доктрина в оборонительной системе государства // Военная мысль. № 4. 2007. С. 28-36.
11. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 2000. № 1. 14 января.
12. Кортунов С.В. Дialeктика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы // Полис. 2009. № 1. С. 7-28.
13. Морозов И.Л. Информационная безопасность политической системы // Полис. 2002. № 5.
14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Указ № 537 Президента РФ от 12 мая 2009 г.
15. Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, фактор использования. М.: Книга и бизнес, 2002. С. 223.
16. Чечеватов В.С. Характер современных войн. М.: ВАГШ, 2000.
17. Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность // Полис. 2009. № 5. С. 141-148.
18. Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность // Полис. 2010. № 1. С. 35-53.
19. Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность // Полис. 2009. № 2. С. 75-89.
20. Morgentau H. Politik Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1967. P. 106-144.

ПЫЖ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор политических наук, профессор, директор, Филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Чебоксары, Россия, Чебоксары (VVP_21812@mail.ru).

PYZH VLADIMIR VLADIMIROVICH – doctor of political sciences, professor, director, Branch of Saint-Petersburg State University of Engineering and Economics in Cheboksary, Russia, Cheboksary.

УДК 159.923:316.6.

М.А. ОДИНЦОВА

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МАНИПУЛЯЦИЙ
В ПОВЕДЕНИИ ИНДИВИДА С УСТАНОВКОЙ «ЖЕРТВЫ»**

Ключевые слова: установка «жертвы», игровая роль «жертвы», социальная роль «жертвы», манипуляция, функции манипуляции.

Представлена манипуляция как одна из основных характеристик, проявляющихся в игровых и социальных ролях индивида с установкой на поведение «жертвы». Рассмотрены такие функции манипуляций, как научение, снятие напряженности, формирование мировоззрения, создание соответствующей среды, стимуляция к деятельности, прогнозирование, навязывание психологических комплексов, самовоспроизводство, скрытие реальности и рентная функция.

M.A. ODINTSOVA

FUNCTIONAL ASPECT OF MANIPULATIONS IN BEHAVIOUR OF THE INDIVIDUAL WITH SET-UP OF «VICTIM»

Key words: set-up of victim, a acting role of «victim», a social role of «victim», manipulation, manipulation functions.

Manipulation is presented as one of the basic characteristics which are shown in acting roles and social roles of the individual with behaviour of «victim». Manipulations functions: learning, intensity removal, outlook formation, creation of the corresponding environment, stimulation to activity, forecasting, imposing of psychological complexes, self-reproduction, reality concealment, rent function.

Сегодня общество поглотила волна манипуляций, начиная с манипулирования общественным сознанием и заканчивая манипуляциями в межличностном взаимодействии. Манипуляции стали важнейшим элементом современных социально-культурных отношений. Более того, в психологии существует ряд отраслей, успешно продвигающих и пропагандирующих манипулятивные приемы, причем потребность в них сегодня чрезвычайно велика (психология рекламы, политическая психология, психология менеджмента, психология управления и ряд других). Специалист в области человеческих взаимоотношений Э. Шостром пишет о манипуляциях как об универсальном, общечеловеческом феномене, как о «чуме» современности [7].

Манипуляция (*manipulus* – *горсть*, *manus* – *рука*) в большинстве справочников определена как: 1) обращение с объектами со специальным намерением, особенной целью, как ручное управление, как движения, производимые руками, ручные действия; 2) как махинация, обман, жульничество, мошенничество [5]. В психологическом словаре вводится третья важная характеристика данного понятия: это коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации у объекта воздействия определенных мотивационных состояний (а вместе с тем и чувств, аттитюдов, стереотипов), побуждающих его к поведению, желательному для субъекта воздействия; при этом предполагается, что оно обязательно должно быть выгодным для объекта воздействия [1. С. 274]. А.Б. Мещеряков, подчеркивая социальный характер данного явления, пишет, что сегодня манипуляцию следует «определить не просто как оказываемое скрытое воздействие, а шире: как социальное поведение, которое формируется окружающей средой, обществом, принятыми нормами и ценностями» [1. С. 274].

Человек действительно не рождается с умением манипулировать, эту способность он приобретает, вырабатывает в процессе жизнедеятельности, обучаясь ей как искусству, чтобы избегать различных неприятностей и добиваться желаемого. Как пишет Э. Шостром «средства обучения и воспитания

сегодня как никогда стоят на службе манипуляции» и воспитывают манипуляторов». «Манипулятор» в первоначальном значении – цирковой артист, фокусник, который хорошо действует с предметами при помощи рук [5. С. 333]. Э. Шостром называет манипулятором человека, который относится к себе и другим лицам как к объектам, «вещам», которые можно использовать и контролировать [7]. «Манипулятор – это многогранная [7], многоликая личность, разные стороны (лики) которой находятся в постоянном противоречии и динамике: это агрессивный и инфантильный, самовлюбленный и депрессивный, демонстративный и непризнанный, и т.п. Словом, манипулятор – это личность, которая никогда не бывает аутентичной, это, скорее, жертва, в которой странным образом сливаются ее многочисленные роли. И хотя Э. Шостром не выделяет данный тип манипулятора (более детально роль «жертвы» описана в исследованиях Э. Берна и С. Карпмана), она представляет для современной психологии особый интерес. Во-первых, потому что, до сих пор непонятным остается вопрос, как пораженческая психология «жертвы», сковывающая, подавляющая личностное развитие, а порой и разрушающая индивида, может успешно сочетаться с особой изобретательностью, гибкостью, искусностью, манипулятивностью, доведенной до совершенства. Во-вторых, остается открытой проблема рентных (от нем. *rente* – пенсия, регулярный доход с капитала, имущества и т.п., не требующий предпринимательской деятельности) [2. С. 665] и кверулянтских (от лат. *querulus* – постоянно жалующийся) [2. С. 356] установок, которые лежат в основе поведения «жертвы». В-третьих, до конца непонятна динамика игровых и социальных ролей «жертвы».

На основании многолетней работы над поставленной проблемой, изучения научного наследия коллег, собственной психологической практики мы можем предположить, что установка на поведение «жертвы» является формой социальной установки, в основе которой лежат рентная и кверулянтская направленность, инфантилизм, иждивенчество, паразитизм, стремление к манипулированию окружением, что, в свою очередь, способствует деформации личности и смещению нравственных критериев в ее сознании. Все многообразие ролей «жертвы» можно условно разделить на две большие группы: социальные и игровые роли, которые, в свою очередь, могут перейти в позицию либо статус и закрепиться в модели поведения индивида. Игровая роль «жертвы» – единица анализа свободных, но ситуативных отношений, обладает целым комплексом необходимых ей качеств, среди которых одним их центральных является умение манипулировать. Например, пустив «хрустальную слезу» можно с легкостью добиться моральной либо материальной помощи от окружающих. К таким игровым ролям можно отнести «Инфантильную жертву», «Депрессивную», «Агрессивную» и ряд других, названия которых говорят сами за себя и подробно описаны в книгах автора данной статьи (см. подробнее [4, 6]). Позиция «жертвы» является более прочным образованием и формируется в результате положительного подкрепления. Если «хрустальная слеза» оказала нужный эффект на другую сторону взаимодействия, жертва-манипулятор будет прибегать к излюбленному манипулятивному трюку еще и еще, каждый раз совершенствуясь в своем искусстве. Социальная роль «жертвы» так же как и игровая, предполагает ситуативность, при этом она заостряет характерные черты людей, отличные от игровой роли «жертвы» (это, как правило, группа аутсайдеров). Например, «Козел отпущения», «Гадкий утенок», «Белая ворона» и др. – это все типичные представители социальных ролей «жертвы» (см. подробнее [4]), на первый взгляд не являющиеся манипуляторами, однако, закрепившись в модели поведения и перейдя в статус, они также начинают получать удовольствие от своего тягостного положения «жертвы» и приобретают манипулятивные способности.

Для чего же нужны манипуляции, какую роль они выполняют, зачем возникает необходимость в овладении этим величайшим искусством? Иными словами, какие *функции выполняют* манипуляции в поведении «жертвы»? В научной литературе функциональный аспект манипуляций исследователи не обходят стороной. Так, А.В. Кузин (2009) выделяет девять важнейших функций манипуляции: 1) научение; 2) снятие напряженности; 3) формирование мировоззрения; 4) создание среды; 5) стимуляция к деятельности; 6) прогнозирование; 7) навязывание психологических комплексов; 8) самовоспроизводство; 9) скрытие реальности [3].

Перечисленные функции, безусловно, выполняют определенную роль в поведении большинства манипуляторов, однако не понятно, какое отношение они имеют к поведению «жертвы». Поэтому внесем некоторые пояснения, поправки и расширим представления о функциональном аспекте манипуляций в поведении индивидов с установкой «жертвы».

Первой является *функция «научения»* как функция формирования определенных поведенческих конструктов (сценариев). Особую важность данная функция приобретает в случае отсутствия у субъекта четкого понимания необходимых поведенческих реакций в нетипичной ситуации, требующей определенных действий. Иными словами, в таких ситуациях актуализируется тенденция присваивать установки, убеждения других людей без критики и попыток их изменить, т.е. интроекты. Так формируется поведение «жертвы». Например, дети достаточно быстро учатся конструкту «жертвы» у своих родителей, так как подобные интроекты впитываются незрелой личностью без должного обдумывания и осмысления. Определенной «научающей» функцией обладают и ситуации повседневной жизни как некая само собой разумеющаяся реальность, имеющая целостный, упорядоченный, доступный, и прагматичный характер. Прагматичный характер повседневности может сыграть решающую роль в научении поведению «жертвы», так как главным остается выгода.

Второй функцией является *функция иллюзорной солидарности в поступках*. Именно иллюзорной солидарности, которая якобы помогает устранить конфликтность и напряженность в микроокружении. На самом деле зачастую это сводится к интриганству, сплетням, клевете, заискиванию и т.д. Подобного рода поведение характерно для «Демонстративных жертв», главная черта которых – болезненная склонность к вымыслу, преувеличение своих страданий и всевозможная их демонстрация [4, 6].

Следующей функцией является *функция «выработки представлений»* [3], или необходимость соотнесения мнений объекта манипуляции невидимому замыслу субъекта. Такая функция помогает соотнести представления объекта с представлениями или мировоззрением целой социальной системы. Например, сформировавшимся мировоззрением большинства может быть представление о том, что «жертву» всегда нужно жалеть, это традиционно пострадавший член общества, которому жизненно необходима поддержка и забота микро- и макроокружения. Безусловно, данное утверждение едва ли можно оспорить. Сострадание, милосердие – основные характеристики, заложенные в менталитете русского народа.

«*Формирование определенной среды*» – еще одна функция манипуляции. Силами манипуляции возможно создать определенную психологическую среду, в которой будут разыгрываться важнейшие для манипулятора-«жертвы» процессы: от создания доверительных отношений до открытой конфронтации. Типичным примером может являться поведение «Инфантильной жертвы», требующей сочувствия и заботы, вызывающей доверие и стремление помочь. Но, когда окружение уже не в состоянии помогать, «Инфантильная жертва» превращается в «Аг-

рессивную», она может разыграть совершенно другой «спектакль» (формировать другую среду): рассорить близких, спровоцировать конфликт, закатить грандиозный скандал и т.п. с целью добиться необходимого. И так каждый тип «жертвы» может создавать соответствующую, выгодную для себя среду.

Одной из важнейших функций манипуляции является *функция «стимуляции к деятельности»*, или *управленческая функция*. Это способность воздействовать на объект так, как это требуется субъекту, подчинить его волю, сделать его зависимым от желаний манипулятора. На это способны все представители игровых и социальных ролей «жертвы» (На данный момент автором описаны 17 манипуляторов-«жертв». См. [4, 6]).

Еще одной функцией является *функция прогнозирования*. Это означает направленность на будущее, выражающуюся «в стремлении манипулятора сделать последующие действия, поступки манипулируемого более предсказуемыми» [3], выгодными и безопасными для сложившихся обстоятельств. Определенный сценарий поведения объекту манипуляций навязывается, закрепляется в его модели, и поведение становится предсказуемым, не оставляя никакой свободы действий. Таким образом, будущее прогнозируемо и предопределено, а это значит, что «жертва» всегда останется с тем, что ей необходимо на данный момент времени.

Функция навязывания психологических комплексов и их культивирования состоит в следующем. «Жертве» выгодно быть «Жертвой», а микро- и макроокружению зачастую выгодно быть «Спасителем» и поддерживать беспомощность «Жертвы». В этом случае мы получаем замкнутый круг манипуляций: «Жертва» манипулирует «Спасителем», «Спаситель», в свою очередь – «Жертвой». Создается иллюзия поддержки и помощи в преодолении психологических комплексов в краткосрочной перспективе, в долгосрочной – наоборот – навязывание и поддержка беспомощности одному и культивирование ложного, иллюзорного благородства – другому. Это хорошо можно проследить на примере поведения «Нищей жертвы», или «Инфантильной жертвы» [4, 6].

Функция «скрытие или имитация реальности», или «вторичной выгоды», выражается в сокрытии и искажении реальности и, как следствие, неправильном понимании происходящего. Истинные мотивы «жертвы» тщательно маскируются, неблагородное прикрывается благородными оправданиями. Примеры реализации данной функции представлены в поведении представителей социальных ролей жертвы («Козел отпущения», «Раб», «Непризнанный гений», «Пьяница» и др.).

Функция самовоспроизводства приводит к тотальной манипуляции и появлению «Великого манипулятора» – «Жертвы». Данная функция призвана постоянно воспроизводить ситуации, в которых манипуляции жизненно необходимы. Манипуляция становится единственным способом отношений в социальной системе: роли постоянно меняются, сменяют одна другую, но остаются при манипуляторе. Освободиться от них бывает чрезвычайно сложно. Например, «Инфантильная жертва» может легко перевоплощаться в «Депрессивную», «Демонстративную» и даже в «Агрессивную жертву», руководствуясь рентными и кверулянтскими установками.

И последнее, *рентная функция*, которая пронизывает и подчиняет все вышеперечисленные функции манипуляции. В данной статье мы неоднократно упоминали о ней. Рентная функция способствует утилитарному подходу к положению «жертвы» и порождает рентные установки. Рентная установка понимается нами как особое состояние готовности к специфической реакции получения выгоды (материальной либо моральной) из своего неблагоприятного положения, возникающее на фоне необоснованной помощи и поддержки со

стороны микро- и макроокружения, оказывающее деформирующее влияние на все поведение индивида. Специфика проявления рентных установок в поведении «жертвы» выражается в утилитарном подходе к своему бедственному положению; в настойчивых требованиях различного рода компенсаций; в ощущении себя особо пострадавшим и беспомощным; в фокусировании психической активности на страдании; в иждивенческих тенденциях и паразитических взглядах; в локализации контроля на внешний мир (экстернальность) и т.п.

Таким образом, мы видим, что все вышеперечисленные функции подчинены главному – выгоде. Элемент выгоды (ренты) сквозит через все поведение «Великого манипулятора» – «жертвы». Выгодно создавать иллюзорную солидарность, формировать определенного рода представления и создавать определенную социальную среду, управлять волей другого человека; иметь прогнозируемое будущее, а для этого поддерживать в другом объекте разнообразные комплексы. Выгодно воспроизводить ситуации, в которых манипуляция становится жизненно необходимой, менять одну роль на другую – наиболее подходящую в том или ином случае; выгодно имитировать реальность, маскируя под благородными предложениями неблагородные действия и поступки.

Но это далеко не полный перечень функций манипуляции, возможны различные ее комбинации и варианты, как возможны комбинации и варианты манипуляторов-«жертв», что позволяет нам говорить о многоликости данного феномена. Различные пересечения предложенных функций манипуляции могут стать следствием появления как новых функций, так и новых типов манипуляторов-«жертв».

Литература

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. С. 274.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: Восток-Запад, 2009. 958 с.
3. Кузин А.А. Социальные функции манипуляции в эпоху кризиса // Бренное и вечное: идеология и мифология социальных кризисов: Материалы Всерос. науч. конф. с международным участием. В. Новгород, 2009. С. 28-31.
4. Одинцова М.А. Многоликость жертвы, или Немного о великой манипуляции (Система работы, диагностика, тренинги). М.: МПСИ; Изд-во «Флинта», 2010. 256 с.
5. Одинцова М.А. Психология жертвы. Сказкотерапия для взрослых. Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2010. 240 с.
6. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛклассик, 2008. С. 333.
7. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М.: Астрель-пресс, 2008. 192 с.

ОДИНЦОВА МАРИЯ АНТОНОВНА – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии, Институт психологии и педагогики, Россия, Москва (Mari505@mail.ru).

ODINTSOVA MARIYA ANTONOVNA – candidate of psychological sciences, assistant professor, Institute of Psychology and Pedagogic, Russia, Moscow.

УДК 37(470.344)(092)Яковлев

Н.Н. КРАСНОВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Я. ЯКОВЛЕВА

*Верьте в Россию, любите её,
и она будет вам матерью.
И.Я. Яковлев*

Ключевые слова: Симбирск, манифест, губернатор, школа, медицина, фельдшер, царь, государь, Бог, Британское иностранное библейское общество (БИБО), Новый завет, Ветхий Завет, Евангелие, Библия, Казань.

Исследована деятельность выдающегося педагога-демократа Ивана Яковлевича Яковлева (1848-1930). Более 50 лет (1868-1922) он трудился на ниве народного образования. Под его руководством были созданы первые дошкольные воспитательные учреждения, начальные школы и профессиональные учебные заведения по подготовке национальных кадров. Вместе со своими воспитанниками он организовал в Симбирске перевод на чувашский язык учебной литературы, научно-популярных книг по гигиене, религии, сельскому хозяйству. В 1910 г. при материальной поддержке Британского библейского общества в Лондоне им был издан в Симбирске на чувашском языке Новый Завет, а также другие книги религиозного содержания.

N.N. KRASNOV
PUBLIC AND POLITICAL WORK OF I.Ya. YAKOVLEV

*Believe in Russia, love it
and it will be your mother.
I.Ya. Yakovlev*

Key words: Simbirsk, manifesto, governor, school, medicine, medical attendant, tsar, monarch (the throne), God, British Foreign Bible Society, Bible, Kazan, Old Testament, New Testament, Gospel.

The article under review is devoted to the outstanding teacher and democrat Ivan Yakovlevich Yakovlev (1848-1930). He contributed his whole life and work to the friends hip of people in Russia. He was working in the field of public education for more than 50 years (1868-1922). The first pre-school training establishments, national school and vocational training institution to prepare local personnel were organized among Chuvash people under his direction. He and his former students translated and published educational literature, popular – science books on hygiene, religion, agriculture. In 1910 in Simbirsk having financial support of the British Bible Society in London he published the New Testament and other religious books in Chuvash.

В чувашской научной литературе до сих пор пишут только о завещании, составленном Иваном Яковлевичем Яковлевым 4 августа 1921 г. Оно издано на многих языках народов мира. Подобных обращений к народу просветителем было составлено немало. К сожалению, пока о них читатели не знают.

В процессе составления очередного (восьмого) тома собрания сочинений И.Я. Яковлева учеными Чувашии были выявлены еще несколько его обращений к родному народу, в которых великий просветитель советует, как организовать жизнь, воспитать детей, сохранить здоровье и т.д.

И.Я. Яковлев прошел долгий и трудный путь жизни: родился и вырос в семье язычников, рано осиротел. Получив образование, организовал движение чувашской интеллигенции за создание национальной школы и развитие культуры. Его обращение к представителям этого движения: «Ведите жизнь высокую, благочестивую, согласно с христовыми заповедями, со всем усердием внимайте слову Божию».

Все призывы, советы, заветы Учителя в совокупности составляют целую программу жизни для народа. В настоящую статью вошли его обращения в разной форме к народу, составленные в 1904-1921 гг.

В 1904 г. в Симбирске вышел сборник популярных листов по медицине Пироговского общества врачей с двумя предисловиями: на русском написано

губернским земством, на чувашском – И.Я. Яковлевым. Первая часть сборника посвящена профилактике, лечению больных, а другая – организации детских яслей-приютов. В предисловии И.Я. Яковлев пишет о необходимости соблюдения гигиены, охраны здоровья. Весь сборник объединяет 16 брошюр и отдельные листы, которые были изданы раньше и распространены среди чувашского населения. Предисловие И.Я. Яковлева является обращением к народу на чувашском языке – как организовать разумную жизнь и как беречь ее. Ниже приведем текст данного предисловия в сокращении (орфография и пунктуация сохранены. – Н.К.).

Любое дело требует разумного подхода; без умения, без всестороннего обдумывания дело не получается или совсем останавливается. И в жизни так же: чтобы жизнь продолжалась, надо думать, стараться. Иначе, всем известно, жизни не будет, жизнь остановится и человека не будет.

Думать и стараться тоже еще недостаточно. Чтобы свою жизнь устраивать лучше, человеку еще нужно знать все необходимое, а если не знаешь, то учиться надо. Век живи, век учишься, говорят русские. Иначе и старание будет напрасным.

Незнание и неумение губит простой народ, наши чуваша, наверное, поэтому так поют: времена трудные, душа простая, кручусь, как черный олень. Еще: головы наши молодые, сердца простые, как бы прожить свой век? И на самом деле так: жизнь прожить совсем не просто, чтобы жизнь прожить достойно, нужно знать, что нужно для жизни, а то, что не знаешь, нужно стараться учить.

Что же надо для того, чтобы наша жизнь становилась лучше? В жизни нужно запомнить две самые главные вещи: первое – жить, как учит нас Бог, второе – жить в добром здравии. Жить, как учит Бог, как молиться, чуваша раньше даже не знали, не слышали, а если и слышали, то не понимали, что нужно для того, чтобы спасти свою душу. Не было и книг, обучающих этому. А сейчас, слава Богу, такие книги имеются. Уже лет тридцать как они издаются. Читая наши книги, за эти тридцать лет люди помаленьку начали понимать, как спасти свою душу. Многие сейчас с помощью Бога живут так, как написано в этих книгах.

И еще в жизни самое главное – жить в добром здравии. Благополучие и здоровье очень важны для человека, поэтому и есть такая поговорка: здоровье – самое главное богатство. Когда приходят друг к другу, сразу спрашивают о здоровье. Если человек в добром здравии, то живет спокойной, смиренной жизнью и работу выполняет с душой и радостью, и работа у него кипит, т.е. ладится. Тело здоровое, душа спокойна и живет себе спокойно. Вот почему тело надо стараться держать чистым и здоровым: по Писанию, тело человека – это храм Божий в человеке или в душе человека живет дух Божий. Если наше тело это храм Божий, если в нем живет дух Божий, то нам нужно стараться, чтобы она была чистой и здоровой, если мы сами постаремся, то Бог нам в этом поможет.

Для того чтобы быть здоровым, сильным, надо хорошо питаться, тело и свое жилище надо держать в чистоте. Здоровье человека, его сила зависят от хорошего питания, от чистоты тела и чистого воздуха. Людям с детства нужно прививать мысль о пользе здорового питания и соблюдения гигиены. Мы, сами чуваша, всегда говорим о домашних животных и лошадях: если за ними ухаживать хорошо, кормить лучше, то они нам долго послужат т.е. и старая лошадь долго нам послужит. Это относится не только к животным, а к нам ко всем. И с человеком так же, если его с детства хорошо кормить, соблюдать с ним гигиену, то он растет сильным и здоровым, умным и никакая болезнь к нему не пристанет.

В нынешнее время у нас из-за тяжелой жизни, болезней и хвори предостаточно; каких только болезней нет, Боже упаси: с рождения ребенок заболевает разными детскими болезнями, потом из-за того, что родители не умеют за ним ухаживать, не соблюдают гигиену, а когда вырастает, то страдает из-за того, что самого себя не может беречь.

Но не нужно бояться простому безграмотному народу: хотя разных болезней много, с Божьей помощью можно спастись и уберечься от них. А эти методы и средства безграмотный народ, конечно, сам не знает, для этого есть другие умеющие люди: они доктора, фельдшеры; они специально обученные люди, знают, как бороться с этими болезнями. Не надо бояться ходить к ним, спрашивать и узнавать у них как от них беречься, как лечиться. Докторов и фельдшеров поставили не во вред вам, а для того, чтобы помочь вам вылечиться от болезней и избавляться от всякого рода заразы.

Эту книгу специально напечатало земство Симбирской губернии для того, чтобы чуваша немножко стали грамотнее, чтобы берегли свое здоровье и здоровье своих детей.

Переводивший [3] (т.е. И.Я. Яковлев. – Н.К.)

Следующее обращение И.Я. Яковлева к населению через печать непосредственно связано с политическим просвещением родного народа, с разъяснением содержания высочайших манифестов 6 августа, 17 октября и 8 но-

ября 1905 г., переведенных и опубликованных им же на чувашском языке в издании «Симбирского общества людей порядка и законности» (1906, № 4. С. 81-83). Свои соображения и советы он представил как послесловие (разъяснение об этой книге и предостережение чувашей от всяких бед и неправильных поступков в тогдашнее беспокойное время).

Нами недавно выяснено, что послесловие написано автором после завершения им поездки в чувашские населенные пункты Буинского уезда Симбирской губернии. И.Я. Яковлева командировал туда Симбирский губернатор Л.В. Яшвилъ. «Мне пришлось при этом объехать ряд сел, – пишет он, – жить в них, говорить с крестьянами. Смею приписать себе отчасти то успокоение, которое настало в Буинском уезде за этой командировкою» [5. С. 328].

Таким образом, деятельность И.Я. Яковлева и в начале 1900-х годов имела большое общественно-просветительское значение. В обращении через печать к своему народу он призывал всех, несмотря на трудности и беспокойное время, учиться и учить своих детей:

В нашем Российском государстве сейчас трудное и беспокойное время, происходят разные волнения: простой народ, из-за нехватки средств к существованию, требует от Царя земли, рабочие фабрик и заводов жалуются, что им приходится слишком много работать и получать за это гроши, что им не хватает ни на питание, ни на одежду, ни на содержание детей. Поэтому они требуют повышения заработной платы, ограничения рабочего времени. Государь понял их нужды, обещал улучшить их дальнейшую жизнь. Все это произойдет когда начнет работать Государственная дума. Обещание Государя в свое время обязательно претворится в жизнь. А вы, чуваша, надейтесь на волю Царя, будьте терпеливы, слушайте то, что Он говорит. Вы многие меня знаете, многие видели меня. Благодарю Бога и Государя: я уже 38 лет живу стараниями для чувашского народа. Сейчас у нас, у чувашей, слава Богу, есть батюшки и учителя из своей чувашской среды, все, что нам, чувашам необходимо, они рассказывают и объясняют на родном и близком сердцу языке. Всего этого мы достигли по милости и воле Царя. Молитесь Богу, цените и любите Царя, уважайте своих хозяев.

Если среди вас найдутся люди, которые учат плохому и непослушанию, не слушайте их, не поддавайтесь им. В настоящее время находятся такие, которые призывают народ отобрать у помещиков земли, удельные леса и земли, казенные земли и леса раздать простому народу – этого не слушайте, так не бывает. Призывающие к этому или сами ничего не понимают, или, желая изменить государственный строй, специально мутят народ. Для многих из них ни Царь, ни хозяева – никто не нужен, есть и такие, которые говорят, что даже Бога нет. Некоторые из них хотя и грамотные, но ничем не отличаются от неграмотных глупцов. Они хотят разбогатеть очень быстро, как во сне, но никак не понимают, что в жизни так не бывает. Разве человеку свое, что ему принадлежит по праву, хочется кому-нибудь отдать просто так. Везде есть порядок: земли, воды, леса, собственность, животные у каждого есть свой хозяин. Кому бы они ни принадлежали государству, помещику, купцам или простому народу – все это не наше. Любая вещь, если хотите, чтобы она стала вашей, делается своими руками или же покупается на свои деньги, но никак нельзя присваивать чужое, это же непорядок.

Чуваша в основном занимаются земледелием, они мало обучены другим ремеслам и занятиям. В наше время очень трудно жить неграмотному, малообразованному человеку. Поэтому если даже считаете, что вам уже учиться поздно, старайтесь хотя бы учить своих детей грамоте, а также другим занятиям. Грамотный человек сразу поймет, что к чему, да и по книжке хорошо может сообразить. Потому что книги пишут умные и образованные, знающие свое дело люди. Читал такие книги, и остальные станут хорошо соображать. Как-нибудь старайтесь учиться грамоте, читать и понимать то, что написано в книгах, они созданы умными людьми и следуйте их советам.

Цит. по [3. С. 4].

Таким образом, И.Я. Яковлев был не только первым чувашским общественным деятелем, но и всесторонним просветителем своего народа. Ценил самобытные особенности чувашей, он стремился к сближению их с русскими путем просвещения христианской религией и европейской наукой. «Любя Россию и веруя в ее великую будущность, – писал в 1870 г. студент Яковлев, – я от души желал бы, чтобы чуваша были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом» [6].

Многогранное творчество И.Я. Яковлева было направлено на достижение этой цели. Именно благодаря его общественной и научно-педагогической деятельности, продолжавшейся более 50 лет, чуваша вышли на путь исторического прогресса и оказались способными создать своим умом и трудом национальное учебное заведение, издать Библию на родном языке. В 1910 г. в Симбирске была издана на чувашском языке Священная история Нового Завета (525 стр.). Однако Британское Иностранное Библейское Общество (БИБО) в Лондоне, на средства которого был переведен и издан образец этой книги, не согласилось тиражировать ее. Правление БИБО возражало против предисловий книги, написанных в двух вариантах: на русском со ссылками на канонические источники (всего их 16) и на чувашском без всяких ссылок на источники. По содержанию они мало отличаются. Тем не менее здесь публикуются оба варианта, соблюдая традиции И.Я. Яковлева.

Заметим, что все свои обращения к народу в виде предисловия, завещания и послесловия И.Я. Яковлев написал на русском и чувашском языках, К сожалению, не все из них пока опубликованы. По утверждению чиновников БИБО, переведенный на чувашский язык Новый Завет должен иметь также лишь одно предисловие. В противном случае такое издание будет нарушением исторических традиций издания Священного писания.

Для выяснения данного вопроса И.Я. Яковлев направил в Лондон своего сына Алексея, доцента, знатока английского, немецкого, французского языков. Через него было передано официальное письмо И.Я. Яковлева управляющему отделом издания БИБО Р. Килгору. Автор письма просил сохранить все предисловия, так как книга, как он писал, «издается не для БИБО, а для всего чувашского народа: для взрослых и для школьников». При этом Иван Яковлевич особо подчеркнул, что он даже готов издать Новый Завет на свои средства, но с теми же условиями.

К этому времени чувашский просветитель со своими учениками и последователями выпустил многие книги Нового Завета. «Ныне же, – подчеркивается в письме, – при помощи Божьей выходит на чувашском языке весь круг новозаветных книг» (т.е. все 27 книг. – *Н.К.*). Кроме того, Переводческая комиссия, созданная И.Я. Яковлевым в Симбирской чувашской школе в начале 70-х годов XIX в. продолжила переводить Ветхий Завет (первая часть Библии. – *Н.К.*). Подробности о многогранной деятельности И.Я. Яковлева БИБО узнало от А.И. Яковлева, неоднократно посетившего Лондон по делу издания Нового Завета. Необходимо учесть и тот факт, что в те же годы изданием Библии на чувашском языке в Германии занимались священник Роман Иванов, чувашский иммигрант и пастырь Джек, поддерживавшие связи с БИБО. В таких конкурентных условиях И.Я. Яковлеву все же удалось с помощью сына довести свое дело до конца, но с большим трудом. Только в 1911 г., т.е. через год, в Симбирске вышел Новый Завет с двумя предисловиями.

За это время А.И. Яковлев сблизился с сотрудниками БИБО и установил деловые связи с английскими учеными. Журнал «The West & East» опубликовал его статью «Missionary work in Siberia» (Миссионерская деятельность в Сибири). 1913. Vol. 11, July, № 43. P. 254-269.). Стремление И.Я. Яковлева воспитывать не только на учебниках, но и на книгах Нового Завета впоследствии получило одобрение и поддержку со стороны большинства членов БИБО. 15 декабря 1913 года секретарь этого общества в России В. Кин писал письмо в Лондон: «Благодаря трудам Ивана Яковлева, чуваша, бывшего инспектора чувашских школ, как, с одной стороны, он добился того, что чувашские дети более не растут неграмотными и как, с другой стороны, вместе с людьми которых он собрал вокруг себя в течение 30 лет, он переводил и редактировал книги за книгой Нового Завета» [7].

Автор указанного письма В. Кин знал И.Я. Яковлева со времени его студенчества. Он разыскал его через британского консула в Казани, студент за-

нимался тогда переводом и изданием первых трех книг Евангелия (от Матвея, Марка и Луки). После выхода этих книг министр народного просвещения и обер-прокурор Святейшего Синода Д.А. Толстой 11 мая 1874 г. объявил студенту Ивану Яковлеву благодарность [4].

При посредничестве старшего сына И.Я. Яковлев переписывался с БИБО до 1924 г. Материалы переписки хранятся в библиотеке Кембриджского университета. Часть из них (копии) хранятся и у нас, они получены в обмен на изданные труды И.Я. Яковлева. Все они являются ценнейшими источниками для исследования истории культуры чувашского народа.

Далее следует предисловие И.Я. Яковлева к Новому Завету на русском языке.

Настоящее издание священных книг Нового Завета в переводе на чувашский язык есть *первое* издание этих книг в *полном* их составе. До сих пор мною переводились на чувашский язык и издавались лишь отдельные книги священного писания Нового Завета.

Ныне же, при помощи Божьей, выходит на чувашском языке весь круг новозаветных книг. Сподобившись видеть посильное завершение дела своего, которому было посвящено наибольшее мое внимание, наибольший труд мой и наибольшая моя любовь, я обращаюсь к вам, возлюбленные мои сородичи, с сим смиренным молением, внушенным мне глубокою верою моею и многотрудным опытом всей моей жизни: дорожите тем благом, какое открылось для вас, как и для всего человечества, в слове Божиим. Нет и никогда быть не может для нас, для всего мира, для всех веков, никакого другого блага, кроме этого блага Христовой веры. Первое благо это, по премудрому изволению Божию, было открыто лишь для избранных (Марк. VII, 27), для сынов дома *Израилева* (Ме. X, 5). Теперь же оно воссияло и на вас, стоявших доселе *на пути язык*. (Ме. X, 5), сидевших *во тьме и сени смертей* (Ме. IV, 16). Ибо теперь, по слову апостола, и вы *род избран, язык свят, людие обновления... Иже иногда не людие, ныне же людие Божьи; иже не помилованы, ныне же помилованы бысте* (1 Петр. II, 9-10). Вы *ныне... о Христе Иисусе... бывшие иногда далече, близ бысте кровью Христовою* (Ефес. II, 13). *Благodatию есте спасены чрез веру, и сие не от вас: Божий дар* (Ефес. II, 8). Научитесь же благовествовать перед этим великим даром Божиим. Страшиться унижить его невниманием вашим, вашей косностью (Апок. III, 16), в деле веры, несовершенством вашей жизни. По слову апостола, *добродетели возвестите, из тьмы вас Призвавшего в чудный Его свет* (1 Петр. II, 9). Ведите жизнь высокую, благочестивую, согласную с Христовыми заповедями, со всем усердием внимайте слову Божию, которое вы слышите во святом храме на Божественной литургии; высоким почитанием должна быть окружена священная книга и в домашнем вашем быте. К чтению ея приступайте лишь с чистым сердцем и во благоговении ума вашего. Самые листы этой великой книги должны содержаться вами в опрятности и чистоте. Книге высшей радости и вечного спасения вы должны отдавать лучшие свои чувства, лучшие настроения, чтению ея должны посвящать лучшее свое время, наиболее важные моменты вашей жизни, хранению ея должны отводить лучшее место в вашем доме. Но мало только слушать или читать слово Божие. Нужно еще понимать его, согласно с учением Православной Церкви, единственно верной хранительницы и истолковательницы Христова Евангелия. Теперь для вас, милостию Божиею, значительно облегчен этот труд понимания Божия слова. Небесная истина Христова учения была почти сокрыта для вас, как свеча под сосудом, когда она предлагалась вам на чужом для вас, на незнакомом вам языке. Сам апостол языков сказал некогда: *кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, потому что никто не понимает его* (1 Кор. XIV, 2). Но теперь Евангелие Господа нашего Иисуса Христа возвещается вам на вашем собственном, родном вам языке. Здесь и радость наша, но здесь же и огромная наша ответственность, ибо теперь не остается для религиозного неведения нашего никакого оправдания, как не остается оправдания и для тех из вас, кто увлекается то в сторону грубой и чувственной веры магометанской, то в сторону тех новых *льстивых* (Кол. II, 8) учений, которые *свободу обещающие, сами рабствуют тлению* (2 Петр. II, 19). *Прочее же, братия моя, возмозгайте во Господе, и в державе крепости Его; облецытесь во вся оружия Божия* (Ефес. VI, 10-11). *Бодрствуйте, братия моя возлюбленная, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь* (1 Кор. XVI, 13), и *благодать Господа нашего Иисуса Христа будет со всеми вами* (Рим. XVI, 24). И *любви моя со всеми вами о Христе Иисусе* (1 Кор. XVI, 24).

Иван Яковлев

Симбирск, Чувашская школа. 24 декабря 1910 г.

Цит. по [1. С. 447-448].

ЗАВЕЩАНИЕ РОДНОМУ ЧУВАШСКОМУ НАРОДУ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Обращаюсь к вам первым, друзья и родичи мои чуваш. О вас болел я душой, к вам в этот час обращается мысль моя, и вам первым хочу сказать мои последние пожелания.

Крепче всего берегите величайшую святыню – веру в Бога. Вера окрыляет силы ума и сердца, дарует внутренний мир, утешает и ободряет душу в часы несчастья и горя, очищает и просветляет её в счастье и удаче. С верой в Бога не страшны жизненные испытания; без веры в Него холодно и мрачно на земле. Веруйте, что есть Высший издозодатель за добро и за зло, что есть Высшая правда, есть Божий суд, грозный и праведный.

Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел и не унижил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но он не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями, и вы приобщитесь к его светлому будущему, грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порукой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу. Русский народ выстрадал свою правду, и, нет сомнения, правдой этой он поделится с вами. Верьте в Россию, любите её, и она будет вам матерью. Залогом и путеводной звездой да послужит бессмертное имя учителя моего Николая Ивановича Ильминского, олицетворяющего для меня всё величие и всю красоту русского народного характера.

Обращаюсь к тем из вас, кому выпало счастье получить образование. Помните, что вы сами должны помогать своим бедным и обездоленным сородичам, не надеясь на то, что помощь к ним придет откуда-нибудь со стороны. Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит, прежде всего, на вас, на людях, которые вышли из их же среды. Возвращайтесь же к своим соплеменникам с сокровищами научного знания, насаждайте среди них понятия гражданственности, учите их закону и праву: заботу об этом должны взять на себя вы, выходцы из народа. Не гнушайтесь бедности, слабости и невежества своих сородичей: из них вы вышли, и для них вы должны поработать, чтобы заплатить ваш долг за полученное за счет народа образование. Любовь народная вознаградит вас за то, что вы не забудете своего долга перед своими младшими братьями. Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного. В обращении к родному языку нет измены русскому делу: служить великому русскому отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших. Доделайте то, что, может быть, не удастся закончить мне: дайте чувашскому народу Священное писание, полностью завершив перевод Ветхого Завета. Послужите делу христианского просвещения, распространяя свет Евангелия среди многочисленных народностей, населяющих русский Восток: по языку и духу вы ближе к этим народностям, чем сами русские. Работой на этой обширной ниве вы заплатите русскому народу часть того великого долга, которым вы обязаны ему, получив из его рук свет веры Христовой.

Берегите семью: в семье опора народа и государства. Семейные заветы всегда были крепки среди чуваш. Охраняйте же это сокровище. В семейном счастье – защита от жизненных испытаний. Крепкой и дружной семье не страшны внешние житейские невзгоды. Берегите целомудрие, бойтесь вина и соблазнов: если обережете семью, обережете детей и создадите крепкую опору для мирного и спокойного труда.

Будьте дружны между собой, избегайте мелких счетов и распрей, помните о великом завете Спасителя: любите и ненавидящих вас, твердо надейтесь на жизненную силу уступчивости и снисхождения.

Верьте в силу мирного труда и любите его. Делайте самое маленькое дело терпеливо и с любовью, не ропщите на размеры жизненной задачи. Самое малое дело можно осветить и осмыслить любовным к нему отношением и самое большое можно уронить и обесславить отношением небрежным и нерадивым. Счастье и успех придут ко всякому мирно и с любовью совершаемому делу. Бойтесь путей кривых и обходных: успехи, достигаемые нечистыми средствами, – успехи непрочные и временные.

Вот и всё, что я хочу сказать вам, готовясь предстать перед Высшим Судией. Если в ком есть память о вольной или невольной обиде, мною причиненной, прошу простить меня и помолиться обо мне. Сердечно благодарю за тепло и ласку, которыми не по заслугам моим дарили меня вы, мои соплеменники, и многие, многие русские люди, приходившие с открытым сердцем на помощь моему делу. Горячую благодарность приношу всем товарищам и сотрудникам моим по работе: без их бескорыстного усердия был бы невозможен и мой труд. Шлю привет непосредственным ученикам моим. Учебные часы, среди них проведенные, были отрадными часами моей жизни. Да сохранит и да обережет вас Бог в жизненных путях ваших.

ИВАН ЯКОВЛЕВ,

г. Симбирск, 4 августа 1921 г.

Цит. по [5. С. 599-601].

Литература

1. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. 2-е изд., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 478 с.
2. Отдел рукописей РГБ. Ф. 361. Картон 8. Д. 13.
3. Сборник популярных листов по медицине Пироговского общества врачей, переведенных на чувашский язык. Симбирск, 1904.
4. ЦГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11954. Л. 15.
5. Яковлев И.Я. Моя жизнь. М.: Республика, 1997. 696 с.
6. Яковлев И.Я. Материалы к истории Симбирской чувашской школы. Симбирск, 1915. С. 5.
7. England. Cambridge. BFBS. Library. Section – Rus. – chuvash: Recods. ESC. P. 3.

КРАСНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – преподаватель физики, средняя общеобразовательная школа № 59, Россия, Чебоксары (krasnivnikol@yandex.ru).

KRASNOV NIKOLAY NIKOLAYEVICH – teacher of Physics, Secondary Comprehensive School of № 59, Russia, Cheboksary.

УДК 371. 033 (09)(470. 344)

О.П. ТЕРЕХОВА

ИЗ ИСТОРИИ ЮННАТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЧУВАШИИ

Ключевые слова: 90 лет юннатского движения России, экологическое воспитание, программы ГУСа, пришкольные участки, сельскохозяйственный труд, праздник урожая, леса, организация сельскохозяйственной выставки.

Установлено, что распространение кружков юных натуралистов, работа в них способствовали экологическому воспитанию учащихся. С появлением первых юннатов началось юннатское движение. По всей стране возникали станции юных натуралистов, цель которых – формирование у подрастающего поколения ответственного и заботливого отношения к природе.

O.P. TEREKOVA

FROM HISTORY OF JUNNATSKY MOVEMENT OF CHUVASHIYA

Key words: 90 years Movements of young naturalists of Russia, ecological education, GUUS'S programs, school sites, agricultural work, a holiday of a crop, wood, the organization an agricultural exhibition.

It is established that distribution of circles of young naturalists, work to them promoted ecological education of pupils. With the advent of the first young naturalists has begun the movement of young naturalists. On all country there were stations of the young naturalists, which purpose – formation at rising generation responsible and a careful attitude to the nature.

Разработка современной стратегии развития экологического воспитания и обучения требует всестороннего анализа и учета исторического опыта, накопленного школьным образованием и внешкольной работой. Зарождение и развитие юннатского движения в нашей стране способствовали экологическому воспитанию учащихся. С появлением первых юннатов началось юннатское движение. По всей стране возникали станции юных натуралистов. Центральное бюро юных натуралистов осуществляло в те годы руководство натуралистическими кружками на местах.

В поисках теоретических основ и практической реализации эффективных путей экологического обучения и воспитания подрастающего поколения современная школа и педагогика уделяют пристальное внимание изучению исторического опыта, прогрессивных традиций и систем воспитания.

В 2008 г. исполнилось 90 лет государственной системе юннатского движения России. Как доказывают исследователи, юннатское движение в стране возникло после создания в 1918 г. в Сокольниках Биологической станции. Биологическая станция юных натуралистов (БЮН) имени К.А. Тимирязева была организована Отделом народного образования Сокольнического совдепа (СОНО) г. Москвы 15 июня 1918 г. Ее первоначальное наименование: «Станция юных любителей природы». А.К. Бруднов так характеризовал это событие: «В 1918 году в Москве, в Сокольниках, открылось первое государственное внешкольное учреждение – Станция юных любителей природы (с 1920 года – Биостанция

юных натуралистов им. К.А. Тимирязева), положившее начало государственной системе внешкольного (дополнительного) образования детей» [1. С. 15]. Зарождение юннатского движения в нашей стране с самого начала было тесно связано с деятельностью и историей Центральной станции юных натуралистов. Дети ходили в походы, занимались исследовательской работой на природе. Естественная страсть к познанию удачно сочеталась с умеренным самоуправлением, развитием навыков коллективной и самостоятельной работы, формированием ответственного и заботливого отношения к природе.

Опыт юннатов быстро распространился. Постепенно натуралистическая работа соединилась с сельскохозяйственной – работой в колхозах, на пасеках, кролиководством, участием детей и юношества в выставках достижений. Как свидетельствуют архивные документы, существовали и чисто научные натуралистические станции и кружки.

13-15 июня 1924 г. в Москве, при самом активном участии педагогов и членов кружка юннатов Биостанции, был проведен Всесоюзный съезд юных натуралистов.

К 1926 г. кружок юных натуралистов Биостанции являлся базовым, опытным кружком Центрального бюро юных натуралистов. В те годы на основе опыта работы этого кружка, при его технической помощи Центральное бюро осуществляло руководство натуралистическими кружками на местах. Нужно подчеркнуть большую роль Биостанции и кружка юных натуралистов, потому что их деятельность оказывала большое положительное влияние на общее развитие юннатского движения в стране. Свою инструкторскую, руководящую работу Центральное бюро проводило через членов натуралистического кружка БЮН. Постоянно работало три отдела: организационно-инструкторский, отдел корреспонденции и издательский. В соответствии с возрастом и опытом работы членов сам кружок юных натуралистов делился на две секции. Младшие юннаты входили в натуралистическую секцию (35 человек в 1926 г.). Работа в ней определялась интересами детей, были такие секции: ботаники, энтомологии, орнитологии, метеорологии, астрономии и др. Они осуществляли только первоначальную, ориентировочную работу, связанную с изучением природы. Более опытные и взрослые юннаты входили в исследовательскую секцию, вели уже более углубленную исследовательскую работу и специализировались на изучении ряда направлений и дисциплин.

В Чувашской области Народный комиссариат по просвещению контролировал и направлял работу станции юных натуралистов, первоначально она называлась «Детская техническая и сельскохозяйственная станция».

Во второй половине июля 1925 г. Чувашскую область была преобразована в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. За отчетный период Методическим бюро Народного комиссариата по просвещению Чувашской АССР рассмотрены следующие материалы:

1) комплексные программы по растениеводству, животноводству и деревенскому благоустройству с объяснительной запиской к ним;

2) программа по сельскому хозяйству для школ II ступени;

3) учебный план для Школ Крестьянской молодежи [2. Л. 14].

В 1920-е годы в школы вводили программы Государственного Ученого Совета (ГУСа). Предстояла интенсивная и организованная работа по проведению новых программ ГУСа. Поэтому было признано необходимым сосредоточиться в этом отношении в районных (опорных школах), но с тем, чтобы работа этих школ стала достоянием всех школ данного района. Работа эта должна была вестись так: районная школа разрабатывает для своей школы по новым программам и отдельным комплексам план, который обсуждается и исправляется учительством района, затем проводится в жизнь районной школой и ею же делается доклад о сделанной работе перед учительством района. Таким образом достигается цель вовлечения всего учительства в работу по проведению в

жизнь комплексных программ ГУСа. Предварительно на летних учительских курсах (областных, уездных) сделан был общий разбор этих программ, их методологии; разработаны конкретные комплексные программы 1-го и 2-го годов обучения, методы работы по этим программам и методы изучения жизни местного края.

Школы II ступени, как и 8-летки, так и 10-летки, до осени 1924 г. работали по программам, изданным НКП РСФСР раньше (в 1919-1920 гг.). На совещании работников школ рассматривались вопросы: Программы ГУСа в школах II ступени, комплексы, проработанные в опытных школах, краеведческий материал в системе комплексов, какие виды труда применимы в нашей школе, пионерские организации в школах [2. Л. 45]. Эти вопросы были рассмотрены и на курсах работников районных школ.

На курсах видное место занимали практические работы: экскурсии и обследования заводов, фабрик, крестьянских хозяйств; изготовление самодельных приборов по физике, химии и др.; разработка комплексов 3-го года обучения, взятых из программы ГУСа, применительно к условиям ЧАССР, обзор зоологического и ботанического материала в данной местности и изучение его и др.

Влияние программ ГУСа замечалось в расположении материала по сезонам и попытках внесения комплексности в проработку материала. Система занятий в массовых школах – предметная, связь между предметами наблюдалась чаще всего между уроками природоведения и письма, обществоведения и письма, обществоведения и счета.

Юннатская работа велась, начиная с дошкольных учреждений. Так, в Отчете Главсоцвоса Наркомпроса ЧАССР за период с 01.09.1924 г. по 01.09.1925 г. о работе дошкольных учреждений указывается, что природа, приближение детей к ней занимают в практике дошкольных учреждений большое место. Прогулки и экскурсии, а в летнее время перенесение всех занятий на лоно природы, давали детям возможность непосредственно самим знакомиться с жизнью и явлениями природы и развивать исследовательские навыки. Уголки природы в стенах учреждения, где учащиеся могли наблюдать, как распускаются почки и цветки, проращиваются семена, культивируются комнатные растения и хранится собранный урожай – также помогали детям ближе понять природу и ее явления. Детские учреждения, имевшие небольшие участки земли, силами детского коллектива разводили свой огород и выполняли посильные работы по уходу за растениями. Здесь дети могли наблюдать, как всходят, растут, цветут растения и созревают плоды.

Работа на природе использовалась в педагогических целях как фактор, способствующий развитию ребенка-исследователя, и целей физического укрепления детей и развития в них чувств сопричастности с миром природы [2. Л. 47].

Во многих школах велась юннатская работа. Но не все школы были наделены земельными участками, их не имели те школы, которые размещались на частных квартирах. Размер участков не превышал 2 десятины. Пришкольные земельные участки в школах использовались для постановки сельскохозяйственных опытов (травосеяния, садоводства и огородничества). Например, в Шихазанской школе крестьянской молодежи был поставлен опыт проверки сохранения влаги на паровом поле при вспашке на зябь, раннем паре и обыкновенном крестьянском паре. Результаты следующие: на раннем паре и вспашке на зябь влага сохранилась на глубине 2-3 вершка, при позднем паре – 10-12 вершков [2. Л. 52 об.].

Элементы краеведения начинают проникать в практику школ все больше; некоторыми школами в 3-й и 4-й группах изучаются формы местного производства, производится обследование и изучение культурного состояния деревни, в ряде школ ведутся метеорологические наблюдения (без приборов). Наблюдается определенное улучшение методов школьной работы: экскурсионный метод начинает занимать особое место в школьной работе; он применяется в вопросах проработки природоведческого и отчасти обществоведческого материала.

Большим тормозом в улучшении методов работы школы являлась неоснащенность школ кабинетами, поэтому даже постановка простых опытов по природоведению встречала затруднения [2. Л. 54]. В течение дня в практике работы каждого дня в группах фигурируют уроки чтения на родном языке статей природоведческого и обществоведческого характера, в старших группах некоторых школ – чтение газетных статей, сочинение на прочитанную тему, урок математики.

В Чувашской автономной республике, как отмечено в архивных документах, 1924/25 учебный год по развертыванию юннатской работы являлся первым наиболее благоприятным годом после голодных годов. На заседании совета Наркомпроса от 08.02.1925 г. было принято решение: «Имея в виду, что постановка работы в школах на основе сельскохозяйственного труда является одной из первостепенных задач в ЧАССР, как в республике преимущественно сельскохозяйственной и что работа эта не может быть налажена без соответствующей организации опытно-практической работы в школах, признать необходимым отвод школам земельных участков не менее одной десятины, для чего обязать Наркомзем сделать соответствующее распоряжение земорганам отводить земельные участки как существующим, так и вновь открываемым школам, а также отпускать школам необходимый лесоматериал для устройства изгородей по возможности бесплатно или на самых льготных условиях» [2. Л. 173 об.].

СНК считал необходимым развертывание в республике сети учреждений низшего сельскохозяйственного образования, так как ЧАССР по преимуществу страна земледельческая и интересы народного хозяйства требуют создания кадров крестьян, культурников-активистов, и предлагал наркому просвещения в текущем году (1925 г.) открыть ученические школы сельского хозяйства при Карачуринском и Засурском совхозах, а также ряд курсов по различным отраслям сельхозобразования, согласовав предварительно данный вопрос с Наркомземом. В 1925 г. было также принято решение об открытии садово-огородной школы в Батыревском уезде [2. Л. 293].

«В 1926 году НКП предполагает допустить следующее расширение: увеличить штат преподавателей Садово-огородной школы в г. Чебоксары на 10 единиц и вновь открыть Мало-Яльчиковскую садово-огородную школу со штатом – 4 преподавателя. Причем Чебоксарскую садово-огородную школу предложено передать на госбюджет ЧАССР.

Но Наркомфин полагает как от расширения штата существующей Чебоксарскую садово-огородной школы, так и увеличения сети открытия новых школ воздержаться; держаться уклона оборудования, снабжения инвентарем существующие школы. Признать возможным открытие Мало-Яльчиковской садово-огородной школы со штатом 4 преподавателя при условии, если существующая Чебоксарская садово-огородная школа будет передана на госбюджет» [2. Л. 359 об.].

Постепенно у станций юных натуралистов уже более четко определились задачи и направления в работе, исходя из интересов юннатов стали формироваться кружки: «Юных огородников»; «Юных животноводов»; «Юных садоводов» и др. Позже на станциях юных натуралистов были дополнительно организованы и активно работали следующие кружки: сельскохозяйственный, общественно полезного труда, организации уголков живой природы и лабораторных занятий в школах, труда и здоровья человека, погоды и сезонных явлений. С 1925 г. они выдвинули для опытной педагогической работы с детьми отрасли, наиболее доступные детям: огородничество, садоводство, пчеловодство, лесоразведение, «мелкое» животноводство, рыбоводство, кролиководство и куроводство. К 1925 г. на станции юных любителей природы занималось около 60 учеников, а по республике насчитывалось 650 юннатов.

Чувашская республиканская станция юннатов проводила инструкторскую, руководящую работу через сотрудников-методистов станции и преподавателей вузов, которые разрабатывали методические руководства и инструктивные письма.

Естественнонаучные кружки работали и при сельских избах-читальнях. Так, на заседании научно-методического бюро при Наркомпросе ЧАССР от 22 декабря 1925 г. обсуждался следующий вопрос:

«4. Утверждение программы для естественнонаучных кружков при избах-читальнях (докл. Розанов).

Решение: Существование естественнонаучных кружков в избах-читальнях признать возможным независимо от имеющихся там сельскохозяйственных кружков. Снабдить программы подробной объяснительной запиской» [3. Л. 132].

В Центральном архиве Чувашской Республики хранятся материалы (протоколы, планы, переписка) по подготовке и проведению празднования VIII годовщины Октябрьской революции, праздника «День урожая». Народным комиссариатом просвещения Чувашской АССР ставилась задача изучить постановку работы на опытно-показательных полях, станциях, племенных конюшнях, совхозах и добиться организации областной сельскохозяйственной выставки. Собрание представителей центральных учреждений ЧАССР постановило провести празднование 28 октября.

Избам-читальням рекомендовано главное внимание уделить устройству выставки. Выставка должна показать состояние сельского хозяйства волости в данное время. Было решено провести доклады агрономов, сельскохозяйственных кружков, школ крестьянской молодежи и опытных хозяйств за истекший год в виде отчета. На выставке предполагалось провести сельскохозяйственный конкурс. При проведении праздника постараться открыть новые сельскохозяйственные кружки, в которые вовлекать не только молодежь, но и пожилых крестьян [3. Л. 454].

Чебоксарская опытная станция, объединив культурно-просветительные учреждения деревенского типа по линии соцвоса и политпросвета, всю свою учебно-воспитательную работу строила на основе сельскохозяйственного производства применительно к местным условиям, причем школа-8-летка шаг за шагом должна была стремиться к осуществлению задач, поставленных школами крестьянской молодежи. На этом основании в число научных сотрудников опытной станции был включен агроном-педагог, существующее поле школы-8-летки предполагалось расширить до 12 десятин под опытное поле [3. Л. 19-21].

На совещаниях при управлении лесами рассматривался вопрос о проведении кампании «Дня Леса»:

«1. Слушали краткий доклад о проведении «Дня Леса» по Чувашской республике в прошлом 1925 г. (Докл. Ефимов).

Постановили: Доклад принять к сведению, учесть опыт прошлого года в целях достижения наилучших результатов при проведении «Дня леса» в настоящем 1926 г.

2. Слушали: Об организации проведения «Дня Леса» по Чувашской республике в 1926 г. (Докл. Яковлев). Он указывает на необходимость при проведении «Дня Леса» обратить серьезное внимание на организационную сторону. Предлагает прежде всего организовать Областную комиссию, которая будет руководить Уездными и Волостными комиссиями. Рекомендует привлечь к участию в работах «Дня Леса» не только лесных работников, но и вовлечь в кампанию широкие массы крестьянской молодежи и школы. В деревне проведению этой кампании придать деловой характер, что более импонирует крестьянству и проводить следующие работы, как-то: посадку деревьев, в целях гигиенических и противопожарных, причем посадочный материал отпускается как школам, так и деревням бесплатно; закладку питомников, прочистку просек и очистку канав, работы по закреплению оврагов и облесению песков. Обратить внимание на противопожарные меры, на осторожность обращения с огнем в лесу. Проводить на эту тему лекции, вести собеседования в деревнях, с каковой целью для выезда на места ассигновано Управлением лесами по 20 руб. на каждое лесничество.

Постановили: 1) Для проведения «Дня Леса» признать необходимым организовать Центральную Межведомственную комиссию при Наркомземе из представителей обкома ВЛКСМ, Чувашотдела сельского хозяйства и лесных рабочих, НКЗема ЧАССР, Наркомпроса, Наркомвнудела, Наркомздрава» [3. Л. 38].

Совнарком Чувашской АССР постоянно обращал серьезное внимание на развитие юннатского движения в школах и внешкольных учреждениях. Так, 19 января 1933 г. на заседании обсуждался вопрос «О внешкольной работе среди детей в 1933 году». Было принято следующее постановление:

«8. Поручить НККХозу совместно с НКПросом в декадный срок разработать план использования летом и зимой городских общественных садов для внешкольной работы с детьми, а также план необходимых мероприятий по оборудованию их.

Предложить Вурнарскому, Козловскому райисполкомам, Чебоксарскому и Алатырскому горсоветам в месячный срок проработать вопрос об организации специальных парков, должностящих обеспечить широкое развертывание комплекса форм внешкольной работы среди детей по примеру промышленных районов Союза.

9. Обратить внимание НКПроса на развертывание и качественное улучшение работы детских технических и сельскохозяйственных станций и особенно экскурсионно-туристической базы в г. Чебоксарах, как опорно-методических центров в деле организации и надлежащей постановки внешкольной работы среди детей.

10. Обязать НКЛегпром и систему Кустпромсоюза развернуть массовое производство хорошего качества и дешевого оборудования для развертывания внешкольной работы среди детей (оборудование технических и сельскохозяйственных станций, инвентарь для детских экскурсий и лагерей, спортивный инвентарь и оборудование для массовых игр с тем, чтобы в текущем году обеспечить не менее 25% всей потребности на эти предметы» [4. Л. 38-39].

Наркомпрос ЧАССР рекомендовал Доброзему вести агропропаганду: изучать постановку работы на опытно-показательных полях, станциях, племенных конюшнях, свохозах и добиться организации областной сельскохозяйственной выставки.

Таким образом, интерес к экологической проблематике не случаен. Он обусловлен тревожащим человечество экологическим кризисом и его последствиями, а также поиском путей выхода из него. Большую роль в решении этой проблемы имеют систематическое, целенаправленное обращение к содержанию народных традиций, всесторонний анализ и учет исторического опыта юннатского движения, накопленного школьным образованием и внешкольными учреждениями.

Поэтому формирование экологического сознания, экологической культуры и мировоззрения личности в целом должно стать первостепенной задачей экологического образования и воспитания. Как показывает практика, внешкольная натуралистическая работа необходима – ведь именно общение с природой, изучение мира вокруг нас – непреходящая ценность, то, что должно быть у каждого человека с детства. Именно школа и внешкольные учреждения должны заложить базис экологических знаний, воспитать любовь к природе, понимание, почему так важно бережное обращение с ней.

Литература

1. Захлебный А.Н. Школа и проблемы охраны природы (содержание природоохранительного образования. М.: Педагогика, 1981. 183 с.
2. ЦГА ЧР. Ф. 221. Оп. 1. Д. 16. Л. 173 об.
3. ЦГА ЧР. Ф. 221. Оп. 1. Д. 29. Л. 454.
4. ЦГА ЧР. Ф. 221. Оп. 1. Д. 668. Л. 38-39.

ТЕРЕХОВА ОЛЬГА ПАВЛОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры материаловедения и экологии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (top0707@mail.ru).

TEREKHOVA OLGA PAVLOVNA – candidate of pedagogical sciences, assistant professor of Materialogy and Ecology Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.161.1

Л.В. БАЗАРОВА

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕРМИНА «КОНЦЕПТ»

Ключевые слова: концепт, содержание, структура, признаки, компонентный состав концепта.

Статья посвящена анализу термина «концепт» как в лексикографических источниках, так и в исследованиях отечественных лингвистов, выделению структурных особенностей и компонентного состава, что приводит к рассмотрению данного понятия как условно ментальной структуры, не существующей вне мышления.

L.V. BAZAROVA

DIFFERENT APPROACHES OF NATIVE LINGUISTS TO THE RESEARCH OF THE TERM «CONCEPT»

Key words: concept, content, structure, features, componential structure of the concept.

The article is devoted to the analysis of the term «concept» both in lexicographic sources, and in native linguists' researches, to pointing out the structural and componential peculiarities that lead to considering the given notion as conditionally mental structure, not existing out of thinking.

Одним из основных понятий наук когнитивного цикла в лингвистике и лингвокультурологии принято считать, термин «концепт». В когнитивной лингвистике под содержанием «концепт» понимается набор концептуальных признаков, которые представляются рядом языковых реализаций (с помощью слов, клишированных конструкций, предложений) и образуют соответствующее лексико-семантическое поле. К настоящему времени существует достаточно большое количество работ, направленных на рассмотрение понятия «концепт» как базового в когнитивной лингвистике. Среди работ, посвященных исследованию концепта, особую известность получили труды Р.И. Павилениса (1983), Е.С. Кубряковой (1996), Н.Д. Арутюновой (1999), А. Вежицкой (2001), В.И. Карасика (2001), Ю.С. Степанова (2001), И.А. Стернина (2001), З.Д. Поповой (2001), Н.Н. Болдырева (2001), С.Г. Шафикова (2007) и многих других. При рассмотрении значения термина «концепт» в различных лексикографических источниках можно выявить существование нескольких трактовок этого термина. В «Логическом словаре-справочнике»: «концепт – это система взаимосвязанных и вытекающих один из другого взглядов на те или иные явления, процессы; основополагающая идея какой-либо теории, общий замысел, главная мысль» [5. С. 235]. В «Словаре иностранных слов» под «концептом» подразумевается «1) план, набросок сочинения, проект договора, понятие, очерк; 2) замысел, проект» [10. С. 214]. «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет «концепт» как чей-то взгляд на то или иное явление как оно есть или должно быть «(someone's idea of how something is or should be done)» [15. С. 275]. Не подлежит сомнению и тот факт, что существуют различные мнения и подходы лингвистов к определению понятия «концепт». Одним из первых термин «концепт» в области современного гуманитарного знания вводит русский мыслитель С.А. Аскольдов, отмечая, что «субъективное представление – это и есть заместитель всего родового объема». По его мнению, «концепт есть мысленное образование, которое может замещать нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3. С. 85]. Р.И. Павиленис трактует концепт как «часть концептуальной системы – о чем индивид думает, что воображает, предполагает, знает об объектах мира» [8. С. 280]. В свою очередь, Р. Карнап помещает концепт между языковыми выражениями и соответствующими им денотатами (предметами), т.е. наряду с

существующими предметами имеются и некоторые абстрактные объекты – концепты [11]. Согласно автору, каждый концепт занимает свое четко обозначенное место на том или ином уровне концептуальной схемы. В.Н. Телия предлагает рассматривать концепт как информацию, объединенную и структурированную в виде фрейма [13]. Из вышеизложенного следует, что в концептах хранятся не только индивидуальное знание и опыт, но и знание, общее для всех лингвистических сообществ. З.Д. Попова, И.А. Стернин, так же как и Е.Б. Старовойтенко, рассматривают концепт как «мыслительную единицу, которая представляет собой структурированное знание, идеальную сущность и формируется в сознании человека из непосредственных операций с предметами, из мыслительных операций с уже существующими в сознании человека концептами» [9. С. 65]. Ю.С. Степанов определяет, что именно это свойство позволяет рассматривать концепт «как сгусток культуры в сознании человека. То, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; то, посредством чего человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12. С. 43]. Кроме того, концепты не только размышляются, но и переживаются, так как именно они являются предметом эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. А.А. Залевская предлагает термин «концепт» закрепить за случаями, когда речь идет о концепте как достоянии индивида. Согласно Е.С. Кубряковой, «концепт является единицей картины мира, квантом знания, комплексной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности актуализирует разные признаки и слои» [4. С. 90]. Но при этом является также «дискретной единицей коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка» [1. С. 52]. Концепт может быть «представлен в языке значением или сложной взаимосвязью значений, которая называется семантическим полем» [14. С. 10]. Следовательно, все «границы» концепта не могут быть изучены только через язык.

Концепты являются важным компонентом национально-специфической картины мира. Каждый язык обладает определенным набором концептов, составляющих уникальный концептологический рисунок той или иной культуры. В концепте как единице знания о мире, элементе памяти фиксируется большой ряд предметов со сходными свойствами, им охватывается класс реальных. Ю.С. Степанов выделяет 3 слоя концепта: активный (концепт, который актуально существует для всех как средство общения и взаимопонимания), пассивный (концепт актуален лишь для некоторых социальных групп) слои и внутреннюю форму, запечатленную во внешней, словесной форме [12]. С точки зрения структуры и способа организации концептуализируемой информации наиболее полная классификация концептов была предложена З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [9]. Прежде всего, по способу объективации выделяют концепты лексические, фразеологические и синтаксические. При этом возможно объединение концептов, в результате чего образуется, к примеру, лексико-фразеологическое поле концепта. По степени стандартизации концепты подразделяются на общенациональные (стандартизованные), групповые (принадлежащие социальной, возрастной группам) и личные. В национальных и групповых концептах могут также быть индивидуальные компоненты, черты, которые в определенных случаях приводят к непониманию и необходимости уточнения содержания тех или иных произнесенных слов. По характеру концептуализируемой информации концепты подразделяются на следующие типы: представления, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт. По степени устойчивости концепты подразделяют на устойчивые (регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме) и неустойчивые (нерегулярно или совсем невербализуемые концепты). По наблюдаемости концепты можно подразделить на вербализованные (для которых есть в системе регулярные средства выражения) и скрытые (невербализуемые или вербализуемые ис-

кусственно только в условиях принудительно поставленной задачи). По степени абстрактности содержания концепты подразделяют на абстрактные и конкретные. Под культурными концептами с именами абстрактных понятий понимается то, что культурная информация в этих концептах прикрепляется к понятийному ядру [9. С. 72]. И.А. Стернин по структуре разделяет концепты на 3 типа: 1) одноуровневый концепт, который включает только чувственное ядро; 2) многоуровневый концепт, включающий несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции, отражаемому ими, и последовательно наслаивающихся на основной, базовый слой; 3) сегментный концепт, представляющий собой базовый слой, который окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [9. С. 62]. По характеру воздействия на людей и роли в концептосфере нации современные исследователи-когнитивисты выделяют такие типы концептов, как эмоциональные, мифологические, чувственные и другие концепты. Являясь сложным ментальным комплексом, концепт включает в себя, помимо основного смыслового содержания, следующие компоненты: 1) общечеловеческий (универсальный), обобщающий основной ассоциативный ряд концепта; 2) национально-культурный, обусловленный жизнью человека в той или иной культурной среде; 3) социальный, определяемый социальным статусом человека; 4) групповой, обуславливаемый принадлежностью носителя языка к некоторой половозрастной группе; 5) индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей: психофизиологии, воспитания, образования, жизненного опыта [7]. В свою очередь, С.Г. Воркачев предлагает выделить несколько отличительных признаков концепта: а) внутренняя расчлененность – «дискретная целостность смысла» [6. С. 19]; б) «переживаемость» – концепты не только мыслятся, но и эмоционально переживаются; в) семантическая плотность – представлена в форме языковых синонимов (слов и словосочетаний), фольклорных и литературных сюжетов, полисемии, которые напрямую связаны с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума; г) ориентированность на план выражения – включенность имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические связи, сложившиеся в лексической системе языка; д) этноспецифичность, которую нужно усматривать, прежде всего, в культурно значимой стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике имени концептуализуемого смысла [2]. В статье С.Г. Шафикова «Категории и концепты в лингвистике» также затронута тема видов концептов, в которой выделяются два основных типа: первым типом является понимание концепта как двусторонней единицы языка, например, А. Вежбицкая понимает концепты как «ключевые слова»; вторым типом – понимание концепта как односторонней единицы: «алгебраическое выражение значения» (Д.С. Лихачев), «созначение национального колорита» (В.В. Колесов), «инвариант значения лексемы» (Е.В. Рахилина), «смысл» (Ю.С. Степанов). В то же время подразумевается, что «можно говорить об иерархии концептов (концепты, микроконцепты, суперконцепты) [14. С. 5].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на разнообразие толкования термина «концепт», исследователи едины во мнении, что концепт – это условная ментальная структура, имеющая когнитивный статус и не существующая вне мышления. В концептах всегда содержится загадка и присутствуют частицы, определяющие их. Несмотря на то, что концепт может быть двойственным, тройственным, каждый из них затрагивает проблему, без которой концепт не имел бы смысла и который может быть выделен или понят лишь по мере их разрешения. В рассматриваемом случае это проблема множественности субъектов, их взаимоотношений и их взаимопредставления.

Литература

1. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2001. С. 52-57.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
3. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Курнозе З.И. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта, 2004. 240 с.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 248 с.
5. Логический словарь-справочник / под ред. Н.И. Кондакова. М.: Наука, 1975. 718 с.
6. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода. Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1997. 65 с.
7. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наука, 2004. 208 с.
8. Павленко Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
10. Словарь иностранных слов / под ред. П.Н. Петрова. М.: Рус. яз., 1989. 624 с.
11. Сокулер Е.А. Семантика и онтология: к интерпретации некоторых моментов концепций Р. Карнапа и Л. Витгенштейна. М.: Искусство, 1999. С. 49-59.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2004. 990 с.
13. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 215 с.
14. Шафиров С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2007. № 2. С. 3-17.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Oxford, 2000. 1050 p.

БАЗАРОВА ЛИЛИЯ ВЯЗИРОВНА – ассистентка кафедры иностранных языков, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (shagapovaliya@mail.ru).
BAZAROVA LILIYA VYAZIROVNA – assistant of Foreign Languages Department, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 821.512.111 (092)

Г.А. ЕРМАКОВА, А.Р. ГУБАНОВ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЮЗА ИБО В СТИХОТВОРЕНИИ Г.Н. АЙГИ «ДЕНЬ – МИР»*

Ключевые слова: функционирование, союз ибо, причина, следствие, форма, содержание.

Рассмотрено функционирование союза **ибо** в произведении Г.Н. Айги «День – мир», доказано, что данный союз в указанном стихотворении поэта функционирует в качестве присоединяющего, объясняюще-утверждающего союза, способствует формированию скрытого высказывания об эстетических истоках его творчества, представляет субъективную точку зрения художника слова.

G.A. ERMAKOVA, A.R. GUBANOV

FUNKTIONING OF THE CONJUNCTION IBO IN THE POEM OF AYGI «DAY – WORLD»

Key words: functioning, conjunction, cause, result, form, subject.

The functioning of the conjunction **ibo** in the poem of Aygi «Day – world» is considered. The article shows that this conjunction in the examined poem may be connecting, explaining-stationing conjunction; it helps to form the hidden discourses about esthetic sources of his works. The article represents a subjective point of the word-painter.

Каузальность в лингвистике выделяется как семантическая категория. Наша задача – определить функцию союза **ибо** в раскрытии семантического пространства указанного произведения поэта. Мы будем придерживаться того функционального подхода в изучении причинно-следственных отношений, который выстраивается по принципу описания «от плана выражения к плану содержания». Подобный подход разрабатывался М.В. Всеволодовой, Т.Я. Яценко, Е.Н. Виноградовой. Характер смысловых отношений в причинно-следственных конструкциях связан со значениями, вносимыми союзами, поэтому значимыми являются функциональные описания союзов, о чем в свое время было сказано Л.Л. Бабаловой, на что будем обращать внимание и мы.

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.01.19 «Когнитивно-лингвистическое моделирование аргументаций в разнотипных языках» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.).

Изучение особенностей союза *ибо* в творчестве Г.Н. Айги не предпринималось, это и определило проблематику нашего исследования, исходя из этого, ее можно отнести к одному из активно развиваемых в последние годы направлений в лингвистике. Наряду с констатирующе-прагматизированной сферой союзов, «выделяется экспрессивно-прагматизированная сфера союзов, куда входят союзы *ибо*, ведь, раз, благо, тем более, что» [4. С. 79]. Причинные конструкции, вводимые данными союзами, играют роль факультативного распространителя, носят дополнительный, присоединительный характер. Союз *ибо*, скорее, формирует «теневое высказывание» [4. С. 79], т.е. допускает множественность точек зрения, возможность различной интерпретации, автор же с помощью данного союза выражает свою субъективную точку зрения, отстаивает ее, таким образом союз *ибо* выполняет не только синтаксическую функцию, но и предполагает выход за рамки предложения в текст, что и видим в данном произведении поэта.

Ибо – союз устаревший, но в наше время опять широко употребляемый, потому что он создает меньшую зависимость причинного предложения от главного, он, точнее говоря, присоединяет «логическое обоснование» [3. С. 249], причину, чем подчиняет одно предложение другому. Считаем, что часть стихотворения:

(ибо
как будто
качанием мачт
Излученья) –

является логическим обоснованием высказываемого выше утверждения:

День – расширяясь – всё более равенство Миру:
словно
в движенье
Вхождение Слов
и Воздвигнутость
в распространении
Многом:

Перед союзом *ибо* возможна и точка вместо запятой, поэт же пользуется скобками, с их помощью, с нашей точки зрения, ему удастся более убедительно сказать о том, что часть стихотворения с союзом *ибо* является логическим обоснованием части, указанной выше. Часть произведения с союзом *ибо* с помощью скобок должна превратиться как бы в более свободную от контекста, прочитываться как бы над контекстом, но эта часть с помощью лексической единицы «Излученье» весьма удачно вписывается в контекст всего произведения. Она, как предполагаем мы, приобретает статус смыслового центра и ядра стихотворения посредством лексической единицы «Излученье». Лирический герой чувствует «излученье», и от этого пространство дома расширяется до пространства мира.

Союз *ибо* в современном русском языке является одним из немногих союзов, унаследованным из старославянского и древнерусского языков, он сложился в системе синтаксиса старославянских богослужебных книг как калька с греческого, первоначально был способен одновременно сочетать значение «присоединяющего с объясняющее-утверждающим» [4. С. 81], подобное значение, с нашей точки зрения, представляет и Г.Н. Айги в данном стихотворении. Лирический герой указанного произведения ощущает «вхождение слов» и «мачт Излученья», все это представляется ему как движение многого в

Поле едином
как в обще-прозрачной-Душе! –
Лирический герой соединяет ощущения в «поле едином».

Особенностью его употребления является то, что он обозначает не обстоятельство-причинные отношения, а «присоединяет обоснования» [4. С. 82],

таким образом, по функции занимает промежуточные положения между сочинительными и подчинительными союзами. Какое же обоснование оно присоединяет в данном тексте? Считаем, что автор с помощью данного союза выражает мысль о тождественности «вхождения слов» «качанью мачт», кроме того, предполагаем, что в указанном стихотворении он употребляется и как экспрессивный причинный союз, т.е. функционирует для того, чтобы дать возможность различного интерпретирования текста, т.е. способствует рождению множественности точек зрения. Таким образом, через данный союз высказывания поэта допускают множественность точек зрения, возможность разной интерпретации. Эта полифония и заставляет поэта обосновывать свою точку зрения, привлекая в качестве одного из средств убеждения прагматизированный союз *ибо*. Говорящий, в данном случае поэт, с помощью этого союза провозглашает свою точку зрения на эстетические основы его творчества.

В сборнике «Теперь всегда снега», где представлено это стихотворение [1. С. 201], художник слова обозначает источник своего художественного мира – это «прикосновение к бессознательному, где "вздрагиванье смыслов"» [2. С. 240-241], «продолжение – творенья» (Утро: Малевич: Немчиновка. 1974 [1. С. 130]), «сообщение с исхода» (Возвращение флоксы. 1977 [1. С. 162]), «шум, движение» (Сон: горы – всё дальше от Кахиба. 1978 [1. С. 177]), «сокровенная песнь» (Песенка для себя. 1979 [1. С. 194]), «те звуки», «отточия», « $2 * 2 = 4$ » (Читая Норвида. 1980 [1. С.195-199]), «ходьба» без звука, «солнце-в тишине», «Воздвигнутость» (День – мир. 1979 [1. С. 201]). Голос Истока тихо входит в поэта:

День – расширяясь – всё более равенство Миру:

словно

в движение

Вхождение Слов

и Воздвигнутость

в распространении

Многом:

(ибо

как будто

качаньем мачт

Излученья) –

в Поле едином

как в обще-прозрачной-Душе! –

Солнц – в тишине – чистотой без-звучанья – Ходьба:

И от такого «вхождения» слов поэт восклицает:

в ноги и в спину:

Громадо-Часами! –

заново строя тебя [1. С. 201].

В данном произведении встречаются и первообразы (поле, солнце).

В поле поэту видится «Солнц – в тишине – чистотой без-звучанья – Ходьба». Для того, чтобы выделить особым образом эту мысль, он использует союз *ибо*, так как с его помощью ему удастся сказать об излучении солнца-слов, представить свое мировосприятие, в основе которого лежит принцип «фундаментального единства». Следовательно, с помощью указанного союза он смог сказать о жизни как едином, цельном явлении.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что союз *ибо* в данном произведении Г.Н. Айги в большей части способствует формированию скрытого высказывания об эстетических истоках творчества поэта, представлению его субъективной точки зрения на мир в целом: мир для него, как мы уже заметили, есть

единое целое, поэтому и между лексическими единицами «дом», «мир», расположенными в названии стихотворения («Дом – мир»), художник слова использует знак тире; указанный союз в анализируемом стихотворении функционирует также в качестве присоединяющего и объясняюще-утверждающего союза.

Литература

1. Айги Г.Н. Теперь всегда снега: Стихи разных лет. 1955-1989. М.: Сов. писатель, 1992. 320 с.
2. Ермакова Г.А. Истоки мотивов света, огня в художественном мире М. Сеспеля и Г. Айги // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 238-242.
3. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1977. 352 с.
4. Хааг Э.-О. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке: дис. ... докт. философии по русскому языку. Тарту, 2004. 162 с.

ЕРМАКОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ermakil@yandex.ru).

ERMAKOVA GALINA ALEKSEYEVNA – doctor of philological sciences, professor, head of Chuvash Language Teaching Methods and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.ru).

GUBANOV ALEXEY RAFAILOVICH – doctor of philological sciences, professor, head of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.512.111'366.54

А.М. ИВАНОВА

ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ: ОСНОВНОЙ ПАДЕЖ

Ключевые слова: падеж, основной падеж, семантика падежа, функции падежа, чувашский язык, модальность.

Статья продолжает изучение семантики и функций падежей в чувашском языке. В ней дана характеристика основного (именительного) падежа, впервые в чувашском языкознании рассмотрены его модальные значения.

A.M. IVANOVA

THE CASE SYSTEM OF THE CHUVASH LANGUAGE IN HISTORICAL ASPECT: THE NOMINATIVE CASE

Key words: case, the nominative case, case semantics, case functions, the Chuvash language, modality.

The article continues the studying of case semantics and case functions in the Chuvash language. A brief historical and comparative survey of the nominative case study is made, special attention being paid to the modal semantics of this case.

Номинатив (именительный падеж) античные грамматисты рассматривали как исходный элемент падежной системы, из которого выходят все косвенные падежи; также номинатив очень долгое время падежом не считался или оставался лишенным номинативного содержания. В трудах А.М. Пешковского, Р.О. Якобсона, Р.И. Аванесова, А.Н. Гвоздева и других описание значений номинатива отсутствует.

Г.А. Золотова впервые сопоставила денотативный аспект семантики номинатива и остальных падежей и показала неправомочность отделения именительного падежа с семантической точки зрения от косвенных падежных форм [7]. Теперь в грамматиках русского языка можно найти длинные перечни значений не только косвенных падежей, но и именительного падежа.

По мнению А.М. Щербака, «именительный падеж в тюркских языках является особым грамматическим падежом: синтаксические функции его значительно шире функций именительного падежа в индоевропейских языках, что послужило причиной неодинакового наименования его в специальной литературе

(основной, главный, неопределенный, начальный безаффиксный, неоформленный, Indefinitus, Nominativus). В форме именительного падежа выступают имена, выполняющие функции подлежащего, прямого и косвенного дополнений, определения, обстоятельства, именной части сказуемого» [15. С. 65].

В «Материалах для исследования чувашского языка» Н.И. Ашмарин дал лишь краткую справку о том, что «именительный падеж служит корнем для других падежей и сам по себе не имеет никакой характерной частицы» [3. С. 118]. В «Синтаксисе» Н.И. Ашмарин подробно описывает случаи употребления именительного падежа и определяет его значения: «именительный падеж имен существительных употребляется для указания на материал, из которого сделан тот или другой предмет: *тимёр карта* «железная ограда»; *пусма кёпе* «ситцевая рубашка»; именительный падеж означает рыночную ценность предмета: *Пёремёк вунпилёк пус кёрепенки* «Пряники пятнадцать копеек за фунт»; его отдаленность по времени: *Ѕаварни пёр эрне тенё чухне сынсем сара тума пусласё* «За неделю до масленицы народ начинает варить пиво», а иногда его происхождение и местопребывание: *Хаш ял эсё?* «Ты из какой деревни?» – *Йёлмел* «Ильмовский»; выражения, показывающие размеры предметов (длину, ширину, высоту, глубину, вес и др.): *Ѕак пёрененён тёррашиё (вёрраммашё) пилёк аршан* «Это бревно длиною пять аршин (длина этого бревна пять ар); *чиркёвён сүлешё вунпилёк чалаш* «высота церкви 15 сажень» [4. С. 95-98].

Н.И. Ашмарин пишет, что «если выражения, показывающие размеры предметов, употреблены самостоятельно, т.е. без определяемого им имени, то они принимают аффиксы 2-й и 3-й форм имен прилагательных (принимают аффиксы категории выделительности имен прилагательных -и, -скер. – А.И.): *Кун пысакашши урэх сук* «Других такой же величины нет». *Кун пысакашскер аста үснё-ши?* «Откуда это он вырос такой большой?» [4. С. 98-99].

По мнению Н.И. Ашмарины, «иногда для обозначения размеров предмета употребляются прилагательные на -лă (-лѣ), которые могут служить только определениями: *Тăватă аршăнлă вĕрен* «четыреаршинная веревка», *икшер хăласлă юмансем* «дуба по две сажени в обхват» [4. С. 99].

То, что Н.И. Ашмарин считал слова *аршăнлă*, *хăласлă* прилагательными – вполне закономерно для того времени, но аффикс -лă в данных примерах не является показателем имени прилагательного, а образует форму обладания (чув. *пурлă форма*) имени существительного (термин В.И. Сергеева [13. С. 143-145]. – А.И.). Нужно обратить внимание, что словосочетаний *аршăнлă вĕрен*, *хăласлă юмансем* в чувашском языке не существует, поэтому числительные *тăватă* и *икшер* являются определениями не существительных *вĕрен*, *юмансем*, а существительных *аршăн* (ср. *тăватă аршăн* «четыре аршина») и *хăлас* (*икшер хăлас* «по две сажени»).

Именительный падеж ставится, по Ашмарину, в обозначениях времени: а) в названиях дней недели: *тунти-кун*, *ытлари-кун*, *юн-кун*, *кёснерни-кун*, *эрне-кун*, *шăмат-кун*, *вырсарни-кун* (по правилам новой орфографии данные слова пишутся раздельно: *тунти кун* и т.д. – А.И.); б) во многих временных выражениях, отвечающих на вопрос когда? – если в их состав входят слова *сул* «год», *кун* «день»; *каş* «вечер», *сёр* «ночь», *чух* «время», *хут* «раз»: *тепёр сул* «на другой год», *тепёр кун* «на другой день»; *сён сул каş* «вечером на новый год», *праşник каş* «вечером накануне праздника»; *вырсарни каş* «вечером в субботу». Н.И. Ашмарин правильно заметил, что «в последних оборотах слово *каş* «вечер» заменяется диалектически словом *сёр* «ночь»: *тунти сёр* «вечером в воскресенье». В некоторых местностях эти краткие обороты не существуют и их заменяют той же конструкцией, какая существует в русском языке: *вырсарни-кун каş* «вечером в воскресенье» [4. С. 103-104].

Глагол *пул* «делаться, быть» требует в чувашском языке именительного падежа вместо русского творительного:

Чăпар куккук чĕппи эп пулăттăм «Стал бы я птенцом пестрой кукушки».

И.П. Павлов отмечает, что имя в именительном (основном) падеже может быть зависимым и независимым от других слов. Например, в обращениях: *Комсомолец, харăс ут* «Комсомолец, шагай в ногу» и назывных предложениях: *Сăрт. Айлăм. Çĕнĕ кĕпер* «Возвышенность. Низина. Новый мост» он независим. В зависимом положении имя существительное в основном падеже сочетается с другим именем или глаголом. В сочетании с именами основной падеж выражает значения: а) утверждение: *Чапаев – пирĕн ентенш* «Чапаев – наш земляк»; б) материал, из чего сделан предмет: *чул сурт* «каменный дом»; в) меру: *икĕ пăт тырă* «два пуда урожая»; г) сравнение: *сурла уйăх* «серб-месяц»; д) отнесение предмета к какой-либо группе: *хĕрарăм врач* «женщина-врач»; е) связь предмета с другим предметом: *хурăн вăрманĕ* «березовый лес». В сочетании с глаголом: а) показывает время действия: *Каç анчах мунча кĕнĕ...* «Только вчера вечером мылись в бане»; б) продолжительность во времени: *Шкулти пуху шăпах икĕ сехет пынă* «Школьное собрание длилось два часа»; в) прямой объект действия: *Ачасене истори вĕрентет* «Детям преподает историю» [11. С. 93-94].

А.И. Иванов подчеркивает многозначность основного падежа и указывает некоторые из них (при этом ссылается на И.П. Павлова, что значения падежей подробно указаны в его книге по морфологии). Автор подчеркивает, что «все слова, стоящие в основном падеже, могут быть в предложении подлежащим и сказуемым, многие слова – определением и прямым дополнением, меньшее число слов – косвенным дополнением и обстоятельством» [8. С. 111-112].

В.А. Андреев считает, что «основной падеж в чувашском языке, выполняя разнообразные синтаксические функции в речи, подобно другим падежам, служит для выражения отношений подлежащего, дополнения, сказуемого, определения, обстоятельства. В этих отношениях наиболее четко проявляется свойство имени существительного в основной форме в тюркских языках – способность иметь конкретно-предметное и отвлеченно-предметное значение [1. С. 50].

В.А. Андреев особо отмечает труды исследователя и основоположника чувашского языкознания Н.И. Ашмарина по морфологии и синтаксису чувашского языка. По его мнению, работы Н.И. Ашмарина по синтаксису чувашского языка представляют собою несколько иные разработки, чем современные исследования синтаксического строя языков. Они как бы подчинены одной главной цели – выявлению функциональной сути морфологических единиц в структурно-содержательном плане и являются образцом применения описательно-систематизирующего подхода к явлениям языка, и в частности, к падежам. В.А. Андреев заключает, что в работе «Опыт исследования чувашского синтаксиса» Н.И. Ашмарин не только уточняет общие значения падежных форм, но и впервые самым тщательным образом пытается выявить все частные значения падежей в чувашском языке; исследователь больше внимания уделяет показу синтаксического употребления той или иной падежной формы в различных сочетаниях на обширном языковом материале [1. С. 3-20].

Синтаксическую (или аналитическую) характеристику номинатива дает А.А. Алексеев в статье «Именные определительные словосочетания в современном чувашском языке». Именными определительными, или атрибутивными, словосочетаниями автор называет такие сочетания слов, в которых в роли определяемого выступает имя существительное или какое-либо другое субстантивированное слово. Автор указывает разные смысловые отношения между компонентами словосочетаний: 1) предмет и его признак по материалу: *чул сурт* «каменный дом», *ылтăн сехет* «золотые часы»; 2) предмет и его

видовой признак: *çăрттан пулă* «щука»; *лантăш чечек* «ландыш»; 3) предмет и его признак по полу: *хĕрарăм кондуктор* (досл. женщина кондуктор), *Иван пичче* «дядя Иван», *Анна аппа* «сестра Анна»; 4) человек и его признак по национальной принадлежности: *чăваш врач* «врач-чуваши», *вырăс тăлмач* «русский переводчик»; 5) отношение к неопределенному лицу или предмету: *салтак çĕлĕкĕ* «солдатская шапка», *хĕр юрри* «девичья песня»; 6) отношение части к целому: *сĕтел ури* «ножка стола»; *ту тăрри* «вершина горы» и др.

Если в работе В.А. Андреева речь шла о синтаксических отношениях, т.е. о синтаксической функции основного падежа, то в статье А.А. Алексеева говорится о смысловых отношениях в определительных словосочетаниях, но автор ни разу не упомянул о том, что все приведенные примеры состоят из форм основного падежа.

Об этих значениях писал И.А. Андреев при исследовании простых именных синтагм, под которыми автор понимал синтагму, состоящую из двух словформ. Семантически определяющий член (существительное в основном падеже – А.И.) может указать: 1) на количество или меру: *вĕтре сăра* «ведро пива»; 2) на материал, из которого сделан предмет: *юман сĕтел* «дубовый стол»; 3) на видовой признак предмета: *çăка йывăç* «дерево липа»; 4) на принадлежность: *атте сурчĕ* «дом отца»; 5) на отношение к другому предмету: *йывăç сұлси* «лист дерева»; 6) на назначение предмета: *костюмлăх укçа* «деньги на костюм»; 7) место: *урамри халăх* «толпа, находящаяся на улице»; 9) время: *ирхи шuşăм* «утренняя заря» [2].

Интересные данные содержит «Грамматика современного башкирского литературного языка» [6]. В данном научном исследовании даны дефиниции терминов *падеж* и *основной падеж*. Падеж – это грамматическая категория имени, обозначающая с помощью специальных аффиксов или их сочетаний с послелогом синтаксическое отношение данного существительного к другому существительному, наречию или глаголу. Основной падеж представляет собой исходную форму слова и, как прямой падеж, противопоставит всем другим, так называемым косвенным, падежам и не только по отсутствию аффиксов, но и по своему значению и грамматической роли, как падеж подлежащего, хотя эта функция не является единственной [6. С. 132]. Основной падеж широко сочетается с послелогам. Эти сочетания в разных своих значениях функционально могут заменить формы других падежей, тем самым образуя разветвленную систему морфолого-синтаксических средств выражения одних и тех же грамматических значений. Основной падеж с полисемантическим послелогом *менән* «с» обозначает: 1) совместность, соучастие (функция косвенного дополнения): *Ниязгол минән килешкәнән якшы булыр* «Для тебя хорошо помириться с Ниязгулом»; 2) лицо, на которое распространяется действие другого лица (косвенное дополнение, являющееся логическим субъектом): *Кыз менән танышыу* «познакомиться с девушкой»; 3) орудие, материал и предмет действия (функция дополнения): *шифер минән ябыу* «покрыть шифером»; 4) способ действия (функция обстоятельства образа действия): *игтибар минән тыңлау* «слушать с вниманием»; 5) способ передвижения (функция обстоятельства образа действия): *поезд менән барыу* «поехать на поезде»; 6) цель действия (функция обстоятельства цели): *йомош минән килеу* «прийти за чем-либо»; 7) время действия (функция обстоятельства времени): *таң минән* «с зари»; 8) логический субъект действия (косвенное дополнение): *халык минән тулган* «заполнен народом»; 9) характеристику лица (функция дополнения): *ир ăше менән таныла* «мужчина делом прославляется»; 10) разновидность болезни (функция косвенного дополнения): *аппендицит минән ауырыу* «болеть аппендицитом» [6. С. 134].

Приведенные здесь пункты сопоставимы в башкирском языке с основным падежом и послелогом *менән*, а в чувашском языке – с именем существи-

тельным в творительном падеже с аффиксом *-па (-пе)*: ср. баш. *кыз* (осн. п.) *менән танышыу* – чув. *хёрпе* (тв. п.) *паллаш* «познакомиться с девушкой»; баш. *шифер* (осн. п.) *минән ябыу* – чув. *шиферпа* (тв. п.) *вит* «покрыть шифером». Послелог *минән «с»* в башкирском языке выступает вместо аффикса творительного падежа *-па (-пе)* в чувашском языке. Точно так же основной падеж в башкирском языке в сочетании с послелогом *өсән «для, за»* заменяет форму причинно-целевого падежа с аффиксом *-шән(-шён)* в чувашском языке: *уқыу өсән тулăу – вĕреннĕшён тўлени* «платить за учебу».

При изучении семантики и функций основного падежа небезынтесным стал вопрос о его модальных значениях. В чувашском языкознании вопросам модальности посвящена работа М.Р. Федотова «Средства выражения модальности в чувашском языке» [14], в которой автор основное внимание уделил лексическим и лексико-грамматическим средствам выражения модальности, но в данной работе не затронут вопрос модальности падежных значений.

В языкознании модальность понимается неоднозначно. Модальность [фр. *modalité* < лат. *modus* «способ, наклонение»] – грамматико-семантическая категория [Касаткин]; функционально-семантическая категория, является языковой универсалией, принадлежит к числу основных категорий естественного языка [10. С. 303]; понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания [5. С. 237]; грамматическая категория, обозначающая отношение содержания предложения к действительности и выражающаяся формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т.п. [12]. На наш взгляд, по всем параметрам модальность – категория понятийная; различают два вида модальности: объективная – выражение отношения сообщаемого к действительности (реальность или нереальность, возможность или невозможность, необходимость или вероятность и т.д.); субъективная – выражение отношения лица говорящего к сообщаемому (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, экспрессивная оценка).

Все модальные значения, выраженные при помощи языковых средств, входят в смысловую структуру предложения в качестве ее компонентов, поэтому принцип полноты описания предполагает изучение всех средств выражения модальных значений – центральных и периферийных, грамматических и лексических. Нужно учесть, что «особое место в числе грамматических показателей «широкой» модальности занимают падежные формы» [12].

Модальные значения номинатива (именительного, основного падежа. – А.И.) в чувашском языке следующие:

1. Объективно-модальное. Можно наметить два семантических типа объективно-модального значения: императивную и волюнтаривную модальность.

Императивная (повелительная или побудительная. – А.И.) модальность сопровождается императивной интонацией или интонацией модальной окраски (интонацией, имеющей целью эмоционально-волевое воздействие говорящего лица на слушающего (или слушающих); а также интонация императивная – законченная интонация повелительного предложения: а) в ситуации собрания, митинга, урока, лекции и т.п.: *Тимлĕх!* «Внимание!»; *Шăплăх!* (или *Шăп!*) «Тишина!»; б) в коммуникативной ситуации «проверки»: – *Петров! Доска патне тух-ха* «– Петров! Иди к доске». Вокативные предложения-призывы, называющие адресные речи не только целью привлечь его внимание, но и добиться определенной вербальной или иной реакции, имеют императивное значение.

Волюнтаривная модальность реализуется в примерах псевдоадресации:

Чёкеç, чёкеç, чёкеçĕм! Кунĕпе ларма пĕлмерĕн «Пасточка, пасточка, пасточка моя! За целый день ни разу не присела».

Тинĕс, тинĕс, вăйлăрах, хыççăн-хыççăн хум пăрах! «Море, море, все сильнее, за волною мчи волну!».

Тёвик-тёвик текерлёк, а́ста каян, текерлёк? «Чивик-чивик чибисок, куда путь держишь, чибисок?».

Волитив (субстантивный волюнтатив) в приведенных чувашских стихотворных примерах передано модальным значением выражения воли, намерений авторов с обращением не к морю или птичкам, а к читателю (слушателю), ибо обращение к ласточке, морю, чибису «беспредметно»: они не слышат, не понимают обращения к ним речи, читатель (слушатель) должен понять, о чем идет речь в контексте.

2. Акто-речевая семантика; в данном случае подвергается анализу явление обращения. Обращение всегда выражается именительным падежом имени существительного или любой равноценной ему словоформой в сочетании с особой звательной интонацией. Обращением служат собственные имена людей, названия лиц по степени родства, положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, по национальному и возрастному признаку, по взаимоотношениям людей и т.д. Обращение составляет особую контекстуально-обусловленную синтаксическую функцию именительного падежа, благодаря которой выявляется ряд модальных значений номинатива. Для обращений характерны разные типы интонаций:

а) интонация звательная (произнесение обращения с усиленным ударением и более высоким тоном, с паузой после обращения): *Тусăм, лар-ха юнашар* «Посиди со мной рядом, друг мой»;

б) интонация восклицательная: *Тарас! Тарас Петрович! Эсех-и ку?* «Тарас! Тарас Петрович! Ты ли это?»;

в) интонация вводности: *Ну, Венера, хăсан тухатăн ёсе?* «Ну, Венера, когда выйдешь на работу?».

Обращения, выражая модальность, могут давать оценочную характеристику, содержать экспрессивную окраску, выражать отношение говорящего к собеседнику:

Сетнер, йытă, кёссе пит, пуян хёрне ан хапсăн! «Знай, Сетнер, знай, пес бесстыжий: ты – богатому не зять!».

Лексической опорой оценочно-характеризующей функции обращения являются слова, произнесенные с особой интонацией, слова с качественной семантикой, обращения-метафоры, обращения-метонимии, обращения-иронии, обращения-перифразы, риторические обращения и т.п. В свое время М.В. Ломоносов, определяя обращение как «великолепную, сильную и словооживляющую фигуру», отмечал, что «сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, жалеть, прощать, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, сказывать, толковать, поздравлять и прочее [10. С. 341].

Обращение называет адресата речи: *Хватей, айта, кёр* «Фадей, давай, зайди (заходи)». Номинативная, именующая функция обращения признается одним из конститутивных признаков и соединена с функцией модальной, акторечевой, что дает основание сближать указанную основную функцию обращения с модальной сферой языка [12].

3. Номинатив может иметь значение эмоциональной оценки: *Чăн-чăн ёне* «Настоящая корова» (о человеке). Четкие и постоянные оценочные коннотативные значения несут метафоры типа «животное→человек», «птица→человек», «предмет→человек» и т.д. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, данные метафоры представлены в номинативе. Слова с нейтральной семантикой также могут приобретать отрицательную модально-оценочную семантику: *Тупăннă кунта учитель!* «Нашелся тут учитель!» (т.е. псевдоучитель. – А.И.).

Пейоративно-оценочную семантику содержат вокативные однословные предложения типа *Ольга! Петя!*, сказанные тоном упрека и вызывающие мысль «зачем ты это сделал(а), зачем так поступил(а), как тебе не стыдно!».

В поэме «Нарспи» К.В. Иванова есть такие строки (обращения):

Эй, каччăмçăм Тăхтаман «О, Тхтаман, жених мой»;

Эй, кёрӳçем Тăхтаман «О, зять добрый, Тхтаман».

На первый взгляд кажется, что употребление уменьшительно-ласкательной формы принадлежности I лица единственного числа с аффиксом *-çăм* (*-çем*) мелиоративно характеризует Тхтамана, но на самом деле здесь кроется упрек и укор, что и вызывает пейоративно-оценочную семантику.

В лингвистической литературе начала XXI в. особо подчеркивается, что «категориальное значение отношения реализуется в двух различных типах значений падежных форм – диктальных (объективных) и модальных (субъективных) [9. С. 259]. Основу функционально-семантической парадигмы номинатива составляют следующие четыре типа диктальных падежных значений: 1) субъектное значение, связанное с указанием на производителя действия (*ача вĕренет* «ребенок учится»); 2) объектное значение, связанное с указанием на объект, т.е. на тот предмет, на который направлено действие или отношение (*кĕнеке вула* «читать книгу»); 3) обстоятельственное (адвербиальное) значение, связанное с указанием на время, место, причину, образ действия или иные обстоятельства осуществления действия (*пĕр уйăх хăналан* «гостить месяц»; *хĕлле кил* «приехать зимой»); 4) определительное (атрибутивное) значение, указывающее на признак предмета (*ылтăн сехет* «золотые часы»).

Возникает вопрос: сколько типов модальных падежных значений в языке? Вопрос весьма проблематичный, ибо в лингвистических работах его ответ не сформулирован, исследование модальных падежных значений содержится лишь в трудах Л.Л. Касаткина, Е.В. Клобукова, П.А. Леканта. Вся загадка в том, как понимать категорию модальности – в широком или узком смысле. К исследованию падежных форм и значений, по нашему мнению, подходит «широкий подход», в рамках которого модальность трактуется как категория предположения, выражающая отношение его содержания к действительности с точки зрения говорящего и включающая такие аспекты высказывания, как его эмотивность, экспрессивность, коммуникативная целеустановка, отрицание, оценочность, время.

Модальность – категория универсальная и многоаспектная, в лингвистической литературе высказаны различные мнения по поводу сущности «модального феномена», и интерпретируется этот феномен лингвистами по-разному. Различные интерпретации в номинации модальности заключаются в том, что объем этого понятия и охват им языковых фактов не совпадают в концепциях разных авторов. Модальность, как языковая универсалия, может иметь значения утверждения, отрицания, сравнения, приказания, пожелания, допущения, достоверности, недостоверности, реальности, нереальности и др. Проявляются ли эти модальные значения в падежных формах? Примеры из чувашской морфологии подтверждают разные значения модальности номинатива, например:

1) утверждение: *Кил илемĕ – килĕнтеш* (осн. п.) «Красна изба снохами»; *халăхра – вăй* (осн. п.) «в народе – сила»;

2) сравнение: *кĕреçе* (осн. п.) *сухал* «борода лопатой»; *хурлăхан* (осн. п.) *куçсем ман* «глаза мои смородиной»;

3) приписание (при обращении): *салтак* (осн. п.), *эс çирĕп ут!* «солдат, шагай смело!».

В этих примерах модальность, как функционально-семантическая категория, выражает разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого, т.е. передает отношение говорящего к содержанию высказывания.

Таким образом, у номинатива, традиционно считавшегося «беспризнаковым» падежом, лишенным своего содержания, обнаруживается широкий спектр семантических функций, последовательно соотносимых с разнообразными позициями в составе предложения, синтаксемы, текста.

Литература

1. Андреев В.А. Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения в чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 166 с.
2. Андреев И.А. Современный чувашский язык. Синтаксис. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 334 с. – на чув. яз.
3. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Ч. II. Учение о формах: морфология. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1898. 280 с.
4. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань: Типо-литогр. В.М. Ключникова, 1903. Ч. 1. 573 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 607 с.
6. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: КомКнига, 2005. 352 с.
8. Иванов А.И. Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Вып. 39. Чебоксары, 1969. С. 106-126.
9. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высш. шк., 2006. 470 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
11. Павлов И.П. Современный чувашский язык: морфология. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 343 с. – на чув. яз.
12. Русский язык: учебник / сост. Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин и др. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 768 с.
13. Сергеев В.И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 299 с.
14. Федотов М.Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. 122 с.
15. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1977. 183 с.

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (amivano@rambler.ru).

IVANOVA ALENA MIKHAYLOVNA – candidate of philological sciences, assistant professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81.367

А.А. КАЛИНИНА

ЯВЛЕНИЕ СМЫСЛОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ УТВЕРЖДЕНИЯ/ОТРИЦАНИЯ

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, семантика, утверждение/отрицание.

Рассмотрено явление смысловой эквивалентности выражений с отрицанием и без отрицания, логическую основу которого составляет своеобразие выделяющих и исключающих суждений, лежащих в их основе. Предложения данного типа оказываются носителями логически соотносительной положительной и отрицательной информации и дополняют друг друга в смысловом отношении.

А.А. KALININA

THE PHENOMENON OF SEMANTIC EQUIVALENCE IN EXPRESSION OF AFFIRMATION/NEGATION

Key words: russian language, syntax, semantics, affirmation/negation.

In clause of expressions with denying and without denying which logic basis is made with an originality of the allocating and excluding judgements laying in their basis is considered. Offers of the given type appear carriers of logically correlative positive and negative information and supplement each other in the semantic attitude.

Одна и та же ситуация может быть по-разному отражена мыслью человека и даже одна и та же мысль может быть выражена различными по своей структуре предложениями, хотя бы и имеющими один и тот же лексический состав.

В.З. Панфилов [7. С. 42]

Явление смысловой эквивалентности выражений с отрицанием и без отрицания к настоящему времени изучено сравнительно мало. Речь идет о возможности двоякого прочтения – в утвердительном и отрицательном смысле – высказываний типа: *Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульете* = 'Повесть о Ромео и Джульете – самая печальная повесть на свете'; *Нет драматурга более великого, чем Шекспир* = 'Шекспир – самый великий среди драматургов'; *Нет ничего в мире, чего нельзя было бы унич-*

тожить с помощью презрения = 'В мире все можно уничтожить с помощью презрения'; *Ничто так не объединяет людей, как отсутствие интеллекта* (Аргументы и факты. 2006. № 12) = 'Отсутствие интеллекта более всего объединяет людей'; *Скромна, а ничего, кроме Проказ и ветру на уме* (А. Грибоедов) = 'На уме исключительно проказы и ветер' и др. под.

В высказываниях подобного рода средствами отрицательной структуры передается не только отрицательная, но и логически соотносительная с ней позитивная информация. Положительная информация извлекается из содержания отрицательных высказываний на основе отношений логической импликации: *В мире нет ничего, что бы не менялось с годами* → 'В мире все меняется с годами'.

Для объяснения фактов семантического сближения утвердительных и отрицательных высказываний необходимо обратиться к логической стороне данного явления. Смысловая близость утвердительных и отрицательных предложений опирается на эквивалентность лежащих в их основе логических (мыслительных) структур. В логике эквивалентными (иногда также равнозначными или равносильными) называются различные суждения, в которых описывается объективно одна и та же ситуация. «Равносильность суждений есть одинаковая их информативность и совпадение их по истинностным значениям» [2. С. 76].

Характер суждений, выражаемых с помощью данных языковых структур, определяется не только их качеством (утвердительные/отрицательные), но и количеством: общее суждение/частное суждение.

В логике общими называются суждения, содержащие квантор общности «все». Структура общего суждения «Все S суть (не суть) P». Признаком общеутвердительного суждения могут служить слова *все, каждый, всякий, любой*, стоящие (или подразумевающиеся) перед субъектом: **Все люди смертны**. Общеотрицательные суждения соответствуют формуле «Ни одно S не есть P»: **Ни один человек не может жить без пищи**. Частные суждения имеют структуру «Некоторые S суть (не суть) P». Маркерами частноутвердительного суждения в естественном языке могут быть слова *некоторые, многие, кое-кто, часть, большинство, меньшинство, обычно, порой, иногда* и др.: *Некоторые ученые являются талантливыми исследователями* (частноутвердительное суждение); *Некоторые люди не могут лгать* (частноотрицательное суждение).

При делении суждений по количеству обращает на себя внимание своеобразие выделяющих и исключающих суждений, особый характер их взаимных корреляций в плане утвердительности/отрицательности.

В ы д е л я ю щ е е с у ж д е н и е – это «такое суждение, которое отображает тот факт, что признак присущ только данному предмету и не принадлежит всем прочим предметам» [4. С. 103]. В состав выделяющих суждений входит кванторное слово *только*. Естественноречевыми аналогами данного логического квантора являются выделительно-ограничительные частицы *только, лишь*, наречия *единственно, исключительно* и некоторые другие средства.

Логика отмечает, что «выделяющее суждение представляет собой соединение двух суждений – утвердительного и отрицательного» [4. С. 103]. «Всякое выделяющее суждение представляет собой синтез утвердительного и отрицательного суждений, поскольку в нем утверждается принадлежность какого-либо признака предмету определенного класса предметов и одновременно отрицается принадлежность этого же признака другим предметам того же класса» [1. С. 41-42].

Рассмотрим в качестве примера предложение *Только тот любит, у кого светлеет мысль и укрепляются руки от любви* (Н. Чернышевский). Логическую основу данного предложения составляет общеутвердительное выделяющее суждение. Предложения данного типа являются носителями не только эксплицитной положительной информации, но и сопряженной с ней имплицитной отрицательной информации. Отрицательная информация касается всех тех, кто

не охвачен признаком, названным в придаточной части, т.е. всех остальных, и эксплицируется с помощью противоположного по грамматическим признакам – отрицательного – высказывания: 'Тот **не** любит, у кого **не** светлеет мысль и **не** укрепляются руки от любви'. Выражаемое в предложении сложное содержание может быть представлено в виде конъюнкции двух пропозиций: 'Только тот любит, у кого светлеет мысль и укрепляются руки от любви, и (а) тот не любит, у кого не светлеет мысль и не укрепляются руки от любви'. Сравним также: Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой (Н. Некрасов) → 'Прочие (= не обладающие указанным признаком) **не** достойны'. Конструкции данного типа часто встречаются в афоризмах: Лишь тот свободной жизни властелин, кто дни свои в борьбе проводит трудной (И. Гете); Лишь тот хорош, кто смел и чист душой и кто в труде проходит жизни путь (Г. Гафури).

Специфика выделяющих суждений состоит в смысловом акцентировании того, что указанный признак принадлежит (или не принадлежит) исключительно данному предмету и не принадлежит (или принадлежит) прочим (всем остальным) предметам данного класса. Двоякий, «утвердительно-отрицательный» (Н.А. Торопова: [8]), смысл в соответствии со своим двуединым значением привносит в предложение маркер выделяющего суждения – выделятельно-ограничительная частица *только*: **ТОЛЬКО**. 1. *частица*. Выражает ограничение: не больше, чем столько-то, **ничего другого, кроме**. 2. *частица*. Выражает ограничение, выделение из множества, **единственно, исключительно**. *Т. в деревне отдыхаю*. [6. С. 802]. Грамматическое отрицание *не* взаимодействует с семантикой частицы *только*, что создает эффект двойного отрицания, имеющего своим результатом положительное значение конструкции.

Позитивная и негативная составляющие информативной семантики, заключенной в высказывании, могут получить эксплицитное выражение в случае параллельного употребления коррелятивных конструкций. Ср. «*Смелый человек не боится правды. Ее боится только трус*» (А.К. Дойл) (пример из: [3. С. 64]). Ср. также: – *Ирочка! Ой, Ирочка! Да как же я рада, что ты нашлась! Ты ведь у меня одна подруга была, других не было...* (Л. Улицкая). Или:

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,

Не бойтесь пекла и ада,

А бойтесь единственно только того,

Кто скажет: «Я знаю, как надо!».

Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,

Рай на земле – награда» (А. Галич).

Позитивная и негативная конструкции являются носителями сходной информации и образуют логический бином, дополняя друг друга в смысловом отношении.

Утвердительно-отрицательный смысл имеют и высказывания, логическую основу которых составляют *и с к л ю ч а ю щ и е с у ж д е н и я*. Формула исключающих суждений: «Все *A*, за исключением *B*, суть (не суть) *C*» [4. С. 213]. «Исключающие – это общие суждения, в которых исключается часть предметов, не обладающих признаком, присущим всем предметам рассматриваемого класса. Например, «Всякое общество, за исключением первобытнообщинного, является классовым». Это суждение образовано как синтез двух частных суждений «Некоторые общества являются классовыми» и «Некоторые общества не являются классовыми» [1. С. 42].

Исключающие суждения находятся в отношениях логической обратимости с противоположными по качеству выделяющими суждениями. Высказывание, заключающее в себе утвердительное исключающее суждение, может быть приведено к стандартной логической форме отрицательного выделяющего суждения. Ср.: *Пришли все, кроме Иванова* → 'Только Иванов не пришел'. Общее ут-

вердительно-отрицательное содержание каждого из коррелятивных высказываний можно считать выражением сложной пропозиции: 'Все **пришли**, только Иванов **не пришел**'. Аналогично: *Все жанры хороши, кроме скучного.* → 'Нехорош **только** «скучный» жанр'; ...она (Арина Петровна. – А.К.) *не видела в своих детях ничего, кроме лишней обуви* (М. Салтыков-Щедрин) → 'видела в своих детях только обувь'; ...*в фильме все хорошо, кроме... сценария* (Собеседник. 2008. № 12) → 'все хорошо, только сценарий плох'. Ср. также у Маяковского: *И кроме свежeweымытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо.*

«Встроенная» в состав высказывания противоположная пропозиция репрезентирована в структуре высказывания оборотом со значением исключения, вводимым предлогом *кроме*. Осложнение отрицательного предложения оборотом со значением исключения семантически равносильно введению второго отрицания в состав предложения. Грамматическое отрицание, имеющее в качестве своего показателя частицу *не*, взаимодействует с отрицательной семантикой предлога *кроме*. **КРОМЕ** *кого-чего, предлог с род. п. 1.* За исключением, не считая кого-чего-н. *К. соседа, ни с кем не знаком.* [6. С. 308]. Общий утвердительный смысл высказывания может быть истолкован как результат взаимодействия в его составе двух отрицательных элементов. Анализируя предложение *В этих шатаньях по саду, по темным аллеям я, кроме безнравственности и распущенности, ничего не вижу* (А.П. Чехов). П.А. Лекант указывает, что «взаимодействие служебных элементов *ничего кроме* приводит к переосмыслению отрицания в экспрессивное, усиленное утверждение: «В этих шатаньях по саду я вижу только безнравственность и распущенность» [5. С. 6].

Таким образом, исключающее суждение имеет в качестве презумпции (пре-суппозиции) противоположное ему парное выделяющее суждение. И наоборот, мыслительное содержание выделяющего суждения может быть передано с помощью логически равнозначного противоположного по качеству исключающего суждения. Так, отрицательное высказывание *Из всего экипажа только один водитель не был ранен* (пример В.З. Панфилова: [7. С. 45]) логически равносильно утвердительному исключающему суждению *Все члены экипажа, кроме водителя, были ранены*. «В общевыделяющем суждении *Только люди разумны* выражена мысль, что нет ни одного существа, кроме человека, который обладал бы признаком разумности», – отмечает Н.А. Торопова [8. С. 85]. В этом проявляется глубинная взаимосвязь отношений выделения и исключения.

В естественном языке отношения исключения оформляются чаще всего с помощью оборотов с предлогами *кроме, за исключением* и некот. др. Ср.: *Три дня живу в пустом немецком доме, пишу статью, как будто воз везу. И нету никого со мною, кроме моей тоски и музыки внизу* (К. Симонов) = 'Со мной только моя тоска и музыка внизу'; *Но тишь. И листок не шелохнется. Ни признака зги, кроме жутких Глотков и плескания в шлепанцах, И вздохов, и слез в промежутках* (Б. Пастернак). Дополним этот ряд примерами из пособия [9]: *Но сквозь пыль, залеplявшую глаза, не было видно ничего, кроме блеска молний* (А. Чехов. Степь, VII) = '...Был виден лишь блеск молний'; *В садике трещала маленькая мельничка, поставленная для того, чтобы пугать стучком зайцев. Больше же около дома не было видно и слышно ничего, кроме степи* (А. Чехов. Степь, III) = 'Была видна и слышна только степь'; *Кроме нас и художников, здесь не было ни души* (К. Паустовский); *Ничем, кроме глупости и лености, этот Каштан, впрочем, не отличался* (А. Куприн); *Надо заметить, что Антон Павлович очень любил всех животных, за исключением, впрочем, кошек* (А. Куприн); *Иван Андреевич был огромного роста, худой, молчаливый и весьма медлительный во всех движениях, никогда не носил халата, и никто, исключая его камердинера, не видал его ненапудренным*

(И. Тургенев. Три портрета) = 'Только камердинер видал его ненапудренным'; Она казалась весьма озабоченной делами школы, говорила только о ней, об учениках, но и то неохотно, и смотрела на все, **кроме ребенка и мужа**, рассеянным взглядом человека, который или устал, или слишком углублен в себя (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, ч. II); Здесь в городе вас не понимают, да и некому понимать, так как, сами знаете, здесь, **за весьма малыми исключениями**, все гоголевские свиные рыла (А. Чехов. Моя жизнь, VI) [9. С. 167, 254-255].

В языке существуют и другие способы передачи смыслового содержания исключаящего суждения, отличные от стандартной логической формы его выражения. К их числу относятся отрицательные конструкции, в которых отношения сравнения и противопоставления двух ситуаций находят свое «поверхностное» выражение в наличии оборота со сравнительным союзом *как*. Ср.: *Нет слова, которое было бы так размашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово* (Н. Гоголь). Содержание этого предложения соответствует стандартной логической форме общеотрицательного исключаящего суждения 'Нет ни одного слова, кроме русского ...' или 'Ни одно слово, кроме русского, не вырывается из-под самого сердца...', которое логически равносильно утвердительному выделяющему суждению: 'Только метко сказанное русское слово вырывается из-под самого сердца...'. В составе сравнительной конструкции, маркирующей включенную пропозицию, называется объект, исключаемый из числа не обладающих названным признаком. Ср. также: *Ничто так не бодрит с утра, как чашечка хорошего кофе*; – *А во всем Петербурге никто ко мне так не привязан, как эта ... чудачка!* – *подумалось Нежданову* (И. Тургенев). Отрицательная форма конструкции способствует усилению логически эквивалентного утвердительного смыслового содержания: 'Эта чудачка привязана ко мне сильнее всех'. Усилительный смысл утверждаемого связан с указанием на высшую степень проявления признака и находит свое внешнее выражение в наличии в составе положительного оборота грамматической формы превосходной степени.

«Свернутая» пропозиция, представленная в предложении сравнительным оборотом, может быть развернута, а содержание основной пропозиции свернуто до сравнительного оборота с отрицанием с сохранением общего смысла высказываемого: *Эта чудачка привязана ко мне, как никто другой (не привязан)*. Положительная и отрицательная структуры находятся в отношениях логической эквивалентности, отрицание служит для подчеркивания исключительности описываемого явления.

Предложения, включающие обороты *как никто другой, как никто, как нигде, как никогда* и др., используемые для усиления утверждаемого, представляют собой весьма распространенный тип конструкций. Ср.: *...Просто ты умела ждать, как никто другой* (К. Симонов) (= 'лучше, чем кто бы то ни было, лучше всех'); *Однако именно благодаря отсутствию этого веса Игорь Шувалов умудряется выплывать в любых политических условиях. Более того, он как никто другой умеет предчувствовать их изменение* (Собеседник. 2008. № 13); *Но здесь пожары так часты, как нигде* (В. Хлебников). Ср. возможность обратной трансформации в отрицательное высказывание: *Нигде пожары так не часты, как здесь*.

Аналогичное преобразование – перенос отрицания в состав подчиненной пропозиции – допускают и сложные предложения со сравнительными придаточными. Ср.: *Да, так любить, как любит наша кровь, Никто из вас давно не любит!* (А. Блок) ('Так любим только мы, только «наша кровь»') – *Мы любим так, как никто другой не любит*. Глубинный положительный смысл, скрытый в отрицательном высказывании, «выходит на поверхность» в составе равнозначного по смыслу утвердительного высказывания.

Отрицательные суждения, получающие языковую репрезентацию в предложениях рассматриваемого типа, относятся к классу общеотрицательных, что в структуре предложения выражается в наличии соответствующих маркеров:

– **ни один**: *Много могу я насчитать поцелуев, с тех пор, как этим занимаюсь, но **ни один** не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания* (А. Пушкин) = 'Приятное воспоминание оставил только один'; *Пожалуй, **ни в одном** из славянских языков, **кроме русского, нет** такого богатства средств выражения негативного содержания высказывания* (В.И. Чернов);

– **никто**: *Он **никогда не** заботился **ни о ком, кроме собственной особы*** (И. Тургенев); *Аня была живая, веселая и славная барышня, но **никто, кроме Анны Марковны, не** помнил ее такой* (П. Улицкая); *Но об этом до поры до времени **никто, кроме посвященных, не** знал* (Собеседник. 2007. № 37);

– **ничто**: ***Ничто не** стоит нам так дешево и **не** ценится так дорого, как **вежливость**; **Ничто так не** ранит художника, как **перемены*** (Собеседник. 2007. № 42);

– **никогда**: *Пожалуй, **никогда** я не вспоминал с такой остротой любимые места, как **на войне*** (К. Паустовский); *Я **никогда не** был так сердит, как **сейчас*** (= 'Я сейчас сердит как **никогда**').

Использование отрицательных предложений для передачи позитивного содержания можно расценить как способ не прямой передачи информации («от противного»), что составляет языковую основу их экспрессивности. Объект, исключаемый из числа тех, на которые распространяется отрицание, воспринимается не просто как обладающий названным признаком, но и как наделенный им в высшей степени и вследствие этого как явление исключительное и неординарное.

Частотность данных конструкций, степень их употребительности, в частности в языке СМИ, очень велика. Приведем лишь некоторые примеры: ... ***нет** более захватывающей, болезненной и интимной сферы человеческой жизни, чем деньги* (Собеседник. 2008. № 1); – *Такой обаятельной улыбки и заразительного смеха, как у Любы Полищук, по-моему, не было ни у кого, – вспоминает друг и коллега актрисы по театру «Школа современной пьесы» Владимир Качан* (Собеседник. 2007. № 45). Следующий отрывок интересен высокой степенью насыщенности конструкциями анализируемого типа. Ср.: – *Мой муж не увлечен политикой. Его интересуют **только шахматы, больше ничего. С Каспаровым ни о чем, кроме шахмат, мой муж не** разговаривает* (Собеседник. 2007. № 46).

Подведем некоторые итоги. Высказывания, логическую основу которых составляют выделяющие и исключаяющие суждения, имеют сложную и противоречивую смысловую организацию. В высказываниях данного типа отражается диалектика соотношения утверждения и отрицания в выделяющих и исключаяющих суждениях, семантика утверждения/отрицания перекрещивается и взаимодействует с семантикой выделения/исключения.

Содержание, высказываемое в предложении, может быть сведено к двум логическим формам и, соответственно, двум репрезентирующим их грамматическим структурам, диаметрально противоположным по отношению друг к другу в плане положительности/отрицательности. При этом высказывания-антиподы не только не исключают друг друга, но, наоборот, имеют весьма близкое смысловое содержание.

Параллелизм соответствующих синтаксических структур, конвертируемость их смыслов с особой наглядностью проявляется в случаях смежного употребления коррелятивных конструкций. Своеобразной иллюстрацией данного положения может служить текст известного клятвенного заверения: *Клянусь говорить правду, только правду, и ничего, кроме правды*. Данная фраза представляет собой компрессию трех высказываний: *Клянусь говорить*

правду; Клянусь говорить только правду; Клянусь не говорить ничего, кроме правды. Их общее смысловое содержание обозначено уже в первом высказывании. Два последующих «высказывания-перевертыша» делают эту мысль логически более точной и определенной. В предложении *Клянусь говорить правду* речь идет о говорении правды, но при этом в нем ничего не сказано о говорении неправды. Этот «пробел» восполняется содержанием второго и третьего высказываний, полностью исключающих возможность говорения неправды. При этом первое из них эксплицирует позитивную, а второе – негативную сторону их общего смыслового содержания.

Проблема, обозначенная в заглавии статьи, весьма объемна и является лишь небольшой частью проблемы утверждения и отрицания в общих и частных суждениях и выражающих их предложениях.

Литература

1. Бойко А.П. Краткий курс логики. М.: Изд. центр «Аз», 1995. 127 с.
2. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. М.: Наука, 1994. 208 с.
3. Гетманова А.Д. Логика: для педагогических учебных заведений. М.: Новая школа, 1995. 416 с.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1975. 717 с.
5. Лекант П.А. Предложение и высказывание // Структура предложения и содержание высказывания: межвуз. сб. науч. тр. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1986. С. 3-8.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2001. 944 с.
7. Панфилов В.З. Отрицание и его роль в конституировании структуры простого предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 36-49.
8. Торопова Н.А. К исследованию логических частиц // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 82-86.
9. Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1974. 287 с.

КАЛИНИНА АЛЕВТИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (kalina.07@inbox.ru).

KALININA ALEVTINA ANATOLJEVNA – candidate of philological sciences, assistant professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 811.161.1:398.91

Д.Ф. КАЮМОВА

КОНЦЕПТ «ТРУД» В ЗООМОРФНЫХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКОЙ

Ключевые слова: концепт, пословицы и поговорки, высказывания, характеризующие духовный и социальный мир человека.

Рассмотрен вопрос об использовании пословиц и поговорок, включающих названия животных в этнокультуре разных народов. Исходя из примеров, автор утверждает, что пословицы и поговорки имеют цель оценить положительные качества человека посредством сравнения его с предметом, имеющим отрицательные/положительные свойства. В качестве предмета сравнения могут выступать различные концепты живой и неживой природы.

D.F. KAYUMOVA

CONCEPT «LABOR» IN ZOOMORPHOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL UNITS WITH POSITIVE APPRECIATION

Key words: concept, proverbs and sayings, statements which characterize spiritual and social world of a person.

This article contains the question of using proverbs and sayings which contain animal's description. The author says that a person can be characterized positively if he was compared with a subject which has positive and negative features.

В этнокультуре разных народов пословицы и поговорки, включающие названия животных, – это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах. В речевом общении представителей разных языковых коллективов отражаются как универсальные черты, так и этноспецифические закономерности, характеризующие культурно-национальные особенности каждого народа и его языка.

Пословицы и поговорки имеют цель оценить положительные качества человека посредством сравнения его с предметом, имеющим отрицательные/положительные свойства. В качестве предмета сравнения могут выступать различные концепты живой и неживой природы. «Сам факт обозначения человека через его сравнение с животным/артефактом создает образную номинацию, сопровождаемую положительной или отрицательной коннотацией» [2. С. 241]. Нами не случайно выделена эта группа пословиц и поговорок, так как паремиологические единицы (ПЕ) с зоонимами и орнитонимами являются одной из самых характерных групп фразеологического фонда любого языка. Народные сказки, пословицы, поговорки с ранних пор формируют в сознании людей отношение к объектам живой природы через их сравнение с людьми. Переносно-образное значение «животное – человек» и «артефакт – человек» оказывается неотъемлемым элементом национальной картины мира, сформировавшимся на протяжении веков.

В зооморфизмах ярче, чем в любой другой области языка, отражаются особенности осмысления внеязыковой реальности, когда образы животных в разных языках наделяются, на первый взгляд, совершенно немотивированными свойствами. Включение знаний о животном мире в систему образных средств характеристик человека, поиски сходства с образами реальных мира природы – важный этап развития человеческого знания. Зоохарактеристика человека, возникающая на основе образного представления о том или ином животном, наиболее ярко и непосредственно отражает национальную самобытность языков через систему оценочных образов, характерных для данного этноса.

Метафоричность зооморфных коммуникативных фразеологизмов, присущая им субъективно-оценочная коннотация, специфика их семантических параметров и синтаксической структуры во многом обусловлена их референциальной сферой, основу которой составляет имплицитно-выраженный в них антропоцентризм как проявление древней фольклорной традиции приписывания животным определенных черт человеческого характера. Наименования животных (зоонимы) и птиц (орнитонимы) – один из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Стремясь охарактеризовать своё поведение, чувства, состояния, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего и похоже на него самого – животным миром. Многие наименования животных стали устойчивыми метафорами, обозначающими свойства и качества человека: лиса – «хитрый, лживый человек», гусь – «о ненадежном или глуповатом человеке», медведь – «о неуклюжем, неповоротливом человеке», петух – «о задорном человеке, забияке» и т.п. В языковой картине сопоставляемых языков задействованы имена животных, участвующих в образной мотивации: млекопитающие: домашние животные, дикие животные; птицы: домашние птицы, дикие птицы; рептилии, рыбы, членистоногие, насекомые. Наибольшее видовое использование получают домашние животные и дикие птицы, однако по частотности употребления в паремиях отряд млекопитающих занимает лидирующую позицию. Социально-информативную функцию выполняют некоторые наименования животных, ставшие символами отрицательных качеств. В исследуемых языках таковыми являются «собака», «свинья», «коза», «козёл», «осел» и т.п., названия которых имеют негативную коннотацию, основанную как на реальных наблюдениях, так и на сложившемся стереотипе представлений об интеллекте, характере и других чертах животного. Представление о птицах как о человеческих душах распространено по всему миру так же широко, как и мнение, что они являются воплощением божества предсказаний, бессмертия и радости. В некоторых культурах птицы считаются предвестниками болезней – обычно это вороны, грифы. Однако более распространено мнение, что птицы – благоприятный знак. Считается, что птицы имеют контакт с божественными сферами и прино-

сят послания оттуда, именно поэтому, например, кельты преклонялись перед ними. В представлениях людей птицы – это воплощение мудрости, интеллекта и молниеносности мысли. Во многих мифах, сказаниях и легендах птицы приносят полезные советы героям (например, сова). Таким образом, названия птиц (орнитонимы) представляют большой интерес во всех исследуемых языках с точки зрения этимологии. Паремии с названиями животных данных языков отражают физические качества, возможности, внешний облик, черты характера, интеллект, действия человека. Характерной чертой зоонимов и орнитонимов исследуемых языков является высокая степень идиоматичности и образности с сильным содержанием номинативности. Это приводит к тому, что сходные по денотативным значениям зоонимы и орнитонимы в разных языках отличаются образностью, так как ассоциативные представления о животных в различных языках не совпадают. Совпадения восходят либо к общему для английского и татарского языков источнику, либо являются следствием единого восприятия мира, сходных культурных, национальных и исторических особенностей.

В целом традиционный выбор зоонимов и орнитонимов в паремиологическом фонде английского и татарского языков имеет много общего как в аспекте теории номинации, так и с точки зрения оценочной коннотации. Исследования показывают, что своеобразие языковых традиций употребления компонентов зоонимов и орнитонимов в качестве компонентов пословиц и поговорок есть яркое проявление национального лингвистического своеобразия. При подборе зоо-пословиц в языках возникают трудности, связанные с различиями представленности паремий в исследуемых языках, которые продиктованы в конечном счете экстралингвистическими факторами: культурой, историей, бытом народа.

На основе классификации свойств человека, предложенной Т.Н. Писановой [3], в работе дана классификация наиболее частотных положительных человеческих качеств и объективирующих их частных оценок. Рассмотрим как позитивные свойства человека отражаются в английской паремиологии. Как уже отмечено ранее, число пословиц и поговорок с положительной оценкой в исследуемом материале гораздо меньше, чем с отрицательной.

В языках и национальных культурах содержательный признак «отношение человека к труду» входит в ряд основополагающих абстрактных понятий, имеющих непосредственное отношение к жизни людей. Именно поэтому в семантическом пространстве сублимированных оценок важная роль принадлежит интегральному дескриптивному компоненту «трудолюбивый». Оно находится в отношении семантической противоположности к семантическому микрополю с общей дескрипцией «ленивый». Примечательно то, что концепт «труд» анализируется в работах ряда исследователей [1, 4], поскольку отношение к труду позволяет раскрыть систему общественных отношений и тем самым базовые ценности общества.

В лексической семантике исследуемых языков представлено несколько поведенческих типов трудолюбивого человека, которые отличаются между собой по содержательным и целевым установкам. Семантическим механизмом, поддерживающим доминирующий статус положительной этической оценки, является принцип аксиологической идеализации трудолюбия. Его культурологическим базисом служит одобряемое обществом «поведение действия», которому противостоит осуждаемая социумом «идеология бездействия». Деятельное поведение человека, которое руководствуется созидательными целями, находит одобрение в любом национальном сообществе. Любовь к труду и связанная с ней конструктивная активность мотивируются самым сильным природным инстинктом – инстинктом самосохранения, который ученые относят к «инстинктивным основам человеческой культуры» (термин К. Лоренца). Конкретная культура

наполняет их собственным гуманизированным содержанием, которая обогащается разнообразными прагматическими установками [3. С. 164].

В исследуемых языках за многие столетия народного творчества сложились и впоследствии закрепились определенные образно-ассоциативные стереотипы. В английском и татарском языках встречаются названия ряда животных, с именами которых ассоциируется такая черта человека, как «трудолюбивый», в лексических парах *horse-am* (лошадь), *dog – әм* (собака), и *wolf – буре* (волк), например, в английском языке: *a horse that will not carry a saddle must have no oats* – кто не работает, тот не ест; *the dog that trots about finds a bone* – грибов ищут – по лесу рыщут; *the wolf that wants to find the meat must trot all day on his own feet* – волка зубы (ноги) кормят. В татарском языке, например: *азыклы әм арымас* – букв. сытая лошадь не устанет; *әм тартмый, азык тартма* – букв. не лошадь тянет, а еда. Аксиологическая идеализация трудолюбия в зооморфных метафорах реализует себя через подчеркивание привлекательных сторон фаунистической реалии и намеренное исключение из фокуса внимания непривлекательных характеристик. Однако другой – активный – поведенческий тип отрицает наличие какого-либо принуждения и использования силовых методов, например в английском языке: *a good horse must not be spurred* – рус. не гони коня кнутом, а гони овсом. В татарском языке данной пословице соответствует следующая пословица: *әм яхшы булса, чыбыркы кирәкмәс* – хорошей кобыле хлыст не нужен. В приведенных примерах трудолюбивый человек предстает таким, для кого труд является приятным, увлекательным, интересным и желанным занятием.

В паремиологических единицах, представляющих второй тип трудолюбивого человека, присутствуют скрытые сенсорно-вкусовые и психологические оценки, объектом которых является неконкретизированный вид труда, а субъектом – человек, который с радостью, интересом и желанием посвящает себя этому труду. Позитивное отношение к труду, акцентируемое гедонистическими и психологическими оценками, лежит в основе нравственного отношения к труду. Данный тезис позволяет утверждать, что позитивные гедонистические и эмоциональные оценки служат семантическими основаниями положительной этической оценки в тех исследуемых ПЕ, в которых доминирует эмоционально-чувственное отношение к труду.

В ходе исследования также были выделены пословицы, в которых положительно оценивается/одобряется такой биологический тип человека, как «жаворонки» – люди, которые рано встают и вследствие этого успевают за день выполнить значительно больше работы. Следовательно, здесь не может наблюдаться тенденции подавления каких-либо негативных частных оценок за счет приоритета морально-этического начала. Приведем примеры пословиц английского языка и их соответствий в татарском языке: *he that would eat the fruit must climb the tree* – *чикләвек ватмасаң, төшен ашың алмассың* – успех дается трудом (ср. без труда не вытащишь и рыбки из пруда); *many a little makes a mickle – бөртекләп чүпләп, ач калмыйсың* – из мелочей слагается крупное; курочка по зернышку клюет, да сыта бывает (ср. копейка рубль бережет); *he that runs fastest gets the ring* – *чапкан узар, яткан калыр, йөгәргән алыр* – кто всех опережает, тот награду получает; награда дается самому быстрому.

В данных примерах морально-этическая положительная оценка аккумулярована в сумме с эмоциональной, сравнительной, утилитарной и телеологической положительными оценками.

Принцип ценностной идеализации трудолюбия особым образом проявляется в словах метафорического происхождения – зооморфизмах. Инстинкты животных, отраженные в их устойчивом поведении – строительстве гнезд и жилищ, заботе о потомстве, коллективном «быте» пчелиных колоний, сопос-

тавляются этнологами с естественными истоками человеческой культуры. Как полагают ученые, стереотипы поведения животных соответствуют культурным ритуалам и нормам человека.

Следует отметить также, что большое количество идиоматических выражений с именами животных выражают одобрение приобретению положительного жизненного опыта, побуждают молодых брать пример с более старших, бывалых и компетентных в какой-либо области, тех, кого «не проведешь», например, в английском языке: *you cannot catch an old bird with chaff* – воробья на мякине не проведешь. В татарском языке данной пословице соответствует следующая ПЕ: *карт чыпчык кипкән ипигә алданмас* – старого воробья на мякине не проведешь; *an old dog barks not in vain* – *карт эт жигә әрми* – старый пес на ветер не лает; *old fox wants no tutors* – *карт төлке юлны таба* – букв. старая лиса дорогу найдет (старой лисе учителя не нужны). Дескрипция «опытный» в английском и татарском языках выражена эксплицитно посредством прилагательного (англ) – *old*, (тат) – *карт*. В данном случае это вполне оправдано, так как с возрастом человек становится мудрее, опыт позволяет ему быстрее ориентироваться в ситуации, а, следовательно, с прагматической точки зрения он более успешен, приспособлен к жизни.

Однако необходимо учитывать, что понятие «старый» имеет две оппозиции: «старый» – «опытный» и «старый» – «немогущий». Они располагаются в разных оценочных полюсах и объективируются различными частными оценками.

Наблюдения показывают, что частотность употребления первой оппозиции с положительной коннотацией в несколько раз выше, чем второй. Это объясняется, на наш взгляд, универсальностью основных морально-этических установок, действующих независимо от места и времени. Так, не принято открыто высмеивать недостатки пожилых людей и указывать на них. Все в жизни имеет свое начало и конец, и старость – есть естественное состояние человека. Издревле, еще до создания письменности, старые опытные люди ценились за те знания, которые они передавали людям, обеспечивая тем самым неразрывную связь поколений.

Содержательное противоречие некоторой части татарских пословиц устраняется благодаря ценностной идеализации семантического признака «трудолюбивый». Последний возвышается над другими семантическими признаками, отражающими моральные и физические издержки трудолюбия, как то – изможденный, надорванный и т.п. В результате семантический компонент «трудолюбивый» и соответствующая ему положительная этическая оценка выдвигаются на первый план. Культурные основания положительной этической оценки в данном случае связаны с одобрением качеств трудолюбивого человека, поведение которого соответствует «идеологии действия» и поэтому поощряется национальным сообществом. Причем при выборе зоонима данный принцип распространяется как на диких, так и на домашних животных. Таким образом, с прагматической точки зрения, согласно народной мысли, даже домашним животным необходимо трудиться.

Реализация принципа ценностной идеализации трудолюбия четко прослеживается и в других зооморфных метафорах, образованных от наименований насекомых, например, в английском языке: *a busy bee has no time for sorrow* – трудолюбивой пчелке некогда грустить; в татарском языке: *корт үзенә бал жыймый* – букв. пчелка мед не себе собирает. В представленных пословицах зооморфизм «пчела», представляющий трудолюбивого человека, семантизируется позитивно: воспринимаемая активность характерна для ответствующих насекомых. Вместе с тем в этой зооморфной метафоре не на-

ходит отражения другая негативно-оцениваемая чувственным восприятием человека биологическая характеристика исходного значения, а именно: «жалящее насекомое». Однако ценностная идеализация одного семантического признака, транспонированного из исходного значения в метафорическое, делает нерелевантными другие семантические признаки.

Зоологические наименования «собака» и «волк» в бытовом сознании носителей обеих лингвокультур часто сопровождаются негативной коннотацией, содержащей информацию о характеристиках животных: «хитрый», «опасный», «агрессивный» и т.п. Однако этим животным сопутствуют и положительные характеристики – «сильный», «выносливый», «упорный в достижении цели». При этом «хитрый» под влиянием положительной коннотации основного значения «трудолюбивый» переходит в «хитроумный». Такое благоприятное сочетание перечисленных качеств позволяет им быть прекрасными охотниками и получать положительную маркировку, несмотря на агрессивные и небескорыстные побуждения, лежащие в основе их поведения, а значит, и человека, на которого переносятся данные характеристики. В зооморфных метафорах английского языка *wolf* и *dog* основаниями положительной этической оценки, включенной в семантический компонент «трудолюбивый», являются позитивные телеологические и утилитарные оценки, сопровождающие понятия о целесообразных, эффективных и полезных действиях животных, которые переносятся на поведение деятельного, трудолюбивого, добивающегося намеченной цели человека. В данном случае мы видим редкое сочетание телеологической оценки с другими типами оценочной квалификации. Подобное объясняется, по мнению Т.В. Писановой, тем, что «трудолюбие как абсолютная добродетель не находится в жесткой зависимости от эффективности и целесообразности труда» [3. С. 169].

В татарском языке пословицы и поговорки с лексическими единицами «собака» и «волк» часто ассоциируются с отрицательной коннотацией, например: *эт дисәң йоны юк, адәм дисәң сыны юк* – ни рыба, ни мясо; *эт эченән өйрә эчкән* – собака мысленно локала похлебку; *эт талый дип, бет талый* – досл. глядя на собаку, ухитряется кусать и вошь; *бүрәнә аркылы бүре күрә* – у страха глаза велики. Во многих пословицах они противопоставляются друг другу, например: *эт белән бүре туган булса да, тума душман* – букв. хотя волк и собака родня, все равно враги; *эт өрер, бүре йөрер* – букв. собака лает – волк бегаёт; *эт үлсә бүре еламас* – когда собака умирает, волк не плачет.

Показательно также, что для некоторых языков (ср. испанский язык) не характерно использование зоометафор *собака* и *лошадь* в качестве обозначений трудолюбивого человека, тогда как в английском, и особенно в русском, паремиологическом фонде, частотность употребления метафоры *horse* (лошадь) велика. Следует отметить неоднозначность и многоплановость данного образа с точки зрения актуализирующего его активного или пассивного начала.

Рационалистическая ориентация трудолюбия поощряется социумом, но не является обязательным предписанием. «Несмотря на то, что компоненты «старательный», «усердный» из семантического поля «трудолюбивый» относятся к моральным качествам с положительно оцениваемой практической ориентацией, они не могут индуцировать положительную телеологическую оценку, так как соответствующие качества не гарантируют эффективный труд и удачные результаты. Вместе с тем комбинации положительных этических, нормативных и утилитарных оценок, по замечанию автора, являются регулярными» [3. С. 170].

Национально-культурная модель, представляющая прагматически-обусловленное отношение к труду, включает телеологическую и утилитарную оценки со знаком «плюс» производного метафорического значения. Они дополняют основную позитивную этическую оценку, конкретизируя ценностную сторону рационалистического аспекта трудолюбия.

Литература

1. Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград: Перемена, 1997. С. 42-43.
2. Карташкова Ф.И. Косвенная номинация в аспекте мыслительной языковой деятельности. Иваново: Изд-во ИГХТУ, 2003. 250 с.
3. Писанова Т.В. Базовые семантические механизмы, определяющие универсальные и национально-культурные черты оценочной семантики // Функциональная лингвистика: принципы организации текста: тезисы III Междунар. конф. Симферополь: Родной язык, 1997. С. 52-245.
4. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»): учеб. пособие. Тула: Изд-во ТГПУ, 2002. 92 с.

КАЮМОВА ДИАНА ФЕРДИНАНДОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Институт экономики управления и права, Россия, Казань (azalka.83@mail.ru).

KAYUMOVA DIANA FERDINANDOVNA – doctor of philological sciences, professor, Institute of Economics, Management and Law, Russia, Kazan.

УДК 81'373.2

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXIV:
А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию топонимов и апеллятивов с компонентами «айметово» в тюркских и финно-угорских языках Поволжья. В ней предпринята попытка реконструкции архетипов с привлечением данных некоторых индоевропейских языков.

G.Ye. KORNILOV

TOPONIMICS OF THE VOLGA REGION REPUBLICS (THE BASHKIR, THE KOMI, THE MARI, THE MORDVA, THE TATAR, THE UDMURT, THE CHUVASH REPUBLICS) – 24-TH CENTURY: A-ANLAUT GEOGRAPHIC NAMES

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The article continues the inventarization and interpretation of toponyms and appeals with the «айметово» components in the Turkish and Finno-Ugrian languages of the Volga region. The attempt to reconstruct the archetypes with the data of Indo-European languages has been taken.

0.0.2.4.4. **АЙМЕТОВО** – марийская деревня в 5 км от с. Михайловка, быв. одноим. с-та Совет. р-на; марийское название без рус. суффикса -ово: *Аймет* О.П. Воронцовой и И.С. Галкиным, вслед за Ф.И. Гордеевым, убедительно возводится к собственному имени *Аймет* [3. С. 26], но их интерпретация последнего, проникшего несомненно из татарского языка [5. С. 63], убедительна лишь наполовину. Первая часть имени вполне вероятно восходит к тюрк. *ай* «луна, месяц»; «лунный; светлый и т.д.» (хотя известно и тур., крым.-тат. *ай* «святой, -ая, -ое», см. [12. С. 18]), но утверждение, что «Элемент -мет» имеет значение «усилительной частицы -же» никакой критики не выдерживает.

Несомненно, антропоним *Аймет* стоит в общем ряду тюрко-мусульманских имен на -*мат/-мет/-мэт*. Приведем для начала примеры из монографии Г.Р. Галиуллиной [4], указывая в скобках номера страниц: *Ак-мәмет* (С. 79), *Ак-мөхәммәт* (С. 117), *Ах-мат* (С. 119), *Бай-мәт* (С. 228), *Бик-мәт* бик (С. 228), *Гыйс-мәт* (улла) (С. 229), *Дус-мөхәммәт* (С. 228), *Ел-мамәт* (С. 228), *Әл-мәмәт* (С. 123), *Әхмәт-жан* (С. 229), *Әхмәт-сафа* (С. 229), *Ил-мәт* (с. 106), *Имамәт* (дин) > *Имамый* (С. 123), *Иш-ми* < *Иш-мәт* < *Иш-мәмәт* < *Иш-мөхәммәт* (С. 117), ср. выведение башкирского топонима *Ишмәт төбөгө* из *Ишмехәммәт төбөгө* у А. Камалова [7. С. 67, 73], *Иш-мөхәммәт* (С. 228), *Иш-мөхәммәт* > *Иш-мәмәт* (С.103), *Иш-мөхәммәт* > *Иш-мәт*

* Работа выполнена при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

(С. 117), *Кол-мөхәммәт* (С. 117), *Мамат* (С. 119), *Мамет-ов* (С. 79), *Мәмәт* (С. 132), *Мәмәт* < *Мөхәммәд* (С. 228), *Мөхәммәт* (С. 132), *Мөхәммәт* > *мәмәт* (С. 123), *Мөхәммәт-жан* > *Хәмәт-жан* > *Хәмәй* (С. 123), *Мухаммад-амин* (С. 119), *Нәжмет-дин* (С. 229), *Нур-мөхәммәд* (С. 228), *Ураз-мәт* (С. 132), *Уразмат* < *рәзмәт* [14. С. 101], всего около 30 имен; примерно столько же оказались включенными в вышедший ранее (1998 г.) «Словарь чувашских нехристианских личных имен» М.Р. Федотова [17], перечисляем с указанием страниц: *Ай-мет* (с. 37-38, оказалось неучтенным Ф.И. Гордеевым, а вслед за ним О.П. Воронцовой и И.С. Галкиным, см. начало статьи), *Ат-мулла* < *Ата-мухаммад* (С. 43), *Ах-мат* (С. 44), *Ех-мемет* (С. 50), *Ил-ехмет* (С. 51), *Ил-мемет* (С. 52), *Ил-мет* (С. 52), *Катёр-мет* (С. 62), *Махмутъ* (С. 70), *Мәхамат* (С. 70-71), *Мемет-ей* (С. 70), *Немат* / *Ньамат* (С. 78-79), *Пай-мет* (С. 81), *Пет-мет* (С. 85), *Пик-мет* (С. 86), *Пит-мет* (С. 89), *Пих-мат* (С. 90), *Сел-мемет* (С. 103), *Се-мет-тин* (С. 103), *Сит-ехмет* (С. 111), *Сүс-мет* (С. 113), *Тал-мат-ти* (С. 114), *Туй-мет* / *Той-мет* (С. 120), *Хамит* (С. 129), *Хемит* (С. 130), *Шере-мет* (С. 136), *Эхмет* / *Әхмәт* (С. 144), *Эхмет-ша* (С. 144).

Главными источниками книги М.Р. Федотова были «Словарь...» Н.И. Ашмарина [1] и «Чувашские языческие имена» В.К. Магницкого [10]; параллели он черпал в основном из «Словаря марийских личных имен» С.Я. Черных [20] и «Словаря татарских личных имен» Г.Ф. Саттарова [15], но если 17 выпусков «Словаря...» Н.И. Ашмарина были им почти исчерпаны, то «Алфавитъ мужскихъ языческихъ именъ чувашъ» В.К. Магницкого [10] оказался использованным лишь частично, а именно – более 60 антропонимов остались неупомнутыми; полное перечисление последних см. в нашей совместно с А.А. Леонтьевой изданной брошюре [8], где они приведены в порядке обратного словаря, ниже даем в обычном алфавитном порядке с указанием страниц упомянутой книги В.К. Магницкого: *Абр-ехмет* (С. 24), *Азар-мет* (С. 25), *Аз-мет* (С. 25), *Ал-мамат* (С. 27), *Ал-мемет* (С. 27), *Ал-мет* (С. 27), *Ан-ехмет* (С. 28), *Ар-мет* (С. 29), *Ас-мет* (С. 30), *Ахемет* (С. 31), *Ахмет* (С. 31), *Ачи-мет* (С. 31), *Аш-мет* (С. 31), *Бай-мет* (С. 32), *Ба-мет* (С. 33), *Бик-мет* (С. 33), *Бу-мет* (С. 34), *Бо-мет* (С. 34), *Дюс-мет* (С. 37), *Ел-мемет* (С. 38), *Емет* (С. 38), *Ен-ехмет* (С. 38), *Ен-еш-мет* (С. 38), *Ер-емет* (С. 39), *Ер-мет* (С. 39), *Ехмет* (С. 40), *Еш-мет* (С. 40), *Ид-ехмет* (С. 41), *Ил-д-а-мет* (С. 42), *Ил-д-ехмет* (С. 42), *Ил-ехмет* (С. 43), *Ил-мамат* (С. 43), *И-мемет* (С. 44), *И-мет* (С. 44), *Ин-ехмет* (С. 45), *Ир-мемет* (С. 46), *Иш-емет* (С. 47), *Иш-мемет* (С. 48), *Кадер-мет* (С. 49), *Кадыр-мет* (С. 49), *Кал-ахмет* (С. 49), *Кар-мет* (С. 50), *Кид-емет* (С. 51), *Кил-мамат* (С. 51), *Кил-мемет* (С. 51), *Кинязмет* (С. 51), *Крыс-мет* (С. 53), *Куз-мет* (С. 53), *Мамет* (С. 55), *Об-мамат* (С. 60), *Ох-мет* (С. 64), *Пай-мет* (С. 65), *Пик-мет* (С. 66), *Пихмет* (С. 67), *Пой-мет* (С. 68), *Пос-мет* (С. 69), *Сав-мет* (С. 71), *Сал-мамат* (С. 72), *Са-мет* (С. 73), *Сар-мет* (С. 73), *Сед-ехмет* (С. 74), *Сел-мет* (С. 75), *Се-мет* (С. 75), *Сер-мемет* (С. 79), *Сех-мет* / *С-ехмет* (С. 76), *Сидел-мет* (С. 76), *Сид-ехмет* (С. 76), *Син-ехмет* (С. 77), *Сих-мет* / *С-ихмет* (С. 77), *Солев-мет* (С. 78), *Сол-мет* (С. 77), *Сюр-мемет* (С. 79), *Сюр-мет* (С. 79), *Сюс-мет* (С. 79), *Ток-мет* (С. 84), *Ун-ехмет* (С. 89), *Ураз-мамат* (С. 89), *Ураз-мет* (С. 89), *Урза-мет* (С. 89), *Ур-мамат* (С. 89), *Ур-мет* (С. 89), *Ут-мамат* (С. 89), *Хал-мет* (С. 89), *Ход-ахмет* (С. 90), *Хоз-ахмет* (С. 90), *Че-мет* / *Ч-емет* (С. 92), *Чон-мет* (С. 93), *Шеля-мет* (С. 95), *Ялди-мет* (С. 97), *Ян-ехмет* (С. 98), *Ян-охмет* (С. 99), *Яш-мемет* (С. 101), *Яш-мет* (С. 101).

Таким образом, антропонимы ряда *Ахмад* > *Ахмед* > *Ахмет* > *Эхмет* || *Ехмет* || *Әхмәт*, с одной стороны, восходящие к араб. муж. имени *Ахмад* / *Ахмед*, букв. «прославленный, достохвальный», к эпитету Пророка Мухаммада [11. С. 52], имеющему жен. вариант *Ахмадийа*, букв. «достохвальная; следующая за Ахмадом, т.е. Пророком Мухаммадом» [11. С. 314], а также ряда *Мухаммад* / *Мухам-мат* / *Мухаммед* / *Мухаммет* > *Мамад* / *Мамат* / *Мамед* / *Мамет* > *Мад* / *Мат* /

Мед / Мет (новоперс. *Мохаммад / Мохаммед* [11. С. 166]) – в книге В.К. Магницкого [10] и в Словаре М.Р. Федотова [17] представлены так, что можно подумать – М.Р. Федотов книгу В.К. Магницкого в списке использованной литературы указал, но на самом деле полностью не использовал, ограничившись антропонимией, представленной в словаре Н.И. Ашмарина [1], ср.: «*Аймет* ... сокр. форма от *Аймамет*» [17. С. 37-38], в качестве источников указаны: словарь Н.И. Ашмарина [1 А. С. 30], работа А.Г. Шайхулова [21. С. 56], словарь С.Я. Черных [20. С. 45], как видим, все эти источники проигнорированы Ф.И. Гордеевым, О.П. Воронцовой и И.С. Галкиным. Далее: у М.Р. Федотова указано *Ахмет* [17. С. 44], но у В.К. Магницкого даны еще варианты: *Ахмет / Ахемет* [10. С. 31], *Ехмет* [10. С. 40], *-охмет: Ян~* [10. С. 99]; у М.Р. Федотова только *Катёрмет* [17. С. 62], но у В.К. Магницкого еще *Кадермет, Кадырмет* [10. С. 49]; у М.Р. Федотова только *Паймет* [17. С. 81], но у В.К. Магницкого еще *Поймет* [10. С. 68], *Бай мет* [10. С. 32], *Бомет* [10. С. 34], *Бамет* [10. С. 33]; у М.Р. Федотова только *Пикмет* [17. С. 86], у В.К. Магницкого: *Бикмет* [10. С. 33], *Пикмет* [10. С. 66]; у М.Р. Федотова – *Селметет* [17. С. 103], у В.К. Магницкого еще: *Селмет* [10. С. 75], *Салмамет* [10. С. 72] и т.д.

На *-мат/-мет* в «Словаре топонимов Башкирской АССР» указаны: 1) комоним *Суерметово / Сойёрмет* и ороним *Сойёрмет тауы* в Ермек. р-не, восходящие, по мнению авторов, к антропониму *Сойёрмет* [16. С. 130а], каковой, по нашему мнению, восходит к татарскому орнитониму *суер* «глухарь», ср. *Суербай* из татар. *Суер* «Глухарь» плюс *бай* «господин» [11. С. 224], по-башкирски было бы *Хуйырмет*, поскольку «глухарь» в башкирском *хуйыр*, полный архетип антропонима **Суермамет* из **Суермамед* < **Суер Мухаммад*; 2) комонимы: «*Тубән-ге Эрмет / Нижнеарметово*, прежнее название *Эрмет* (гидроним)...» в Ишимбаев. р-не, где имеется речка *Эрмет* [16. С. 149]; *,рге Эрмет / Верхнеарметово / Юфары Эрмет* в Дуван. р-не, прежнее название д. *Эрмет* (гидроним) [16. С. 161]; потамоним *Эрмет / Армет*, назв. притока р. *Зиган* (прав. пр. *Белой*) в Ишимбаев. р-не, «от диал. *эрмет* || *армыт* «ответвление, рукав реки» [16. С. 178]; 3) комоним *Шаммет / Шаммат* – в Илишев. р-не (от антропонима *Шаммат* [16. С. 169]; 4) комоним *Новоишметово / Ян(э)ы Ишмэт* – д. в Дюртюлин. р-не, прежнее название *Ишмэт* (антропоним) [16. С. 188], в справочниках значатся нас. пункты *Ишметово* в Бакалинском и в Краснокамском р-нах, которые отдельной статьей в «Словаре топонимов...» не даны, но на с. 66 зато имеем более полные формы, к которым в конечном счете восходит *Ишмэт*, а именно: *Ишмухаметово / Ишмөхәмәт* – назв. деревень в Баймак., Федор., Хайбуллин. р-нах (от антропонима *Ишмөхәмәт*) и *Ишмамметово* – д. в Бурзян. р-не (от антропонима *Ишмәмәт*), ее другое название *Кәзермет* (явно сокращенное *Кадирмәмәт* из *Кадирмөхәмәт* < **Кадир Мухаммад*, где араб. *кадир* «могущественный, сильный». – Г.К.).

В вышеизложенном нас смущает ...диал. *Эрмет / армыт* «ответвление, рукав реки», приведенное без межтюркских и без возможных затюркских параллелей, наш собственный поиск по языкам и диалектам положительных результатов не дал, и мы склонны подозревать, что нарицательное, апеллятивное значение *Армет / Эрмет* вторично, что оно также восходит к комониму из антропонима типа *Армаммет*, где *ар/эр/ур* и т.д. общетюрк. «муж, мужчина; герой; самец и т.д.» или известное тюркское название удмуртов. Прежде безымянные притоки третьего, четвертого и т.д. порядка часто называли по имени основанного на их берегах (или просто вблизи) населенного пункта. Во всяком случае башк. *армыт* «отрог» [2. С. 49а], в русско-башкирском словаре *тау тармағы* «отрог» [13. С. 513] нуждается в этимологизации. Обращает на себя внимание полная непредставленность *армыт* в качестве географического номенклатурного термина, образующего оронимы и потамонимы (да и другие разряды топонимов) на базе определительных словосочетаний и словосложений (в позиции второго, определяемого компонента, назв. д. *Армет-Рахимово* [16. С. 178а; 19. С. 228], разумеется, к числу тако-

вых не относится, поскольку *Армет* здесь в позиции первого, определяющего компонента), ни в одном из источников по топонимии ни Башкортостана, ни других тюркоязычных регионов России и зарубежья. Поскольку для тюркских языков характерны границы морфем между сочетающимися согласными, естественно выглядит членение *ар-мыт*, т.е. выделение суффикса / аффикса или грамматикализованного слова *-мыт*, статус которого следует признать неопределенным, но первый компонент вполне укладывается в качестве **р-/л-**язычного (болгаро-тюркского) компонента известного межтюркского ряда *ад-*: *адыр* (др.-тюрк., уйг.), *ат-*: *атыр* (якут.), *аз-*: *азыр* (каз.-тат. диал.; саг., шор.), *ай-*: *айыр* (большинство тюркских), *уй-/ой-*: *уйәр / ойәр* вместо должных **ур-/ор-*: **урәр / *орәр* из **арыр* (чув.) «делить, разделить, разделять; отделить, отделять» и множество других близких значений, в том числе именных: «ответвление; отрог (горы), рукав, приток (реки) и т.п.». Если это чудом сохранившийся **р-**язычный реликт, то современные чувашские формы по историко-фонетическим соображениям следовало бы признать результатом кыпчакского влияния, ср. аналогичный ряд: уйгур., чагат. и т.д. *ад-*: *адак*, якут. *ат-*: *атах*, башкир. *азак*, шор. и т.д. *азак*, кирг., тур. и т.д. *айак*, но чув. *ура / ора* (из **урак / *орақ*) «нога; ножной; подножье и т.д.» [22. С. 5а; 6. С. 275; 18. Т. II. С. 283], по нашей гипотезе из **p^hadak* «распадок; распадение», «дол, дель; раздел(ение)», см. [9. С. 441].

(Продолжение следует)

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып.1-17. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928-1950.
2. Башкирско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. 804 с.
3. Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002. 424 с.
4. Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 352 с.
5. Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1: А-Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 256 с.
6. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. НИИ при СМ ЧАССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
7. Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
8. Корнилов Г.Е., Леонтьева А.А. Инверсионный «алфавит чувашских мужских языческих имен» – 1: словарь. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 100 с.
9. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XI: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 438-448.
10. Магницкий В.К. Чувашский языческий имена. Казань: Типография Императорского Университета, 1905. 101 с.
11. Мусульманские имена: словарь-справочник / сост. Ибн-Мирзакарим ал-Қарнақи. СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2006. 448 с.
12. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
13. Русско-башкирский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 986 с.
14. Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы. Казан: Казан ун-ты нәшрияты, 1990.
15. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлегә. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1981. 256 бит.
16. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 200 с.
17. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук, 1998. 148 с.
18. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. I. А-Р. 470 с. Т. II. С-Я. 509 с. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
19. Хисамитдинова Ф.Г. Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 304 с.
20. Черных С.Я. Словарь марийских личных имен Марий энг лум-влак мутер. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 1995. 625 с.
21. Шайхулов А.Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. Уфа: Башк. ун-т, 1983. 72 с.
22. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.] 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, декан филологического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gennkorn@rambler.ru).

KORNILOV GENNADIY YEMEL'YANOVICH – doctor of Philology, professor, head of the General and Comparative-Historical Department, dean of the Philology faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811. 511.151

А.П. КУЗНЕЦОВА

**РАСШИРЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СОМАТИЗМОВ
В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (по материалам трудов В.М. Васильева)**

Ключевые слова: соматическая лексика, обогащение словарного состава, перенос наименования, семантика.

Рассмотрены процессы обогащения марийского языка путем расширения значений соматизмов. Исследование проведено на основе трудов известного марийского ученого В.М. Васильева. Источниками послужили художественные произведения, научные статьи и печатные издания исследователя, опубликованные в начале XX в.

A.P. KUZNETSOVA

CHANGES IN LEXICAL MEANINGS OF MARI SOMATIC WORDS (IN V.M. VASILYEV'S WORKS)

Key words: somatic words, enrichment of vocabulary, changes of meanings, semantics.

The article is devoted to the investigation of the processes of enrichment in the Mari language. We studied changes in meaning of the somatic words. As the source the author used scientific articles and works by V.M. Vasilyev which were published in early 20th century.

Соматизмы относятся к самому древнему пласту словарного фонда любого языка, отражают знания носителей языка об окружающем мире. С точки зрения происхождения названия частей тела и внутренних органов в марийском языке входят в основной словарный фонд языка и отличаются устойчивостью. Они, как и другие лексемы, служат основой для образования новых слов.

В данной работе впервые анализируются соматизмы марийского языка с точки зрения расширения их значения на основе трудов марийского языковеда В.М. Васильева, определяются принципы вторичной номинации.

В марийском языке для обозначения отдельных частей тела и внутренних органов как человека, так и других живых существ употребляются общие названия. Например, слово *нер* 'нос' в номинативном (прямом) значении обозначает 'нос, часть лица человека, морда, рыло животных, клюв птицы' [11. С. 172]: *кайык нер* 'клюв птицы', *сӱсна нер* 'свиное рыло'. Метафорическое значение этого слова зафиксировано в трудах В.М. Васильева в следующих переносных значениях: 1) выдвинутая часть чего-либо: *чайник нэр* [7. С. 54] 'носик чайника': *Чайник нэр ыч пушын мундрала койын лэкмыжым ужында?* [7. С. 54]. 'Вы видели, как выходит пар из носа чайника?'. Соматизм *нер* 'нос' обозначает часть неодушевленного предмета, похожего на анатомический орган человека по своей форме и расположению: форма чайника напоминает голову человека, а его выдвинутая часть похожа на нос. Вторичное значение существует не изолированно, а оно взаимосвязано с первичным значением.

Следующее значение соматизма *нер* 'нос' – росток (растений), всходы, почки: *пушэнгэ нэр* [9 б. С. 32] 'почки на дереве': *Вуран шондо дэнэ ушкал, шорык-влак шошым пушэнгэ нэрым (мамам), тыгыдэ илэ воштырым кочкын чэрланат* [6. С. 32]. 'Корова и овцы заболевают весной, поедая живые ветки (досл.: почки) деревьев'. Вторичное значение соотносится с первичной номинацией следующим образом: почка как выдвинутая часть по форме и расположению напоминает нос.

В современном марийском языке на базе лексемы *нер* 'нос' образованы и другие понятия, например, *самолет нер* 'нос самолета' [11. С. 172]: *Корабль нерыште «Победа» манын рушла возымо* 'На носу корабля написано по-русски «Победа» со значением 'передняя часть корабля, лодки, самолета'. Модель образования данных переносных значений аналогична предыдущей, но вторичное значение формируется при сопоставлении предмета не с человеческим организмом, а с туловищем животного: продолговатое, горизонтального расположения, нос находится спереди. Общий признак прямого и произ-

водного значений – нечто расположенное горизонтально, имеющее выступающую часть. Принцип вторичной номинации – расположение в пространстве.

Слова *курыкнер* 'утес, отвесная скала' [10. С. 162], *каван нер* [9. С. 172] 'вершина стога' выступают со значением 'выдвинутая часть чего-либо'. Расширение первичного значения произошло также на основе сходства части тела человека и предмета внешнего мира по расположению.

Приведенные примеры позволяют проследить путь семантических изменений с соматизмом *нер* 'нос': первоначально 'нос как часть лица', затем на основе метафорического употребления появились вторичные номинации: 'выдвинутая часть чего-либо', 'росток (растений), всходы', 'передняя часть лодки, судна', 'конец, кончик чего-нибудь'. При употреблении соматизма во вторичных номинациях наблюдается отличительная особенность: одни предметы сравниваются с человеческим органом, другие – с туловищем животного. Из примеров видно, что слово, попадая в различные контексты, взаимодействуя с другими словами, семантически обогащается, что, в свою очередь, приводит к расширению его сочетаемости.

Лексема *вуй* 'голова' – один из самых многозначных соматизмов марийского языка. В основе многозначности лексемы *вуй* 'голова' [8. С. 298] лежит разнобразный план его содержания. Это прослеживается при анализе данной семемы. Она включает в свою первичную смысловую структуру следующие семы: 1) 'думать, размышлять'; 2) 'главный, жизненно необходимый (орган)'; 3) 'круглая (форма)'; 4) 'верхняя, расположенная наверху (часть)'. В сочетании с другими компонентами эта лексема получает следующие вторичные значения:

1. В сочетании со словами, обозначающими какое-либо дерево, слово *вуй* принимает значение 'верхушка данного дерева': *ломбо вуй* [1. С. 21] 'верхушка черемухи'; *кож вуй* [1. С. 34] 'верхушка ели'. Вторичная номинация возникает на основе сопоставления предмета внешнего мира с головой человека, т.е. актуализируется такой компонент семантики, как 'верхняя часть'.

2. В сочетании со словами, обозначающими средства передвижения и их части, слово *вуй* приобретает значение 'передняя часть какого-либо предмета': *тервуй* [8. С. 51] 'передняя часть саней' [1. С. 299]; *орвавуй* [8. С. 298] 'передок телеги' [11. С. 299]; *вуй кандра* [14. С. 4] 'передница, веревка в передней части рабочей телеги' [15, с. 162]; *лушвуй* 'нос лодки' [8. С. 298]. Средства передвижения по своей форме напоминают туловище животного, у которого голова находится впереди, а не наверху. Вторичная номинация образована на базе соотношения предметов по расположению.

3. В сочетании со словами, обозначающими промежутки времени, новое слово имеет значение 'начало какого-то промежутка времени': *арньа вуй* [6. С. 16] 'начало недели'; *тылзэ вуй* 'начало месяца': *Газэт налым тылзэ вуй гыч гына чотлыман* [14. С. 1]. 'Получение газеты считают только с начала месяца'. Основной мотивацией для метафорического переноса послужило значение 'начало'.

4. Сочетаясь со словами, обозначающими головной убор и женские украшения, слово *вуй* конкретизирует их семантику и выполняет определяющую функцию. Например: *вуйшыркама* [15. С. 41] 'заколка для волос в виде брошки' [8. С. 308], *вуйимэ* [15. С. 40] 'название головного украшения из серебряных монет у замужних женщин' [8. С. 304], *вуй-шовыч* [15. С. 41] 'головной платок' [8. С. 307]; *вуй-шудыш* 'род венка из кожи, надевался на голову' [15. С. 41]. Новые слова со значениями 'головной убор', 'женские украшения и их части' в печатных изданиях прошлых лет считались семантическими неологизмами [5. С. 37]. В настоящее время они относятся к этнографической лексике и зафиксированы в лексикографических источниках.

5. При употреблении с лексемой *юмо* 'бог' соматизм *вуй* служит названием языческого божества: *вуй-юмо* 'ангел-хранитель' [15. С. 311]. Вторичная

номинация базируется на компоненте значения 'верхняя, расположенная наверху (часть)'. До недавнего времени это слово относилось к пассивной лексике. Но в последнее время, в связи с оживлением марийской традиционной религии, оно постепенно переходит в разряд активной.

6. В сочетании со словом, обозначающим колос, соматическое слово *вуй* приобретает значение 'соцветие злаков': *уржавуй* [4. С. 51] 'колос ржи'. Основной номинации выступает расположение.

Примеры показывают, что в сочетании с другими словами, соматическая лексема *вуй* 'голова' приобретает новые значения и находится в разнонаправленных связях и отношениях с его первичной номинацией. В одних случаях при возникновении нового значения актуализируется семема «расположение», в других – «форма».

Следующая лексико-семантическая группа новых слов образована с помощью соматизма *йол* 'нога (как часть тела)' [9. С. 101]. План содержания соматической лексемы *йол* 'нога' включает следующие, наиболее необходимые для образования полисемантизма семы: 1) 'форма в виде двух палок'; 2) 'выполняющая механические движения (часть тела)'; 3) 'расположенная внизу, справа или слева (конечность)'. В процессе развития переносных значений соматизм расширил свои семантические позиции. Рассмотрим эти явления на конкретных примерах.

1. Водное пространство, вдавшееся в сушу: *вўдйол* [4. С. 51] 'залив реки': *Вўдйол раш койэш; вўдын кок могырыштыжат шэм кожла*. «Ясно выделяется залив реки; по обе стороны дремучий лес». При вторичной номинации определяющей основой стало сходство по форме: разветвление неодушевленного предмета на две части.

2. Узкая полоса света, исходящая от какого-нибудь светящегося предмета: *кечэйол* 'луч солнца' [15. С. 102]. Основой метафоризации послужило сходство предметов по форме и направлению. Понятие *кечэйол* 'луч солнца (букв.: ножка солнца)' [9. С. 325] является общеупотребительным словом марийского языка. Эта модель стала удачной, так как по аналогии с *кечэйол* в современном марийском языке появились и другие сочетания: *прожектор йол* 'лучи прожектора', *мардеж йол* 'порывы ветра' [9. С. 102]. Таким образом, семантические изменения, происходящие внутри слова, сыграли существенную роль в развитии лексической системы марийского языка.

Следующий соматизм, послуживший для образования новых слов и новых значений, – *шинча* 'глаз, глаза' [13. С. 126]. План его содержания включает такие семы: 1) 'две круглые формы'; 2) выполняющие жизненно важную функцию; 3) расположена справа и слева (на верхней или передней части лица). В сочетании с другими словами появились следующие лексико-семантические варианты:

1. Географический термин *вўтшинча* [4. С. 51] 'родник, ключ'. В основе вторичной номинации лежит сходство формы – округленность.

2. Нарост на дереве: *куэ-шинча* [4. С. 33] 'березовая губка, гриб трутник (растущий на березе)'. Для ассоциации послужила форма предмета и его расположение. По этой же модели образовано слово *паренгешинча* 'глазки картофеля' [13. С. 38], употребляемое в современном марийском языке. Основа вторичной номинации – форма и расположение.

Соматическая лексема *санга* обозначает в марийском языке 'лоб, верхняя часть лица' [10. С. 149]. В свою первичную структуру она включает следующие семы: 1) 'плоская поверхность'; 2) 'расположенная наверху (часть)'; 3) передняя часть головы. В сочетании с другими компонентами соматизм *санга* образует такие вторичные номинации, как *конгасанга* [2. С. 171] 'передняя часть печки' [15. С. 74] и *курыксанга* 'верхняя часть склона горы, склон

горы' [10. С. 162]: *Конга сангаштет ош пашмакет кэчалеш, шинчадайт мом ончалеш, ой, когарга, шапэмэш*. 'На передней части печки твои белые чулки висят, чего смотрят ваши глаза, ох, пригорят, выцветут' [2. С. 171]. При этом актуализируется такой компонент семантики, как 'плоская поверхность, расположенная наверху'. Аналогично образовано слово *курыксанга* со значением 'верхняя часть склона горы, склон горы' [10. С. 162].

Интересный факт: практически все соматизмы марийского языка сочетаются с существительным *курык* 'гора': *курыкйол* (курык 'гора' + йол 'нога') 'подножие горы', *курыкнер* (курык 'гора' + нер 'нос') 'утес, отвесная скала', *курыкон* (курык 'гора' + он 'грудь') 'скала', *курыксанга* (курык 'гора' + санга 'лоб') 'верхняя часть склона горы' [10, с. 162], *курыквуй* (курык 'гора' + вуй 'голова') 'вершина горы' [10. С. 160].

Таким образом, исходя из анализа соматизмов марийского языка, зафиксированных в трудах ученого В.М. Васильева, можно сделать следующие выводы.

1. При расширении значений соматизмов в марийском языке в основе мотивации лежат следующие принципы номинации: сходство по расположению, форме и направлению.

2. По количеству лексико-семантических вариантов в марийском языке на первом месте стоит соматическая лексема *вуй* 'голова'. За ней идут слова *нер* 'нос', *кид* 'рука', *йол* 'нога' и *шинча* 'глаз'. Лексема *санга* 'лоб' показывает менее развитый полисемантизм.

3. Благодаря словам, образованным с помощью соматизмов, в марийском языке развился ряд переносных значений слов, которые не только употребляются в современном языке, но и служат базой для создания новых слов.

4. Зафиксированные слова в трудах ученого относятся к разным отраслям наук. В этом отношении труды В.М. Васильева представляют особую ценность.

Литература

1. Васильев В.М. Йўштерге: ойлымаш-влак. Тўналтыш класслаште тунемше-влаклан. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 40 с.
2. Васильев В.М. Марий калык муро (Марийские народные песни). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 304 с.
3. Васильев В.М. Марийская религиозная секта «Кугу сорта» (Большая свеча). Краснококшайск: Изд. Маробон, 1928. 84 с.
4. Васильев В.М. Сложные слова и правописание их в марийском языке // Ученые записки сектора языка и письменности МарНИИ: Мар. гос. изд-во, 1953. Вып. 5. С. 44-68.
5. Васильев В.М. Функциональная семантика в марийском языке // Ученые записки МарНИИ. Т. 1. Вып. 1. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1948. С. 35-54.
6. Марла калэндарь 1908 ийлан / под ред. В. Васильева. Казань: Центральная типография, 54 с.
7. Мландын кызытсэ да тошто годсыжым ойлымаш / под ред. В. Васильева. М.: Изд. Центриздата, 1926. 108 с.
8. Словарь марийского языка. Т. I: А–З / сост. А.А. Абрамова, И.С. Галкин, И.Г. Иванов и др.; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 488 с.
9. Словарь марийского языка. Т. II: И–К (кабак – коса) / сост.: А.А. Абрамова, В.И. Вершинин, А.С. Ефремов и др.; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 464 с.
10. Словарь марийского языка. Т. III: (косараш – ляпкыме) / сост.: Л.И. Барцева, В.И. Вершинин, Л.П. Грузов и др.; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 504 с.
11. Словарь марийского языка. Т. IV: М, Н, О, Ё (ма – ёрчыктарымаш) / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.Н. Васильев и др.; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.
12. Словарь марийского языка. Т. VII: Т / сост.: В.И. Вершинин, В.Н. Максимов, С.С. Сибатрова, Е.А. Черашова. Йошкар-Ола, МарНИИ, 2002. 432 с.
13. Словарь марийского языка. IX: Ш, Щ / сост.: А.А. Абрамова, Е.А. Черашова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 520 с.
14. Сперанский Г.Н. Аза ончымо нэргэн. Кусарэн Ыпымарий. М.: Изд. Центриздата, 1926. 27 с.
15. Ыпымарий-Васильев В.М. Марий мутэр. Түрлө вэрзэ илышэ марийын мутшым тангастарэн нэргэлыме кнага / Васильев-Ыпымарий. Моско: СССР калык-влак Рўдó савыктыш, 1928 (1926). 348 с.

КУЗНЕЦОВА АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА – корреспондент-переводчик, ТО «Марий Эл ТВ» ООО «СМИ», Россия, Йошкар-Ола (jamakajewa@yandex.ru).

KUZNETSOVA ALEVTINA PETROVNA – a journalist and an interpreter, Mari El TV, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 800=945.21:597

Э.И. ПЕКШЕЕВА

СЛОЖНЫЕ НАЗВАНИЯ МАРИЙСКИХ ИХТИОНИМОВ

Ключевые слова: лексико-синтаксический способ, ихтионим, ихтионимическая лексика, атрибутивный компонент, детерминант, фонетическое изменение, озвончение.

Лексико-синтаксический способ словообразования предполагает образование новых слов путем простого сложения двух или более единиц. При образовании сложных названий ихтионимической лексики происходят фонетические изменения. Широко распространено озвончение. Сложные названия ихтионимов часто употребляются без детерминанта. Атрибутивным компонентом в сложных наименованиях рыб могут выступать и существительные, и прилагательные.

E.I. PEKSHEYEVA

COMPLEX NAMES OF MARI IHTIONYMS

Key words: a lexical-syntactic way, ihtionym, ihtionym vocabulary, an attributive component, determinant, phonetic changes, becoming sonorous.

The lexical-syntactic way of word-formation assumes formation of new words by simple addition of two or more units. There are phonetic changes in the process of formation of complex names of ihtionym vocabulary. The one is becoming sonorous. Complex names of ihtionyms are often used without a determinant. Nouns and adjectives can be attributive components in complex names of fishes.

В системе марийского словообразования широко распространен лексико-синтаксический способ (или чистое сложение, сращение, слияние). По количеству компонентов, входящих в название, сложные названия представлены двусоставными и многокомпонентными единицами. В числе двухкомпонентных названий рыб наиболее продуктивной является конструкция имя существительное + имя существительное.

Как показывает анализ названий рыб, в названиях типа имя существительное + имя существительное первый компонент конкретизирует второй по следующим признакам:

1. Первый компонент указывает на место обитания рыб или причисляет данную номинативную единицу к определенному семейству, второй же компонент *кол* 'рыба' является общим названием рыб: *күнюго* 'гольян речной'; *ошмагол* 'пескарь'; *ошманюго* 'пескарь', *кечыгол* 'солнечник', *сүгыгол* 'стерлядь'.

2. Первый компонент указывает на какие-нибудь особенности тела ихтионима и выступает в качестве какого-либо предмета или материала, второй компонент указывает на части тела: *күвуй* 'подкаменщик, бычок'; *күртньывуй* 'подкаменщик обыкновенный'; *парсыншылдыр* г. 'красноперка'; *кёрпльичуй* г. 'бычок'; *пунтүрвö* 'голец'; *лүлпльйгол* 'гольян речной'.

3. Первый компонент выступает в качестве какого-либо предмета, материала и т.д., второй компонент *кол* 'рыба' является общим названием рыб: *вүргеньыгол* 'форель'; *косоргол*, *косаргол* 'чехонь'; *менгол* 'налим'; *нужгол* 'щука'; *сүангол* 'красноперка'; *сывынгол* 'красноперка'; *тумыгол* 'красноперка'; *үдыргол* 'пескарь'; *кишкыгол*, *кышкыгол* 'вьюн'.

4. Первый компонент указывает на какой-либо предмет, материал, второй компонент причисляет к определенному семейству или отряду: *ошманюго* 'пескарь'; *кишкынюго* 'вьюн, мелкие рыбы семейства вьюновых' *иянюго* 'щиповка обыкновенная'; *пинюго* 'щиповка'; *шүльымольо* 'верховка, овсянка', *пийоланге* 'ерш', *кокшаоланге* 'ерш', *лүлпыгадама* 'гольян речной', *пийгырыш* 'ерш'.

Продуктивной является конструкция, где в качестве первого компонента выступает имя прилагательное. Во многих названиях по данному типу второй компонент конкретизируется первым. Первым компонентом сложных названий лексики рыболовства являются качественные имена прилагательные.

1. Имя прилагательное отмечает окраску ихтионима, имя существительное – принадлежность к определенному семейству или отряду: *йошкароланге* 'морской окунь'; *ошкарака* 'карась серебряный'; *шаранюго* 'гольян речной'.

2. Имя прилагательное отмечает цвет, имя существительное *кол* 'рыба' является общим названием рыб: *ошкол* 'белуга', *шемгол* 'линь'; *шийгол* л., *шигол* г. 'сом'; *шапкагол* 'уклейка'.

3. Имя прилагательное отмечает цвет, имя существительное – часть тела: *йошкаршулдыр* 'красноперка'; *якшĕрсĕнзĕ* г. 'плотва'; *парсыншылдыр* г. 'красноперка'; *шемшылдыр* 'лещ'.

4. Имя прилагательное отмечает размер, имя существительное – определенное семейство или отряд: *изивишкыле* 'верховка'.

5. Первая часть – имя прилагательное – указывает на особенности строения поверхности тела рыбы, вторая – имя существительное – относится к какому-нибудь классу или отмечается словом *кол* 'рыба': *имангол* г. 'девятииглая'; *чарануго* 'голец', *шуманного* 'пескарь'.

Сложных конструкций, состоящих из трех слов, насчитывается несколько: *шымрожангол* г. 'минога ручьевая', *келдевачмольы* 'верховка'.

В словах, образованных по этому типу, первый компонент конкретизирует второй. Этот тип словообразования является продуктивным при образовании названий рыб, в которых вторым компонентом выступают слова *кол* 'рыба', реже *вуй* 'голова', *шулдыр* 'плавник', *шинча* 'глаз, глаза'.

– *кол* 'рыба': *ошкол* 'белуга', *айзагол* 'голавль', *вургенъыгол* 'форель', *кишкыгол* 'вьюн', *косоргол*, *косаргол* 'чехонь, вид речной рыбы', *лӱлпыгол* 'гольян речной', *пекрагол* 'осетр', *нужгол* 'щука', *одыгол* 'судак', *охырецгол* 'снеток', *удыргол* 'малек', *кечыгол* 'солнечник', *шемгол* 'линь', *шийгол*, *шигол* 'сом', *шапкагол* 'уклейка', *шӱртньыгол* 'золотая рыбка', *пӱртшыгол* 'сельдь волжская', *удыргол* 'пескарь', *нурангол* 'стерлядь', *салтаккол* 'пескарь', *сӱангол* 'красноперка', *сывынгол* 'красноперка', *тумыгол* 'голавль', *шлагол*, *шылагол* 'судак'.

– *вуй* 'голова': *кырпычвуй* 'бычок', *кӱвуй* 'подкаменщик', *кӱртньывуй* 'подкаменщик'.

– *шулдыр* 'плавник': *йошкаршулдыр* 'красноперка', *парсыншулдыр* г. 'красноперка', *шемшулдыр* 'лещ', *якшаршылдыр* г. 'красноперка'.

– *шинча* 'глаз, глаза': *якшарсĕнзĕ* 'плотва, сорожка'.

– *тӱрвӱ* 'губы': *пунтӱрвӱ*, *пындӱрвӱ*, *пондерве* 'голец, усач'.

Сложные наименования ихтионимов образуются также путем присоединения атрибутивного компонента в лексеме, которая представляет собой уже какое-нибудь известное название рыбы, например:

– *карака* 'карась': *ошкарака* 'карась серебряный';

– *карас* 'карась': *ошкарас* 'карась серебряный', *качыгарас* 'горчак';

– *оланге* 'окунь': *йошкароланге* 'морской окунь', *кокшаоланге* 'ерш', *пийоланге* 'ерш';

– *нюго* 'усач': *кӱнюго* 'гольян речной', *кишкынюго* 'мелкая рыба семейства вьюновых', *ошманюго* 'пескарь', *пинюго* 'щиповка обыкновенная', *шаранюго* 'гольян речной';

– *кырш* / *кырыш* 'ерш': *пийгырыш* 'ерш';

– *кадама* 'пескарь': *лӱлпыгадама* 'гольян речной';

– *вишкыле* 'уклейка': *изивишкыле* 'верховка';

– *шоп* 'сопа, белоглазка': *шувачшоп* 'белоглазка, соп

Названия, указывающие на класс объекта номинации, иногда носят факультативный характер, наименования могут употребляться с детерминантом и без детерминанта *кол*: *нужгол* 'щука' – *нуж* 'щука', *нурангол* 'стерлядь' – *нуран* 'стерлядь', *сӱгыгол* 'стерлядь' – *сӱгӱ* 'стерлядь', *шлагол* 'судак' – *шла* 'судак'.

По способу соединения производящих компонентов различаются две группы слов, образованных путем сложения. Первую группу составляют сложные слова, компоненты которых соединяются без каких-либо фонетических преоб-

разований: *изивишкыле* 'верховка', *йошкароланге* 'морской окунь', *йошкаршулдыр* 'красноперка', *күвуй* 'подкаменщик', *күнюго* 'гольян речной', *кокшаоланге* 'ерш', *кырпычвуй* 'бычок', *менкол* 'налим', *ошкарака* 'карась серебряный', *ошкарас* 'карась серебряный', *ошкол* 'белуга', *ошманюго* 'пескарь', *парсыншулдыр* 'красноперка', *пийоланге* 'ерш', *пунтүрвө* 'голец', *сүанмарийвате* 'красноперка', *салтаккол* 'пескарь', *үшвуй* 'головастик', *шаранюго* 'гольян речной', *шешулдыр* 'лещ', *шувачшопла* 'сопа, белоглазка', *якшарсёнзэ* 'плотва, сорожка'.

Вторую группу составляют сложные наименования ихтионимической лексикой, в которых в процессе их образования произошли различные фонетические изменения.

Наблюдается озвончение начального глухого согласного звука второго компонента сложного наименования изучаемой лексико-семантической группы. Оно происходило:

а) в сложных наименованиях вследствие прогрессивной ассимиляции, например: *нужгол* 'щука', *имангол* 'девятиглая корюшка', *косоргол* л. *косаргол* г. 'чехонь', *нурангол* 'стерлядь', *пийгырыш* 'ерш', *пындёрвө* / *пондерве* 'голец', *сүангол* 'красноперка', *сывынгол* 'красноперка', *удыргол* 'малек', *удыргол* 'пескарь', *шешгол* 'линь', *шымрожангол* 'минога ручьевая', *юнгол* / *вйунгол* 'вьюн'.

б) в сложных наименованиях, когда начальный согласный звук второго компонента оказывался в интервокальном положении, например: *айзагол* 'голавль', *келдевачмоль* 'верховка', *күртньыгол* 'железница', *лүлпыгадама* 'гольян речной', *лүлпыгол* 'гольян речной', *пигол* 'усач, щиповка обыкновенная', *сүгыгол* 'стерлядь', *шортньыгол* 'золотая рыбка', *некрагол* 'осетр', *ошмагол* 'бычок речной, подкаменщик, усач', *пёртшыгол* 'сельдь волжская', *тумыгол* 'сельдь-черноспинка, беженка', *шапкагол* 'уклейка', *шлагол*, *шылагол* 'судак'.

в) в сложных наименованиях, когда конечные безударные гласные первого компонента представлены звуками -э, -о, -ё, -у, которые редуцируются и оформляются буквой ы, например, *вүргеньыгол* 'форель', *күртньыгол* 'железница', *күртньывуй* 'подкаменщик', *кечыгол* 'солнечник', *кишкыгол* 'вьюн', *кишкынюго* 'мелкая рыба семейства вьюновых', *лүлпыгадама* 'гольян речной', *лүлпыгол* 'гольян речной', *сүгыгол* 'стерлядь', *тумыгол* 'сельдь-черноспинка, беженка', *шортньыгол* 'золотая рыбка', *шүльымоль* 'верховка, овсянка'.

Выявленный фактический материал по ихтионимической лексике марийского языка показывает, что наиболее широкое распространение имеют названия, образованные способом сложения по типу имя существительное + имя существительное в номинативе, имя прилагательное + имя существительное в номинативе. По количеству компонентов они являются двусоставными, трехсоставными и редко состоящими из четырех лексических единиц. При образовании сложных названий рыб многие наименования подвергаются каким-либо фонетическим изменениям – озвончению, а остальные остаются без изменений.

Сокращения

г. – горное наречие марийского языка;

л. – луговое наречие марийского языка.

ПЕКШЕЕВА ЭЛЬВИРА ИВАНОВНА – младший научный сотрудник отдела языка, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева, Россия, Йошкар-Ола (peksheevaelya@rambler.ru).

PEKSHEYeva ELVIRA IVANOVNA – junior scientific worker, Mari Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 411 – 37

В.Д. ПЕТРОВА

**ПРОБЛЕМЫ ИСИХАЗМА И ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО
«ПЛЕТЕНИЯ СЛОВЕС» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ****Ключевые слова:** *Исихазм, паламизм, плетение словес, Тырновская школа.**Дан критико-аналитический обзор научной литературы, посвященной проблеме связи славянского стиля «плетение словес» с поздневизантийским исихазмом.*

V.D. PETROVA

THE PROBLEMS OF ISYHASM AND OLD SLAVONIC WORD-WEAVING IN MODERN FILOLOGY**Key words:** *Hesyhasm, palamism, word-weaving, Tyrnovo school.**The article contains the critical-analytical review of scientific publications by problems of Slavonic style word-weaving and hesyhasm connections.*

Традиция рассматривать книжную деятельность Тырновской школы патриарха Евфимия, равно как и возникновение стиля «плетение словес» в связи с мистическим учением поздневизантийского исихазма, была заложена еще в XIX в. [31]. Несмотря на то, что в решении вопроса о воздействии исихазма на религиозную и культурную ситуацию православных славянских стран до сих пор нет единодушия, тезис о формировании нового стиля южно- и восточнославянской агиографии в зависимости от идей поздневизантийского исихазма XIV в. (паламизма) остается определяющим и в большинстве современных исследований, которые в основном ориентируются на положения, сформулированные Д.С. Лихачевым в докладе на IV съезде славистов. Практически все болгарские исследователи (Д. Иванова-Мирчева, П. Русев, К. Станчев, И. Буюклиев, К. Иванова-Константинова, Г. Данчев, Н. Дончева-Панайотова, Д. Кенанов, Н. Кочев, И. Харалампиев, Е. Данков и др.) разделяют точку зрения Д.С. Лихачева об определяющей роли исихазма в реформе языка Тырновской школы и, в частности, в формировании стиля «плетение словес». В отечественной науке также преобладает мнение о тесной связи учения исихазма с евфимиевскими реформами и появлением стиля «плетение словес» (Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, Г.М. Прохоров, В.В. Бычков, И.И. Калиганов, Д.Л. Спивак, Л.В. Левшун, Н.Б. Мечковская и др.). Видные зарубежные слависты (Р. Пиккио, Х. Гольдблатт) также исходят из этого положения. Противоположная точка зрения встречается не часто (М. Мулич, Ф. Китч, Ж. Бертнес, М. Эбер, Р. Станков, П.Е. Лукин).

В данной статье предлагается краткий обзор исследований последних десятилетий, посвященных проблеме формирования славянского стиля «плетение словес» в связи с учением исихазма.

Идеи Д.С. Лихачева оказались определяющими для характеристики высокой славянской книжности конца XIV – начала XV вв. и в современной литературе, посвященной славянскому «плетению словес», выступают в качестве отправной точки для исследователей. Д.С. Лихачев в характеристике древнеславянского стиля «плетение словес» исходил из того, что «учение Григория Паламы имело непосредственное отношение к литературным исканиям своего и последующего времени». Философия слова, разработанная исихастами, основана на признании тождества имени и сущности (неоплатонизм), слово выражает сущность, назвать вещи – значит понять их, следовательно, познать явление значит выразить его словом. Для исихастов характерно обостренное чувство слова, сознание особой таинственной силы слова. Необходимость точного выражения в слове сущности явления, в то же время сопряженная с осознанием невозможности выразить ее словом, приводит к тому, что книжник вынужден быть многословным: всю глубину смысла можно попытаться передать только «плетением словес». Поиски слова в «плетении словес» вызваны недоверием к

слову; бесконечные повторы, длинные ряды перечислений, синонимических сочетаний призваны обеспечить адекватную словесную передачу изображаемого. Безмолвие исихастов парадоксальным образом оборачивается многословием. Божественная истина требует выражения словами, далекими от повседневности, отсюда стремление исихастов к изысканности формы [21].

Эти положения остаются актуальными и в современных исследованиях, в которых стиль «плетения словес» предстает как эстетическая реализация исихастского учения. По мнению Н. Дончевой-Панайотовой, нет сомнений, что новое для XIV в. учение исихазма, которое представляет собой опыт обновления христианства, определяет и своеобразную поэтику и стилистику литературно-художественных творений как в Византии, так и в Болгарии, и в остальных восточноправославных странах. Как последователи этого нового учения, тырновские писатели не только проводят в свои произведения религиозные, нравственные и философские взгляды исихазма, но и усваивают и связанные с ним принципы так называемого высокого, витиеватого стиля в литературе. Повышенные требования Евфимия Тырновского и его учеников к словесному выражению мыслей и литературно-художественной форме произведений находятся в связи с их исихастскими взглядами. Исихазм утверждает божественность не только предметов и явлений, но и слов, которыми они называются, отсюда проистекает культ слова и особенно писаного слова. Стремление к выражению божественной сущности вещей у писателей-исихастов проявляется в стремлении к изысканной фразе, образному и эмоциональному письму, щедрому украшению языка и стиля. Слово должно вызывать то же чувство и настроение, каким обладает сам называемый предмет или явление. Поэтому они уделяют первостепенное внимание слову в своих художественных произведениях, проявляя изысканный вкус в употреблении слов, словосочетаний и т.д. [10. С. 20]. Следует подчеркнуть, что в большинстве болгарских исследований творчество тырновских книжников, язык и стиль их сочинений рассматриваются сквозь призму идей исихазма. Евфимиевский этап развития болгарской литературы и культуры органически связан с движением исихазма. Стиль, который вводит патриарх Евфимий, имеет своей основной целью максимальное использование слова как средства для раскрытия божественной сущности явлений в духе исихазма [29. С.10]. Требование писать «по льпотъ» («по льпотъ якоже ключимо есть»), сформулированное патриархом Евфимием, есть отражение новой эстетики, поэтики и стилистики, опирающейся на исихастское понимание слова [11, 25]. Исходным положением при характеристике нового стиля тырновской книжности выступает признание особого культа слова в исихазме, которым обусловлен культ слова в «плетении словес». Созданный Евфимием новый стиль (высокий стиль) свидетельствует о новом отношении к слову, характерному для учения исихастов (слово наиболее полно и наиболее точно выражает познание мира) [9. С. 10]. Стремление к художественному совершенству в книжной практике тырновских реформаторов находится в согласии с культом слова и сердца в исихастском учении; они характерны для всей Евфимиевской школы и ее последователей [15, 16]. Красота и изысканность языка тырновских книжников являются следствием преклонения перед силой и красотой слова, которое присуще исихастам [7, 12]. Усложненность синтаксиса и лексическое богатство сочинений Евфимия Тырновского и книжников его круга также находятся в непосредственной зависимости от их ориентации на учение исихастов [12, 32].

И в отечественной филологии Тырновская реформа, как правило, рассматривается с исихастских позиций (В.В. Бычков, И. Калиганов, Н.Б. Мечковская, А.Е. Супрун, Л.В. Левшун и др.). Соответственно и стиль «плетения словес» интерпретируется как исихастский стиль. По мнению В.В. Быčkova, Ев-

фимий Тырновский в своей реформе опирался на философию слова, возрождающую ветхозаветное восприятие слова, согласно которому слово тождественно сущности вещи, знание слова адекватно знанию вещи. Такое понимание слова и лежит в основе южнославянского и древнерусского «плетения словес» [4. С. 218].). Ту же философию слова находит в сочинениях болгарских книжников И.И. Калиганов: «Назвать вещь словом для исихастов означало придать ей сущность, отгадать которую нельзя без постижения «невещественного» смысла вещественного. Одно-единственное слово не в состоянии передать всю глубину этого смысла – его возможно отразить словесным «извитием», синонимическими повторами однокоренных слов, игрой его различных граней. Молчание и безмолвие неожиданно сосуществуют у исихастов с «очищенным» словом, многоглаголанием и «плетением словес» [13. С. 116].

«Плетение словес» связывает с исихазмом и Д.Л. Спивак, но акцент делается им не на признании особой философии слова в исихазме. Он рассматривает «плетение словес» сквозь призму лингвистики измененных состояний сознания. Исихастские тексты относятся к числу таких, «где состояние сознания становится одним из текстообразующих средств» [26. С. 56]. Характерной особенностью этих текстов является матричное построение, чтение которого сопровождается регуляцией дыхания. Такое построение текста Д.Л. Спивак находит у Епифания Премудрого [27]. В бесконечных повторах древнерусского агиографа он видит не беспорядочное нагромождение синонимов, а сознательную организацию текста, которая позволяет выявить «продолжение практики чтения матриц, принятой в исихазме» [26. С. 66].

Как уже было отмечено, тезис о связи стиля «плетение словес» с учением исихастов разделяется не всеми исследователями. В работах, в которых отрицается непосредственное влияние исихазма на формирование данного стиля, как правило, к «плетению словес» причисляется и сербская агиография XIII в., а среди источников этого стиля отмечается древнерусская книжность Киевской эпохи (Иларион, Кирилл Туровский) (М. Мулич, Ф. Китч, М. Эбер, Ж. Бертнес). Как было установлено еще в работах 1970-х годов [36, 37], славянское «плетение словес» не зависит от исихазма. С точки зрения М. Мулича, славянское «плетение словес» не связано с исихазмом, который не повлиял на стилистические установок книжников даже самой Византии, не говоря уже о славянских странах. Исходя из того, что исихазм был известен православному монашеству задолго до деятельности Синаита и Паламы, М. Мулич считает возможным говорить о том, что исихастские воззрения (имея в виду исихазм как традиционное восточнохристианское мистико-аскетическое учение) отразились в сербской агиографии уже в XIII в. И в произведениях патриарха Евфимия исихазм не нашел большего отражения, чем в Киево-Печерском патерике или в произведениях сербских книжников Доментиана, Феодосия и Данила II, в которых имеются и все те особенности стиля агиографии, которые считаются новшеством, введенным в жития патриархом Евфимием [37]. Ф.Китч подчеркивает, что воздействие исихазма в произведениях стиля «плетение словес» можно видеть в акценте на психологизме в изображении героев, что же касается самого стиля, то специфически исихастского стиля нет [36]. Ж. Бертнес считает, что «плетение словес» не может рассматриваться как вербальный аналог Палеологовской живописи или литературное выражение мистицизма исихастов. Этот стиль опирается на разработанные еще античными авторами риторические приемы, которые представлены и в греческом переводе Ветхого Завета, особенно в Псалтыри. Дальнейшее развитие он получает в византийской литургии и гимнологии, славянский вариант его представлен в Слове о Законе и Благодати [33. С. 84-85]. «Житие Стефана Пермского» даже на уровне содержания не содержит ничего специфически исихастского [34].

Согласно М. Лазичу, византийский исихазм оказывает значительное воздействие на славянскую духовность и книжную традицию. М. Лазич также учитывает исихастскую традицию предшествующего периода. Элементы исихастской духовности можно обнаружить в произведениях первых сербских книжников, от Стефана Немани и Доментиана до Феодосия и Данила [20]. Д. Богданович также относит сербскую агиографию XIII в. (Доментиан) к «плетению словес» и рассматривает ее в связи с восточноправославной исихастской традицией, а не специально с паламизмом [3]. Н. Видмарович исходит из признания тесной связи «плетения словес» с исихазмом, но в ее трактовке вся древнерусская агиография оказывается под воздействием идей исихазма (в таком случае не совсем понятна специфика самого «плетения словес» именно в связи с исихазмом, если и вся предшествующая агиография является отражением тех же идей) [5].

В обстоятельной монографии, посвященной славянскому «плетению словес» («Исихазм, плетение словес и славянская агиография. Литературная школа Патриарха Евфимия»), М.Л. Эбер приходит к выводу, что стиль Тырновской школы не содержит ничего нового, в том числе и присущего исихазму. Исихазм не может рассматриваться как фактор, способствующий возникновению стиля «плетение словес». Воздействие идей исихазма можно наблюдать только на уровне содержания, в изображении образов героев (путь к достижению святости). Специфические особенности стиля патриарха Евфимия обусловлены следованием византийским образцам (риторические византийские жития, сформированные в результате деятельности Симеона Метафраста в X в.). Стиль Евфимия Тырновского определяется как «постметафрастовский», противопоставленный «дометафрастовским» житиям. Различие между ними не просто в количественном использовании риторических фигур, а в способе организации текста. Если в нарративной структуре дометафрастовских сочинений отдельные моменты изображаемого связаны свободно, то «плетение словес» характеризуется переплетением тем и мотивов в рамках целого произведения. Возникновение этого стиля не связано с исихазмом, он восходит к созданной византийской традицией украшенной риторике. Евфимий и его ученики не являются его создателями: первые его проявления в славянской книжности отмечаются еще в восточнославянской литературе XII в. и сербских житиях XIII в. [35].

Редкую для болгарских исследователей позицию занимает Р. Станков: «между исихазмом и так называемым стилем «плетения словес» нет прямой связи» [28. С. 29]. Стиль патриарха Евфимия восходит к стилю византийских риторических житий метафрастовского типа. Корни украшенного риторического стиля, кроме античной риторики, следует искать в специфике византийской гносеологии [28].

В исследовательской литературе можно встретить и несколько отличающиеся от обычных решения данной проблемы. По мнению А. Джамбелуки-Коссовой, произведения тырновских книжников следует рассматривать под знаком учения исихастов, в то время как творчество Епифания Премудрого несовместимо с исихастской поэтикой. Сочинения тырновских книжников и древнерусского агиографа не имеют точек соприкосновения: они противопоставлены стилистически, идеологически и концептуально [8]. В отечественной исследовательской традиции стиль Тырновских книжников и Епифания Премудрого разграничивал Грихин. Он связывал тырновскую реформу языка с исихазмом, но полагал, что мировоззренческие концепции поздневизантийского и южнославянского исихазма оказались чуждыми агиографии Епифания Премудрого, который не копирует стиль тырновских книжников. Истоки стиля древнерусского агиографа следует искать в философских и художественно-эстетических традициях библейской и раннехристианской литературы [6].

В некоторых исследованиях последних лет можно найти попытки связать стиль «плетения словес» не с учением паламитов (исихазм), а с варлаамитами

(гуманизм) [18, 23]: «заслуга развития и распространения этого стиля принадлежит идеологическим противникам паламитов» [23. С. 410]. Однако с этим вряд ли возможно согласиться, поскольку стиль болгарской агиографии XIV в. следует стилю византийских метафрастовских житий, а древнерусское «плетение словес» (Епифаний Премудрый) развивается с непосредственной опорой на стиль ветхозаветных поэтических книг и византийско-славянской гимнографии.

Интерпретация славянского стиля «плетение словес» как специфически исихастского стиля, всецело зависящего от идей исихазма (паламизма), основана на признании особой, исихастской, философии слова, исходящей из признания мотивированной связи между словом и вещью. По мнению В.В. Быčkova, философия слова, основанная на ветхозаветном понимании слова (слово тождественно сущности вещи), проникает на Русь в период «второго южнославянского влияния» [4. С. 218]. Таким образом исихастское восприятие слова оказывается противопоставленным восприятию слова в православной традиции.

В.В. Колесов противопоставляет номиналистическую установку раннего Средневековья реализму зрелого Средневековья. Смена номинализма реализмом приводит к изменению точки зрения на соотношение вещи, представления и слова: внимание перемещается с вещи на слово, что, по мнению В.В. Колесова, связано «с распространением идей исихазма и многими событиями русской жизни (в частности, со становлением русской государственности после Куликовской битвы 1380) и вообще с влиянием неоплатонических идей, впервые для восточных славян в целостном виде и системно представленных в славянском переводе Ареопагитик» (1384 г., Афон)» [17. С. 282]. Вербальная культура раннего Средневековья, определяемая В.В. Колесовым с позиций усвоения славянами аристотелизма, сменяется другой, основанной на платонизме. «Все решительно изменяется в связи с перенесением исследовательского (познавательного) внимания с «вещи» на «слово», предстоящее средоточием сущего и знанием о сущем» [17. С. 309]. По поводу противопоставления номинализма раннего Средневековья (сочинения Иоанна Экзарха Болгарского) реализму зрелого Средневековья (Ареопагитики) справедливо замечание А.М. Камчатнова: Зрелый реализм описывается формулой: Имя есть вещь, но вещь не есть имя. Иоанн разрабатывал только первую часть этой формулы – имя есть вещь. Восполнение формулы, что и влечет за собою перемещение точки зрения с вещи на слово, происходит в Ареопагитиках, и в этом их значение. Усвоение христианства было возможно только при реалистической установке имя есть вещь: «усвоить эту реалистическую установку было тем проще, что славяне-язычники и так были стихийными реалистами: вспомним хотя бы заговоры, основанные на тождестве имени и вещи; при номиналистической установке они просто невысказуемы» [14. С.137]. Субстанциальное восприятие слова характерно для всей средневековой славянской книжности (ср. Наумов [38; 39]), а не только для эпохи паламистских споров. В «плетении словес» проявляется традиционное для средневековой славянской книжности отношение к слову: «Поэтика однокорневых антитез и тавтологий предполагает то представление о природе слова, которое, пожалуй, было стихийно присуще греческой культуре в целом, но особенно сознательно и обстоятельно выразило себя в Платоновом «Кратиле» и Прокловых комментариях к этому диалогу. Из греческого наследия славянские ученики восприняли веру в вещественность, субстанциальность слова, которое, так сказать, не только «вербум», не только «рэма», но и «логос». ... Слово здесь – не просто звук и знак, но тяжелое драгоценное вещество и прежде всего живая плоть» [1. С. 162]. Православная философия имени, основанная на признании антиномии сущности и энергии, непознаваемости по сущности, а только по энергиям, именуе-

мости сущности и возможности приложения именовании к энергиям, вырабатывает формулу: имя есть вещь, но вещь не есть имя. Д.С. Лихачев говорил об обостренном восприятии слова исихастами, об осознании особой таинственной силы слова, но это исключительное внимание к восприятию слова характерно для всей высокой книжности славянского Средневековья. Вербальная культура православного Средневековья базируется на особо уважительном отношении к слову, к тексту, обусловленному христианским пониманием Откровения: «...в человеческом слове может быть вместилище невместимое Слово Божие; ...человеческое слово, как это можно передать разве что непереводимой латинской формулой, *gарах Dei*» [2. С. 826]. Православная традиция, признающая относительность человеческого языка, отличается особой чуткостью и тонкостью в восприятии слова Священного Писания: «Православная традиция рассматривает язык как внутренне неадекватный инструмент для постижения священного, и потому – как словесно исполняющий символическую роль, аналогичную той, что визуально исполняют иконы» [19. С. 42].

Возвращаясь к проблеме исихастского культа слова и учения исихастов о языке, следует подчеркнуть, что в вопросах философии имени учение Паламы представляет собой продолжение православной традиции и нет особых оснований для установления особого, отличного от православного понимания имени в поздневизантийском исихазме. Божественные энергии, пронизывающие мир, являют сущность Божию, но последняя остается непознаваемой и неименуемой, ибо все именованья относятся к энергиям, но не к самой сущности. Это ортодоксальный взгляд, повторяющий основные положения каппадокийцев. Учение о божественных энергиях, как известно, было сформулировано еще Василием Великим и его сторонниками в борьбе против Евномия. Все имена Божии (утвердительные и отрицательные), хотя и не содержат всей полноты истины о Боге, содержат частичную, но действительную истину, и эта истина присутствует в них благодаря энергиям Божиим, сущность же Божия вообще вне возможностей человеческого познания [22. С. 402]. Учение Григория Паламы находится в русле православной традиции (Кривошеин, Мейендорф), это дальнейшее развитие апофатического учения восточно-христианской Церкви. Акцент только на исключительности учения исихазма (паламизма) (что наблюдается достаточно часто в исследованиях) заслоняет верность его православной традиции. В исихазме не разработана особая философия имени, отличная от традиционной православной, следовательно, нет особых оснований рассматривать славянское «плетение словес» как эстетическую реализацию идей исихазма. Невыразимость словом божественной сущности – не специфическое исихастское учение, а одно из основных положений православной апофатики, разработанной еще в патристике и получившей дальнейшее развитие в Ареопагитиках. Именно славянский перевод Ареопагитик¹ имеет значение для формирования стиля «плетение словес».

Литература

1. Аверинцев С.С. Славянское слово и традиции эллинизма // Вопросы литературы. 1976. № 11. С. 152-162.
2. Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое // София – Логос: Киев: Дух і літера, 2006. С. 816-830.
3. Богдановић Д. Историја српске књижевности. 1. Стара српска књижевност / Београд: Научна књига, 1991. 275 с.
4. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI-XVII вв. М.: Мысль, 1992. 637 с.
5. Видмарович Н. Отражение исихастских идей в создании образа святого (На материале древнерусской агиографии) // Palaeobulgarica / Старобългаристика. 1998. Кн. 3. С. 51-66.
6. Грихин В.А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV-XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 64 с.
7. Данчев Г. Страници из историята на Търновската книжовна школа. София: Наука и изкуство, 1983. 256 с.

¹ О влиянии идей Дионисия Ареопагита в славянском мире см.: Станчев [30]; Колесов [17]; Прохоров [24].

8. Джамбелука-Коссова А. Риторично-стилистични похвати и поетика в исихасткото писмо на Григорий Цамблак // Търновската книжовна школа. Т. 7. Велико Търново, 2002. С. 35-53.
9. Динеков П. Търновската книжовна школа (История, основни черти, значение) // Старобългарска литература. 1987. Кн. 20. С. 3-19.
10. Дончева-Панайотова Н. Към теорията и практиката на стила «плетение словес» в произведенията на писателите от Търновската книжовна школа // Търновска книжовна школа. Т. 7. Велико Търново, 2002. С. 19-33.
11. Дончева-Панайотова Н. Търновската книжовна школа и българо-руското литературно общуване в контекста на културните процеси в Югоизточна и Източна Европа през XIV-XV в. // Търновска книжовна школа. Т. 8. Велико Търново, 2007. С. 39-55.
12. Иванова-Мирчева Д. Евтимий Търновски, писател-творец на литературния български език от късното Средновековие // Търновска книжовна школа. Т. 1. София, 1974. С. 197-210.
13. Калиганов И.И. Культура средневековой Болгарии: в 3 т. // История культур славянских народов. Т. 1. Древность и Средневековье. М.: ГАСК, 2003. С. 98-157.
14. Камчатнов А.М. Фундаментальное исследование о русском слове // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 133-138. Рец. на: Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
15. Кенанов Д. Метафрастика. Симеон Метафраст и православна славянска агиография. Велико Търново: ПИК, 1997. 224 с.
16. Кенанов Д. Славянска метафрастика. Велико Търново: ПИК, 2002. 280 с.
17. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
18. Коняевская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000.
19. Крисп С. Образ невыразимого? // Альфа и Омега. 2003. № 2 (36). С. 35-44.
20. Лазуш М. Исихазм ресавских рукописи // Археографски прилози. 1986. № 8. С. 63-95.
21. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 67 с.
22. Лурье В.М. Комментарии // Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. / пер. Н.Н. Начинкина; под ред. И.П. Медведева и В.М. Лурье. СПб.: Византинороссика, 1997. С. 373-460.
23. Петров А.Е. Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столетии // Древняя Русь: пересечение традиций. М.: Мера, 1997. С. 395-419.
24. Прохоров Г.М. Дионисий Ареопagit. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетея, 2003. 864 с.
25. Русев П. Естетика и майсторство на писателите от Евтимиевата книжовна школа. София: БАН, 1983. 262 с.
26. Сливак Д.Л. Язык при измененных состояниях сознания. Л.: Наука, 1989. 87 с.
27. Сливак Д.Л. Матричные построения в стиле «плетения словес» // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 98-111.
28. Станков Р. Исихазмът, стилът «плетение словес» и езиково-правописната реформа на патриарх Евтимий. София: Херон Пресс, 1999. 78 с.
29. Станчев К. Евтимиевата школа в контекста на европейското духовно развитие // Старобългарска литература. 1982. Кн. 11. С. 8-18.
30. Станчев К. Поетика на старобългарската литература. София: Наука и изкуство, 1982. 200 с.
31. Сырку П.А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Т. 1, вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1890. 255 с.; Т. 1, вып. 2. Литургические произведения патриарха Евфимия. СПб., 1898. 231 с.
32. Харалампиев И. Език и езиковата реформа на Евтимий Търновски. София: Наука и изкуство, 1990. 156 с.
33. Bortnes J. The Function of Word-Weaving in the Structure of Epiphanius' Life of Saint Stephen, Bishop of Perm // Medieval Russian Culture. Ed. H. Birnbaum, M. Filer. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, London, 1984. P. 311-341.
34. Bortnes J. Hesyast Doctrine in Epiphanius' Life of Saint Stephen, Bishop of Perm // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. № 31-32. P. 83-87.
35. Hebert M.L. Hesyasm, Word-Weaving, and Slavic Hagiography: The Literary School of Patriarch Euthymius. Sagners Slavistische Sammlung, 18. München: Verlag Otto Sagner, 1992. 533 p.
36. Kitch F. The Literary Style of Epifanij Premudryj: Pletenje sloves. München: Verlag Otto Sagner, 1976. 285 p.
37. Mulić M. Srpski izvori pletenja sloves. Sarajevo, 1975. 99 s.
38. Naumov A.E. Глаголь благовѣствующимъ. О średniowecznym kulcie słowa // Литературознание и фолклористика. В чест на 70-годишнината на Петър Динеков. София, 1983. С. 140-144.
39. Naumov A.E. O inspiracji pozaautorskiej w prawosławnym średniowieczu // Зборник во чест на Блаже Конески. По повод на шесетгодишнината. Скопје, Универзитет «Кирил и Методиј», 1984. С. 367-373.

ПЕТРОВА ВАЛЕНТИНА ДИМИТРИЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (petrovavd@yandex.ru).

PETROVA VALENTINA DIMITRIJEVNA – candidate of philological sciences, assistant professor of General and Comparative-Historical Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.161.1

О.В. ПРОКОПЬЕВА

СОВРЕМЕННЫЕ ПСЕВДОНИМЫ (на материале русских и английских сценических имен)

Ключевые слова: ономастика, псевдонимика, псевдоним, сценическое имя.

Исследованы проблемы псевдонимии. Привлечены материалы справочников и словарей, а также периодических изданий и Интернет-сайтов. Доказано, что псевдонимы как вид онимов имеют свою специфику и особенности образования. В русском и английском ономастиконах наиболее продуктивны полуаллонимы, платтонимы, пренонимы и паронимы. Среди английских сценических имен представлены такие виды псевдонимов, которые отсутствуют на отечественной эстраде.

O.V. PROKOPYEVA

MODERN PSEUDONYMS (RUSSIAN AND ENGLISH STAGE NAMES)

Key words: onomastics, pseudonymics, pseudonym, stage name.

The present article considers the problems of pseudonymics. We use a number of resources for our research, such as reference books, dictionaries, magazines, newspapers and internet sites. It is proved that pseudonyms have their specificity and peculiarities of forming. Halfallonyms, plattonyms, preonyms and paronyms are the most productive in the Russian and English onomasticons. There are several types of pseudonyms among stage names which are absent on the Russian stage.

Изучением псевдонимов занимается особый раздел ономастики – псевдономастика, или псевдонимика.

Псевдоним – вид антропонима, представляющий собою вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него [3. С. 113-114].

К псевдонимам прибегают по разным причинам. В России до октябрьской революции скрывали свое имя писатели, «стремившиеся уйти от недреманного ока цензуры или избежать преследований за выступление в печати» [2. С. 311]. Вымышленными именами пользовались в полемике как средством сведения счетов с литературными противниками. Причиной появления псевдонимов может стать наличие однофамильцев. В последнее время вымышленными именами нередко подписываются для привлечения внимания к своей особе.

Особенно часто используют псевдонимы звезды эстрады. Наибольшей популярностью пользуются полуаллонимы – имена, образованные в результате смешения настоящего и вымышленного имени. На российской эстраде часты случаи, когда изменяются фамилии, имеющие ярко выраженные национальные черты. Так, *Наталья Порывай* стала *Наташей Королевой*, *Николай Харьковец* – *Трубочом*, *Николай Балашко* – *Николаем Борзовым*. В английском ономастиконе большинство исполнителей сохраняет настоящее имя: *Amanda Lear* вместо *Amanda Tapp*, *Andrew Eldritch* вместо *Andrew Taylor*. Часто заменяется имя, а фамилия остается прежней: например, *Варум Анжелика* вместо *Варум Мария*, *Jerry Garcia* вместо *John Garcia*.

Весьма продуктивными являются пренонимы – настоящие имена, взятые отдельно, или производные от них. Как правило, звезды сокращают труднопроизносимые фамилии: *Азиза* < *Азиза Мухамедова*, *Сабина* < *Сабина Мурадьян*, *Земфира* < *Земфира Рамазанова*, *Bjork* < *Bjork Gudmundsdottir*, *Dido* < *Dido Florian Cloud De Bouneville Armstrong*, *Vangelis* < *Evangelos Papathanassiou*.

Реже в качестве псевдонимов эстрадных артистов используются паронимы – модификации настоящих имен и фамилий. Так, *Аркадий Окупник* стал *Укупником*, *Софья Ротарь* – *Софией Ротару*, *Александр Бабарыкин* – *Бары-*

киным. На западной эстраде в большинстве случаев используется уменьшительная форма личного имени: *Eddie Money* < *Edward Mahoney*, *Kate Bush* < *Catherine Bush*, *Kym Marsh* < *Kimberly Gail Ryder Marsh*, *Nash Kato* < *Nathan Katruud*.

Широкое распространение получили платтонимы – имена вымышленных лиц: *Линда* < Светлана Гейман, *Маша Распутина* < Алла Агеева, *Влад Сташевский* < Вячелав Твердохлебов, *Moby* < *Richard Melville Hall*, *Nico* < *Christa Paffgen*.

Среди английских сценических имен представлены такие виды псевдонимов, которые отсутствуют на отечественной эстраде. Так, непродуктивны, к примеру, эйдонимы – названия, отмечающие какую-нибудь особенность физического облика человека (*Shaggy* вместо *Orville Richard Burrell*, *shaggy* `лохматый`) и хроматонимы – ложные имена, связанные с наименованиями цвета (*Pink* вместо *Alecia Moore*, *pink* `розовый`). Полагаем, это связано с тем, что отечественные исполнители не хотят выглядеть нелепо.

В российском сознании образы животных не ассоциируются с присущими артистам качествами, вследствие чего непродуктивны зоонимы – ложные имена, для которых использованы названия животных (к примеру, *Rabbit* вместо *John Bundrick*, *rabbit* `кролик`). Нам кажется, что американские исполнители не боятся выглядеть комично, поэтому они часто прибегают к пайзонимам – псевдонимам, имеющим целью произвести комический эффект (например, *Noodles* вместо *Kevin Wasserman*, *noodles* `лапша`, *Muddy Waters* вместо *McKinley Morganfield*, *muddy* `грязный`, *waters* `воды`). Русские деятели искусства проявляют тенденцию к использованию красивых, благозвучных и громких имен (к примеру, *Катя Лель* вместо *Чупринина Екатерина*, *Паскаль* вместо *Титов Павел*).

Анализ русских сценических имен выявил заметное влияние западной культуры, что выражается в стремлении исполнителей придать именам иноязычный характер (например, *Лада Дэнс*, *Лигалайз* и др.). Однако чаще имена отечественных деятелей искусства сохраняют национальный колорит, абсорбируя лишь часть англоязычных традиций.

Таким образом, какими бы видами псевдонимов звезды ни пользовались, цель они преследуют одну: быстрое завоевание популярности, чему в немалой степени способствует удачно выбранный псевдоним.

Литература

1. Веди́на Т.Ф., Лебеде́ва Н.В. Тайны псевдонимов: словарь для любознательных. М.: Рус. яз., 2003. 232 с.
2. Дми́триев В.Г. Скрывшие свое имя. М.: Наука, 1977. 311 с.
3. Подо́льская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
4. Подсева́ткин С.А. Энциклопедия псевдонимов. М.: Терра, 1999. 256 с.
5. Carly J.T. A dictionary of literary pseudonyms in the English language. Charlotte: British Library, 1998. 741 p.

ПРОКОПЬЕВА ОЛЕСЯ ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург (eurica@rambler.ru).

PROKOPYEVA OLESYA VALERYEVNA – post-graduate student, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg.

УДК 811.161.1'37+811.512.111'37

И.В. СКВОРЦОВА, А.Р. ГУБАНОВ

**ДИФфуЗНОСТЬ В СЕманТИКЕ ПРИчинНО-СледСТвенНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(на материале русского и чувашского языков)***

Ключевые слова: диффузность, причинно-следственные отношения, семантика, синкретичные дериваты, разноструктурные языки.

Проанализированы способы выражения синкретичных дериватов в аспекте их проявления в разноструктурных языках. Двухязычный подход к описанию семантики синкретичных моделей позволяет продолжить рассмотрение их как особой когнитивно-дискурсивной структуры. Изучение таких форм является весьма перспективным путем исследования реальной семантики всех форм категорий причинности с очень тонким нюансом их семантики.

I.V. SKVORTSOVA, A.R. GUBANOV

DIFFUSE IN THE SEMANTICS OF CAUSAL RELATIONSHIPS (IN RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGES)

Key words: diffuse, causal relationships, semantics, syncretic derivatives, raznostrukturye Languages.

Ways of expression syncretic derivatives in the aspect of their expression in raznostrukturye languages. A bilingual approach to the semantics of syncretic models allows them to continue its consideration as a special cognitive discourse structure. The study of such forms is a very promising way of a real semantics of all forms of categories of causality with very subtle nuances of their semantics.

Теория переходности и синкретизма языковых явлений – одно из наиболее ярких явлений в современной лингвистической науке, позволяющая раскрыть внутренние вертикальные подструктуры, формирующиеся в процессе динамики языковых единиц на синхронном срезе языка. В современных исследованиях «феномен недискретности», который является родовым свойством языка, человеческого мышления и восприятия мира, а не «недостатком», нуждающемся в непременном устранении, связывается с решением проблем синкретизма в целом и в грамматической сфере в частности [1, 2, 3]. Признание системного характера синкретичных языковых фактов не только не разрушает стройность самой системы, которая не может быть ограничена лишь ядерными структурами, но в значительной степени способствует их более четкой дифференциации.

Определение синкретизма можно дать через указание на диффузность семантики. Предпосылки синкретизма в причинно-следственных отношениях, в частности условных и временных отношениях, определяются в первую очередь характером их семантики. Если чисто условные предложения выражают косвенную модальность предполагаемого условия и его следствия, то синкретичные дериваты с условно-временным значением характеризуются индикативной модальностью, выраженной формами глаголов изъявительного наклонения, т.е. в этом случае одно из событий воспринимается как реально существующее условие реализации другого: *А если он осмелится презирать мелочную комедию их лукавого, ничтожного, иногда порочного существования*, им делается тяжело и тесно от этого ума (Гончаров). – *Анчах та çав ас ёёсен ним тёшине тăман, ултавлă, çылăхлă пурнăсне витёр курать пулсан*, вăл вара вёсен чунне тăвăрлатать, кансёрлет; *Если это не поможет*, раздавался ее кроткий голос: она звала его и спрашивала его о чем-нибудь (Гончаров). – *Ку та пулăшмасан* Огафья Матвеевна йăваш сасси илтёнет, вăл Обломовран мён те пулин ыйтать.

Как видно из примеров, в чувашском языке носитель этого смысла передается полипредикативной конструкцией, где основную роль играет причастие на -сан/-сен. В отличие от условных предложений, условно-временные синкретичные конструкции имеют в виду не предполагаемую связь явлений, но реально

* Исследование выполнено в рамках госконтракта № 14.740.11.0661 «Синкретизм как проявление языковой экономии (на материале русского и чувашского языков)» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

существующую/существовавшую, где связь осуществляется действием и условием, в течение которого это действие реализуется.

Причинные значения, вступающие в контакт с временными, являются генетически связанными с категорией причины, так как темпоральные отношения являются благоприятным фоном для налаживания причинных отношений. С помощью временных союзов, обладающих в большинстве случаев четкой семантикой, а также при участии временных форм и поддерживающих эти два постоянных признака значений предельности/непредельности глаголов и наличии определенных лексико-грамматических признаков, создается возможность выразить семантико-синтаксические отношения одновременности и разновременности. В причинно-временных синкретичных предложениях основными семантико-синтаксическими отношениями являются временные, в то же время придаточное предложение определяет причину того явления, которое названо в главном. Причинный оттенок как проявление некатегориальной семантики является результатом сложного взаимодействия морфолого-синтаксической структуры предложения с его конкретным составом. Причинную семантику выражают сложные конструкции со значением следования, оформленные союзом *после того как*, и предложения с зависимым пропозитивным компонентом, построенные по модели *после + имя*. Эти конструкции уже семантикой грамматических маркеров (союза или предлога) подчеркивают значение следования события-следствия за событием-причиной: *После того, как перестает дуть ветер, слышно, как их листья щебечут* (Шолохов). – *Ќил вёрсе иртсенех, вёсен џулџисем хуллен пашалтатни илтёне каять*.

Синкретичные дериваты могут быть представлены и на уровне нетаксисных структур, например, при причинно-временном совмещении значений в них действие, выраженное обособленным оборотом, причастием, вызывает другое действие глагола-сказуемого и обуславливает его, устанавливая вместе с тем хронологические рамки его протекания: *И, подумав немного*, он велел прийти мне вечером, когда все уедут (Фадеев). Возможность двойной интерпретации рассматриваемых конструкций – как причинно-временных – подтверждается приложимостью к ним двух видов трансформаций – в причинные и временные придаточные предложения: *Он велел прийти, когда подумал немного*. – *Он велел прийти, потому что он немного подумал об этом*. Модели таких предложений, как показывает исследуемый материал, имеют следующие структурные признаки: а) определенная позиция оборота в предложении; б) видовременная характеристика глагола-сказуемого и неличной глагольной формы оборота. Для данных интерпликатных причастных оборотов наиболее характерной является препозиция, а деепричастным оборотам с тем же интерпликатным смыслом в большинстве случаев присуща постпозиция. Причина преимущественного употребления интерпликатных оборотов в определенной позиции кроется в самой грамматической природе причастия и деепричастия.

В соответствующих оборотах причастия и деепричастия могут обозначать как законченное, предшествующее главному, действие, так и действие незаконченное, одновременное с главным. Напротив, сказуемое в рассматриваемых конструкциях всегда выражено видовременными формами глагола, указывающими на действие единичное, законченное в прошлом. Такое ограничение на употребление видовременных форм глагола-сказуемого в исследуемых предложениях показывает наличие в них причинно-следственной связи. Употребление соответствующих видовременных форм глагола является необходимым грамматическим условием для проявления причинно-временного синкретизма значений в оборотах: в подавляющем большинстве случаев глагол-сказуемое в предложениях с обособленными членами указывает на дей-

ствие, законченное в прошлом и выраженное формами прошедшего времени: Тогда, помню, она, *рассердившись* на меня, сильно хлопнула дверью и уехала (Тургенев). – Вăл ун чухне ман сине *çилленсе* пÿрт алăкне хыттăн шатлаттарса хупса тухса кайнăчĕ.

Если определенное соотношение видовременных форм глаголов в оборотах и основного состава предложения является одной из структурных особенностей, то взаимоотношение, как видно из примеров, лексических значений этих глагольных форм рассматривается как их семантическая особенность. Определенное взаимоотношение семантики глагола-сказуемого и причастия/деепричастия признается основным фактором появления того или иного семантико-синтаксического значения в оборотах. Наличие в них значения причины предполагает довольно тесную связь семантики глагола-сказуемого с неличной глагольной формой оборота. В каждом конкретном случае семантика причастия/деепричастия при выражении ими значения причины накладывает ограничения на семантику глагола-сказуемого, так как действие последнего (хотя и главное с точки зрения грамматики), являясь следствием действия глагольной формы оборота, порождается им и зависит от него.

Синкретичный дериват с причинно-временным значением выражается при помощи предлога *при* с существительным в предложном падеже: *При этих словах* Алексеев открыл глаза и, видимо, с большим напряжением пытался слушать внимательно (Шолохов). – Çак сăмахсене *каланă вăхăтра* Алексеев куçне уçать, ахăртнех, тимлĕн итлес тесе, вăл пĕтĕм вайран тăрăшрĕ пулмалла; *При звуках английской речи* среди присутствовавших на банкете мертвая простерлась тишина (Шолохов). – *Акăлчан сăмахĕсем илтĕнсе кайсан*, банкета пынисем шыв сыпнă пĕк шăпăрт пулаççĕ.

Такой же интерпликатный смысл присущ словоформам, выраженным при помощи предлога *в случае* + существительное в родительном падеже: *В случае утраты* трудоспособности за ним сохраняется... – Еçлес *вăй-халне çухатсан* унăн... В чувашском языке эквивалентами этих каузативов выступают полипредикативные конструкции с аффиксом *-сан*.

В синкретичных дериватах со значением цели и времени главная часть ситуации указывает на активно-сознательное действие, а зависимая часть содержит информацию о цели этого действия и предполагаемом времени его протекания: Разведчика представили к награде, когда он добыл важные сведения (Агаков). – *Кирлĕ сведенисем тупнăшăн* разведчика награда пама тăратнă. Важнейшими предпосылками соединения двух значений являются: а) стержневое слово – глагол целенаправленного действия; б) зависимое слово – имя существительное, в значении которого содержится указание на временной промежуток; в) предлог, не препятствующий характеру временно-целевых отношений.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. С. 3-14.
2. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ, 2006. С. 6.
3. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. С. 344-345.

СКВОРЦОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (skworcowa21@mail.ru).

SKVORTSOVA IRINA VLADIMIROVNA – post-graduate student of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ. См. с. 221.

УДК 811.81'44

Э.И. ТАБЕЕВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (на примере произведений А. Гавальда)

Ключевые слова: коннотация, слабые, нулевые эквиваленты, аффективный синтаксис, идиостиль, синтаксические повторы, параллельные конструкции.

Рассмотрены способы передачи экспрессивных синтаксических конструкций с французского языка на русский. Основные виды – перечисление и параллельные конструкции, которые классифицируются с точки зрения позиции повторяющихся частей и логико-семантических отношений. Особое внимание уделяется случаям трансформированного выражения синтаксических конструкций: опущениям и случаям частичной трансформации.

E.I. TABEEVA

SYNTACTIC REPETITIONS AS A MEANS OF EXPRESSIVITY TRANSMISSION (BY THE WORKS OF A. HAVALDA)

Key words: connotation, weak, zero equivalents, affective syntax, idiostyle, syntactical repetition, parallel constructions.

The present article considers the ways of translation expressive syntactical constructions from French into Russian. According to the position point and logic-semantic relations the major ones are repetition and parallel constructions. The cases of omissions and partial transformation are particularly interesting.

Как известно, лексическое значение слова представляет собой совокупность денотативного, структурного, этнокультурного и коннотативного компонентов. Эмоциональная оценка, или экспрессивность (коннотация), – одна из важнейших характеристик стилистического значения. Именно поэтому успешный художественный перевод основывается на понятии эквивалентности, которая подразумевает корреляцию плана содержания и плана выражения, т.е. всех составляющих лексического значения слова. Мы базируемся на концепции о существовании полных, слабых и нулевых эквивалентов [4. С. 55], в которой реализуется полностью или частично описанная корреляция. Таким образом, полноценный перевод невозможен без полной, точной передачи эмоциональной, экспрессивной составляющей стиля автора.

Стилистическое значение может иметь единица любого уровня языка – слово, устойчивое словосочетание, грамматическая форма или синтаксическая конструкция. Однако в письменной художественной речи именно «**аффективный синтаксис** – один из основных способов выражения эмоций» [5. С. 26].

Экспрессивные средства в области синтаксиса изучались в работах многих российских и зарубежных лингвистов: О.В. Александровой, Ш. Балли, В.В. Виноградова, Э.М. Береговской, И.В. Арнольда, К. Долинина и др.

Цель нашего исследования – сопоставление стилистических систем французского и русского языков на основе произведений молодого французского автора **Анны Гавальда**. Материалом для исследования послужил её роман «Я её любил. Я его любила», изданный в 2002 г., а также его перевод на русский язык, выполненный Еленой Клоковой. Отличительная особенность произведений А. Гавальда – легкий, изящный и в то же время эмоциональный и психологически глубокий стиль. Во многом этот эффект достигается благодаря широкому использованию аффективных синтаксических конструкций: однородных членов предложения, преобладании односоставных номинативных предложений, диалогичности повествования, большом количестве риторических восклицаний и вопросов.

Следует сказать, что в лингвистике последних десятилетий наблюдается возрастание интереса к изучению идиостиля писателя, поиску стилистических и иных доминант, поскольку формирование и функционирование норм русского литературного языка коррелируют с процессами, происходящими в русской,

в том числе и переводной литературе. В основе этого изучения лежит концепция Б.А. Ларина, связанная с категорией семантико-стилистической системы писателя, отражающей нормы индивидуального словоупотребления, особое преломление общезыкового значения слова. По нашему мнению, это в полной мере можно отнести и к грамматическим нормам, т.е. к экспрессивному авторскому синтаксису.

В целом, определяя идиостиль А. Гавальда, отметим его глубоко эмоциональный и экспрессивный характер, что проявляется в широком использовании самых разнообразных синтаксических фигур: *парентетических внесений, парцелляций, эллипсиса, номинативных и односоставных предложений глагольного типа*. В своей работе мы ставим задачу проанализировать и классифицировать отличия экспрессивных синтаксических конструкций, в первую очередь *конструкций синтаксического повтора*, при переводе их с французского на русский язык.

Прежде всего, необходимо отметить, что существует множество различных классификаций фигур повтора, в зависимости от структуры, позиции повторяющихся элементов или их логико-семантических отношений.

В качестве основной мы возьмём классификацию К. Долинина, согласно которой фигуры повтора можно подразделить на две основные группы:

- *синтаксические повторы однородных членов предложения;*
- *параллельные конструкции.*

1. Первую группу можно обозначить также как *перечисление*, это, по сути, повтор слов одной части речи, связанных сочинительной связью, выполняющих одну синтаксическую функцию.

В текстах А. Гавальда этот прием используется особенно активно. Например, героиня, покинутая мужем, выражает всю силу своего отчаяния через перечисление привычных, когда-то приятных для неё действий, которые в новых условиях стали для неё рутиной, уже не приносят былой радости:

Je veux bien me lever le matin, m'habiller, me nourrir, les habiller, les nourrir, tenir jusqu'au soir et les coucher en les embrassant [10. С. 14].

Я готова вставать по утрам, одеваться, завтракать, одевать и кормить дочерей, держаться до вечера, укладывать их и целовать на ночь [5. С. 19].

В другом примере герой упрекает себя за невнимательность и черствость к супруге, перечисляя всё то, что когда-то упустил в своих с ней отношениях:

L'ai-je jamais questionnée sur elle, son enfance, ses souvenirs, ses regrets, sa lassitude, notre vie charnelle, ses espoirs déçus, ses rêves? [10. С. 87].

Я когда-нибудь расспрашивал её о ней самой, её детстве, воспоминаниях, сожалениях, усталости, наших любовных отношениях, о её несбывшихся надеждах, мечтах? [5. С. 102].

В данном случае используемые автором *синтаксические повторы* придают текстам плавность и ритмичность и, создавая единство перечисления, усиливают выразительность всего высказывания.

2. Следующий тип фигур повтора – *параллелизм*, т.е. повтор смежных синтаксических конструкций: предложений или их частей. В зависимости от позиции повторяющихся частей среди параллельных конструкций можно выделить случаи использования:

- *синтаксической анафоры:*

Je regrettais de n'être pas encore soûle. Je regrettais d'être là. Je regrettais... Je regrettais tellement de choses [10. С. 71].

Я жалела, что так и не смогла напиться. Я жалела, что приехала сюда. Я жалела... Я жалела об очень многом... [5. С. 83].

– синтаксической эпифоры:

*C'était un garçon **charmant**. Vraiment **charmant*** [10. С. 28].

Он был **очаровательный** парень. Действительно **очаровательный** [5. С. 32].

– кольцевого повтора.

Pourquoi tu ris?

*Parce que je suis **bête**.*

Pourquoi tu es bête? [10. С. 37].

Почему ты смеёшься?

*Потому что я **глупая**.*

А почему ты глупая? [5. С. 44].

Анализ показывает, что параллельные конструкции могут находиться между собой в различных логико-семантических отношениях:

– аналогия, основанная на семантическом сходстве параллельных конструкций:

La même coupe de cheveux, les mêmes lunettes, les mêmes gestes, les mêmes petites manies [10. С. 76].

Та же стрижка, те же очки, те же жесты, те же маленькие странности [5. С. 88].

– антитеза, заключающаяся во включении в повторяющиеся конструкции противоположных идей с целью усиления контраста:

***Quelquefois**, elle n'arrivait que le lendemain et je passais la nuit assis au bar, à guetter les bruits du hall. **Quelquefois**, elle prenait une autre chambre et m'ordonnait de venir la rejoindre au petit matin... **Quelquefois** je voyais du pays et **quelquefois** je ne voyais rien d'autre que ma chambre d'hôtel... **Quelquefois** nous parlions sans arrêt et d'autres fois nous n'avions rien à nous dire [10. С. 134].*

***Иногда** она приезжала только на следующий день, и тогда я всю ночь сидел в баре, прислушиваясь к тому, что происходит в холле. **Иногда** она брала отдельный номер и просила меня прийти к ней рано утром... **Иногда** я успевал осмотреть местные достопримечательности, а **иногда** не видел ничего, кроме своего номера в гостинице... **Иногда** мы никак не могли наговориться, а **иной раз** и сказать было нечего [5. С. 160].*

– градация, при которой параллельные конструкции содержат постепенное нагнетание или ослабление интенсивности содержащейся информации:

Trop de meubles, trop de bibelots, trop de photos de nous, trop de tout [10. С. 80].

Слишком много мебели, слишком много безделушек, слишком много семейных фотографий, всего слишком много... [5. С. 93].

Je peux le faire. Tout le monde peut [10. С. 65].

На это я способна. На это все способны [5. С. 78].

Как показывает сопоставительный анализ текстов А. Гавальда, при переводе французской синтаксической конструкции на русский язык, большую часть конструкций (более 90%) образуют коррелятивные конструкции, совпадающие во французском и русском языках по своим семантическим и стилистическим характеристикам:

***Je souffrais. Je souffrais** comme s'il me manquait quelque chose comme si l'on m'avait amputé d'un bras ou d'une jambe.*

***Я страдал. Страдал так**, словно мне чего-то не хватало, как будто мне ампутировали руку или ногу* [5. С. 130].

*Elle aimait **sa vie, sa maison, ses enfants, ses commerçants...*** [10. С. 84].

*Она любила **свою жизнь, свой дом, своих детей и даже продавцов, у которых** обычно делала покупки* [5. С. 98].

Гораздо больший интерес в плане сопоставительного анализа представляют собой случаи трансформированного, иного, нежели прототипического, выражения синтаксических конструкций.

В первую очередь, речь идет об **опущениях**. Как показывает анализ, подобные изменения вызваны особенностями грамматического строя языка – оригинала. Например, при переводе французских синтаксических конструкций на русский язык зачастую опускается местоимение – подлежащее, употребление которого во французском языке жёстко регламентировано:

Il ne m'a pas entendue. Il se tenait droit. Il ne parlait plus. Il n'avait pas croisé ses jambes [10. С. 75].

J'aimais cette femme. **J'aimais** cette Mathilde. **J'aimais** le son de sa voix, son esprit, son rire, son regard sur le monde, cette espèce de fatalisme des gens qui se sont beaucoup promenés. **J'aimais** son rire, sa curiosité, sa discrétion, sa colonne vertébrale, ses hanches un peu saillantes, ses silences, sa douceur et ... tout le reste [10. С. 109].

Он меня не услышал. Сидел очень прямо. Больше не говорил. Вытянул ноги [5. С. 87].

Я любил эту женщину. **Любил** Матильду. **Любил** звук её голоса, её острый ум, её смех, её взгляд на мир, её фатализм, свойственный людям, которые много путешествуют по свету. **Любил** её смех, любознательность, скромность, её позвончик, полноватые бедра, молчаливость, нежность и ... все остальное [5. С. 130].

Ещё больший интерес представляют случаи **частичной трансформации**, когда случаи повтора в оригинале и переводе не совпадают. Изменение структуры предложения при переводе объясняется, как правило, невозможностью обеспечить эквивалентность смысла путем дословного перевода. Наиболее яркий пример – **грамматическая замена**, в результате которой при переводе на русский язык наблюдаются синтаксические добавления и семантические наращивания:

Mais non. Jamais [10. С. 33].

Ce n'était pas la vie. Ce n'était pas Paris [10. С. 110].

Но ничего подобного не произошло. Так и не произошло [5. С. 38].

Жизнь не была жизнью. Париж не был Парижем [5. С. 129].

Эти и другие наблюдения над особенностями передачи аффективных синтаксических конструкций повтора позволяют сделать вывод о том, что в основном русские и французские конструкции повтора проявляют больше структурных сходств, чем различий. Обнаруженные нами расхождения вызваны особенностями грамматического строя сопоставляемых языков.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: АН СССР, 1955. 416 с.
2. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
4. Габдреева Н.В. О слабых эквивалентах в переводческой практике // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: труды и материалы междунар. науч. конф., посвященной 200-летию Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 55-56.
5. Гавальда А. Я её любил. Я его любила: пер. с фр. М.: ИД «Флюид», 2008. 192 с.
6. Долинин К.А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987. 304 с.
7. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник для вузов по специальности «Журналистика». М.: Высш. шк., 1987. 316 с.
8. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
9. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Наука, 1998. 784 с.
10. Gavalda A. Je l'aimais. Paris: Le Dilettante, 2002. 155 p.

ТАБЕЕВА ЭЛЬМИРА ИЛЬГИЗОВНА – соискатель учёной степени кандидата филологических наук, Казанский государственный технический университет, Россия, Казань (eltab@list.ru).

TABEEVA ELMIRA ILGIZOVNA – competitor of scientific degree of Philological Sciences candidate, Kazan State Technical University, Russia, Kazan.

УДК 811.111 + 811.161.1 + 811.512.111]'367

В.А. ФИЛОНЕНКО

**КОНЦЕПТ «СОВЕТ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ
АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ****Ключевые слова:** концепт, лингвокультурология, пословица, поговорка, совет.

Цель статьи – выявление и описание национального своеобразия концепта «совет» в английских, русских и чувашских пословицах и поговорках. В результате анализа выявлены как общие, так и отличительные признаки концепта «совет» в английской, русской и чувашской паремиологических картинах мира.

V.A. FILONENKO

THE CONCEPT «ADVICE» IN ENGLISH, RUSSIAN AND CHUVASH PROVERBS AND SAYINGS**Key words:** concept, Linguistic Culture, proverb, saying, advice, counsel.

The paper is aimed at revealing and describing an ethnic peculiarity of the concept «advice» in English, Russian and Chuvash proverbs and sayings. The investigation has revealed common and different features of the concept «advice» in English, Russian and Chuvash paremiological world pictures.

Концепт представляет собой сложное ментальное образование, фундаментальное, многоаспектное изучение которого предполагает обязательное обращение к анализу самых разных уровней. Приоритетным при этом по праву признаётся лексико-фразеологический уровень языка, на котором наиболее очевидно отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного лингвокультурного сообщества.

Именно на фразеологическом субуровне языка наиболее эксплицитно отражена сама специфика познавательного и эмоционального опыта того или иного этноса, черты его материальной и духовной культуры, воспроизводятся «характерологические черты народного менталитета» [2. С. 78].

Для выявления понятийных характеристик концепта «совет» в английском, русском и чувашском языках нами были исследованы словарные дефиниции, толкующие данную лексему в соответствующих словарях. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова находим следующее определение: совет – 1) мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание; 2) совместное обсуждение чего-нибудь, совещание для такого обсуждения [8]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Н.Д. Ушакова «совет» определяется как 1) наставление, указание, как поступить в том или ином случае; 2) согласие, дружба, лад (устар.) [13].

В ходе анализа русско-английских и англо-русских переводных словарей нами определено, что эквивалентными русской лексеме «совет» являются лексемы «advice» и «counsel».

Словарь Merriam-Webster Online Dictionary даёт следующие определения: *advice* – *recommendation regarding a decision or course of conduct* [11]; *counsel* – *advice given especially as a result of consultation* [11]. В словаре Collins English Dictionary лексемы «advice» и «counsel» имеют следующие дефиниции: *advice* – *recommendation as to an appropriate choice of action* [10]; *counsel* – 1. *advice or guidance on conduct, behaviour, etc.*, 2. *discussion, esp on future procedure; consultation* [10].

В чувашской лингвокультуре концепт «совет» актуализируется лексемой «канаш» [5. С. 730], которая имеет также следующие дефиниции: 1) совет, рекомендация; 2) сговор, уговор, соглашение; 3) согласие, взаимопонимание [6. С. 139].

Таким образом, среди значений лексемы «совет» находим как общие для рассматриваемых языков, так и специфические. Так, в русском языке, как было указано выше, совет – это не только мнение, рекомендация, но и наставление, указание, что свидетельствует о более высокой иллюкутивной силе совета в рус-

ской лингвокультуре. И в русском, и в английском языках имеется значение «обсуждение»; значение «согласие» характерно для русского и чувашского языков.

Установим теперь ценностные характеристики концепта «совет», обратившись к анализу выраженных в каждом языке оценочных суждений – пословиц и поговорок – по поводу данного концепта.

Для проведения нашего исследования использовались следующие словари пословиц и поговорок: Oxford Dictionary of Proverbs by John Simpson [9], «Русские пословицы и поговорки» под ред. В. Аникина [4]; Михайлов А.П. Ваттисен сáмахёсемпе каларáшсен тата сунатлá пуплевсен чáвашла-вырáсла пуххи (Сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений) [8], а также Интернет-ресурсы [14, 15].

Следует отметить, что в рассматриваемых нами языках существует значительное число пословиц о совете, совпадающих по семантическому значению: *Good advice is beyond all price*; *Доброму совету цены нет*; *Канаш тума юлташ пулсан, ёмёр иртни сисёнмест* (*Коли есть с кем посоветоваться, то жизнь пройдёт незаметно*). Совет в них, как проявление дружеского участия, как акт поддержки и помощи, необходимых для выхода из затруднительной ситуации, представляет собой ценность межличностного общения.

Так, в английском паремиологическом фонде имеются следующие пословицы: *Self is a bad counselor* (досл. *Человек сам себе – плохой советчик*); *Company in distress makes troubles less* (досл. *Когда есть друзья по несчастью, то и несчастье меньше*); *Four eyes see more than two* (досл. *Четыре глаза видят больше, чем два*); *He must need swim that is held by the chin* (досл. *Волей-неволей поплывёшь, если тебя держат за подбородок*); *The voice of one man is the voice of no one* (досл. *Голос одного человека – не в счёт*).

В русском языке находим их эквиваленты: *На миру (на людях, с людьми) и смерть красна*; *Одна голова хорошо, а две лучше*; *И комар лошадь свалит, коли волк пособит*; *Один в поле не воин*.

Чувашские пословицы издавна призывали к коллективному сплочению и единству действий, ибо «мирская сила» могущественна [3. С. 428]: *Аслá сынна та канаш кирлэ* (*И умному совет нужен*); *Аслá сынран áс ййтни сиен тáвас сук* (*Если попросишь у умного совет – это не повредит*); *Канашсáрах картиш сáвáраймáн, шухáшсáрах шур пýрт лартаймáн* (*Без советов двор не возведёшь, без переживаний (раздумий) дом не построишь*).

Вместе с тем в английском, русском и чувашском языках немалочисленны пословицы и поговорки, в которых говорится о том, что легче дать совет, чем им воспользоваться: *Advice is cheap* (досл. *Совет дёшев*); *Advisers run no risk* (досл. *Тот кто советует, не подвергается риску*); *Совет как лекарство: легко выписать, а принять трудно*; *Легко сказать, да тяжело сделать*; *Áс парасси сáмáл та пурнáс – ласси йывар* (*Советовать легко, да сделать трудно*); *Áс паракан нумай, пулáша – кан сахал* (*Советчиков много, да помощников мало*).

Приведём ещё несколько пословиц и поговорок о совете, имеющих схожее значение в рассматриваемых нами лингвокультурах: *Let him who will not have advice have conflict* (досл. *Пусть того, кто не советуется, ожидает беда*); *Кто добрых людей не слушает, тот Богу спорник*; *Ваттисен сáмахне итлемсен, пусна сухатáн* (*Не послушаешь советов старших, голову свою погубишь*).

В следующих пословицах и поговорках говорится о том, что советом не следует пренебрегать, поскольку его коммуникативная цель – это преодоление затруднительной ситуации, а не её усугубление: *Good counsel does no*

harm (досл. Хороший совет не приносит вреда); *Всякий совет к разуму хорош; Канашлă ёç япăхмасть* (Совет делу не портит).

Как в английской пословице *Counsel is no command* (досл. Совет – это не команда), так и в русской *Совет в карман не лезет и кармана не трёт* подчёркивается необлигаторность совета: им можно воспользоваться, а можно оставить без внимания.

Однако в пословице *Write down the advice of him, who loves you, though you like it not at present* (досл. Запиши совет того, кто тебя любит, хоть в данный момент он тебе и не нравится) говорится о том, что не стоит пренебрегать советом, который представляется неуместным или неподходящим в данной ситуации, а взять его себе на заметку, поскольку в дальнейшем могут возникнуть обстоятельства, в которых данный совет окажется спасительным и правильным выходом. Пословица с подобным значением бытует и в чувашском языке: *Канаш – картлă, юмах – юплĕ*. (досл. Совет с меткой, а сказка с намёком (букв. с развилкой)).

Обратимся теперь к пословицам и поговоркам, не имеющих эквивалентов в рассматриваемых нами языках.

В частности, английская пословица *Give neither advice nor salt until you are asked for it* (досл. Не давай соли и совета, пока тебя не попросят) предупреждает о том, что совет, высказанный по своей собственной инициативе, без запроса на то, скорее вызовет негативную реакцию, поскольку будет расценён как вторжение, вмешательство в личную жизнь. Стоит отметить, что для англичан, как для представителей индивидуалистической культуры, особой значимостью обладает личная автономия человека, представляющая собой важнейшую коммуникативную ценность, которая обеспечивает соблюдение вербальной и невербальной дистанции, неимпозитивность в общении (недопустимость оказания прямого воздействия на собеседника). Совет, как и другие побудительные речевые акты, являющийся «опасным», угрожающим лицу (*Face Threatening Act*), [1. С. 38-53], может быть высказан в виде рекомендации (о чём свидетельствуют словарные дефиниции) в ответ на обращение с просьбой его дать.

В русской коммуникативной культуре, являющейся по своей природе коллективистской, к совету с давних пор относились уважительно: *Слушайся добрых людей – на путь наведут; Всякий совет к разуму хорош; Кто не слушает советов, тому нечем помочь; Не слушай всего света, а слушай доброго совета; Совет дороже денег*.

Как было отмечено выше, в число дефиниций лексемы «совет» входят «согласие, дружба, лад». Приведём несколько примеров пословиц и поговорок, где концепт «совет» включает эти понятия: *Где любовь да совет, там и горя нет; Где совет, там и свет; Не советом жить, много грешить; Любовь да совет – на том стоит свет*.

Сопричастность и взаимопомощь, открытость и спонтанность проявления эмоций [1. С. 49] объясняют и большую частотность лексемы «совет» в русских паремиях.

Особенностью чувашских пословиц является следующая оценка их значения в целом: *ваттисен калани вырăнлă* – то, что сказано стариками, уместно, т.е. имеет жизненное, практическое значение [3. С. 392]. Об уважительном, почтительном отношении к старшим свидетельствуют следующие паремии: *Ватта курсан çĕлĕке ил* (Увидишь старца, сними шляпу); *Ватă çынна хирĕç ан калаç* (Старцу не перечь); *Хăвăнтан пысăккине ан тĕкĕн* (Не тронь того, кто постарше тебя) [3. С. 434].

Поэтому не случайно, что особенностью чувашских пословиц и поговорок о совете является обращение к старшим: *Ашше-амăшĕ сăмахне итлемен*

ача-пăча пуçне хай çухатать (Кто родителей не слушает, сам себя погубит); Ватă сын сăмахе сĕрте харам выртмасть (Слова старцев бесполезно на земле не валяются); Ваттисем калани пуш çăвартан тухни маар (Советы старых – не пустословие).

Стоит отметить, что в формировании и регулировании морально-этических норм чувашей всегда большую роль играло общественное мнение («ял мен калать» – что скажут односельчане): *Авалхи чăнлахă пĕлес тесен халăх каланине итле теççe (Если хочешь узнать правду о старине, слушай, о чём народ говорит); Канаш тума юлташ пулсан, ёмĕр иртни сисĕнмест (Колли есть с кем посоветоваться, то жизнь пройдёт незаметно); Канашсăрах картиш çавăраймăн, шухăшсăрах шур пĕрт лартаймăн (Без советов двор не возведёшь, без переживаний (раздумий) дом не построишь).*

Таким образом, в результате лингвокультурологического анализа были выявлены общие признаки концепта «совет» в английской, русской и чувашской картинах мира. Например, и в английской, и в русской, и в чувашской паремиологии совет является ценностью межличностного общения, которой не следует пренебрегать. В то же время очевидными являются определённые особенности данного концепта в пословицах и поговорках рассматриваемых лингвокультур (в английской паремиологии особо подчёркивается недопустимость давать непрошенные советы, в русских пословицах и поговорках отмечены устойчивые ассоциативные связи концепта «совет» с концептами «добро», «согласие», «дружба», «лад»; в чувашских пословицах и поговорках совет предполагает обращение к старшим и т.д.).

Литература

1. Архипенкова А.Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
2. Красавский Н.А. Концепт «Zorn» в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // <http://tpl1999.narod.ru/WebTPL2000/KrasavskyTPL2000.htm>.
3. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004.
4. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина; предисл. В. Аникина; сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. М.: Худож. лит., 1988.
5. Русско-чувашский словарь. 40 000 слов / под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
6. Чувашско-русский словарь: ок. 40 000 слов / И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982.
7. Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004.
8. Михайлов А.П. Ваттисен сăмахĕсемпе каларăшсен тата сунатлă пуплевсен чăвашла-вырăсла пуххи // Сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар: Новое время, 2006.
9. Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2004.
10. www.collinslanguage.com.
11. www.merriam-webster.com/dictionary.
12. www.ozhegov.ru.
13. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.
14. <http://www.quotesandsayings.com/proverbial.htm>.
15. <http://www.worldofquotes.com/topic/Advice/index.html>.

ФИЛОНЕНКО ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА – ассистентка кафедры английского языка, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (filvee@mail.ru).
FILONENKO VERA ALEXANDROVNA – assistant, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.511.152 (045)

Т.П. БОРЕЙКИНА

МОНОЛОГ И ИСПОВЕДЬ КАК ПРИЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ДРАМАТИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ В ПЬЕСАХ В.И. МИШАНИНОЙ

Ключевые слова: психологизм, психологическое изображение, речь, монолог, исповедь.

Статья посвящена таким приемам психологизма, как монолог и исповедь. Рассмотрены их роль в драматических произведениях В.И. Мишаниной. На основе анализа пьес драматурга сделаны выводы об использовании им приемов монолога и исповеди, а также определено их значение в раскрытии психологического мира героев. При анализе использованы работы А.Б. Есина, Л.И. Тимофеева. Статья основана на собственной трактовке специфики проблемы.

T.P. BOREYKINA

MONOLOGUE AND CONFESSION AS DEVICES OF PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION OF DRAMATIC CHARACTERS IN THE PLAYS BY V.I. MISHANINA

Key words: psychologism, psychological representation, conversation, monologue, confession.

The article is dedicated to such devices of psychologism as monologue and confession. We are considering their role in dramatic works by V.I. Mishanina. Basing on the analysis of the plays, the conclusions connected with the using of monologue and confession as devices, are being made. Also it identifies its meaning in disclosing the psychological inner world of the characters.

В литературе пристальное внимание уделено художественному выражению внутренней жизни человека, глубинным пластам его личности. В этом случае при анализе произведения приобретает относительно самостоятельную роль психологическое изображение, предполагающее собой проникновение во внутренний, скрытый от глаз мир человека.

Одним из важных приемов психологизма А.Б. Есин считает внутренний монолог [1. С. 90]. Мы считаем, что приемом психологического изображения является не только внутренний монолог, но и внешний. Монолог предполагает собой пространное и развернутое высказывание персонажа, не включенное в межличностное общение, «уединенное общение». Здесь только герой и его мысли, которые он может проговорить внутренне («про себя») или вслух. Психологизм во внешнем монологе не теряет своей значимости, а даже приобретает еще больший акцент, отображая естественные, подсознательные мысли героя. По мнению литературоведа Л.И. Тимофеева, речь вообще «воспроизводит психологический склад и душевное состояние человека» [7. С. 194].

В драматических произведениях В.И. Мишаниной глубоко укоренен внешний монолог, позволяющий логически осмыслить поступки, осознать и обдумать их, выявить совершенные ошибки и постараться разобраться в причине их возникновения. Где, как не в глубине своей души, человек может открыто говорить, размышлять и спорить с самим собой, не боясь того, что будет не понят. Это своего рода возможность познания истины, способ познания души. Но монолог в драме – это двусторонняя связь. Герой в монологе познает себя, а мы в монологе героя имеем возможность познать человеческую душу. То же самое происходит и в драмах В.И. Мишаниной. Мордовский литературовед, критик М.И. Малькина отмечает: «Геройхнень характерсон панжемста, конфликтт виияфтомста Валентина Мишанинась оцю васта максси эсь потмова азонкшневи монолокненди; синь вельдест авторсь мрдафнесыне героензон ётай пингги, панчсесыне событиятнень историясон, потма ширде валдопнесыне героень мялхнень и поступкатнень, мушендсыне синь туфталсон»

[2. С. 7] («При раскрытии характеров героев, усилении конфликта Валентина Мишанина большое место уделяет монологам; через них автор возвращает героев в прошедшее время, раскрывает события их жизни, историю, освещает внутренний мир со стороны желаний и поступков героев, находит их причины»).

В монологах своих героев драматург стремится раскрыть глубину человеческих переживаний, драматизм событий, сюжетную канву, размышления о жизни, традициях, нравах, жизненных устоях. К примеру, Пята из пьесы «Куйгорож» говорит: «Уды ведунбацясь, куя кочкай, а мон, шава прясь, циледи мельге вихонзан... Мунь вдь кинь рывакс сявомс...» [6. С. 300]. («Спит ведьма, а я, старый дурак, голодный хожу, поестъ нечего... Нашел ведь кого в жены взять...»).

Приведенный монолог имеет внешнюю форму, по которой мы можем судить о состоянии персонажа, узнать подробности из жизни Сюмерьге, задуматься, почему старик произносит это не про себя, а вслух. Причем он произносит это рядом со спящей Сюмерьге. Видимо, негодование старика дошло до таких пределов, что он более не мог и не желал молчать, что видно из следующего монолога Пяты: «Тусь. Ожу, мон сонь тонафтса! Ату кармась лангозон кяденц кепсема... Ожу, нинге пильгозон комат!» [6. С. 301] («Ушла. Погоди, я ее проучу! А то начала на меня руку поднимать... Погоди, ты мне в ноги упадешь»).

Если в первом монологе мы воспринимаем Пяту как разочаровавшегося и смирившегося с жизненными обстоятельствами человека, то в этом вслух произнесенном монологе ощутимо стремление старика изменить ситуацию, причем, произнося это вслух, он как бы хочет получить чью-то поддержку, согласие, усилить свое внутреннее «я», чтобы действовать энергичнее.

Монолог Аню в пьесе «Ёронь юромста стирня» («Девочка из племени перепёлки») тоже имеет внешнюю форму: «Аню двигает табуретку, достает со шкафа портрет отца. Громко: «Я же говорила, что ты сегодня приедешь. А мне никто не верит, даже мама. Когда отпрашивалась у Анны Ванны, она глаза выпучила. А я так и сказала ей: отец приезжает, надо встретить...» [5. С. 174].

В своих мыслях девочка давно решила, что отец придет, и не важно, что думают о ней мама, Анна Ванна, друзья. Слова Аню выражают ее непреодолимое желание поскорее приблизить встречу с отцом.

Одним из специфических признаков монологов героев В.И. Мишаниной является апеллирование к животным, нередко являющихся их «бессознательными собеседниками».

В пьесе «Куйгорож» старик Пята обращается к петуху: «Лац морат, Мазы Сюрххцем, улема, тутмаце пяхксе... Эх, кда тейненге ваи лямня али ваи ямня...» («Красиво поешь, Красивый Гребешок, видимо, сытый... Эх, кабы и мне бы жирных щей али кашки с маслом...»). К коту он обращается так: «Тейтьке ямня, нолапарь? Мон тейть максан ям! Утомса шеерхне кштизь кштийхть... Мезе? Утомсь шава? Тят лажна, ката ялгай, аф юматама [6. С. 294] («Тебе тоже каши, горлопан? Я тебе дам кашу! В амбаре мыши пляски устраивают... Чего? Пуст амбар? Не переживай, кот дружок, не пропадем...»).

Присутствие животных имеет свое художественное значение, что является еще одним, тоже необычным, способом выражения внутреннего состояния героя.

В пьесе «Озкс тумоть тарадонза» («Ветви священного дуба») главная героиня – Нюра обращается к мыши, которая попала ей на глаза: «Мярьгат, тоньге пекце вачсь, равжа сельме? Мезе ванат? Кши кувоня учат? Ожу сяван ката, сон тинь анттядязь... Ваттака, ёфси аф пелят эздон! Эста на смелшинкса кувоня. Но ката сяван, киртты!» [4. С. 185] («Говоришь, ты тоже есть хочешь, черный глаз? Что смотришь? Горбушку ждешь? Погоди, заведу кота, он вас быстро накормит. Смотри-ка, вовсе меня не боишься! Тогда вот тебе хлебушка за смелость. Но кота возьму, держитесь...»).

Этот прием (обращение к животным) драматург использует для показа тех черт личности, которые не выявляются при общении героев с людьми, а общение с животными позволяют нам разглядеть их. В принципе, подобный ход можно интерпретировать как способ передачи настроения, размышлений, состояния героев, элемент их речевой характеристики.

Те черты характера, которые не удалось раскрыть в диалогах, драматург опять-таки пытается раскрыть в монологах-размышлениях о человеке, его сущности. Так происходит с Нюрой: «Вов, шеерня, ватт и рахак ломаттнень лангс. Няк, кажнайти кати-мезе эряви... Тулень тяста, да кивок аф терди эсон, кивок аф учи... А коса цебярь?.. Пара. Тяни мадомска пинге. Учсаськ – вандысь мезе канды» [4. С. 187] («Вот, мышка, смотри и смейся над людьми. Видишь, каждому что-то надо... Уехала бы отсюда, да никто не зовет, никто не ждет... А где хорошо?.. Ладно. Спать пора. Посмотрим – день завтрашний что принесет»).

Произнесенный Нюрой монолог обнажает ее психологическое состояние, мысли, размышления, в которых ощущается ее полное одиночество.

Чувствует себя одиноким и Павел из пьесы «Босиком по облакам», поэтому его собеседник – попугай Кеша. В семье ни жена, ни дочь не обращают внимания на душевное состояние Павла, проявляя в некотором роде неуважение к нему. Дерзкое обращение Наташи служит тому доказательством: «Пап, а ты кусаться начал... А я думала, ты только на бумажных самолетиках летаешь... Вот все хочу спросить: когда ты играешь в самолетики, ты в ребенка превращаешься или как?» [3. С. 151].

Лишь со своим любимым попугаем он может поговорить по душам, раскрыть то, что творится у него на душе и что послужило поводом для грусти, тоски. Так он рассказывает Кеше: «... Что-то стряслось со мной, Кеша. После того как уже сделал посадку... А в голове какой-то шарик сдвинулся с места... Сел. Все живы. И вот в этот момент я потерял сознание... Ко мне подошла Мария, моя первая и единственная любовь... Она умерла лет десять назад...» [3. С. 143].

Из слов Павла мы многое узнаем о его прежней жизни, работе, любви, которая была первой и единственной, понимаем его заботы и переживания; в монологе раскрывается сущность персонажа, черты характера, что позволяет воспринимать его как незаурядную личность.

В другом обращении к Кеше мы узнаем о Павле как о романтике, чувственном и ранимом человеке. Вот как он говорит о смысле своей жизни: «Ты лучше меня знаешь, друг, что такое крылья и свобода. Поднимаешься в небо, хоть и тело притягивает земля, но душа, душа свободна в полете. Вот перестала летать моя душа – и стало разрушаться тело. Жить ради живота и ради гнезда – не имеет смысла» [3. С. 168].

В словах Павла чувствуется не только его отношение к жизни и счастью, но и отчаяние. Павел признается, что погибает; ему не хватает чувства окрыленности и тесной связи с небом, где постигаются истинная свобода и гармония души.

Пространные и емкие монологи Павла позволяют читателям проникнуть в состояние его души, понять причины, по которым он не может найти гармонию с самим собой и окружающими его людьми.

Персонажи – Пята, Нюра, Павел – являются глубоко одинокими людьми, у которых нет близких друзей, собеседников, поэтому они обращаются к животным, птицам.

С помощью диалогов драматург изображает разногласия между персонажами, а с помощью монологов старается раскрыть мотивы их поступков и слов, их жизненные цели, замыслы, их сомнения, сложность взаимоотношений.

В пьесах В.И. Мишаниной одним из активно используемых приемов психологического изображения является исповедь. Исповедная речь, насыщенная восклицательными предложениями, риторическими вопросами, призвана выра-

зить крайнюю степень драматического состояния героя. Драматург в них дает своим героям возможность излить сердечную боль, выразить свое недоумение и возмущение. Это чувствуется в исповеди Люси в пьесе «Тят шава, тят сала» («Не убей, не укради»): «Сон валда. Сон аф мувору. Сон образть меки кандсь. А минь сонь шавоськ... Шкабаваз, Азорозе, мон максонь тейть вал аф ваномс цёра лангс, а монць варжакстонь... варжакстонь и шарькодень – монга ломаян... Шкабаваз, Иисус Христос, тон тонць кошардыть ломаттнень кельгома фкя-фкянь... аньцек азк тейне, Шкабаваскый, мес ломаттне шавондсазь сятнень, кит сявондсазь эсь лангозост лиянь грехнень-пешетнень?.. [4. С. 246] («Он чист. Он не виноват. Он икону обратно принес. А мы его погубили... Господи, я дала тебе слово не смотреть на молодых людей, а сама посмотрела... посмотрела и поняла – я тоже человек... Господи, Иисус Христос, ты сам завещал людям любить друг друга... только объясни мне, почему люди губят тех, кто берет на себя грехи других?..»).

Гибель Витька произвела на Люсю такое сильное потрясение, что она не смогла сдержать себя и рассказала о своих душевных, интимных мыслях. В.И. Мишанина четко передала ход мыслей, сокровенные мечты Люси, весь трагизм случившегося. Так что читатель невольно начинает размышлять над вопросом Люси: почему люди губят тех, кто берет на себя грехи других?

Активно используется прием исповеди в драме «Вальмафтома куд» («Дом без окон»). В этой связи важную роль в пьесе играет Мужчина, бежавший из тюрьмы. Несмотря на то, что в пьесе у него нет имени (Мужчина), он является главным действующим лицом: его встреча в купе с пассажирами обостряет действие пьесы, позволяет наиболее образно и детально охарактеризовать современное общество. Вот как он говорит о себе: «... Лемоц Сергей... Сергей... монь аш лемозе... Сонь ули лемоц... пади, аф юмафтсы лемонц... А мон аф улян модать лангс. И кивок мзярдовок тейне аф азсы: местема мон сашендонь модать лангс» [4. С. 280] («... Сына Сергей зовут... Сергей... у меня нет имени... У него есть имя, авось не потеряет. А меня не будет на земле. И никто не вспомнит обо мне и не спросит: зачем я приходил на эту землю»).

В словах Мужчины наблюдается интонация грусти и сожаления о неудавшейся судьбе. В том, что у этого персонажа нет имени, драматург усматривает определенную значимость. Он пытается разобраться в том, кто скрывается за этой личиной и какова степень пораженности общества нравственным заболеванием, которое связано с утратой нравственных принципов. В своей исповеди герой обнажает изъяны общества, то, что разъедает человеческую душевность и сознание, распространяет безразличие. В этой же исповеди он рассказывает о том, какое у него было детство: «Тядязе?.. Тя сон, шачфтыезе, тиемань аф ломанькс. Мон кодак мяляфтса эсь прязень – най клеткасан. Сон пякснемань монь шобда шкафу... Мяляфтса пялень шкаф кенкшкяти варяня, ванонь... Весть нязь шкафста варянять, цють сельмозень ашезь тарга... Сисем кизоса мон ни кудста ворьгодень...» [4. С. 280] («Мать?.. Это она родила, сделала из меня нелюдя. Я как вспомню – всегда в клетке. Она закрывала меня в темном шкафу... Помню: проделал дырку в двери шкафа, смотрел... Она, увидев дырку в шкафу, чуть глаза мне не выколола. В семь лет я из дома сбежал...»).

Рассказ Мужчины о своем детстве дает некоторым образом объяснение, почему он встал на преступный путь. И этот эпизод, к сожалению, взят из жизни. Трагично, что семейные ценности рушатся, нет того нравственного стержня, который помог бы в воспитании ребенка и правильном выборе им жизненного пути.

В пьесах В.И. Мишаниной психологическое изображение мира героев достигается благодаря широкому спектру приемов психологизма. Наиболее часто встречающимся психологическим приемом в пьесах В.И. Мишаниной является монолог, который имеет разные способы изображения психологического мира

героев. В первую очередь, это внешний монолог. Он произносится «не про себя», а вслух и позволяет с большей экспрессией передать душевное состояние героя. Следующий тип монолога, который мы выделяем в пьесах В.И. Мишаниной, – это обращение к животным. Нередко герои драматурга являются одинокими, нуждающимися в общении людьми. Поэтому психологическое состояние героев он изображает посредством беседы с животными. Использование драматургом исповедной речи как психологического приема также оправданно, так как исповедь по своей природе означает рассказ о сокровенных мыслях и желаниях, в котором раскрывается внутреннее состояние героя.

Литература

1. Есин А.Б. Принципы и приемы литературного произведения. М.: Флинта; Наука, 2000. 248 с.
2. Малькина М. Ингольден вал // В.И. Мишанина Вальмафтома куд. Саранск: Морд. кн. изд-вась, 2002. С. 5-8.
3. Мишанина В.И. Босиком по облакам: пьеса // Венок родной земли: пьесы финно-угорских драматургов России / сост. и ред. А.В. Попов. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2008. С. 143-171.
4. Мишанина В.И. Вальмафтома куд: повесть, азкст, пьесат [мордов.-мокша яз.]. Саранск: Морд. кн. изд-вась, 2002. 320 с.
5. Мишанина В.И. Девочка из племени перепёлки: пьеса / В.И. Мишанина // Венок родной земли: пьесы финно-угорских драматургов России / сост. и ред. А.В. Попов. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2008. С. 171-190.
6. Мишанина В.И. Ёронь юромста стирня: азкст, пьесат, повесть, ёфкст [мордов.-мокша яз.]. Саранск: Морд. кн. изд-вась, 2006. 344 с.
7. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы: учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов. 4-е изд., испр. М.: Просвещение, 1971. 464 с.

БОРЕЙКИНА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА – аспирантка кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания, Мордовский государственный педагогический институт, Россия, Саранск (cugunda@mail.ru).

BOREYKINA TATAYNA PETROVNA – post-graduate student, Mordovian State Pedagogical Institute, Russia, Saransk.

УДК 398.221

И.Г. ЗАКИРОВА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВА ДУШИ В ТЮРКСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: душа, голова, кровь, палец, эпос, сказка, герой.

Проанализированы верования и представления тюркских народов, связанные с мотивом «душа». Душа рассматривается как главная ценность и связующее звено всех трех миров. Вокруг нее сконцентрированы все обряды и ритуалы.

I.G. ZAKIROVA

REPRESENTATION OF THE SOUL'S MOTIVE IN THE TURKIC EPIC TRADITION

Key words: soul, head, blood, finger, epos, tale, hero.

Beliefs and view of Turkic people connected with soul's motive were analyzed. Soul is considered as the main value and connecting link of all three worlds. All ceremonies and rituals are concentrated around it.

В тюркском фольклоре и мифологии сохранилось много верований и представлений, связанных с понятием «душа». Фольклор и мифология представляют душу как «вечное начало, дающее телу жизнь и способное существовать вне его» [7. С. 772].

Иначе говоря, душа бессмертна, нематериальна, т.е. духовная часть живого существа, основная ценность его существования.

Одним из первых исследователей, уделивших внимание понятию душа, был Эдуард Тэйлор. В работе ученого «Первобытная культура» дается определение понятия души, объясняется происхождение различных верований, связанных с душой. Проанализировав мировоззрения и верования, касающиеся таких явлений, как сон, сновидение, болезнь, смерть, ученый заключает, что они связаны с представлением души в виде некой заключенной в теле человека субстанции – «тонкого, невещественного человеческого образа» [8. С. 259-345].

В тюркском фольклоре душа также представляется в виде такой «субстанции», составляющей причину жизни. В тюркских языках существует много слов для обозначения души и ее состояния. Например, *тын-тун*, *кут-кот*, *сур-суне* и др. В настоящее время в татарском языке слово *тын* сохранилось в значении «дыхание». *Тын* – дыхание свойственно только живым существам, поэтому отсутствие дыхания означает смерть. Во многих тюркских языках это слово сохраняет значение «душа». Так, в алтайском языке *тын чыгу* означает «отлет души», *тын өзелү* – смерть, в тувинском – *тын* «жизнь, существование». В татарском языке выражения *тынып калу* и *тынсыз калу* в определенной степени сохранили древнее значение слова. Связь дыхания с душой прослеживается и в русском языке. Не случайно сами слова *дыхание* и *душа* являются однокоренными.

Второе слово, используемое для обозначения понятия «душа», это общетюркское *кот*. Слово *кот* (или *кут*) имеет много значений. Из них нас интересуют значения «душа», «дух», «сила жизни». Эти значения слова сохраняются в пословицах и поговорках татарского народа. Из выражений *котым очты (чыкты)* (досл. моя душа вылетела(вышла)) – «чуть не умер со страху, испугался до смерти»; *котым ботыма (табанга, тубыкка) төште* (досл. моя душа опустилась до бедра (пятки, щиколоток) – «душа ушла в пятки» можно заключить, что кот – душа может выходить из тела или перемещаться по нему.

Как известно, душа-жизнь является связующим звеном между разными мирами. Она дается свыше, живущие на земле всю свою жизнь борются за ее сохранение, берегут ее и боятся ее потерять. После смерти душа человека перемещается на «тот» свет, т.е. в мир мертвых.

В фольклоре сохранились богатые сведения в виде различных мифологических представлений о месте, где расположена душа человека, т.е. о месте души. Древние верования связывают душу с кровью. Их возникновение вполне объяснимо – человек, потерявший всю кровь, перестает жить. Древние, наблюдавшие такое явление, отождествляли душу с кровью. Кровь бывает только у одушевленных субъектов и свидетельствует о том, что они относятся к среднему миру – миру людей. А отсутствие у героя крови, наоборот, доказывает, что он является не человеком, а представителем другого мира. В тюркских эпосах также встречаются герои без крови. Например, главный герой алтайской версии эпоса «Кузы-Курпач и Баян-Слу» – общего наследия всех тюрков – описывается таким образом:

Козын-Эркеш юноша
Богатырем родился,
Кровью истечь – у него крови нет;
Умереть – у него души нет [4. С. 205].

В татарской версии эпоса «Идегей» также прослеживается представление о связи души с кровью, душа героя покидает его вместе с кровью. У монгольских народов богатыри просят убить их, не проливая крови. В этом случае герой надеется на сохранение своей души и реинкарнацию. Например, в памятнике письменности монгольского народа «Сокровенное сказание» («Юань-чао би-ши») анда Тимучина Чжамуха просит убить его без пролития крови.

Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови [3. § 201].

В этих строках также прослеживается вера в то, что человек, не потерявший крови, не умирает, а просто переходит в иной мир.

Отождествление крови с душой есть и в религии. В Библии запрет на использование крови в качестве пищи объясняется следующим: «Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» [Ветхий завет. Левий: 17,14]. Ислам также запрещает употреблять кровь в пищу.

Согласно тюркскому фольклору и мифологии, душа может размещаться в различных органах. Одним из такихместилищ души является голова. На основе верований о голове как носителе души сформировался образ Кисек баша (досл. отрезанная голова). Например, в средневековых письменных памятниках «Кисекбаш», «Джумджума Султан» Хисама Кятиба головы героев продолжают жить после отделения от тела.

В фольклоре мотив Кисек Баш представлен в эпосе «Ак Кубек». Голова Коден хана продолжает разговаривать и после того, как Ак Кубек отрубает ее. В эпосе «Огуз хан» есть строки, также связанные с этим верованием: «Я отдаю тебе свою голову, свою душу» (др.-тюрк.: *men senä başumni gutumni berämen*) [2. С. 471]. В этом примере понятие душа выражено словом *kom*.

В татарских пословицах и поговорках голова представлена как самый нужный орган: *Баш исән булсын* (досл. пусть голова будет жива) «была бы голова цела»; *Баш исән булса, мал табыла* (досл. если голова будет жива, богатство найдется) «будем живы – наживем».

Второе место, где может храниться душа человека, это палец. Известно, например, что турки отождествляли большой (или средний) палец с самим человеком. Большого пальца у большинства животных не бывает, поэтому его наличие является признаком, свидетельствующим о том, что герой относится к миру людей.

В эпосе «Алтай-Буучай» душа богатыря находится в большом пальце:

Иного способа придумать не могли.

«Два больших пальца (рук)

Надо отрезать», – сказали.

И два больших пальца

С хрустом резать стали [6. С. 45].

Только после того, как были отрезаны большие пальцы, душа богатыря покидает его тело.

Вера в то, что душа может храниться в пальце, нашла отражение и в татарских сказках. Например, в сказке «Злом – на добро» есть такой эпизод. Старуха Жалмавыз (Бабая-Яга) проглатывает богатыря и не хочет его выплевывать обратно. Ее убивают, но герой не находится. В конце концов разрезают большой палец старухи и из него выходит маленький человек [9. С. 208]. В сказке «Айгали» человека, которого проглотила Убырлы (Баба-Яга), также находят в ее пальце. В сказке «Танбатыр» большой палец Убырлы оказывается самой Убырлы. И в этой сказке душа человека хранится в пальце, или он является копией человека.

В эпосах одним из условий сохранения души является цельность костяка. Для сохранения души также необходима прочность костей. Пожелание родителей, отдающих детей в мектеп или медресе: *Мясо – вам, кости – нам*, означает: «Главное, чтобы кости были целы!».

В эпосах для оживления героя необходимо вернуть все его кости на свои места. В эпосе «Козын-Эркеш» для того, чтобы умертвить героя, необходимо разъять каждый сустав:

– Кости мои, пересчитывая, по суставам режь [4. С. 228].

В сказках и эпосах сохраняются разные представления о том, что душа может существовать вне тела, даже вдалеке от тела и храниться в совершенно посторонних предметах. В сказках душа таких персонажей, как Дию, Дию пәрие – Див, находится далеко. Для того, чтобы победить (убить) его, герою приходится завладеть его душой, преодолев множество препятствий. В сказке «Одиннадцатый Ахмет» душа царя джиннов находится не в его теле, а на далеком острове. «Нет, – говорит старик, – моя душа не поблизости, в 150 верстах отсюда есть одно озеро, посередине этого озера есть один остров,

посередине острова есть утиное гнездо, в утином гнезде есть четыре яйца, внутри них находится моя душа» [9. С. 285].

Существует также связь души эпического героя с его оружием. С момента завладения героем предназначенным именно для него оружием между ними возникает своеобразная связь. Выпустить из рук оружие для героя означает гибель, так как его можно убить только его собственным оружием. Например, в тобольской версии эпоса «Ак Кубек» Мангыш отдает свой меч Ак Кубеку, чтобы тот смог убить его. В эпосе «Козын-Эркеш» Козын-Эркеш, потерявший смысл жизни, вручает врагу свое оружие. В этом же эпосе для того, чтобы вылечить рану и воскресить Козын-Эркеша, необходимо сначала соединить части сломанного кинжала.

Алмазный нож с желтой ручкой
Переломленный оказался.
Байым-Сур красавица
Алмазный нож подняла,
Целебной водой его облила,
Белым можжевельником окурила,
В белый шелковый платок завернув,
На груди его подержала...
Алмазный нож вновь целым стал,
Козын-Эркеш богатырь
Глаза открыл [4. С. 285].

В этом отрывке душа Козын-Эркеша непосредственно связана с его оружием.

В татарском языке существует выражение *сулыш өрү* (досл. вдохнуть дыхание), означающее «вдохнуть жизнь». В дастанах и сказках этот процесс оживления героя называется также *тын өрү*. В таких случаях душа описывается также в виде легкого ветерка. В татарской сказке «Турай батыр» мать героя оживляет умершего сына своим теплым дыханием.

Понимание того, что жизнь преходяща, что она может оборваться в любой момент, породила у древних представление души в виде тонкой нити.

В эпосе «Козын-Эркеш» встречается сравнение души с нитью или волосом:
Как волос, тонкую душу его
Я порвал [4. С. 230].

В татарском языке есть выражения *тыны өзелү, жаны өзелү, гомер жебе өзелү, өзелү*, означающие смерть, в которых отразилось такое представление. Существует также выражение *жан жебе*.

В тюркском фольклоре и литературе встречаются выражения *жан кошы* (досл. птица души), *күбәләк жан* (досл. душа-бабочка), *чебен жан* (досл. душа-муха). В киргизском эпосе «Манас» есть выражение *душа как муха*. В башкирской поэме «Урал-батыр» душа сравнивается с бабочкой. В татарской сказке «Красный петух» душа человека описывается в виде желтой мухи. Пока человек спит, его душа в виде желтой мухи вылетает из тела. И только после того, как муха возвращается и влетает в рот человека, он просыпается.

Когда человек умирает, душа покидает его в виде выдоха или дуновения ветра. И если даже душа живого человека представляется в виде человекоподобного образа, она никогда так конкретно, в виде реального, материального существа, не изображается. А после смерти душа как бы материализуется и в мифологии и фольклоре чаще всего представляется в виде птицы. Вообще, тюрки представляли, что душа умершего человека отлетает в виде голубя. В поэме Кул Гали «Кыссаи Юсуф» отражено это представление:

И светлая душа, от тела отделяясь,
Взлетела птицей в рай на небеса теперь [5. С. 577].

Герои сказок также покидают этот мир, перевоплотившись в птицу. Например, в сказке «Зухра» герой, разочаровавшийся в жизни, и дети улетают, превратившись в птиц. «Встрепенулась Зухра раз, другой и обернулась сизой голубкою» [9. С.124].

Таким образом, сохранившиеся в тюркском фольклоре и мифологии верования и представления, связанные с понятием «душа», позволяют судить о том, что душа является ценностью, данной небесами. Именно она является признаком, отличающим человека от представителей других миров. Она может храниться не только в разных частях тела, но и вне его. Она живет в теле человека как нематериальная субстанция и не исчезает после его смерти, может воплотиться в нечто материальное, например птицу или бабочку, или реинкарнировать.

Литература

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1989. 2535 с.
2. Древний тюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
3. Козин С.А. Монгольская хроника 1240 г. / Институт востоковедения АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. I.
4. Козын-Эркеш // Алтай-Буурай. Ойротский народный эпос / под ред. А. Коптелова. Новосибирск: ОГИЗ – Областное государственное изд-во, 1941. С. 199-240.
5. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / тез. Н. Хисамов. Казан: Дом печати, 2008. 604 б.
6. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.
7. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Матбугат йорты» нәшрияте, 2005. 848 б.
8. Тәйләр Ә. Первобытная культура. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. 568 с.
9. Әкиятләр. Татар халык ижаты / Томны төзүчеләр, искәрмәләрне хәзерләүчеләр Гатина Х.Х., Ярми Х.Х. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. Т. 1. 408 б.

ЗАКИРОВА ИЛЬСЕЯР ГАМИЛОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии Наук Республики Татарстан, Россия, Казань (ilzakirova@mail.ru).

ZAKIROVA ILSEYAR GAMILOVNA – candidate of philological sciences, senior scientific worker of Folklore Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov Academy of Science of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 398.224

И.Г. ЗАКИРОВА

СКАЗАНИЕ О БАЧМАН ХАНЕ

Ключевые слова: Бачман хан, Золотая Орда, предания, легенды, родословные, остров.

Исследованы предания о народном герое, предводителе народных восстаний эпохи Золотой Орды Бачман хане. Имя Бачман хана сохранилось в татарских дастанах «Туляк» и «Дафтар-и Чингиз-наме», исторических трудах Джувейни, Рашид-ад-дина, Н.Я. Бичурина, татарских родословных и генеалогических преданиях. Образ Бачман хана является своеобразным символом народной непримиримости.

I.G. ZAKIROVA

LEGEND ABOUT BACHMAN KHAN

Key words: Bachman Khan, Golden Horde, stories, legends, lineage, island.

In the article was analyzed stories about Bachman Khan, he was national hero, leader of national revolts during the period of Golden Horde. The name of Bachman Khan was saved in Tatar dastans «Tylyak» and «Daf-tar and Genghis name», in historical works of Guveini, Rashid-ad-din, N.Y. Bichurin, in Tatar lineages and stories. Bachman Khan's character it's idiomatic symbol of national intransigence.

В татарском дастане «Туляк и Сусылу» сохранилось имя Бачман хана. Дастан начинается с повествования о месте проживания, любимых увлечениях Бачман хана: «Говорят, что жили на свете Бачман хан и Чачдар хан. В прежние времена жили они у реки Урал. Бачман хан был наследственным ханом, имел свой народ, много добра, денег. Владел большими территориями. Его любимым занятием была соколиная охота» [9. С. 237-238].

В дастане указывается точное место проживания Бачман хана. Говорится, что ему принадлежат большие территории, что у него много народа, и он очень богат. Такое начало с указанием владений хана претендует на достоверность, что характерно не мифологическим, каким является дастан «Тулак и Сусылу», а историческим дастанам.

Имя Бачмана упоминается и в сборнике дастанов «Дафтар-и Чингиз-наме». В разделе «Дастан о местах и городах» говорится: «Ак Тубэ был домом Бачман хана» [4. С. 37]. В данном разделе перечисляются известные ханы с указанием их владений. Анонимный автор «Дафтар-и Чингиз-наме» перечисляет Бачмана в одном ряду с реальными ханами периода Золотой Орды, такими, как Токтамыш, Джанибек, и величает его ханом.

Объясняя, где расположено Ак Тубэ, М. Усманов пишет: «Не принимая во внимание незначительные местности и их названия, самое известное в Восточной Европе географическое название Актубэ образовано от названия реки. Вернее, большое русло, которое отделяется от Волги в районе нынешнего Волгограда и течет почти до самой Астрахани, в средние века называлось Актубэ. В «Дафтар-и Чингиз-наме», на мой взгляд, имеется в виду тот Актубэ» [9. С. 287].

Упоминание имени этой личности в двух дастанах указывает на её популярность в народе. На то, что он был известной личностью, указывает и тот факт, что сказания о нем зафиксированы одновременно в нескольких исторических трудах. Варианты сказания о Бачман хане сохранились в трудах персидских историков. Каждый из авторов интерпретирует сказание сообразно своему восприятию и пониманию.

В книге Джувейни «Тарих-и-джехангуша» Бачман хану посвящена отдельная глава. В ней говорится о том, как монголы овладели «пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других». Не желавшие преклонить голову беглецы объединились вокруг спасшегося «кипчакского негодяя» Бачман хана. Они, перемещаясь с места на место, постоянно меняли свое убежище. Поэтому монголы их долго не могли обнаружить. Зная, что они никогда не удалялись далеко от Волги, Менгу хан вместе со своим братом Бучеком по обеим сторонам Волги начинают поход на Бачман хана. По велению Менгу-хана на каждое из подготовленных 200 судов были посажены сотни хорошо вооруженных монгольских воинов. В лесу на берегу Волги преследователи обнаруживают стан (стоянку), которую недавно покинули беглецы. От оставшейся там больной старушки они узнают, что здесь был Бачман хан, который в данное время со всем имуществом укрывается на острове. Привлекает особое внимание интереснейшее явление. Удвигающегося по берегу Менгу хана не было кораблей, даже переплыть бушующую реку было невозможно, не то что погнать туда лошадей. Под напором подувшего в этот момент сильного ветра вода ушла из мелководья и открыла место переправы. Менгу хан приказывает немедленно перейти на остров и захватить удальцов. Бачман хан не успел даже осознать происходящее, как его войско было разгромлено, а сам он был взят в плен. Когда захватчики вышли на берег, вода опять вернулась в прежнее русло. Ни один монгол не пострадал от воды. Бачмана приводят к Менгу хану, и он просит, чтобы последний убил его собственноручно. Но Менгу хан поручает это сделать младшему брату Бучеку, который разрубает Бачмана пополам [5. С. 37].

Эпизод смерти Бачман хана связан с древними поверьями тюрко-монголов. Бачман хан сам просит, чтобы его убили. Ханы и богатыри могли сами выбирать себе смерть, и, как правило, таких людей убивали без пролития крови. Такая смерть давала возможность возродиться. И, наоборот, расчленение тела

и пролитие крови означали полное истребление его души. Тем самым Джувейни еще раз подтверждает, как монголы боялись Бачман хана.

Из рассказа видно, что Джувейни как бы ни был субъективным и недоброжелательным по отношению к Бачману, не смог скрыть мощь восставших. Тот факт, что против восставших поднимается Менгу хан с самым сильным войском, ясно говорит о том, что восставшие представляли большую опасность для монголов. Джувейни не скрывает своего негативного отношения не только к Бачман хану, но и к завоеванным народам. Восставших на борьбу против завоевателей он сравнивает с волками или шакалами, пытаясь представить их как обыкновенных разбойников-грабителей. Несмотря на наличие реалистических тенденций, в описании он применяет сказочный мотив, изображая природное явление как сверхъестественную поддержку. Джувейни называет Бачмана не по имени, а лишь «кипчакским негодяем», никогда не употребляя титул «хан». Автор также игнорирует то, что у тюркских народов женщины наравне с мужчинами сражались за свои земли. Следовательно, спасаясь от врагов больная бессильная старушка никак не могла предать своих соплеменников, поэтому данный эпизод не соответствует исторической действительности. Высказывания Джувейни говорят о том, что он был ярким сторонником монгольских завоевателей. Этому труду Джувейни не достает исторической объективности.

Рашид-ад-дин в книге «Джами ат-теварих» приводит рассказ о Бачман хане. То, что он повторяется почти слово в слово, также говорит о том, что он взят у Джувейни. Правда, Рашид-ад-дин не награждает Бачман хана отрицательными эпитетами и не сравнивает его с волком или шакалом.

Бегство Бачман хана на волжский остров, отлив воды перед преследующим его Менгу ханом описываются по-другому: «Вдруг поднялся сильный ветер, вода забушевала и ушла в другую сторону с того места, где переправлялись на остров» [6. С. 36]. В этом случае отлив воды описывается естественным природным явлением.

Сказание о Бачман хане сохранилось и в китайских источниках. Китайские источники трактуют образ Бачман хана не как образ разбойника без роду и племени, а как гордого правителя. Сказание о Бачмане в свои «Истории первых четырех ханов из дома Чингизова» включил и Н.Я. Бичурин [3. С. 272, 303-304]. В отличие от описаний Джувейни, здесь Бачман хан изображается как истинный народный герой. Автор выражает Бацимаку (Бачману) свое уважение как борцу за свободу.

В отрывке говорится о том, что когда [Мунке] напал на кипчаков, один из их старейшин по имени Бацимак скрылся на острове. Узнав об этом, хан спешно направился с войском на остров. Под напором сильного ветра вода ушла из мелководья, тем самым открыла проход на остров. Обрадованный хан, приговаривая: «небеса сами открыли дорогу», проник на остров, разгромил войско Бачман хана. Самого хана он взял в плен. В дальнейшем из текста становится известно, что Бачман хан был не простым человеком, а гордым, властным, авторитетным ханом государства. «Хан приказал ему встать на колени, но Бацимак сказал: «Я был владельцем государства и могу ли дорожить жизнью? Сверх того, я не верблюд, для чего мне становиться на колено?» [3. С. 303]. Из ответа Бачман хана видно, что он позиционирует себя как хан, а хану, потерявшему свое государство и власть, не страшно расстаться с жизнью. Смерть он воспринимает как знак судьбы. «Я, убежав в море, воображал себя рыбой, но взят в плен. Так небу угодно». Герой, смирившись с судьбой, проявляет заботу о своих врагах: «Теперь приближается время возвращения воды, и войскам надобно заблаговременно предпринять обратный путь» [3. С. 303].

Китайские историки не скрывают восхищения гордым поведением плененного Бачман хана. И свое поражение, и смерть Бачман хан принимает как судьбу, объясняя, что «так небу угодно». И в тенгрианстве, и в исламе принято считать, что судьба человека predetermined свыше. Древние турки верят, что их судьба записана в книге судеб и нельзя избежать или изменить написанную судьбу.

Следовательно, имя Бачман хана было для народа символом борьбы за свободу, и таким оно вошло и в исторические труды. В действительности точно не известно, кем был Бачман хан и занимал ли он трон. Джувейни рисует его как простого человека: «...между кипчакскими негодями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединились группа беглецов» [5. С. 24]. В таком случае Бачман – всего лишь сильная личность, обладающая организаторскими способностями. А Рашид-ад-дин награждает Бачмана титулом «эмир». «Бачмана, одного из бесстыднейших эмиров тамошних, из народа кипчаков, из племени ольбурлик» [6. С. 35]. Следовательно, Бачман был эмиром кипчакского рода «олбурлек», а значит, был главой рода. В китайских источниках указывается, что у него было свое государство.

Из приведенных выше сведений видно, что Бачман представлял собой реальную угрозу для монгольских завоевателей. В памяти народа он сохранился не эмиром или ханом, а богатырем, сражавшимся за свободу отчизны, настоящим ханом. Имя Бачман хана сохранилось и в родословных. Например, в имеющей свыше двух десятков вариантов родословной Кара бика [2. С. 15] упоминается имя Бачман хана. Говоря о том, какую ценность представляет родословная Кара бика в истории татарского народа, М.Ахметзянов пишет: «Родословная Кара бика дает представление об истории переселения в конце XIV века татарских племен (угыз-кыпчаков) с Крыма и Кавказа в Булгарский улус Золотой Орды» [2. С. 15]. Второй вариант этой же родословной начинается с известного философа Сократа, вторым указывается Пачман [2. С. 16]. «Указанный в родословной род Сократа Хакима является следствием распространенной в Золотой Орде одной исторической концепции. Среди правителей Золотой Орды была распространена тенденция связывать начало государства с античной цивилизацией», – пишет М. Ахметзянов, объясняя эту традицию [2. С. 15]. М. Ахметзяновым записаны и генеалогические сказания, связанные с именем Бачмана. Например, ученый в 1976-1978 гг. в деревнях Агрызского района Татарстана записал предание, в котором также упоминается имя Бачмана. В нем он объявляется потомком Александра Македонского. «Пачман хан вышел из города Эрзарум, пришел к истокам реки Сакмар, обосновался там и жил. Наш дед – потомок непобедимого Александра Македонского. У истока Сакмара построил город и правил там» [1. С. 183]. М. Ахметзянов приводит несколько вариантов генеалогической родословной, в которых Бачман хан показывается как сын Сократа (Сенкората) или Александра Македонского. Эти родословные сохранили информацию о том, что Бачман хан пришел издалека.

Такая же информация присутствует и в «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова. В ней говорится о том, что Бачман хан пришел из Крыма и поселился на берегу реки Урал. «В малой Татарии, то есть близ Крыма, был ногайский хан именем Басман, но пред коликими годами того не помнишь, который по бывшем там великом моровом поветрии, оставя прежнее свое жительство, в семьнадцать тысяча кибиток перешел к реке Яику, и близ Сакмарского устья на горе в расстоянии от Оренбурга шесть верст, где ныне поставлен маяк, построил город, и именовал Актюба» [8. С. 68].

Из легенды, запечатленной в труде П.И. Рычкова, становится известно, что Бачман хан жил на территориях, описанных в персидской истории. На реку Урал он бежал вместе со своим народом (17 тыс. подвод) от распространенной тогда в Крыму эпидемии.

Д.М. Исаков пишет об этих родословных: «Правда, от Кара бека до Бачмана числа поколений маловато. Но в родословной они могли сократиться, в том числе и из-за путаницы в коленах, а некоторые признаки такой путаницы в отдельных вариантах генеалогии Кара бека наблюдаются» [7. С. 36]. Ученый приходит к выводу, что и в родословной Кара бека, и в легенде, зафиксированной П.И. Рычковым, речь идет о султанине Бачмане, который воевал против монголов.

Следовательно, в трудах персидских историков сохранилось имя народного героя Бачман хана, сведения о котором имеются и в родословных. И в родословных, и в сказании, запечатленном в труде П.И. Рычкова, идет речь о Бачман хане, переселившемся на реку Урал. И в книге П.И. Рычкова, и в «Дафтар-и Чингиз-наме» указано, что Бачман хан жил в Актюбе.

Таким образом, Бачман хан был родом из кипчакского племени «олбурлик». Он собрал вокруг себя народы Поволжья и Приуралья, не желавшие подчиниться монголам. Восставшие организовали сильное войско и представляли большую опасность для монгольских завоевателей. Против Бачмана выступили монгольские войска под предводительством самых храбрых военачальников – Субэдэя и Мунке. Бачман и его сторонники потерпели поражение, а сам Бачман был жестоко убит. В татарском дастане и родословных, персидских и китайских источниках сохранилось имя Бачман хана, героя, воевавшего против монгольских завоевателей, сколотившего своеобразный партизанский отряд. Имя хана стало символом народной непримиримости. В фольклоре запечатлены самые характерные черты этой личности.

То, что имя эпического героя повторяется в разных источниках, еще раз доказывает, что речь идет о конкретной исторической личности.

Неизвестный автор, зафиксировавший в рукописи дастана эпизод из жизни исторического Бачман хана, сохранил в истории имя этой личности.

Литература

1. Ахметзянов М.И. Ногайская Орда: Историческое наследие татарского народа. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 343 с. (на тат. яз.).
2. Ахметзянов М.И. Татарские родословные. Казань: Тат. кн. изд-во, 1995. 128 с. (на тат. яз.).
3. Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингизова. СПб., 1829.
4. Дафтар-и Чингиз-наме / ред. и прим. С. Гилязутдинова. Казань: Иман, 2000. 41 с.
5. Из «Истории завоевателей мира» Джувейни // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 20-24.
6. Из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 27-79.
7. Исаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю Волго-Уральских татар XV-XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.
8. Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.
9. Усманов М.А. По следам рукописей. Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. 463 с. (на тат. яз.).

УДК 821. 161. 1 (045)

Т.Н. ПАЛЬКИНА, Е.А. ЖИНДЕЕВА

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИСКРЕТНОСТИ СЮЖЕТНОГО НАЧАЛА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА
И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В РОМАНЕ Г.И. ПЕТЕЛИНА
«БЕЗГРЕШНЫ ТОЛЬКО БОГИ»***

Ключевые слова: дискретность сюжета, художественное время, категория времени, время повествователя, время персонажа, ретроспекция.

Исследована специфика взаимосвязи человека и общества в пространственно-временном контексте на примере одного романа. Рассмотрена временная организация художественного произведения на примере романа Г.И. Петелина «Безгрешны только боги». Доказывается положение о том, что использование категории времени в художественном произведении служит определенным композиционным приемом.

T.N. PALKINA, E.A. JINDEEVA

REPRESENTATION OF PLOT BEGINING'S DISCRETENESS IN THE CONTEXT OF TEMPORAL ORGANIZATION OF HUMAN AND CIRCUMSTANCE CORRELATION IN G.I. PETELIN'S «ONLY GODS ARE SINLESS»

Key words: discreteness of the plot, artistic time, category of time, time of the narrator, time of the character, retrospection.

The article is devoted to the specific of relations between human and society in spatio-temporal context on the example of a certain novel. The author investigates time organization of artistic work on the example of G.I. Petelin's «Sinless are only Gods». The work proves that the use of the category of time in artistic works serves a certain composite means.

Теория темпорального развития художественного текста в современном литературоведении занимает особое место. Проанализировав работы таких литературоведов, как Бахтин М.М., Гальперин И.Р., Лотман Ю.М., Михайлов Н.Н. и др., обращавшихся к проблеме художественного времени, мы пришли к выводу, что временные представления в литературном произведении разнообразны. Возможны образы времени биографического, исторического, космического, календарного, суточного и т.п. По особенностям художественной условности время делят на абстрактное (всеобщее) и конкретное (привязывающее действие к историческим ориентирам). Между абстрактным и конкретным временем в литературоведении не обнаруживается четкой границы. Более того, такие «смещения» индивидуальны и зависят от замысла писателя.

Бинарный подход к изображению категории времени Н.Н. Михайлова существенно дополняет и уточняет В.А. Лукин, выдвигающий трехзначность исследуемой категории. Так, в работе «Художественный текст: Основы лингвистической теории» ученый предлагает следующие виды времени: а) объективное, или календарное, время; б) собственно текстовое, или событийное» [6. С. 57].

Известно, что ощущение времени для человека субъективно, оно может сжиматься или растягиваться. Эту особенность художники слова по-разному используют в своих произведениях. Мгновение может длиться вечно или вообще остановиться, в то время как большой промежуток времени может быть представлен автором как очень короткий отрезок времени. Таким образом, временная перспектива художественного произведения по воле автора может изменяться и смещаться: прошедшее время реализовываться как настоящее, а будущее – как прошедшее. Использование категории времени в художественном произведении, таким образом, превращается в определенный композиционный прием.

Указывая на существование реального времени и времени литературного, Н.Н. Михайлов делает важный вывод о дифференциации восприятия чи-

* Издание выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Проект «Современный литературный процесс Мордовии в контексте новейшей русской литературы» (№П 381_ГК от 07.05.2010 г.).

тателем и автором художественного произведения категориальных разновидностей. «Упорядоченное множество событий, каждое из которых может быть датировано относительно друг друга» [7. С. 66], в отличие от литературного времени, основной характеристикой которого, по мнению ученого, является то, что это «вывихнутое время», в котором все не так, как в реальном», оно «выступает как структурные связи, устанавливаемые автором между событиями создаваемого им художественного мира» [7. С. 66]. При этом структурное несоответствие позволяет описать следующую градацию, соблюдаемую практически во всех реалистических произведениях. Так, хорошо известно концептуальное время – объективированный фон художественных событий, моделирование внешней реальности в адекватных для реципиента формах и перцептуальное время – постановка реально существующих объектов в иные системы отношений, элементы приобретают особенности, присущие в реальном мире объектам совершенно иной природы, например, пейзаж – черты настроения, животные – черты разумности и свойства человеческого характера. В первом случае временная характеристика (фабульное время, время действия – историческое, биографическое, природное, социально-бытовое, событийное (приключенческое) выступает как условие совершения многообразных действий (поступки, реакции, душевные движения, жесты и мимика). Постараемся рассмотреть специфику взаимосвязи человека и общества в пространственно-временном контексте на примере одного романа.

Как каждое отдельное литературное произведение роман Г.И. Петелина «Безгрешны только боги» имеет собственное время, характеризующее отображаемый мир событий, отношений, переживаний. Автор широко использует возможности темпоральных параметров повествования: от принципа сжатия времени до рамок расширения смыслообразующих элементов, указывающих на стремление писателя выйти за рамки привычного описания сегодняшнего дня. Вследствие этого повествование включает, во-первых, значение ограниченной деятельности, различающей события, значение временного периода. Во-вторых, исследуемая категория включает значения неограниченной деятельности, текущего времени, временных изменений от прошлого к настоящему и будущему. Как и в любом другом прозаическом произведении, в романе Г.И. Петелина устанавливается условное настоящее время повествователя, которое соотносится с повествованием о прошлом или будущем персонажей, с характеристикой ситуации в различных временных измерениях. Г.И. Петелин не называет конкретных исторических дат, но, описанные автором постперестроечные явления (расцвет предпринимательства, падение некоторых нравственных устоев), указывают на то, что герои романа живут в середине 90-х годов XX в.

К изображению постперестроечного периода в жизни общества обращались многие писатели и поэты, Г.И. Петелин не стал исключением. Писатель обходит своим вниманием значимые исторические события, он изображает в своем произведении историю одной семьи, на примере которой показывает историю всей страны. Падение нравственности писатель связывает с возросшим культом власти, денег и наживы, именно эти понятия становятся объектом исследования в его повествовании.

В романе «Безгрешны только боги» наблюдается, с одной стороны, желание автора отобразить жизненный поток событий (выборы в Госдуму, открытие газопровода на селе и т.д.), а с другой – наблюдается временной механизм достижения данной цели. Г.И. Петелин в общем потоке изображаемых событий выделяет, укрупняет те из них, которые в соответствии с его творческим замыслом, являются наиважнейшими, ключевыми, и, наоборот, сжимает события менее важные. Такая дискретность позволяет создать эффект присутствия, узнаваемости общественно-политических нюансов развития России XX в.

В начале романа «Безгрешны только боги» автор прибегает к приему ретроспекции: сообщает о судьбе деда (Ильи Степановича) одного из главных героев. Илья Степанович погиб во время операции на Орловско-Курской дуге. Для писательского замысла важно показать родословную героев. Династия Князькиных (дед – Илья Степанович, отец – Антон Ильич и сын – Сергей Антонович) является, с одной стороны, типичной, с другой стороны, индивидуализируя переживания героев, автор добивается эффекта эмпатии, что важно для «узнаваемости» событий и переосмысления происходящего.

В произведении представлены три поколения рода Князькиных. Соединяя в единое целое прошлое и настоящее, Г.И. Петелин показывает нравственные изменения, которые произошли в обществе. Антон Ильич, отец Сергея Князькина, всю жизнь прожил в тяжком труде и заботе о своей семье. Сначала погиб на фронте отец, не выдержав этого удара, заболевает и умирает мать, подросток Антон взваливает на свои плечи заботу о младших, брате и сестре. Тяжелая работа, ответственность за жизнь младшего брата и сестры закалили характер Антона Князькина, позволили ему поставить на ноги своих детей. Его сын Сергей, унаследовав от отца сильный характер, занимает руководящий пост, он много добился в жизни и стремиться к покорению новых высот.

Обращаясь к изображению непреходящих ценностей и вечных людских пороков, прозаик намеренно использует цикличность. Например, описывая годы поступления Сергея в институт, Г.И. Петелин указывает на роль денег и наличие «нужных знакомых»: «Отец прихватил с собой бочонок меда и «шуршавчиков», так в шутку Князькин-старший именовал деньги.

– Не клюнут на сладкое, пушу в ход «шуршавчики».

– Не вздумай, пап, сам опозоришься и меня опозоришь! – противился Сергей.

– Ну да, скажешь тоже, опозорюсь! Да если бы не мое вмешательство, видала бы наша Вера медицинский институт. Не такие важные и видные девки получали от ворот поворот» [8. С. 17].

Тема денег в повествовании проходит определенные этапы, которые совпадают со стадиями развития сюжета: «Август 1991 года поломал надежды и мечты о продвижении по партийной линии. Начиналась новая жизнь, с новыми понятиями и веяниями. Грибами после дождя росли по городам и весям коммерческие палатки, вагончики, небольшие магазинчики. Были отодвинуты на задний план все ценности, кроме одной – деньги» [8. С. 96]. Автор неоднократно отмечает тот факт, что значимые исторические события всегда несут и нравственные изменения в обществе.

Особенно явных временных смещений в романе, казалось бы, нет, но обнаруживаемые нарушения хронологической последовательности событий, предпринимаются автором для истока нравственного падения своих героев. Таким образом, данный прием в романе выступает как средство раскрытия его имплицитного содержания – подтекста. Таким образом, дискретность сюжета позволяет увидеть, что художественное время в романе нелинейно, так как повествование о настоящем прерывается обращением к событиям прошлого.

Г.И. Петелин, создавая множественность временных точек зрения в структуре текста, позволяет проследить смену ценностей для каждого поколения. Если для Антона Ильича память о родителях, семейные ценности превыше всего, не случайно роман начинается с рассказа о том, как Князькин старший привозит на могилу матери землю с могилы отца, то для Сергея отец является обузой, он платит главному врачу психиатрической больницы за то, чтобы отец пожил там дольше. Ему легче откупиться от собственного, и, кстати, абсолютно здорового отца, чем взять его жить к себе. Он, таким образом, с помощью денег освобож-

дает себя от ответственности за своего старого отца и радуется тому, что отец не соглашается жить с ними после выписки из психиатрической лечебницы.

Тема отношений родителей и детей является неким индикатором нравственного развития общества. Но осуждение поступков детей отсутствует, писатель указывает на то, что родителям не повезло, в их одиночестве и беспомощности виноваты не дети, а время, историческая обстановка, которая выдвинула совсем другие ценности: власть и деньги. Дети, целиком погрузившись в погоню за право быть первыми, просто не в состоянии заботиться о близких. Писатель, путем замедления времени, прерывает динамику эмоционального развития героев, но в финале повествования дает персонажам романа возможность остановиться и осознать истинные ценности жизни.

Таким образом, автор констатирует тот факт, что исторические изменения и социально-экономические преобразования оказали существенное влияние на современную семью, произошли изменения в нравственных устоях семейных отношений. Если во времена Антона Ильича семья являлась институтом, сохраняющим традиционные духовно-нравственные ценности, обеспечивала единство и сплоченность семейного рода, то в двадцатом столетии семья утрачивает свою ценность как сосредоточение воспитательных начал и нравственной чистоты. Этот факт подтверждает еще одна линия произведения: связь двух семейных людей – Сергея Князькина и Марины Тружиной.

В романе представлено в обобщенном виде течение жизни отдельно взятого города, одного из тысячи российских населенных пунктов. Кроме личного, субъективного времени персонажей, в романе представлено обобщенно-общее время, социальная составляющая которого репрезентируется с помощью субъективного.

По словам М.Ю. Лотмана, «выделение событий – дискретных единиц сюжета – и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью – с другой, составляет сущность сюжета» [5. С. 238]. Таким образом, путем создания в ткани художественного текста системы эпизодов возникает «определенная локализация действия во времени и пространстве» [9. С. 42]. Подчиняя своему замыслу все элементы сюжета романа, Г.И. Петелин делает их средством выражения своего замысла, что указывает на уровень мастера художественного слова.

Литература

1. Анализ литературного произведения / под ред. Л.И. Емельянова, А.Н. Иезуитова. М.: Наука, 1976. 235 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 328 с.
4. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Наука, 1972. 324 с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство, 1972. 285 с.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. М.: Наука, 2005. 324 с.
7. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 224 с.
8. Петелин Г.И. Безгрешны только боги. Рузаевка: Рузаевский печатник, 2005. 406 с.
9. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 336 с.
10. http://vestnik-press.ru/?HUODOZHESTVENNOE_VREMYA.

ПАЛЬКИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания, Мордовский государственный педагогический институт, Россия, Саранск (palkinnattj@rambler.ru).

PALKINA TATYANA NIKOLAEVNA – post-graduate student, Mordovian State Pedagogical Institute, Russia, Saransk.

ЖИНДЕЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания, Мордовский государственный педагогический институт, Россия, Саранск (jindeeva@mail.ru).

JINDEEVA ELENA ALEKSANDROVNA – doctor of philological sciences, professor, Mordovian State Pedagogical Institute, Russia, Saransk.

УДК 821.511.152 (045)

Т.Н. ПАЛЬКИНА, Е.А. ЖИНДЕЕВА

**СПОСОБЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ
В ОБРАЗЦЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ МОРДОВИИ
В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИСКАНИЙ АВТОРА***

Ключевые слова: художественное время, поэтический текст, дискретность, религиозные искания, исповедальность, соборность, толерантность.

Рассмотрена проблема временной организации поэтического текста. Исходя из некоторых установленных положений в науке исследована специфика времени лирического на основе работ известных литературоведов (Л.Г. Бабенко, Ю.С. Степанова и др.). Говоря о специфике категории времени в современной поэзии Мордовии в контексте религиозных исканий поэта, автор обращает внимание на синтезирование темпоральных пластов за счет введения наряду с трансляцией многовекового опыта человечества индивидуальной авторской позиции.

T.N. PALKINA, E.A. JINDEEVA

**MEANS OF MODELING OF THE ARTISTIC TIME IN SIMILITUDE OF MORDOVIAN POETRY
IN THE CONTEXT OF AUTHOR'S RELIGIOUS VIEWS**

Key words: artistic time, poetic text, discreteness, religious quest, confessionarity, conciliarism, tolerance.

The article is devoted to the problem of time organization of the poetic text. The author of the article, basing on certain stated theoretical propositions, describes the specific of artistic time in lyrical. The author's theory is based on works of famous philologists, such as L.G. Babenko, U.S. Stepanova, etc. Considering the specific of the category of time in modern Mordovian poetry, in the context of religious quests of the poet, the author draws our attention to the synthesis of temporal strata through introducing of the of the individual author's position together with transmission of the centuries-old experience of humanity.

Проблеме художественного времени посвящено немало научных работ, рассматривающих ее с различных точек зрения. Все исследователи подтверждают огромное значение выделения данной проблемы для изучения истории литературы.

В современном литературоведении временная организация того или иного художественного произведения определяется позицией автора. При этом указывается, что время – это обязательный атрибут текстового пространства, организующий композицию художественного произведения. Большой интерес исследователей при рассмотрении временных отношений в тексте вызывают различные временные сдвиги, отклонения, изображение в художественном произведении нарушений реального хода событий и т.д. Так, исследованию особенностей поэтического времени посвящены работы Л.Г. Бабенко, Б.И. Бурсова, Г.А. Волошина, Г. Пуле, В.М. Фишера, А.Л. Слонимского, Р.О. Якобсона и др.

Множественность подходов к изучению феномена времени предполагает неоднозначность его толкования. Ю.С. Степанов, исследуя концепт «время», отметил, что «концепт этот столь труден уже сам по себе, да и к тому же столь запутан различными точками зрения и научными спекуляциями, что единственный способ внести хоть какую-то ясность в культурологическом отношении – это выделить в нем именно культурологический компонент, т.е. вопрос не о времени вообще, а о «времени мира» [13. С. 120].

Если пространство художественного произведения наполняется разного рода объектами и ими определяется, то время литературного текста репрезентируется событиями, а точнее их развитием и последовательностью. Именно поэтому, по словам, Л.Г. Бабенко: «оно (время) включает, во-первых, семантику ограниченной длительности, временного периода, точек времени. Во-вторых, оно включает семантику неограниченной длительности, семантику

* Издание выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Проект «Современный литературный процесс Мордовии в контексте новейшей русской литературы» (№П 381_ГК от 07.05.2010 г.).

текущего времени, временных изменений от прошлого к настоящему и будущему» [2. С.194]. Такая двойственность в толковании категории «время» находит отражение в художественном произведении. Для поэтического текста в большей мере характерен тот факт, что художник слова старается передать существенные признаки времени, изменить его ход, размыть, разомкнуть его границы, прервать однонаправленность временного потока. Конечно, вышеперечисленные факты также относятся и к прозаическим, и к драматическим произведениям, но, в большей степени, на наш взгляд, управлять временем способна, все-таки, лирика. Сама природа лирики, ее родовая специфика предполагают лаконизм высказывания. Соответственно время в поэтическом тексте строится по несколько иным законам, нежели это происходит в драматических и прозаических текстах. Автор лирического текста изображает, как правило, «противоборство чувств», которое происходит «здесь и сейчас» [2. С. 65], на котором основано сюжетостроение поэтического произведения. В этом и состоит характерная особенность временной организации лирического текста. «Часто лирический сюжет сводится к одному-единственному пространственно-временному и актантному (деятельностному) контексту (эпизоду)» [15. С. 104].

И.Р. Гальперин в работе «Текст как объект лингвистического исследования» говорит о том, что время в художественном произведении одновременно непрерывно и дискретно: «Континуум в художественном произведении одновременно непрерывен и дискретен. Когда он непрерывен, он рисует действие, деятельность; когда он дискретен, он выражает состояние или качество» [5. С. 94]. Поэтический текст, как правило, выражает состояние или качество душевных переживаний лирического героя, которые, в свою очередь, создают лирическую экспрессию. Эмоциональная диалектика становится своеобразным двигателем, определяющим центростремительные силы в лирическом сюжете, соотношение в нем самопознания и самовыражения. Благодаря соединению таких качеств в стихотворении получает емкое и точное выражение предельно напряженное состояние характера или лирического героя. Такое состояние не может быть длительным, поэтому лирический сюжет напряжен и динамичен, заявка чувства, эмоции предполагает стремительное и напряженное развитие этого чувства на протяжении всего поэтического текста.

Таким образом, для временной организации лирического произведения больше характерна дискретность, нежели непрерывность. А основой дискретности поэтического текста является описание психологического состояния человека или окружающего мира.

Отсюда появляется еще одна особенность времени лирического произведения – градация, которая включает в себя и основной способ сюжетостроения лирики, и интонационно-ритмическую, лексическую и фонетическую градации, способствуя не только емкости выражения, но и эмоциональной сложности и насыщенности. Время поэтического произведения выявляется на уровне сюжетостроения, и на языковом уровне, а также на уровне изобразительно-выразительных средств языка художественного произведения. Таким образом, категория времени в поэзии имеет свою специфику. Специфичность поэтического времени характеризуется особой субъективностью, как правило, время в поэзии передается как личное и чаще всего не разворачивается особой картиной (кроме тех текстов, где оно выступает как тема). Подтверждением тому являются образцы современной лирики Мордовии.

Русская поэзия Мордовии XX в. характеризуется обращением к вечным темам любви, добра и зла, верности, жизни и смерти и т.д. Среди такого множества проблем особое место занимают произведения, отражающие религиозные искания писателей.

При изучении литературы Мордовии в контексте духовной традиции определяющим на современном этапе является Православие, содержательный компонент которого основан на ряде добродетелей и искренней вере духовного служения Родине. Идея веры, православного мирозерцания, того, что можно назвать внутренним укладом жизни, явственно представлено в современной поэзии.

Важно отметить, что в современной науке о литературе наблюдается устойчивый интерес к изучению влияния Православия на духовно-нравственный потенциал художественного произведения как к элементу миропонимания не только отдельного писателя, но и целого поколения, представителем которого он является. Это подтверждается рядом монографических и диссертационных работ, посвященных указанному аспекту литературного произведения в творчестве русских писателей, и в связи с исследованием общих проблем развития русской литературы. Укажем в этой связи на работы А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, а также монографии современных философов и культурологов Е.С. Троицкого, М.М. Дунаева, литературоведов В.Н. Захарова, А.М. Любомудрова, Ю.И. Сохрякова, И.А. Есаулова, Т.А. Кошемчук, В.М. Пронягина, О.Е. Вороновой и др. В мордовском литературоведении до настоящего времени таких исследований нет.

Наблюдая духовно-нравственную направленность современной мордовской поэзии в контексте Православия, можно выявить и описать следующие две принципиальные авторские позиции: идея единения человека и Бога (например, творчество Р. Орловой) и изображение пути прихода человека к Богу (чаще всего через описание монашества) (например, творчество Н. Ишуткина). Религиозные искания как наиболее интересная и дискуссионная тема, с нашей точки зрения, должна рассматриваться в единстве конкретно-исторического и общечеловеческого аспектов анализа художественных образцов, что может способствовать толерантному отношению представителей различных вероисповеданий и разных национальностей. Использование структурно-типологических, жанрово-стилевых, проблемно-тематических, языковых параметров анализа такого художественного произведения дает возможность воссоздания общей картины эволюционных процессов избранной темы. Особое внимание при этом, на наш взгляд, должно быть уделено рассмотрению таких явлений современной русской литературы, как исповедальность, соборность, религиозное восприятие красоты и любви.

Примечательно и то, что специфика категории времени в такого рода стихотворении, в первую очередь, заключается в синтезировании темпоральных пластов за счет введения наряду с трансляцией многовекового опыта человечества индивидуальной авторской позиции. Остановимся на произведении одного из признанных мастеров современной поэзии Мордовии, для чего приведем анализируемый текст полностью.

Одиноки и печальны
На закате купола.
Расставаться, удивляться,
Изумляться – жизнь б ы л а...

На пороге у безмолвья
Задохаться от бессилья.
А за окнами – молчанье,
В белом саване Россия.

Вслед себе смотреть и плакать,
Отвернуться и уснуть.
...Снег в России грустный-грустный,
Тихий, как последний путь [1. С. 5].

В данном стихотворении представлена идея одновременной быстротечности и вечности жизни. Земной путь лирического героя подходит к концу, на это указывают лексемы: «была», «уснуть», «безмолвье» и т.д. А.В. Арапов в этом стихотворении говорит об уникальности, единичности, а также необратимости самого жизненного процесса, что особенно видно в финале произведения. Прибегая к широкому обобщению, поэт обращается к серьезным философским категориям жизни и вечности. Наряду с грамматикой времени в данном стихотворении большую роль играют лексические средства, которые прямо или косвенно обозначают время: безмолвье, бессилье, молчанье, саван. Именно эти лексемы в полной мере отражают философскую позицию лирического героя. Такое перечисление в пределах отрывка произведения придает форму однородной протяженности жизни, где носители статики – предмет, явление (купала, снег, закат) – рассматриваются в совокупности с носителями динамики – взгляд на вечность и собственную жизнь. Купала и снег – атрибуты вечности, они были и будут всегда, они, как бы, наблюдают за человеческой жизнью. Но вместе с тем, они указывают и на время. Снег – явление, свойственное определенному периоду. В России было такое историческое время, когда разрушение храмов привело к искоренению веры, и купола сегодняшних церквей могут рассматриваться как восстановление исторической справедливости, приближение к религиозным традициям и как восстановление национальной идеи соборности, как символ жертвенности русского народа.

В стихотворении преобладают атрибуты настоящего времени, есть только один глагол прошедшего времени: «была». Остальные глаголы даны в форме инфинитива несовершенного вида: расставаться, удивляться, изумляться, задыхаться. На наш взгляд, формы инфинитива в данном конкретном стихотворении – основной способ репрезентации повторяемости жизненных процессов, независимых от лирического героя, а возвратность глаголов указывает на одновременную безличность и субъективность данных категорий. И только в последнем четверостишии, во второй строке автор употребил два инфинитива совершенного вида: отвернуться и уснуть. Суффикс -ну- в обозначенных лексемах говорит об однократности и неповторяемости действия, что в данном контексте может трактоваться как проявление индивидуализации позиции лирического героя, поскольку действие протекает в настоящем времени, и в основе его напряженная мысль персонажа.

События стихотворения не привязаны к конкретному настоящему времени, а совершаются обычно, всегда, вечно, наличие инфинитива усиливает это ощущение. Грамматика текста несет более широкое значение, чем простое указание на временные формы, грамматические категории, а вслед за ними и вся структура стихотворения отражает напряженную сосредоточенность лирического героя на размышлениях о быстротечности собственной жизни, погруженность, связанную с особым душевным состоянием.

Немаловажна и символика стихотворения. Настроение безысходности поддерживает также особое значение образа снега, который символизирует смерть, он несет семантику мрака и холода, окончания жизни. Все художественные образы в данном произведении олицетворяют конец жизненного пути лирического героя: белый саван, купола, снег, последний путь, безмолвье. Время, как форма земного существования, мера земного бытия, противопоставлено вечности. Таким образом, время в тексте организовано при помощи репрезентации вечного времени и субъективного, личного времени лирического героя.

Примечательным является и то, что в стихотворении мы не обнаруживаем атрибутов религиозного культа. На наш взгляд, это показательно для современной поэзии Мордовии, поскольку ее представители лишь приближаются к пониманию божественных тайн бытия. О чем и свидетельствует анализируемый образец.

Таким образом, лирика, как и любой другой род литературы, призвана отразить образ художественного времени. Поэты, так же как писатели и драматурги, в основу создаваемого художественного текста вкладывают свои представления об изменчивости мира, образы времени. И все же, изображая жизнь в ее длительности, поэты отражают, прежде всего, сиюминутность чувства, которое возникает у автора или лирического героя в данный конкретный временной отрезок и характеризует авторскую позицию. Образ художественного времени выступает как средство самопознания и самовыражения. Философское осмысление времени происходит, прежде всего, через призму авторского мировосприятия, даже в том случае, если поэт обращается к изображению той или иной исторической эпохи.

Время в поэтическом тексте организовывается при помощи репрезентации взаимосвязи вечного времени и субъективного, личного времени лирического героя. Поэты, как правило, сводят воедино три времени, пытаясь осмыслить их неделимость и единство в жизненном цикле человека, которому не дано избежать ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Одной из наиболее интенсивно развивающихся тем в данном ракурсе эволюции лирики Мордовии является стремление к пониманию Божественного провидения.

Религиозные искания как наиболее интересная и дискуссионная тема, с нашей точки зрения, должна рассматриваться в единстве конкретно-исторического и общечеловеческого аспектов анализа художественных образцов, что может способствовать толерантному отношению представителей различных вероисповеданий и разных национальностей. Использование структурно-типологических, жанрово-стилевых, проблемно-тематических, языковых параметров анализа такого художественного произведения дает возможность воссоздания общей картины эволюционных процессов избранной темы. Особое внимание при этом, на наш взгляд, должно быть уделено рассмотрению таких явлений современной русской поэзии Мордовии, как исповедальность, соборность, религиозное восприятие красоты и любви.

Литература

1. Арапов А.В. Взмах: Стихи. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2001. 112 с.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 75.
4. Воронова О.Е. Поэтика библейских аналогий в поэзии имажинистов революционных лет // Русский имажинизм: История. Теория. Практика / под ред. В.А. Дроздова, А.Н. Захарова, Т.К. Савченко. М.: ЛИНОР, 2003. С. 168-173.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1982. 362 с.
6. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: православие и русская литература в XVII-XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002.
7. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Университета Пловдива, 2008. 186 с.
8. Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе 18-20 вв. СПб.: Наука, 1994. С. 6.
9. Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб.: Наука, 2006. 640 с.
10. Любомудров А.М. Влияние христианства на литературу // Евангельский текст в русской литературе 18-20 вв. СПб.: Наука, 1994. С. 364.
11. Пронягин В.М. Философско-эстетические искания в литературном процессе 20-90-х годов XX века. Владимир: Изд. лаб. ВГПУ, 1998.
12. Сохряков Ю.И. Благодатный дух соборности (о соборном характере русского художественного и философского мышления) // Русская литература XIX века и христианство. М.: Наука, 1997.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь. Словарь русской культуры: Опыт. исслед. М.: Просвещение, 1997. 482 с.
14. Троицкий Е.С. Что такое русская соборность. М.: Наука, 1993. 342 с.
15. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 336 с.

ПАЛЬКИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. См. с. 287.

ЖИНДЕЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА. См. с. 287.

УДК 821.161.1(092)Короленко:2(470.40/43)

Л.Н. САРБАШ

**РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ В.Г. КОРОЛЕНКО***

Ключевые слова: В.Г. Короленко, обряд, язычество, верования, жертвоприношение, мифология, Бог, христианство.

Проанализированы языческие обряды и религиозно-мифологические верования народов Среднего Поволжья, чувашей и вотяков, в изображении русского писателя В.Г. Короленко.

L.N. SARBASH

RELIGIONS-MYTHOLOGICAL BELIEFS OF THE MIDDLE VOLGA REGION PEOPLES
IN DEPICTION OF V.G. KOROLENKO

Key words: V.G. Korolenko, rituals, paganism, beliefs, sacrifice, mythology, God, christianity.

The article under review analyses pagan rituals and religious – mythological beliefs of the Middle Volga region peoples, chuvashes and votyaks in depiction of the russian writer V.G. Korolenko.

Русская литература XIX в. обращается к изображению инациональных явлений большого русского мира жизни, самобытности нерусских народов, населяющих Российскую империю. Писатели проявляют явный интерес к «внутренним» неевропейским формам культуры, отмечают множественность и своеобразие национально-духовных форм бытия.

В публицистике В.Г. Короленко возникают картины жизни народов Среднего Поволжья: в цикле «В голодный год», наряду с описанием голода в русских деревнях, даются эпизоды из жизни мордовских сел; в сборнике «В холерный год» описывается чувашский и русский обряд «опахивания»; в «Мултанском жертвоприношении» обстоятельно излагаются «следы родового быта» у вотяков. В сборнике «В холерный год» писатель-публицист описывает пришедшую буквально вслед за голодом холеру и принимаемые народом меры относительно «незваной гостыи». В одном ряду с русскими (жители станиц Кубани, нижегородской деревни Кузнечихи, духоворы села Славянского Елизаветпольского уезда) появляются у В.Г. Короленко другие российские народы: кавказские – ингуши и кабардинцы, поволжские – чуваша и их обычаи и обряды, применяемые «перед лицом общего бедствия». Писатель использует не только свои этнографические познания, но и информацию корреспондентов периодической печати – кавказской газеты «Каспий», казанского «Волжского Вестника», московских «Новостей дня». Ингуши проходят по подземным галереям, считая себя тем самым застрахованными от холеры; кабардинцы устраивают процессию вокруг селения с пением стихов из Корана, у чувашей Белебеевского уезда Уфимской губернии существует своя обрядность.

В.Г. Короленко описывает чувашский языческий «обычай седой старины», древний, идущий от предков обряд «опахивания» селений, ограждение заболеланий домашнего скота и людей от болезней. Писатель отмечает приверженность чувашей к языческим верованиям и дает подробное описание обрядности: «Все население чувашской деревни, по общинному уговору, вымылось в бане и оделось в чистое праздничное платье. Мужчины, кроме нескольких человек, поставленных с заряженными ружьями по околицам, остались дома, а замужние женщины и девушки вышли за деревню. Туда же был привезен и плуг (сабан). Несколько девушек и замужних (преимущественно первенцы) впрягались в этот плуг и стали проводить борозду вокруг своего селения. Другие женщины шли впереди плуга, плясали и пели песни, в которых выражали,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-22-410 а/В.

главным образом, следующие мысли и желания: «Уйди ты, беда, на сто сажень выше, на сто сажень ниже и на сто сажень в сторону от нашего селения!». У околиц это шествие, сопровождавшееся неистовым визгом женщин, останавливалось, и находившийся в засаде мужчина делал выстрел из ружья, веруя, что испугает и отгонит этим от селения незваную гостью» [3. С. 376]. В.Г. Короленко, вслед за корреспондентом «Волжского Вестника», выделяет значимые моменты языческого обряда: мытье в бане, чистое платье, проведенная вокруг селения борозда, принимающие участие в опахивании только девушки и вышедшие недавно замуж женщины, песни, отпугивающие холеру. В.К. Магницкий в работе «Материалы к объяснению старой чувашской веры» так описывает этот обряд от болезней: «...по приказанию мирского схода, наряжаются все подворно взрослые девушки, из коих одна девица – единственное детище в семье, выбирается для управления предназначенной для опахивания села сохой (ага, сога), а остальные девицы запрягаются в эту соху... распустив косы... Процессия идет вокруг деревни по солнцу» [6. С. 135-136]. Аналогичный обряд «опахивания» был и у русских, В.А. Токарев в работе «Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX веков» отмечает, что магическое значение апотропея (оберега) в данном действии придавалось и фигуре круга, и железному сошнику, и женской половой силе» [8. С. 132].

В.Г. Короленко считает, что эти «волшебные церемонии» свойственны многим народам; они даже причудливо соединяют языческое с христианским. Он обращается к действию, которое происходило в русской деревушке Кузнечихе, находившейся в верстах четырех от Нижнего Новгорода. Жители Кузнечихи тоже «опахивание» проводили в белых длинных повязках и расстегнутых одеждах; во главе толпы, впрягшейся в соху, шла девушка с распущенными волосами, которая кадила перед иконой старинного письма; при этом происходило пение молитв. Короленко этнографически точен в передаче главного и при этом общего для многих народов в этом обряде: он неизменно происходит вечером или глухой полночью, связан с землей, у чувашей и русских это опахивание деревни, проведение сохой круга. Главными участниками обряда являются молодые люди, в белых повязках, рубахах, платках, нижнем белье с распущенными волосами; у чувашей только девушки, у русских могут быть и парни; наличие огня. Писатель отмечает разнообразные внешние формы отпугивания: у ингушей проходящие по подземной галерее отплевываются; жители Малой Кабарды размахивают шашками; у чувашей крики женщин и выстрелы мужчин из ружья; у русских грабли, вилы, дубины, которыми побивается во время процессии «первое встречное существо», в которое, по поверью, вселилась холера, чтобы войти в селение; поэтому полиция принимала меры, чтобы не допустить встречи толпы с каким-нибудь запоздавшим путником. В «Мултанском жертвоприношении» Короленко, говоря о народных суевериях, пишет, что еще недавно в Сибири убили «мимо идущую холеру» в лице какого-то странника; холера умерла, как умирает человек, пришибленный колом, а убийцы были осуждены [5. С. 348]. Аналогичный обряд опахивания присутствовал и у мордовского народа, называемый «огораживание» – пирями, когда только девушки и холостые парни с распущенными волосами и снятыми поясами вели соху [7. С. 71].

В.Г. Короленко объясняет и причины широкого обращения разных народов к языческой «наивной премудрости предков»: отчуждение от господ с их непонятной и по-своему «волшебной» наукой, страх перед лицом надвигающейся невзгоды и стремление найти средства борьбы.

К народам Поволжья, их религиозно-мифологическим верованиям и обрядам, обращается В.Г. Короленко и в ряде статей, написанных в связи с возник-

шим в 1892 г. делом группы крестьян-вотяков (удмуртов) из села Старый Мултан, которые обвинялись в человеческом жертвоприношении языческим богам, ритуальном убийстве нищего Конона Матюнина. В 1895-1896 гг. В. Короленко составляет судебный отчет вторичного процесса, хлопочет о кассации обвинительного приговора, пишет статьи «Мултанское жертвоприношение», «Приносятся ли вотяками человеческие жертвы?», «Решение суда по мултанскому делу». Он читает доклад «Дело о мултанском жертвоприношении» в Петербургском Антропологическом обществе при Военно-медицинской академии и выступает в качестве защитника на третьем судебном разбирательстве в г. Мамадыше. Выступая в защиту вотяков, писатель обращается к богам и религиозным верованиям вотского народа. Он хорошо изучил разнообразную литературу, содержащую материалы по этнографии удмуртов и родственных им народов, о чем свидетельствуют упоминания имен П. Палласа, Ф. Миллера, И. Смирнова, писавших о поволжских народах. «В его архиве хранится папка с надписью «К Мултанскому делу», где содержатся обширные выписки из работ Г.Н. Потанина, П.М. Богаевского, Н.М. Соловьевского, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, А.А. Андриевского, И.Н. Смирнова. Эти выписки имеют тематический характер («Кереметь», «Мудор», «Воршуд», «Курбон» и т.д.) и сопровождаются тщательными ссылками. Выписаны предания, сказания о Луде, Керемете и другие, имеются выписки из «Народных сказок» А.Н. Афанасьева...» [2. С. 28]. Решив выступить одним из защитников, русский писатель связывается с этнографами, историками, с деятелями судебной медицины и священниками. В письме к этнографу С.К. Кузнецову, уроженцу Малмыжского уезда, знающему марийский, удмуртский, мордовский языки и состоящему секретарем Томского университета и Общества врачей и естествоиспытателей, он просит «дать защите несколько добрых советов по этнографической части». Поскольку в вызове экспертов защите было отказано, Короленко спрашивает своего адресата: «Что было бы важно прочесть и на что обратить особенное внимание? Я уже кое-что собрал, но, будучи уверен в Вашем участии, – я не так заботился обо всем этом, как это необходимо теперь... я повторяю просьбу о скорейшей присылке официальных протоколов Томского общества с Вашим докладом» [4. С. 250]. Позже, в статье «О суде, о защите и печати», В. Короленко заметил, что он отстаивал вотяков «как писатель, изучивший лучше профессиональных защитников этнографическую сторону данного явления» [5. С. 666]. А в неопубликованной статье «К Мултанскому делу» писатель ссылается и на свой жизненный опыт, позволяющий ему судить о народной жизни: «Знаю ли я при этом глубину народного невежества? Да, знаю. Я жил в той же Вятской губернии среди вотяков, жил среди настоящих подлиповцев в курных избах, жил среди полусоседных якутов, видел их беснующихся шаманов, перед которыми вотяцкие тыр-восяси могут показаться кроткими агнцами. Но именно потому, что я видел все это, я знаю не только глубину народного невежества, но и возможные его пределы...» [5. С. 743].

В.Г. Короленко дает подробную характеристику Старого Мултана: село окружено русскими деревнями, является «как бы островом среди чисто русского населения», пятьдесят лет в нем существует церковь, село служит центром православного прихода, тридцать лет дети вотяков учатся в церковно-приходской школе, а один из обвиненных в принесении человеческой жертвы Василий Кузнецов – староста мултанской церкви. Обвинение против вотяков, по мнению писателя, это и обвинение против русского народа, не способного «вековым общением облагородить соседа инородца... до степени невозможности каннибализма...» [3. С. 350]. В.Г. Короленко требует тщательного рассмотрения материалов следственного дела, которое производилось с боль-

шими нарушениями. Если же факт человеческой жертвы будет доказан, тогда, считает писатель, и следует признать, что на европейском континенте Россия донесла до XIX в. «неприкосновенным обычай каннибальских жертвоприношений» и что «у стен христианских храмов возможно принесение людей в жертву языческим божествам» [3. С. 343]. Этот факт каннибализма в «Европейской России», отмечает В. Короленко, уже дважды и был установлен несправедливым обвинительным приговором.

Обращаясь к языческим верованиям и обрядам, В. Короленко ведет полемику с «ученой экспертизой» проф. Казанского университета И.Н. Смирновым (его перу принадлежал историко-этнографический очерк «Вотяки», 1890 г.), который допускал возможность человеческого жертвоприношения у современных вотяков. Смирнов поддерживал обвинение, ссылаясь на произведения народной поэзии, на сказки, даже не вотского, а родственного ему черемисского народа, в частности на сказку о злой мачехе, требующей смерти пасынка, в связи с чем Короленко с иронией пишет о «сравнительном методе» в науке. Писатель выступает как человек, хорошо осведомленный в богах и религиозных верованиях вотского народа. Критикуя И.Н. Смирнова, он показывает, как ученый должен подходить к исследованию обычаев, бытовавших в народной среде, и прежде всего не смешивать поверья народа, существующие в виде современных обрядов, с религиозными воззрениями, потерявшими давно свой исконный смысл, уже забытыми: «Обряд остался, но его содержание изменилось...» [5. С. 367].

Короленко отмечает противоречивость «почтенного исследователя», пишет о расхождении между научными положениями книги и утверждением на суде возможности принесения человеческой жертвы. Писатель цитирует конкретные страницы историко-этнографического очерка И.Н. Смирнова, который отмечал, что большая часть языческих «явлений (верований, обрядов и созданий творчества) говорит о прошлых, пережитых эпохах духовного развития; они держатся в силу традиции, не имея подчас корней в сознании народа. Исследователь должен ими пользоваться прежде всего, как материалом для истории духовного развития народа» [5. С. 363]. Короленко пишет о соединении языческого и христианского в верованиях вотяков, это же утверждает и Смирнов, слова которого приводятся в статье «Мултанское жертвоприношение»: древние боги «Ин-Мар, Кылдысин и Квазь слились с христианским богом отцом, сыном и духом святым; воршуды – с ангелами-хранителями, а отдельные святые – с духами явлений природы» [5. С. 367]. Смирнов описывает и напольные молебны, свидетельствующие о проникновении христианского в языческую обрядность. Они происходят перед иконой, но с принесением жертвы (закалывают быка); по окончании жрецом вотской молитвы приезжает православный священник, служит молебен и освящает жертвенные яства: после молебна «священнику подносят на блюде голову жертвенного животного, священник кропит ее водой и делает на ней крест. Голова и внутренности поступают на угощение духовенства, остальное съедают молящиеся, кожа идет на церковь» [5. С. 368]. В. Короленко делает существенное замечание: Смирнов в своей книге о вотяках пишет, что при некоторых православных церквях даже устраиваются специальные жертвенники, «напоминающие своим расположением вотские дзек-квалы» [5. С. 368]. Писатель приходит к выводу, что вотяки внесли в христианскую веру «значительную долю суеверий», в их среде «живут старые обряды», но при этом, «принимая новую веру», вотьяк «все-таки подымает до нее старую». «Это не настоящее христианство, но это и не язычество в том виде, в каком оно существовало до обращения» [5. С. 349]. Поэтому и задача «ученой экспертизы» заключается в следующем: «Найти место Мултана... на пути от язычества к христианству, отыскать то, что еще живо от старых богов, или приурочить старый обряд к новой вере»

[5. С. 367, 369]. Этого-то и не было сделано. По мнению писателя, существование «языческих обрядов не может еще служить доказательством человеческого жертвоприношения» [5. С. 350]. Короленко утверждает, что у вотяков нет злого бога Курбона, которому якобы приносят кровавые жертвы, а есть бог Киреметь; слово же «курбон» означает только «моление», «жертва».

Разнообразно современными вотяками определяются и прежние языческие божества Мудор и Воршуд, которые претерпели в своей сущности значительные изменения. Опираясь на этнографические данные и следственные показания, писатель дает целый перечень определений воршуда («родовое имя», «имена давно забытых богинь», «идол, помещающийся в переднем углу квалы», «бог счастья и семейной жизни», «коробка с монетой или оловянной и свинцовой бляшкой, ложкой, хвостиком белки, золой», «христианский ангел-хранитель») и мудора («дерево-покровитель и его части – ветви», «жертва перед иконой», «икона, образ»). Сам Короленко тоже получает сведения о мудоре-воршуде при посещении Мултана: мудор – это икона, и на одной из полок родового шалаша (амбара) стоял образ Николая Чудотворца; воршуд – «обряд освящения хлебов» [5. С. 366].

Характеризует писатель и языческого бога Ин-Мара, понимание которого тоже существенно изменилось: Ин-Мар – это Господь, «бог общий», власть которого распространяется и на небо, и на землю, и на народ; Ин-Маром вотьяк называет того, кого француз определяет как «Dieu, немец Gott», а русские – как бог [5. С. 360]. Приводится Короленко и молитва, обращенная к Ин-Мару, на суде ее читает тыр-восясь Михаил Титов («Бог хлеб давал бы, здоровья давал бы»), которая совпадает с черемисской («Великий древний бог») и с христианской русской («Ижи еси на небесах, хлеб наш насущный даждь нам днесь»).

Исходя из религиозно-мифологической трансформации религиозных понятий, Короленко приходит к научно-этнографическому наблюдению: прежним богам вотяки уже не приносят жертвы, а тот, кого зовут Ин-Маром (Господом), жертву уже не принимает. Поэтому-то обвинение и экспертиза не сумели найти того бога, которому могла быть принесена человеческая жертва. «Статья В.Г. Короленко в «Русском богатстве» о Мултанском жертвоприношении содержит в себе такое талантливое освещение ряда фактов и обстоятельств в деле вотяков, что и даже самый предубежденный читатель должен сильно призадуматься над значением данных обвинения» [1. С. 3].

Литература

1. Богаевский П. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных. М., 1896. 112 с.
2. Власова З.И. Этнографическая деятельность В.Г. Короленко и ее общественное значение // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1968. Вып. IV. С. 13-30.
3. Короленко В.Г. В холерный год. Полн. собр. соч. Т. 3. СПб.: Изд-ие т-ва А.Ф. Маркс, 1914. 432 с.
4. Короленко В.Г. Письма. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 10. 717 с.
5. Короленко В.Г. Публицистика. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 9. 773 с.
6. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. 267 с.
7. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1968. 158 с.
8. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 164 с.

САРБАШ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – доцент кафедры русской литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sarbash.lu@yandex.ru).

SARBASH LYUDMILA NIKOLAEVNA – associate professor of Russian literature, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.512.111-32

Л.А. СТЕПАНОВА

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЧУВАШСКОМ РАССКАЗЕ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ**

Ключевые слова: жанр, рассказ, национальный характер, новелла, очерк, слово, повествователь, рассказчик, тема, взаимопонимание, любовь, спасение.

На примере творчества писателей С. Павлова, С. Гордеевой, Г. Максимова, Е. Лисиной, А. Волкова, А. Казанова, М. Карягиной, Г.Фёдорова, Е. Нарпи, В. Петрова проанализированы особенности чувашского рассказа конца XX – начала XXI вв.

L.A. STEPANOVA

**THE ARTISTIC TENDENCIES IN THE CHUVASH TALES IN THE END OF THE XX CENTURY –
THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Key words: a genre, a story, a national character, a short story, a sketch, a word of the storyteller, a word of the story-teller, a theme of the mutual understanding, a theme of love, a theme of rescue.

On an example of the creativity of the writers S.Pavlov, S.Gordeeva, G.Maksimov, E.Lisina, A.Volkov, A.Casanov, M.Kariagina, G.Fedorov, E.Narpi, Century of Petrov, etc. are analyzed the features of the Chuvash stories of the beginning of the XXI centuries.

Обращение к проблемам малой прозы весьма актуально для современного литературоведения. Необходимость анализа чувашского рассказа конца XX – начала XXI вв. продиктована отсутствием исследовательских работ по данной проблеме. Истории становления и эволюции малых жанровых форм посвятили ряд своих трудов П.Н. Метин, Г.Я. Хлебников, Г.И. Федоров, В.В. Погильдяков и др. Вплоть до настоящего времени проблемы становления, развития и особенностей поэтики чувашского рассказа не привлекали должного внимания чувашских ученых. Самому жанру рассказа в чувашской науке посвящены лишь отдельные статьи. Именно жанр рассказа как наиболее мобильный откликается на основные особенности исторического процесса, на события, происходящие в современной общественной жизни, психологические движения и перемены во внутренней жизни человека. Социально-мировоззренческая действительность конца XX – начала XXI вв. в чувашской литературе сформулировала философские лейтмотивы, основанные на глубоком социальном анализе жизни, осмыслении времени.

В отличие от русской литературы, которая из «дидактической» и назидаемой становится рассказывающей, повествующей о конкретных проблемах и откровенно развлекающей читателя, чувашская проза, создавая нравственно-психологический портрет человека, сохранила все же ориентацию на нравственную основу художественного мира. В противовес взрыву постмодернизма, массовой литературе в чувашском рассказе главным остался процесс осмысления духовно-нравственных ценностей чувашского этноса, философских основ человеческого бытия. Сохранение сакрального, не утраченного ведущими писателями Чувашии, свидетельствует о преемственности лучших традиций чувашской литературы «в сохранении национального образа мира и его духовных основ» [3. С. 4].

Преобразования в общественно-политической жизни страны, наметившиеся в конце XX в., а это естественным образом повлекло за собой изменения и в эмоционально-эстетическом, духовно-нравственном восприятии действительности, постепенно изменили сознание самого народа. Потребность в самовыражении народа, особенно в переломные периоды жизни, закономерно приводит к развитию наиболее «оперативных жанров публицистики и новеллистики – в первую очередь рассказа, очерка, фельетона» [7. С. 58]. История развития чувашского рассказа однозначно доказывает, что чувашский рассказ конца XX – начала XXI вв., систематически накапливая опыт пости-

жения национального духа, целенаправленно изучал и исследовал национальные образы мира, «представлял подлинно народные основы философии жизни общества, судьбы человека» [6. С. 109]. Значимым на этом пути развития для чувашских писателей стало возвращение к истокам чувашского художественного сознания, которое подпитывало прозаическую литературу. Противоречия в развитии жизни, в сознании людей, в обществе, извечные, но изменившие своё содержание вопросы добра и зла, раздумья о смысле жизни, справедливости и счастье, решении глобальных проблем природы и человечества наиболее полно и образно запечатлелись в сборниках Л. Таллерова, Хв. Агивера, Н. Максимова, П. Афанасьева, Д. Гордеева, В. Енеша, А. Васкова. В 90-х годах XX в. в рассказе происходит усиление публицистики. Это происходит «из-за особо обострённого восприятия писателями проблем действительности» [4. С. 24]. В этот период главными темами стали темы духовного обнищания и алчности человека, обличения власти, «национального самоопределения героя» (творчество Б. Чиндыкова, А. Емельянова, Д. Гордеева) [2. С. 9].

Наиболее известными авторами чувашских рассказов начала XXI в. можно назвать следующих писателей: С. Павлова, С. Гордееву, Г. Максимова, Е. Лисину, А. Волкова, А. Казанова, М. Карягину, Г. Фёдорову, Е. Нарпи, В. Петрова. В начале XXI в. появляются рассказы, в которых писатели обращаются к образам стихии, к корням этнологического сознания. Основу концептуального мира чувашского рассказа конца XX – начала XXI вв. составляют такие концепты, как «любовь», «взаимоотношение», «память», «долг», «хлеб», «дом», «дитя». Из вышеперечисленных концептов в рассказах «Мӓнкун» (Пасха) М. Карягиной, «Пӓлӓтсем» (Облака) Р. Прокопьевой, «Ҫыру» (Письмо) В. Петрова – наиболее значимым является концепт «дитя». Через него авторам удалось представить сакральное, чистое, весьма характерное для чувашского этноса. В рассказах мы наблюдаем такую особенность, как недовысказанность, незавершенность речи, её иносказательность. Среди таких произведений можно отметить рассказ «Мӓнкун» (Пасха) Марины Карягиной. В рассказе речь идёт о мальчике, который в день Великой Пасхи разбил амулет бабушки. Амулет передавался в семье по наследству девочкам. Рассказ идёт от имени мальчика. Писательница передаёт переживания мальчика, его размышления о жизни, показывает состояние его души. Мальчик боится признаться о содеянном. Ему снится странный сон, где бабушка говорит ему о том, чтобы он не опозорил род, а не то «кровь» не простит. Из его глаз вместо слёз течёт кровь. Однако в жизни просто так ничего не случается. Он переживает за мать, которая скоро должна родить девочку. Ему приснилась будущая сестрёнка, матери рядом нет, она пошла искать для неё амулет ...Просыпается... Темно.. Никого... Вышел во двор, подняв руки к небу, просит у Бога, чтобы он не забирал его мать. Вдруг он увидел себя. В этом рассказе представлена связь поколений, образ Бога присутствует на протяжении всего рассказа. Автор свои мысли передаёт через мышление маленького человечка, он «чист собой, на мир смотрит совсем ещё юными глазами» [3. С. 99]. Этот рассказ можно определить как рассказ с открытым финалом. М. Карягина даёт читателю возможность сделать самостоятельный вывод. Тема детства в чувашских рассказах начала XXI в. приобретает ведущую роль, так как тяга к чистоте помыслов не исчезает в народе, она усиливается в кризисные времена, потому и появляются темы любви и детства в рассказах чувашских писателей. Рассказ Р. Прокопьевой «Облака» показывает нам двух любящих друг друга людей – мужа и жену, у них трое детей. Автор до мельчайших подробностей изображает переживания, воспоминания Оли, которая едет домой в автобусе, скучает по детям, смотрит на облака. Дети чисты, как облака, «они чувствуют природу, помогают осознать смысл бытия» [5. С. 89].

Вопросы очищения внутреннего – это вечные вопросы, они не чужды и чувашской литературе. Избавление от тяжести греховности через чувство любви представлено в рассказе А. Казанова «Тәмха» (Тамга), где два старых человека только к концу жизни обретают свою любовь. Индира с Владиславом находят путь к «чистой» любви лишь на склоне лет [1. С. 113]. Рассказ Ф. Агивера «Йёпхүри сасă» (Удоимские голоса) тоже имеет такой настрой – мужчина, потерявший возлюбленную, только в пожилом возрасте встречается с женщиной, подарившей ему счастье. Значит, спасение появляется и в пространстве любви. Об этом в своё время писали русские писатели А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, и чувашские – Ф. Уяр, Ю. Скворцов, А. Емельянов. В переломные моменты жизни человек, как никогда, ищет спасение в любви.

Литература не стоит на месте, она развивается. Переломные, кризисные ситуации находят своё отражение в художественной литературе, так как литература не уходит от действительности, проза старается философски осмыслить драматизм человеческой судьбы, показать её трагичность. Проблема человеческого взаимопонимания сегодня приобретает особое значение. В этом отношении показателен рассказ В. Петрова «Сыру» (Письмо). Бабушка Ульяна по праздникам встаёт рано утром: режет петуха, свежует его, затем идет к соседям, просит прочитать ей письмо, посланное якобы её сыном. Сельчане знают – письмо сочинено ею же, но об этом нельзя говорить, чувствуют: человеку нужен спасительный путь.

Е. Нарпи глубоко чувствует внутреннее состояние души человека. Это видно из рассказа «Троллейбус майри» (Девушка в троллейбусе). Речь идёт о женщине Марусе, которая работает кондуктором в троллейбусе. День и ночь она трудится, зачастую выслушивает всякого рода оскорбления и в то же время умеет держать себя в руках. Кульминация рассказа – в салон автобуса заходит бомж, который оказывается её бывшим мужем. Маруся вдруг меняется, из «жёсткой» женщины она превращается в «мягкую» и спокойную, зовёт мужа домой. Она начинает смотреть на себя как бы со стороны, понимает, что с мужем была суровой. Суть рассказа в том, что человек понимает свою вину, героиня осознаёт, что была не права. Переживания главной героини автор пропускает через себя.

Ключевым в чувашских рассказах является и концепт «хлеб». Хлеб как нравственно-этическая, духовная ценность наиболее ярко представляется в рассказе Е. Лисиной «Кусок хлеба». В малой эпической форме писателю удалось сказать о самом важном в жизни – о совести, человеческой душе, цене жизни. Образ хлеба приводит писателя к осмыслению жизни чувашской деревни, жизни крестьянина-труженика, народной философии.

Таким образом, осмысление проблем взаимопонимания, сохранения чистоты помыслов, доверия, памяти – основные направления рассказов начала XXI в. В них на первый план выступает Слово Повествователя, Рассказчика, Героя. Рассказ начала XXI в. показывает внутреннее состояние человека в постоянно меняющемся мире, нравы общества, особенности характера героя, его духовные и житейские интересы. Литературный герой становится носителем национального колорита, мышления и мировосприятия, чувств и мыслей народа, осознающим смысл жизни на земле. Любовь к окружающему миру, доброжелательность, терпимость, сострадание, сочувствие являются главными «направляющими» линиями чувашского рассказа начала XXI в.

Литература

1. Казанов А. Тәмха // Тăван Атăл. 2008. № 6. С. 112-121.
2. Карягина М. Мăнкун // Тăван Атăл. 2007. № 10. С. 99-106.
3. Колядич Т.М. Русская проза конца XX века. М.: Академия, 2005. 424 с.

4. Мышкина А.Ф. Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза II половины XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 276 с.
5. Прокопьева Р. Пёлётсем // Таван Атл. 2006. № 12. С. 89-90.
6. Фёдоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950-1990-х годов. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 304 с.
7. Фёдоров Г.И. Илемлĕ сăнарлăх тымарĕсемпе хунавĕсем. 2008 сулхи проза // Таван Атл. 2009. № 6. С. 3-10.

СТЕПАНОВА ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА – методист кабинета медиатеки, Чувашский республиканский институт образования, Россия, Чебоксары (pochink@mail.ru).

STEPANOVA LARISA ANATOLEVNA – teacher trainer, Chuvash Republican Institute of Education, Russia, Cheboksary.

УДК 821.511.131-1

Л.П. ФЕДОРОВА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ УДМУРТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ключевые слова: удмуртская литература, женская поэзия, современная лирика, поэтика, женская идентичность.

Дан анализ современной удмуртской женской поэзии, выявлен индивидуальный почерк поэтесс, представляющих новую волну в развитии удмуртской лирики.

L.P. FEDOROVA

ARTISTIC AND AESTHETIC SEARCHING OF THE UDMURT FEMININE POETRY AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Key words: the Udmurt literature, feminine poetry, modern lyrics, poetics, feminine identity.

The article deals with the analysis of modern Udmurt feminine poetry, also individual handwriting of the poetesses representing a new wave in development of the Udmurt lyrics is revealed in the article.

В формировании современной литературной ситуации в России существенная роль принадлежит женскому творчеству. Возникновение феномена женской литературы – одна из ключевых особенностей русской словесности рубежа XX-XXI вв. Эта тенденция в равной степени характерна и для региональных литератур, в том числе для финно-угорских литератур России. В литературной традиции финно-угорских народов женское письмо имеет всего лишь вековую историю, и говорить о непрерывной традиции в развитии женской литературы XX столетия не приходится, периоды, в которых женская «нота» была слышна, сменялась периодами «тишины», развитие шло волнообразно. Начало нового тысячелетия ознаменовано активностью женщин в литературе всех финно-угорских республик. Мы можем назвать в каждой литературе более десяти значимых имен, определяющих сегодня вектор ее развития: коми – Нина Куратова, Александра Мишарина, Галина Бутырева, Елена Габова, Елена Козлова, Нина Обрезкова, Елена Ельцова, Анжелика Елфимова, Любовь Ануфриева, Анастасия Шомысова и др.; марийская – Альбертина Иванова, Валентина Изиланова, Светлана Эсаулова, Алевтина Мокеева, Татьяна Пчелкина, Зоя Дудина, Надежда Никитина, Зинаида Каткова, Светлана Григорьева; коми-пермяцкая – Анна Истомина, Людмила Гуляева, Нина Исаева (Бадина), Галина Бачева, Любовь Старцева (Косова), Елена Коньшина, Татьяна Павлова, мордовская – Валентина Мишанина, Мария Ерёмкина, Марина Агеева и др.).

В удмуртской литературе рубежа веков женское творчество представлено как прозаическими, так и поэтическими текстами. Последние, однако, преобладают – и в этом сказывается роль традиции, заложенной Ашальчи Оки в начале XX столетия. Эту традицию продолжает развивать четвертое поколение поэтесс – Лидия Нянькина, Ольга Ведрова, Зинаида Рябинина, Надежда Пчеловодова, Люза Бадретдинова, Екатерина Макарова, Лариса Марданова, Лариса Орехова и другие.

Удмуртская женская поэзия начала XXI в. отличается эстетическим разнообразием: в ней переплелись лирические традиции XX столетия и постмодернистские веяния рубежа веков. Новое поколение представлено молодыми женщинами-поэтами, поэтами-филологами, чей поэтический талант формировался в условиях перестроечного времени, резко изменившего социально-психологический климат эпохи и ее культурный контекст. В результате новое поколение удмуртских женщин-поэтов оказалось перед необходимостью самоопределения в быстро меняющемся мире. Поэтому в лирике молодых поэтесс наблюдается стремление к преодолению тех шаблонов, которые вырабатывались традиционной нормативной эстетикой, попытка сломить навязываемую систему ценностей, а также деконструкция имиджа удмуртской советской женщины. Яркое тому подтверждение – сборники Зинаиды Рябининой, Ларисы Ореховой, Ларисы Мардановой, Люзы Бадретдиновой, Надежды Пчеловодовой, опубликованные в Таллинне на четырёх языках (удмуртском, эстонском, русском, английском). Поэтический почерк каждой из названных поэтесс индивидуален и неповторим: интеллектуальный и культурогенный характер поэзии Ларисы Ореховой, психологизм и феминистскость поэтических текстов Зинаиды Рябининой, возвышенность и фольклорность лирики Люзы Бадретдиновой, символичность образов и расщеплённость сознания лирической героини Ларисы Мардановой, гражданственность и «детскость» поэзии Надежды Пчеловодовой. Однако при всем многообразии и неповторимости поэтических голосов, для женской лирики начала XXI в. характерны единые эстетические установки – синтез национальной традиции и традиций русской и зарубежной классики, поиск новых форм выражения женского идентитета на фоне социальных и культурных трансформаций современности.

В своем обзоре остановимся на поэтическом творчестве трёх авторов, представляющих в удмуртской поэзии новую волну.

Первая книга Ларисы Ореховой, «Ярдуртэм нюлэс» («Безбрежный лес»), вышла в 2007 г. Идеальным вдохновителем молодой поэтессы стал известный удмуртский писатель Пётр Захаров, чьи стихотворения и наставления оказали большое влияние на творческое становление Л. Ореховой как поэта.

Стихи Ореховой представляют собой характерный образец тех художественно-эстетических поисков, которыми отмечено развитие российской поэзии рубежа веков. Арво Валтон – эстонский писатель, большой ценитель изысков удмуртской литературы, переводчик стихов поэтессы на эстонский язык, отметил: «Среди молодых поэтов Лариса Орехова является в удмуртской – а может и во всей финно-угорской поэзии – одним из самых последовательных обновителей поэзии, как по её форме, так и по содержанию» [2. С. 93].

При первом знакомстве со сборником Л. Ореховой очевидно, что графическое решение ее стихов существенно отличается от традиционного. Она не боится экспериментировать, отвергает жесткие рамки и условности. Л. Орехова ценит свободу творческого акта, смело играет с функциональными возможностями формы. Нередко строфы в стихотворениях автора не одинаковы по структуре, длине и количеству ритмических частей и слогов. Порой стихи астрофичны. Тексты могут быть расположены по диагонали страницы или рассредоточены по всей странице. Кроме этого, каждый отдельно взятый поэтический отрывок может иметь свой «загадочный» графический рисунок. Отказ от традиционного оформления стиха наблюдается и в неиспользовании автором «символьных» заглавных букв в некоторых текстах.

Инаковость формы стихотворений Л. Ореховой прослеживается и на уровне синтаксического оформления поэтических текстов. В стихах встречается как отсутствие, так и обилие самых разнообразных знаков препинания.

Все эти внутрискруктурные элементы «работают» на создание иллюзии «потока сознания». Кажется, что за каждой незаконченной, недооформленной до конца ассоциацией или мыслью, наслаиваясь, «наплывают» всё новые и новые ассоциации. Посредством языковых игр с миром-текстом поэтесса выстраивает гиперреальность, осваивая мир как хаос. Хаос представлен смесью из самых разнообразных кодов культурного контекста «от античной мифологии до хрупких импульсов повседневной жизни» [2. С. 93].

В таком раздробленном, хаотизированном тексте, утратившем целостность, исчезает единый смысловой центр, который заменяется смысловой множественностью. Распад целостной конструкции мира и общества приводит к деградации некогда значимых элементов и фактов бытия, к неожиданной и непредсказуемой смене знаков и сдвигу акцентов.

В поэзии Л. Ореховой христианское тесно переплетено с языческим, греческое соседствует с удмуртским. Автор «нашла оптимальный ракурс художественного изображения их возможного единообразия» [2. С. 36]. Почти все стихотворения Л. Ореховой пронизаны культурными ассоциациями, отсылающими к традициям различных народов: греков, удмуртов, французов и др.

Одной из особенностей идиостиля Л. Ореховой является соединение «возвышенного» и «приземленного». Кроме «возвышенных» пантеистических образов и мотивов, Л. Орехова включает в свою поэзию явно земные, теплокровные образы: сяська, нылаш, синъёс, кочыш, бубыли, яблок (цветок, девочка, глаза, кошка, бабочка, яблоко) и др.

Следует отметить еще одну черту поэтической образности Ореховой. Существенная роль в художественной системе автора отводится цветовому аспекту. Поскольку в поэзии Л. Ореховой преобладают такие символы, как инбам, бубыли, азвесь, дэрем, шунды, тыл, сюсьтыл, эгыр, музьем, уй, нюлэс (небо, бабочка, серебро, платье, солнце, огонь, свеча, уголь, земля, ночь, лес), соответственно, постоянно встречается белый цвет (тõды), часто используется чёрный (сьёд), употребляются красно-синие (лыз-горд) оттенки. В некоторых случаях Л. Орехова использует зелёный (вож). Преобладание белого и частота ярких красок говорит о близости героини к верхнему миру. Лирическая героиня живет между двумя мирами, легко переходит из одного пространства в другое. Свободным перемещением героини из одного измерения в другое и объясняется равноправное употребление противоположных цветов, например, таких оппозиций, как чёрный и белый.

Лирике другой поэтессы, Ларисы Мардановой («Кузялпот сяськаяку» – «Когда цветёт полынь», 2005; «Йыромон» – «Блуждание», 2008), присуще трагическое мироощущение, чувство ненужности, обижённости и безысходности, неприятие современных ценностей и современной морали.

«Мõзмон» (тоска) – ведущее настроение лирики Л. Мардановой. Причем эта тоска – вселенская. Грусть, тоска – постоянное состояние лирической героини. Человек, по мнению поэтессы, от всех и всего может уйти и отказаться, но от себя, от внутреннего «я» (лулылэсь) скрыться невозможно. «Мõзмыны кутскем лулме нош кытчы вато?» («Но куда же спрячу тоскующую душу?»)¹.

В поэтическом пространстве молодого автора царит холод. Лирическая героиня не чувствует тепла в этом мире и не создаёт его. И природа, и человеческое общежитие, и внутренний мир героини пронизаны холодом: «Озыы пушкам мынам зоре Инбам кезьыт шапыкъёсын». («Так небо во внутрь меня льет холодными каплями»); «Туннэ толэзь но мон кадь кудъёмын. Ваньмыз солы серем вылыисен. Огез гинэ пõртэм: Дауръёслы кезьыт инме со думе-

¹ Здесь и далее цитаты даны в переводе авторов поэтических текстов.

мын. («Сегодня и луна пьяна, как я. Всё кажется смешным ей свысока. И разница в одном: Навеки к черному небу она привязана»); «Кезьыт ымдурьёсы нёшто даур крезез». («Холодные губы напевают вековую мелодию»). В стихах сквозными являются образы с эпитетом «ледяной» и «холодный»: йё зор, кезьыт тёл, кынмем укно, йё бусы, кезьыт омыр, кынмем дунне, кынмем сюлэм (ледяной дождь, холодный ветер, застывшие окна, ледяное поле, холодный ветер, застывший мир, застывшее сердце).

Лирическое «Я» поэтессы растворено в мире природы и космоса. Марданова работает преимущественно в зоне перетекания вымысла в реальность и наоборот: «Лыз чынэн сылмисько котырысь омыре» («Синим дымом растворяюсь в окружающем воздухе»).

В стихах преобладает водная стихия, но вода не очищающая, а с солёным ледяным привкусом. Стихи Л. Мардановой есть попытка понять, что значит круговорот в природе и социуме, что есть рождение и что есть смерть, где грань между ними и есть ли она вообще.

Своеобразна её любовная лирика, мир любви для поэта наполнен запахом горечи: «Кузялпот пот кадь ик кузял та яратонэ» («Как полынь, горька моя любовь»). Кстати, в отличие от других удмуртских поэтесс, эта тема не является в ее сборниках ведущей. Основной мотив «любовь-боль», «любовь-страдание» в какой-то степени может и повторяет настроение любовных стихотворений женщин-поэтесс предыдущего поколения, но реакция лирической героини на разлуку с любимым совершенно иная. Героиня сдержанна, хладнокровна, без надрыва и особых эмоций фиксирует уход любимого человека, надеясь на встречу с ним в других мирах: «Тонэ уг возьма мон керзег, – Инсьөррьёстй лобом ни чош». («Тебя я не буду ждать нервно, – За небесами полетим уж вместе»); «Овёл, тон кадяд ик кезьыт мон луи – Котыр дуннелэсь вир-лулзэ сюпсисько». («Нет, я холодная стала, как ты – Душу-кровь окружающего мира сосу»). В поэзии Л. Мардановой нет традиционных сердечных страданий, она скорее любит разумом: «Йыромоз йырвиымам вуж яратонэ...» («Заблудится в мозгах старая любовь»).

Следует также отметить новизну, неожиданность тропов и образов, при чтении кажущихся знакомыми, но увиденных и услышанных поэтессой совсем по-новому: «подоконник-лодка», «весь воздух – натянутая через века струна», «старый злой тополь душит луну» и другие. Для удмуртского женского творчества новыми являются зооморфные мотивы её лирики. По частотности выделяются нетрадиционные для удмуртской поэзии образы птиц: кочо, кырыж, чана, быркыт, зольгыри (сорока, ворон, галка, орёл, воробей), которые зачастую являются носителями зла.

Особый интерес в поэзии Л. Мардановой представляет выражение женской субъективности. В её стихах нет целостности личности. При кажущейся самодостаточности и самоуверенности по отношению к «другому» лирическая героиня чувствует себя униженной, выражая свою самооценку через образы-автометафоры: «я – старая тряпка», «я – мёртвый воробей», «я – собака», «я – засохший листок на верхней ветке зелёного клёна», «брошенный котёнок я – ненужный», «я – простая засохшая ветка». В этом жестоком и ненастоящем мире она устала жить под маской, обманывая себя и других, ей хочется «начать жить под своим именем».

Отметим также, что для лирики Мардановой характерны следующие особенности: использование в поэтических текстах таких абстрактных понятий-образов, как улон, кулон, вордйськон, лул, пыдэстэм мур, буш, дыр, вужер, музьем йёл, луд зазег лобон сюрес (жизнь, смерть, рождение, душа, бесконечность, пустота, время, тень, молоко земли, млечный путь); присутст-

вие следующих сквозных мотивов: мотив поиска себя в этом постоянно меняющемся мире; мотив блуждания лирической героини между несколькими мирами; мотив «Я и Космос»; мотив неразделенной любви, мотив жизни и смерти. Причем при раскрытии обозначенных выше тем и мотивов Л. Марданова часто обращается к цветописи.

В сборнике «Йыромон» цветовая палитра состоит из следующих оттенков: чагыр (голубой), лыз (синий), чуж (жёлтый), вож (зелёный), тӧды/тӧдь (белый), съӧд (чёрный), лемлет/льӧльмыт (розовый/розоватый); съӧдо-тӧды (чёрно-белый). Наиболее частотны синий и голубой цвета. Они служат символами некоего постоянного, незыблемого начала и противостоят хаосу окружающего мира, в котором блуждает лирическая героиня. Подобную функцию несёт и зелёный цвет: данный оттенок является средством, символизирующим саму жизнь. Использование насыщенного зелёного цвета (нап-вож) – это обозначение жизнеутверждающего начала, некой силы, помогающей движению по жизненному пути. Также следует отметить, что данный цвет используется при характеристике экологического благополучия, которое осталось в прошлом. При описании пространства города, чуждого для лирической героини, используется белый цвет, который в данном контексте служит средством выражения отчуждённости субъекта лирического переживания.

Как уже отмечалось выше, одним из мотивов в лирике Ларисы Мардановой является мотив блуждания между несколькими мирами, один из которых – выдуманный, находящийся на далёком расстоянии от субъекта лирического переживания. Для обозначения дальности пространства автор использует розоватый цвет. Таким образом, обобщая, можно сказать, что использование цветовых оттенков является важной чертой поэзии Ларисы Мардановой. Это помогает ей наиболее полно выразить в поэтических текстах своё мировосприятие и мироощущение.

Надежда Пчеловодова (Муш Нади) – поэт и переводчик, в настоящее время докторант Таллиннского университета, автор трех поэтических сборников «Оско-нэ мынам» («Моя Вера», 2003), «Эрике мынам» («Мое желание», 2005), «Кут-тэмпыд» («Босиком», 2006) и переводных книг с эстонского на удмуртский язык. В отличие от других молодых поэтесс её лирика наполнена позитивным отношением к жизни. Погруженность во внутренний мир не мешает ей жить проблемами малой родины, города и села. Её волнует прошлое и настоящее страны. Патриотические чувства, собственные поэтессе, заставляют ее по-новому осмысливать и оценивать события современной ей действительности. Тревожная неудовлетворенность настоящим, мечта о сильном государстве, защищающем интересы своих граждан, жажда гармоничного человеческого бытия – все это сливается в бурный поток её лирики: («Уд кельшыськы мыным» («Не нравишься мне»), «24.02.2005», «Берт» («Возвращайся»). Стихотворения Муш Нади пронизаны болью за свою малую родину, согреты любовью к ней и своему народу.

Лирическое «я» поэтессы характеризуется цельностью. Героине не свойственна расщепленность сознания, как другим ее современницам, хотя она осознает, что привычный уклад жизни давно канул в Лету: «Тулыс, гужем, сйзыл но тол – со инкуазь рад. Нуны сюан, сюан, кисьтон – со улон рад. Ачим гинэ та радъёсын радтэм маке» («Весна, лето, осень и зима – это ход (порядок) природы. Крестины, свадьба, поминки – это ход жизни. / Лишь я сама в этих рядах беспорядок»).

В поэзии Н. Пчеловодовой особое место занимают размышления о мужественности и женственности, о роли женщины и мужчины в современном мире в разных культурах и традициях. Ранее в удмуртской женской лирике

сквозной была мечта о сильном мужчине, возлюбленном. В стихах Н. Пчеловодовой это переносится и на общественную жизнь, на уровень государственности: «Я тоже хочу жить в свободной стране удмуртских мужчин».

В любовной лирике поэтессы центральное место занимает образ возлюбленного. Чувство ревности не затмевает чувство благодарности, счастья. Он для неё не только любимый мужчина, но и наставник, мудрый учитель, свободный человек. Героиня довольствуется каждой встречей. Ухаживание за любимым доставляет ей наслаждение и радость. Она детально фиксирует каждый жест, каждое движение любовных отношений. Готовность служить любимому – характерный мотив удмуртской женской лирики – ранее традиционно выражался в сослагательном наклонении, а в стихах Н. Пчеловодовой все происходит сейчас и здесь. Её лирическая героиня – муза, вдохновительница на большие дела: «Веттасько вӱттэ шокаменым. Чуказелы нонтӱсько малпанӱс-сэ. Яратӱсько тонэ. Яратӱсько». («Качаю твой сон своим дыханием. Завтрашние мысли твои грудью кормлю. Люблю тебя. Люблю»).

Излюбленный поэтический приём в творчестве Муш Нади – нанизывание слов-образов, метафор, часто выраженных одной и той же частью речи. Это создает в одних случаях ощущение бесконечности, в других – напряженности, в третьих – восторга и умиления. Для этих стихотворений характерно намеренное разрушение традиционных формальных и синтаксических структур, отказ от традиционного оформления стиха, что проявляется в отсутствии заглавных букв и знаков препинания. Муш Нади часто создаёт астрофичные стихи, пишет верлибром, использует короткие, состоящие из одного-двух слов строки, «лестницу». Осознанные и целенаправленные художественные поиски Н. Пчеловодовой придают поэзии свежесть, позволяют представить жизненные ситуации в необычном ракурсе.

Таким образом, подведем некоторые итоги. «Потребностью в одиночестве» (А. Арзамазов) окрашена поэзия Л. Ореховой и Л. Мардановой. Их героини, порывая с жизненной реальностью и углубляясь в самопознание, пребывают в мистическом многокультурном мире, сочетающем религиозно-мифологическое представление разных этносов (культур). «Книга Л. Ореховой разрушает «традиционное» представление о феномене удмуртской женской поэзии» [1. С. 37]. В стихах Муш Нади образ женской судьбы представлен как образец беззаветного служения своему мужчине. Суммируя наблюдения над поисками поэзии молодых, следует заметить, что удмуртская женская лирика демонстрирует многообразие и неоднородность, связанную с эстетической и этической свободой современного художника.

Литература

1. Арзамазов А.А. Безбрежный мир Ларисы Ореховой // Вордскем кыл. 2008. № 4. С. 36-37.
2. Валтон А. Послесловие // Орехова Л. Ярдуртэм нюлэс (Безбрежный лес). Таллинн: Kirjastuskeskus, 2007. С. 92-93.

ФЕДОРОВА ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, декан факультета удмуртской филологии, Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск (liubov.fedorova@gmail.com).

FEDOROVA LYUBOV PETROVNA – candidate of pedagogical sciences, Udmurt Philology Department Dean, Udmurt State University, Russia, Izhevsk.

УДК 75(477)(092) Кокель

В.А. ВАСИЛЬЕВ

ХУДОЖНИК В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: А.А. КОКЕЛЬ*

Ключевые слова: художник, изобразительное искусство, культура, творчество, выставка, художественное образование, реставрация картин.

На основе междисциплинарного подхода и системного анализа на примере А.А. Кокеля исследовано место художника в процессе взаимодействия чувашской и украинской культур в прошлом столетии и начале XXI в.

V.A. VASILYEV

AN ARTIST IN THE CULTURES INTERACTION CONTEXT: A.A. KOCKEL

Key words: artist, visual arts, culture, creative work, exhibition, art education, restoration of paintings.

On the basis of interdisciplinary approach and the systematic analysis the role of an artist in the process of the Chuvash and the Ukrainian cultures interaction in the XX and the early XXI centuries is considered, A.A. Kockel's personality being in the author's focus of attention.

В евразийском культурном пространстве гуманитарные связи России и Украины занимают особое место, являясь, по своей сути, краеугольным камнем в российско-украинских отношениях. Они многообразны и полнокровны – это семейные связи, язык, литература, искусство и культура.

На протяжении столетий славянские народы делили вместе и радости и горе. Богатые культуры русского и украинского народов, проистекающие из их общего происхождения, общности исторической судьбы, верований, развивались, питая и обогащая друг друга, способствуя их глубокому взаимопроникновению и духовному взаимообогащению. Невозможно представить развитие русского искусства без художников-выходцев с Украины Д.Г. Левицкого, В.Л. Боровиковского, А.П. Лосенко, Г.И. Семирадского, И.Е. Репина, но невозможно представить и развитие украинской культуры без русской академической школы, одним из питомцев которой был А.А. Кокель.

Творчество мастера, как отмечает известный украинский искусствовед О.В. Ламонова, является уникальным, так как принадлежит сразу трем народам: чувашскому, русскому и украинскому [4. С. 145].

В XXI столетии возрождение духовного и творческого наследия А.А. Кокеля стало новым импульсом в объединяющей миссии культуры между нашими народами. Очень емко об этом сказал Председатель Верховной Рады Украины В.М. Литвин: «Убеден, что широкое празднование 130-летнего юбилея Алексея Афанасьевича Кокеля в Украине, с которой связаны долгие годы жизни и творчества великого мастера, станет важным этапом в развитии всесторонних отношений Украины и Чувашии, заметным вкладом в укрепление украинско-российской дружбы» [6. С. 3].

Выдающийся живописец, график, виртуозный рисовальщик, талантливый педагог и общественный деятель родился 13 марта (1 марта по старому стилю) 1880 г. в селе Тарханы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Батыревского района Чувашской Республики). Окончив в 1912 г. Петербургскую Академию художеств с отличием, он стал первым чувашом, получившим звание художника, и для совершенствования мастерства по индивидуальной программе был направлен в пенсионерскую поездку во Францию, Германию и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 10-04-22-409 а/В.

Италию. Его дипломной работой явилась картина «Чайная», которая в числе избранных произведений лучших русских художников в 1913 г. – в год 300-летия царствующего дома Романовых – экспонировалась на XI международной художественной выставке в Мюнхене. Среди посетителей нерусская фамилия Кокель русского художника внесла некоторую интригу. Ее разгадку начали искать в аристократических корнях немецких баронов von Kokel auf Grosskokelburg in Sibenburg, а ярким мастером оказался... выходец из крестьян, к тому же чуваш [2. С. 75]. Счастливое превращение смертельно больного чувашского крестьянина в большого мастера русский публицист и поэт А.В. Жиркевич сравнит с историей «архангельского мужика» Михайло Ломоносова и скажет: «Сказка вроде ломоносовской».

Хорошо известно, что И.Е. Репин намеревался создать у себя на родине одну из лучших художественных школ, поэтому он рекомендовал для работы во вновь открываемое Харьковское художественное училище только своих талантливых воспитанников, в числе которых был и А.А. Кокель. С 1 января 1916 г. он начинает здесь работать. С этого времени имя А.А. Кокеля неразрывно связано с Украиной.

Творчество художника, вобравшее лучшие традиции болгаро-чувашской культуры, русской художественной школы, искусства мастеров эпохи Возрождения, украинской культуры, яркий пример взаимодействия и взаимопроникновения культур. Мастер сотворил свой собственный неповторимый «кокелевский» мир, без которого немислимы лучшие достижения украинской культуры: создание харьковской школы академического рисунка и высшего художественного образования. Зарождение и развитие украинского авангарда, станковой живописи и плаката также неразрывно связано с его именем. А.А. Кокель основал уникальную школу живописи, воспитал плеяду выдающихся мастеров кисти [6. С. 3].

В новейшей истории Украины 20-е годы прошлого столетия характеризуются термином «национальное возрождение», что наиболее ярко иллюстрируется великими достижениями в сфере литературы и искусства. Чувашский народ по праву гордится тем, что в числе немногих великих мастеров культуры, возрождавших украинскую нацию, Председатель Верховной Рады Украины, академик, вице-президент Национальной Академии наук Украины В.М. Литвин называет и имя его славного сына, родоначальника чувашского профессионального изобразительного искусства А.А. Кокеля [5].

В первой половине XX в. среди художников своего времени А.А. Кокель имел наибольшее влияние на украинское искусство. Подтверждением тому является тот факт, когда в начале 20-х годов возникает множество разнообразных групп художников подчас с полярными убеждениями и программами, именно его огромный авторитет позволил преодолеть имеющиеся глубокие противоречия между ними и объединить их в Ассоциацию художников Червонной Украины. На основе АХЧУ в 1938 г. был создан Союз Советских художников Украины, правопреемницей которого в 1990 г. стал Национальный Союз художников Украины.

А.А. Кокель положил начало диалогу чувашской и украинской культур, прерванного в начале 90-х годов прошлого века печально известными событиями – разрушением единого союзного государства. Диалог в начале XXI столетия новыми исследованиями жизни и творчества великого мастера, ставшими и его возвращением из забвения, был возрожден. Несмотря на поселившийся в российско-украинских отношениях холод и взаимное недоверие, он без преувеличения стал провозвестником нынешней оттепели.

Точкой отсчета новых гуманитарных контактов стал август 2004 г. – начало работы творческого коллектива Чувашиского государственного университета

имени И.Н. Ульянова и ГТРК «Чувашия» с коллегами из Харьковской государственной академии дизайна и искусств над двумя художественно-документальными телевизионными фильмами об А.А. Кокеле. В них раскрыты неизвестные страницы жизни и творчества мастера. Телефильмы были показаны на региональных телеканалах ГТРК «Чувашия» и А/ТВК (Харьков), а также – на центральных – «Культура» и «ТВЦ». Плодотворная работа чувашских и украинских ученых и журналистов вернула в евразийское гуманитарное пространство забытый опыт совместной деятельности, что позволило создать первые российско-украинские телефильмы. Авторы сценария – В.А. Васильев и А.А. Тарасов, режиссер – А.А. Тарасов, телеоператор – С.И. Мышев.

В марте 2005 г. в Чувашии и на Украине широко отмечалось 125-летие со дня рождения А.А. Кокеля. Подготовка к юбилею великого мастера и сами торжества расширили и углубили диалог национальных культур, что нашло отражение в одном из первых двусторонних договоров между вузами России и Украины – Чувашским государственным университетом имени И.Н. Ульянова и основанной А.А. Кокелем Харьковской государственной академией дизайна и искусств (ХГАДИ). Акцент в сотрудничестве делался на совместные инновационные межкультурные проекты, приобретающие в условиях глобализации особую актуальность [8. С. 105].

Одним из них стал Международный Кокелевский пленэр, проводимый на родине живописца в селе Тарханы. Развивая и приумножая добрую традицию Репинского пленэра – взаимодействия и взаимообогащения культур – здесь, в процессе созидания яркой и живой палитры многонациональной культуры России и Украины, уже 4 раза встретились представители художественных школ Петербурга и Харькова, Москвы и Киева, Чувашии и других национальных республик и регионов.

В пленэрах приняли участие 35 российских и 9 украинских художников, которыми создано свыше 500 работ. Пленэр за короткое время своего существования завоевал доброе имя в мире изобразительного искусства, о чем говорит возрастающее из года в год число желающих участвовать в нем. Так, например, для работы на четвертом пленэре было подано заявок от 31 художника из разных стран. К сожалению, организаторы проекта сумели удовлетворить желания только 10 живописцев.

Произведения тарханских пленэристов – ведущих мастеров изобразительного искусства России и Украины – народного художника России, действительного члена Российской академии художеств Р.Ф. Федорова и народного художника Украины, лауреата Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко В.И. Ковтуна, заслуженного художника России А.П. Рыбкина и заслуженного художника Украины А.Н. Чередниченко, заслуженного деятеля искусств Татарии З.Ф. Гимаева и чугуевца С.В. Коморного, а также других занимают достойное место в музеях России, Украины и зарубежных стран. Их работы стали основой для открытия в декабре 2009 г. в Чувашском государственном университете Художественного музея имени А.А. Кокеля. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин, встречаясь здесь в феврале 2010 г. с представителями студенческой молодежи Чувашии, дал музею высокую оценку.

В 2011 г. в селе Тарханы намечается открытие первой в России и на Украине Картинной галереи современных художников Чувашии, России и Украины.

Уникальный пленэр, по словам заслуженного художника Украины А.Н. Чередниченко, стал в XXI в. ярким символом дружбы братских народов [3. С. 345]. В основе пленэра – возвращение в культурное пространство исконно российской просветительской программы национального масштаба – практики художественного передвижничества. С этой целью в Чувашии в селе Тарханы, го-

родах Чебоксары и Новочебоксарск, а также на Украине в Харькове и Чугуеве проводились передвижные художественные выставки с четко выражающим суть проекта названием – «Радуга дружбы». Они стали заметным событием в культурной жизни двух стран.

Пленэр и выставки, раздвигая гуманитарные границы, вносят свою заметную лепту в формирование единого евразийского культурного пространства.

Другой крупный и значимый проект гуманитарного сотрудничества – научно-реставрационные работы живописных произведений А.А. Кокеля. Самая большая коллекция творческого наследия мастера – 247 произведений – бережно хранится в Чувашском государственном художественном музее. Исследования, проведенные специалистами Харьковской государственной академии дизайна и искусств в 2005 г., выявили катастрофическое состояние живописного собрания: более 80 процентов работ подлежали немедленной реставрации. В связи с отсутствием в музее научно-технической базы, необходимой для проведения полного комплекса исследований, они были выполнены в академии.

Венцом проекта стало возрождение в 2009 г. шедевра А.А. Кокеля «Чайная». Такая уникальная реставрация впервые осуществлена в Чувашии научными сотрудниками кафедры реставрации станковой и монументальной живописи ХГАДИ М.А. Коряковцевой и Е.Ю. Панченко. Несмотря на свою молодость, одаренные украинские художники-реставраторы не раз становились лауреатами Всеукраинских художественных конкурсов. Примечательно, что договор помог им стать зарубежными аспирантами Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

«В процессе реставрационной и исследовательской работы над живописными произведениями Алексея Афанасьевича Кокеля, – пишут М.А. Коряковцева и Е.Ю. Панченко, – мы узнали, какое огромное творческое наследие имеется в Чувашии. Его необходимо открыть для современности и сохранить для будущей истории как пример высокого творческого духа» [1. С. 280]. Осуществление сложного процесса миллиметр за миллиметром позволило восстановить лишь пятую часть умирающих шедевров художника. Отметим, что эта уникальная работа, оцениваемая в миллионы рублей, сделана реставраторами безвозмездно. Совместный проект спас бесценные творения мастера.

Сущность взаимодействия культур Чувашии и Украины на примере реставрации картин очень точно подметил первый проректор ХГАДИ, профессор С.В. Рыбин. В одном из своих писем ректору ЧГУ имени И.Н. Ульянова он пишет: «<...> практика наших реставраторов углубляет **наше** сотрудничество и будет полезна **обеим** сторонам» (выделено автором. – В.В.) [1. С. 278]. Выдающийся украинский ученый был твердо уверен в том, что «наши двусторонние дружеские отношения будут развиваться и дальше на благо культуры и искусства Чувашии и Украины» [1. С. 280]. Печально, что доброе сердце этого замечательного человека, стоявшего у истоков возрождения украинско-чувашских гуманитарных контактов, внесшего огромный вклад в установление добрых отношений между Чувашией и Украиной, ставшего искренним другом чувашского народа, перестало биться 26 ноября 2010 г.

Ярким подтверждением укрепления и развития дружеских отношений между Чувашией и Украиной стал двухдневный визит делегации ученых университета и творческой интеллигенции Чувашии 15-16 марта 2006 г. в г. Харьков. Программа поездки была очень насыщенной. Члены делегации посетили ряд ведущих вузов первой столицы Украины – Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьковскую государственную академию дизайна и искусств, Харьковскую государственную академию культуры, встретились с их руководством, профессорско-преподавательским и студенческим

составом, пленили украинских зрителей чувашским национальным музыкальным искусством.

15 марта на доме № 93 по улице Мироносицкая (ранее – ул. Дзержинского. Примечание автора. – В.В.), в котором с 1933 г. до своей смерти жил А.А. Кокель, по проекту заведующего кафедрой ХГАДИ, заслуженного художника Украины А.Н. Ридного была установлена мемориальная доска из бронзы и камня. Примечательно, что ее текст выполнен на чувашском и украинском языках.

Вкладом в реальную интеграцию евразийского образовательного и культурного пространства стало заключение между Чувашским государственным университетом имени И.Н. Ульянова и одним из старейших вузов Европы Харьковским национальным университетом имени В.Н. Каразина договора о сотрудничестве.

Гуманитарные контакты между Чувашией и Украиной продолжают расширяться. Убедительное свидетельство этого – установленные только в 2009–2010 гг. Чувашским государственным университетом имени И.Н. Ульянова связи с Киевским национальным университетом имени Т.Г. Шевченко, Закарпатским художественным институтом (г. Ужгород), Национальным педагогическим университетом имени М.П. Драгоманова, Государственной академией руководящих кадров культуры и искусства (г. Киев). Плодотворно работает в этом направлении созданная в университете в 2006 г. проблемная научно-исследовательская лаборатория А.А. Кокеля. Огромна также роль в развитии и упрочении культурных связей между Чувашией и Украиной В.И. Ковтуна, народного художника Украины, лауреата Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко, которого по праву называют послом дружбы.

Тесные рамки статьи позволяют коснуться лишь некоторых аспектов поднятой темы, однако и они свидетельствуют, что проблема, имеющая большое теоретическое и прикладное значение, изучена недостаточно. Отмечая это, директор Института искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Ф. Рыльского Национальной Академии наук Украины, академик НАН Украины Г.А. Скрипник обращает внимание на необходимость «выработки новых углубленных подходов в исследовании и оценке деятельности А.А. Кокеля» [7. С. 4]. Видный украинский ученый подчеркивает, что жизнь и творчество А.А. Кокеля и современные исследования, посвященные ему, являются «залогом тесных украинско-чувашских взаимосвязей, вызывают живой отклик и необходимость проявления взаимных научно-творческих изысканий, а также реальных практических шагов в данной области» [7. С. 4].

Одним из первых «реальных практических шагов в данной области» на межгосударственном уровне призвана стать концепция экономической миссии регионов Приволжского федерального округа на Украине «Интеграция экономик Украины и Приволжского федерального округа РФ на инновационной основе» на 2011 г. В документе предусмотрено и сотрудничество Чувашского государственного университета с Институтом искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Ф. Рыльского НАН Украины, Харьковской государственной академией дизайна и искусств и Харьковским национальным университетом имени В.Н. Каразина в области исследования и сохранения духовного и творческого наследия А.А. Кокеля. В рамках миссии также планируется проведение круглого стола «Культурное наследие регионов России и Украины в создании евразийского культурного пространства».

Совместные исследования, открытая и плодотворная дискуссия ученых будут способствовать дальнейшему упрочению всесторонних отношений между Чувашией и Украиной, помогут лучше осмыслить историческую роль наших народов в развитии мировой культуры.

Литература

1. Васильев В.А. Алексей Афанасьевич Кокель 1880-1956. Жизнь и творчество. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Пегас, 2009. 336 с.
2. Васильев В.А. А.А. Кокель – художник и педагог // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2010. № 2. С. 75-79.
3. Васильев В.А. Международные Кокелевские пленэры – взаимодействие культур // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 340-345.
4. Ламонова О.В. Васильев В.А. Алексей Афанасьевич Кокель 1880-1956. Жизнь и творчество // Студії мистецтвознавчи. № 3. Киев: Видавництво ИМФЕ, 2009. 146 с.
5. Литвин В.М. Культурне життя // <http://www.litvin-v.org.ua>.
6. Литвин В.М. Приветствие ректорату ЧГУ им. И.Н. Ульянова со 130-летием со дня рождения А.А. Кокеля // А.А. Кокель. Портрет сквозь призму времени: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 130-летию со дня рождения выдающегося художника, педагога и общественного деятеля Алексея Афанасьевича Кокеля (Харьков – Чебоксары – Тарханы, 13-19 марта 2010 г.) / редкол.: В.Г. Агаков, В.А. Васильев. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 118 с.
7. Скрипник Г.А. Ректору Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова профессору В.Г. Агакову // А.А. Кокель. Портрет сквозь призму времени: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 130-летию со дня рождения выдающегося художника, педагога и общественного деятеля Алексея Афанасьевича Кокеля (Харьков – Чебоксары – Тарханы, 13-19 марта 2010 г.) / редкол.: В.Г. Агаков, В.А. Васильев. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 118 с.
8. Творческое и духовное наследие А.А. Кокеля: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося художника и педагога деятеля Алексея Афанасьевича Кокеля (Чебоксары – Харьков, 16-17 марта 2005 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 110 с.

ВАСИЛЬЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vasilyev_va@mail.ru).

VASILYEV VLADIMIR ALEXANDROVICH – candidate of historical sciences, professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338.43(470.344)

Г.Т. АКИМОВА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельские территории, Чувашская Республика.

Предложены меры по совершенствованию организационно-экономического механизма устойчивого развития сельских территорий, в том числе по формированию дифференцированного подхода к сельхозтоваропроизводителям, повышению эффективности и результативности сельскохозяйственной деятельности, применению новых форм поддержки устойчивого развития сельских территорий на основе типизации сельских территорий на муниципальных уровне.

G.T. AKIMOVA

PERFECTION OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR STABLE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL TERRITORIES OF THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: stable development, agricultural territories, Chuvash Republic.

Measures directed to perfection of organizational and economic mechanisms have been offered. They are needed for stable development of agricultural territories, forming differential approach to agricultural goods' producers, raising efficiency and results in the sphere of agricultural activities, applying new forms of maintaining stable development on the basis of typification agricultural territories on municipal level.

Многообразие функций сельской территории и современное состояние социально-экономического развития осложняют управление развитием сельской местности и требуют согласованных действий со стороны всех субъектов управления. Уникальная особенность сельских территорий состоит в том, что в них сосредоточен ресурсный потенциал страны и рекреационный потенциал, кроме того, именно село является хранителем особого сельского образа жизни и культуры, во многом определяющих социокультурный облик России.

В современных условиях проблема перехода сельской местности к устойчивому развитию и разработка основных направлений и механизмов этого процесса становятся особенно актуальными, так как преобразования должны поддерживаться не только органами государственного управления, но и местным сообществом, кроме того, необходимо рационально выбрать расстановку приоритетов развития, использовать полезные элементы западного опыта.

Для решения поставленных целей необходимы совершенствование действующего организационно-экономического механизма развития сельской местности, качественное преобразование всех его составляющих элементов, в том числе увеличение и расширение состава используемых ресурсов, улучшение качества управляющего воздействия, пересмотр действующего законодательства, норм, правил, уточнение объекта управления и т.д., что позволит осуществить переход от современного состояния сельской местности к гармоничному укладу сельской жизни, объединяющему лучшие черты сельского и городского образа жизни, бережное отношение к природе, сохранение национальных традиций и культуры, профессиональную и творческую самореализацию личности.

Говоря об организационно-экономическом механизме сельского развития, мы опираемся на подход А.Ю. Чаленко [4], определяющий его как «совокупность ресурсов экономического процесса и способов их соединения» и предполагающий «неразрывную связь и соподчиненность механизма процессу», к ко-

торому он относится. В данном определении механизм понимается как управляемый ресурс процесса, на входе у которого представлены наличные ресурсы (финансовые, материальные, трудовые, инфраструктурные), а на выходе – экономический механизм, т.е. состав и взаимодействие ресурсов, его основные параметры и характеристики, предназначение, экономическая эффективность, соответствие базовому процессу. Самостоятельно разрабатывается управление процессом: основные законодательные, нормативно-правовые акты, руководство, программы, процедуры, инструкции и т.д., а также формируется ресурс процесса конструирования, в качестве которого выступает бизнес-аналитик или, в нашем случае, органы управления. Принимая данный подход и в то же время не отделяя вопросы управления от самого механизма, предлагаем использовать термин «организационно-экономический механизм устойчивого развития сельских территорий» для обозначения процесса перехода к новому качеству развития сельской местности, соединяющего необходимые ресурсы в определенных сочетаниях и формах в зависимости от состояния сельской территории, а также согласованное участие всех органов управления, бизнес-структур и общественности, на основе непротиворечивого законодательства.

Важным элементом организационно-экономического механизма развития села в настоящее время является система мер государственного регулирования развития сельской местности, которая определена в ряде программных документов федерального уровня, начиная с принятой в 2002 г. Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года», «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», одобренной Правительством Российской Федерации осенью 2008 г., и в Государственной программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы». На региональном уровне действующие механизмы по финансированию отрасли аналогичны федеральным и применяются в соответствии с Республиканской целевой программой «Развитие агропромышленного комплекса Чувашской Республики и регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2015 годы» и Постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 28.12.2009 г. № 443 «Об утверждении Правил предоставления средств из республиканского бюджета Чувашской Республики».

Основные объемы финансовой поддержки из федерального и республиканского бюджетов сосредоточены в первых двух республиканских целевых программах (табл. 1). Отраслевые и ведомственные целевые программы, как правило, разработаны в развитие и дополнение названных программ, а также для получения в порядке софинансирования средств из федерального бюджета. Бюджетные ассигнования на поддержку сельскохозяйственной отрасли в отраслевых и ведомственных программах предусмотрены зачастую в пределах назначений из республиканского бюджета на основную деятельность.

Большая часть бюджетных средств, используемых на государственную поддержку, направляется сельскохозяйственным организациям; гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, помощь оказывается путем субсидирования затрат на получаемые кредиты. Так, в рамках реализации госпрограммы развития сельского хозяйства за 2006-2010 гг. малым формам хозяйствования Чувашской Республики было выплачено субсидий на сумму 1384 млн руб., в том числе в текущем году (11 месяцев 2010 г.) – 199 млн руб. В среднем по республике удельный вес личных подсобных хозяйств, привлечших льготные кредиты за 2006-2010 гг., составляет 24,2%, в то же время в южных районах,

таких как Шемуршинский, Яльчикский, Батыревский, Комсомольский, доля личных подсобных хозяйств, привлечших льготные кредиты, составляет от 37,5% до 44,3% [3]. Соответственно, в Батыревском районе по состоянию на 01.07.2010 г. создано 18 из 66 снабженческо-сбытовых кооперативов из всех созданных по республике (27%), что свидетельствует о больших возможностях производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах в других сельских районах Чувашской Республики при создании соответствующей системы сбыта продукции и предоставления различного рода производственных и консультационных услуг.

Таблица 1

**Общий объем финансирования республиканских целевых программ
в сфере агропромышленного комплекса**

Наименование программ	Объем финансирования, млн руб.					
	профинансировано с начала реализации программы			профинансировано в 2009 г.		
	план.	факт.	%	план.	факт.	%
РЦП «Развитие агропромышленного комплекса ЧР и регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2015 годы»	4346,5	9020,2	207,5	2829,4	2771,6	97,9
РЦП «Социальное развитие села в Чувашской Республике до 2012 года»	2483,4	2517,4	101,3	352,0	391,6	111,2
1. Итого по Программам	6830,0	11537,6	168,9	3181,4	3163,1	99,4

Табл. 1 составлена по материалам Министерства экономического развития и торговли Чувашской Республики.

Несмотря на увеличение финансовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в последние годы, эффективность большинства сельскохозяйственных организаций остается низкой, а доля хозяйств населения в объеме произведенной продукции составляет 61,7%, хотя они обладают меньшей посевной площадью и более низким уровнем государственной поддержки (табл. 2).

Таблица 2

**Посевные площади и поголовье скота во всех категориях хозяйств
Чувашской Республики в 2008 г.**

	Все категории хозяйств	Сельскохозяйственные организации	Хозяйства населения	Крестьянские (фермерские) хозяйства (включая инд. предпринимателей)
Вся посевная площадь, тыс. га	571,7	417,1	109,0	45,6
% от всех категорий хозяйств	100	72,9	19,0	8,1
Продукция сельского хозяйства (в факт. действовавших ценах), млн руб.	21713,7	7320,0	13397,9	995,8
% от всех категорий хозяйств	100	33,7	61,7	4,5

Источник: Чувашстат.

Современная социально-экономическая, экологическая и демографическая ситуация на селе характеризуется комплексом накопившихся проблем, усугубившихся кризисными явлениями 2008-2009 гг., препятствующих его переходу к устойчивому развитию. Заработная плата на селе остается невысокой, в результате снижения аграрной занятости и неразвитости несельскохозяйственной сферы сохраняется высокий уровень безработицы, заметна разница в объемах и качестве предоставлении социальных услуг на селе по сравнению с городом. Из-за непривлекательности сельского труда и условий жизни

сохраняется отток работников из сельскохозяйственной сферы, так, по сравнению с 2000 г., по отрасли сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство в Чувашской Республике среднегодовая численность работающих сократилась практически в 4 раза и составила 25 тыс. против 93 тыс. человек.

К некоторым недостаткам системы государственного регулирования сельского развития, применяющейся в Чувашской Республике, не позволяющим достичь поставленных целей, можно отнести следующие:

- выделение средств государственной поддержки сельхозтоваропроизводителям производится без учета уровня рентабельности сельскохозяйственных организаций, размеров обрабатываемых площадей и объемов выручки, произведенной продукции и сырья, в связи с чем сложно определить результативность применяемой системы государственной поддержки, ее доступность, достаточность состава мер, способствует ли она повышению доходов и снижению затрат сельхозтоваропроизводителей и устойчивому развитию сельских территорий;

- средства на поддержку сельскохозяйственной отрасли утверждаются и распределяются ежегодно в бюджете региона, общий набор направлений государственной поддержки и ставки субсидий меняются незначительно, тем не менее, они не гарантированы, а процесс утверждения правил, внесения корректировок в бюджетные назначения, распределения лимитов, квот, объемов софинансирования к федеральным лимитам занимает достаточно длительный период, что не позволяет сельхозтоваропроизводителям качественно планировать свою основную деятельность не только в течение одного года, но и будущих лет;

- перечень мер государственного регулирования сельского развития включает в основном инфраструктурное обустройство села и не содержит мер по диверсификации сельской экономики и расширению рынка труда, поддержке депрессивных территорий, не учитывает неравномерность социально-экономического развития сельских территорий и т.д.

В целевых программах устойчивого развития сельских территорий, разработка которых предусмотрена Концепцией устойчивого развития сельских территорий, должны быть предусмотрены меры, адаптированные к конкретным условиям и направленные на создание благоприятных условий для выполнения селом производственных и социальных функций, в том числе:

Совершенствование системы мер государственной поддержки отрасли и развития села

Необходимо выработать определенные подходы в отношении поддерживаемых сельхозтоваропроизводителей по размерам обрабатываемых посевных площадей, уровню рентабельности, специализации и другим факторам в целях оказания помощи хозяйствам, имеющим стратегию развития и нуждающимся в дополнительной поддержке. Такой дифференцированный подход к хозяйствам позволил бы им быть заинтересованными в результатах производства при условии, что помощь в данном случае должна быть ощутимой, т.е. покрывать объективные риски сельскохозяйственной деятельности.

Кроме того, необходимо установление предельного размера выделяемых субсидий одному сельхозтоваропроизводителю по всем формам господдержки, что должно ограничить поддержку крупных, самодостаточных хозяйств.

В условиях перехода к разработке трехлетнего государственного бюджета существует реальная возможность в течение, как минимум, трёх лет не менять правил и механизмов оказания господдержки, как федеральной, так и республиканской, что позволит оценить результативность государственных вливаний даже при медленном обороте капитала, свойственном сельскохозяйственной отрасли.

Целесообразно разграничить полномочия федеральных и региональных органов власти по вопросам государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и определить перечни мер отдельно из федерального и регионального бюджетов, что позволило бы каждому уровню власти решать свои задачи, разделить полномочия и ответственность за принимаемые решения, а также облегчить процедуру контроля за целевым использованием государственных ресурсов и выполнением целевых индикаторов. В этом случае отпала бы необходимость для получения федеральных средств на региональном уровне резервировать определенный лимит финансовых средств для софинансирования федеральных программных мероприятий, что ускорило бы и упростило многие вопросы разработки правил, регламентов выделения средств, отчетности и т.д.

В целях развития на селе малого и среднего бизнеса, создания новых рабочих мест возможно введение новых форм государственной поддержки диверсификации сельской экономики, повышения качества и разнообразия социальных услуг [1], таких как:

- субсидирование кредитов, предоставление налоговых преференций, освобождение от таможенных и ввозных пошлин на технику и оборудование предпринимателей, регистрирующих деятельность в сельской местности и создающих новые рабочие места;

- субсидирование кредитов, привлекаемых на строительство жилья и производство строительных материалов, предоставление налоговых преференций сельским строительным и проектным организациям.

Планирование и реализацию мероприятий по развитию социальной и инженерной инфраструктуры села производить на основе разработанных нормативов социального и инженерного обустройства сельских населенных пунктов. Продолжить поддержку комплексной компактной застройки и благоустройства сельских поселений на конкурсной основе за счет средств федерального и регионального бюджетов.

Совершенствование планирования устойчивого развития сельских территорий на основе их типизации

Уровень социально-экономического развития сельских территорий по Чувашской Республике заметно различается в зависимости от местоположения сельского населенного пункта, наличия промышленных, строительных и других предприятий, природно-климатических условий, обеспеченности инженерной и социальной инфраструктурой, качества трудовых ресурсов и многих других факторов, в связи с чем набор мер государственной помощи, стимулирующих устойчивое развитие, целесообразно дифференцировать в зависимости от типа, специализации, уровня развития конкретных сельских территорий. Используя зарубежный и отечественный опыт типизации сельских территорий [3], на примере Чувашской Республики можно предложить следующую группировку сельских территорий (табл. 3).

Проведенная подобным образом типизация сельских территорий позволит выработать стратегию по предоставлению государственных услуг для различных сельских территорий в зависимости от их экономического потенциала и тем самым повысить эффективность использования средств государственного бюджета.

Используя показатели мониторинга социально-экономического развития сельских территорий за 2008 г. (предкризисный) (постановления Кабинета Министров ЧР от 31.01.2006 г. № 24 «Об экономическом соревновании между муниципальными районами, городскими округами Чувашской Республики», от

21.06.2007 г. № 149 «Об экономическом соревновании между сельскими, городскими поселениями Чувашской Республики») муниципальные районы и сельские поселения Чебоксарского района можно отнести к следующим типам (табл. 4).

Таблица 3

**Типы сельских территорий Чувашской Республики
на уровне муниципальных районов и сельских поселений**

Сельские территории	Группы критериальных признаков	Типы сельских территорий
Муниципальные районы	1) оценка экономического потенциала; 2) оценка по уровню развития социально-трудовой сферы; 3) обеспеченность объектами инженерной инфраструктуры	1) относительно развитые; 2) слаборазвитые; 3) депрессивные
Сельские поселения (на примере Чебоксарского района)	1) наличие организаций промышленного, сельскохозяйственного и иного профиля, сферы услуг; 2) уровень развития личных подсобных хозяйств (поголовье крупного рогатого скота, свиней на 1 личное подсобное хозяйство)	1) с развитой полифункциональной экономикой, имеющей потенциал развития, дополнительно к сельскохозяйственному; 2) с развитым сельским хозяйством и благоприятными природными и социальными условиями развития; 3) с благоприятными природно-климатическими условиями для развития рекреационной и курортной зоны, а также пригородного хозяйства; 4) периферийная зона с признаками социально-экономической депрессии

Таблица 4

**Группировка муниципальных районов Чувашской Республики
по уровню социально-экономического развития в 2008 г.**

Относительно развитые	Чебоксарский Ядринский Моргаушский	Объем отгруженной промышленной продукции на 1 тыс. жителей – от 22805 тыс. руб. до 34140 тыс. руб.; Объем произведенной продукции сельского хозяйства на 1 тыс. жителей – от 30187 тыс. руб. до 38805 тыс. руб.; Оборот розничной торговли во всех каналах реализации на душу населения – от 25577 руб. до 41192 руб.; Уровень среднемесячной заработной платы – в пределах от 71 до 86% от среднереспубликанского значения; Обеспеченность электроэнергией – от 75 до 113%; водой – от 31 до 49%; теплом – от 47 до 67%; сетевым газом – от 57 до 115 %.
Слаборазвитые	Марпосадский Вурнарский Козловский Красноармейский Цивильский Урмарский Аликовский Яльчикский	Объем отгруженной промышленной продукции на 1 тыс. жителей – от 385 тыс. руб. до 12639 тыс. руб.; Объем произведенной продукции сельского хозяйства на 1 тыс. жителей – от 14638 тыс. руб. до 42643 тыс. руб.; Оборот розничной торговли во всех каналах реализации на душу населения – от 17950 руб. до 30558 руб.; Уровень среднемесячной заработной платы – в пределах от 63 до 72% от среднереспубликанского значения; Обеспеченность электроэнергией – от 68,5 до 103%; водой – от 14,2 до 44,2%; теплом – от 22,2 до 61,1%; сетевым газом – от 51,8 до 69,4%.
Депрессивные	Алатырский Ибресинский Батыревский Комсомольский Янтиковский Шемуршинский Шумерлинский Красночетайский Канашский Порецкий	Объем отгруженной промышленной продукции на 1 тыс. жителей – от 620 тыс. руб. до 6886 тыс. руб.; Объем произведенной продукции сельского хозяйства на 1 тыс. жителей – от 14340 тыс. руб. до 29189 тыс. руб.; Оборот розничной торговли во всех каналах реализации на душу населения – от 8355 руб. до 30607 руб.; Уровень среднемесячной заработной платы – в пределах от 58,5 до 72,2% от среднереспубликанского значения; Обеспеченность электроэнергией – от 56,1 до 81,2%; водой – от 3,3 до 12,6%; теплом – от 22,2 до 41,6%; сетевым газом – от 41,7 до 64,7%.

Табл. 4 составлена по данным Министерства экономического развития и торговли Чувашской Республики.

Показатели табл. 4 демонстрируют достаточно высокую зависимость объемов розничного товарооборота и уровня среднемесячной заработной платы от наличия предприятий промышленного профиля.

На примере Чебоксарского района Чувашской Республики можно выделить 4 типа сельских поселений. Главными показателями, на основании которых они выделены, были наличие на территории сельскохозяйственных, промышленных и предприятий иных отраслей экономики, сферы обслуживания, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень развития личного подсобного хозяйства (поголовье скота, приходящееся на 1 ЛПХ) (табл. 5).

Таблица 5

Группировка сельских поселений Чебоксарского района Чувашской Республики по уровню социально-экономического развития в 2008 г.

Сельские поселения с развитой полифункциональной экономикой, имеющей потенциал развития, дополнительно к сельскохозяйственному	Абашевское, Атлашевское, Сарабакасинское, Ишлейское, Кугесьское сельские поселения.	Наличие предприятий промышленного профиля, относительно высокая обеспеченность объектами социальной сферы. Уровень развития личного подсобного хозяйства: поголовье КРС на 1 ЛПХ – от 0,2 до 1,2; свиней на 1 ЛПХ – 0,1-0,3
Сельские поселения с развитым сельским хозяйством и благоприятными природными и социальными условиями развития	Акулевское, Кшаушское, Шинер-посинское сельские поселения	Наличие устойчивых сельскохозяйственных организаций, таких как ФГУП УОП «Приволжское» Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, СХПК «Колхоз им. Свердлова, ОАО «Гвардеец», ОАО «Чувашский бройлер». Уровень развития личного подсобного хозяйства: поголовье КРС на 1 ЛПХ – от 0,8 до 1,1; свиней на 1 ЛПХ – 0,3-0,4
Сельские поселения с благоприятными природно-климатическими условиями для развития рекреационной и курортной зоны, а также пригородного хозяйства	Вурман-Сюктерское, Синьялское, Лапсарское сельские поселения	Наличие 20 санаторно-курортных учреждений, баз отдыха, пансионатов. Уровень развития личного подсобного хозяйства: поголовье КРС на 1 ЛПХ – от 0,6 до 0,9; свиней на 1 ЛПХ – 0,1-0,3
Периферийная зона с признаками социально-экономической депрессии	Синьял-Покровское, Янышское, Чиршаксинское, Ишакское, Сирмапосинское, Большекатрасьское сельские поселения	Обанкротившиеся сельскохозяйственные организации. Уровень развития личного подсобного хозяйства: поголовье КРС на 1 ЛПХ – от 0,2 до 1,2; свиней на 1 ЛПХ – 0,1-0,3

Табл. 5 составлена по данным Министерства экономического развития и торговли Чувашской Республики.

Местоположение Чебоксарского района вблизи республиканских центров – городов Чебоксары и Новочебоксарск, наличие на его территории разветвленной сети дорог, в том числе федерального значения – автодороги М-7 «Волга», республиканского значения – автодороги «Чебоксары-Сурское» и дорог муниципального значения, создает благоприятное положение для развития отраслей экономики, ориентированных на вывоз производимой в районе сельскохозяйственной продукции, развитие сферы придорожного сервиса, размещение промышленных, автотранспортных, строительных и других организаций, одновременно оно способствует оттоку квалифицированного сельского населения в поисках более привлекательных условий труда и заработной платы.

Учитывая эти специфические особенности, по каждому типу муниципальных районов и сельских поселений целесообразно разработать соответствующие механизмы развития, состоящие из финансовых и нефинансовых форм государственной поддержки из всех уровней бюджета, наиболее оптимальным образом способствующих решению их проблем.

Поддержка инициатив местных жителей

Содействовать развитию на селе институтов гражданского общества и местного самоуправления, в том числе и путем поддержки программ и проек-

тов, инициированных местными сельскими сообществами и направленных на устойчивое сельское развитие, в форме субсидий, грантов, выделяемых из федерального и регионального бюджета [1].

Гранты могут выделяться на конкурсной основе на проекты по следующим направлениям:

- благоустройство сельских поселений, в том числе строительство уличных дорог, тротуаров, мостов, устройство колодцев, артезианских скважин, кладбищ и др.;

- сохранение и восстановление природных ландшафтов, исторических и культурных памятников, в том числе и для целей оказания туристских и рекреационных услуг;

- оздоровление социальной среды, охрана материнства и детства и т.д.

Совершенствование системы государственного и муниципального управления

В условиях реализации в настоящее время административной и бюджетной реформы, реформы государственной службы, требующих совершенствования законодательства, нельзя не отметить важность повышения качества управления сельскими территориями в контексте проводимых преобразований путем внедрения в практику бюджетного планирования, ориентированного на результат, программно-целевого метода, усиления ответственности за рациональное использование бюджетных ресурсов, достижение поставленных целей.

Таким образом, организационно-экономический механизм устойчивого развития сельских территорий в настоящее время находится в начальной стадии своего формирования и нуждается в активном апробировании различных подходов к решению сельских проблем, в связи с чем необходимы совместные усилия федеральных и региональных органов власти по разработке комплексных мер по развитию села с обеспечением соответствующего финансирования и реализация пилотных проектов в регионах.

Литература

1. Бондаренко Л.В. Проект Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на период до 2020 года» / ГНУ Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства РАСХН. М., 2009.

2. Узун В.Я. Механизмы финансового обеспечения Госпрограммы и их влияние на интеграцию агропродовольственного сектора субъектов РФ // Рыночная интеграция в агропродовольственном секторе: тенденции, проблемы, государственное регулирование. М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2010. 497 с.

3. Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект: науч. тр. ВИАПИ имени А.А. Никонова / ВИАПИ им. А.А. Никонова; под ред. А.В. Петрикова. Вып. 25. М.: ЭРД, 2009. 272 с.

4. Чаленко А.Ю. О неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях // Капитал страны: издание об инвестиционных возможностях страны / <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/176697> (дата обращения: 20.12.2010).

5. <http://gov.cap.ru/> – официальный сайт Правительства Чувашской Республики (дата обращения 20.12.2010).

АКИМОВА ГУЛЬМИРА ТАГАЕВНА – доцент кафедры менеджмента, Чебоксарский политехнический институт (филиал) Московского государственного открытого университета, Россия, Чебоксары (gtakimova@mail.ru).

AKIMOVA GULNARA TAGAEVNA – assistant professor of Management Chair, Cheboksary Polytechnical Institute (Branch) of Moscow State Open University, Russia, Cheboksary.

УДК 330.341.1

М.Ю. АЛЕКСЕЕВ

ИННОВАЦИЯ, ИМИТАЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Ключевые слова: экономический рост, математическое моделирование, инвестиции, инновация, имитация, защита прав на интеллектуальную собственность, финансирование науки, равновесие рынков труда.

Показаны необходимость постепенного перехода к инновационному развитию экономики России, целесообразность сочетания имитации с инновацией. Доказано влияние защиты прав на интеллектуальную собственность на экономический рост. Опираясь на модели с горизонтальными и вертикальными инновациями, модели эндогенного роста на основе НИОКР и с учетом особенностей рынка труда сферы исследований в России приведены авторские модификации эффективности увеличения затрат ВВП на исследования и защиту прав на интеллектуальную собственность.

M.Yu. ALEXEEV

INNOVATIONS, IMITATIONS AND INTELLEKTUAL PROPERTY

Key words: economic growth, mathematical modelling, investment, innovation, simulation, protection of intellectual property rights, financing of science, balance labour markets.

Need a gradual transition to apply innovative development of the economy of Russia, the desirability of combining simulation with innovation. Proven impact of intellectual property rights protection. Based on the model with the horizontal and vertical innovation model of endogenous growth through research and development and taking into account the characteristics of the labour market research in Russia are author's modifications to increase cost GDP on research and the protection of intellectual property rights.

Переход экономики России на инновационный путь развития, стимулирование развития науки и техники, формирование институциональных условий построения взаимодействия в инновационной сфере приобретают все большее значение. В современной экономической литературе инновациям отводится ключевая роль среди факторов, стимулирующих экономический рост: их позитивное влияние было подтверждено как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях [7; 12. С. 1002-1037].

Необходимо отметить, что следует проводить различия между инновациями и имитациями. Для подавляющего большинства предприятий вводимые новшества состоят в заимствованиях. Воспроизводство того, что уже есть в другой стране, полезно и важно, но инновации отличаются от имитаций преимущественно тем, что инновации опережают мир, а имитации догоняют его. В ряде исследований [11] показана важность учёта различия между этими понятиями для прогнозирования экономического развития. Имитации (заимствование зарубежных разработок) применяются до тех пор, пока экономика страны в конкретной области далека от мировой технологической границы и страна не имеет собственных результатов НИОКР, готовых к внедрению. Как только используемые в стране технологии приближаются к мировой технологической границе, становится выгоднее перейти к инновациям, создавая и модернизируя свой НИОКР, который уже сможет производить продукцию, готовую к внедрению. Это связано с тем, что чем дальше экономика страны от мировой технологической границы, тем издержки инновации выше по сравнению с более эффективной на данном этапе имитацией. Именно такая ситуация сложилась в России.

Мы считаем, что переход к инновационному развитию экономики России может произойти лишь постепенно по мере освоения все более передовых технологий, разработанных странами-лидерами. Главная предпосылка перехода – изменение относительной эффективности заимствований и инноваций. Только тогда, когда создание «принципиально нового» окажется выгоднее для страны, чем имитация, может возникнуть массовый спрос на инновации. Для этого необходимо, чтобы в стране развилась достаточно мощная фундаментальная и прикладная наука и создавалась инфраструктура, позволяющая быстро внедрять результаты

исследований. Следует иметь в виду, что инновационное развитие должно опираться на сильные институты и высококачественный человеческий капитал.

В отсталой экономике инновационный прорыв невозможен по следующим причинам:

- новые технологии производятся с помощью уже ранее освоенных. Это ограничивает возможность создания и внедрения инноваций;
- заимствование дешевле и менее рискованно, чем создание принципиально нового, поэтому у большинства фирм отсутствует стимул для инноваций, в отличие от имитаций;
- серьезным препятствием является утечка мозгов. Влияют различия как в зарплате, так и в инфраструктуре исследований;
- неразвитость институтов поддержки нововведений и слабая защита прав на интеллектуальную собственность.

В технологически отсталом производстве нет спроса на инновации, поэтому они не разрабатываются. Также не предъявляется достаточный спрос на высококвалифицированный человеческий капитал, что приводит к «утечке мозгов» за рубеж, так как потенциальные новаторы не реализуются. И, наоборот, из-за отсутствия новаторов фирмы не проявляют инновационной активности, поэтому технология производства остаётся отсталой. Из-за действия именно этого механизма за последние шестьдесят лет лишь совсем немногим развивающимся странам удалось стать развитыми. Следует отметить, что особенность российской экономики состоит в наличии большого объёма человеческого и интеллектуального капитала, что могло бы позволить в некоторых отраслях применять всё же инновации, а не имитировать зарубежные разработки.

Альтернативная возможность – заниматься имитацией, как это делает большинство развивающихся стран. Однако существует проблема упадка сектора НИОКР страны на ранней стадии ещё до того, как НИОКР станет востребованным, когда по каким-то причинам преимущество экспорта сырья (энергоносителей) перестанет быть основой экономического роста страны [1]. Поэтому мы считаем, что на данном этапе развития экономики России целесообразнее сочетание имитации с инновацией.

Одним из основных факторов, влияющих на интенсивность и масштабы инновационной деятельности компаний и страны в целом, является защита прав на интеллектуальную собственность (ИС), в том числе на результаты НИОКР. Защита прав на ИС связана с эффективностью инновационной деятельности компании как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Слабая защита прав на ИС принуждает компании делать выбор в пользу имитаций, поэтому уровень защиты интеллектуальной собственности определяет направление развития технологий российских компаний. Эти предположения подтверждаются как данными официальной статистики, так и выбором компаниями направления инновационного развития [5]. Таким образом, уровень защиты прав на интеллектуальную собственность крайне важен с точки зрения выбора инновационной политики.

Исследования роли НИОКР в экономическом росте начал П. Ромер [12. С. 1002-1037; 13. С. 71-102], которые были продолжены другими авторами. Модели с горизонтальными инновациями основаны на понятии монополистической конкуренции в секторе НИОКР и в секторе, производящем промежуточные товары (intermediate). Новые товары не мешают старым при монополистической конкуренции, так как каждый вид товаров имеет отдельную ценность и сегментацию. Модели с вертикальными инновациями основаны на шumpетерианской идее «созидательного разрушения»: новое вытесняет старое.

В 1990-х годах на Западе появилось немало моделей, которые описывают различные механизмы эндогенного роста на основе НИОКР (*R&D – research*

and development в англоязычной литературе). В большей степени они относятся к развитым странам. Основная часть исследовательских разработок относится к странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), причём большая часть расходов на НИОКР делается в США. Россия обладает большим сектором НИОКР, но он пока не эффективен и не развит в условиях рыночной экономики. Также влияние защиты прав на ИС на экономический рост России исследовано недостаточно. В качестве базовой модели защиты прав на ИС можно опираться на работы Эйхера, где выделены эффекты незаконного присвоения результатов ИС из-за несовершенства защиты прав на ИС, замедляющие темп экономического роста: исследователи не могут владеть полной стоимостью патентов (слабая защита), при этом исследования становятся менее привлекательными; так как права на ИС слабо защищены, агентам легче заниматься поиском ренты (*rent seeking*), вследствие чего количество людей, занятых в производстве, и количество конечного продукта уменьшаются; падение производства подрывает спрос на новые технологии, и их стоимость снижается. Прочность защиты прав на ИС создает достаточную исследовательскую активность для создания стимулов поддержания институционального качества. В противном случае недостаточное количество инвестиций на защиту прав на ИС приведет к крупномасштабным незаконным присвоениям результатов интеллектуальной деятельности, к падению НИОКР.

Эйхер добавляет защиту прав на ИС в базовую модель эндогенного роста Ромера [13], которая учитывает механизмы НИОКР и интерпретирует силу защиты прав на ИС как меру институционального качества [6. С. 237-258]. Агентов, которые используют в собственных целях слабость защиты прав на ИС, Эйхер называет «хищными агентами» (*predatory agents*). Его модель не учитывает государственную компоненту в секторе исследований. Можно сказать, что она не учитывает особенности рынка труда сферы исследований в России, где данный рынок не является конкурентным, в отличие от представленной модели.

Составим новое уравнение зарплат для исследователей, вследствие чего изменится уравнение зарплат в промышленном секторе. В модели Эйхера в равновесном состоянии наблюдается равенство заработных плат в секторах, т.е. $w_Y = w_P = w_R$, в России же равенства зарплат нет: $w_Y = w_P \neq w_R$. Меняется весь механизм функционирования рынков труда. С учётом государственной компоненты зарплата в исследовательском секторе равна:

$$w_R = \frac{Y_R}{L_R} + q \frac{AP_A}{a},$$

где Y_R – доля ВВП, направленная на развитие исследований из государственного бюджета. $Y_R = \tilde{r}Y$, $\tilde{r}$ назначает государство.

ВВП Y распределяется на капитал, αY и на труд $(1-\alpha)Y$. Финансирование труда распределяется между работниками в производстве и исследователями. Следовательно, доля $\alpha(1-\alpha)Y$ идёт на капитал, $(1-\alpha)(1-\tilde{r})Y$ – на производство и $\tilde{r}Y$ – в исследовательский сектор.

Таким образом, в модели Эйхера в равновесии равенство зарплат записывается так:

$$\frac{(1-\alpha)Y}{L_Y} = \frac{(1-q)P_A A L_R}{a L_P} = q \frac{AP_A}{a},$$

для России же $\frac{(1-\tilde{r})(1-\alpha)Y}{L_Y} = \frac{(1-q)P_A A L_R}{a L_P} \neq \frac{a\tilde{r}Y + qAP_A L_R}{a L_R}.$

Государство выбирает $\tilde{r}$ и влияет на q . Следовательно,

$\tilde{r} \uparrow \Rightarrow w_R \uparrow \Rightarrow w_Y \downarrow \Rightarrow L_Y \rightarrow L_P \Rightarrow w_Y \uparrow \Rightarrow w_P \downarrow$,
 так чтобы $w_Y = w_P$, но при этом $L_Y \downarrow \Rightarrow Y = K^\alpha L^{1-\alpha} \downarrow \Rightarrow w_R \downarrow$.

Здесь $w_R \uparrow, w_R \downarrow$ – эффективность увеличения затрат ВВП на исследования.

$$q \uparrow \Rightarrow w_R \uparrow \Rightarrow w_P \downarrow \Rightarrow L_P \rightarrow L_Y \Rightarrow w_P \uparrow = w_Y \downarrow \Rightarrow L_Y \uparrow \Rightarrow Y = K^\alpha L^{1-\alpha} \uparrow \Rightarrow w_R \uparrow, \\ w_Y \uparrow \Rightarrow L_P \rightarrow L_Y.$$

Видно, что эффективнее инвестировать непосредственно в повышение уровня защиты прав на ИС, так как именно этот выбор в большей степени положительно влияет на экономический рост.

Можно сделать вывод, что в России не соблюдается равновесие рынков труда, и модель в чистом виде не подходит к российскому рынку. В нашей модификации исследовательский сектор финансируется в основном за счёт государства, учтены другие особенности российского рынка труда, в частности то, что, несмотря на низкую зарплату, исследователи не переходят в сектор производства и сектор «хищничества», хотя они могли бы это сделать. Это можно объяснить видом функции полезности исследователей. В производстве нет спроса на инновации и, следовательно, на исследователей.

Затрагивая проблему финансирования НИОКР России, можно сказать, что большинство предприятий не может себе позволить услуги науки. Именно в этих условиях государство могло бы стать неким спонсором и координатором в размещении заказов на выполнение научных работ. Механизм прямого (бюджетного) финансирования является наиболее эффективным в решении общегосударственных задач, таких как финансирование науки, фундаментальных исследований, но для стимулирования увеличения доли затрат на НИОКР внутри хозяйствующих субъектов необходимо использование системы косвенного внебюджетного финансирования. Думается, что именно внебюджетные фонды, являясь связующим звеном между фирмами, занимающимися исследованиями и предпринимательским сектором, должны стать основой финансирования НИОКР.

Равновесие на рынках труда в России можно записать следующим образом:

$$w_Y = w_P = Q w_R,$$

где $Q > 1$ – барьер, сдерживающий повышение зарплаты в секторе исследований. Также Q можно интерпретировать как функцию полезности в секторе исследований, в результате чего исследователи L_R не хотят и не могут переходить из исследований в другие сектора, несмотря на низкую зарплату, вследствие чего нарушается механизм функционирования рынков труда. Функцию полезности в секторе исследований можно записать так: $Q = f$ (степень свободы), т.е.

$$w_R = \frac{(a\tilde{r}Y + qAP_AL_R)Q}{aL_R},$$

тогда равновесие рынков труда в России установится следующим образом:

$$\frac{(1-\tilde{r})(1-\alpha)Y}{L_Y} = \frac{(1-q)P_AL_R}{aL_P} = \frac{(a\tilde{r}Y + qAP_AL_R)Q}{aL_R}.$$

Рассчитаем равновесный темп роста, учитывая только Q – барьер, т.е. в равновесном рынке труда равенство зарплат в сфере исследований и в производстве

$$\frac{qAP_AQ}{a} = (1-\alpha)\frac{Y}{L_Y}.$$

Так как в равновесии изменение цены инновации составляет $\frac{\dot{P}_A}{P_A} = 0$, следовательно, $L_Y = \frac{a}{\alpha q} \left(r - \frac{\dot{P}_A}{P_A} \right)$, с учётом Q получаем $L_Y = \frac{ar}{\alpha q Q}$. Так как $L_R = q(L - L_Y)$, то $L_R = qL - \frac{ar}{\alpha Q}$.

Поскольку количество производимых промежуточных товаров постоянно, рост выпуска определяется как $\frac{\dot{A}}{A} = \frac{L_R}{a}$ и максимизация полезности задаётся как $\frac{\dot{C}}{C} = \frac{r - \rho}{\delta}$, то

$$\frac{qL - \frac{ar}{\alpha Q}}{a} = \frac{r - \rho}{\delta}; \quad \frac{\frac{\alpha Q q L - ar}{\alpha Q}}{a} = \frac{r - \rho}{\delta}; \quad \frac{\alpha Q q L - ar}{\alpha Q a} \delta = r - \rho;$$

$$\left(\frac{\alpha Q q L}{\alpha Q a} - \frac{ar}{\alpha Q a} \right) \delta = r - \rho; \quad \frac{qL}{a} - \frac{r}{\alpha Q} = \frac{r - \rho}{\delta} = \frac{r}{\delta} - \frac{\rho}{\delta}; \quad \frac{qL}{a} + \frac{\rho}{\delta} = \frac{r(\alpha Q + \delta)}{\delta \alpha Q}.$$

$$\text{Отсюда } r = \frac{\frac{q \alpha L Q}{a} \delta + \rho \alpha Q}{\alpha Q + \delta}; \quad \frac{r}{\delta} = \frac{\frac{q \alpha L Q}{a} + \frac{\rho \alpha Q}{\delta}}{\alpha Q + \delta}.$$

$$\text{Так как } \frac{\dot{C}}{C} = \frac{r - \rho}{\delta}, \text{ то } \frac{r}{\delta} - \frac{\rho}{\delta} = \frac{\left(\frac{q \alpha L Q}{a} + \frac{\rho \alpha Q}{\delta} \right) \delta - \rho(\alpha Q + \delta)}{(\alpha Q + \delta) \delta} = \frac{\frac{q \alpha L Q}{a} - \rho}{\alpha Q + \delta} = g_M^*,$$

где g_M^* – равновесный темп роста экономики в модифицированной модели.

Имеем уравнения для равновесных темпов роста в исходной модели Эйхера и в модифицированной модели с учётом барьеров Q :

$$g^* = \frac{\frac{q \alpha L}{a} - \rho}{\alpha + \delta}, \quad g_M^* = \frac{\frac{q \alpha L Q}{a} - \rho}{\alpha Q + \delta}.$$

Влияние q – степени защиты прав на ИС – на равновесный темп роста в модели Эйхера $\frac{\partial g^*}{\partial q} = \frac{\alpha L}{a(\alpha + \delta)}$.

$$\text{Влияние } q \text{ на равновесный темп роста в России } \frac{\partial g_M^*}{\partial q} = \frac{\alpha L Q}{a(\alpha Q + \delta)}.$$

$$\text{Сравнивая производные в двух случаях } \frac{\frac{\partial g^*}{\partial q}}{\frac{\partial g_M^*}{\partial q}} = \frac{\alpha Q + \delta}{Q(\alpha + \delta)} < 1,$$

приходим к выводу, что в модели с барьерами защита прав на интеллектуальную собственность сильнее влияет на темп экономического роста страны, чем в исходной модели Эйхера. Но необходимо отметить, что в России на данный момент количество фирм-имитаторов превышает количество фирм-инноваторов, и поэтому необходим сбалансированный механизм защиты прав на ИС. Это обусловлено тем, что в России со стороны фирм отсутствует «платежеспособный спрос» на инновации и они не заинтересованы в защите прав на ИС. Следовательно, в первую очередь важен переход страны именно на инновационный путь развития.

Литература

1. Матвеев В.Д. Ресурсозависимость и экономический рост: модель с трехфакторной производственной функцией. Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. СПб.: ЭМИ РАН, 2006.
2. Полтерович В.М. О стратегии догоняющего развития для России // Экономическая наука современной России. 2007. № 3 (38). С. 17-23.
3. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2009.
4. Россия и страны мира. М.: Росстат, 2008.
5. Юдаева К., Козлов К., Соколов Д. Инновационная активность российских предприятий // Московский Центр Карнеги. Рабочие материалы (5), 2004.
6. Eicher T., Garcia Penalosa G. Endogenous strength of intellectual property rights: Implications for economic development and growth // European Economic Review. 2008. Vol. 52(2). P. 237-258.
7. Grossman G., Helpman E. Innovation and Growth. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
8. Maskus K.E. Intellectual Property Rights in the Global Economy. Washington: Institute for International Economics, DC, 2000.
9. Murphy K.M., Shleifer A., Vishny R.W. The allocation of talent: implications for growth // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106(2). P. 503-530.
10. OECD. Main Science and Technology Indicators, 2008.
11. Polterovich V., Tonis A. Innovation and Imitation at Various Stages of Development. Moscow: New Economic School, 2003.
12. Romer P. Increasing Returns and Long-Run Growth // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94(5). P. 1002-1037.
13. Romer P. Endogenous technological change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98(5). P. 71-102.

АЛЕКСЕЕВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – магистрант факультета экономики, Санкт-Петербургский филиал Государственного университета – Высшей школы экономики, Россия, Санкт-Петербург (simvolika11@mail.ru).

ALEXEEV MIKHAIL YURIEVICH – student Magistracy of Economics Faculty, St. Petersburg Branch of University – Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg.

УДК 338:631

Н.П. БЕЛОВА

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ*

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельские территории, социально-экономическое развитие, региональное развитие.

Рассмотрена необходимость разработки и практической реализации системы региональной поддержки развития сельских территорий с учетом концепции устойчивого развития.

N.P. BELOVA

THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES

Key words: sustainable development, rural area, social and economic development, regional development.

In this publication addressed the need to develop and implement regional support for rural development, taking into account the concept of sustainable development.

В условиях усиления глобальной экономической нестабильности важное значение имеет достижение устойчивого экономического развития страны и ее регионов. Вопросы согласования дальнейшего социально-экономического развития остаются чрезвычайно актуальной проблемой, так как обществу необходимо оценивать, какие затраты оно несет для достижения экономических результатов и насколько эти затраты целесообразны. Экономический рост сам по себе не служит самоцелью, он призван обеспечить повышение уровня и качества жизни людей. Такой подход предполагает разработку и реализацию региональных экономических и институциональных механизмов, связанных с оптимизацией использования регионального потенциала. Развитие любого региона всегда детерминировано его природно-ресурсной базой, экологической обстановкой и их влиянием на социально-экономическую сферу. Создание условий устойчивого развития сельских территорий является одной из важней-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 110200015а).

ших стратегических целей государственной политики, обеспечивающей эффективное использование имеющегося потенциала экономики страны [1].

Развитие Чувашской Республики долгие годы оставалось преимущественно аграрным, советская индустриализация началась намного позже, чем в большинстве регионов Поволжья – только в 1960-1970-е годы. Из-за более позднего начала процессов урбанизации республика отличается пониженной долей городского населения (58%) по сравнению с более развитыми поволжскими регионами. Невелика и сеть городских поселений – 9 городов (из них 5 малых) и 8 поселков городского типа. Более 60% горожан – это жители столицы Чувашии г. Чебоксары и Новочебоксарска. Только эти два города продолжали расти в течение межпереписного периода 1989-2002 гг. (на 4 и 9% соответственно) как за счет небольшого естественного прироста, так и за счет миграций. Из других городов только Канаш и Алатырь едва «дотягивали» по численности населения до средних (50 тыс. человек), но из-за продолжающейся потери населения в середине 2000-х годов выбыли из этой категории. Остальная территория Чувашии преимущественно сельская, заселена достаточно равномерно, преобладают средние сельские поселения (до 500 человек) [3].

Среди социальных преимуществ развития региона в настоящем можно выделить: проводившаяся в течение многих лет активная политика реформирования с использованием опыта международных проектов; прозрачность социальных расходов бюджета и широкое привлечение внебюджетных ресурсов; модернизация системы социальных услуг в сельской местности; сглаживание межотраслевой и внутрирегиональной дифференциации в оплате труда в 2000-е годы; относительно благополучные показатели здоровья (особенно – низкая младенческая смертность); ускоренное развитие высшей школы; высокая плотность населения, способствующая инфраструктурной освоенности территории; быстрый ввод в действие нового жилья, в том числе и за пределами агломерации региональной столицы.

При этом необходимо отметить следующие социальные проблемы, с которыми приходится сталкиваться руководству республики: замедленный выход из затяжной депрессии 1990-х годов из-за трудностей адаптации ведущих промышленных предприятий к новым условиям; сильная уязвимость экономики к макроэкономическим шокам, проявившаяся в период кризиса 2008-2009 гг. в резком спаде промышленного производства и росте напряженности на рынке труда; низкие доходы населения и их медленные темпы роста; повышенный уровень бедности, хотя он существенно сократился за годы экономического подъема, в том числе благодаря росту помощи из федерального бюджета; пониженный уровень образования взрослого населения, особенно титульного – наполовину сельского; постарение сельского населения, особенно русского; прекращение миграционного прироста [3].

Важную роль в экономике республики играет сельское хозяйство, хотя во второй половине 2000-х годов численность занятых в этой отрасли продолжала уменьшаться и за 2003-2008 гг. сократилась на четверть. В 2008 г. сельское хозяйство обеспечивало работой около 14% занятых в республике (в 2003 г. – 18,5%). По данным Минсельхоза РФ, Чувашия вошла в число 15 регионов с относительно благоприятной динамикой сельского хозяйства в 1990-х годах, спад в агросекторе по сравнению с промышленным производством был менее сильным. При схожих природных условиях посевные площади в Чувашии сократились в меньшей степени, чем в других республиках Волго-Вятского района (на 29 и на 37-40% соответственно). Ведущую роль в агросекторе играют личные подсобные хозяйства населения, на них приходится 60-75% производимого в республике мяса и молока (в среднем по РФ – около половины), около 70-80% производства картофеля и овощей.

Демографические характеристики Чувашии менее проблемны на фоне русских регионов Поволжья и схожи с показателями Татарстана и Башкирии. Однако даже на небольшой территории республики заметны внутренние различия. Превышение смертности над рождаемостью в 2-2,5 раза и высокая естественная убыль характерны для сельской местности западных и юго-западных районов Чувашии, прилегающих к давно депопулирующим Нижегородской области и Мордовии. Особенно выделяются два района (Алатырский и Порецкий), где преобладает русское население. Однако различия в демографических показателях чувашского и русского населения сокращаются, особенно в уровне рождаемости, чисто чувашские районы постепенно втягиваются в зону депопуляции. Относительно благоприятна демографическая ситуация только в крупнейших городах республики – Чебоксарах, Новочебоксарске, Канаше и прилегающим к ним районам. Здесь население моложе, поэтому при среднем уровне рождаемости смертность меньше, а в крупнейших городах даже сохраняется небольшой естественный прирост.

В Чувашии около четверти сельских жителей старше трудоспособного возраста. Велика и демографическая нагрузка на селе, один трудоспособный житель должен обеспечить себя и еще одного нетрудоспособного. Такая же нагрузка характерна и для сельского населения соседних регионов, но там она больше смещена в сторону пожилого населения.

Резкий спад занятости в сельском хозяйстве Чувашии произошел в 2000-х годах. Особенность Чувашии – очень низкие заработки занятых в сельском хозяйстве, причем отставание этого сектора экономики усиливалось вплоть до середины 2000-х годов. При очень низкой заработной плате огромную роль в обеспечении благосостояния сельских жителей играет развитое личное подсобное хозяйство.

Внутрирегиональные различия в заработной плате формируются под воздействием отраслевого неравенства, поэтому наиболее существенны различия между городом и селом. В 2009 г. различия между городами и районами стали менее выраженными. Только в столице Чувашии и в Красноармейском районе заработная плата выше средней по республике. Из сельских районов выше всего заработки в Чебоксарском. В остальных сельских районах, где до 30-50% занятых составляют работники низкооплачиваемого агросектора, средние заработки населения за 2000-е годы заметно «подтянулись»: если в 2003 г. они были не выше 40-50% от среднерегиональных, то в 2009 г. не осталось районов с уровнем заработков населения ниже 60% от средних по республике. Как и в других регионах страны, косвенные индикаторы доходов не всегда коррелируют с официальными данными о заработной плате, хотя по обеспеченности легковыми автомобилями крупные города Чувашии опережают большинство сельских районов. В лучшую сторону выделяются только сельские районы юго-востока (Шемуршинский, Батыревский, Янтиковский) на границе с Татарстаном, что косвенно указывает на недоучет доходов сельских жителей.

Задача развития сельскохозяйственного производства имеет паритетное значение так же, как и задача обеспечения устойчивого развития сельских территорий, которое в современных условиях, прежде всего, предполагает диверсификацию источников занятости (в том числе обеспечение несельскохозяйственной занятости) и увеличение доходов сельского населения, создание нормальных условий жизни на селе.

На современном этапе развития агропромышленного комплекса одним из основных аспектов идеологии агропродовольственной политики должна стать ее переориентация с отраслевых программ поддержки сельского хозяйства на программы комплексного развития сельских территорий.

Для устойчивого развития сельских территорий Чувашской Республики должны быть приняты и реализованы меры по социально-экономическому

развитию деревни, прежде всего, направленные на повышение занятости и доходов сельского населения, развитие сельского самоуправления, стимулирование развития несельскохозяйственного бизнеса в сельской местности.

Решение проблем сельского развития и обеспечения роста уровня жизни сельских жителей потребует межведомственной координации и взаимодействия, направленных на создание альтернативных источников занятости сельского населения и повышение уровня его профессиональной подготовки, механизмов поддержки экономической активности сельского населения и участия сельских жителей в развитии социальной и инженерной инфраструктуры.

Без решения этой задачи не представляется возможным осуществить модернизацию аграрной отрасли, обеспечить рост уровня жизни сельских жителей, расширить налогооблагаемую базу региональных и муниципальных бюджетов.

Государственная стратегия устойчивого развития сельских территорий должна основываться на следующих принципах:

- сохранения традиционных сельских территорий;
- развитие села как единого социально-экономического, территориально-природного и культурно-исторического комплекса, выполняющего производственные, социально-демографические, культурные, природоохранные и рекреационные функции;
- развитие всех форм собственности на землю;
- преодоление обособленности села на основе расширения и углубления его связей с городом, интегрирование села в единую общеэкономическую систему путем агропромышленной интеграции и кооперации, создания различных хозяйственных структур с совмещенными функциями (сельско-городские структуры), развития дорожно-транспортных коммуникаций, телефонной и других форм связи, создания единых систем общественного обслуживания населения, постепенная агломерация города и села в динамично развивающееся единство;
- взаимодействие программ по устойчивому развитию сельских территорий с мероприятиями агропродовольственной политики государства на ближайшую перспективу, в том числе со структурной перестройкой сельскохозяйственного производства (основной сферой занятости сельского населения);
- развитие социального партнерства между государством, муниципалитетами и сельским населением;
- максимальное вовлечение в хозяйственный оборот и повышение эффективности использования природных, материальных и человеческих ресурсов сельской местности на основе повышения эффективности институциональных преобразований и усиления мотивационных механизмов развития;
- экономическая и территориальная доступность социальных услуг и объектов социальной сферы для всех групп сельского населения;
- сочетание мер государственной поддержки с мобилизацией местных ресурсов, которыми располагают сельские сообщества;
- выравнивание межрегиональных уровней экономического и социально-культурного развития сельских территорий;
- демократизация жизни сельских сообществ, повышение участия населения в принятии решений, связанных с развитием производства, планировкой и застройкой поселений, другими аспектами жизни сельского социума путем развития коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, развития местного самоуправления, деятельности общественных и общественно-хозяйственных организаций (потребительской, промысловой, кредитной кооперации и др.).
- экологически щадящий подход и бережное отношение к невозполняемым природным ресурсам при разработке и реализации механизмов жизнеобеспечения сельских жителей.

В рамках реализации концепции устойчивого развития сельских территорий необходимо учитывать не только общечеловеческие, но и этнические особенности российского сельского образа жизни, особую роль, в силу пространственно-территориальной специфики, роль деревни в социальной и экономической жизни российского общества и реализации российских геополитических интересов. В основу должен быть положен принцип особенностей природно-климатических и экономических условий территорий страны.

Такой подход позволит устранить перечисленные и существующие ныне факторы и тенденции социально-экономического развития сельских территорий, что приведет к повышению качества сельской жизни и создаст основы для повышения престижности проживания в сельской местности.

Таким образом, устойчивое развитие сельских территорий, решение социальных проблем сельского населения является одним из основных условий бесконфликтного, демократического развития российского общества, его экономического и социального благополучия и потому должно стать приоритетным направлением развития государства.

Литература

1. Калинина Г.В., Белова Н.П. Социальное развитие региона: актуализация интегральных индикаторов качества жизни населения в современных условиях (на примере субрегионального уровня Чувашской Республики). Чебоксары: Руссика, 2006. 356 с.

2. Россия в цифрах. М., 2009.

3. http://atlas.socpol.ru/indexes/index_life.shtml.

БЕЛОВА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и кооперации, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (npbelova@mail.ru).

BELOVA NADEZHDA PETROVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Economy, Management and Cooperation Department, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 502:620.9

А.Г. БЕКЕТОВ

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ (на примере торфа)

Ключевые слова: торф, топливно-энергетический баланс, мировая добыча торфа, эколого-экономическая эффективность использования торфа, функции торфяно-болотных экосистем.

Автор акцентирует внимание на торфе как локальном ресурсе, уровень использования которого неоправданно низок. На основании математической модели проведен анализ экономического эффекта от использования топливного торфа по сравнению с традиционными энергоресурсами – углём, газом, мазутом. Сделан вывод об оптимальном масштабе задействования торфяных ресурсов для выработки тепло- и электроэнергии. Рассмотрен экономический и эколого-социальный аспект разработки торфяных месторождений.

A.G. BEKETOV

IS THE ECOLOGICAL-ECONOMIC AND SOCIAL EFFECTIVENESS OF THE USE OF ENERGY RESOURCES (BASED ON THE EXAMPLE OF PEAT)

Key words: peat, energy balance, world peat production, environmental and economic efficiency of peat utilization, importance of peat-bogs ecosystems.

This paper is focused on widespread peat local resources and their unreasonable under-utilization in Russia. Based on mathematical model an analysis was conducted, in which economical efficiency of peat usage was compared with traditional power resources such as coal, gas and residual fuel. As a result the optimal scale of peat field exploration was provided. Economic, environmental and social aspects of peat utilization were explored.

Автором работы был проведен сравнительный анализ различных видов топлива, используемых для получения тепло- и электроэнергии. Основная задача выполненных расчетов – выявить масштабы использования торфяных ресурсов для достижения максимальной экономической и экологической эффективности

по отношению к традиционным видам топлива (бурый и каменный уголь, природный газ, мазут). Выдвигаемая гипотеза: вовлечение торфа в систему энергетики оправдано при ограниченном его применении как локального или резервного вида топлива. Соответственно, исследуемой величиной является численность населения, которую необходимо снабжать тепло- и электроэнергией.

Параметрами модели выбраны:

- 1) средняя теплота сгорания рассматриваемых видов топлива;
- 2) внутренняя для России рыночная стоимость ресурсов;
- 3) расстояние доставки ресурса (уголь, мазут) железнодорожным транспортом;
- 4) удаленность населенного пункта от имеющейся инфраструктуры. Требуется для оценки капиталовложений в строительство ответвления газопровода (поставки газа), ответвления железнодорожной ветки для доставки угля, мазута, строительство дорог для доставки торфа (автомобильный транспорт);
- 5) потребляемая тепло- и электроэнергия на человека. Смоделирован населенный пункт, расположенный в средней полосе России, с годовым потреблением электроэнергии 3 тыс. кВт·ч, теплоты 6 тыс. Гкал на каждого жителя;

6) КПД действующих станций. Для твердого топлива и мазута – 40%, для газовых станций – 50%;

7) капитальные затраты на строительство инфраструктуры для доставки внешних ресурсов (уголь, мазут, газ), основные средства и инфраструктура для разработки торфяных болот и доставки торфа;

8) срок эксплуатации построенной инфраструктуры. Для построенных ж/д ответвлений – 30 лет, для прокачки газа – 20 лет, для торфа – 10 лет (дисконтирование не применялось).

Моделировались населенные пункты с численностью населения 1, 10, 50 и 100 тыс. человек. Исходящим параметром стали суммарные затраты на энергоноситель в тыс. руб. Подсчитан экологический эффект как разница затрат на использование торфа и других видов топлив («дельта»).

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. На рис. 1 представлены полученные затраты для населенного пункта с 1 тыс. жителей.

Рис. 1

Затраты на использование торфа наименьшие среди всех видов топлив. Тенденция сохраняется и для населенного пункта с численностью жителей 10 тыс. (рис. 2).

Однако во втором случае использование газа как топлива становится не менее выгодным. Следовательно, обеспечение тепло- и электроэнергией жителей путем сжигания исключительно торфа целесообразно для небольших

населенных пунктов (не более 10 тыс. человек). При дальнейшем росте численности эффективность использования газа также повышается (рис. 3).

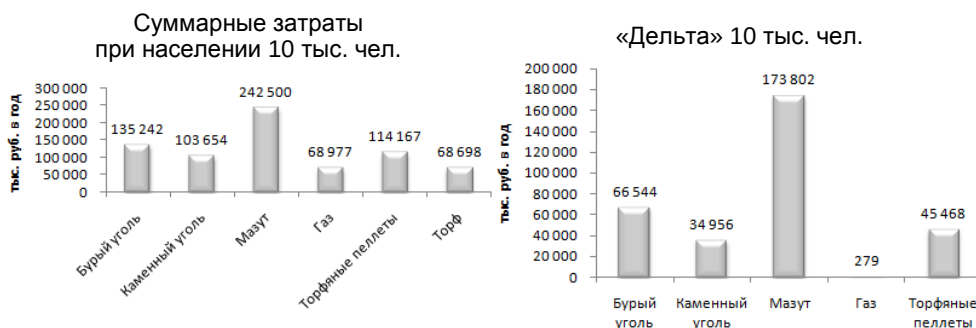

Рис. 2

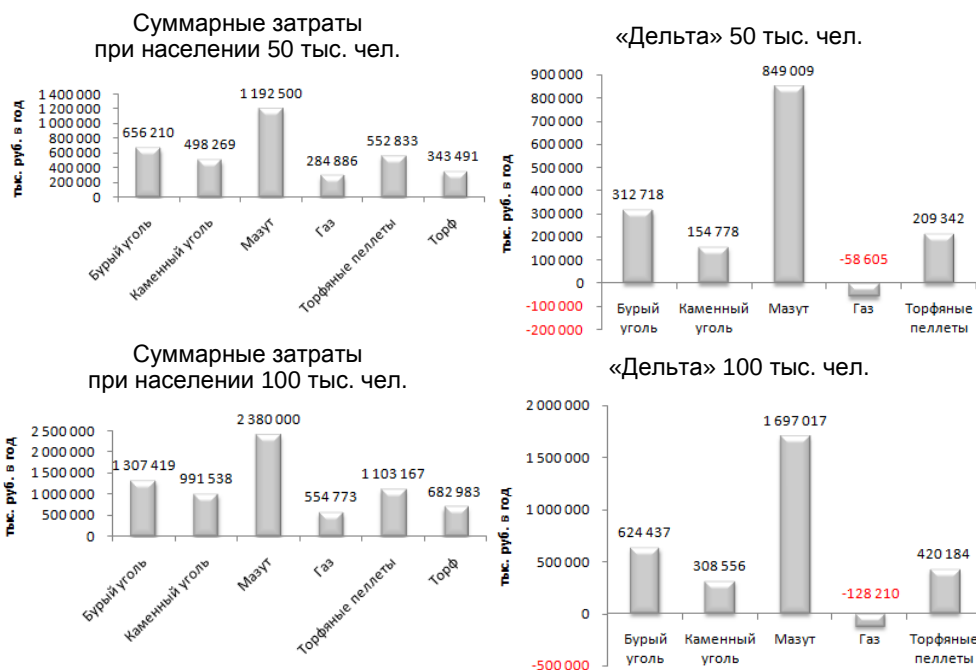

Рис. 3

Исходя из полученных результатов можно сделать ряд выводов.

Во-первых, очевидна экономическая (и экологическая) неэффективность использования мазута как самостоятельного вида топлива, даже несмотря на его наиболее высокую теплоту сгорания среди рассматриваемых видов топлива (9500 ккал/кг). Поэтому мазут чаще применяется в качестве резервного или сезонного топлива.

Во-вторых, торф является локальным природным ресурсом, использование его для решения масштабных задач по тепло- и энергоснабжению нецелесообразно экономически. Теоретически сжигание торфа предпочтительнее угля даже при населении 50 и 100 тыс. Однако в действительности это ведет к масштабному разрушению значительных экосистем лесов и болот, снижению

биологического разнообразия региона, риску возникновения пылевых бурь, пожаров, появляется проблема восстановления огромных площадей выработанных торфяных полей, находящихся в непосредственной близости от населенных пунктов. С учетом современного подхода к экологии в нашей стране крупные торфяные разработки экологически и социально неэффективны.

В-третьих, торф помогает решить проблему чрезмерной доли газа в топливно-энергетических балансах регионов. Руководством страны поставлена задача повышения энергобезопасности России. В топливно-энергетической корзине нашей страны доля газа достигает 51%, при этом доля нефти составляет всего 22%. Высокую долю газа в топливном балансе имеют практически все страны, располагающие большими запасами этого энергоносителя: Иран – 53%, Катар – 80%, ОАЭ – 66%, Кувейт – 45%, Саудовская Аравия – 42%, Алжир – 64%. Для сравнения: доля газа в топливном балансе США составляет 24%, Канады – 27%, Германии – 24%, Франции – 15%, Норвегии – 10% [5]. Таким образом, включение торфа в локальный топливно-энергетический баланс повышает энергобезопасность региона.

В-четвертых, следует развивать иные направления использования торфа помимо топливного. В СССР, а также в современной Европе, США, Канаде торф прежде всего сельскохозяйственный ресурс, имеющий вследствие дополнительного уровня переработки более высокую добавленную стоимость (растет экологическая и экономическая эффективность). Перечислим основные направления применения торфа:

- производство органоминеральных удобрений;
- производство торфяной подстилки, субстратных плит, питательных брикетов, торфяных горшочков, кормовых гидролизных сахаров и других продуктов химической переработки торфа;
- целевое производство активных углей;
- целевое производство горного воска;
- использование в медицинской практике;
- производство строительных плит (как утеплитель либо как основной материал при малоэтажном строительстве).

В-пятых, торф не является предметом активной мировой торговли, в отличие газа и нефти. Следовательно, его стоимость напрямую не связана с колебанием финансовых рынков. С учетом общемировой тенденции к возрождению популярности угля как источника энергии, а также задачи, поставленной руководством России, повысить стоимость газа для внутренних потребителей до уровня внешнего рынка конкурентные преимущества торфа возрастут.

В настоящее время природные экосистемы испытывают большое техногенное и антропогенное воздействие. В наибольшей степени это относится к торфяно-болотным экосистемам, которые находятся в промышленно развитых центральных регионах России. Площадь выработанных торфяных полей в нашей стране достигает 900 тыс. га [2]. Разрабатываемые промышленным способом торфяные месторождения, являясь элементом экосферы, могут порождать экологические проблемы в природных комплексах. Например, мелиоративное осушение низинных пойменных болот в Беларуси вызвало торфяные бури, привело к интенсивной минерализации легких торфяных почв, переосушению прилегающих к болотам сельскохозяйственных территорий, исчезновению многих видов растений и животных и ряду других негативных экологических последствий.

Болота, подвергшиеся нарушению в результате интенсивных торфяных разработок, самостоятельно восстанавливаются очень медленно. Даже по истечении 100 лет с момента начала добычи эти земли остаются малопродуктивными, к тому же они являются источником распространения негативных процессов: загрязнение воздуха при пожарах, поверхностных вод при эрозиях и т.п.

Для индустриального периода характерно занижение или полное отсутствие экологической составляющей в стоимости конечной продукции. Таким образом, ущерб природной среде не учитывался при формировании цены торфа. В пост-индустриальный период ситуация меняется. Помимо добычи и переработки торфа в себестоимость включаются значительные экологические платежи, которые направляются на восстановление нарушенных болотных систем.

На современном этапе в России вопросам восстановления нарушенных болотных экосистем уделяется недостаточное внимание. Отсутствуют научно-исследовательские и практические программы по этим проблемам. В то же время в странах Европы, в США, Канаде, где традиционно добывается значительный объем торфа, существует государственное финансирование долгосрочных (10-25 лет) программ по восстановлению районов, подвергшихся торфоразработкам.

Рекультивация торфяных почв в основном направлена на использование нарушенных земель под сельскохозяйственные культуры, пастбища, сенокосы, прудовые хозяйства, лесопосадки и т.п. В отличие от регенерируемых торфяников рекультивируемая система возвращается в естественный вид, но свои естественные функции выполняет не полностью.

Возможен вариант использования выработанных земель для постройки инфраструктурных объектов: инженерных сооружений и коммуникаций (ЛЭП, автодороги, трубопроводы, развлекательные комплексы и т.д.).

На основании анализа сравнительной экономической эффективности использования торфа как топлива, с учетом обозначенного социально-экологического аспекта, можно сделать следующие выводы:

- торф является экономически эффективным ресурсом для решения локальных задач тепло- и энергоснабжения небольших населенных пунктов, а также для решения проблем энергобезопасности;

- широкомасштабные разработки торфяных месторождений ведут к разрушению значительных площадей болотных экосистем, социально-экологические потери могут превысить экономические выгоды;

- если рассматривать привозной уголь в качестве основного конкурентного торфу энергоносителя, экономические выгоды использования торфа для населенных пунктов с численностью жителей 1-10 тыс. человек составят 400-500 тыс. руб. в год на каждый гектар нарушенных болотных угодий. Эти средства следует рассматривать как источник финансирования рекультивации использованных торфяных полей.

Решение о разработке каждого торфяного месторождения должно приниматься индивидуально после анализа не только экономического, но и социально-экологического эффекта от вмешательства в конкретную торфяно-болотную экосистему.

Литература

1. Гогин Д.Ю. О развитии использования местных возобновляемых источников топлива в топливно-энергетическом балансе России // Торф и Бизнес. 2007. № 1 (7).
2. Косов В.И., Беляков А.С., Белозеров О.В., Гогин Д.Ю.. Торф. Ресурсы, технологии, геоэкология. СПб.: Наука, 2007.
3. Нефедова В.М. Мировой рынок торфа // Внешнеэкономический бюллетень. 2003. № 8 (август).
4. Проект энергетической стратегии России на период до 2030 г. М., 2003.
5. Электроэнергетика России 2030. Целевое видение / под общ. ред. Б.Ф. Вайнзихера. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.

БЕКЕТОВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ – аспирант кафедры экономики природопользования, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (beketov_msu@rambler.ru).

BEKETOV ALEXANDER GENNADJEVICH – post-graduate student of Nature Management Economy Department, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

УДК 330.341

Е.Н. БОБЫШЕВ, А.Е. ШАМИН

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ДОРОЖНОЙ СЕТИ
В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Ключевые слова: дорожная сеть, факторы, дорожная инфраструктура, сельские территории, уровень финансирования, инвестиции.

Рассмотрены вопросы влияния различных факторов на развитие дорожной сети в сельских территориях, которая является одним из элементов сельской инфраструктуры. Дана характеристика состояния сельской дорожно-транспортной сети Нижегородской области. Выделены активные и пассивные факторы, отрицательно влияющие на развитие дорожной сети сельской местности.

E.N. BOBYSHEV, A.E. SHAMIN

THE FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF TRANSPORT IN RURAL TERRITORIES

Key words: road system, factors, road infrastructure, rural territories, level of financing, investment.

In this article the questions of influence of various factors on development of road system in rural territories are considered. The road system in rural territories is one of elements of a rural infrastructure. The characteristic of condition of a rural road and transport network of the Nizhny Novgorod region is given in this article. The active and passive factors negatively influencing development of a high system of countryside are allocated.

Дорожная сеть является одним из основных элементов рыночной инфраструктуры, который обеспечивает развитие взаимосвязей между отдельными субъектами рыночных взаимоотношений, способствует движению товаров народного потребления и перемещению потока пассажиров. Существование высокоразвитой автомобильной сети является одним из главных условий социально-экономического развития сельских территорий. Недостаток дорог в сельском хозяйстве, их плохое качество приводят к нарушению связей между хозяйствующими субъектами, отрицательно сказывается на развитии межрегиональных связей, замедляет развитие рынка труда и увеличивает транспортные затраты в этой отрасли, а также создает напряженность в социальной сфере работников села.

От состояния дорожной сети напрямую зависит конкурентоспособность отечественного сельскохозяйственного производства. Доля в ВВП России отечественной сельскохозяйственной продукции, связанных с автодорожным комплексом, составляет сегодня 16,7%. С учетом косвенного макроэкономического эффекта в других отраслях хозяйства эта доля еще выше – 26,9%. Ключевую роль автомобильные дороги играют в решении социальных задач на селе, в реализации приоритетных национальных проектов в области обеспечения населения доступным жильем, образования, здравоохранения и, конечно же, сельского хозяйства.

В федеральном бюджете на 2010 г. было предусмотрено дополнительное выделение регионам 440 млрд руб. в виде субсидий на строительство и модернизацию автомобильных дорог, включая дороги в поселениях и подъезды к новым микрорайонам массовой малоэтажной и многоквартирной застройки. С учетом этих средств роль автомобильных дорог в реализации приоритетных национальных проектов должна была существенно повыситься. Должна была усилиться роль и в связи с расширением участия России в глобальном развитии мировой экономики. Но из-за сложившейся экономической ситуации в мире расходы на содержание и ремонт автомобильных дорог были несколько раз пересмотрены. Например, в Нижегородской области только в результате последнего секвестирования расходы были сокращены на 69,9% и составили 1 945 470 тыс. руб.

Известно, что автомобильные дороги в РФ носят стратегический характер. Они обеспечивают связь всех территорий страны, определяя вектор развития регионов, городов, населенных пунктов и осуществляя возможность массовых доставок грузов и перевозок пассажиров.

На селе автодороги носят определяющий характер в развитии не только сельскохозяйственного производства, но и самих сельских поселений как одной из составляющей региональной сельскохозяйственной экономики, так как село должно обеспечивать продовольственную безопасность региона.

От развитости сети автодорог зависит не только мобильность населения, но и доступ сельскохозяйственных предприятий к материальным ресурсам. Качественные дороги дают возможность быстрого сбыта своей продукции сельскими товаропроизводителями, тем самым обеспечивая их конкурентоспособность, что, в свою очередь, дает толчок к последующему развитию и позволяет расширять производственные возможности за счет снижения транспортных издержек и затрат времени на перевозки.

Около 80% протяженности сельских дорог межмуниципального значения не соответствуют нормативным требованиям по транспортно-эксплуатационному состоянию, что приводит к повышению себестоимости автоперевозок. Более половины автомобильных дорог местного значения не имеют твердого покрытия.

Недостаточный уровень развития дорожной сети приводит к значительным потерям населения сельских территорий (происходит миграция в большие города), является одним из наиболее существенных структурных ограничений темпов социально-экономического развития села.

Например, в Нижегородской области в 2008 г. было расположено 4803 сельских населенных пункта, из которых 3101 населенный пункт (64,6%) имел, а 1702 населенных пункта (35,4%) не имели автотранспортную связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования. Не были обеспечены автотранспортной связью по дорогам с твердым покрытием главным образом населенные пункты с численностью жителей до 50 человек. Из 1700 населенных пунктов с численностью до 50 человек 1148 (67,5%) не имели автотранспортной связи по дорогам с твердым покрытием.

В то же время 469 (9,76%) сельских населенных пунктов области были не заселены, а в 458 (9,54%) были с численностью жителей 1-3 человека.

За 2008 г. количество сельских населенных пунктов, имеющих автотранспортную связь по дорогам с твердым покрытием, увеличилось на 36 единиц в результате строительства и ввода в эксплуатацию ГУ «ГУСАД НО» 32 км муниципальных автодорог. Но это недостаточные меры для приведения сельских автомобильных дорог в надлежащее состояние. Необходимо развивать обеспечение автомобильных подъездов к сельским населенным пунктам, имеющим перспективы развития, по дорогам с твердым покрытием.

Но все это усложняется тем, что в данный момент сельское хозяйство находится в «плачевном» состоянии. Никто не имеет желания инвестировать сельское хозяйство как отрасль. И это является ключевым моментом в развитии инфраструктуры на селе, в том числе и дорожно-транспортной.

На развитие дорожной сети влияет ряд факторов: объективные и субъективные, а также активные и пассивные.

К объективным факторам можно отнести социально-экономические параметры развития сельского хозяйства, размещение основных производственных сил, географическое положение и трудовой потенциал того или иного сельскохозяйственного предприятия. К объективным факторам можно отнести и законодательные акты, соглашения об экономическом сотрудничестве, постановления областного правительства о развитии дорожно-транспортной системы.

К субъективному фактору следует, прежде всего, отнести «человеческий фактор» и решения, принимаемые руководящими лицами по проблемам развития и формирования дорожной сети, в том числе и в сельской местности.

Исходя из приведенных выше факторов (объективных и субъективных) приведем более широкую классификацию факторов, влияющих на формирование дорожной сети (таблица).

**Классификация факторов,
отрицательно влияющих на развитие дорожной сети сельской местности**

Активные факторы	Пассивные факторы
– высокие затраты на строительство и ремонт существующей дорожной сети; – ограниченность и неэффективность использования ресурсов; – отсутствие рыночных цен на дороги; – рост цен на материалы и горючее для дорожных машин; – низкий уровень финансирования дорожной отрасли; – низкий уровень инвестиций в дорожное хозяйство.	– природные условия; – сезонность работ в строительстве дорог и формировании дорожной сети; – свободный, недискриминационный доступ к дорожным сетям; – неисполнение контрактов в строительстве дорог; – отсутствие стимулов и возможностей вложения денежных средств в развитие производственных мощностей и новых технологий.

Для того, чтобы выявить степень влияния факторов на развитие и состояние дорожной сети, рассмотрим каждый подробнее.

Активные факторы:

– Высокие затраты на строительство и ремонт существующей дорожной сети. Товары и услуги, для производства и транспортировки которых используются инфраструктурные (дорожные) объекты, обмениваются на конкурентном рынке. Эти объекты обеспечивают его стабильное функционирование. Независимо от динамики тарифов на услуги инфраструктуры единая сеть инфраструктурных объектов со временем потребует существенных государственных дотаций для ее развития и поддержания. Поскольку же тарифы на услуги инфраструктуры (там, где услуги платные) регулируются посредством политического процесса, через некоторое время они перестают компенсировать капитальные и текущие затраты: из соображений социальной справедливости, «стимулирования роста» и т.п. тарифы поддерживаются на низком уровне. А количество дорог в любой момент времени ограничено по сравнению с потребностью, а их производство требует затрат. Из этого вытекает следующий фактор.

– Ограниченность и неэффективность использования ресурсов. В отношении дорог, как любого экономического блага, возникает проблема: сколько общественных ресурсов, тоже ограниченных, должно быть направлено на производство блага? Никакого другого инструмента для решения этой проблемы, кроме системы рыночных цен, человечество не придумало. Принимая решение о начале производственной программы, производитель сравнивает ожидаемые цены на свою продукцию (готовность потребителей ее оплачивать) с ценами факторов производства. Если разница отрицательна – значит, производственные ресурсы надо направить на другие цели, если же положительна – значит, производство целесообразно. Естественно, рыночные цены могут существовать только тогда, когда есть право частной собственности на производственные ресурсы и на продукцию [2].

– Проблема с дорогами состоит в том, что на них и на их услуги нет рыночных цен. Дороги рассматриваются как общедоступное благо, которым все имеют право пользоваться, но за которое никто не должен платить. Естественно, бремя содержания этих объектов ложится на номинального собственника – государство. В то же время ни один собственник, включая государство, фактически не имеет права получать доходы от предоставления дорожных услуг. Даже номинально «частные» дороги фактически являются благами общего пользования (обязательствами, а не активами для собственника).

– Рост цен на материалы и горючее для дорожных машин также является активным фактором, который влияет на развитие транспортно-дорожных сетей. За

последние пять лет цены на материалы и горючее для дорожных машин выросли в 2,5-3 раза, в то время как индекс-дефлятор, принимаемый при бюджетном планировании расходов на дорожное хозяйство, за тот же период был ниже в 1,5 раза.

– Низкий уровень финансирования дорожной отрасли является основным фактором, который отрицательно влияет на развитие дорожного хозяйства как в городской, так и в сельской местности. Механизм финансирования должен обеспечивать создание устойчивых, долгосрочных источников финансирования дорожной отрасли исходя из принципа «пользователь платит». Реализация этого принципа предусматривается посредством сбора налогов на автотранспорт и нефтепродукты, которые являются, по сути, формой платы за пользование автомобильными дорогами. Установление номенклатуры и ставок дорожных налогов должно рассматриваться как процедура рыночного ценообразования на услуги автомобильных дорог, обеспечивающего обоснованное распределение бремени расходов на дорожное хозяйство и достижение динамического равновесия между спросом на пользование автодорогами и предложением услуг, ограниченным протяженностью и пропускной способностью автодорожной сети.

Затраты на содержание, развитие и управление дорожной сетью должны покрываться через налоги, а также неналоговые поступления от эксплуатации платных дорог и имущества автомобильных дорог. Для аккумуляции средств финансирования автомобильных дорог необходимо создать систему целевых источников в виде внебюджетных или бюджетных фондов [3].

– Низкий уровень финансирования напрямую связан с низким уровнем инвестиций в дорожное хозяйство. Большая часть проектов строительства и реконструкции автомобильных дорог имеет инвестиционный цикл 3-5 и более лет. Однако в настоящее время годичный бюджетный цикл не позволяет гарантировать финансирование при заключении государственных контрактов на весь период реализации крупных проектов, вызывая необходимость ежегодного заключения дополнительных соглашений с подрядчиками, сдвига сроков завершения работ, что, в свою очередь, приводит к увеличению стоимости строительных работ. Расходование средств на дорожное строительство будет способствовать поддержанию инвестиционного спроса на продукцию отечественных предприятий. При этом на закупку машин и механизмов будет приходиться около 18-20% суммарных затрат, а на приобретение материалов – 73-75%. Дополнительный спрос со стороны государства будет стимулировать ускорение производства машин, оборудования, нефтепродуктов и строительных материалов. Прямой инфляционный эффект будут оказывать расходы на оплату труда, однако удельный вес этих расходов в структуре затрат на строительство и реконструкцию автомобильных дорог невелик (около 5-9%). Финансирование реформы дорожного хозяйства и высокоэффективных проектов строительства и реконструкции автомобильных дорог потребует увеличения доли государственных инвестиций до 1,2-1,5% ВВП.

Возможными источниками финансирования могут являться денежные средства дорожных фондов: федерального уровня или же местного. К числу инвесторов дорожного строительства также могут быть отнесены и сельскохозяйственные организации, которые так или иначе связаны и полностью зависят от дорожно-транспортной системы. Инвесторами могут быть и частные отечественные инвесторы, иностранные инвесторы, соседние регионы, долгосрочные кредиты банков и фирм.

Привлечение отечественных и иностранных инвестиций может осуществляться по средствам концессионного договора. Суть концессии заключается в том, что строительство дорожной сети будет вестись в кредит, который возвратится участникам финансирования за счет сборов с пользователей дорог [1].

Пассивные факторы:

– Природные условия. К ним относят рельеф местности, почвенно-грунтовые, гидрогеологические и климатические условия. По рельефу местности, который разделяют на равнинный, холмистый, горный и высокогорный, определяют преобладающий тип земляного полотна дороги, а также вид водоотводных устройств. Почвенно-грунтовые условия различают в зависимости от характера наслоения грунтовой толщи, вида и свойств грунтов. Гидрогеологические условия влияют на выбор отметок земляного полотна по отношению к уровню грунтовых вод. Природные факторы непрерывно воздействуют на все дорожные сооружения. Вода издавна считается злейшим врагом дорог. Дожди, ливни, потоки воды от таяния снега размывают откосы, канавы, подмывают сооружения, нарушают их работу и преждевременно разрушают.

– Сезонность работ в строительстве дорог негативно влияет на развитие дорожной сети. В зимний период затруднен ремонт и строительство дорог. Весной же наблюдается разрушение полотна, главной причиной которого являются воды от таяния снега, а также реагенты. Все работы по обустройству и строительству в основном ведутся в летний период.

– Свободный, недискриминационный доступ к дорожным сетям. Это дает представление об инфраструктурных объектах как о «благах общего пользования». Однако экономическая теория и практика хозяйствования показывают, что пользователи таких благ заинтересованы не во вложении капитала в их поддержание и расширение, а в максимизации своих выгод от их использования, пусть даже за счет сверхэксплуатации. При этом задачи содержания и развития сетевых объектов возлагаются на собственника, т.е. государство [2].

– Неисполнение контрактов в строительстве дорог ухудшает финансовую устойчивость и возможность развития подрядных организаций, сдерживает привлечение частных инвестиций в дорожное строительство.

– Предприятия не имеют стимулов и возможностей инвестировать в развитие производственных мощностей и внедрение новых технологий, рассчитанных на долгосрочную перспективу. Расчеты показали, что переход к комплексным долгосрочным контрактам в дорожной отрасли позволит снизить затраты на содержание и развитие сети автомобильных дорог общего пользования за 20-летний период в 2-3 раза по сравнению с существующей системой закупок как за счет снижения опережающего роста уровня цен на строительные материалы и дорожные работы, так и за счет формирования долгосрочных стабильных отношений на рынке дорожных работ, позволяющих обеспечить развитие подрядных организаций и повысить их заинтересованность в снижении накладных расходов, повышении производительности труда и качестве дорожных работ.

Литература

1. Бобышев Е.Н. и др. Совершенствование организации сферы услуг на объектах дорожной инфраструктуры. Княгинино: НГИЭИ, 2008. 105 с.

2. Кузнецов Ю. Дорожный социализм, или Анатомия бюджетной дыры // <http://www.polit.ru/docs/476513.html>.

3. Блинкин М., Сарънев А. Российские дороги и европейская цивилизация // <http://www.polit.ru/lectures/2004/06/24/blinkin.html>.

БОБЫШЕВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ – преподаватель кафедры физико-математических наук, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (Buba118@rambler.ru).

BOBYSHEV EVGENIY NIKOLAEVICH – teacher of the chair Physical and Mathematical sciences, Nizhny Novgorod State Engineering Economic Institute, Russia, Knyaginino.

ШАМИН АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и статистики, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (ngiei-spo@mail.ru).

SHAMIN ANATOLIY EVGENYEVICH – doctor of economics sciences, professor of Economics and Statistics Chair, Nizhny Novgorod State Engineering Economic Institute, Russia, Knyaginino.

УДК 336.22

В.И. БРАТЦЕВ

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: налог на недвижимость, капитальная стоимость, элитная недвижимость.

Многообразие форм собственности в России придают имущественному налогообложению совершенно иные пути развития, которые изменяют их место и роль в налоговой системе. Новые подходы к налогообложению имущества в условиях рыночной экономики требуют взвешенных и обоснованных решений. Большинство введенных имущественных налогов в 1990-е годы были новыми по своему содержанию, многие из них обусловлены появлением новых видов имущества, изменением в самом характере имущественных отношений. Они ориентировались на развитие в стране рыночной экономики и соответствующих имущественных отношений. За время действия законодательства, регулирующего налогообложение имущества, оно претерпело значительные изменения, которые привели к расширению сферы действия имущественных налогов, налогооблагаемой базы и перечня подлежащих обложению видов имущества. Исследование имущественных налогов, в частности налога на недвижимое имущество, позволит ответить на вопросы, кто и сколько должен платить, как установить обоснованный перечень объектов налогообложения и др.

V.I. BRATCEV

TAXATION OF REAL PROPERTY, PROBLEMS AND PROSPECTS

Key words: property tax, capital cost, luxury real estate.

Variety of property forms in Russia attach property taxation quite different path of development, which change their position and role in the tax system. Nevertheless the new ways of property taxation in a market economy require balanced and reasonable decisions. Most imposed in the 90's property taxes were new in content, many of them were due to the emergence of new property types, other – to the changes in the nature of property relations. They focused on the development of the country's market economy and correspondent property relations. During the property taxation legislation, it has undergone significant changes, which led to the expansion of the scope of property taxes, the tax base and the list of dutiable property. The study of property taxes in the context of real estate could answer the following questions: who and how much will pay, how to set a reasonable list of taxable items, and others.

В течение последних нескольких лет при обсуждении вопросов, связанных с налоговой системой России, наиболее интересным является вопрос о возможном введении в стране налога на недвижимость.

Изначально говорилось о едином налоге на недвижимость, однако начиная с 2007 г. в своих бюджетных посланиях к Федеральному Собранию Российской Федерации президент стал обозначать в качестве приоритетного направления налоговой политики введение налога на жилую недвижимость.

Среди основных направлений налоговой политики в течение 2010-2012 гг. необходимо принять главу Налогового кодекса РФ, регулирующую взимание налога на жилую недвижимость граждан, исчисляемого от рыночной цены объекта недвижимости.

Однако существующая система налогообложения недвижимости в России пока еще во многом не отвечает фискальным и регулирующим целям взимания действующих налогов. И это связано, прежде всего, с недостатками механизма их реализации – в частности, неполным учетом объектов недвижимости; несоответствием цены недвижимости в целях налогообложения его реальной величине [4].

Введение налога на жилую недвижимость должно стать основным этапом в реформировании системы поимущественного налогообложения в Российской Федерации, так как это позволит не только сократить количество поимущественных налогов с физических лиц, но и установить единые подходы для определения налоговой базы.

Законодательная база оценки для целей налогообложения является одной из определяющих характеристик налога на недвижимое жилое имущество. Налогообложение может осуществляться на основе стоимости и на нестоимостной основе.

Налогообложение домов и квартир не на базе стоимости, как правило, основано на таких характеристиках, как площадь или другие качественные

характеристики жилого объекта. Такие налоги не зависят от рыночных колебаний цен, и их расчет может быть проведен объективно.

У таких налогов есть, однако, два существенных недостатка. Во-первых, нестоимостная база не обладает гибкостью, присущей налогообложению недвижимости на основе стоимости. Во-вторых, такая база в целом и налоговые оценки отдельных объектов имеют мало общего с реальной платежеспособностью и уровнем доходов налогоплательщиков.

Для налогообложения жилья по стоимости необходимо принять два принципиальных решения: исчислять налог на основе годовой арендной стоимости или капитальной стоимости объекта недвижимости; исчислять налог на основе полной стоимости объекта недвижимости или ее части [8].

Годовая арендная стоимость исчисляется на основе среднегодового валового дохода от аренды для каждого объекта недвижимости при условии, что владелец оплачивает расходы по эксплуатации, осуществляет страховые и налоговые выплаты. Однако применяемые на практике авансовые платежи за аренду и субаренду могут затруднить процесс определения текущей стоимости объектов недвижимости.

Для определения капитальной стоимости обычно требуется оценка рыночной стоимости, которая служит справедливой и объективной базой налога на недвижимость по ее стоимости. Рыночная стоимость определяется как наиболее вероятная цена имущества на открытом рынке при наличии всех признаков справедливой сделки и при условии, что действия продавца и покупателя являются расчетливыми и компетентными, а на цену продажи не влияют нетипичные факторы [1].

Введение налога на жилую недвижимость на основе рыночной стоимости полностью соответствует целям налоговой политики государства, а именно: обеспечения справедливости и эффективности налоговой системы, упрощения системы налогов, снижения затрат на сбор налогов [6].

В настоящее время необходимо провести ряд подготовительных мероприятий и вопросов, без решения которых налог на недвижимость может создать очень серьезные проблемы. В частности, необходимо отметить следующие аспекты, связанные с возможным использованием в нашей стране данного налога:

1. Качественное администрирование является достаточно сложным. Для правильного исчисления налога необходимо собирать, обрабатывать и периодически актуализировать значительный объем информации. Процедуры оценки недвижимости требуют как адекватного нормативного обеспечения, так и высокой квалификации занимающихся оценкой специалистов.

2. Поскольку в условиях современной России наличие недвижимости не связано напрямую с текущим доходом и, следовательно, с фактической способностью уплачивать налог, налог на недвижимость может привести к дополнительным социальным проблемам.

3. Налог на недвижимость часто является непопулярным среди налогоплательщиков, особенно населения. Переоценка недвижимости в целях налогообложения, которая должна постоянно проводиться, сопряжена с большими политическими и социальными рисками.

Реализации налога на жилую недвижимость в России предшествует огромный объем работ, который должен быть произведен с объектами недвижимости по всей территории России [5].

Большим шагом на пути к введению данного налога стало принятие в 2007 г. Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости», который вступил в силу с 1 марта 2008 г. Все объекты, подлежащие учету и ранее распределенные по различным реестрам, должны были быть объединены в единый кадастр объектов недвижимости.

Однако на данный момент информационное наполнение кадастра объектов недвижимости, в том числе перенос сведений из Государственного земельного кадастра и данных бюро технической инвентаризации, до сих пор не завершено. Планируется, что переходный период продлится до 1 января 2013 г.

Несмотря на формирование кадастра недвижимости, в настоящее время все еще требует урегулирования вопрос кадастровой оценки недвижимости. Действительно, при определении кадастровой стоимости объекта оценки определяется методами массовой оценки рыночная стоимость, установленная и утвержденная в соответствии с законодательством, регулирующим проведение кадастровой оценки.

Кадастровая оценка земли регулируется постановлением правительства «Об утверждении правил проведения государственной кадастровой оценки земель», порядок же кадастровой оценки недвижимости регулируется главой 3.1 «Государственная кадастровая оценка» Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», в соответствии с которым под кадастровой стоимостью понимается рыночная стоимость, установленная в результате проведения государственной кадастровой оценки [7].

По закону заказчиком кадастровой оценки выступает орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, а исполнителями – только оценщики, удовлетворяющие требованиям закона об оценочной деятельности и дополнительно застраховавшие свою ответственность на сумму не менее 30 млн руб.

Норма данного закона дает собственникам объектов оценки возможность оспорить не только процедуру кадастровой оценки, но и ее результаты. Любой не согласный с проведенной оценкой может оспорить ее в суде. Другими словами, если у собственника возникнут сомнения в результатах ранее проведенной оценки, заказчиком которой было государство, он сможет обратиться по своему выбору к услугам независимого оценщика, который оценит объект недвижимости заново.

Однако для введения в действие местного налога на жилую недвижимость принятие только вышеназванного закона не является достаточным, необходимы также разработка и принятие таких документов, как методика кадастровой оценки недвижимости, методика проверки результатов кадастровой оценки недвижимости, проведение работ по кадастровой оценке объектов недвижимости для целей налогообложения.

Кадастровая стоимость объектов недвижимости для целей налогообложения должна определяться с применением методов массовой оценки. Оценщик вправе самостоятельно определять конкретные методы оценки в рамках применения затратного, сравнительного и доходного подходов. К настоящему времени создано немало методов массовой оценки недвижимости, однако порядок проведения ни одной из них законодательно не закреплён.

Сказывается отсутствие единого государственного источника информации о сделках на рынке недвижимости. Имеющиеся базы сделок в Росрегистрации не могут быть использованы для целей массовой кадастровой оценки недвижимости, потому что требуют трудоемкой вычистки персонифицированных данных. К тому же официальная регистрация сделок ведется не по реальным ценам, а по ценам, направленным на оптимизацию налогообложения. Поэтому объем большинства сделок укладывается в 1 млн руб.

Одной из основных проблем введения налога на жилую недвижимость является установление максимальных значений налоговых ставок. Налогоплательщики не всегда понимают, что увеличение налога зависит не только от кадастровой оценки их недвижимости, но и от ставок налогообложения, установленных местными властями. Характерно, что многие субъекты Российской Федерации устанавливают ставку налога на землю в максимальном размере [6].

В отношении объектов налогообложения нововведение состоит в том, что в налогооблагаемую базу включается также имущество, не прошедшее государственную регистрацию, и объекты незавершенного строительства.

Пока нет никакой ясности и относительно сроков вступления новой главы Налогового кодекса в силу. Если в 2004 г. сроками введения нового налога на недвижимость назывались 2007-2008 гг., то в 2007 г. сроки сдвинулись к 2009-2012 гг., а сегодня, в версии Минфина, уже к 2014 г.

Анализ зарубежной и отечественной практики поимущественного налогообложения свидетельствует о том, что в новом налоге на недвижимость также должны найти отражение вопросы, связанные с процедурой оценки, необлагаемым минимумом, обложением объектов элитной недвижимости и индивидуальных предпринимателей.

Оценка недвижимости должна осуществляться либо специализированными структурами регионального или местного уровня в соответствии с централизованно устанавливаемыми методиками, так как опыт кадастровой оценки земли федеральной структурой показал, что подобный подход является чрезмерно централизованным, не позволяет учитывать местные особенности и приводит к существенным искажениям. Например, по населенным пунктам с численностью населения более 200 тыс. человек оценка может производиться на местном уровне. По населенным пунктам с меньшей численностью целесообразным передать эту функцию на региональный уровень, исходя из того, что возможностей у региона (кадровых, финансовых, технических и т.д.) значительно больше, нежели в поселениях.

Необлагаемый минимум для жилых помещений должен устанавливаться местными органами самоуправления, поскольку закрепление на федеральном уровне необлагаемого минимума жилых помещений не будет полно отражать ситуацию на рынке жилья в различных муниципальных образованиях. Данная льгота должна предоставляться только в отношении одного жилого помещения, т.е. если налогоплательщик владеет двумя квартирами, применить необлагаемый минимум он сможет только по одной из них [7].

Индивидуальные предпринимателями, применяющие один из специальных режимов налогообложения, в настоящее время не уплачивают налог на имущество физических лиц в отношении имущества, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, но являются налогоплательщиками земельного налога. Представляется разумным обязать их уплачивать налог на недвижимость, однако предоставив органам местного самоуправления возможность применения понижающего коэффициента при расчете налога для соответствующей недвижимости, а собственников элитной, дорогой недвижимости обязать платить значительные суммы налога.

Литература

1. Калинина Н.В. Принципы налогообложения недвижимости: руководство для сотрудников государственных и муниципальных административных учреждений. М.: ЦФИР Консорциум, 1997. 110 с.
2. Левин Ю.А. О налоговом регулировании рынка жилой недвижимости // Финансы. 2009. № 6. С. 46-49.
3. Орлова О.Е. Проблемы исчисления налога на имущество физических лиц // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2009. № 22. С. 5-7.
4. Перцева Е.М. Налог на недвижимость – приоритетное направление налоговой политики Российской Федерации // Финансовое право. 2008. № 5. С. 17-18.
5. Плесакевич В.С., Горбачев В.Л. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и другие законодательные акты Российской Федерации» № 445126-4.
6. Сусаров А.И. Аршином общим не измерить // Время новостей. 2009. № 85. URL: <http://www.vreya.ru/2009/193/4/239871.html> (дата обращения: 05.03.2010).
7. Ходов Л.Г. Налоги на недвижимость: зарубежный опыт, российские проблемы // Жилищное право. 2009. № 2. С. 101-111.
8. Эккерт Дж.К. Организация оценки и налогообложения недвижимости. М.: СТАР-ИНТЕР, 1997. Т. 1. 382 с.

БРАТЦЕВ ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Налоги и налогообложение», Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Россия, Москва (bratcev@ach.gov.ru).
BRATCEV VALERIY IVANOVICH – candidate of economics sciences, assistant professor of Taxes and Taxation Department, Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow.

УДК 336.71:330.131.7

О.Б. ВОЛКОВА

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ БАНКОВСКИМИ РИСКАМИ

Ключевые слова: риск, банковский риск, стресс-тестирование, система управления банковскими рисками.

Сделана попытка определить основные пути, обеспечивающие качественное управление банковскими рисками.

O.B. VOLKOVA

INNOVATIVE APPROACHES TO MANAGEMENT OF BANKING RISKS

Key words: risk, banking risk, stress-test, executive system of banking risk.

In the article are made the attempt to define the basic ways providing the qualitative management of banking risks.

Риск, как неотъемлемый элемент экономической, политической и социальной жизни общества, неизбежно сопровождает все направления и сферы деятельности любой кредитной организации, функционирующей в рыночных условиях. Для эффективности работы банк, прежде чем выработать стратегию развития, должен точно оценить состав рисков, которые будут сопровождать тот или иной вид деятельности, определить тактику в случае, если события будут развиваться в неблагоприятную для него сторону. Все риски, принятые на себя банком, должны находиться в жесткой системе управления, не допускающей нарушений политики банка.

В международной банковской практике процесс управления рисками рассматривается как ключевое направление финансового менеджмента. Значительное внимание отводится изучению рискованных сфер и основных видов рисков, поиску эффективных методов их оценивания, контроля и мониторинга, а также созданию соответствующих систем управления.

Проблема управления рисками по своей значимости и актуальности является одной из главных в банковском менеджменте при разработке стратегии развития банка.

Мировые финансовые институты и международные организации, включая всемирный банк, Банк международных расчетов, Базельский комитет по контролю за банковской деятельностью, уделяют все большее внимание решению вопросов по управлению банковскими рисками и контролю над ними. Однако ряд вопросов остается дискуссионным, а недостаточная разработка теоретических основ системы управления банковскими рисками оказывает негативное влияние на улучшение качественных и количественных показателей функционирования кредитных организаций и банковской системы в целом.

Глобальный финансовый кризис также обнажил ряд серьезных внутренних проблем банков, в том числе в области управления рисками, преодоление которых поможет вернуться к обычному режиму функционирования.

В данной статье сделана попытка определить основные пути, обеспечивающие качественное управление банковскими рисками.

Система управления банковскими рисками – это совокупность приемов (способов и методов) работы персонала банка, позволяющих обеспечить положительный финансовый результат при наличии неопределенности в условиях деятельности, прогнозировать наступления рискованного события и принимать меры к исключению или снижению его отрицательных последствий. Через систему управления банковскими рисками практически осуществляются цели и задачи банковской политики. Эта система управления может быть отражена на основе разных критериев. Исходя из видов банковских рисков, можно выделить блоки управления кредитным риском, риском ликвидности, процентным, операционным, риском потери доходности, а также комплексные блоки, связанные с рисками, возникающими в процессе отдельных направлений деятельности

кредитной организации. То есть теория управления рисками зависит от политики отдельно взятого банка – на микроуровне и Банка России – на макроуровне.

Мировой и отечественный опыт кредитной организации позволяет сформулировать принципы построения внутрибанковской системы управления рисками:

- комплектность, т.е. единая структура системы управления для всех видов риска;
- дифференцированность, т.е. специфика содержания отдельных элементов системы применительно к типам банковских рисков;
- единство информационной базы;
- координация управления различными видами рисков.

По нашему мнению, для построения эффективной системы управления банковскими рисками необходимо: 1) исходя из названных принципов сформулировать во внутрибанковских документах стратегию управления; 2) установить принципы определения оценки и диагностики риска в качестве основы при выработке приоритетных стратегий и обеспечить сбалансированную защиту интересов всех лиц, имеющих отношение к банку; 3) использовать данные принципы в качестве базы для создания важнейших процедур управленческого контроля; 4) определить процедуру обеспечения ответственности, самооценки и оценки результатов деятельности, использовать данные процедуры в качестве факторов совершенствования процесса управления; 5) разработать механизм мониторинга и обратной связи в целях обеспечения высокого качества процедур, оценки и проверки их соблюдения.

В рекомендациях XIX Международного банковского конгресса (МБК-2010) «Банки: жизнь после кризиса» также отмечается необходимость дальнейшего развития системы внутреннего контроля и управления рисками с учетом международной практики, чтобы обеспечить:

- повышенное внимание к вопросам концентрации рисков в первую очередь на владельцев банка;
- использование профессионального суждения в оценке рисков, адекватной оценки потерь с учетом профиля и уровня рисков, перспективного состояния рыночной сферы;
- применение для этих целей современных подходов к оценке рисков, включая стресс-тестирования;
- формирование баз данных для оценки рисков с применением современных подходов, в том числе возможностей математической статистики и теории вероятностей.

Одним из аналитических инструментов, призванных обеспечить оценку рисков, потенциальных потерь кредитной организации в случае возможных спадов в экономике, является стресс-тестирование, которое может быть определено как оценка потенциального воздействия на финансовое состояние кредитной организации ряда заданных изменений в факторах риска, которые соответствуют исключительным, но вероятным событиям.

Стресс-тестирование включает в себя компоненты как количественного, так и качественного анализа. Количественный анализ направлен прежде всего на определение возможных колебаний основных макроэкономических показателей и оценку их влияния на различные составляющие активов банка.

С помощью методов количественного анализа определяются вероятные стрессовые сценарии, которым могут подвергнуться кредитные организации. Качественный анализ акцентирован на двух основных задачах стресс-тестирования: 1) оценка способности капитала кредитной организации компенсировать возможные крупные убытки; 2) определение комплекса действий, которые должны быть предприняты кредитной организацией для снижения уровня рисков и сохранения капитала.

В международной банковской практике используются различные методики стресс-тестирования. В настоящее время наиболее распространенной методикой является сценарный анализ (на основе исторических или гипотетических событий). Также проводится анализ чувствительности портфеля активов банка к изменению факторов риска и рассчитываются максимальные потери.

В течение ряда лет Банк России проводит стресс-тестирование банковского сектора по методу «сверху-вниз», используя унифицированные «пиковые» факторы, которые применяются к балансу каждого действующего банка с последующим агрегированием их потенциальных потерь для определения потерь банковского сектора.

В рамках стресс-теста рассчитываются потенциальные потери от реализации кредитного риска, риска оттока привлеченных средств (риск потери ликвидности) и рыночных рисков (валютного, процентного). Отдельно рассматривается потенциальное воздействие на системную устойчивость банковского сектора так называемого эффекта «домино», т.е. цепочки взаимных невыполнений обязательств на межбанковском рынке.

Особенностью применяемой модели стресс-теста в России на данном этапе является добровольный характер применения для банков, а также то, что оценки потенциальных потерь не увязываются с изменениями параметров макроэкономического развития, т.е. изменения макроэкономической ситуации подразумеваются, однако не формализуются и не оцениваются с помощью модели.

По нашему мнению, перспективным направлением развития методики стресс-тестирования является оценка взаимосвязи макроэкономических индикаторов национальной экономики и ключевых показателей банковского сектора, учет в исходных параметрах стресс-теста различных макросценариев. Решение данной задачи требует, в том числе, разработки соответствующей экономической модели, позволяющей оценивать в комплексе влияние на банковский сектор основных макропараметров (цена нефти, валютный курс рубля, динамика ВВП и т.п.).

Следует отметить, что ввиду индивидуальности рискового профиля каждой кредитной организации, а также отсутствия унифицированных и общепринятых стандартов в проведении стресс-тестирования кредитные организации должны самостоятельно разрабатывать модели поведения стресс-тестов.

В качестве рекомендаций по организации работы по стресс-тестированию в кредитной организации можно выделить следующее:

1) кредитные организации должны по возможности оперативно проводить стресс-тестирование, чтобы в случае необходимости быстро принимать решения по реализации на изменившиеся рыночные условия;

2) при проведении стресс-тестирования кредитным организациям необходимо учитывать портфель активов в целом, поскольку при выявлении рисков, присущих отдельным его элементам, могут быть ненадлежащим образом оценены риски, характерные для портфеля активов в целом; также важное значение имеет стресс-тестирование отдельных компонентов кредитного портфеля;

3) проведение стресс-тестирования исключительно на основе анализа прошлых событий недостаточно для полной оценки рисков. Поэтому наряду с историческими сценариями следует разрабатывать гипотетические сценарии, характеризующиеся максимально возможным риском и потенциальными потерями для кредитной организации;

4) в целях идентификации сценариев в работе над стресс-тестированием должен участвовать широкий круг специалистов кредитной организации. Вся работа должна вестись под наблюдением и с прямым участием руководства кредитной организации;

5) руководство кредитной организации должно уделять постоянное внимание актуальности стресс-тестов и контролировать процесс их уточнения и модификации для более полного учета текущего состояния и перспектив развития кре-

дитной организации (например, в условиях выхода кредитной организации на новые сегменты рынка или внедрения новых банковских продуктов). Особое внимание должно быть уделено мерам по защите интересов банка в случае наступления одного из факторов, указанных как отклонение от нормальной ситуации.

Таким образом, применение методик стресс-тестирования позволит банкам обеспечить качественное управление рисками, что позволит им успешно выполнять основные задачи и цели своей деятельности.

Литература

1. Банковские риски: учеб. пособие / кол. авт.; под ред. О.И. Лаврушина и Н.И. Валенцевой. 2-е изд., стереотип. М.: КНОРУС, 2008. 232 с.
2. Волкова О.Б. Оценка рисков банковского капитала // Подготовка квалифицированных специалистов как основа устойчивого развития экономики в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию Канашского филиала. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 410 с.
3. Волкова О.Б. Исследование модели оценки банковского кредитного риска // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 326-334.
4. Лаврушин О.И., Афанасьева О.Н., Корниенко С.Л. Банковское дело: современная система кредитования: учеб. пособие / под ред. О.И. Лаврушина. 5-е изд., стереотип. М.: КНОРУС, 2009. 264 с.
5. Ольгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 2008.
6. Рекомендации XIX международного банковского конгресса (МБК-2010) «Банки: жизнь после кризиса» // Деньги и кредит. 2010. № 9. С. 3-6.
7. International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards // Basle Committee on Banking Supervision. 1988, July.
8. International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards // Basle Committee on Banking Supervision. 2005, November.
9. Market Risk Amendment // Basle Committee on Banking Supervision. 1996.
10. QIS 5: Fifth Quantitative Impact Study // Basle Committee publications. 2006. 16 June.
11. The Joint Forum Credit Risk Transfer Developments from 2005 to 2007 // Basle Committee on Banking Supervision. 2008. July.

ВОЛКОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА – ассистентка кафедры экономики и управления, Канашский филиал Чувашского государственного университета, Россия, Канаш (volkolga@inbox.ru).

VOLKOVA OLGA BORISOVNA – assistant of Economy and Management Department, Kanash Branch of the Chuvash State University, Russia, Kanash.

УДК 330.13:616-073.75

Л.А. ВОРОПАЕВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЛУЧЕВОЙ ДИАГНОСТИКИ В ВЫЯВЛЕНИИ РАКА ЖЕЛУДКА

Ключевые слова: желудок, рак, лучевая диагностика, эффективность.

С целью повышения эффективности ранней диагностики изъязвленного рака желудка в комплексной программе использованы эхография, магнитно-резонансная томография. Изучены показатели экономической эффективности использованных современных технологий лучевой диагностики в своевременном выявлении ранних стадий изъязвленного рака желудка. Результаты исследования пациентов показали высокую информативность и экономическую целесообразность использования представленных методов диагностического проекта.

L.A. VOROPAeva

STUDYING OF ECONOMIC EFFICIENCY OF MODERN TECHNOLOGIES OF BEAM DIAGNOSTICS IN REVEALING OF THE CANCER OF THE STOMACH

Key words: a stomach, a cancer, a cancer, beam diagnostics, efficiency.

For the purpose of increase of efficiency of early diagnostics a stomach cancer in the complex program are used sonography, a magnetno-resonant tomography. Indicators of economic efficiency of the used modern technologies of beam diagnostics in timely revealing of early stages a stomach cancer are studied. Results of research of patients have shown high information and economic feasibility of use of the presented methods of the diagnostic project.

Рак желудка является распространенным и наиболее частым новообразованием этого органа, составляет около 90% среди всех остальных опухо-

лей желудка. Однако за последние десятилетия качество диагностики рака желудка не улучшилось [1].

В настоящее время вопросы дифференциальной диагностики между доброкачественной язвой и ранней формой изъязвленного рака желудка также до конца не изучены и становится неэффективным использование только традиционных подходов в решении этой проблемы [2]. Основными стандартными и общедоступными методами в диагностике рака желудка являются гастроскопия и рентгенографические исследования желудка [4].

Роль и значение объемного ультразвукового исследования и магнитно-резонансной томографии (МРТ) в диагностике рака желудка на сегодняшний день освещены недостаточно и имеющиеся данные неоднозначны.

Целью работы было определение экономической эффективности использованных современных технологий лучевой диагностики (объемной эхографии и магнитно-резонансной томографии) в своевременном выявлении рака желудка.

С использованием современных технологий лучевой диагностики были обследованы пациенты с разными клиническими проявлениями рака и хронической язвы желудка, находившиеся на амбулаторном обследовании и амбулаторно-стационарном лечении в Муниципальном учреждении здравоохранения «Городская клиническая больница № 1» г. Чебоксары и Государственном учреждении здравоохранения «Республиканский клинический онкологический диспансер» Министерства здравоохранения и социального развития Чувашской Республики.

Ультразвуковые исследования желудка проводились на ультразвуковых сканерах SSD-1700 (ALOKA, Япония) с использованием датчиков конвексного и линейного типов от 3,5 до 7,5 МГц и ACCUVIX V10 (Medison, Корея), начиная с уровня 2D визуализации с использованием конвексного мультитемпературного датчика 3-7,0 МГц. Технологии 3D трехмерной реконструкции ультразвукового изображения в режиме реального времени проводились с помощью объемного датчика частотой 4-8 МГц.

Магнитно-резонансно-томографические исследования желудка проводились на МРТ-томографе SIMENS MAGNETOM Harmony 1TL с напряженностью магнитного поля 1,0 Тл в абдоминальном томографическом режиме с использованием стандартных градиентных последовательностей T2 ВИ и T1 ВИ в коронарной (cor), сагиттальной (sag), аксиальной (tra) плоскостях.

Окончательная верификация результатов оценивалась по результатам хирургического вмешательства и патоморфологических исследований.

Статистический анализ результатов проводился с использованием методов математической статистики, применяемых при проведении медицинских исследований, полученные данные обработаны с помощью программы BIO-STATISTICA 4.03.

При разработке оптимальной диагностической программы необходимо было установить критерий оптимальности и ограничения по ресурсам [4].

Основным критерием оптимизации выступала максимальная загрузка диагностического оборудования с целью проведения максимального количества исследований. На основании суммы покрытия расходов предполагалась оптимизация диагностического плана. Согласно предполагаемой нами методике оптимизации первоначально проводился расчет трудозатрат для отдельных видов исследования диагностической программы.

Расчет экономической эффективности производили путём сравнения затрат с экономическим эффектом, как денежным выражением результата, по следующей формуле:

$$\mathcal{E} = \frac{P}{3} \cdot 100\%,$$

где $\mathcal{E}$ – эффективность; P – результат; 3 – затраты.

Стоимость диагностического оборудования, заложенного в программу, составила 30 000 000 руб., со сроком полезного использования 3 года. Ставка дисконтирования (R) составила 15%, что означало среднюю доходность на вложенный капитал, при которой участие в проекте было альтернативно вложению тех же средств в другой проект с сопоставимой степенью риска. Данные по отдельным показателям и объемам программы представлены табл. 1.

Таблица 1

Объемы отдельных показателей диагностического проекта по годам

Показатели	Годы		
	первый	второй	третий
Объем реализации	25 800 000	29 400 000	31 200 000
Текущие затраты	4 391 160	4 236 540	6 832 800
Амортизация	10 000 000	10 000 000	10 000 000
Чистая прибыль	11 408 840	15 163 460	14 367 200
Чистые денежные поступления	21 408 840	25 163 460	24 367 200

Определение экономической эффективности проекта на основании приведенных показателей производилось следующим образом.

1. Чистый приведенный доход (NPV):

$$NPV = \text{ЧДП} \cdot \frac{1}{(1+R)},$$

где ЧДП – чистые денежные поступления; R – ставка дисконтирования.

$$NPV = \frac{21\,408\,840}{(1+0,15)} + \frac{25\,163\,460}{(1+0,15)} + \frac{24\,367\,200}{(1+0,15)} - 30\,000\,000 = 31\,686\,521,74 > 0$$

(что значило эффективность проекта по доходу).

2. Прибыльность (P_1):

$$P_1 = \frac{\text{общий доход}}{\text{вложенный капитал}}.$$

$$P_1 = \frac{(21\,408\,840 + 25\,163\,460 + 24\,367\,200)}{30\,000\,000} = 2,36 > 1.$$

Данный коэффициент показывает, сколько рублей обеспечит 1 вложенный рубль. В данном случае на 1 рубль затрат получали 2,36 рубля, что показывало прибыльность проекта.

3. Среднегодовой показатель проекта (ARR):

$$ARR_1 = \frac{\left(\frac{\text{общий доход}}{\text{количество лет}} \right)}{\text{вложенный капитал}}.$$

$$ARR = \frac{\left(\frac{21\,408\,840 + 25\,163\,460 + 24\,367\,200}{3} \right)}{30\,000\,000} = 0,79 \text{ руб.}$$

(на каждый затраченный рубль получали 79 коп. прибыли ежегодно).

4. Рентабельность услуг, %:

$$P = \frac{\text{прибыль}}{\text{выручка}}.$$

Коэффициент рентабельности показывал долю прибыли в каждом заработанном рубле (табл. 2).

Полученные значения рентабельности позволили сделать вывод о прибыльности данного проекта.

5. Срок окупаемости проекта: $T_{\text{ок.}} = \frac{1}{ARR} = \frac{1}{0,79} = 1,3$.

Таблица 2

Рентабельность диагностической программы по годам

Годы	Первый	Второй	Третий
Рентабельность, %	44	52	46

Таким образом срок, необходимый для того чтобы деньги, вложенные в диагностический проект, вернулись, составил 1,3 года.

На основании полученных результатов можно сделать вывод об экономической целесообразности применения представленных технологий лучевой диагностики (объемной эхографии, МРТ) в деятельности лечебного учреждения. Это значит, что совершенствование методики оптимизации диагностической программы следует рассматривать как важный инструмент повышения эффективности оказания медицинской помощи населению в раннем выявлении рака желудка.

Литература

1. Петрова Г.В., Старинский В.В., Грецова О.П., Харченко Н.В. Распространенность, диагностика и лечение злокачественных новообразований в России // Здоровоохранение Чувашии. 2008. № 3. С. 56-60.
2. Портной Л.М., Вятчанин О.В., Сташук Г.А. Новые взгляды на лучевую диагностику рака желудка (медико-семиотические и организационные аспекты). М.: Видар-М., 2004. 278 с.
3. Платонова Н.А., Харитонова Т.В. Планирование деятельности предприятия. М.: Дело и сервис, 2005. 121 с.
4. Хи Н.Х. Трехмерное ультразвуковое изображение абдоминальных структур // SonoAce International. 2002. № 10. С. 12-15.

ВОРОПАЕВА ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по лучевой диагностике, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gkb1@vdmh.ru).

VOROPAEVA LIDIYA ALEKSANDROVNA – candidate of medical sciences, senior scientific worker of Research Laboratory for Radiodiagnostics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 378.1

Е.М. ГУДЖАТУЛЛАЕВА

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: модернизация образования, механизм реализации модернизации, человеческий капитал, государственная политика в области образования, законодательная база.

Модернизация России предполагает определение направления развития и путей его реализации. Человеческий капитал рассматривается как главный фактор современного развития общества и экономики, качество которого определяется уровнем развития и качеством образования. Изучены ключевые аспекты законодательной базы в области образования как правовой компоненты институциональной среды модернизации образования, определяющей приоритеты российской образовательной политики, направления развития и путей обновления российского образования.

E.M. GUDZHATULLAEVA

THE ANALYSIS OF THE TENDENCIES OF MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Key words: modernization of education, ways of modernization, human capital, government policy in education, legislation.

Modernization of Russia is defined as determining the ways of development and their realization. Human capital is viewed upon as the main factor of social and economic development of the society, the quality of which depends upon the quality of education. The article focuses on the main issues of legislation in educational sphere. The components of institutional environment of modernizing education are shown. The author dwells upon the priorities of educational policy in Russia and the ways of renewing Russian education.

Ключевым направлением современного этапа политического и социально-экономического развития России обозначена модернизация.

В общественных науках сегодня не сформировано однозначного взгляда на понятие «модернизация». Исследованию содержания данного термина уделялось внимание на протяжении последнего столетия. История научного анализа процессов трансформации традиционного общества в современное,

рассматриваемых как модернизационные, ведет свое начало от работ М. Вебера. Теоретическим осмыслением процессов модернизации занимались также ученые, как Д. Белл, Э. Тоффлер, Ж. Фурастье, В.Л. Иноземцев, В.А. Ядов.

Проблемы современной модернизации России рассматриваются в работах А.С. Ахиезера, А.Г. Вишневого, Т.И. Заславской, Ю.А. Левады, А.С. Панарина, В.В. Радаева, Е.Г. Ясина, И.Е. Дискина, М.И. Долгушина.

Анализ особенностей теоретических подходов к модернизации отражает их ориентированность на практическое применение, достижение определенных целей, с учетом, если говорить о модернизации государства, особенностей национального развития. При этом модернизация сама по себе не следует из особенностей или этапа развития, она должна быть заявлена как идея, как путь дальнейшего развития. Существенное внимание при этом уделяется институциональным механизмам реализации проектов модернизации. Институциональные преобразования играют определяющую роль в успехе модернизации. В равной степени этот успех определяется готовностью социокультурной (макросоциальной) среды принимать и поддерживать такие преобразования.

Модернизация общества обращена к его подсистемам, которые могут быть изменены по воле государства. Основная цель – создание инфраструктуры фундаментальных институтов, способных обеспечивать решение задач модернизации. В значительной степени модернизация – это обновление траектории общественного развития и базовых подсистем современного общества. При достаточно обширном наборе подходов теория модернизации предполагает определение направления развития и путей его реализации. Достижение целей модернизации основано на последовательной разработке ее детализированных концепций в каждой сфере, реализация моделей – на локальных примерах, распространение успешных моделей – на основе обновления существующих систем. Опыт неудачных, незавершенных модернизаций прошлого доказывает, что процесс должен носить перманентный характер, содержать готовность к пересмотру создаваемой модели на основе новых вызовов.

Ответом на современные вызовы и угрозы, с которыми столкнулась Россия, является стратегия развития России до 2020 г., определяющая три основных задачи модернизации в России: обеспечение экономического роста и вхождение России в группу ведущих мировых держав; изменение качества развития; фундаментальные социальные изменения.

В программных документах развития России используется понятие человеческого капитала как главного интенсивного фактора современного развития общества и экономики. Решение задач модернизации основано на инвестициях в человеческий капитал [13].

Составляющими категории человеческого капитала являются знания, воспитание, образование, наука, здоровье, культура. Одним из внутренних вызовов, оказывающих существенное влияние на модернизационный проект России, стало противоречие между структурой и потребностями российской экономики и структурой и качеством российского образования. Признанным достижением российской системы образования является подготовка кадров ведущими российскими университетами в инженерно-технической и естественнонаучной сферах. Но такие специалисты оказываются невостребованными в условиях усугубляющегося технологического отставания сектора производства, устаревания используемого оборудования. Это ведет к эмиграции наиболее квалифицированных кадров, либо к их дисквалификации. В то же время имеет место противоречие между неудовлетворенными потребностями производства и увеличением числа выпускников вузов, сопровождаемое снижением показателей трудоустройства по специальности и ростом безработицы. Низкую кон-

курентоспособность производимой отечественными предприятиями продукцию среди прочих причин связывают с низким качеством профессиональной подготовки менеджмента, не способного принимать адекватные рыночной экономике решения. Российскому образованию, традиционно ориентированному на фундаментальные знания, противостоит рынок труда, где востребованы специалисты с сугубо прикладными знаниями и умениями.

Рост влияния человеческого капитала определяет значение образования как фактора социально-экономического развития. В рамках государственной политики Российской Федерации образование определено как один из факторов экономического и социального прогресса общества. Содержание образования должно быть ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации, развитие общества, укрепление и совершенствование правового государств [4].

Повышение эффективности социально-экономической политики для обеспечения динамичного и устойчивого развития российской экономики и повышения качества человеческого капитала предполагает модернизацию российского образования [10].

Современные условия социально-экономического развития выдвигают новые требования к процессу накопления и применения знаний. По оценкам Всемирного банка, физический капитал в современной экономике формирует 16% общего объема богатства каждой страны, природный – 20%, а человеческий капитал – 64% [1. С. 13].

Не обеспечивающее решения задач современного развития образование ведет к снижению конкурентоспособности страны в глобальном масштабе, росту социальных и экономических диспропорций в стране, ухудшению качества жизни населения, ослаблению социального единства в обществе.

Последние годы характеризуются развитием новой законодательной базы в области образования как правовой компоненты институциональной среды модернизации образования. Начало этого процесса следует отнести к 1992 г., когда был принят Указ Президента РФ от 11.07.1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» и Закон РФ от 10.07.1992 г. «Об образовании». Далее в августе 1996 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В апреле 2000 г. в соответствии со ст. 1 закона РФ «Об образовании» была принята Федеральная программа развития образования, которая явилась организационной основой государственной политики в области образования. В программе нашел отражение комплекс мер по обновлению всех уровней системы образования. Ожидаемым результатом реализации программы были заявлены сохранение и развитие системы образования в интересах личности общества и государства.

В целях осуществления скоординированных действий, направленных на развитие системы образования, Правительством РФ была одобрена национальная доктрина образования в Российской Федерации, установившая приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития. Данный документ стал существенным шагом в установлении взаимопонимания между государственной властью и образовательным сообществом. Он создал основу для решения комплекса проблем образования до 2020 г. Устанавливая стратегические цели образования в современных условиях и определяя основные направления совершенствования законодательства в области образования, доктрина, тем не менее, не ставила прямо задачу модернизации российского образования. Признавая, что в последнее десятилетие многие завоевания отечественного образования оказались утра-

ченными, доктрина в ее реализации должна способствовать изменению направленности государственной политики в области образования, укреплению в общественном сознании представления об образовании и науке как определяющих факторах развития современного российского общества [8].

В современных нормативно-правовых документах, определяющих направления развития российского образования, модернизация образования впервые упомянута в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002-2004 гг.) [10].

В программе обоснование и реализация политики в области образования рассматриваются как неотъемлемое условие модернизации российского общества и обеспечения конкурентоспособности российской экономики. При этом устанавливалось, что модернизация образования будет осуществляться с учетом реально складывающейся экономической ситуации, результатов, полученных в ходе экспериментов и реализации основных мероприятий в этой области, а также с учетом складывающихся демографических тенденций. Модернизация образования в ее определяющем значении рассматривалась как деятельность по обеспечению равенства доступа к образованию для различных социальных слоев и территориальных групп населения. В изложении тезисов политики в области образования были определены задачи, стоящие перед системой образования, в частности, содействие адаптации молодежи в обществе и на рынке труда; создание условий вхождения новых поколений в открытое информационное общество, поддержка повсеместного использования информационных технологий и создание единой информационной среды образования; повышение вклада образования в модернизацию экономики на основе обновления содержания и структуры профессионального обеспечения условий для развития научных школ в образовании, в сфере информационных технологий и расширения подготовки кадров высокой квалификации. Основными путями реализации задач, стоящими перед образованием, были определены обновление содержания образования, повышение его качества и реформирование системы финансирования всех уровней образования.

В программу социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003-2005 гг.) был включен самостоятельный раздел «Модернизация образования». В программе первоочередной целью образования было обозначено обеспечение всех секторов экономики профессиональными кадрами в соответствии с потребностями рынка труда при соблюдении гарантий доступности образования для граждан России. Задачи государственной образовательной политики определялись как конкретные шаги в реформировании системы образования с определением конкретных сроков реализации отдельных мероприятий. Дальнейшее развитие системы образования в России отражает решение поставленных данной программой задач. Это связано с разработкой новых образовательных стандартов, введением системы единых государственных экзаменов, информатизации образовательного процесса, оптимизацией структуры профессионального образования, поддержкой приоритетных направлений подготовки профессиональных кадров, внедрением систем контроля качества образования и др. Также в программе была поставлена задача обеспечения прозрачности академической и финансовой деятельности учебных заведений, разработки показателей качества образования, сопоставимых с показателями, применяемыми в развитых странах.

Основные принципы политики в области образования получили развитие в концепции модернизации российского образования на период до 2010 г., основанной на системном подходе к определению путей развития отечественного образования. В основе построения концепции лежит обоснование роли образо-

вания в развитии российского общества, в том числе оценка тенденций мирового развития, содержания социальных требований к системе образования, текущего состояния системы образования и необходимости ее модернизации.

Концепция отражает преемственность в развитии основных принципов образовательной политики, заложенных в принятых ранее документах, в частности в законе Российской Федерации «Об образовании» и национальной доктрине образования в Российской Федерации. Идеи, сформулированные в Национальной доктрине и Федеральной программе развития образования, были конкретизированы и получили дальнейшее развитие.

Модернизация образования в концепции определяется как генеральная, стратегическая линия социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на первое десятилетие нового века.

Тенденции мирового развития обуславливают необходимость существенных изменений в российской системе образования. В числе таких тенденций рассматриваются:

- ускорение темпов общественного развития и расширение возможностей политического и социального выбора, к которому гражданин должен быть готов;
- обострение глобальных проблем, решение которых потребует от молодого поколения современного мышления;
- экономическое развитие, изменение структуры рынка труда и рост конкуренции на нем, сокращение сферы труда низкой квалификации, которые потребуют профессиональной маневренности и необходимости повышения квалификации на протяжении всей профессиональной карьеры;
- возрастание роли человеческого капитала и оформление его как существенной составляющей национального богатства страны.

Фактором сохранения Россией места в ряду ведущих стран мира выступает отечественная система образования.

В концепции сформулированы новые социальные требования к системе образования. В частности, система образования рассматривается как «мощная движущая сила экономического роста». В процессе модернизации России система образования должна занять особое место. Она выступает не только как субъект, подсистема модернизации общества, но и как фактор консолидации общества и сохранения единого социокультурного пространства страны в этом процессе.

Обоснование необходимости модернизации в концепции обращено к оценке состояния российской системы образования. Хотя признаются достижения в развитии образования в конце 80-х – начале 90-х годов как итоги реализации законов «Об образовании» и «О высшем и послевузовском образовании», в концепции констатируется замедление позитивных изменений, явившихся следствием общесистемного социально-экономического кризиса 90-х годов. Обновление общества должно осуществляться на основе опережающего развития общеобразовательной и профессиональной школы, которое обеспечивалось бы через повышение инвестиционной привлекательности и модернизации организационно-экономического механизма финансирования этой сферы.

Целью модернизации образования обозначено создание механизма устойчивого развития системы образования. То есть в результате должны быть созданы такие условия существования, при которых обеспечиваются саморегуляция и саморазвитие системы, ориентированные на учет потребностей времени.

Приоритеты российской образовательной политики вытекают из состава задач модернизации, поставленных в концепции. В их числе: обеспечение государственных гарантий доступности качественного образования, создание

условий для повышения качества общего и профессионального образования, формирование эффективных экономических отношений, кадровое обеспечение, механизмы управления развитием образования. В части профессионального образования государство принимает на себя обязательства гаранта качества образовательных программ. Профессиональное образование в своем содержании должно отвечать требованиям научного, экономического и социального развития. Международная конкурентоспособность экономики страны в условиях производства большей части национального продукта в высокотехнологичных отраслях в целом будет напрямую зависеть от качества и способностей высококвалифицированных работников. Эффективность функционирования системы высшего образования определяется качеством трудоустройства выпускников, которое, в свою очередь, оценивается по соответствию уровня рабочего места уровню полученного образования и по времени обретения первого полноценного трудоустройства [6. С. 14].

В этом направлении модернизация должна обеспечить преодоление рассогласования системы образования и потребностей рынка труда, а также готовность выпускника к адаптации к условиям рынка труда. Качество образовательной системы в контексте запроса гражданского общества будет проявляться в нескольких аспектах: от успешного построения жизненного пути каждого обучающегося, его профессиональной самореализации до эффективности экономики страны. Образование может позволить человеку быть способным к эффективным действиям. Соответственно, система образования, на которую возлагается, в том числе, функция развития (производства) человеческого, социального капитала, должна обладать потенциалом для этого, соответствовать нормам общества и ориентироваться на производство социального капитала, адекватного потребностям социума.

Система высшего образования должна приобрести многоуровневую структуру, ориентированную на потребности рынка труда. Сферой профессионального образования должно стать содействие в трудоустройстве выпускников. Как отдельный аспект развития профессионального образования рассматривается информатизация процессов обучения и управления в образовании. Качественному изменению должна быть подвергнута система управления образованием на всех уровнях. Приоритетом новой модели управления образованием через распределение и согласование компетенций, полномочий, функций и ответственности по уровням станет управление развитием системы.

Таким образом, концепция модернизации образования закрепила новые подходы к развитию системы образования как к важнейшей социально-политической сфере, обеспечивающей обновление российского общества. Помимо концептуальных основ в документе были определены этапы модернизации по годам.

На развитие идей концепции модернизации образования как организационной основы реализации государственной политики в этой сфере были направлены положения Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 гг., а также разрабатываемого на основах обеспечения преемственности Проекта концептуальных основ формирования Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг. В данных документах вновь обозначены существующие в российском образовании проблемы и признана тем самым достаточно низкая степень реализации задач первых двух этапов модернизации, а также указано на неудовлетворенность обществом развитием процесса модернизации.

Сдерживающими факторами развития образования признаны несоответствие действующего законодательства целям интенсивного развития системы образования, чрезмерное государственное регламентирование деятель-

ности в сфере образования при недостаточности необходимых ресурсов, отсутствие внятно сформулированных требований к содержанию и качеству образования. Программа содержит обоснование применения программно-целевого метода как механизма реализации единой государственной политики в области образования.

Значимыми в тенденциях развития системы высшего профессионального образования, среди прочих, следует признать положения программы в части выделения в системе высшего профессионального образования общенациональных университетов, базовых (системообразующих) вузов, интегрированных учебных заведений, университетских комплексов, исследовательских университетов (учебно-научно-исследовательских комплексов).

Результатами реализации программ должны стать создание общероссийской системы оценки качества образования, системы непрерывного профессионального образования, а также опережающее развитие национальных и системообразующих вузов как центров интеграции науки и образования для подготовки элитных высокопрофессиональных кадров.

Интеграция России в европейское образовательное пространство, рост экспортного потенциала образования, повышение конкурентоспособности профессионального образования на международном рынке образовательных услуг заявлены как важнейшие задачи модернизации образования. Присоединение России к Болонской декларации обозначило начало этого процесса. В тексте Концепции нет ссылок на межгосударственные соглашения Европейских стран, направленные на модернизацию университетского образования (в том числе Болонскую декларацию), однако включение России в этот процесс повлияло на многие существенные стороны модернизации высшей школы и других социальных институтов России.

Наряду с «техническими» проблемами (например, структуризации системы степеней, сроков бакалавриата и магистратуры и т.д.) в рамках создания единого образовательного пространства должна решаться проблема гарантии качества предоставляемых образовательных услуг. Унификация дипломов, создание единых схем, работающих по всей Европе, разработка параметров сравнительной и оценочной квалификации национальных образовательных систем должны привести к появлению образовательной среды принципиально иного, более высокого качества [7. С. 37].

Реализация положений Болонской декларации в контексте приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации оказывает определяющее влияние на систему высшего профессионального образования. Это находит выражение в реализации ряда направлений, непосредственно затрагивающих систему высшей школы. В их числе создание условий для функционирования:

- двухуровневой системы высшего профессионального образования;
- системы зачетных единиц для признания результатов обучения;
- сопоставимой с требованиями европейского сообщества системы обеспечения качества образовательных учреждений и образовательных программ вузов;
- внутривузовских систем контроля качества образования и привлечения к внешней оценке деятельности вузов студентов и работодателей, а также создания условий для введения в практику приложения к диплому о высшем образовании, аналогичного европейскому приложению, и развития академической мобильности студентов и преподавателей [12].

Россия должна ориентироваться на свои собственные потребности и рынок труда, запросы которого не всегда совпадают с запросами и потребно-

стями Европы. В то же время изменения в системе образования России необходимы в силу того, что страна не входит в число лидеров ни по количеству специалистов с высшим образованием, ни по количеству обучающихся в стране иностранцев, ни по объему финансирования научных исследований. Включение в Болонский процесс позволит сосредоточить внимание на проблемах укрепления позиций российской образовательной системы на мировом рынке. Однако достижение этой цели невозможно без четкого механизма реализации декларируемых инноваций, необходимого системного обоснования и координации вопросов финансово-экономического, материально-технического, кадрового, научно-методического, информационного, организационно-управленческого и т.д. обеспечения принимаемых решений [2. С. 50].

Положительный эффект Болонского процесса состоит и в том, что появляется возможность использования международного опыта организации образовательного процесса для подготовки квалифицированных кадров для экономики страны. Изначально этот опыт складывался в условиях ориентации на потребности рыночной экономики, где специалист должен был быть готов реализовывать свои профессиональные знания в условиях неопределенности. Система образования развивалась вследствие этого как саморегулирующаяся система, предполагавшая сочетание базового уровня образования с необходимостью последующего профессионального обучения. В этом и проявляется концепция непрерывного обучения, вытекают автономность профессиональных учебных заведений, академическая мобильность, индивидуальная образовательная траектория, гибкие учебные программы.

Сравнение положений Концепции, федеральных целевых программ развития образования и анализ документов, отражающих развитие Болонского процесса, позволяют выявить уровни соотношения модернизации российского образования и реформирования европейского образования. Интеграция России в общеевропейское образовательное пространство является одной из составляющих проекта модернизации. В то же время модернизация российского образования находится в контексте процессов обновления европейского образования и позиционирует Россию как полноправного участника этих процессов. Присоединение России к Болонскому процессу отвечает задачам модернизации отечественного образования, поддержания высокого статуса отечественного образования и науки, повышения их конкурентоспособности и соответствия современным мировым стандартам.

Условием эффективности модернизации образования в России как приоритетного политического и социального проекта является консолидация общества, взаимодействие образовательной системы с представителями национальной экономики, науки, культуры, здравоохранения, всех заинтересованных ведомств и общественных организаций, с родителями и работодателями. Образование является сферой пересечения интересов множества субъектов. Модернизационный проект задает для каждой группы субъектов внешние ориентиры развития. Для успеха модернизации необходимо выстраивание конструктивного диалога между государством и заинтересованными субъектами. Условия эффективного включения учреждений высшего профессионального образования в процессы модернизации были обозначены в постановлении Совета российского союза ректоров. Среди них – расширение автономии и самостоятельности вузов. Успешное решение вузами своих функциональных задач возможно только на основе широкого взаимодействия с органами исполнительной и законодательной (представительной) власти различных уровней, предприятиями и организациями различных форм собственности, научным и бизнес-сообществами, с общеобразовательной школой, институтами гражданского

общества [9]. Включение в процессы модернизации, расширение автономии и самостоятельности ставят проблему обновления системы управления вузом, ориентированного на решение задач модернизации на уровне вуза.

Таким образом, модернизация России является ключевым направлением ее политического и социально-экономического развития. Определяющую роль в успехе модернизации играют институциональные преобразования, а также готовность макросоциальной среды к обновлению. Модернизация как проект развития предполагает определение ее целей и путей их достижения. Неотъемлемым условием нового этапа развития российского общества и обеспечения конкурентоспособности российской экономики является модернизация образования. Тенденции развития образования определяются разработкой новой законодательной базы как правовой основы институциональной среды модернизации образования. Целью модернизации образования обозначено создание механизма устойчивого развития системы образования, т.е. таких условий существования, при которых обеспечиваются саморегуляция и саморазвитие системы, ориентированные на учет потребностей времени. Центральными направлениями модернизации образования являются кардинальное обновление содержания образования и экономики образования, а главными задачами – повышение доступности, качества и эффективности образования. Модернизация образования – это комплексное, всестороннее обновление всех элементов сферы образования в соответствии с требованиями современного развития с сохранением лучших его традиций. Одной из составляющих проекта модернизации является интеграция России в европейское образовательное пространство. В то же время модернизация российского образования находится в контексте процессов обновления европейского образования. Эффективность модернизации образования зависит от включения в процесс всех заинтересованных субъектов, для каждой группы которых модернизация задает свои направления развития.

Литература

1. Балахин Г.А. Управление развитием образования: организационно-экономический аспект. М.: Экономика, 2003. 13 с.
2. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века: учеб. пособие для самообразования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогическое общество России, 2002. 512 с.
3. Гладких Б.А. Может ли Болонский процесс стимулировать повышение качества и эффективности образования в российском вузе? // Экономика образования. 2007. № 6. С. 4-15.
4. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1 // Российская газета. 1992. 31 июля.
5. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы, утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2005 г. № 1340-р.
6. Максименко А.Б., Разумова Т.О. Инфраструктура рынка труда выпускников вузов. М.: ТЕИС, 2005. 198 с.
7. Мозганова В. Европа уже не идет, а бежит по Болонскому пути // Элитное образование. 2004. № 5. С. 36-41.
8. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Одобрена постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751.
9. Постановление Совета Российского Союза ректоров «О задачах научно-образовательного сообщества в области модернизации и технологического развития экономики России» от 8 декабря 2009 г. № 1.
10. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003-2005 годы). Утв. распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2003 г. № 1163-р.
11. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002-2004 годы). Утв. распоряжением Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 910-р.
12. Решение коллегии Министерства образования и науки РФ от 16 декабря 2004 г. № ПК-8.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утв. Указом Президентом РФ 12.05.2009 г. № 537.

ГУДЖАТУЛЛАЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА – старший преподаватель кафедры экономики, Набережночелнинский филиал Казанского государственного университета, Россия, Набережные Челны (priemfksu@mail.ru).
GUDZHATULLAEVA ELENA MIHAILOVNA – senior teacher of Economics Department, Naberezhnye Chelny Branch of Kazan State University, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 330.341.1

И.П. ДАНИЛОВ, В.Т. ТАРАСОВ

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ***

Ключевые слова: человеческий капитал, моделирование экономического роста, инновационный потенциал регионов.

Количественно оцениваются человеческий капитал занятых в экономике регионов России в анализируемом периоде (2000-2009 гг.), его связь с подсистемами инновационного потенциала регионов России и его влияние на экономический рост.

I.P. DANILOV, V.T. TARASOV

HUMAN CAPITAL AND INNOVATION DEVELOPMENT OF RUSSIA'S REGIONS

Key words: human capital, the modeling of economic growth, the innovative potential of regions.

The authors quantify human capital employed in the economic regions of Russia during the analyzed period (2000-2009), its relationship to the subsystems of the innovation potential of Russian regions and its impact on economic growth.

Изучение сущности человеческого капитала насчитывает более чем полувековую историю. Первые упоминания этой категории относятся к 1958 г. и связаны с публикацией статьи Джейкоба Минсера под названием «Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода» [3. С. 200]. Однако считается, что основополагающие результаты в области исследования человеческого капитала получены нобелевскими лауреатами по экономике Т. Шульцом (1979 г.) и Г. Беккером (1992 г.). Эти представители чикагской школы в начале 60-х годов прошлого столетия в значительной мере развили и систематизировали данное научное направление. С тех пор исследовательская программа, связанная с человеческим капиталом, получает интенсивное развитие, главным образом в рамках неоклассического направления экономической науки. В ней можно выделить два этапа.

Начальный этап, в течение которого неослабевающий поток литературы сформировал, по выражению видного историка экономической науки М. Блауга, «твердое ядро» концепции человеческого капитала, продолжался до 1980-х годов, когда в ней наметились признаки стагнации. По мнению М. Блауга, данная исследовательская программа в 1980-е годы «... продолжала деградировать, бесконечно перерабатывая все тот же материал без продвижения в понимании проблем образования и обучения» [2. С. 334-335].

В середине 80-х годов в данном научном направлении наметился определенный прогресс. Этому способствовали публикации работ П. Ромера, Р. Лукаса (нобелевского лауреата по экономике 1995 г.), несколько позднее – Н. Менкью, Д. Ромера, Д.А. Вейла, в которых была предпринята попытка сформулировать «новую теорию роста» с иных позиций. Данные ученые пришли к выводу, что недостающим звеном в неоклассической теории роста являются инвестиции в человеческий капитал, и предложили модели, учитывающие запас человеческого капитала в виде производимого ресурса¹.

Несмотря на подробное и обстоятельное осмысление сути человеческого капитала и его роли в экономическом развитии общества на качественном уровне, многие проблемы, связанные с количественными оценками человеческого капитала как актива и фактора экономического роста, остаются нерешенными. Более того, по мнению сотрудника института экономики РАН

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00091а).

¹ Обстоятельный обзор сильных и слабых сторон новой теории роста приводится в статье Р. Солоу (нобелевского лауреата по экономике 1987 г.) [8. С. 479-506]. Описание различных моделей экономического роста, в том числе с человеческим капиталом, предложенные вышеназванными и другими авторами, содержится в работе Ю.В. Шарая [11].

доктора экономических наук И.В. Соболевой, «в количественном аспекте изначально неоклассическая категория «человеческий капитал» столь же неуловима, как и марксистское понятие «стоимость». Любой из подходов к его измерению обязательно упускает из виду те или иные важные аспекты, а потому ведет к существенным искажениям» [9. С. 43].

Безусловно, проблема количественной оценки человеческого капитала является чрезвычайно трудной, однако ее фатальная неразрешимость, на наш взгляд, излишне преувеличена. Поэтому попытки ее решения в рамках различных концепций не прекращаются [6, 12]. В данной статье предложен подход к количественной оценке человеческого капитала, который экспериментально апробирован с использованием фактических данных в разрезе регионов России за период 2000-2009 гг. Наряду с этим с помощью модели эндогенного экономического роста с человеческим капиталом получены представления о его количественном вкладе в развитие инновационной экономики регионов.

С практической точки зрения современный этап исследований, связанных с человеческим капиталом, обусловлен двумя вызовами, вытекающими из анализа мировых тенденций развития экономики. Во-первых, это связано с попытками объяснить усиление неравенства в экономическом развитии между богатыми и бедными странами, т.е. дивергенцию, которая не согласуется с неоклассической теорией экономического роста. Согласно данной теории все экономические системы, имеющие доступ к одним и тем же технологиям, должны были бы иметь тенденцию к сближению темпов роста продуктивности труда. Однако этого не наблюдается в действительности, что является своеобразным вызовом для научной экономической общественности. Между тем включение человеческого капитала в состав факторов моделей экономического роста в определенной мере помогает объяснить природу углубляющейся межстрановой и межрегиональной дифференциации уровня экономического развития и определить направление решения данной проблемы.

Другая проблема, которая будоражит умы ученых многих стран последние 20-30 лет в ходе формирующейся «новой экономики знаний», касается механизмов трансформации эффектов образования и обучения на рабочем месте в эффект экономического роста. Дело в том, что статистика во многих случаях не подтверждает прямой связи между затратами на образование, НИОКР, повышением квалификации, с одной стороны, и экономическим ростом – с другой.

В неоклассическом понимании, *человеческий капитал – это запас знаний, способностей, навыков и мотиваций, содействующих росту его производительной силы и расширяющих его потребительские предпочтения*; при этом эффективность инвестиций в человека, как и вложений в вещественный капитал, определяется альтернативой распределения ресурсов во времени с целью «обмена» сегодняшних благ на будущие.

По нашему мнению, для оценки человеческого капитала можно использовать данные об индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП), которые с начала 90-х годов регулярно рассчитываются и публикуются коллективами независимых экспертов и консультантов в специальных докладах по инициативе Программы ООН (ПРООН) во многих странах мира. Подобные доклады с оценками ИРЧП по субъектам Федерации с 1997 г. публикуются и в России [5]. Считается, что данный индекс является репрезентативной характеристикой развития человека, представляя собой агрегированный результат достижений в трех важнейших областях общественной жизни: 1) в формировании душевого продукта, 2) в сфере образования и 3) в обеспечении жизненного долголетия. Мы считаем, что данный индекс в комплексном виде учитывает нормированные уровни основных компонентов человеческого капитала, тесно взаимосвязанных между собой. Предполагается, что наиболее

образованные работники обладают более продуктивным трудом по сравнению с остальными и, соответственно, лучше оплачиваются. Кроме того, будучи более обеспеченными людьми, они имеют больше возможностей заботиться о своем здоровье и, вследствие этого, дольше живут.

Предлагаемый алгоритм оценки человеческого капитала кратко можно представить в виде последовательности следующих шагов:

1. Расчет базисных и среднегодовых темпов прироста ИРЧП по опубликованным данным за 1998-2008 гг.

2. Расчет средней продолжительности времени, потраченного занятыми в экономике на свое образование, по годам анализируемого периода (2000-2009 гг.).

3. Сбор данных Росстата о среднем возрасте занятых в экономике регионов в каждом году анализируемого периода.

4. Расчет среднего возраста вступающих в трудовую деятельность работников региональных экономик в каждом году анализируемого периода.

5. Расчет средней продолжительности трудовой деятельности занятого населения в каждом году анализируемого периода.

6. Расчет среднегодовых темпов прироста накопления человеческого капитала на рабочем месте (на основе концепция опытной кривой Б. Хендерсона).

7. Расчет уровня и динамики накопления человеческого капитала занятого населения как в период обучения в образовательных учреждениях, так и на рабочем месте.

В целом по стране базисные темпы роста ИРЧП составили 107,7%, что в среднегодовом исчислении соответствует 0,68%. Значения аналогичных показателей Чувашской Республики оказались, соответственно, на уровне 105,4% и 0,48%. Среди десяти субъектов Федерации, которые характеризовались наибольшими темпами роста ИРЧП в указанном периоде, отметим Республику Тыва (119,4%) и Республику Ингушетию (116,5%). В этих регионах ускоренный рост показателя способствовал снижению их отставания от среднего уровня по стране. В то же время такие регионы, как Москва (123,2%) и Санкт-Петербург (120,2%), напротив, упрочили свое лидерство в развитии человеческого потенциала.

В среднем по России средняя продолжительность времени, потраченного работниками экономики на свое образование, показала устойчивую тенденцию к повышению: она увеличилась с 12,8 года в 2000 г. до 13 лет к 2005 г. и до 13,3 года в 2010 г.² Соответствующие показатели для Чувашии составили 12,4; 12,8 и 13,25 года.

Учитывая средний возраст детей, приступающих к школьному образованию в 6,5 года и прибавив его к значениям показателей средней продолжительности образовательного периода, получаем примерный средний возраст работников, вступающих в трудовую деятельность.

Показатели средней продолжительности трудовой деятельности занятого населения регионов в каждом году анализируемого периода определялись путем вычитания из показателей среднего возраста занятых в экономике расчетных значений их средней продолжительности обучения³. В среднем по стране этот показатель колебался незначительно: в пределах 19,6 ÷ 20,1 года. В Чувашской Республике он варьировал в интервале от 19,2 до 20,2 года.

Данный параметр может быть использован для оценки человеческого капитала занятого населения в связи с обучением и приобретением опыта непосредственно на рабочем месте. Темпы накопления человеческого капитала на

² В расчет принимались следующие предположения о продолжительности периода обучения по группам работников, имеющих те или иные виды образования: 1) начальное общее в сумме с не имеющими такового – 2,7 года; 2) основное общее – 9 лет; 3) среднее полное (общее) – 11 лет; 4) начальное профессиональное – 13,5 года; 5) среднее профессиональное – 14,5 года; 6) высшее профессиональное – 16,5 года.

³ Аналог показателя среднего возраста оборудования.

рабочем месте и в период образовательного обучения в общем случае отличаются между собой. В этой связи обычно упоминается так называемая кривая обучения, показывающая зависимость между производительностью человека и временем, потраченным на его обучение. Идею кривой обучения значительно развил Брюс Хендерсон – основатель всемирно известной Бостонской консультационной группы. По мнению Хендерсона, реально наблюдаемая кривая опыта характеризует не только эффект обучения, как это считалось ранее, но и результат *совместного эффекта обучения, специализации, инвестиций и масштаба*; при этом эффект каждого из этих элементов известен лишь приблизительно, соответственно эффект кривой опыта также является некоторым приближением [10. С. 32-60]. Такой совместный эффект, опираясь на фактические исследования, Хендерсон оценивал на уровне $20 \div 30\%$ снижения затрат, или роста продуктивности, вследствие *удвоения* опыта.

По нашим расчетам, с учетом фактических данных общероссийской динамики ИРЧП, приведенных ранее, удвоение человеческого капитала, при неизменных условиях, произойдет через 102,8 года. Это соответствует среднегодовым темпам прироста человеческого капитала на уровне 0,18% в год исходя из равномерного экспоненциального роста с учетом двадцатипроцентного эффекта опытной кривой. Для Чувашской Республики аналогичные параметры составили 144,4 года и 0,13%.

В итоге были сформированы исходные данные, необходимые для оценки человеческого капитала работников, накопленного ими в виде определенного запаса на известный момент времени. Это – средние показатели продолжительности двух периодов: 1) обучения потенциальных работников в образовательных учреждениях и 2) приобретения ими опыта на рабочем месте уже в ходе их трудовой деятельности. Кроме того, получены представления о средних темпах накопления человеческого капитала в обоих указанных периодах. Следовательно, несложно рассчитать и базисные индексы роста человеческого капитала работниками региональных экономик на определенные моменты времени по обоим периодам, а также общий индекс. Например, общий базисный индекс человеческого капитала работников, занятых в экономике всей страны, на конец 2009 г. составил 113,4%, в том числе для «образовательного» периода – 109,4% и «опытного» периода – 103,6%. Аналогичные показатели накопления человеческого капитала по регионам Приволжского федерального округа представлены в табл. 1.

Интересно отметить, что темпы накопления человеческого потенциала занятого населения во всех регионах округа в анализируемом периоде отставали от средних по стране. При этом в них наблюдался и более низкий достигнутый уровень развития человеческого потенциала в 2008 г., за исключением Республики Татарстан, где он превышал среднероссийское значение. Чтобы объяснить механизмы формирования трендов ИРЧП и накопления человеческого капитала занятого населения регионов, необходимо усовершенствовать статистический учет межрегиональных миграционных процессов населения с использованием *возрастных и образовательных* характеристик. Именно миграция населения, на наш взгляд, обуславливает усиление межрегиональных различий в уровнях как ИРЧП, так и накопления человеческого капитала занятого населения.

Рассчитанные характеристики человеческого капитала позволяют исследовать его роль в различных процессах экономического развития. В макроэкономических моделях экономического роста человеческий капитал непосредственно включается в виде самостоятельного фактора [11]. По нашему мнению, данный фактор является источником многосложного влияния на экономическое развитие, прежде всего выступая важным элементом в системе инновационного потенциала регионов (ИПР). Поэтому самостоятельный интерес представляет исследование взаимосвязей человеческого капитала с подсистемами ИПР.

Таблица 1

**Базисные индексы накопления человеческого капитала
занятых в экономике страны и регионов Приволжского федерального округа в 2009 г.**

Регион	Базисный индекс накопления человеческого капитала, %			Индекс развития человеческого потенциала (2008 г.)
	общий	в том числе за счет		
		обучения в образовательных учреждениях	приобретения опыта на рабочем месте	
Российская Федерация	114,3	109,4	103,6	0,825
Пензенская область	109,9	106,8	102,9	0,786
Республика Татарстан	109,5	106,8	102,6	0,848
Удмуртская Республика	109,5	106,8	102,6	0,805
Чувашская Республика	109,3	106,6	102,5	0,797
Оренбургская область	108,5	106,0	102,3	0,813
Саратовская область	108,2	105,8	102,3	0,801
Пермский край	107,5	105,3	102,1	0,802
Республика Мордовия	107,1	104,9	102,1	0,794
Кировская область	106,5	104,6	101,8	0,774
Самарская область	106,1	104,3	101,7	0,817
Республика Марий Эл	105,7	104,0	101,6	0,769
Республика Башкортостан	104,6	103,3	101,3	0,815
Нижегородская область	103,9	102,8	101,1	0,801
Ульяновская область	102,6	101,9	100,7	0,786

В ранее проведенном исследовании, посвященном ИПР, мы выделили в нем четыре функциональные подсистемы и оценили их с помощью четырех групп показателей, характеризующих: 1) ресурсную базу в количественном аспекте; 2) уровень квалификации и заработной платы работников, занятых исследованиями и разработками; 3) эффективность функционирования ИПР; 4) эффективность применения инноваций в экономике региона [4]. В итоге каждая подсистема ИПР была оценена сводным индикатором в линейно-нормированной шкале. Оценка указанных подсистем ИПР позволила исследовать функциональные взаимосвязи между ними, исходя из предварительной гипотезы их взаимодействия. Так, количественный состав ресурсной базы ИПР (A1), включая работников, занятых исследованиями и разработками, с известным уровнем квалификации и заработной платы (A2), рассматривался в качестве первичных факторов эффективности функционирования ИПР (A3), создающих предпосылки для повышения эффективности функционирования экономики региона в целом. Далее предполагалось, что конечные результаты функционирования региональной инновационной системы зависят как от уровня эффективности генерируемых инноваций, так и от масштабов их внедрения и применения в экономике. Эти результаты характеризуются повышением общего уровня региональной эффективности ресурсов (A4).

Расчеты, носящие предварительный характер, показали относительно тесную корреляционную связь между сводными индикаторами ИПР 1-й и 4-й групп, тогда как между индикаторами 1-й и 3-й, а также 4-й и 3-й групп зафиксирована слабая корреляция, хотя и устойчивая по параметрам. Возможно, эти связи носят нелинейный характер, а показатели промежуточной эффективности ИПР нуждаются в корректировке. Также выяснилось, что вариация исходных частных показателей, характеризующих квалификацию персонала, занятого исследованиями и разработками (характеристики, связанные с подготовкой исследователей и присвоением им ученых степеней), практически не влияет ни на промежуточные, ни на конечные результаты функционирования инновационного потенциала регионов.

Вместе с тем данное исследование выявило статистически значимое влияние человеческого капитала (H) на отдельные сводные индикаторы под-

систем ИПР, несмотря на то, что индикаторы человеческого капитала и ИПР определялись по различным методикам, никак не связанным между собой. Отметим практически линейно-пропорциональное влияние человеческого капитала на формирование ресурсной базы ИПР и заметно меньшее по уровню его влияние на формирование промежуточной и конечной эффективности ИПР. В последнем случае это влияние удовлетворительно описывается степенной зависимостью с замедлением роста (табл. 2).

Как показали расчеты, в анализируемом периоде 1% прироста человеческого капитала занятых в экономике репрезентативного региона обуславливал 0,31% прироста эффективности функционирования ИПР и 0,25% прироста валового регионального продукта в качестве конечного результата использования инноваций.

Таблица 2

Параметры уравнений регрессии (в скобках представлены t-статистики)

Вид уравнения и количество наблюдений (N)	a	b	c	R ²	Метод оценивания
1. $A_{it} = a + bH_{it}$ N = 711	-0,003 (-0,395)	0,951 (21,147)	–	0,813	со случайными эффектами*
2. $A3_{it} = a + bH_{it} + c(H_{it})^2$ N = 711	0,102 (5,433)	0,452 (2,566)	-0,179 (0,868)	0,178	с учетом вариации между объектами*
3. $A4_{it} = a + bH_{it} + c(H_{it})^2$ N = 711	0,215 (11,834)	1,074 (6,310)	-0,799 (4,022)	0,408	с учетом вариации между объектами*
4. $A3_i = aH_i^b$ N=79	7,764 (5,016)	0,307 (4,216)	–	0,229	Левенберга – Марквардта**
5. $A4_i = aH_i^b$ N=79	18,649 (11,021)	0,247 (7,235)	–	0,428	Левенберга** – Марквардта

* Параметры оценивались доступным методом наименьших квадратов (FGLS) на основе панельных данных по 79 регионам за 2000-2008 гг.

** Нелинейный метод наименьших квадратов.

Наряду с этим оценивался непосредственный вклад человеческого капитала в экономический рост регионов страны с использованием концепции моделирования эндогенного роста, предложенной Р. Лукасом в его классической статье «О механизмах экономического развития» [13]. В частности, использовалась модификация производственной функции Кобба – Дугласа с человеческим капиталом в трудосберегающем виде с нейтральным, по Харроду, прогрессом:

$$\frac{Y_{it}}{L_{it}} = A \left(\frac{K_{it}}{L_{it}} \right)^{\alpha} H_{it}^{\psi},$$

где Y_{it} , K_{it} , L_{it} , H_{it} – соответственно валовой региональный продукт (ВРП), среднегодовая стоимость основных фондов отраслей экономики, среднегодовая численность занятых в экономике и среднегодовая численность занятых в экономике, обладающих запасом человеческого капитала i -го региона в году t ; A , α , ψ – параметры модели, рассчитываемые эконометрическими методами.

В другом варианте оценивания параметров вместо показателей основных фондов использовались данные об инвестициях в основной капитал. Кроме того, еще один цикл расчетов осуществлялся по усеченной выборке: из числа регионов были исключены Москва и Тюменская область ввиду робастности их данных на фоне показателей остальных регионов.

Показатели ВРП были пересчитаны в цены 2008 г. с учетом паритета покупательной способности рубля, основные фонды – в цены 2008 г. с помощью дефляторов ВРП, а инвестиции в основной капитал – в цены 2008 г. с помощью базисных темпов роста. Среднегодовая численность занятых в экономике, обладающих запасом человеческого капитала, определялась в виде произведения численности занятых в году t на соответствующий базисный индекс накопления человеческого капитала. Оценки параметров представлены в табл. 3.

Таблица 3

Оценки параметров модели (в скобках представлены t-статистики)

Вариант регрессии	$\ln A$	α	ψ	R^2	LM-критерий
1. Полная выборка ($N = 711$)					
а) с основными фондами	-2.4480 (-12.6)	0.2105 (4.5)	0.1919 (6.5)	0.342	931.4
б) с инвестициями в основной капитал	-1.3220 (-8.5)	0.3250 (42.6)	0.1538 (6.6)	0.678	1844.8
2. Усеченная выборка ($N = 693$)					
а) с основными фондами	-2.2570 (-11.5)	0.1205 (2.3)	0.1549 (5.1)	0.194	873.1
б) с инвестициями в основной капитал	-1.1490 (-7.4)	0.3219 (42.6)	0.1236 (5.2)	0.633	1800.2

Уравнения регрессии с основными фондами характеризуются низкими коэффициентами детерминации по сравнению с уравнениями регрессии с инвестициями в основной капитал, хотя оценки их параметров достаточно устойчивы. По нашему мнению, статистика основных фондов, учитывающая их по фактической (смешанной) стоимости, не в полной мере отражает межрегиональные и межвременные соотношения, даже после пересчета их с помощью дефляторов ВРП⁴. Мы считаем, что на данном этапе вместо данных по основным фондам целесообразно использовать показатели инвестиций в основной капитал.

Исключение из выборки двух регионов (Москвы и Тюменской области) в варианте с инвестициями практически не меняет представлений о роли факторов экономического роста. Так, значения эластичности ВРП по фондам (α) и неквалифицированному труду ($1-\alpha$), по все видимости, находятся в пределах $0,322 \div 0,325$ и $0,675 \div 0,678$ соответственно, а относительно человеческого капитала – на уровне $0,124 \div 0,154$. Отсюда условное распределение роли факторов в экономическом росте можно определить в виде отношения соответствующих эластичностей к степени однородности производственной функции. По расчетам, в анализируемом периоде на долю неквалифицированного труда приходилось примерно $58,5 \div 60,3\%$, вещественного капитала – $28,2 \div 28,7\%$ и человеческого капитала – $11,0 \div 13,3\%$ общего прироста ВРП регионов.

Как видим, российская экономика еще далека от модели «экономики знаний», а роль человеческого капитала в ней, по современным меркам развитых стран, относительно низкая. Попытки оценить влияние человеческого капитала на экономический рост методами эконометрического моделирования на региональном уровне даже в условиях предпосылок, сильно упрощающих действительность, представляются не только познавательными, но и имеющими практический смысл для выработки действенной региональной политики. Между тем становится очевидным, что необходимы исследования механизмов формирования микроэкономики знаний (на уровне предприятий и организаций) [7], в том числе роли и места в ней человеческого капитала.

Литература

1. Бессонов В.А., Воскобойников В.Б. О динамике основных фондов и инвестиций в российской переходной экономике // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 2. С. 193-228.
2. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют: пер с англ. / науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
3. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса: пер. с англ. / под ред. М.А. Сторчевого. СПб.: Экономическая школа. 2008. 384 с.
4. Данилов И.П., Тарасов В.Т. Инновационный потенциал регионов России: методы анализа структуры и влияния на эффективность экономического роста // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 343-354.
5. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhdr.ru/index.php?iso=RU&id=2&cmd=publications1&id=49>.
6. Капелюшников Р.И. Записка об отечественном человеческом капитале: препринт WP3/2008/01. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 56 с.
7. Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. М.: Экономика, 2007. 204 с.
8. Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т.: пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 479-506.

⁴ Недостатки статистического учета основных фондов отмечают многие авторы (см., например, [1]).

9. Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала: науч. доклад. М.: Институт экономики РАН, 2009. 50 с.
10. Стратегии, которые работают: Подход VCG: сб. ст. пер. с англ. / сост. К. Штерн и Дж. Сток-мл.; под общ. ред. И.В. Лазуновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2005. 496 с.
11. Шараев Ю.В. Теория экономического роста: учеб. пособие для вузов / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 254 с.
12. Энтов Р.М., Синельников-Мурылев С.Г., Дашкеев В.В. и др. Долгосрочный сценарный анализ развития российской экономики на основе межстрановых сопоставлений. 1-й этап – Институт экономики переходного периода. М., 2006. 82 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iet.ru/files/text/usaidd/2006_LR_growth_draft2_sent.pdf.
13. Lucas R.E., Jr. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. P. 3-42.

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dip41@yandex.ru).

DANILOV IVAN PETROVICH – doctor of economics sciences, professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ТАРАСОВ ВЛАДИМИР ТИМОФЕЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Чебоксары (taranet@orionet.ru).

TARASOV VLADIMIR TIMOFEEVICH – candidate of economics sciences, assistant professor, Cheboksary branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia, Russia, Cheboksary.

УДК 330.1

Н.В. ДЕДУШКИНА

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: модернизация, экономика, демография, инфляция, финансово-экономический кризис, инновация, инвестиции, интеллект, человеческий капитал, индекс развития человеческого потенциала, культура.

Выделены причины демографического и финансово-экономического кризиса, низкого жизненного уровня населения в дотационном регионе и необходимость развития экономики в благоприятном культурном пространстве. На основе анализа проблем российской экономики выявлены возможности её модернизации.

N.V. DEDUSHKINA

FEATURES THE MODERNIZATION OF THE ECONOMY OF RUSSIA

Key words: modernization, economics, demographics, inflation, financial and economic crisis, innovation, investments, intelligence, human capital, human development index, culture.

Highlighted reasons demographic and financial and economic crisis, the low standard of living of the population in the dotacionnom region and the need to develop the economy in favourable cultural space. Based on analysis of the problems of the Russian economy explored opportunities her modernization.

Модернизация, по мнению большинства исследователей, подразумевает рациональный контроль над природным и социальным окружением человека, тесную интеграцию в мировую культуру, осуществление научной революции, распространение рационального взгляда на жизнь, строительство либерально-демократического государства. Модернизация – это не просто призыв осовременить наше общество, в котором все еще проявляются черты прошлого века, но и гарантия, что в скором будущем мы не потеряем зримые экономические позиции. В Послании Президента РФ в его речи на съезде говорилось о масштабной программе модернизации всех сфер жизни России, всех институтов, всех видов деятельности и жизнеобеспечения на основе как вертикальной модернизации, т.е. прорыва в конкретных отраслях, так и горизонтальной – снятие административных барьеров, улучшение условий для развития всего бизнеса. Но выполнимы ли поставленные задачи в современных условиях? Анализ состояния российской экономики и стоящих перед ней проблем позволили сделать следующие выводы:

1. Россия переживает исторические изменения: из супердержавы с населением почти в 300 млн человек она трансформировалась в региональную державу с

населением в 140 млн. На сегодняшний день численность населения России на 5 млн меньше численности 1993 г. В докладе Всемирного банка 2005 г. *Dying Too Young* прогнозируется снижение численности населения на 30% в течение следующих 50 лет. Было объявлено, что в августе 2009 г. впервые за последние 15 лет в России число родившихся превысило число умерших на одну тыс. человек [4]. Однако по данным, размещенным на сайте Росстата, естественная убыль населения в стране за восемь месяцев 2009 г. составила почти 183 тыс. [3].

Следует отметить, что в детородный возраст входит поколение «реформ» начала 1990-х, когда будущая рабочая сила недополучала витаминизированной пищи, что, по мнению В.П. Эфроимсона, отрицательно сказывается в дальнейшем на генетическом уровне. Не удивительно, что количество новорожденных с патологическими болезнями из года в год увеличивается. Демографическую ситуацию в России можно охарактеризовать как демографический кризис, так как, по нашему мнению, демография – это не только количественный, но и качественный фактор. Особенно тяжелыми уже в ближайшие несколько лет последствия демографического кризиса окажутся для работающего населения. Работоспособное население России составляет 87 млн человек, из них, по официальным данным, работают 67 млн. Средняя продолжительность жизни в России составляет 65 лет, в то время как в Европе – 78 лет. Смертность среди мужского населения – одна из самых больших проблем. Средний возраст, до которого доживают мужчины, в 1980 г. составлял 59 лет (в 1960-х годах – 65 лет). Сегодня мужчины в России живут в среднем 60 лет [5]. Таким образом, главной причиной снижения численности населения является не столько низкая рождаемость, сколько высокая смертность. Поэтому повышение заработной платы и пенсий, снижение цен на лекарства, повышение качества системы здравоохранения, антиинфляционные меры, т.е. меры по повышению жизненного уровня населения, как никогда актуальны и необходимы.

2. Экономический рост 2010 г. на уровне 6,5% зависит от нефтедолларов. По словам вице-премьера, министра финансов РФ А.Л. Кудрина, на экономике России сказалось «ресурсное проклятие страны». Термин «ресурсное проклятие» в 1993 г. ввел в оборот географ-экономист М. Ричард из Университета Ланкастера. Он обратил внимание на то, что во время ценового пика на нефть 1970-х годов и в последующие годы валовой внутренний продукт на душу населения в странах ОПЕК снижался на 1,3% в год, тогда как остальные развивающиеся страны росли более чем на 2% в год. Однако следует отметить, что далеко не все либеральные экономисты относятся к модной «теории ресурсного проклятия» серьезно. Считается, что для опровержения любой «теории» достаточно одного отрицательного примера. Возглавляют список «исключений» США, которые в первой половине XX в. были страной, богатой ресурсами, – экспорт нефти тогда являлся крупнейшей статьей их экспорта и источником «валютных поступлений». Также эффективно распорядились ресурсами Австралия и Норвегия. В настоящее время в России не существует неоспоримых доказательств того, что ресурсы стали барьером на пути экономического развития и роста страны. Стабилизационный фонд, сдерживающая укрепление рубля валютная политика, ограничения в бюджетной сфере позволяли России до настоящего времени достаточно успешно бороться с соблазнами ресурсного изобилия. Однако проблемы неустроенности социальной сферы, необходимость финансирования национальных проектов и другие устремления с целью развития национального производства делают вопросы антимонопольной и протекционистской политики приоритетными.

3. История неоднократно доказывала, что субъективный фактор играет решающую роль в развитии общества. Отрадно отметить, что два энергичных руководителя нашей страны, президент Д.А. Медведев и премьер-министр В.В. Путин, активно работают в одном направлении по обеспечению внешнеполитической и экономической безопасности России.

4. Стабилизационные цели России расходятся с экономической ситуацией в мире, где рыночный проект, построенный на основе монетаристской политики, постепенно рушится. Рубль, как региональная валюта, привязан к доллару, поэтому Россия очень восприимчива к факторам мирового финансово-экономического кризиса. Думается, что новые дипломатические, политические, экономические и финансовые связи со странами Востока и СНГ предвещают создание положительных условий для укрепления курса рубля.

5. В своем послании Д.А. Медведев выдвинул лозунг «четырёх "И"» – институты, инвестиции, инфраструктура, инновация, позже добавил и пятую составляющую – интеллект. В качестве ключевых направлений были названы энергетика, ядерные технологии, информационная техника, наземная и космическая инфраструктура, медицинская технология. Однако не были обозначены конкретные механизмы для реализации выдвинутых приоритетов. «Институты» – здесь особенно настораживает нерешенность вопросов стимулирования труда творческого работника в сфере науки и образования, которые из-за низкой заработной платы вынуждены ориентироваться не на качество, а на количество проводимых занятий в разных вузах, многие из которых готовят новых специалистов без учета спроса и предложения внутреннего и внешнего рынка труда. Открывая II Международный форум по нанотехнологиям (октябрь 2009 г.) Президент РФ назвал цифру, которая характеризует кадровую потребность рынка нанотехнологий в 2015 г.: 150 тыс. человек. Однако бизнес слабо принимает участие в производстве квалифицированной рабочей силы. «Инновация» – российская экономика слабовосприимчива к инновациям по нескольким причинам: а) не решены проблемы коммерциализации интеллектуальной собственности; б) выделенные финансовые средства в науке распределяются неэффективно; в) высокие кредитные и налоговые ставки не стимулируют внедрение инновационных моделей в промышленное производство; г) Россия сильно отстает по уровню внедрения инновационной техники и технологии от развитых стран, поэтому во многих сферах экономики выгодна имитация, а не инновация; д) технологический прогресс в экономике не соответствует новому технологическому укладу (ТУ) мировой экономики. Для инновационной модернизации российской экономики с целью масштабного воспроизводства и коммерческого использования качественных ресурсов, необходимо наиболее полное освоение накопленных в стране и в мире научно-производственного потенциала и фундаментальных инноваций пятого ТУ, который, в данном контексте, может выступать носителем как компенсирующей, так и замещающей функции. Он будет выполнять компенсирующие функции по отношению к некоторым элементам шестого ТУ и замещающие – по отношению к ряду элементов четвертого ТУ. Насыщение российской экономики технологическими нововведениями пятого ТУ позволит в дальнейшем сформировать гибкую, более однородную и технологически сбалансированную структуру, способную за короткий период эффективно воспринять и адаптировать базисные технологии шестого ТУ.

В условиях недостаточных инвестиционных ресурсов в реальном секторе российской экономики, слабой банковской системы кредитования, а также утраты возможностей прямого управленческого воздействия на воспроизводственные процессы задачей государства должна стать селективная поддержка технико-технологического обновления приоритетных несущих секторов пятого ТУ, имеющих высокий научно-производственный потенциал и значительные резервы для инновационной эволюции. Их интенсивное развитие будет способствовать росту инновационной активности в национальной экономике в целом благодаря мультипликативному эффекту по всей технологической цепочке сопряженных производств, формированию платежеспособного инновационного спроса на сложную наукоемкую продукцию и содействию последовательной модернизации всего комплекса конечных отраслей. «Интеллект» – интеллектуальный капитал

фирмы и региона станет основой развития экономики только в условиях совершенного рынка, когда производительный труд и интеллект станут в России востребованы, что возможно лишь в условиях повышения роли культуры и нравственного аспекта развития общества. В условиях же несовершенного рынка и разгула коррупции наблюдаются противоположные тенденции.

6. Д.А. Медведев заявил, что социальные обязательства государства выполнены полностью и так будет дальше. Но, тем не менее, расходы федерального бюджета в 2010 г. на социальные нужды сокращены на 45 миллиардов рублей, с нового года отменены доплаты аспирантам, докторантам на приобретение научной литературы [1], сокращены расходы на организацию детского летнего отдыха, выросли тарифы для населения на природный газ, электроэнергию и тепловую энергию, в результате чего резко упала реальная заработная плата жителей России, особенно тех, кто проживает в дотационных регионах и честно зарабатывает свой кусок хлеба. Например, рост тарифов в системе ЖКХ Чувашской Республики привел к снижению реальных доходов и росту социальной незащищенности населения. По официальным данным, рост тарифов в 2009 г. в ЧР к 2008 г. на 1 кв.м составил в среднем 23,8%. Наши исследования и анализ квитанций по услугам ЖКХ в г. Новочебоксарске ЧР за декабрь 2008 г. – февраль 2009 г. выявили необоснованный, не привязанный к росту доходов населения рост тарифов на: отопление – 54,35%; холодную воду – 22,0%; канализацию – 59,9%; электроэнергию – 24,3%, содержание жилья + ремонт жилья – 50,0% (ремонт жилья не проводился в течение 25 лет.). В то же время среднемесячная заработная плата в ЧР за январь-март 2009 г. снизилась на 17% по сравнению с аналогичным показателем за январь-ноябрь 2008 г., составив 10 956,5 руб. [2].

Анализ данных табл. 1 показывает, что рост тарифов по видам услуг за 3 рассматриваемых месяца составил: содержание жилья (по кв.м) + 5%; ремонт МОП +10,3%; отопление + 88,8% при незначительном снижении в марте на 16,8%; электроэнергия (по счетчику) + 9,2% и + 29,9% по домовому прибору учета (ДПУ); холодная вода + 6%; горячая вода +15,6%.

Таблица 1

Тарифы на жилищно-коммунальные услуги по г. Новочебоксарск Чувашской Республики

Услуги (ноябрь, декабрь 2009 г., январь 2010 г., март по отоплению)	Разм. платы, руб.	Потребление		Начислено		Увеличение, %
		общее или чел.	по ДПУ	по тарифу (руб.)	по ДПУ	
ЖИЛИЩНЫЕ, м²						
Содержание		65,1				15
ноябрь 2009 г.	11,03			718,05		
декабрь 2009 г.	11,03					
январь 2010 г.	11,59			754,51		
РЕМОНТ МОП, м²		65,1				10,3
ноябрь 2009 г.	1,85			120,44		
декабрь 2009 г.	1,85					
январь 2010 г.	2,04			132,80		
КОММУНАЛЬНЫЕ, м²						
Отопление		65,1				88,8
ноябрь 2009 г.	18,00			1171,80	}	
декабрь 2009 г.	26,70			1738,17		
январь 2010 г.	33,98			2212,10		
март 2010 г.	28,27			1840,38		-16,8%
Электроэнергия, КВт·ч						
ноябрь 2009 г.		200	44,0	348	76	9,2
декабрь 2009 г.		197	16,3	342	28	
январь 2010 г.		187	56,1	355	106	29,9%
Холодная вода, чел.						
ноябрь 2009 г.	49,94					6,0
декабрь 2009 г.						
январь 2010 г.	52,99					

Окончание табл. 1

Услуги (ноябрь, декабрь 2009 г., январь 2010 г., март по отоплению)	Разм. платы, руб.	Потребление		Начислено		Увеличение, %
		общее или чел.	по ДПУ	по тарифу (руб.)	по ДПУ	
Горячая вода, м ³ ноябрь 2009 г. декабрь 2009 г. январь 2010 г.	49,93 57,73	10 6 8				15,6

Источник: [8].

7. В 2003 г. Россия относилась к странам со средним уровнем развития человеческого потенциала (ИРЧП 0,500-0,799) – 0,795 и среди 177 стран и территорий по рейтингу ИРЧП занимала 62-е место; в 2007 г. она перешла в разряд стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала (ИРЧП 0,800 и выше) – 0,817 (табл. 2), однако по рейтингу ИРЧП среди 182 стран и территорий переместилась на 71-е место (за 4 года рейтинг снизился на 9 пунктов). Если же рассматривать рейтинг России по ИРЧП начиная с 1990 г., то он по годам составлял: 1990 – 0,821; 1995 – 0,777; 2005 – 0,804; 2006 – 0,811; 2007 – 0,817.

Таблица 2

Показатели развития человека (2003, 2007 гг.)

Страны	Значение ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Уровень грамотности взрослого населения (15 лет и старше, %)	ВВП на душу населения (ППС в долл. США)	Индекс ожидаемой продолжительности жизни	Индекс уровня образования	Индекс ВВП
Россия (2003 г.)	0,795	65,3	99,4	9230	0,67	0,96	0,76
Россия (2007 г.)	0,817	66,2	99,5	14690	0,686	0,93	0,83
США (2003 г.)	0,944	77,4	–	37562	0,87	0,97	0,99
США (2007 г.)	0,956	79,1	–	45592	0,902	0,968	1,00
Страны Центральной и Восточной Европы, СНГ (2003 г.)	0,802	68,1	99,2	7939	0,72	0,94	0,75
Страны Центральной и Восточной Европы, СНГ (2007 г.)	0,821	69,7	97,6	12185	0,745	0,916	0,802
ОЭСР (2007 г.)	0,932	0,79		32647	0,900	–	0,966
Весь мир (2007 г.)	0,753	67,5	83,9	9972	0,708	0,784	0,768

Источники: [6], [7]; сост. автор.

Примечание. ППС – паритет покупательной способности.

По рейтингу ИНН-1 (индекс нищеты населения) для 135 стран и территорий Россия занимала 32-е место; по рейтингу ИРГФ (индекс развития с учетом гендерного фактора) для 155 стран и территорий в 2007 г. Россия была на 59-м месте (данные и прогнозы с 2000 по 2010 г.).

8. Модернизация экономики – это не только конкуренция, рациональное преимущество, расчет, выгода и прибыль, но и духовность и нравственность. Такие важнейшие элементы культуры, как способность к солидарности, дисциплина, целеустремленность, способность и умение ориентироваться на будущее, жертвование личными интересами ради общих интересов, психическая и эмоциональная гармония человека, его любовь к родине в конечном счете составляют важнейший компонент национальной безопасности. Искусство на протяжении всего своего существования, наряду с наукой, всегда задавало модели всей совокупности ценностных ориентаций, необходимых для решения сложившихся в обществе проблемных состояний. Современное искусство, на наш взгляд, должно стать предметом осмысления и научного исследования в связи с тем, что оно способно выразить те глубинные сущностные процессы настоящего и самореализующие тенденции будущего, видение которых для науки порой ста-

новится возможным только впоследствии, когда эти тенденции находят формы явного, эмпирического выражения. С учетом того, что модернизация экономики проводится в определенном культурном пространстве, необходимо, чтобы оно благоприятно способствовало развитию этого процесса.

9. Развитие сельского хозяйства требует глубокой модернизации на основе внедрения элементов био- и нанотехнологии и соблюдения сбалансированного роста цен на промышленные и сельскохозяйственные товары.

Таким образом, в условиях низкой производительности труда и неблагоприятной внешней обстановки, модернизация, как средство перехода к инновационной экономике, требует решения задач повышенного уровня: разработки индикативного плана модернизации экономики России, проведения активной антиинфляционной (с учетом действия кривой Филлипса), антимонопольной и антикоррупционной политики, создания рынка совершенной конкуренции, развития отечественного инновационного производства, привлечения иностранных инвестиций и повышения жизненного уровня населения.

Литература и источники

1. <http://kprf.ru/dep/72897.html>.
2. <http://www.cap.ru>.
3. <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B5C353091-BE23-434A-ABCC-4C9312524015%7D.uif>.
4. <http://www.rb.ru/topstory/economics/2009/09/29/174656.html>.
5. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=344951>.
6. http://hdr.undp.org/presskit/hdr2005/russian/pdf/hdr05_ru_complete.pdf.
7. <http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/>.
8. Квитанции по сбору платежей за ЖКУ МУП «Управляющая компания в ЖКХ г. Новочебоксарска», № лицевого счета 22533.

ДЕДУШКИНА НЕЛЛИ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dinelli_54@mail.ru).

DEDUSHKINA NELLI VLADIMIROVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of economics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 336.145:004.738

А.Н. ЕРМОЛАЕВ

WEB-ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА

Ключевые слова: информационные технологии, Web-технологии, автоматизация бюджетного процесса, сбор финансовой отчетности.

Рассмотрены Web-технологии как средство обеспечения эффективной работы финансовых органов и государственных структур. Наиболее подробно проанализированы вопросы усовершенствования текущего процесса сбора отчетности, повышения прозрачности и управляемости бюджетного процесса на основе Web-технологий.

A.N. ERMOLAEV

WEB-TECHNOLOGIES AS MEANS OF PERFECTION OF BUDGETARY PROCESS

Key words: Information technologies, information society. Web-technologies, automation of budgetary process, gathering of the financial reporting.

In article Web-technologies is considered, as means of maintenance of effective work of financial bodies and the state structures. Improvement of the current process of gathering of the reporting, increasing of a transparency and controllability of budgetary process on the basis of Web-technologies are in detail analyzed.

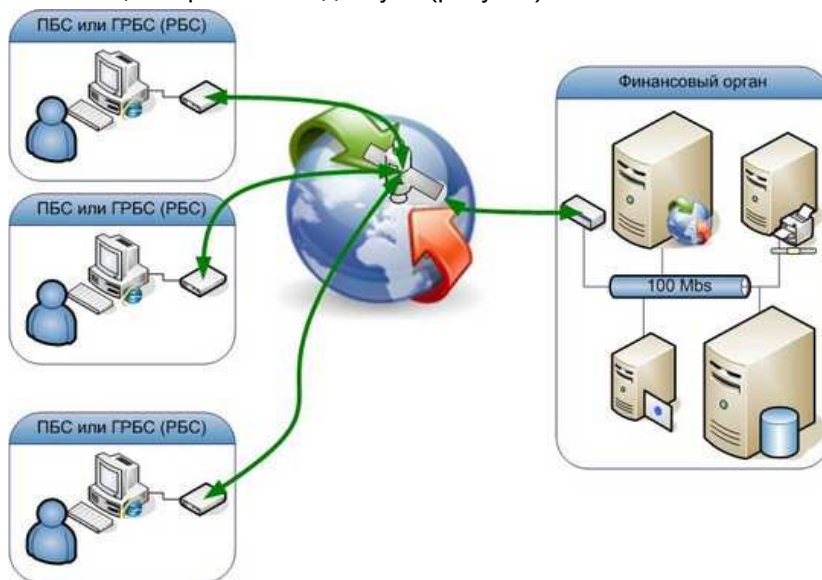
Структурные изменения, происходящие в российской экономике, возрастание ценности информации и информационных технологий говорит о вступлении России в информационное общество. Благодаря поддержке государством развития компьютерной грамотности, становлению информационного порядка в государственной сфере тема создания информационного общества становится наиболее приоритетной.

Развитие информационного общества возможно при активном развитии информационных технологий во всех сферах российского общества, особенно в сфере его взаимодействия с государством, активной автоматизации процесса функционирования государственных органов.

Принцип автоматизации деятельности органов местного самоуправления подразумевает комплексную автоматизацию бизнес-процессов, обеспечивая их интеграцию в единое информационное пространство региона. В настоящее время в органах местного самоуправления используются информационные технологии, носящие локальный характер, автоматизирующие отдельные, зачастую разрозненные функциональные задачи деятельности администраций. Вследствие этого исходные данные, которые хранятся и используются в базах данных администраций, нередко бывают избыточными или противоречащими друг другу. Также сохраняется существенная разница в уровнях информатизации и использовании информационных технологий между центральной властью и органами местного самоуправления. Кроме того, существенными и зачастую неоправданными остаются затраты на закупку, установку и сопровождение лицензионного программно-операционного обеспечения.

На сегодняшний день для обеспечения эффективной работы, в частности, финансовых органов и государственных структур в целом необходимо обеспечить доступ пользователей в любое время из любого места к информационной системе государственной структуры. Это касается доступа работников к общим данным органа государственной власти, а также к информационной системе для проведения расчетов, просмотра и ввода данных.

Используя Web-базированную систему, сотрудник может работать с ней с любого компьютера. Для этого ему нужен только Web-браузер, который входит в состав стандартного ПО любого современного компьютера. При этом передаваемые данные шифруются стандартными средствами, обеспечивающими надежную защиту вводимых данных от перехвата, взлома или другого несанкционированного доступа (рисунок).

Примерная схема Web-технологий

Стандартные клиент-серверные решения предлагают доступ к данным системы только с фиксированных компьютеров с установленным специали-

зированным программным обеспечением. Проблемы переносимости и обновления версий системы успешно решаются при помощи Web-технологий

При работе с клиент-серверными системами каждое изменение версии операционной системы или другого сопутствующего программного обеспечения может поставить под угрозу работоспособность системы за счет возможных конфликтов с новым программным обеспечением. В Web-системах за счет того, что программное обеспечение устанавливается только на сервере, работает на любой операционной системе и не зависит от ее типа и версии, данная проблема не существенна.

Применение Web-технологий упрощает установку обновлений самой системы. Если, в случае использования традиционных систем, любые обновления необходимо установить на каждый клиентский компьютер, то Web-систему достаточно обновить только на сервере. Так как вся функциональность системы находится именно там, на клиентских машинах она лишь отображается в виде Web-страниц в браузере.

Как правило, внедрение новой информационной системы требует существенных затрат на обучение персонала. Традиционные системы с оконным интерфейсом Windows содержат большое количество различных полей на нескольких закладках, для работы требуется запомнить последовательность ввода в них данных и выбора пунктов разветвленного меню системы. Интерфейс Web-систем максимально прост и дружелюбен к пользователю. Для осуществления какой-либо операции необходимо пройти по предложенной системой последовательности страниц, на каждой из которых вводятся логически структурированные данные. В случае ошибочного ввода или несоблюдения других условий система просто не пропустит пользователя на следующий шаг, таким образом минимизируя возможность ошибки или ввода неполных данных. Такой подход в несколько раз увеличивает эффективность обучения и снижает предубеждение пользователей против использования компьютерных технологий.

Также положительным фактором в использовании Web-технологий является такой немаловажный показатель, особенно в условиях кризиса, как стоимость внедрения, который состоит не только из стоимости системы, но и стоимости дополнительного программного обеспечения (операционной системы, системы управления базами данных и др.), а также стоимости технического обеспечения (серверов, рабочих станций, каналов доступа в Интернет) и стоимости обучения персонала.

Одним из основных условий конкурсов в автоматизации финансового управления является минимизация цены решения. И в этом отношении возможность работы через Web-браузер без необходимости установки на рабочем месте какого-либо платного программного обеспечения оказалась вне конкуренции. Более того, снижение цены на программное обеспечение позволило в этот же бюджет заложить работы по установке системы и обучению сотрудников государственных финансовых органов.

Как уже отмечалось ранее, Web-системы могут работать под управлением любой операционной системы как на сервере, так и на клиентских компьютерах, что позволяет снизить стоимость программного обеспечения.

Перенос всех вычислений на сторону сервера и использование на клиентских компьютерах только браузера для отображения информации позволяют существенно снизить стоимость технического обеспечения клиентских рабочих станций. А использование сжатия данных минимизирует требования к пропускной способности каналов Интернет.

Все вышесказанное делает Web-технологии наиболее применимыми для компаний, которые идут в ногу со временем и стремятся получить максимальную прибыль от использования современных компьютерных технологий.

Оценив эффективность Web-технологий, финансовые органы субъектов РФ начали их использование в финансовой деятельности. Так, в августе 2007 г. в Министерстве финансов Удмуртской Республики был внедрен программный продукт «Свод-Web» компании «Кейсистемс» в целях сбора месячной и квартальной отчетности со всех территориальных финансовых органов; Управление финансов администрации Липецкой области в 2006 г. приступило к внедрению; Финансовое управление правительства Еврейской автономной области внедрило программный комплекс «Свод-Web» в январе 2009 г.; в 2006 г. в Чувашской Республике подключены к данной технологии все отделы министерства в районах и городах, финансовые отделы администраций районов и городов и главные распорядители бюджетных средств. Использование «Свод-Web» также позволило всем финансовым органам муниципальных районов и сельских поселений Калининградской области, получателям бюджетных средств без установки какого-либо программного обеспечения подключиться к единой базе данных Министерства финансов Калининградской области и использовать полный комплекс отчетных форм.

Web-технологии в финансовых органах облегчают контроль и ускоряют проверку собранных отчетов. Применение выборок позволяет «непродвинутому» пользователю анализировать сведенные отчеты в разрезе подведомственных организаций, что важно для всего министерства.

Контрольные соотношения, используемые в Web-технологиях для финансовых органов, идентичны тем, которые используются при проверке на принимающей стороне, таким образом, отсутствует необходимость приобретения какого-либо дополнительного программного обеспечения для формирования и проверки итогового консолидированного отчета, сдаваемого в Федеральное казначейство Российской Федерации.

Основными критериями выбора данной технологии, помимо решения ключевых задач управления финансами, являются: 1) гарантия внедрения системы в достаточно короткие сроки; 2) полное соответствие поддерживаемых форм отчетности образцам, утвержденным Министерством финансов России; 3) своевременное автоматическое обновление контрольных соотношений; 4) успешное внедрение системы во многих субъектах Российской Федерации; 5) гибкость системы к модификациям; 6) приемлемая цена.

Внедрение программы привело к сокращению сроков сбора отчетности, позволило оперативно формировать своды отчетности, регулярно доводить до получателей новые формы отчетности, на месте проверять контрольные соотношения. Достоинством программы является конструктор отчетов, который дает возможность создания новых форм отчетности, необходимых для работы министерства, а также производить выборку данных для просмотра и анализа.

Особо следует отметить применение Excel-клиента для удаленных рабочих мест с низкоскоростным подключением к Интернету, что позволяет заполнять отчетные формы в автономном режиме с последующей автоматической передачей данных через кратковременное подсоединение к сети Интернет.

Применение Web-технологий способствует совершенствованию процесса сбора и консолидации отчетности, повышению качества управления бюджетным процессом, сокращению срока сбора отчетности, снижению процента возврата отчетов на доработку, своевременному получению из Минфина РФ и оперативному доведению обновлений отчетных форм, контрольных соотношений и программного обеспечения до финансовых органов муниципальных образований.

В повышении эффективности применения Web-технологий важную роль играет качественная работа служб поддержки, позволяющих обеспечить своевременное устранение ошибок и обновление программного продукта.

Подводя выводы, можно сказать, что использование Web-технологий в финансовых органах было вызвано необходимостью усовершенствования текущего процесса сбора отчетности, повышения прозрачности и управляемости данного процесса. Web-технологии способствуют решению таких задач, как сокращение сроков сбора отчетности, снижение процента возвратов отчетов на доработку и повышение качества работы с подведомственными организациями. Специалисты финансов органов считают, что технология Web-клиента более удобна и наглядна для ввода и редактирования отчетов. Существующее разделение прав на ввод и редактирование позволяет качественно и оперативно формировать своды отчетов на всех уровнях бюджетов с последующей выборкой данных для просмотра и анализа.

Литература

1. Абросимова М.А. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении. М.: Кнорус, 2011. 256 с.
2. Кириченко А.А., Максимова Т.Ю., Бовт В.В. Интернет-технологии для бизнеса. М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. 2001. 112 с.
3. Новожилова Н.В. Информация, интеллект и знание как важнейшие движущие силы экономики // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 455-463.
4. Румянцева Е.Л., Слюсарь В.В. Информационные технологии. М.: ИД-форум; Инфра-М., 2007. 256 с.
5. Сенченко П.В., Павинич Е.С. Web-ориентированные информационные технологии // Доклады ТУСУРа. 2008. № 2(18). Ч. 2, декабрь.

ЕРМОЛАЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (er_ik@mail.ru).

ERMOLAEV ALEXANDR NIKOLAEVICH – post-graduate student, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 631.11:331

Т.В. ИВАНОВА

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАДРАМИ МАССОВЫХ ПРОФЕССИЙ

Ключевые слова: кадры массовых профессий, изменения в их количественно-качественной структуре, причины и рекомендации.

В целях комплексного исследования кадрового потенциала сельскохозяйственных предприятий Российской Федерации осуществлен аналитический обзор их обеспечения кадрами массовых профессий. Выявлены причины сложившейся ситуации и сформулированы рекомендации по преодолению негативных процессов в данной области.

T.V. IVANOVA

ANALYTICAL REVIEW OF SUPPORT OF AGRICULTURAL ENTERPRISES PERSONNEL MASS TRADES

Key words: strength training mass professions, changes in its quantitative and qualitative structure, causes and recommendations.

In order to study the complex personnel potential of agricultural enterprises Russia carried out an analytical review of frames mass professions. The causes of the situation and makes recommendations to overcome the negative processes in this area.

Формирование и эффективное функционирование АПК в рыночных условиях как единого целого, оптимизация и сбалансированность всех его звеньев – одна из актуальных задач современного этапа развития сельскохозяйственного производства и смежных отраслей. В условиях реализации «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 гг.» на нужды государственной поддержки данной отрасли из федерального бюджета в течение 2008-2012 гг. планируется потратить свыше 551 млрд руб., что в 3 раза больше, чем за предыдущие пять лет. Однако политика, направленная на инновационное развитие АПК страны, требует определенной корректировки, так как в ней отсутствует самый важный стратегический системообразующий элемент – программа развития кадрового потенциала.

Особенно сложная ситуация наблюдается в обеспечении производства работниками массовых профессий. Во многом это является следствием стратегической ошибки, допущенной несколько лет назад, когда сельские профессионально-технические училища были переданы в ведение Министерства образования и науки. В результате чего почти все они были перепрофилированы, и на сегодняшний день механизаторов, трактористов-машинистов, операторов машинного доения, животноводческих комплексов и механизированных ферм, овощеводов и представителей ряда других специальностей для села практически никто не готовит. И это в то время когда обеспечение данными профессиями является одной из приоритетных в комплексе задач развития аграрного сектора. Проблема усугубляется отсутствием полноценного мониторинга качественного и количественного состава рабочих кадров (начиная с 2000 г. в РФ он не ведется).

Период с 2002 г. по настоящее время характеризуется существенным уменьшением общего количества рабочих кадров; на 01.01.2009 г. их численность составила менее 50% занятых в 2002 г. Наиболее значимое сокращение наблюдается в Приволжском и Центральном федеральных округах (табл.1).

Таблица 1

Количество предприятий и организаций и численность рабочих кадров АПК*

Федеральные округа	Количество предприятий, ед.				Численность рабочих кадров, чел.			
	2002 г.	2004 г.	2007 г.	2008 г.	2002 г.	2004 г.	2007 г.	2008 г.
Российская Федерация	51058	49043	45674	40896	3432588	2660230	1846315	1682863
Северо-Западный	3123	2627	1919	2094	153112	121794	95017,5	89340,8
Центральный	16095	20536	11163	9501	798032	599952	413970	383180,2
Приволжский	13952	10027	13364	13316	1047611	791882,2	534555	474636,5
Южный	8498	8409	5601	5011	636317	499391,3	361423	327234,3
Уральский	3215	2884	2713	2464	205744	158848	115569	108406,5
Сибирский	4872	3804	8967	7159	533779	441297,5	289523	289523
Дальневосточный	1303	756	1947	1351	57993	47065,2	36258,4	34001,0

* Табл. 1 составлена по данным бухгалтерских отчетов, форма 5-АПК и приложения [2].

Столь значимые трансформации количественно-качественной структуры кадров массовых профессий произошли, во-первых, из-за реорганизационных мероприятий и банкротства хозяйств, во-вторых, из-за низкого уровня заработной платы на селе и, как следствие, невысокого уровня качества жизни. Все это способствовало массовому оттоку работников из отрасли. Например, количество занятых в растениеводстве сократилось наполовину, причем за 2008 г. по сравнению с 2007 г. произошло уменьшение на 10,8% (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности занятых в растениеводстве и животноводстве*

Наименование	2002 г.	2004 г.	2007 г.	2008 г.	+/-, % 2008/2007 г.	+/-, % 2008/2002 г.
Растениеводство	608501	479186,4	323275,8	288285	-10,8	-52,6
Животноводство						
В том числе:	729678	612202,1	450147	407993,2	-9,4	-44,1
операторы машинного доения	279169	217707,9	151099,8	135710,3	-10,2	-51,4
доярки	322538	249440,1	172144,2	153745,6	-10,7	-52,3
скотники КРС	17985	63580,1	48645	42014,9	-13,6	+133,6
работники свиноводства	82420	21797	15245	13716,4	-10,0	-83,4
работники овцеводства и козоводства	27566	59677	63013	62806	-0,3	+127,8

* Табл. 2 составлена по данным приложения [2].

Проблема кадрового «голода» в АПК должна решаться во всех отраслях сельского хозяйства, что, на наш взгляд, требует наличия отдельного на-

правления в приоритетном национальном проекте, посвященного кадрам. Существенные диспропорции наблюдаются в обеспеченности аграрного сектора работниками свиноводства: их численность в 2008 г. по сравнению с 2002 г. сократилась на 83,4% и продолжает убывать. Уменьшается также и количество операторов машинного доения и дояров. Положительной динамикой в количестве кадров массовых профессий характеризуются овцеводство и козоводство; значительное увеличение отмечается среди скотников КРС.

Помимо прочего, в анализируемом периоде отмечается сокращение общей численности механизаторов, занятых в сельскохозяйственном производстве, – на 51,0% (табл. 3). Наиболее ощутимый отток кадров отмечен в Дальневосточном ФО, а максимально низкий темп снижения – в Северо-Западном ФО. Последние годы характеризуются также ростом показателя текучести кадров, он представляет серьезную угрозу для кадрового потенциала предприятия, поскольку «размывает» его. Даже, если принятый работник будет иметь ту же специальность и квалификацию, что и уволенный, необходим определенный период адаптации его в новом коллективе. На начало 2009 г. выбыло 22% (2001 г. – 14,6%) механизаторов, в том числе 81,4% увольнений произошло из-за нарушений трудовой дисциплины и по собственному желанию (в 2008 г. эта цифра составляла 79,8%). Уровень восполняемости за данный период возрос и составил 80,9% (2001 г. – 70,0%). При этом надо обратить внимание на тот факт, что только около 3,6% вновь прибывших обучались в профессиональных училищах [4. С. 4-6].

Таблица 3

Динамика численности механизаторов за период 2002 – начало 2008 гг.*

Федеральные округа	2002 г.		2008 г.		±/-, % 2008/2007 г.	±/-, % 2008/2002 г.
	численность, чел.	структура численности, %	численность, чел.	структура численности, %		
Российская Федерация	652199	100	327562	100	+1,3	-51,0
Северо-Западный	17469	2,7	13088	4,5	+2,7	-25,1
Центральный	149732	23,2	58807	18,6	-13,8	-60,7
Приволжский	196009	30,4	117072	37,0	-12,5	-40,3
Южный	116393	18,1	62007	19,5	-7,4	-46,7
Уральский	42563	6,6	9484	3,0	-25,3	-77,7
Сибирский	113093	17,5	54045	17,0	-6,1	-52,2
Дальневосточный	9313	1,5	1225	0,4	-35,9	-86,6

* Табл. 3 составлена по данным [4].

В 2008 г. по сравнению с 2005 г. несколько улучшилась возрастная структура механизаторских кадров. Если в 2005 г. доля механизаторов в возрасте до 30 лет составляла 13,3%, то к началу 2009 г. она увеличилась до 16,8%, однако это существенно ниже аналогичного показателя за 2001 г. При этом произошло увеличение доли рабочих массовых профессий старше 55 лет (8,3% в 2001 г. и 11,3% в 2009 г.) [4].

За анализируемый период существенных изменений в объеме повышения квалификации кадров массовых профессий на производстве не произошло (табл. 4). В целом в повышении квалификации кадров массовых профессий наметилась благоприятная ситуация: в 2008 г. по РФ повысили свою квалификацию 42,3% трактористов и комбайнеров, 19,1% водителей и 34,2% рабочих животноводства, в том числе 45,8% – операторов машинного доения. Однако в разрезе округов картина не так привлекательна. Приволжский ФО лидирует по обучению трактористов и комбайнеров (51,8%), а Южный ФО – водителей (29,0%). Причем общее количество повысивших квалификацию водителей по всем округам практически в 2 раза ниже, что можно объяснить вполне объективными причинами – система управления автомобилем не так

сильно подвержена модификации, нежели система управления тракторами и комбайнами, тем более что в условиях реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» были выделены значительные средства на обновление последних. Этими же причинами можно объяснить и столь значительную численность повысивших квалификацию работников животноводства. Максимум достигнут в Сибирском ФО – практически половина работников прошла курсы, минимум – в Южном ФО.

Таблица 4

Повышение квалификации кадров массовых профессий на производстве в 2008 г.*

Федеральные округа	Всего, чел.	Трактористы, комбайнеры		Водители автомобилей		Рабочие животноводства			
		всего, чел.	% к гр.2	всего, чел.	% к гр.2	всего		из них операторы машинного доения	
						чел.	% к гр.2	всего, чел.	% к гр.7
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Российская Федерация	63272	26789	42,3	12107	19,1	21642	34,2	9909	45,8
Северо-Западный	1243	284	22,8	151	12,1	555	44,7	326	58,7
Центральный	7258	2955	40,7	1285	17,7	2618	36,1	1387	53,0
Приволжский	28219	14617	51,8	4189	14,8	9128	32,3	3537	38,7
Южный	13597	4874	35,8	3945	29,0	2989	22,0	1806	60,4
Уральский	3255	1138	35,0	551	16,9	1566	48,1	641	40,9
Сибирский	9044	2715	30,0	1825	20,2	4640	51,3	2128	45,9
Дальневосточный	656	206	31,4	161	24,5	146	22,3	84	57,5

* Табл. 4 составлена по данным [4].

Объективные причины обозначенных выше тенденций кроются, во-первых, в естественной убыли сельского населения. За период с 1993 г. по 2008 г. оно сократилось на 1700 тыс. [3. С. 84]. Во-вторых, в сокращении объемов производства в АПК: в 1992 г. сельскохозяйственными предприятиями производилось 67,1% продукции, в 1995 г. – 50,2%, в 2000 г. – 43,4%, в 2007 г. – 43,4% соответственно. Минимальные показатели наблюдались в 2002 г. – 39,8% и в 2003 г. – 39,7%. За период с 1992 г. по 2007 г. посевные площади и производство продуктов сельского хозяйства сократились в 2 раза, поголовье скота и парк основных видов техники в среднем – в 3 раза, что, естественно, отразилось на высвобождении работников [3. С. 234, 236, 239].

В-третьих, в непропорционально низкой оплате труда – в 2 раза ниже – относительно среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций других видов экономической деятельности. Так, в 1995 г. она составляла 472,4 тыс. руб., тогда как в сельском хозяйстве – 259,4 тыс. руб.; в 2000 г. – 2223,4 и 985,1; а в 2007 г. – 13527,4 и 6127,2 соответственно [3. С.122].

В-четвертых, во все увеличивающемся оттоке экономически активной части населения, прежде всего, молодых и креативных специалистов, что приводит к ускоренному старению кадров и резко ограничивает долгосрочные перспективы развития¹.

Таким образом, осознавая, что потеря квалифицированных кадров приобретает почти необратимый характер и их количественный рост сейчас представляется маловероятным, следует направить все усилия на дальнейшее развитие кадрового потенциала имеющихся работников. Выход видится:

¹ Первая попытка, направленная на преодоление данной проблемы в Чувашской Республике, предпринята 20.04.2009 г. в ходе проведения Республиканского конкурса инновационных проектов среди сельской молодежи «Возрождение села – забота молодежи». Проекты (программы) принимались по номинациям: «Сельская молодежь – общество и культура»; «Сельская молодежь – здоровый образ жизни, спорт и отдых»; «Сельская молодежь – без табачного дыма!»; «Молодежь и социально-экономическое развитие села».

во-первых, в аналитической работе: осуществление постоянного, комплексного мониторинга воспроизводства и использования кадрового потенциала, инвестиций в человека, состояния социально-экономических и институциональных отношений, психологического климата.

Во-вторых, в росте квалификации каждого конкретного трудящегося, лучше в виде краткосрочных семинаров, позволяющих без отрыва от производства существенно повысить уровень их участников, сконцентрировав внимание на последних достижениях сельскохозяйственной науки. Только за 2007 г. около 120 тыс. специалистов, работающих на селе, прошли повышение квалификации, 55 тыс. из них – за счет средств федерального бюджета [1. С. 16-17]. Это мероприятие желательно подкреплять проведением конкурсов, конференций, круглых столов среди хозяйств на лучшее использование трудовых ресурсов.

В-третьих, в «закреплении» наличного персонала путем создания серьезной, долгосрочной, экономической и социальной мотивации на регулярный, креативный, высокоэффективный труд. Этого можно достичь посредством материального (повышения оплаты труда, решения жилищных проблем, улучшения социально-бытовых условий, премирования за инновации, предоставления социальных пакетов и т.д.) и морального поощрения (заниматься программированием карьеры, создавать условия для социализации молодежи, организовывать досуг, оптимизировать социально-психологический климат и т.д.).

В-четвертых, сельскохозяйственные предприятия и органы управления АПК должны иметь высокопрофессиональные службы по управлению человеческими ресурсами, способные глубоко анализировать и оценивать ситуацию, помогать хозяйствам формировать кадровый корпус, определять эффективность его работы, осуществлять подготовку соответствующих рекомендаций и предложений, поддерживать тесные связи между наукой, учебными заведениями и производством.

В-пятых, в переходе на «штучную», персонифицированную систему подготовки кадров, формирующую необходимые на данном этапе компетенции и учитывающую индивидуальные особенности обучаемого. Это возможно лишь в условиях обновления материально-технической базы и содержания аграрного профессионального образования и концентрации на базе аграрных вузов инновационного учебно-научно-производственного потенциала для повышения качества и практической значимости подготовки кадров.

Опыт передовых регионов говорит о необходимости использования системного подхода к формированию и государственному регулированию процессов обеспечения сельского хозяйства высококвалифицированными кадрами. Однако единых рекомендаций и единой системы мер по развитию кадрового потенциала разработать невозможно ввиду специфики отраслей АПК, его многоукладности. Общими могут быть цели, критерии и индикаторы развития, конкретизированные в соответствии с региональной и отраслевой спецификой, а также закономерности развития кадрового потенциала как социально-экономической системы.

Литература

1. Денисов В.И. Инвестиции в человека // Промышленник России. Специальный выпуск. 2008. Март. С. 16-17.
2. Мониторинг кадрового обеспечения организаций АПК России (2002-2008 гг.): монография // под общ. ред. В.Ф. Урусова, А.В. Козлова. М.: ФГОУ РАКО АПК, 2009. 320 с.
3. Россия в цифрах: кратк. стат. сб. / Росстат. М., 2008
4. Сборник аналитических материалов обеспечения кадрами специалистов организаций сельского хозяйства РФ (2002-2008 гг.). М., 2008. С. 4-6.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и социального развития стран Евразийского экономического сообщества, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ivanovav85@mail.ru).

IVANOVA TATIANA VALERIEVNA – candidate of economic sciences, assistant professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 658.001.76.012.4 (075.8)

А.М. КАЛИНИН, А.Н. СЕМЕНОВ, Н.П. БЕЛОВА

СУЩНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА И ЕГО РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА*

Ключевые слова: инновационный потенциал, инновационное развитие региона.

Раскрывается значимость объективной оценки инновационного потенциала для обеспечения эффективного управления инновационными процессами в регионе. Предлагаемая матрица пропорций в размерах инновационного потенциала территории позволит рассчитать совокупные объемы инновационного потенциала по каждой отрасли региона в целом или по группе наиболее приоритетных и ведущих для территории отраслей. Кроме того, по ней можно определить отрасли, недостаточно обеспеченные собственным инновационным потенциалом, а также те, в которых сосредоточен излишний потенциал по сравнению со значимостью их деятельности в общем объеме регионального производства.

A.M. KALININ, A.N. SEMENOV, N.P. BELOVA

THE ESSENCE OF THE INNOVATION POTENTIAL AND ITS ROLE IN INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

Key words: innovative potential, innovative development of the region.

The work is revealed the significance of an objective evaluation of innovation capacity to ensure the effective management of innovation processes in the region. Proposed matrix of proportions between innovation capacity will calculate the total volume of the innovation potential of each sector in the region as a whole or on a group of high priority and leading to the industries. In addition, you can define the industry, not secured its own innovative potential, as well as those in which focuses far too much capacity compared with the value of their activities in total regional production.

Инновационное развитие региона предполагает наличие определённого комплекса стартовых условий, определяющих количество имеющихся ресурсов и механизмов их трансформации в конечный инновационный продукт, и составляющих региональный инновационный потенциал. Для эффективного управления инновационными процессами в регионе необходима объективная оценка его инновационного потенциала, проводимая как перед началом осуществления инновационных преобразований, так и по их завершении.

В ходе изучения регионального инновационного потенциала возникает необходимость в совершенствовании методов его классификации путем расширения ряда классификационных признаков, способных характеризовать субъектный состав инновационной деятельности.

Отсутствие однозначного понимания экономической сущности и структуры категории «инновационный потенциал» предопределяет необходимость его детального рассмотрения и уточнения.

В российской научной среде вопросам исследования инновационного потенциала экономических систем посвящены работы М. Гусакова, Л. Матвеевой, К. Миско, О. Причины, А. Трифиловой и др. Анализ литературы показал, что основное внимание уделяется изучению инновационного потенциала на микроэкономическом уровне, и позволил выделить следующие подходы к пониманию сущности инновационного потенциала:

– инновационный потенциал экономической системы – это совокупность инновационных ресурсов этой системы [2];

– инновационный потенциал экономической системы – это способность экономической системы к финансированию реализации выбранной инновационной стратегии [4].

Таким образом, авторы большинства научных работ по данной проблематике концентрируют своё внимание на исследовании отдельных сторон дефиниции «инновационный потенциал», поэтому в современных трудах представлены его специфические определения, слабо связанные между собой. В данном контексте представляются целесообразными уточнение, до-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 110200015а).

полнение и внесение предложений в интерпретацию понятия «инновационный потенциал региона».

В авторском понимании определение экономической категории «инновационный потенциал региона» трактуется как своего рода характеристика способности системы к изменению, улучшению, прогрессу [1] на основе достигнутого уровня развития инновационной инфраструктуры и механизма инновационной деятельности при тесной его взаимосвязи с социальным и экономическим потенциалом в составе совокупного потенциала региона. Инновационный потенциал вполне можно трактовать как способность системы к трансформации фактического порядка вещей в новое состояние с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей (потребителя, рынка и т.п.).

В составе исследуемой экономической категории присутствуют, как минимум, две составляющие: ресурсный потенциал и организационный потенциал системы (рисунок).

Факторы, оказывающие влияние на формирование регионального инновационного потенциала, определяют как его количественные параметры, так и как способность инициировать, распространять новшества, привлекать ресурсы на принципах коммерческой результативности:

- инновационная политика, проводимая региональными органами власти;
- инновационная стратегия субъектов хозяйственной активности (отдельных разномасштабных предпринимательских бизнес-структур, институциональных субъектов научной сферы), осуществляющих свою деятельность в рамках соответствующей территории;
- политика финансово-кредитных учреждений, функционирующих в регионе;
- изменение потребительских предпочтений;
- характер конкуренции;
- существующий уровень развития территориальной инновационной инфраструктуры;
- определенный «порог» знаний и задел научно-технических разработок, которые накоплены в рамках данной территории и за ее пределами и которые можно привлечь в интересах социально-экономического развития той или иной территории и др.

Рассмотрение инновационного потенциала региона в качестве составной части социально-экономического потенциала экономики мезоуровня, его целевой подсистемы, выполняющей специфические функции, предопределяет необходимость его исследования как объекта регионального управления. Существует ряд методологических подходов к оценке инновационного потенциала региона.

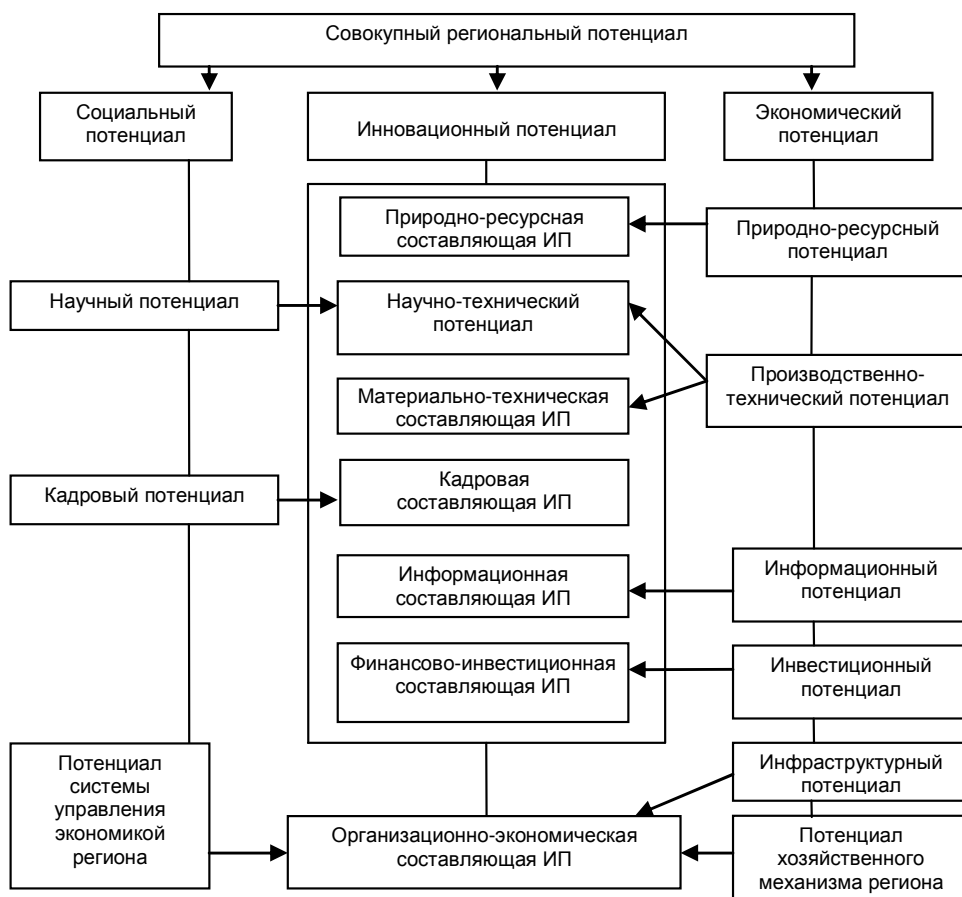
Первый – это ресурсный подход. В контексте данного подхода ресурсы региона рассматриваются как материальное наполнение изучаемого объекта, а именно регионального инновационного потенциала, выступают одной из форм его существования.

Вторым подходом можно считать так называемый РИП-анализ (анализ реализуемости инновационных проектов): определение размера соответствия имеющихся экономических ресурсов и необходимых инвестиционных затрат для реализации стратегии инновационного развития [3].

На сегодняшний день наибольшее распространение получил так называемый экономический подход к оценке инновационного потенциала, который основан на стоимостной оценке, используемой во всех сферах общественно-го производства.

По нашему мнению, данные методики оценки инновационного потенциала не в полной мере позволяют разработать механизм управления инновационной деятельностью региона, а являются лишь материалом для последующих аналитических исследований. Объективную оценку инновационного потенциала ре-

гиона можно получить путём выделения его элементного состава и установления рациональной пропорциональности между элементами. Анализ конкретных структурных пропорций позволит принимать обоснованные управленческие решения и выбирать конкретные направления стимулирования той или иной составляющей инновационного потенциала в зависимости от целевых установок и задач региона. Так, для характеристики и оценки его межотраслевых соотношений в регионе можно использовать матрицу (таблица), позволяющую оценить пропорции между составляющими потенциала в каждой отрасли региона.

Место инновационного потенциала в совокупном региональном потенциале

Величины C_{ij} показывают стоимостную оценку каждой i -й составляющей, используемой в j -й отрасли. На основе такой модели становится возможным проведение динамического анализа по выделенным в ней направлениям использования инновационного потенциала региона с расчетом всех частных показателей по составляющим.

По данным этой матрицы можно рассчитать совокупные объемы инновационного потенциала по каждой отрасли региона в целом, по группе наиболее приоритетных и ведущих для территории отраслей. Анализ пропорций в размерах инновационного потенциала территории позволит выявить профилирующие направления деятельности в регионе и отрасли, работающие главным образом для удовлетворения собственных внутренних потребностей

региона. Кроме того, по ней можно определить отрасли, недостаточно обеспеченные собственным инновационным потенциалом, а также те, в которых сосредоточен излишний потенциал по сравнению со значимостью их деятельности в общем объеме регионального производства.

Оценка межотраслевых соотношений инновационного потенциала региона

Составляющие инновационного потенциала региона	Отрасли региона			
	связь	сельское хозяйство	и т.д.	
1. Кадровая	C_{11}	C_{12}	C_{1n}	$\sum_{j=1}^n C_{1j}$
2. Материально-техническая	C_{21}	C_{22}	C_{2n}	$\sum_{j=1}^n C_{2j}$
3. Информационная	C_{31}	C_{32}	C_{3n}	$\sum_{j=1}^n C_{3j}$
4. Организационная	C_{41}	C_{42}	C_{4n}	$\sum_{j=1}^n C_{4j}$
5. Финансовая (в т.ч. инвестиционная)	C_{51}	C_{52}	C_{5n}	$\sum_{j=1}^n C_{5j}$
Совокупный инновационный потенциал	$\sum_{i=1}^5 C_{i1}$	$\sum_{i=1}^5 C_{i2}$	$\sum_{i=1}^5 C_{in}$	$\sum_{i=1}^5 \sum_{j=1}^n C_{ij}$

В контексте развития методологии оценки инновационного потенциала региона необходимо разработать соответствующую систему нормативных соотношений, которая должна формировать все основные пропорции инновационного потенциала в регионе как по направлениям его использования, так и по составляющим потенциала: соотношения собственного и привлеченного инновационного потенциала; пропорции в региональном потенциале между объемами, используемыми для собственных нужд и потребностей отраслей всего народного хозяйства страны; межотраслевые пропорции в инновационном потенциале. Кроме того, планируемые нормативные соотношения должны постоянно обновляться с учетом последних достижений научно-технического прогресса, перспективных планов развития как регионального, так и национального хозяйства.

Нормативные оценки инновационного потенциала (региона, отрасли, предприятия) должны быть относительными величинами, позволяющими проводить не только сопоставительные прогнозы его развития, но и выступать в качестве стимуляторов интенсификации его использования по всем направлениям в отраслях и в регионе в целом.

В связи с применением отраслевого подхода к анализу регионального инновационного потенциала оценке и планированию должны подвергаться инновационные потенциалы отраслей материального производства, непроизводственной сферы; потенциалы входящих в них предприятий и организаций.

Главной особенностью прогнозирования объемов инновационного потенциала в отраслях региона является учет факторов, отражающих многоуровневость структуры потенциала. Специфика именно регионального инновационного потенциала состоит в определении его роли и значимости не только в пределах данной территории, но и в масштабе всей страны.

Предложенная модель может быть также применена для проведения аналогичных расчетов в рамках отдельной отрасли региона, являющейся для него наиболее значимой, по составляющим ее малым, средним и крупным предприятиям. Для этого предварительно необходимо провести ранжирование отраслей по их приоритетности в соответствии с целевыми ориентирами и установками конкретного региона. Сравнительный анализ нормативных оценочных

соотношений инновационного потенциала региона позволит разработать комплекс мероприятий по нивелированию «узких» мест использования инновационного потенциала на конкретных предприятиях, отраслях и регионе в целом.

Литература

1. Кравченко С.И., Кладченко И.С. Исследование сущности инновационного потенциала // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. Экономическая. Вып. 68. Донецк: ДонНТУ, 2003.
2. Миско К.М. Ресурсный потенциал региона (теоретические и методические аспекты исследования). М.: Наука, 1991.
3. Трифилова А.А. Управление инновационным развитием предприятия. М.: Финансы и статистика, 2003. 176 с.
4. Трифилова А.А. Оценка эффективности инновационного развития предприятия. М.: Финансы и статистика, 2005.

КАЛИНИН АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – аспирант, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (istrum@list.ru).

KALININ ANDREY MIKHAYLOVICH – post-graduate student, Economy, Management and Cooperation Department, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

СЕМЕНОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (istrum@list.ru).

SEMOV ALEKSANDR NIKOLAEVICH – competitor of scientific degree of Economics Sciences Candidate, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

БЕЛОВА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. См. с. 330.

УДК 658.001.76.012.4 (075.8)

Г.В. КАЛИНИНА, О.Е. СТАРОСТИНА, Т.А. ЦЕРФУС

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СИСТЕМЫ*

Ключевые слова: инновационное развитие, потребительская кооперация, конкурентоспособность системы.

Раскрывается значимость инновационного развития потребительской кооперации как фактора повышения конкурентоспособности системы. Даны трактовки понятия инновационного потенциала социально-экономической системы и категории инновационной устойчивости. Выявлены особенности формирования базы прорывного инновационного развития для системы потребительской кооперации.

G.V. KALININA, O.E. STAROSTINA, T.A. CERFUS
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF CONSUMER COOPERATION AS A FACTOR IN INCREASING
THE COMPETITIVENESS OF

Key words: innovative development and competitiveness of consumer cooperation.

The work is revealed the significance of innovation development of consumer cooperation as a factor for competitiveness. Expands the notion of innovation potential socio-economic system, as well as sustainability innovation category. Identified characteristics of breakthrough innovation development base for consumer cooperatives.

Эффективную систему управления конкурентоспособностью организации характеризует реализация следующих условий:

- организация достигает стратегических целей, используя свои конкурентные преимущества;
- создаются условия для непрерывного совершенствования процессов;
- результаты деятельности организации имеют тенденцию к улучшению;
- коллектив действует как единая команда на основе общих ценностей, доверия, корпоративной культуры;
- потребители высоко ценят и отдают предпочтение продукции организации;
- сформирован долгосрочный, управляемый процесс преобразований.

Таким образом, конкурентоспособность системы – это объективно либо субъективно обусловленная способность создания для себя более выгодных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 110200015а).

условий обеспечения сырьем, условий производства и сбыта товаров и услуг, установления «своих» правил игры, обеспечивающих ей динамические способности через интегрированный отраслевой потенциал (ИОП). Последний (ИОП), в свою очередь, включает потенциал бизнес-процессов, финансовый, трудовой, управленческий и **инновационный** потенциалы.

Насколько важен именно инновационный потенциал системы и насколько своевременна проблема инновационного развития вообще и для потребительской кооперации в частности:

1. Научные школы, проповедующие идеи инновационного развития существуют уже с середины XIX в. и подбираются к определению его сущности. То есть сама идея такого рода востребована еще со времен А. Маршалла (1842-1924) – «концепция развития производства как фактора роста производительности труда и капитала».

2. Пул стран-лидеров инновационного развития сформировался уже в 1980-1990-е годы (США, Тайвань, Израиль, Южная Корея, Сингапур, Финляндия)¹. Причем сроки его реализации весьма внушительны – 20-25 лет.

3. Россия в мировом рейтинге инновационной активности занимает 51-е место из 133 стран [3]. Дальнейшее отставание России от лидеров грозит стать необратимым.

4. Инвестиции в инновационное развитие являются, как правило, рискованными. В этой ситуации рассчитывать на особый интерес частных инвесторов (особенно на первоначальных этапах) не приходится. Риски вложений в эти неизведанные сферы должно взять на себя государство. При достаточно большом объеме таких инноваций это потребует существенного изменения направленности финансовых потоков.

Исторический опыт показал, что не существует ни одной успешной страновой инновационной модели без масштабного прямого участия государства.

На данный момент, по всеобщему признанию, инновации, инновационная деятельность являются стратегическими факторами роста и играют фундаментальную роль в экономическом развитии стран, регионов и отраслей (ведомств). Признается также необходимость трехмерного мышления у руководителя (одновременное видение и наложение трех «кривых развития» – жизненный цикл организации, волны научно-технического развития, жизненный цикл основного рентабельного направления деятельности – «дойной коровы»).

В соответствии с международными стандартами **инновация** определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового (уникального) или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам.

Инновациям присущи в равной мере три свойства: 1) научно-техническая новизна; 2) производственная применимость; 3) коммерческая реализуемость.

Коммерческий аспект определяет инновацию как экономическую необходимость, осознанную через потребности рынка.

Инновационную устойчивость функционирования экономической системы можно определить как процесс, направленный на сохранение достигнутых ею параметров. Применительно к хозяйствующим субъектам под инновационной устойчивостью следует понимать такое особое качественное состояние системы, при котором гарантированно обеспечиваются возможности предприятиям (орга-

¹ Например, патентный **пул** – соглашение нескольких компаний о совместном использовании патента или блока патентов. Участники патентного **пула** получают доход в соответствии с долей прибыли от использования патентов, устанавливаемой при вступлении в **пул**.

низациям) сохранять и совершенствовать важнейшие параметры своей деятельности на рынке (прежде всего, экономические, экологические и социальные) в результате регулярного приобретения, разработки, внедрения, освоения и коммерциализации разнообразных научно-технических, экономико-организационных, правовых, социальных, управленческих и иных интеллектуальных продуктов.

Исходя из вышеизложенного необходимо формировать и поддерживать инновационный потенциал организации.

В отношении инновационного потенциала следует отметить, что неоднозначность и сложность данной категории затрудняют выделение независимых его видов и, таким образом, делают невозможным формирование четкой единой классификации. Наиболее полная и обоснованная классификация инновационного потенциала была разработана С.И. Кравченко и И.С. Кладченко, на основе работ Г.М. Доброва.

Тенденции развития системы потребительской кооперации, характерные для нее в последние годы с точки зрения обоснования угроз и возможностей развития:

1. Во-первых, некоммерческий статус организации системы определяется наличием членской базы (пайщиков). Однако за исследуемый период (2000-2007 гг.) численность пайщиков подверглась существенному сокращению, что создает для кооперативных организаций реальную угрозу утраты некоммерческого статуса и превращения их в обычные коммерческие структуры рынка. В частности, самые высокие темпы сокращения численности пайщиков за 2000-2007 гг. приходятся на Карельский, Адыгейский, Ставропольский, Вологодский, Ростовский, Ульяновский, Приморский, Камчатский, Кабардино-Балкарский, Марийский, Мордовский, Чувашский, Приморский, Сахалинский потребсоюзы [1].

2. Во-вторых, динамика темпов роста совокупного объема деятельности (оборота) малых предприятий и организаций потребительской кооперации несопоставима как по величине, так и по направленности изменения. Так, начиная с 2005 г. темпы прироста предприятий малого бизнеса в 4-5 раз выше по отношению к темпам роста предприятий потребительской кооперации.

Это обстоятельство с учетом неустойчивости роста финансового результата потребительской кооперации обуславливает низкий уровень ее конкурентоспособности и постепенное «вытеснение» организаций потребительской кооперации с сельского сегмента потребительского рынка страны.

3. В-третьих, предпринимательская деятельность организаций потребительской кооперации традиционно осуществляется в торговле, общественном питании, производстве потребительских товаров, закупке сельскохозяйственной продукции и сырья, но их развитие характеризуется неравномерностью: доля розничной торговли в формировании совокупного объема деятельности стабильно возрастает при сокращении удельного веса других видов деятельности.

Тем самым потребительская кооперация постепенно сокращает масштабы диверсифицированной предпринимательской деятельности и трансформируется в коммерческую торговую систему.

Оценка деятельности системы потребительской кооперации независимой Аудиторско-консалтинговой компанией ООО «Сенкэл» такова, что «система Центросоюза потребительской кооперации не смогла в полной мере адаптироваться в условиях рыночных отношений, в результате привела:

- к росту монополизации;
- разрыву кооперационных взаимосвязей как внутри России, так и с Независимыми государствами (бывшего СССР);
- потере связи с низшими организационно-правовыми структурами союза;
- к необоснованному росту коммерциализации, которая подрывает социальные и экономические основы, дискредитирует идеи и принципы кооперации;

- к утрате принципа самоуправления, ухудшению нравственного и духовного климата участников кооперации;

- к застою в развитии менеджмента, адекватного потребностям новейшей потребительской кооперации, и не обеспечила условий для широкомасштабных реформ;

- к неспособности вовлечь в свои ряды потребительские общества, образованные в соответствии с Законом о потребительской кооперации № 54-ФЗ от 28.04.00 г.

Возможности системы потребительской кооперации заключаются:

- в усилении значимости холдинга. В частности, холдинг обеспечивает сохранение целостности системы, приоритет общих интересов системы, перед частными интересами региональных и местных ее составляющих;

- в применении организациями собственного брэнда;

- во взаимодействии с конкурентами, если это усиливает возможности (это может быть обмен мнениями и сложение усилий для обработки рынка, совместное предприятие и т.д.);

- в новых организационных формах взаимоотношений (компромиссные локальные объединения и др.);

- в разработке стратегических программ развития;

- в разделении системы на перспективные и заведомо слабые блоки (по методу определения центров финансовой ответственности). Сильные блоки, очевидно, сами должны создавать источники финансирования и возможность их реинвестирования в развитие, в данном случае, важно постоянно отслеживать упущенную выгоду и прогнозировать риски (создавать карты рисков). Перспективные блоки нуждаются в нестандартных решениях – эффективное сочетание собственных и заемных источников. От слабых блоков можно вообще отказаться, продать их подороже и т.д.;

- в новых направлениях деятельности (электронные продажи), новое поле деятельности (сферы), новые методы управления.

Принимая во внимание особенности и обозначившиеся тенденции современных условий хозяйствования, когда экономический рост все больше и больше зависит от способности генерировать высокую инновационную активность, понятие «инновационного потенциала предприятия», по мнению ряда специалистов, следует несколько расширить.

Сегодня при выборе той или иной стратегии разработки и внедрении новых технологий недостаточно ограничиваться оценкой и учетом факторов только инновационной сферы. В настоящее время такой подход начинает изживать себя. Причиной тому является резкое сокращение срока жизни инноваций, которое вызывает повышение интенсивности появления на рынке все новых и новых товаров и услуг. Практически ежедневное обновление ассортиментных рядов на отдельных товарных рынках приводит к тому, что инновационные товары, или сегодняшние новинки, завтра таковыми не являются. На их смену приходят другие инновации. В производстве при таких условиях новые технологии очень быстро становятся текущими или даже устаревшими продуктами. Так, в мире на рынке карманных персональных компьютеров и сотовых телефонов новые модели появляются в среднем раз в три-шесть месяцев, оргтехника – чуть больше года, автомобили – через три-четыре года. Поэтому сегодня при разработке стратегий инновационного развития и определении инновационного потенциала предприятия следует оценивать не только возможности инновационной сферы, но и достаточность ресурсов для текущего производства инноваций. Речь, прежде всего, идет о проблеме одновременного финансово-экономического обеспечения производства недавно созданных инноваций, или существующих продуктов, и развития новых.

Другими словами, под инновационным потенциалом предприятия в современных условиях следует понимать его максимальные возможности генерировать высокую инновационную активность, которые проявляются в эффективном финансовом обеспечении новых и будущих технологий за счет собственных и привлеченных источников. Отсюда оценку инновационного потенциала предлагается проводить на предмет достаточности у предприятия финансово-экономических ресурсов для эффективного обеспечения не только стратегической инновационной, но и текущей производственной деятельности. Типы инновационного потенциала предприятия можно классифицировать как предприятия с высокими инновационными возможностями, средними, низкими и нулевыми возможностями.

Таким образом, оценка инновационного потенциала позволяет, прежде всего, проанализировать финансовую устойчивость предприятия к инновационному развитию. Определение на этой основе типа инновационного потенциала позволяет проконтролировать правильность выбранного направления инновационного развития с позиций современного и дальнейшего финансового состояния предприятия. Реализация подобного метода может стать содержательной основой формирования стратегии инновационного развития и эффективной коммерциализации новых технологий, а также обеспечивать качественный прогноз инновационного развития организации на основе его финансового обеспечения.

Литература

1. Воронин В.П., Матузенко Е.В. Концепция развития потребкооперации // Российское предпринимательство. 2009. № 1.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008. 999 с.
3. The Global Competitiveness Report 2009-2010 (World Economic Forum).

КАЛИНИНА ГАЛИНА ВИКТОРОВНА. См. с. 145.

СТАРОСТИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – соискатель учёной степени кандидата экономических наук, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (galin-kalinina@yandex.ru).

STAROSTINA OLGA IVANOVA – competitor of scientific degree of Economics Sciences Candidate, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

ЦЕРФУС ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – соискатель учёной степени кандидата экономических наук, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (galin-kalinina@yandex.ru).

CERFUS TATIANA ALEXANDROVNA – competitor of scientific degree of Economics Sciences Candidate, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 338

П.А. КИРЮШИН

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СНИЖЕНИЯ ЭНЕРГОЕМКОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: экономика природопользования, энергоёмкость, эколого-экономическая оценка, энергетика, окружающая среда.

Рассмотрена экологическая эффективность снижения энергоёмкости российской экономики. Определены особенности использования индикатора энергоёмкости ВВП. Дана оценка потенциально предотвращенного экологического ущерба от энергосбережения для г. Москвы.

P.A. KIRYUSHIN

ECOLOGICAL-ECONOMIC ASSESSMENT OF DECREASING ENERGY INTENSITY IN RUSSIA

Key words: environmental economics, energy efficiency, ecological-economic assessment, energy sector, environment.

The analysis of ecological efficiency of decreasing energy intensity of Russian economy is given. The peculiarities of power intensity indicator are defined. Economic assessment of potential prevented damage to environment in case of Moscow energy saving plan implementation has been made.

Задача снижения энергоёмкости экономики является одной из наиболее актуальных для развития России. Это обусловлено требованиями социально-экономического роста, модернизации экономики, необходимостью повышения

конкурентоспособности промышленности. Существенным также является экологический эффект – уменьшение негативного воздействия на природную среду и здоровье населения. Тем не менее его анализу уделяется достаточно мало внимания в исследованиях. В данной работе будут рассмотрены некоторые аспекты эколого-экономической эффективности снижения энергоемкости российской экономики.

В настоящее время экономика нашей страны является одной из наиболее энергоемких в мире. В большинстве развитых и развивающихся государств энергопотребление находится в пределах от 200 до 400 кг условного топлива (у.т.) на 1000 долл. валового внутреннего продукта, оцененного по паритету покупательной способности. В России же этот показатель составляет 780 кг у.т./1000 долл. ВВП. Для примера, в Евросоюзе, США и Японии энергопотребление относительно российского уровня ниже в три раза, в Канаде, Китае и в среднем по миру – в два раза [6. С. 25-27] (рис. 1 – составлен по данным ГУ «Институт энергетической стратегии»).

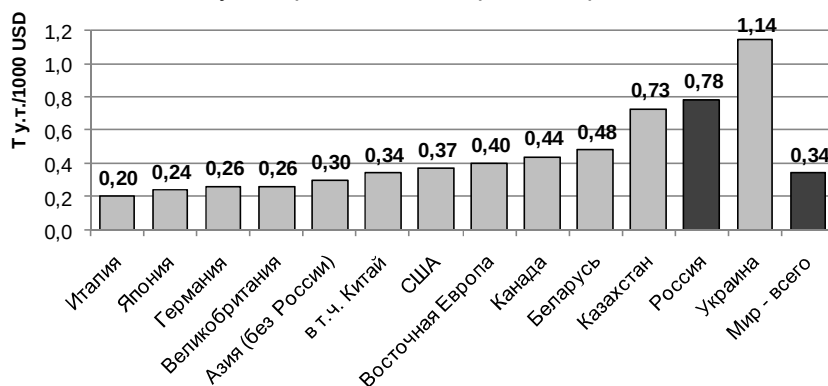

Рис. 1. Энергоемкость ВВП (расчет по паритету покупательной способности)

Несмотря на высокую энергоемкость, отечественная экономика обладает значительным потенциалом энергосбережения. По различным оценкам, он составляет 40-45% от всего потребления первичной энергии, или не менее 360 млн т у.т. в натуральном выражении. Этот объем сопоставим с годовой потребностью в энергии Франции, Украины и составляет примерно 2% от мирового уровня. Благодаря освоению потенциала энергосбережения могут быть получены следующие экономические выгоды: повышена степень энергетической безопасности страны; улучшена конкурентоспособность предприятий; увеличен доход от экспорта нефти и газа в размере до 112 млрд долл. в год; обеспечена экономия федеральными и местными бюджетами в объеме до 5 млрд долл. в год.

Как показывают исследования, для реализации всего потенциала энергосбережения необходимо 320 млрд долл. государственных и частных инвестиций. Экономия от этих мер должна составить примерно 80 млрд долл. в год, т.е. капиталовложения окупятся за четыре года. Результат же для экономики в целом будет составлять 120-150 млрд долл. ежегодно [6, 9].

При оценке экологического эффекта от снижения энергоемкости российской экономики в первую очередь необходимо рассмотреть воздействие энергетического сектора нашей страны на окружающую среду и здоровье населения. Энергетика является крупнейшим загрязнителем как в мире, так и в России – ее отрицательное воздействие причина истощения природных ре-

сурсов и деградации огромных нетронутых хозяйственной деятельностью территорий. На долю топливно-энергетического комплекса приходится 56% суммарных выбросов промышленности в атмосферу, около 58% образования твердых веществ и 23% сброса загрязненных сточных вод [4. С. 78]. От нерационального использования энергоресурсов страдают небольшие города и поселки, а также крупные мегаполисы, в которых суммируется общее воздействие загрязняющих веществ от выбросов ТЭК, промышленности и транспорта. На счет автотранспорта приходится более 87% рисков для здоровья населения от атмосферного загрязнения в городах [9. С. 20]. По нашим расчетам, произведенным на основе данных исследований сотрудников МГУ имени М.В. Ломоносова и Института народнохозяйственного прогнозирования, экономические издержки от ухудшения состояния здоровья вследствие негативного воздействия ТЭК составляют не менее 200 млрд руб. ежегодно. Если рассматривать их в «натуральном выражении» – не менее 6-8 тыс. дополнительных смертей в год, а также значительный рост заболеваемости [3. С. 46; 4. С. 95]. Таким образом, можно предположить, что использование мер по снижению энергоемкости экономики будет способствовать уменьшению антропогенной нагрузки на природную среду и улучшению состояния здоровья населения.

Целесообразно рассмотреть взаимосвязь между показателем энергоемкости и экологическим эффектом. Прежде всего необходимо отметить, что удельная энергоемкость ВВП является общепризнанным индикатором, используемым многими странами и международными организациями, в том числе ООН, Всемирным Банком, Организацией Экономического Сотрудничества и Развития. Тем не менее данный индикатор не всегда адекватно отражает уровень воздействия на окружающую среду. Во-первых, рост энергоемкости может наблюдаться в условиях снижения негативного влияния на природу. Данная ситуация была характерна для нашей страны в 90-е годы. Уровень энергоемкости в тот период вырос на 16%, в то время как выбросы уменьшились почти что вдвое. Во-вторых, возможна прямо противоположная ситуация – давление на природу может возрастать, а энергоемкость уменьшаться. Например, снижение потребления энергии с 2002 г., происходившее преимущественно за счет структурных сдвигов экономики, сопровождалось некоторым ростом вредных выбросов в атмосферу [4. С. 133; 9]. В-третьих, энергоемкость ВВП учитывает только экологический эффект от использования энергоресурсов и не отражает влияние добычи и производства энергоносителей. Если для стран-импортеров углеводородов такой показатель может в полной мере характеризовать воздействие энергетики, то для России он будет являться лишь частичным индикатором. Поэтому для нашей страны для оценки экологического эффекта может быть более правильным применение индикатора энергоемкости по производству [4. С. 157-158].

Обратимся теперь к оценке эколого-экономического эффекта на региональном и местном уровне. Как было определено, индикатор энергоемкости по потреблению не всегда адекватно отражает антропогенное воздействие на природу. Тем не менее исследования показывают, что во многих субъектах федерации в условиях стабильного экономического развития при росте валового регионального продукта наблюдается корреляция между снижением энергоемкости и уменьшением вредных выбросов в атмосферу [5]. В частности, такая ситуация была характерна для Свердловской области с 2001 по 2007 г. (рис. 2). Объем выбросов в регионе в тот период снизился на 24,4%, а энергоемкость – на 37,6%. При этом анализ предотвращенного ущерба здоровью населения показывает, что он мог составить до 150 млрд руб., или 4,8% среднегодового ВРП [8. С. 60].

Рис. 2. Темпы изменения энергоемкости ВРП Свердловской области и удельных выбросов в атмосферу

На основе целевых показателей программы «Энергосбережение в городе Москве на 2009-2013 гг. и на перспективу до 2020 года» нами была проведена оценка эколого-экономического эффекта от снижения выбросов вредных веществ на период с 2010 по 2013 г. [7. С. 30]. Было рассмотрено два сценария. В первом – оценивался ущерб здоровью населения в случае предотвращения сжигания природного газа, а во втором – 50% газа и 50% мазута. Аналогичный сценарный подход уже использовался для анализа воздействия выбросов отдельных ТЭЦ в г. Москве [2. С. 190-192]. В нашем исследовании применялась методика, разработанная в рамках европейского проекта ExternE [1. С. 74-76]. Исходные данные и полученные результаты приведены в таблице. Как видно, в случае реализации первого сценария – экономический эффект от предотвращения дополнительного сжигания природного газа за четыре года достигает почти 1 млрд руб. Если же рассматривать возможность использования мазута (сценарий 2), то цена ущерба будет составлять 5,3 млрд руб., или 3,5% стоимости сэкономленных энергоресурсов.

Оценка эколого-экономического эффекта от реализации программы энергосбережения в г. Москве

Показатель	Объем экономии по годам (нарастающим итогом)			
	2010	2011	2012	2013
Сокращение вредных выбросов в атмосферу, тыс. т	1,5	4,2	8,9	15,3
Сокращение потребляемой мощности, МВт	258	623	1018	1463
Стоимость сэкономленных топливно-энергетических ресурсов, млрд руб.	42,2	78,3	112,1	144,4
Стоимостное выражение предотвращенного воздействия (сценарий 1), млрд руб.	0,1	0,4	0,6	0,9
Стоимостное выражение предотвращенного воздействия (сценарий 2), млрд руб.	0,9	2,2	3,7	5,3

В заключение отметим, что снижение энергоемкости российской экономики может стать возможностью для достижения двойного эффекта – развития экономики и уменьшения антропогенного воздействия энергетики. Однако для получения существенного результата требуются разработка специальных мер и целевое стимулирование «эколого-экономических» направлений снижения энергоемкости.

Литература и источники

1. Абышов Г.Н., Демин В.Ф., Захарченко И.Е., Куликов М.А. Риски воздействия атмосферных выбросов электростанций на здоровье населения // Теплоэнергетика. 2009. № 1. С. 71-76.
2. Авалиани С.Л., Буштуева К.А., Голуб А.А. Медико-демографическая оценка выгод от снижения выбросов парниковых газов. Изменения климата и здоровье населения России в XXI веке: сборник материалов международного семинара (5-6 апреля 2004 г.) / под ред. Измерова Н.Ф., Ревича Б.А., Коренберга Э.И. М., 2004. С. 185-194.
3. Бобылев С.Н., Сидоренко В.Н., Сафонов Ю.В., Авалиани С.Л., Струкова Е.Б., Голуб А.А. Макроэкономическая оценка издержек для здоровья населения России от загрязнения окружающей среды. М.: Фонд защиты природы, 2002.

4. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2009 / под общ. ред. С.Н. Бобылева. М., 2010.
5. Материалы круглого стола «Энергоэффективность и климатические изменения в больших городах. Развитие нормативной правовой базы». Москва, 16 марта 2010. <http://www.russian-city-climate.ru/roundtable160310/>.
6. Отчет «Энергоэффективность в России: скрытый резерв». Всемирный Банк, ЦЭНЭФ, 2009. www.cenef.ru/file/FINAL_EE_report_rus.pdf.
7. Тихонечко Ю.Ф., Гапо Е.Г. Энергосбережение в Москве: от принятия Концепции – к системе мер в городской целевой программе // Энергосбережение. 2008. № 6. С. 26-35.
8. Щелоков Я.М. Экологические возможности энергосбережения // Энергосбережение и водоподготовка. 2009. № 3. С. 59-61.
9. <http://www.gks.ru/>.

КИРЮШИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ – аспирант кафедры экономики природопользования, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (pkiryushin@gmail.com).

KIRYUSHIN PETR ALEXEEVICH – post-graduate student of Nature Management Economy Department, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

УДК 330.88

Е.Г. КЛИКУШИНА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: устойчивое развитие, безопасность, экологическая безопасность, опасность, природоохранная деятельность, местность, город.

В свете концепции устойчивого развития обоснована необходимость выделения местного уровня при анализе экологической безопасности. Сформулированы основные условия обеспечения экологической безопасности, даны определения экологической безопасности и природоохранной деятельности на местном уровне.

E.G. KLIKUSHINA

DEFINITION OF ECOLOGICAL SECURITY AND ENVIRONMENT-RELATED ACTIVITY AT A LOCAL LEVEL IN FRAMEWORK OF CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Key words: sustainable development, security (safety), ecological safety, danger, environment-related activity, area, city.

The necessity of environmental security analysis on the local level in the view of sustainable development concept has been stated. Principal conditions of providing ecological security has been stated and there were given definitions of ecological security and environment-related activity at a local level.

Одной из основных парадигм развития современного общества является западная концепция устойчивого развития, начало становлению которой положили доклады Римскому клубу – неправительственной организации, основанной по инициативе А. Печчи в 1968 г., и стокгольмская Конференция ООН по окружающей среде в 1972 г.

Эстафета стокгольмской Конференции ООН по окружающей среде была передана Комиссии по вопросам окружающей среды и развития, сформированной по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН в 1983 г. и возглавляемой премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд. В ходе работы Комиссии в научный оборот был введен термин «устойчивое развитие» и предложено определение, которое в настоящее время является одним из наиболее часто цитируемых. Всего же в научном обиходе насчитывается несколько десятков определений этого термина.

Существуют также и российские научные определения устойчивого развития. Так, В.И. Данилов-Данильян предлагает определять его как «такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества» [5. С. 474]. При этом отечественные научные концепции

и теории излагают основы использования природных богатств и дальнейшего развития цивилизации.

Среди них необходимо назвать концепцию рационального природопользования, отражающую идеи великих русских ученых М.В. Ломоносова, В.И. Вернадского. Ключевые аспекты концепции отражены в книге Д.Л. Арманды «Нам и внукам» (1964) и получили развитие в трудах Ю.Н. Куражковского, Ю.К. Ефремова, В.А. Анучина, С.Г. Струмилина, Н.П. Федоренко, Т.С. Хачатурова, В.Е. Соколова, Н.Н. Воронцова, Н.Ф. Реймерса и др. Примечательно, что ключевые положения концепции устойчивого развития прозвучали в отечественной концепции задолго до начала становления ее западного аналога.

Методологически значимой является теория биотической регуляции окружающей среды, разработанная В.Г. Горшковым, позволяющая утверждать, что в настоящее время превышен предел антропогенного воздействия на биосферу, а ее состояние можно оценивать как критическое. Теория позволяет акцентировать внимание на экологическом аспекте проблематики и с этой точки зрения определять устойчивое развитие как «такое развитие, при котором не превышаетея предел допустимого антропогенного воздействия на биосферу» [5. С. 473].

В этом направлении проведены многочисленные исследования современных российских ученых, изучены отдельные аспекты и возможные последствия, предложены различные пути решения проблем. В их числе: формирование нового экологического сознания человека [2], выработка стратегии с учетом фундаментального системно-эволюционного характера обсуждаемой проблемы [12], становление самобытного пути развития России [11], поиск национальной идеи [8], раскрытие механизмов обеспечения экологической безопасности и др.

Решение проблемы безопасности, актуальность которой подчеркнута в определении устойчивого развития В.И. Данилова-Данильяна, требует уточнения определений и формулировки основных условий ее обеспечения на всех уровнях организации жизнедеятельности.

Наиболее лаконичное смысловое определение «безопасности» приведено В. Далем: «безопасность – отсутствие опасности, а иногда надежность (т.е. защищенность от опасности), сохранность» [4. С. 15]. Данное определение трактует понятие без привязки к конкретному объекту и акцентирует внимание на том, что возможны два принципиально отличающихся варианта: «отсутствие» и «защищенность».

С научной точки зрения М.И. Дзлийев с соавторами полагают, что в самом общем виде под безопасностью можно понимать «способность явления или процесса сохранять свои системообразующие свойства, основные характеристики, параметры и сущность при патогенных (дезорганизирующих, деструктивных, разрушающих) воздействиях со стороны различных предметов, явлений и процессов» [7. С. 7]. Авторы книги «Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез» считают, что безопасность «не существует как объективное свойство, качество объекта, а только выражает...восприятие и понимание того, как обеспечить безопасность» [13. С. 115]. Х.А. Барлыбаев также относит безопасность к группе социально обусловленных (субъективных) потребностей человека [1. С. 49].

Потребность в обеспечении безопасности возникает непосредственно при наличии дестабилизирующего фактора – опасности, другими словами, «противоречий, развитие которых может привести к изменению качественных характеристик...системы и, в пределе, к ее гибели» [7. С. 44].

В.И. Ярочкин и Я.В. Бузанова в работе «Теория безопасности» говорят, что «опасность может выступать в различных формах: в виде намерений, планов, подготовки действий и самих действий» [15. С. 30], в связи с чем опасность по характеру адресной направленности и роли субъективного фактора классифицируют как вызов, риск, собственно опасность и угрозу. Также классификацию

различных видов опасности проводят по: степени вероятности возникновения опасности, масштабу возможных негативных последствий.

Сложные объекты, к числу которых относится и город, необходимо изучать как в стационарном состоянии в определенный фиксированный момент времени, так и в динамике процесса развития, пролонгированного во времени, т.е. с позиций комплексного и системного подходов. Это позволяет не только выявлять закономерности и особенности взаимовлияния факторов, элементов, процессов, но и учитывать влияние субъективного фактора, роль управления в развитии объекта. Так, определения отдельных видов опасности, выделенных при классификации их по второму признаку, позволяют отметить, что значимость субъективного фактора возрастает в процессе развития опасности от вызова к угрозе.

Соответственно, и определение понятия «безопасность» должно отражать состояние комплекса или системы.

Наиболее емко и точно одномоментное состояние безопасности объекта можно описать приведенными выше словами В. Даля. Динамический же процесс объективно требует обеспечения безопасности – системы мер «правовых, организационных, технологических, инженерно-технических и иных...» [3. С. 52], по предотвращению опасности, имеющей, как правило, затратную основу. В связи с чем отдельные авторы констатируют, что «приемлемый уровень опасности (безопасности) определяется оптимизацией функции полезности и опасности, т.е. зависит от затрат и издержек на обеспечение необходимых условий ограничения возможности возникновения и масштабов действия «опасных» факторов» [9. С. 26].

Однако отметим, что, несмотря на то, что прямая положительная связь между объемом затрат и уровнем безопасности объекта очевидна, важно влияние и ряда других условий. Например, обоснованность и правильность принимаемых решений, своевременность проводимых мероприятий, полнота информации, позволяющая предвидеть возникновение опасности и др., характеризующие эффективность управления, позволяют не только повысить уровень безопасности, но и минимизировать затраты на ее обеспечение.

Таким образом, с позиций системного подхода дадим следующее определение: безопасность – это приемлемый уровень опасности, зависящий от затрат и ряда условий, направленных на предотвращение, ограничение (сокращение) или устранение действия иницирующих опасность факторов, – которое может быть применимо на всех уровнях от федерального до частного. В каждом конкретном случае необходимо уточнять объект, относительно которого определяется приемлемый уровень опасности.

Современный город – эпицентр формирования человеческого, промышленного и культурного потенциала, предпринимательской активности, претворения в жизнь инновационных идей, экономики и политики, взаимоотношений между обществом и природной средой. Современный город как источник не только множества перспектив и возможностей, но и множества противоречий, как многоаспектное и весьма неординарное явление жизнедеятельности человека попадает в сферу научных интересов представителей различных направлений науки, в том числе и экономики природопользования.

Обсуждаема и тема устойчивого развития отдельных городов и муниципальных образований, о чем свидетельствуют работы российских ученых и сборники статей, опубликованных по итогам работы конференций. Однако в Российской Федерации проблема устойчивого развития отдельных поселений недостаточно проработана. При этом именно отдельные поселения, в том числе города, являются местом непосредственного и опосредованного промышленным производством взаимодействия человека и природы, а результаты этого взаимодействия отражаются не только на состоянии природной среды, но и на со-

стоянии здоровья людей. Поэтому важнейшими условиями обеспечения устойчивого развития городов России являются учет экологической составляющей и обеспечение экологической безопасности на местном уровне.

Обеспечение безопасности, в том числе и экологической, – процесс создания «таких условий в системе, при которых действие детерминированных и случайных факторов, вызывающих проявление опасности, ограничивается и в итоге приводит к снижению опасности до приемлемого уровня» [9. С. 25], принципиально возможно двумя путями: ликвидация источников опасности и обеспечение реальной защищенности от опасности.

Очевидно, что реализация первого пути в условиях, когда основными источниками экологической опасности являются промышленные объекты, объекты инфраструктуры и транспорта, полигоны захоронения отходов производства и потребления, необходимые для жизнеобеспечения современного общества, в буквальном его понимании невозможна.

Но представляется возможной ликвидация негативных последствий их функционирования, т.е., по сути, реализация второго пути, который представляет собой самостоятельный вид деятельности по устранению прошлого экологического ущерба, обеспечению экологической безопасности от объектов, функционирующих в настоящем времени, и предупреждению, пресечению нанесения экологического ущерба природной среде и, соответственно, человеку в будущем. Кроме того, данный вид деятельности, который назовем природоохранным, должен быть ориентирован на восстановление, сохранение и улучшение природной среды.

В самом общем виде обеспечение экологической безопасности сопряжено с выполнением ряда условий (таблица). Практическая реализация каждого из них требует решения ряда методологических, организационных, финансовых и прочих задач. А система взаимосвязей между условиями обеспечения экологической безопасности (рисунок) показывает, что ключевое значение в решении проблемы играют первое и четвертое условия, реализация которых способна значительно ускорить процесс обеспечения экологической безопасности.

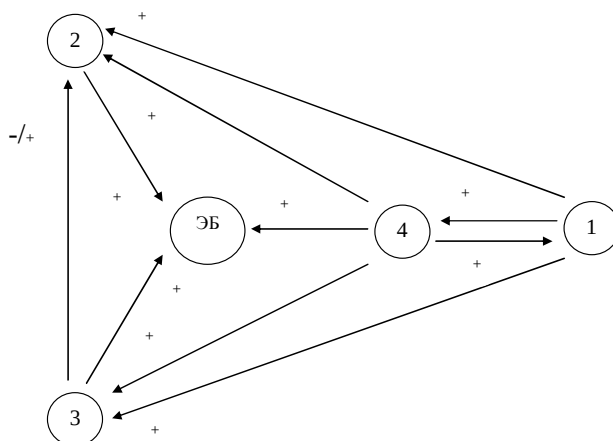
Условия обеспечения экологической безопасности

Условие	Характеристика
Осознание экологических проблем, их первопричин и содержания	– осознание экологических проблем произошло, и уже в настоящее время экологический аспект присущ проблемам и политическому, и природно-экономическому, и социального, и смешанного характера; – первопричины экологических проблем кроются в недостаточности внимания к состоянию природной среды и приоритете экономического развития; – объективное определение содержания экологических проблем является довольно сложным и требует интеграции усилий представителей различных отраслей науки, бизнеса, политики, общественности
Осуществление «специфических видов деятельности»	может быть ориентировано на: – сохранение и улучшение природной среды: озеленение, благоустройство и пр.; – устранение прошлого экологического вреда (ущерба): санитарная очистка территорий, рекультивация земель и пр.
Совершенствование производственной и управленческой сфер деятельности	– производственной деятельности и сферы услуг – прежде всего технологическое перевооружение. Необходимо для предотвращения или минимизации негативного влияния на состояние природной среды; – управленческой деятельности – учет экологического фактора на всех уровнях. Необходимо для поддержания равновесия между ассимиляционным потенциалом природной среды, мощностью антропогенной нагрузки и потребностями общества в товарах и услугах
Повышение уровня культуры человека и формирование экологического сознания	необходимо для формирования системы ценностей человека, в которой центральное место отведено среде обитания и здоровью человека. Это будет способствовать более полному выполнению первых трех условий обеспечения экологической безопасности

Источник: составлено автором с использованием [14. С. 126].

Осознание экологических проблем, их первопричин и содержания, усиливаемое петлей положительной обратной связи с повышением уровня культуры человека и формированием экологического сознания, приводит к значительной активизации действий, направленных на выполнение конкретных мероприятий по совершенствованию производственной и управленческой сфер и выполнению «специфических видов деятельности».

Важно отметить, что второе и третье условия также связаны между собой. Связь между ними двойственна, т.е. может быть как положительной, так и отрицательной. Это объяснимо тем, что к моменту осознания проблемы природная среда уже значительно нарушена, и совершенствование производственной сферы и сферы управления может способствовать как проведению больших объемов работ по ее восстановлению (т.е. ликвидации прошлого экологического ущерба) в настоящее время, так и недопущению, предотвращению нарушения природной среды, т.е. минимизации объемов «специфических видов работ» в будущем.

Система взаимосвязей между уровнем экологической безопасности и условиями ее обеспечения

При этом первое и четвертое из приведенных нами условий представляют собой некую культурно-смысловую форму решения проблемы, а второе и третье – практическую основу обеспечения экологической безопасности, т.е. природоохранную деятельность.

Учитывая, что на практике важно определение используемых понятий применительно к конкретному объекту исследования с учетом поставленных целей, уточним понятия экологической безопасности и природоохранной деятельности применительно к местному уровню. За основу примем определение безопасности, приведенное нами выше, и представление о городе как целостной системе, основу перспективного развития которой составляют население (человеческий потенциал) и природно-ресурсный потенциал.

С учетом вышесказанного определим, что на местном уровне экологическая безопасность – это социально приемлемый уровень экологической опасности, зависящий от затрат и ряда условий, направленных на предотвращение, ограничение (сокращение) или устранение действия иницирующих эту опасность факторов. Природоохранная деятельность при этом представляет собой совокупность мероприятий, направленных на устранение прошлого экологического ущерба, обеспечение экологической безопасности от объектов, функционирующих в настоящем времени, и предупреждение, пресечение нанесения

экологического ущерба природной среде и, соответственно, человеку в будущем, т.е. на минимизацию экологической опасности до социально приемлемого уровня и восстановление, сохранение и улучшение природной среды.

Литература

1. Барлыбаев Х.А. Человек, глобализация, устойчивое развитие. М.: Изд-во РАГС, 2007. 330 с.
2. Басилава М.А. Эволюция экологического сознания в условиях современного общества. Ростов н/Д.: Издательский центр ДГТУ, 2006. 99 с.
3. Безопасность Евразии-2002: энциклопедический словарь-ежегодник / авт. идеи и концепции, рук. проекта В.Н. Кузнецов. М.: Книга и бизнес, 2003. 540 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978.
5. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие: 20 лет споров // Экономическая эффективность развития России / под ред. К.В. Папенова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2007. 942 с.
6. Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Лосев К.С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. 2-е изд., дораб. М.: МППА БИМПА, 2007. 288 с.
7. Дзлиев М.И., Романович А.Л., Урсул А.Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М.: Изд-во МГУК; Изд. дом «Друг», 2001. 191 с.
8. Лось В.А., Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Глобализация и переход к устойчивому развитию: монография. М.: Изд-во РАГС, 2008. 316 с.
9. Муравых А.И. Философия экологической безопасности. М.: Изд-во РАГС, 1997. 180 с.
10. Наше общее будущее: докл. Междунар. комис. по окружающей среде и развитию (МКСОР): пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 371 с.
11. Небренчин С.М. Метафизика безопасности. СПб.: Деятка, 2008. 320 с.
12. Урсул А.Д., Романович А.Л. Устойчивое развитие, экологическая и продовольственная безопасность. М.: Изд-во МГУК; Изд. дом «Друг», 2002. 192 с.
13. Урсул А.Д., Урсул Т.А., Тупало В.Г., Энгель А.А. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М.: Изд-во РАГС, 2008. 400 с.
14. Щепочкина Е.М. обеспечение экологической безопасности: теоретический аспект // Экологическая безопасность современных социально-экономических систем. Всероссийская научно-практическая конференция, 10 февраля 2009 г.: материалы / отв. ред. А.А. Огарков и др. М.: ООО «Глобус», 2009. С. 125-134.
15. Ярочкин В.И., Бузанова Я.В. Теория безопасности. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. 176 с.

КЛИКУШИНА ЕВГЕНИЯ ГЕННАДЬЕВНА – младший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (eklick@mail.ru).

KLICKUSHINA EVGENIYA GENNADYEVNA – junior scientific worker, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

УДК 338.46:658.5

Э.Н. КРОЛИВЕЦКИЙ, Е.С. ШЛЁНСКОВА

СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРЕДПРИЯТИЙ И ОТРАСЛЕЙ СФЕРЫ УСЛУГ

Ключевые слова: функциональные стратегии, экономический рост, стратегическое управление.

Определен состав функциональных стратегий, обеспечивающих экономический рост предприятий и отраслей сферы услуг.

E.N. KROLIVETSKY, E.S. SHLYONSKOVA
STRATEGY OF MAINTENANCE OF ECONOMIC GROWTH OF THE ENTERPRISES AND BRANCHES
OF SPHERE OF SERVICES

Key words: functional strategy, economic growth, strategic management.

In article the structure of the functional strategy providing economic growth of the enterprises and branches of sphere of services is defined.

Формируемый состав функциональных стратегий на основе последовательной реализации технологических процедур стратегического управления экономической и социальной результативностью развития отраслевых и локальных составляющих сферы услуг должен выступать тем итоговым и действенным инструментарием влияния на достижение поставленной стратегической цели, выражаемой не только количественными и качественными идентификаторами экономического роста, социального развития, но и общей ло-

гико-вербальной формой целевой устремленности в долгосрочный период, который нивелирует отклонения в целевой ориентации предыдущих технологических процедур стратегического управления, восстанавливает их в том видении развития, предназначении отраслевой или локальной составляющей сферы услуг, которое определялось и формулировалось экспертами-специалистами и менеджерами стратегического управления.

Выступая одним из технологических элементов системы стратегического управления, функциональные стратегии различной направленности одновременно выполняют роль постоянного и завершающего влияния на достижение экономических и социальных результатов текущей деятельности и перспективного развития субъектов хозяйствования, отраслевых составляющих сферы услуг в условиях неустойчивого состояния внешней и внутренней сред.

Соразмерность воздействия функциональных (частных) стратегий на текущую деятельность и долгосрочное социально-экономическое развитие отраслей и хозяйствующих субъектов сферы услуг в целях достижения экономического результата должна удовлетворять в той степени, которая нейтрализует влияние негативных факторов макро-, микросред, предоставляя возможность субъекту стратегического управления на сбалансированной основе с располагаемым ресурсным потенциалом поэтапно претворять стратегическое видение перспективного развития своей отраслевой или локальной социально-экономической системы в реальность, достигать поставленной стратегической цели развития [2].

О том, каким должен быть по числу и направлениям влияния на достижение максимально возможных величин экономической и социальной результативности состав функциональных стратегий, в соответствии с нашими представлениями, может свидетельствовать процедурно-технологический комплекс осуществления стратегического управления.

Так, например, стратегический анализ функционирования внешней и внутренней сред своими результатами изменения динамики экономических, финансовых и социальных идентификаторов определяет необходимость для субъекта стратегического управления предпринять такой комплекс мер в целях достижения максимально возможного экономического результата, который удовлетворил бы реализации каждой из технологий стратегического управления, соответствующей рационализации их взаимодействия и адекватности с формируемым составом функциональных стратегий.

Сформулированное стратегическое видение состояния социально-экономического, финансово-инвестиционного и научно-инновационного развития экономического вида деятельности, хозяйствующего субъекта сферы услуг, в свою очередь, ставит перед формируемым составом частных и обобщающей стратегий свои требования, заключающиеся в их воздействии на последовательное достижение того оптимистического состояния разноуровневой социально-экономической системы сферы услуг, которое на высоком уровне объективности сформулировано ведущими менеджерами и специалистами на перспективный период времени. При этом влияние частных стратегий на доведение стратегического видения до уровня оптимистических представлений о развитии отраслевой или локальной составляющей сферы услуг должно быть направлено на поддержание темпов роста экономических, финансовых и социальных идентификаторов, соответствующих сценарной форме и наилучшему варианту видения отрасли, предприятия сферы услуг в перспективном периоде времени.

Особенности соблюдения качественных характеристик предназначения (миссии) отрасли, предприятия сферы услуг в системе стратегического управления должны учитываться как отдельными функциональными стратегиями, так и их составом, отражающими технологическую и производствен-

ную направленность развития объекта функционального предназначения с учетом диверсификации оказываемых услуг, производимой продукции.

Включаемые в общий состав частные стратегии должны влиять на соблюдение основных положений сформулированной миссии соответствующей социально-экономической системы сферы услуг и быть с ними в состоянии той адекватности, которая обеспечивает функциональное предназначение в количественных и качественных параметрах, ее производственно-технологическую направленность в долгосрочном периоде развития [1].

В целом обеспечение необходимых темпов экономического роста социально-экономического развития объектов стратегического управления в сфере услуг в условиях существенных изменений состояния внешней и внутренней сред возможно при таком формировании состава функциональных стратегий, выражающего их единую целеустремленность к достижению наивысших экономических и социальных результатов – обобщающей стратегии, которая всесторонне и с единой позиции всех направлений развития отраслевой составляющей, хозяйствующего субъекта учитывает возможности соблюдения темпов экономического роста по основным этапам перспективного периода.

В соответствии с нашими представлениями, направления социально-экономического, научно-инновационного, структурно-организационного, финансово-инвестиционного развития экономических видов деятельности, субъектов хозяйствования сферы услуг может обеспечивать широкий состав функциональных стратегий, объединенных в своей целевой ориентации стремлением субъекта стратегического управления к достижению установленных на основе сбалансированного ресурсообеспечения темпов экономического роста.

Поэтому в состав функциональных стратегий обеспечения максимально возможных экономических и социальных результатов можно включить стратегии, ориентированные на использование таких внутренних факторов, влияющих на соблюдение установленных темпов экономического роста, как ресурсный и конкурентный потенциалы отраслевой составляющей, хозяйствующего субъекта сферы услуг.

В качестве таких стратегий могут выступать функциональные стратегии оперативного реагирования, инновационных изменений, фокусирования, дифференциации, минимизации затрат (блок 5 рисунок), которые могут быть использованы субъектом стратегического управления независимо от изменения состояния внешней среды, так как в своей целевой направленности призваны повышать экономические и социальные результаты на основе своевременного и в полном объеме использования своих внутренних потенциальных возможностей, например, дополнительного обслуживания сложившегося контингента потребителей услуг, продукции, расширения диверсифицированного состава оказываемых услуг.

Функциональные стратегии, способствующие экономическому росту отраслевой составляющей предприятия сферы услуг, должны быть ориентированы на нейтрализацию, нивелирование, локализацию наступивших последствий влияния негативных факторов внешней среды и на существенное повышение экономических и социальных результатов долгосрочного развития отраслевых и локальных составляющих сферы услуг в периоды неизменности ретроспективных тенденций на отдельных этапах перспективного периода.

Так, например, содействие экономическому росту может оказать в существенной мере стратегия инновационных изменений в текущем функционировании и долгосрочном социально-экономическом развитии субъекта хозяйствования или экономического вида деятельности сферы услуг. Внедряя кардинальное новшество структурно-организационного, технического, технологического, информационного характера, субъект хозяйствования сферы услуг ставит перед собой цель получения максимально возможной прибыли за счет

формирования контингента потребителей новых или модернизированных видов услуг, продукции с параметрами качества, существенно превышающими качество оказываемых ранее потребителям услуг, реализуемой продукции, адекватных изменившимся их вкусам и предпочтениям.

Схема обоснования выбора и реализации альтернативной стратегии экономического роста за счет внутренних факторов

Однако стратегия инновационных изменений в текущей деятельности и перспективном развитии отраслевой или локальной составляющей сферы услуг не может удовлетворять обобщающей самодостаточности для поддержания необходимого темпа экономического роста, достижения установленных социальных результатов. Это связано с тем, что создание (приобретение) и внедрение новшества в отраслевой или локальной составляющей сферы услуг не может в течение длительного времени обеспечивать необходимые темпы экономического роста, так как аналогичное расширение состава конкурентных преимуществ могут осуществить конкуренты.

Кроме того, взятый курс на инновационные изменения субъектом стратегического управления в силу высокого уровня рискованности создания с требуемыми параметрами новшества, достижения им при внедрении необходи-

мых экономических, социальных результатов может превысить уровень затратности по сравнению с экономическими результатами.

Поэтому ориентация субъекта стратегического управления долгосрочным развитием социально-экономических систем сферы услуг на существенные инновационные изменения, содействующие росту экономических и финансовых результатов, должна основываться на диверсификации риска в рамках венчурного инвестирования того количества инновационных проектов, которое соответствовало бы интеллектуальному ресурсному потенциалу разработчиков и тематической направленности создаваемых новшеств адекватной с изменяющимися вкусами и предпочтениями потребителей услуг продукции [3].

В то же время функциональная стратегия инновационных изменений в текущей деятельности и долгосрочном развитии отраслевых и локальных составляющих сферы услуг должна реализовываться в целях не только повышения темпов экономического роста посредством увеличения контингента или формирования новых сегментов потребителей услуг, продукции, но и расширения состава конкурентных преимуществ, также направленного на повышение конкурентоспособности услуг, в свою очередь, содействующей экономическому росту за счет ввода на рынок новых видов услуг, продукции, в условиях значительных изменений состояния макросреды, нейтрализующей влияние ее негативных факторов на достижение плано-расчетных экономических результатов.

Следует также отметить, что стратегия инновационных изменений ориентирована на соблюдение темпов экономического роста и, таким образом, сочетает инновационное и экономическое направление развития. В то же время инновационное направление данной функциональной стратегии должно быть доминирующим, так как каждое из направлений долгосрочного развития экономических видов деятельности и субъектов хозяйствования сферы услуг должно выражаться в системе стратегического управления одной или несколькими функциональными стратегиями, влияющими на экономические результаты в соединении с внутренними факторами ресурсного и конкурентного характера.

На поддержание необходимых темпов экономического роста разноуровневых социально-экономических систем сферы услуг направлена и функциональная стратегия оперативного реагирования на происходящие или ожидаемые изменения состояния макросреды. Организационная направленность стратегии оперативного реагирования остается неизменной, так как субъект стратегического управления, установив, например, потребность в новых или модернизированных услугах, продукции на рынке, организует удовлетворение сложившейся потребности в услуге, новом виде продукции в минимизированный период времени, позволяющий продвинуть новый вид услуги, продукции на соответствующий сегмент рынка. Оперативное внедрение нового вида услуг на рынке с опережающими сроками по сравнению с конкурентами позволяет субъекту стратегического управления согласовывать темпы экономического роста во времени с более высокой конкурентоспособностью услуг.

Включение таких функциональных стратегий в общий состав влияния на поддержание сложившихся темпов и повышение экономической результативности, как дифференциация, фокусирование, минимизация затрат, и других стратегий, формируемых посредством включения в них мер, соответствующих особенностям развития отраслевой составляющей, субъекта хозяйствования во внешней среде, их функциональной и целевой направленности влияния на достижение экономических и социальных результатов, на наш взгляд, предоставляет возможность субъекту стратегического управления сконцентрировать имеющиеся ресурсы и конкурентные преимущества на обеспечении достижения планируемого экономического результата в долгосрочном периоде времени.

Так, например, корпоративные организационно-правовые структуры, оказывающие потребителям значительные объемы услуг в рамках ограниченных возможностей их диверсификации, для решения проблем экономического роста за счет внутренних факторов могут реализовывать в своей текущей деятельности и перспективном развитии комплекс мер, характерный для стратегии минимизации затрат. Низкий уровень затрат и, соответственно, цен на оказываемые услуги массовому потребителю позволяет корпоративному объединению иметь на рынке услуг значительную долю и расширять занимаемое место на сегменте рынка, доминируя по объемам оказываемых услуг перед своими конкурентами.

Обеспечение плано-расчетных темпов экономического роста отраслевых и локальных составляющих сферы услуг по отдельным направлениям влияния внутренних факторов, учитывающих особенности ресурсного и структурно-организационного характера субъекта хозяйствования, отрасли сферы услуг, на наш взгляд, возможно посредством включения в общий состав стратегии фокусирования, функциональная направленность которой состоит в оказании услуг небольшому контингенту потребителей, вкусовые предпочтения которых в значительной степени отличаются от многочисленных потребительских групп со среднерыночными, стандартными предпочтениями по отношению к оказываемым услугам.

Функциональная стратегия фокусирования своих ресурсных возможностей и концентрации состава конкурентных преимуществ на услуги оказания ограниченному контингенту потребителей (блок 5, рисунок) в своем применении тесно коррелирована с ограниченностью ресурсов (основных помещений, площадей, активных элементов основных фондов, высококвалифицированного персонала), необходимых для обслуживания разнообразных и многочисленных групп потребителей.

Влияние на поддержание планируемых темпов экономического роста оказывают и такие меры внутреннего воздействия, как дифференциация номенклатурных позиций оказываемых услуг одного функционального назначения при обслуживании значительного числа потребителей, имеющих различные предпочтения и способы оказания им услуг, оценивающих потребительскую стоимость услуг выше, чем ее рыночная цена. Дифференциация цен на одинаковые услуги, но с учетом самооценки покупателем, исходя из престижности оказания ее конкретным хозяйствующим субъектом или его отдельным профессиональным работником, предоставляет субъекту стратегического управления расширять занимаемый сегмент услуг, занимать новые сегменты, увеличивать контингент потребителей услуг с различными предпочтениями и вкусами [3].

В целом формируемый состав функциональных стратегий, ориентированных на поддержание и повышение темпов экономического роста отраслевой или локальной составляющей сферы услуг, должен включать те стратегии, которые отвечают требованиям: повышения результатов текущего функционирования и перспективного развития до тех значений определенных плано-расчетными обоснованиями в рамках избранных направлений развития; соответствия особенностям деятельности отраслевой составляющей, субъекта хозяйствования сферы услуг; противодействия влиянию негативных факторов макро-, микросред на текущее функционирование и перспективное развитие объекта стратегического управления.

Формируемый состав функциональных стратегий социально-экономического развития отраслевой или локальной составляющей сферы услуг не является полным и исчерпывающим комплексом мер обеспечения экономического роста, социального развития, так как не связан с конкретно установленным направлением долгосрочного развития объекта стратегического управления.

Литература

1. Гасумянов В.И. Стратегия развития услуг управления государственными резервами: Теоретические и концептуальные основы. СПб.: Диалог, 2006.
2. Забелин П.В., Моисеева Н.К. Основы стратегического управления: учеб. пособие. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1998.
3. Шлёнская Е.В. Стратегическое управление развитием отраслей сферы услуг: принципы создания и функционирования системы: препринт. СПб.: Диалог, 2009.

КРОЛИВЕЦКИЙ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры управления экономическими и социальными процессами, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, Россия, Санкт-Петербург (philmar@mail.ru).

KROLIVETSKY EDWARD NIKOLAEVICH – doctor of economics sciences, professor of Management Economic and Social Process Department, St. Petersburg State University of Cinema and Television, Russia, St. Petersburg.

ШЛЁНСКАЯ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства, Россия, Москва.

SHLYONSKOVA ELENA SERGEEVNA – candidate of economics sciences, assistant professor, Moscow State Academy of Municipal Services and Building, Russia, Moscow.

УДК 338.43.

Э.Г. КУЗНЕЦОВА

МЕХАНИЗМ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ АПК

Ключевые слова: финансовая устойчивость, страхование рисков, АПК, страховые компании, страховая защита, господдержка, продовольственная безопасность.

Рассмотрены вопросы, связанные с разработкой механизма эффективного управления рисками в сельском хозяйстве и обеспечения на этой основе сбалансированности развития всех отраслей АПК. Обоснована необходимость страхования рисков в сельском хозяйстве. Выявлены причины отказа от страхования сельскохозяйственных предприятий. Подчеркнуто, что основным принципом при страховании сельскохозяйств должна быть добровольность, но с усиленным государственным участием. Отмечено влияние страхования рисков в АПК на обеспеченность продовольственной безопасностью страны.

E.G. KUZNETSOVA

IN INTERESTS OF BALANCED DEVELOPMENT OF AGRARIAN AND INDUSTRIAL COMPLEX

Key words: financial stability, insurance of risks, agrarian and industrial complex, the insurance companies, insurance protection, state support, food safety.

In article the questions connected with working out of the mechanism of efficient control by risks in agriculture and maintenance on this basis of equation of development of all branches of agrarian and industrial complex are considered. Necessity of insurance of risks for agriculture is proved. Causes of a failure from insurance of agricultural productions come to light. It is underlined that voluntariness, but with feasible state participation should be main principle at insurance of agricultural cultures. Influence of insurance of risks in agrarian and industrial complex on security of food safety of the country is marked.

Фундаментальная основа успешного развития сельскохозяйственного производства – финансовая устойчивость и стабильность работы каждого производителя, которые зависят как от внешних рисков, в том числе погодных условий, мировой конъюнктуры рынка продовольствия, так и от внутренних – уровня производственных издержек по организации управленческого процесса и сбыта продукции.

Поэтому основными задачами дальнейшего развития агропромышленного комплекса страны являются разработка механизма эффективного управления рисками в сельском хозяйстве и обеспечение на этой основе сбалансированного развития всех отраслей АПК в целях повышения уровня и качества жизни населения. В связи с этим в современных условиях приоритетной задачей АПК является реализация комплекса стратегических мер, направленных на снижение влияния неблагоприятных природно-климатических условий на АПК.

В 2010 г. аномально высокая температура в крупных сельхозрегионах страны (Волгоградской, Воронежской, Самарской, Ставропольской, Ульяновской, Оренбургской областях, Республике Татарстан) усложнила решение поставленных задач. В связи с этим актуальными стали вопросы страхования рисков в сельском хозяйстве. Уже в 2009 г. правительством страны было отме-

чено, что в стране сделано слишком мало для развития страхового дела в области сельского хозяйства. Всего было застраховано не более 10% сельхозпредприятий, а в 2010 г. был застрахован лишь каждый седьмой гектар посевов. Как показывает статистика, число страхователей в стране из года в год сокращается. Слабо страхуются риски в таких сложных отраслях, как животноводство, пчеловодство, рыболовство и другие. Если в США, Германии, Франции страхуют урожай на сенокосах и пастбищах, применяют методы, позволяющие оценить ущерб на каждом конкретном поле и в каждом личном хозяйстве, то в России это не практикуют. Крестьянские хозяйства боятся страхования. Дело в том, что сам механизм страхования еще не до конца разработан. Так, договора подписываются до начала весенних работ, т.е. в самую затратную для крестьян пору. Они в это время испытывают нужду в финансах. Поэтому им приходится брать дорогостоящий кредит. Дело осложняется и тем, что в момент подписания договора страхователь должен полностью выплатить сумму страховых премий. При этом в случае ущерба возмещается лишь незначительная часть страховки, а именно в размере 4-5% от стоимости урожая. Бывает и так, что ущерб в регионах в разные годы достигает 20-30%, а от крестьян требуется вписывать в договор конкретную дату начала риска – засухи или другого страхового случая. Подсчитано, что чем меньше урожай, тем выше себестоимость продукции, тем меньше у крестьянина выручка для уплаты страхового взноса. Как говорится, такое добровольное страхование превращается для сельхозтоваропроизводителей в настоящую кабалу. Следовательно, система и порядок организации страхования сельскохозяйственных рисков не обеспечивают финансовую устойчивость сельхозпроизводителя. Поэтому из-за высокой убыточности операции по добровольному страхованию урожая сельхозкультур подавляющая часть страховых компаний не проводит работу по этому виду страхования.

При этом следует отметить, что страховая система в России построена так, чтобы отпугнуть потенциальных страхователей. Получается так, чем выше риск, тем меньше желающих застраховаться. Средний уровень выплат страховых возмещений по отношению к взносам за последние годы составил чуть более 59%, остальные 40% полученных страховых взносов использовались страховщиками для финансирования собственных расходов и получения прибыли. Однако в последние годы предпринимаются шаги по преодолению вышеназванных проблем. В стране создан национальный союз агростраховщиков и разрабатывается закон об агростраховании. При этом при страховании сельхозкультур (кормовые культуры, многолетние плодовые насаждения, овощи) предусматривается господдержка: до 50% увеличивается доля субсидирования затрат на страхование посевов сельхозкультур из средств федерального бюджета. Например, в Чувашии в 2010 г. в результате засухи погибло 48% посевов сельхозкультур, а по картофелю и отдельным видам продукции растениеводства потери составили 81%. Поэтому на возмещение затрат по страхованию сельхозкультур чувашским аграриям из федерального бюджета выделено 138,3 млн руб.

Следует отметить, что с точки зрения страхования Россия отстает на несколько порядков от цивилизованного мира. Если за рубежом от возможных рисков застраховано 65%, то в России – меньше 10%. Задача-минимум – приблизиться к показателям Восточной Европы.

В 2010 г. гибель сельхозкультур в России произошла на приблизительно 17% общих посевных площадей, или на трети площади зерновых культур. По оценкам правительства, пострадало 22 тыс. хозяйств, из них только пятая часть застраховала свой урожай.

Необходимо, как отмечал президент страны Д.А. Медведев, расширить застрахованные посевные площади до 50%. Сейчас страхуется приблизительно 17-20%. Причем, на наш взгляд, взносы должны быть посильными, а

страховые компании должны в полной мере нести ответственность по страховым обязательствам и обязаны создавать необходимые условия для перестрахования своих рисков по аграрным проектам, сельскохозяйственному бизнесу и формировать в целом цивилизованный страховой рынок с подключением страхования жилья в сельской местности. Такое страхование должно быть массовым и обязательным. Необходимость обязательного страхования показала сложная ситуация летом 2010 г.

Страхование, конечно, должно быть добровольным. Однако сельхозпроизводители, претендующие на получение государственной поддержки, должны гарантировать возврат полученных средств. Чтобы добиться этого, нужно требовать от сельхозпроизводителей страхования рисков. Страхование рисков является страховой защитой, или инструментом риск-менеджмента. При этом следует учесть, чтобы оно не должно быть для страхователя дополнительным побором. Страховая защита не должна иметь принудительный характер. Как показывает опыт, нынешняя система страхования не позволяет быть уверенным в получении возмещения в случае неурожая. При этом страховщики нередко уклоняются от выплат. Однако мириться с таким положением нельзя, слишком дорого обходятся государству потери сельхозпроизводителей. Сумма ущерба на сегодняшний день составляет около 30 млрд руб. Всего хозяйствам, пострадавшим от засухи в 2010 г., будет выделено 35 млрд руб. Кроме того, будет зарезервировано еще 5 млрд руб. тем фермерам, которые обеспечат сохранение поголовья скота по итогам года.

Необходимо страховать прямые затраты на производство сельхозпродукции, что обеспечит прозрачность агробизнеса и позволит государству планировать расходы. При этом сельхозпроизводители, претендующие на господдержку, должны свои риски страховать в обязательном порядке. Такой принцип заложен в проекте концепции совершенствования сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой до 2020 г.

Обязательный порядок страхования сельхозрисков в России вполне согласуется с добровольным страхованием, производимым развитыми странами, так как повсеместно оно осуществляется с посильным государственным участием. В одиночку рынок не справится, так как цена страхования высока и сельхозпроизводители не способны ее платить. Бывает и так, что страховщикам не удается накопить достаточно страховых резервов, чтобы уплатить убытки по катастрофам.

Следует учесть и то, что страхование рисков связано с высокой стоимостью страхования, которая лишь частично компенсируется госдотациями и оценкой рисков. Именно стоимость оценки рисков определяет затраты на страхование и гарантирует исполнение страховщиками обязательств по выплате возмещения.

Большинство агрофирм не могут оплатить взносы, которые страховщики требуют сразу и в полном объеме, а тарифы на страхование колеблются от 3 до 10% стоимости будущего урожая, что многим недоступно.

При страховании с государственной поддержкой ставки составляют 6-7%, а при страховании без господдержки ставки устанавливаются самостоятельно исходя из предполагаемого риска. Россия должна перенимать европейский опыт добровольного страхования через обязательное страхование. Без такой процедуры очень тяжело компенсировать возмещение стоимости рисков.

Безусловно, в современных условиях сельхозтоваропроизводителям, заключившим договора страхования урожая, должно предусматриваться возмещение части затрат на уплаченный взнос на условиях софинансирования из федерального, регионального бюджетов и из доходов хозяйств. Однако из-за природных явлений возникает проблема осуществления выплат со стороны страховых организаций. В связи с этим у хозяйств снижается интерес к

страхованию урожая. Поэтому в последние годы в стране начали возникать страховые кооперативы. Они работают по принципу: зачем отдавать ресурсы сторонним страховщикам без гарантии страховой выплаты. Это и есть народное страхование, основанное на аккумулировании финансовых средств кооперативов, когда все средства остаются и действуют в кооперативной системе на местах. Так, впервые созданный в стране астраханский страховой кооператив «Народное страхование» за 5 лет существования в страховом фонде собрал 90 млн руб. И эти средства продолжают работать в интересах кооперативов.

По этому опыту начали сейчас работать кооператоры многих других регионов страны – Мордовии, Татарстана, Башкортостана и Липецкой областей. Это является первым шагом к модернизации системы сельскохозяйственного страхования в целях обеспечения продовольственной безопасности страны.

Чтобы обеспечить продовольственную безопасность страны, необходимо заранее прогнозировать риски и находить пути предотвращения возможных угроз. Во-первых, правительству необходимо начать мониторинг состояния продовольственной безопасности как в целом по стране, так и в регионах, т.е. на самом деле выяснить основных поставщиков продовольствия. Обеспеченность продовольственными ресурсами – одна из основных задач в формировании продовольственной безопасности страны.

Во-вторых, нужно внедрять рациональные нормы продовольственного потребления, которые отвечают современным физиологическим требованиям здорового питания. Такие нормы разработаны и действуют сейчас в системе школьного питания. Однако они несколько устарели. Поэтому правительству как можно быстрее необходимо подготовить соответствующие документы.

В-третьих, необходимо заняться законодательной базой земельных отношений. Действующие законы создают благодатную почву для возникновения многочисленных рисков, связанных с воспроизводством земельных отношений. В итоге получаем неконтролируемое использование сельхозугодий.

Серьезной проблемой являются риски в развитии пищевой, перерабатывающей промышленности. Эта проблема решается на начальной стадии реализации национального проекта в области АПК, но сделано еще пока совсем мало. К примеру, именно отсутствие системы первичной переработки мяса приводит к тому, что большинство мясоперерабатывающих предприятий используют преимущественно дорогое импортное сырье. Поэтому нужно определиться со стратегическими приоритетами развития пищевой и перерабатывающей промышленности и назвать четкие индикаторы и конкретные инструменты содействия развитию этой отрасли, в том числе и рассмотреть возможность государственной поддержки переработчиков пищевой промышленности.

Сельхозпроизводители испытывают большие трудности при формировании рыночных цен. Если предложение товаров выше, чем спрос на них, то, конечно, производители особое внимание должны уделить снижению издержек. Это возможно путем использования передовых бизнес-технологий, новых принципов в управлении и хозяйствовании. В связи с этим нужно стимулировать исследования и освоение прогрессивных технологий, а также совершенствовать систему обучения этим технологиям.

Таким образом, путем предотвращения имеющихся рисков в АПК можно усилить обеспеченность продовольственной безопасности страны. Продовольствие, как известно, формирует 45% розничного товарооборота, около 1/3 издержек домашних хозяйств приходится на питание. Оно определяет на 70% здоровье и продолжительность жизни человека.

С учетом внутренних и внешних рисков АПК комитет Госдумы по финансовому рынку рассмотрел законопроект «О сельскохозяйственном страховании, осуществляемом с государственной поддержкой». В соответствии с этим зако-

ном при страховании производства сельхозпродукции сельхозпроизводителям будет оказываться государственная поддержка: за счет средств федерального бюджета уполномоченным органом будет перечисляться страховщику 50% от начисленной страховой премии. Страхование будет осуществляться по риску утраты (гибели) сельхозкультур и гибели (падежа) сельхозживотных. Поэтому государственная программа должна быть ориентирована на снижение всех этих рисков. Кроме того, будет создан специальный фонд, за счет которого будут возмещаться убытки вследствие гибели урожая и чрезвычайных ситуаций. Указанный фонд будет формироваться за счет перечисления страховщиками 10% от полученной страховой премии по договорам сельхозстрахования, что позволяет эффективно организовать господдержку сельхозстрахования и снизить финансовые риски в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

В бюджете 2011 г. не страхование катастрофических рисков предусмотрено 5 млрд руб., что в 1,5 раза больше, чем в 2010 г.

Таким образом, данный закон позволяет снизить стоимость страхования, увеличить застрахованные площади и сократить расходы федерального бюджета на компенсацию ущерба в случае катастрофических ситуаций.

Литература

1. Россия в цифрах / Росстат. М., 2010.
2. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2010
3. *СерEGIN С.Н.* Модернизация – ключевой фактор в достижении целевых установок продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 7.
4. *Трушин Ю.* Государственная программа развития сельского хозяйства // Сельский кредит. 2007. № 9.

КУЗНЕЦОВА ЭЛЬВИРА ГЕОРГИЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (polyakovalya@mail.ru).
KUZNETSOVA ELVIRA GEORGIEVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Economic Theory Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338.262.4

В.В. ЛЕБЕДЕВ

КОМПЕТЕНЦИИ И ФУНКЦИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Ключевые слова: компетенции, функции управления, образовательное учреждение.

Рассмотрено взаимодействие компетенций разноуровневых органов и функций как элементов системы управления образовательными учреждениями.

V.V. LEBEDEV

THE COMPETENCE AND FUNCTION OF BODIES OF VARIOUS LEVEL IN A CONTROL SYSTEM OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Key words: competence, management function, educational institution.

In article it is considered interactions компетенций bodies of various levels and functions as elements of a control system of educational institutions.

Взаимодействующими элементами системы управления образовательным учреждением, на наш взгляд, выступают как компетенции, представленные каждому из разноуровневых органов управления коллективно-долевыми и государственными образовательными организационно-правовыми структурами, так и методы управления, предпринимаемые комплексные меры в рамках функций управления организации, планирования, прогнозирования, регулирования, программирования, контроля, учета и анализа, а также в составе стратегических планов развития учреждения образования в долгосрочном периоде времени.

Разноуровневые, разграниченные компетенции органов управления образовательными учреждениями включают в себя не только комплексные меры, по-

средством которых выполняются представленные законом Российской Федерации «Об образовании» полномочия федеральных, региональных, муниципальных и локальных органов управления деятельностью учреждений образования, но и функции, в составе которых реализуются данные меры (мероприятия) организационного, экономического, социального, финансового и иного характера.

Так, например, в компетенцию федеральных органов управления входит ведение: правового регулирования отношений в учреждениях образования; разработки и реализации федеральных целевых и международных образовательных программ; организации лицензирования, аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений, проведения единого государственного экзамена на территории Российской Федерации, приема учащихся, студентов в государственные и муниципальные образовательные учреждения, установления федеральных нормативов финансирования образования обучающихся; функционирования федеральной системы подготовки и переподготовки педагогических работников государственных органов управления образованием; планирования базисных учебных процессов, примерных программ курсов, дисциплин, объемов учебной литературы и учебных пособий; контроля исполнения нормативно-правового регламентирования деятельности образовательных учреждений, качества оказываемых образовательных услуг [2].

В состав компетенций региональных органов управления деятельностью учреждений образования, представленных законом Российской Федерации «Об образовании», входит комплекс мер социального, организационного, экономического, финансового и инновационного характера, которые реализуются региональным субъектом управления как индивидуальным порядком, так и в составе конкретных функций управления. Так, например, большинство из мер по реализации полномочий в процессе регионального управления учреждениями образования (учреждениями дополнительного образования в том числе) входят в функцию организации: предоставление общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования; предоставление дополнительного профессионального образования в регионах; создание, реорганизация образовательных учреждений административно-территориального образования; формирование органов управления образованием и руководство ими.

Отдельными мерами социального, финансового, экономического и инновационного характера, реализуемыми региональным субъектом управления учреждениями образования в рамках представленных ему законом полномочий, в настоящее время выступают: проведение государственной аттестации обучающихся, освоивших образовательные программы общего образования; информационное обеспечение и содействие инновационному развитию учреждений образования; надзор и контроль в сфере образования и исполнения государственных образовательных стандартов учебными заведениями независимо от их форм собственности; установление нормативов финансирования для учреждений образования.

Для предоставленных полномочий в области муниципального управления учреждениями образования характерны такие комплексные меры организационного характера, как: организация предоставления общедоступного и бесплатного общего и дополнительного образования по основным общеобразовательным и специальным программам; содержание зданий и сооружений муниципальных образовательных учреждений; учет детей, подлежащих обязательному обучению в общих образовательных учреждениях.

Однако основные управленческие воздействия на социально-экономическое развитие образовательного учреждения в рамках предоставленных законом Российской Федерации «Об образовании» относятся непосредствен-

но к субъекту управления образовательным учреждением. При этом весь комплекс полномочных мер экономического, социального, финансового и инновационного характера осуществляется как в составе функций управления, так и в индивидуальном порядке.

Поэтому текущее и перспективное планирование деятельности учреждения дополнительного образования должно предусматривать нормальное функционирование образовательного процесса, для которого необходимы постоянное обновление и модернизация материально-технического комплекса, включающего не только технические и информационные средства обучения, но и оборудование, оснащение помещений (аудиторий, лабораторий, преподавательских комнат, помещений для управленческого персонала) в соответствии с государственными и муниципальными нормами и требованиями, но в пределах обновления и модернизации их за счет собственных финансовых средств.

Кроме того, планово-расчетные обоснования учреждения дополнительного образования должны на текущий, средне-, долгосрочный периоды времени предусматривать и такое ресурсное обеспечение, как формирование профессорско-преподавательского (учительского) состава с учетом их уровня квалификации и специализации по учебным дисциплинам.

В качестве учебно-методического и информационного обеспечения план текущей деятельности и перспективного развития должен предусматривать приобретение, создание и совершенствование на инновационной основе учебно-методического комплекса, образовательных технологий, включая программное и контентное обеспечение процесса дистанционного обучения [3, 5].

Организация учебного процесса учреждения дополнительного образования должна предусматривать меры и действия по разработке, утверждению и использованию рабочих программ учебных курсов и дисциплин, годовых календарных учебных графиков, устава образовательного учреждения, правил внутреннего распорядка. Эти меры необходимы не только для нормальной, в соответствии с существующими требованиями, реализации учебно-образовательного процесса учреждения дополнительного образования, но и рационального организационного соединения всех видов ресурсов (материально-технических, трудовых, финансовых, учебно-методических и информационных) в образовательном процессе, их эффективного использования.

К функции организации в ходе управленческих воздействий на процесс получения потребителями образовательных услуг в рамках компетенции учреждения дополнительного образования можно отнести: создание компонента учреждения государственного образовательного стандарта; формирование структуры управления деятельностью учреждения; определение контингента обучающихся; создание в образовательном учреждении необходимых условий для деятельности подразделений общественного питания и медико-диагностического обслуживания обучающихся и работников учреждения; содействие и оказание помощи деятельности общественных некоммерческих организаций и методических объединений.

Наряду с этим к мерам и действиям в составе функции организации образовательного процесса необходимо отнести составление и контроль исполнения расписания учебного процесса как по отдельным дисциплинам и курсам, так и по специальным курсам повышения квалификации работников народного хозяйства, взаимоувязывание учебного процесса с подготовкой для него учебно-методического материала, технических и информационных средств обучения студентов, слушателей, учеников, а также использование результатов выполняемых научно-исследовательских разработок на бюджетной и хозяйственно-договорной основе.

Функция регулирования в системе управления текущей деятельностью и перспективным социально-экономическим развитием учреждения дополнительного образования в своей целевой направленности должна быть ориентирована на устранение возникающих отклонений в образовательном процессе от государственного образовательного стандарта, установленных норм и нормативов потребления трудовых, материально-технических, финансовых и информационных ресурсов. При этом предусматриваемые субъектом управления текущей деятельностью и перспективным социально-экономическим развитием учреждения дополнительного образования меры и действия должны быть, в свою очередь, обеспечены тем объемом ресурсов, который на основе эффективного использования мог бы направить образовательный процесс, при устранении допущенных нарушений режима и условий функционирования, а также отклонений в ресурсопотреблении, на достижение поставленных ориентиров экономической, социальной и финансовой результативности в текущем и перспективном (средне-, долгосрочном) периодах времени.

В качестве таких регулирующих мер, предпринимаемых субъектом управления учреждением дополнительного образования, могут выступать: корректировка численности контингента обучающихся в условиях ограниченных материально-технических, трудовых ресурсов; повышение качества оказания образовательных услуг обучающимся с использованием учебно-методических, информационных и экономико-организационных новшеств непосредственно в образовательном процессе; предпринимаемые меры по повышению уровня квалификации и профессионального мастерства преподавательского состава, в целом всех работников учреждения; устранение неполного изложения в учебном процессе образовательных программ; приведение к нормативному состоянию размеров заработной платы работников образовательного учреждения, надбавок и доплат к должностным окладам; устранение отклонений от установленного порядка и размеров премирования персонала учреждения дополнительного образования.

Функция программирования в системе управления текущим функционированием и перспективным социально-экономическим развитием учреждений дополнительного образования выполняет роль взаимодействующего элемента, обеспечивающего выполнение программных этапов деятельности в соответствии с обоснованными нормами потребления имеющихся ресурсов, целевой ориентации на достижение необходимых результатов (например, число приема и выпуска слушателей, повышающих квалификацию, профессиональное мастерство, стоимостный объем оказания образовательных услуг высокого качества), экономических, социальных и финансовых результатов в текущем (один год) и перспективном периодах времени (2-5 лет), сроками поэтапного и итогового завершения одного или нескольких направлений программной деятельности.

Программирование социально-экономического развития учреждения дополнительного образования, в соответствии с представлениями автора, означает, в отличие от функции планирования, составление поэтапной последовательности выполнения экономических, финансовых, инновационных, социальных и маркетинговых и иных мероприятий в целевой ориентации на достижение в текущем и перспективном периодах времени тех результатов, которые соответствуют целевому (адресному) использованию ресурсов в процессе оказания потребителям дополнительных образовательных услуг в конкретно определенный участниками программы период времени.

Нередко, исходя из содержательности понятия «программа», в экономической литературе программу идентифицируют с планом текущей деятельности и перспективным развитием хозяйствующего субъекта производственной или социальной сферы народного хозяйства.

На наш взгляд, как по содержанию, так и по целевой направленности, функциональной предназначенности понятие «программа» отличается от понятия «план», так же как и программирование от планирования, тем, что, соединяя все виды ресурсов конкретной организационно-правовой структуры при возможном участии в программном комплексе работ других хозяйствующих субъектов, обладающих теми или иными индивидуальными видами ресурсов (например, новыми технологиями, техническими устройствами, высоким инновационным уровнем оказания услуг), для целевого выполнения определенного объема работ, реализации мер в соответствии с конкретным видом деятельности хозяйствующего субъекта (учреждения, оказывающего услуги дополнительного образования), программирование как функция управления образовательным учреждением своим результатом имеет поэтапное или итоговое по заранее установленным периодам времени завершение оказания комплексов образовательных услуг, например, в рамках цикла учебных дисциплин и курсов учреждений профессионального образования, повышения квалификации и профессионального мастерства [1, 4].

Контрольная функция в системе управления текущей деятельностью и перспективным развитием учреждений дополнительного образования заключается в контроле за текущей успеваемостью и промежуточной аттестации обучающихся образовательного учреждения, за осуществлением образовательного процесса в соответствии со своим уставом и требованиями закона Российской Федерации «Об образовании», за деятельностью вспомогательных подразделений учебного заведения, обслуживающих образовательный процесс.

Функция контроля в достаточной мере должна быть реализована на всех уровнях управления учреждениями образования. При этом надзор и контроль должны осуществляться за соблюдением государственных образовательных стандартов и качества образования в аккредитованных образовательных учреждениях, расходованием финансовых средств учреждением образования.

Функция учета в системе управления деятельностью учреждения дополнительного образования, взаимодействуя с другими функциями, выполняет роль фиксатора состояния экономических процессов учреждения образования, его подразделений посредством сбора информации о них, отражении этих сведений в учетных ведомостях оперативного и бухгалтерского характера.

Взаимосвязь функции учета, например, с планированием деятельности учреждения дополнительного образования проявляется, например, в процессе регистрации отдельных операций непосредственно на месте их осуществления для получения постоянной информации о выполнении текущего (годового) плана в отдельных подразделениях учреждения образования.

Литература

1. Евменьев Н.Ю. Особенности управления социальной сферой в информационном обществе. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002.
2. Закон Российской Федерации «Об образовании». М.: МП Новая школа, 1992.
3. Кроливецкий Э.Н. Система планирования деятельности хозяйствующих субъектов сферы услуг: препринт. СПб.: Нестор, 2001.
4. Тнерина И.О. Кадровый менеджмент: процесс отбора персонала // Социол. исслед. 2000. № 4. С. 22-31.
5. Щербина В.М. Планирование деятельности образовательных учреждений // Вопросы совершенствования социально-экономических отношений в условиях рынка: межвузовский сборник научных трудов. М.: Вуз и школа, 2003. С. 309-312.

ЛЕБЕДЕВ ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ – кандидат экономических наук, докторант, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, Россия, Санкт-Петербург (britrus@yandex.ru).

LEBEDEV VYACHESLAV VIKTOROVICH – candidate of economics sciences, doctoral candidate, St. Petersburg State University of Cinema and Television, Russia, St. Petersburg.

УДК 339.138

Н.Н. МЕЛЬКИНА

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ТЕОРИИ МАРКЕТИНГА

Ключевые слова: маркетинг, наука, теория, реализм, релятивизм, парадигмы маркетинга, маркетинг отношений, предмет маркетинга.

Рассмотрены проблемы формирования научной теории маркетинга, проведен анализ точек зрения ученых на маркетинг как на науку или практику бизнеса. Доказано, что маркетинг имеет собственную теорию, фундаментальной основой которой может стать теория маркетинга отношений. Дано авторское определение предмета маркетинга.

N.N. MELKINA

ON THE SCIENTIFIC THEORY OF MARKETING

Key words: marketing, science, theory, realism, relativism, paradigm of marketing, relationship marketing, the subject of marketing.

This article describes the problems of formation of the scientific theory of marketing, the analysis points of view of scientists at marketing as a science or business practices. Proved that marketing has its own theory, the fundamental basis of which may be the theory of relationship marketing. Given author's definition of the subject of marketing.

Необходимость теории для любой науки является очевидным фактом, но в отношении маркетинга как в исследовательской, так и в деловой среде по этому поводу пока нет однозначного мнения. Это можно объяснить несколькими предпосылками. Во-первых, маркетинг первоначально возник как сфера прикладной экономики; во-вторых, ряд ученых считает, что теоретические наработки, имеющиеся в маркетинге, не соответствуют классическим критериям того, что должна представлять собой научная теория; и, наконец, в-третьих, подавляющее большинство маркетологов-практиков считают, что маркетинг это, прежде всего, инструментарий ведения бизнеса и поэтому он не нуждается в теоретических обобщениях. На наш взгляд, некоторые из этих утверждений являются абсолютным заблуждением и не выдерживают никакой критики. Например, для того, чтобы прогнозировать развитие бизнеса, разрабатывать стратегии компании, менеджерам-маркетологам недостаточно только практического опыта и интуиции, необходимо знать принципы, законы и закономерности, которые позволяют постичь суть явлений и определить направления анализа и перспективу развития того или иного объекта или процесса. Кроме того, сам маркетинг – относительно новая развивающаяся функция организации, поэтому и его теория находится в стадии становления. Но, несмотря на очевидность приведенных аргументов, попытки построить «общую теорию» маркетинга пока не привели ни к одной разделяемой, не говоря уже о согласованной, теоретической базе для данной дисциплины.

Маркетинг – сложное многомерное явление, которое можно трактовать как философию и технологию бизнеса, как интегрирующую функцию управления компанией, нацеленную на адаптацию ее деятельности к требованиям рынка и нуждам потребителей. Таким образом, маркетинг решает и выполняет разнообразные задачи, функции, имеет много сфер применения. В связи с этим в зависимости от уровня развития экономики, бизнеса, нужд потребителей и общества в целом меняется приоритет востребованности его методов и инструментов. Исходя из этого складывается мнение, что с течением времени меняется само содержание понятия «маркетинг», о чем свидетельствует наличие свыше 2000 его определений по классификации Американской ассоциации маркетинга. С одной стороны, с этим можно согласиться: изменяется окружающая среда – развивается организация – усложняются задачи маркетинга – он наполняется новым содержанием. Но, с другой стороны, с научной точки зрения, такой подход к сути

маркетинга кажется сомнительным. Если все так переменчиво, где та первичная единица анализа маркетинга, которая остается постоянной и к которой происходит «приращение» новых функций маркетинга? Что же такое маркетинг: наука или искусство? Существует ли теория маркетинга, есть ли у него самостоятельный предмет исследования или маркетинг представляет собой совокупность заимствований из других наук? Постараемся в этом разобраться.

Начало дискуссии о необходимости развития теории маркетинга можно отнести к написанным в 1940-х годах статьям Л. Брауна [4], а также Р. Олдерсона и Р. Кокса [1], которые утверждали, что, несмотря на многочисленные исследования, ученые, изучающие маркетинг, мало чего добились при установлении фундаментальных проблем, а еще меньше – при разработке методик их решения. В связи с этим нужна стройная теория. Признание необходимости данной теории стимулировало начало ее создания такими учеными, как Р. Олдерсон, Э. Мак-Гэри, Р. Бартельс и В. Мак-Инне. Впоследствии к ним присоединились Р. Баззел, М. Бейкер, Р. Керин и др. Но существовало и противоположное мнение, согласно которому, маркетинг является областью применения открытий, сделанных в других науках, главным образом поведенческих, но сам он наукой не является. Впервые эту точку зрения изложил Р. Вейл в 1949 г. в «*Journal of Marketing*». В частности, он заявил, что «маркетинг останется одним из видов искусства» [13. С.12]. Его позиция была поддержана такими учеными, как П. Андерсон [2], Р. Раднер [11] и др. Так была начата полная противоречий борьба «маркетинга как науки против искусства», которая заполняла страницы журналов до середины 1960-х годов и отголоски которой доходят и до наших дней. Те, кто начал отстаивать необходимость теории, склонны были рекомендовать применение научного подхода, по крайней мере, из социальных наук.

Потребность в теории маркетинга сейчас признается всеми. Она важна с разных точек зрения – практической, информационной, научной и интеллектуальной. Практическая ценность состоит в том, что теория позволяет на основе знания принципов, законов и закономерностей анализировать конкретную ситуацию, прогнозировать ее развитие и принимать эффективные управленческие решения. Теория важна для формирования знаний, их структурирования, установления причинно-следственных связей, классификации явлений. Теория помогает обнаружить скрытые проблемы, которые нужно решить, и таким образом направляет исследователя к пониманию того, какие факты необходимо собирать и как их анализировать. В связи с этим маркетинг как академическая дисциплина требует своей собственной теории.

Научные споры в отношении того, может ли быть маркетинг наукой во многом обусловлены тем, что среди ученых не было единства в понимании термина «теория» вообще и применительно к маркетингу в частности. Так, например, по мнению Р. Вейла, теория – это «связная группа общих предложений, использующихся в качестве принципов объяснения некоего класса явлений» [13. С.17]. Исходя из этого определения, теория маркетинга не может существовать, считает он, потому что, во-первых, маркетинг имеет не одну, а много связанных групп предложений; во-вторых, маркетинг должен делать больше, чем просто объяснять, он также должен предлагать суждения о маркетинговой политике. Р. Баззел первоначально также отрицал научность теории маркетинга. В частности, он утверждал, что любая наука является «классифицированным и систематизированным сводом знаний, организованных вокруг одной или нескольких центральных теорий и ряда общих принципов, обычно выраженных в количественных терминах, а также сведений, ко-

которые позволяют делать прогнозы, а в некоторых обстоятельствах – контролировать будущие события» [5. С. 33]. Поэтому на тот момент (1963 г.), по его мнению, маркетинг не отвечал данным критериям.

В связи с этим Ш. Хант, ведущий защитник школы «маркетинг – это наука», заявил, что существующие определения теории слишком строги и предложил упрощенное определение: «Теории – это систематически связанные наборы утверждений, включая некоторые обобщения, напоминающие правила, которые проверены опытом» [8. С. 7]. С позиции данного критерия к определению сущности теории Ш. Хант в 1983 г. проанализировал точки зрения ученых, как признающих, так и не признающих маркетинг наукой (Р. Олдерсона, Г. Зальцмана, Р. Багоzzi, М. Райана и Дж. О'Шонесси, Р. Кита и Дж. Урри), и отметил, что как защитники, так и критики в основном единодушны в вопросе общих характеристик теории [9].

Следующий «раунд» борьбы за сущность маркетинговой теории был начат П. Андерсоном, который оспаривал, в частности, позитивистскую концепцию Ш. Ханта о научном методе. Спор, в частности, сместился с вопроса о том, может ли маркетинг иметь свою научную теорию, к проблеме, какая форма научной теории является наиболее подходящей. Считается, что не существует ни одного «правильного» метода оценки теории, а различные исследовательские дисциплины принимают разные методологии, онтологии и эпистемологии. В маркетинге П. Андерсон рассматривает теорию потребительского поведения и теорию фирмы как десоизмеримые. Не имея согласованного «критерия разграничения» между теорией и не-теорией или даже между наукой и не-наукой в маркетинге, П. Андерсон заключает, что релятивистский подход является единственным жизнеспособным [2].

Ш. Хант выступил с опровержением наивной пропаганды релятивизма П. Андерсона, которую легко можно свести к (не) логическому заключению нигилизма, онтологическому солипсизму (смерть предмета) и гносеологической анархии (не могу знать чего-то или могу знать все). Интересно отметить, что как Ш. Хант, так и П. Андерсон изменили свои позиции. Ш. Хант отошел от логического эмпиризма к научному реализму, в котором он принял позицию критического реалиста, заключая, что некоторые из наших восприятий могут быть иллюзиями, а некоторые, конечно же, более точны, чем другие (таким образом смягчая чистый эмпиризм). П. Андерсон в то время принял позицию критического релятивизма, который допускает возможность одиночной ранее существующей «реальности», но отвергает мысль о том, что она может быть обнаружена посредством определенного научного метода. Следует отметить, что ученые выделяют множество парадигм в маркетинге. Так, например, Дж. Кармен идентифицирует 6 парадигм (микроэкономические, изменения убеждения/отношения, разрешения конфликта, обобщенных систем, парадигмы функционального и социального обмена) [6]. Г. Фиск и П. Мейерс классифицируют другие 6 парадигм (сетевого потока, дефицита рынка, конкурентного управления маркетингом, изменений в развивающихся системах, общих систем и структур) [7]. Дж. Шет и Д. Гардтер приводят 10 «школ мышления» в маркетинге (товарные, функциональные, профессиональные, региональные, институциональные, управленческие, покупательского поведения, макромаркетинговые, организационного развития и социального обмена) [12]. Р. Керин выбирает 6 «метафор», характеризующих маркетинговую науку и практику: прикладная экономика, управленческая деятельность, количественная наука, бихевиоризм, наука о решении и интегрированная наука [10].

Множественность толкований объяснялась тем, что во времена дискуссий о возможности самостоятельной теории маркетинга сама категория «парадигма»

разными учеными понималась по-разному: как альтернативная реальия, личное мнение, метафора, решение загадок и т.д. В 1985 г. Дж. Арндт анализирует и классифицирует различные парадигмы и метафоры в маркетинговой теории, идентифицируя четыре главные парадигмы, основанные на различных мнениях, содержащих метатеоретические предположения о сущности науки [3]. Для классификации он использует два измерения: объективные–субъективные и гармонирующие–конфликтные, в соответствии с которыми выделяет четыре парадигмы в маркетинге: логико-эмпирическую, социополитическую, субъективного мира и освобождающую. По мнению Дж. Арндта, маркетинг был подавлен одной парадигмой, а именно парадигмой логического эмпиризма.

Несмотря на длительность и интенсивность дискуссии, касающейся соответствующих характеристик и научного фундамента для развития маркетинговых теорий, а также на объединение ключевых позиций вокруг двух полюсов – релятивизма и реализма, пока нет консенсуса в отношении того, что должна собой представлять маркетинговая наука. Мы действительно имеем несколько конкурирующих школ мышления и отдельных теорий и концепций маркетинга: теория поведения потребителя, концепция жизненного цикла товара, портфельная матрица и матричные методы анализа, концепция маркетинг-микс, стратегический маркетинг, маркетинг-менеджмент, коммуникационный маркетинг и др. Среди множества причин этого можно выделить несколько основных: недостаточное использование исторического подхода к познанию, приоритет количественных над качественными методами исследования и недопонимание менеджерами-практиками значения научных теорий для практической деятельности.

Таким образом, подводя итог дискуссии о необходимости и возможности научной теории маркетинга, можно определенно сказать, что общая научная теория маркетинга, во-первых, необходима, во-вторых, на наш взгляд, ее фундаментальной основой может стать современная теория маркетинга отношений. Она позволяет по-новому взглянуть на определение предмета маркетинга. Считается, что его предметом является обмен, но обмен – это категория экономической теории, и в этом смысле получается, что маркетинг заимствует первичную аналитическую единицу анализа академической дисциплины из другой науки и, следовательно, не может быть самостоятельной наукой. Однако все вышеприведенные рассуждения говорят об обратном. В частности, даже судя по масштабу задач, которые приходится решать маркетингу в условиях глобальной высококонкурентной бизнес-среды, он не может быть «низведен» лишь до уровня инструментария бизнеса – методики изучения рынка, организации продаж и рекламы. Поэтому, на наш взгляд, опираясь на теорию маркетинга отношений, как фундаментальную теорию маркетинга, можно определить предмет маркетинга как отношения обмена, способствующие повышению степени удовлетворения потребностей каждой из заинтересованных сторон и приводящие к долговременным взаимовыгодным партнерским взаимоотношениям. Эти отношения многомерны. Они могут затрагивать как коммерческие, политические, так и чисто социальные интересы и процессы. Отсюда и современный маркетинг охватывает почти все сферы общества – экономику, политику, образование, медицину, юриспруденцию и т.д. Следовательно, содержание маркетинга не меняется, как считает большинство академических маркетингологов, чем якобы объясняется множество его определений, а обогащается новыми знаниями в области социологии, психологии, культуры, менеджмента, политической экономии и других наук. Таким образом, на наш взгляд, новая теория маркетинга – маркетинг отношений является фундаментальной научной основой, выполняющей интегрирующую и объединяющую роль многочисленных концепций и парадигм маркетинга.

Литература

1. Alderson W., Cox R. Towards a theory of marketing // Journal of Marketing. 1948. № 13. P. 137-152.
2. Anderson P.F. Marketing, scientific progress and scientific method // Journal of Marketing. 1983. № 47. P. 18-31.
3. Arndt J. On making marketing science more scientific: role of orientations, paradigms, metaphors, and puzzle solving // Journal of Marketing. 1985. № 49. P. 18-23.
4. Brown L.Q. Toward a profession of marketing // Journal of Marketing. 1948. № 13. P. 27-31.
5. Buzzel R. Is marketing a science? // Harvard Business Review. 1963, January-February. P. 32-48.
6. Carmen J.M. Paradigms for marketing theory / Sheth J.N. (ed.) // Research in Marketing. Greenwich, CT: JAI Press, 1980. Vol. 3.
7. Fisk G., Meyers P. Macromarketers' guide to paradigm / Bush R. and Hunt S.D. (eds.) // Marketing Theory: Philosophy of Science Perspectives. Chicago: AMA, 1982.
8. Hunt S.D. The morphology of theory and the general theory of marketing // Journal of Marketing. 1971. № 35. P. 65-68.
9. Hunt S.D. General theories and the fundamental explananda of marketing // Journal of Marketing. 1983. № 47. P. 9-17.
10. Kerin R. In pursuit of an ideal: the editorial and literary history of the Journal of Marketing // Journal of Marketing. 1996. № 60. P. 1-13.
11. Rudner R. Philosophy of Social Science / Englewood Cliffs. N.Y.: Prentice-Hall, 1966.
12. Sheth J.N., Gardener D.M. History of marketing thought: an update / Bush R. and Hunt S.D. (eds.) // Marketing Theory: Philosophy of Science Perspectives. Chicago: AMA, 1988.
13. Vail R. Towards a theory of marketing-a comment // Journal of Marketing. 1949. № 14. P. 520-522.

МЕЛЬКИНА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой экономики и управления на предприятии, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (melkinann@rambler.ru).
MELKINA NATALIA NIKOLAEVNA – candidate of economics sciences, head of the department of Economics and Management at the enterprise, Mordovia State University, Russia, Saransk.

УДК 338.46:332.14

В.В. МЕРКУЛОВА

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СТРАХОВЫХ УСЛУГ

Ключевые слова: сфера услуг, качество страховых услуг, система показателей оценки качества страховых услуг.

Предложена система показателей оценки качества страховых услуг в рамках механизма управления качеством, рассмотрены современные методики и подходы к оценке качества услуг хозяйствующих субъектов страховой сферы.

V.V. MERKULOVA

METHODICAL APPROACHES TO FORMATION OF SYSTEM OF INDICATORS OF THE ESTIMATION OF QUALITY OF INSURANCE SERVICES

Key words: sphere of services, quality of insurance services, system of indicators of an estimation of quality of insurance services.

The system of indicators of an estimation of quality of insurance services within the limits of the quality management mechanism is offered, modern techniques and approaches to an estimation of quality of services of managing subjects of insurance sphere are considered.

Современный этап развития сферы услуг характеризуется процессами интеграции различных видов услуг, это обусловлено рядом причин, в числе которых: повышение уровня жизни населения, изменения в структуре потребления, законодательные требования. В сложившихся условиях взаимообусловленности отдельных видов услуг производители услуг предлагают комплексное обслуживание потребителей. При этом в различных вариантах одна и та же услуга может выступать в качестве основной, а в ряде других – дополнительной. В связи с этим возникает необходимость создания эффективной системы взаимодействия производителей услуг с целью повышения уровня их качества. Создание эффективного механизма взаимодействия между потребителями и поставщиками страховых услуг способствует удовлетворению интересов всех субъектов страхового рынка и повышению доверия как основной формы проявления заинтересованности в заключении страхо-

вой сделки. К числу основных элементов данного механизма относится система оценки страхового обслуживания, позволяющая дать адекватную характеристику уровня обслуживания субъектов страховой сферы.

Для увеличения конкурентоспособности отечественных страховых организаций необходимо повышение уровня качества предоставляемых услуг на основе эффективного взаимодействия всех элементов системы страхования. Особенности производства и реализации страховых услуг обусловлены вероятностным характером страховых событий, спецификой формирования цены и пассивным характером спроса на страхование. Страховые услуги по своим классификационным характеристикам относятся к разряду профессиональных услуг, что предопределяет отсутствие четких критериев оценки их качества.

В силу специфики страховых услуг, выраженной в особенностях их реализации, необходимо применение комплексного подхода к оценке их качества. Основной задачей комплексной оценки качества страховых услуг является определение конкурентных преимуществ как конкретного страховщика, так и отдельного страхового продукта. Под комплексной оценкой понимаются измерение и анализ показателей, характеризующих уровень качества предоставляемых страховых услуг.

По мнению экспертов, качественная страховая услуга, с точки зрения страхователя, определяется такими факторами, как: условия страхования, обеспечивающие защиту от значимых для страхователя рисков; цена за страхование на уровне, соответствующем его представлению о цене застрахованных рисков; стоимость страхования, соответствующая уровню его платежеспособности; соответствие представления страхователя о гарантированных выплатах реальным финансовым возможностям компании; форма общения с ним любого сотрудника компании, из которой будет очевидна важность его проблем для каждого из них, готовность оказать любое посильное содействие в их решении; известность бренда компании, положение в рейтинге и т.д. [3]. Исходя из свойств, присущих страховой услуге под качеством следует понимать меру того, насколько хорошо уровень предоставляемых услуг соответствует ожиданиям потребителя. Поэтому представляется важным определение критериев, используемых потребителями для оценки качества услуги. Наряду с этим представляется важным само-оценка уровня качества обслуживания производителями страховых услуг.

По нашему мнению, одной из основных причин значительного отставания страховых организаций в области внедрения системы управления качеством является отсутствие современных методик оценки качества страховых услуг, что во многом вызвано трудностями формализации, обобщения и анализа критериев оценки, а также определения методов их измерения. Основные недостатки существующих методик оценки качества зачастую обусловлены именно недостаточным вниманием разработчиков к разрешению названных проблем, что объясняется тем, что сам выбор существенных параметров, входящих в систему, во многом зависит от сферы оказания услуг. Так, в страховой сфере основным критерием качественно оказанной услуги оценки может быть увеличение численности новых договоров страхования, при этом существенного влияния на финансовые показатели это может и не оказывать. Наряду с этим потеря уже имеющихся потребителей приводит к значительным убыткам. Но просчитать в долгосрочной перспективе последствия и уровень потерь страховщика в результате неэффективной системы управления качеством в методологическом плане затруднительно.

Так, существует подход, автор которого предлагает методику выбора надежной страховой компании по такому риску, как потеря жизни или трудоспособности новаторов, изобретателей, ученых и исследователей. Он базируется

на четырех комплексных показателях качества страховых услуг, построенных на базе таких единичных показателей, как: размер и структура уставного капитала страховщика, величина и структура собственных средств; условия обеспечения перестраховочной защиты, опыт работы на рынке страховых услуг, полнота и качество страховой программы, соответствие квалификации и профессионализма работников страховой компании требованиям законодательства и потребностям страхового рынка, наличие системы управления деятельностью страховой компании в соответствии с международными стандартами ИСО 9000 нового поколения; стоимость страховой услуги и качество перестрахования. Данная методика сопровождается высоким уровнем трудоемкости, некоторые показатели количественно не могут быть определены и будут оценивать экспертами [1].

На наш взгляд, подобный системный подход к оценке качества оправдан в таких высокорисковых сферах, как инновационная деятельность. Однако данная методика сопряжена с высокой долей затрат на обеспечение функционирования системы управления качеством страховых услуг, поэтому для оценки качества по менее рисковым видам страхования применение ее возможно в усеченном виде. При этом наиболее информационно насыщенными показателями из данной методики являются: качество страхового портфеля, а также соотношение числа вновь заключенных договоров к числу постоянных потребителей; комплексный показатель качества страховой программы.

Существует и другой подход, авторы которого предлагают оценивать качество страховых услуг и эффективность страхового обслуживания с применением корреляционно-регрессионного метода, а также с помощью многофакторной модели. В данной методике рассматривается система показателей, включающая в себя надежность страховой организации, материальность, качество страхового продукта [2].

Для целей оценки качества страхового обслуживания свойства (критерии), присущие страховой услуге, необходимо трансформировать в формализованные требования, что позволит учесть все параметры качества страховой услуги. Автором предлагается структура системы показателей, отражающих уровень качества обслуживания в страховой организации (таблица).

Система показателей оценки качества страховых услуг

Характеристика показателя	Формула для расчета
Коэффициент результативности посредников , учитывающий соотношение числа контактов агентов с потенциальными клиентами ($N_{\text{конт.}}$) и числа заключенных договоров ($N_{\text{дог.}}$); Доля пролонгированных договоров (d) к общему числу договоров по каждому виду страхования (D_i); Средняя результативность точек продаж, рассчитываемая как отношение числа точек продаж ($T_{\text{пр.}}$) и совокупного объема реализованных страховых полисов ($N_{\text{дог.}}$); Доля жалоб, рассчитываемая как соотношение числа жалоб ($N_{\text{жалоб}}$) к общему числу потребителей ($N_{\text{потр.}}$)	$K_{\text{рез.}} = N_{\text{дог.}} / N_{\text{конт.}}$ $D_{\text{дог.}} = d / D_i$ $T_{\text{ср}} = T_{\text{пр.}} / N_{\text{дог.}}$ $G = N_{\text{ж.}} / N_{\text{потр.}}$
Коэффициент доверия к страховщику , отражающий степень известности на рынке, а также стабильности страховой организации, рассчитываемый на основе данных рейтинга, составленного независимыми экспертами (темпы изменения присвоенных уровней надежности за последние 3-5 лет)	$T_d = Y_o / Y_6$
Коэффициент внедрения инноваций : предоставление возможности использования при взаимодействии с потребителем сети Интернет. Рассчитывается как отношение числа заключенных договоров страхования посредством сети Интернет (n_o) к общему числу договоров ($N_{\text{дог.}}$)	$K_{\text{инн.}} = (n_o) / (N_{\text{дог.}})$
Коэффициент востребованности услуги : привычность услуги в общественном понимании. Определяется наибольшей долей конкретного вида страхования (v_n) в общем объеме реализованных страховых услуг V_n	$K_{\text{востр.}} = v_n / V_n$

Наряду с этим при оценке качества страхового обслуживания предлагается учитывать следующие показатели, отражающие качественную сторону объектов

оценки: набор желаемых потребительских свойств продукта (тарифы, сроки, условия договора); широта спектра предлагаемых продуктов (услуг); финансовая устойчивость; масштаб страховой компании; имидж страховой организации; аккуратность и точность обслуживания; удобство месторасположения и график работы страховщика, быстрота обслуживания, вежливость и корректность персонала, взаимодействие с персоналом; скорость реакции на изменение запросов потребителей. В качестве информационной базы выступают: общая информация о страховом рынке; рейтинговые оценки; финансовая отчетность, информация в СМИ; мнение других потребителей; собственный потребительский опыт.

К критериями комплексной оценки страховой организации относятся параметры потребительской оценки такие как: широта спектра продуктового ряда (для выбранного типа страховой организации: универсальный, корпоративный. Конкурентоспособные потребительские ценности каждого продукта (тарифы, условия, сроки), ликвидность и финансовая устойчивость; эффективность системы управления; способность быстро адаптироваться к внешним факторам влияния, новым стратегическим решениям; рост собственного капитала; диверсификация (новые отрасли, новые сегменты) и рост клиентской базы (количественный по выбранному сегменту); расширение географии деятельности; число филиалов; рост спектра предлагаемых продуктов и услуг; эффективность системы управления (обеспечивает устойчивость).

Таким образом, на основе анализа можно сделать вывод, что система показателей оценки качества страховых услуг формируется в зависимости от вида оценки и ее целей, а внешняя оценка качества страховых услуг (независимыми экспертами) предполагает комплексный подход к измерению уровня качества страховых услуг и является одним из критериев конкурентоспособности страховщика, тогда как внутренняя оценка качества страховых услуг позволяет страховой организации выявить наиболее уязвимые элементы в процессе предоставления страховой услуги и повысить эффективность своей деятельности в целом. В рассматриваемых моделях оценки качества страховых услуг отсутствует такой фактор, как степень взаимодействия страховой организации с партнерами. Важность этого фактора обусловлена тем, что в проведении многих видов страхования задействованы различные сервисные организации, посредники, банки, торговые предприятия, учреждения здравоохранения. Высокая степень согласованности и отлаженности технологических взаимосвязей в процессе оказания страховых услуг позволит обеспечить уровень качества на всех этапах жизненного цикла.

Повышение эффективности текущей деятельности и перспективного развития субъектов хозяйствования страховой сферы должно осуществляться на основе решения проблем рационализации их взаимодействия с целью обеспечения потребителей услугами надлежащего качества за счет оптимального использования материальных, трудовых, финансовых, информационных ресурсов.

Литература

1. Андреева Э.А. Методология управления инновационной активностью субъектов национальной инновационной системы России: автореф. ... докт. экон. наук. М., 2010.
2. Селименкова М.В. Страхование и повышение его эффективности: автореф. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2008.
3. Цветкова Л.И. Менеджмент качества страховой услуги // Организация продаж страховых продуктов. 2009. № 2. URL http://www.reglament.net/ins/prod/2009_2.htm (дата обращения: 12.03.2009).

МЕРКУЛОВА ВИКТОРИЯ ВАЛЕНТИНОВНА – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, Россия, Санкт-Петербург (mervik73@mail.ru).

MERKULOVA VICTORIA VALENTINOVNA – senior teacher of Accounting Department, St. Petersburg State University of Cinema and Television, Russia, St. Petersburg.

УДК 338.246.4

Ю.В. МЕФОДЬЕВА

**ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ
ИНСТРУМЕНТОВ РЕЗУЛЬТАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ
В УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМОЙ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Ключевые слова: результативное бюджетирование, реестр расходных обязательств, среднесрочный финансовый план, доклад о результатах и основных направлениях деятельности, целевые программы.

Отражены проблемы составления программных документов, которые являются основой результативного бюджетирования и используются в управлении финансово-экономической подсистемой, и предлагаются пути их преодоления.

Yu.V. MEFODYEVA

**THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF EFFECTIVE BUDGETING TOOLS
IN MANAGING THE FINANCIAL AND ECONOMIC ISSUES ON REGIONAL LEVEL**

Key words: effective budgeting, register of expenditure obligations, medium-term financial plan, report on results and lines of activity, target programmes.

This article concerns the problems of drafting of the policy documents which are the basis of effective budgeting and used in managing the financial and economic issues, and suggests the ways to overcome them.

Необходимость повышения качества управления государственными финансами обусловила переход от сметного бюджетирования к результативному, который предполагает ориентацию бюджетных расходов на результат и, следовательно, их распределение в зависимости от достижения поставленных целевых ориентиров.

В России бюджетирование, ориентированное на результат (БОР), стало внедряться в государственный сектор сравнительно недавно, но оно уже прочно зарекомендовало себя на международном уровне. БОР успешно применяется во многих развитых странах, например, в США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии, Швеции, Франции и др. В Новой Зеландии и Австралии стали делать большой акцент на конечных общественно значимых результатах бюджетного процесса, в Швеции была упрощена система показателей и оценки результатов, а в США была внедрена система рейтинговой оценки программ [5].

Бюджетная реформа, начавшаяся в России с принятия Правительством РФ Постановления от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» [4], направлена на преобразование системы управления бюджетными расходами. Она преследует следующие цели:

- укрепление доверия народа к органам власти;
- повышение удовлетворенности населения при получении бюджетных услуг;
- совершенствование процедур выработки программных целей, измерения и оценки социальной и экономической эффективности реализации программ;
- повышение социальной эффективности программ и усиление ответственности государственных органов за результаты их осуществления;
- совершенствование государственного управления и т.д.

Начиная с 2004 г. были достигнуты значительные успехи. Была подготовлена необходимая нормативно-правовая база, определяющая место каждого инструмента БОР в бюджетном процессе; бюджеты стали приниматься на трехлетний период; были определены показатели эффективности деятельности органов государственной власти и проведена их оценка; у бюджетополучателей появилось понимание необходимости реформирования бюджетного процесса, а также планирования бюджетных ассигнований с учетом показателей и результатов.

Однако осуществление реформ во многом связано с эффективным управлением на местах. Без понимания необходимости проведения реформирования системы бюджетного планирования органами исполнительной власти регионов и оперативного принятия ими управленческих решений невозможно полномасштабное внедрение современных принципов и методов бюджетирования.

Проведению реформы на региональном уровне во многом способствовала Программа реформирования региональных (муниципальных) финансов. В ее рамках был сформирован Фонд, основой которого стали средства, предоставленные Международным банком реконструкции и развития. Получение гранта на реализацию реформы в субъекте РФ предполагало системное совершенствование управления бюджетными ресурсами, в том числе и внедрение бюджетирования, ориентированного на результат.

Как доказывает практика проведения реформ и на общероссийском, и на региональном уровне, ключевым элементом перехода на бюджетирование, ориентированное на результат, является внедрение его инструментов, среди которых выделяют:

- доклады о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования (ДРОНД СБП);
- среднесрочный финансовый план;
- долгосрочные и ведомственные целевые программы;
- реестр расходных обязательств.

Все обозначенные инструменты планирования должны иметь тесную взаимосвязь и быть встроены в бюджетный процесс. В общих чертах подобная взаимосвязь может заключаться в следующем.

В начале работ по составлению проекта бюджета на очередной финансовый год осуществляется оценка объема расходных обязательств публично-го образования в рамках составления реестра расходных обязательств на среднесрочную перспективу с учетом результатов проведения оценки потребности и стоимости государственных услуг.

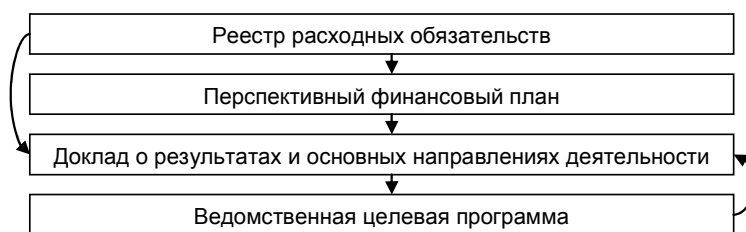
Затем по результатам выбора сценарных условий развития на основе прогнозов макроэкономических показателей деятельности должны быть оценены доходные возможности бюджета на среднесрочную перспективу и с учетом результатов составления реестра расходных обязательств должен быть разработан перспективный (среднесрочный) финансовый план.

Одновременно исходя из доступных для каждого органа власти на среднесрочную перспективу объемов бюджетных ресурсов и с учетом приоритетов развития территории, установленных в стратегиях, программах ее социально-экономического развития, соответствующих посланиях (в том числе бюджетных), должны определяться среднесрочные целевые показатели деятельности органов власти стратегического характера. Документом, в которых устанавливаются данные параметры во взаимосвязи с объемами финансовых ресурсов, является доклад о результатах и основных направлениях деятельности.

Тактика работ на среднесрочную перспективу (вплоть до установления конкретных мероприятий) с четко определенными показателями, также во взаимосвязи с объемами финансовых ресурсов, должна определяться в бюджетных (ведомственных) целевых программах.

Проект бюджета на очередной финансовый год должен составляться как на основе применяемого в настоящее время прогнозного состояния макроэкономических параметров на очередной год, так и с учетом параметров перспективного (среднесрочного) финансового плана и ожидаемых стратегических и тактических результатов деятельности, установленных для каждого из органов государственной власти [1].

Таким образом, можем выявить следующую картину взаимодействия инструментов планирования в системе БОР (рисунок):

Взаимосвязь инструментов планирования в системе БОР

Кроме этого, к инструментам, способствующим реализации целей и задач, относят реестры муниципальных услуг (работ), стандарты (показатели) качества муниципальных услуг, оценку потребности в муниципальных услугах, оценку стоимости муниципальных услуг, муниципальные задания на оказание услуг (выполнение работ) [2].

Однако теоретическое знание необходимости проведения бюджетной реформы и внедрения ее инструментов в бюджетный процесс недостаточно, и требуется выработка навыков использования инструментов бюджетирования по результатам на практике. Выделяют следующие системные проблемы реализации реформы в субъектах РФ:

1. Отсутствие четкой взаимосвязи между внедряемыми инструментами БОР. Несогласованность по срокам, например, оценки государственных (муниципальных) услуг и представления ДРОНДов порождает разночтения и необоснованность расходных обязательств, программ и показателей, рассчитанных в докладах.

2. Невстроенность хода внедрения методов БОР в бюджетный цикл и в целом в систему социально-экономического развития территории. Зачастую бюджет и ДРОНД принимаются отдельно друг от друга, а реестр расходных обязательств подстраивается под бюджетные параметры.

3. Отсутствие четкой картины перехода от целей, задач и показателей субъекта РФ к целям, задачам и показателям СБП. Показатели развития региона, принятые в долгосрочных и среднесрочных документах социально-экономического планирования, характеризуют цели развития региона, а не результаты, которые должны достичь органы власти. Необходимо четкое построение иерархии целей и задач, основанных на общенациональных целях, учитывающих параметры развития региона, но характеризующих результаты деятельности органов власти.

4. Неясность правового статуса докладов, программ. ДРОНДы и программы в отдельных субъектах РФ принимаются в форме приказов министерства (ведомства) или утверждаются правительством субъекта в форме постановления. В других же субъектах доклады и программы так и остаются без какой-либо правовой формы, следовательно, не являются документами обязательного исполнения.

5. Отсутствие процедур исполнения и мониторинга исполнения докладов, программ. Принятые доклады и программы так и остаются программными документами, не связанными с практической деятельностью органов исполнительной власти, так как отсутствуют нормативные документы о распределении ответственности по реализации задач и программ между структурными подразделениями субъекта бюджетного планирования. Необходимость

принятия механизма мониторинга исполнения докладов и программ, в свою очередь, обусловлена отсутствием процедур отслеживания достигнутых результатов с целью последующего принятия решений о поощрении ответственных исполнителей или пересмотре программ и показателей.

6. Отсутствие механизма распределения ассигнований на «принимаемые обязательства». Ежегодный пересмотр реестра расходных обязательств с включением новых и исключением исполненных, приостановленных или отмененных обязательств отражается на бюджетных показателях, а отсутствие четкого порядка распределения ассигнований порождает подгонку показателей одного документа к другому.

7. Отсутствие методики расчета объема бюджетных ассигнований (через нормативы, стандарты качества бюджетных услуг). С целью повышения эффективности реализации бюджетной политики и поэтапного перехода к системе бюджетирования, ориентированного на результат, необходимо утверждение таких инструментов управления, как перечень бюджетных услуг, порядок проведения оценки потребности в предоставлении бюджетных услуг, стандарты качества бюджетных услуг, порядок оценки соответствия качества бюджетных услуг установленным стандартам.

8. Неготовность специалистов отраслевых министерств и ведомств к применению инструментов БОР и отсутствие у них мотивации. Решению этой проблемы должно способствовать проведение разъяснительной работы о целях внедрения БОР, а также установление системы стимулирования за положительные результаты деятельности.

9. Сложность «ручной» обработки большого количества информации о целях, задачах, показателях, расходных обязательствах. Многие инструменты результативного бюджетирования достаточно объемные и требуют детального знания взаимосвязи целей, задач и показателей как в рамках одного документа, так и между ними.

Необходимость решения существующих проблем вызвало определение Министерством финансов РФ путей наиболее эффективного внедрения принципов бюджетирования, ориентированного на результат:

1) установление для каждого ведомства системы целей, задач и результатов деятельности, обеспечивающих реализацию приоритетов и целей государственной политики;

2) обеспечение самостоятельности, мотивации и ответственности ведомств, их структурных подразделений и учреждений при планировании результатов использования бюджетных ассигнований в рамках установленных финансовых ограничений;

3) использование конкурсных принципов распределения бюджетных средств, в том числе с учетом достигнутых и планируемых результатов использования бюджетных ассигнований;

4) наличие и применение методов оценки результатов использования бюджетных средств ведомствами и учреждениями в отчетном и плановом периоде;

5) наличие и применение формализованных методов оценки полной стоимости расходных обязательств.

Обобщив вышеперечисленные тезисы, мы предлагаем следующие пути системного внедрения инструментов результативного бюджетирования:

1. Построение четкой последовательной схемы планирования деятельности органа государственной власти по инструментам, срокам, исполнителям.

2. Определение взаимосвязи инструментов планирования, т.е. выявление влияния отдельных инструментов друг на друга, таких как ДРОНД, реестр расходных обязательств, бюджет и др.

3. Определение правовой формы ДРОНДов и программ, обязывающей принимать к исполнению утвержденные параметры.

4. Построение иерархии целей и задач, переходящей от целей развития региона к целям и задачам деятельности органов власти, направленным на достижение результата.

5. Принятие нормативных документов о распределении функций и ответственности по реализации целей, задач и программ между структурными подразделениями субъекта бюджетного планирования, а также процедур мониторинга и аудита эффективности.

6. Определение процедуры включения изменений и дополнений в доклады, реестры и бюджеты с учетом их влияния друг на друга.

7. Утверждение перечней бюджетных услуг, а также порядка их оценки.

8. Проведение разъяснительных работ о значимости и взаимосвязи параметров бюджетного планирования для исполнителей принятых программных документов.

Литература

1. Бараховский А.С., Богданов Л.Н., Ковалевский А.Р. Бюджетирование, ориентированное на результат: обзор опыта и подходы к внедрению на региональном уровне. М.: Ленанд, 2007. 144 с.
2. Жигалов Д.В., Перцов Л.В., Чалая Ю.Ю. Использование инструментов бюджетирования, ориентированного на результат, в практике муниципального управления. М.: Ин-т экономики города, 2009. 20 с.
3. Лимонов Л.Э. Взаимосвязь стратегического планирования, административной и бюджетной реформы, реализуемых на субнациональных уровнях. М.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2005.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов». М., 2004.
5. Шенд Д. Опыт стран ОЭСР в области бюджетирования, ориентированного на результат. Всемирный банк. 2007 // <http://www.worldbank.org>.

МЕФОДЬЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка и ассистентка кафедры финансов, кредита и статистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (valeetmeama@mail.ru).

MEFODYEVA YULIA VLADIMIROVNA – post-graduate student, assistant, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338.48-44(1-22):640.125.22

И.Н. НАСЫРОВ, Л.Р. МИНГАЗОВА, З.К. НАСЫРОВА, А.Н. МАРТЫНОВ

ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОМ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМ ПИТАНИИ

Ключевые слова: экология, здоровье, питание, доход, туризм, усадьба, экоселение.

Приведены сравнительные по годам результаты измерения доходности ведения подсобного хозяйства при производстве продуктов питания. Рассмотрена возможность развития на базе семейных усадеб, объединенных в экоселения, сельского туризма.

I.N. NASYROV, L.R. MINGAZOVA, Z.K. NASYROVA, A.N. MARTYNOV
ABOUT ENVIRONMENTALLY SAFE HEALTH-IMPROVING NUTRITION

Key words: ecology, health, nutrition, income, tourism, homestead, ecosettlement.

There are given the comparative results of housekeeping yield's measurements due to food production. And there was also considered the possibility of agricultural tourism's development on the basis of homestead joined into ecosettlements.

Аллергические реакции – наиболее часто встречающаяся проблема, связанная со здоровьем населения. Поэтому очень важно, чтобы пища, которую мы потребляем, была качественной. Те продукты питания, которые попадают нам на стол, проходят через систему весьма длительного хранения, через систему различных обработок, в результате которых они теряют все свои ценные питательные качества, а иногда приобретают даже вредные элементы. Когда все это попадает в организм человека, он часто реагирует на это аллергическими реакциями, нарушениями пищеварительной системы. Сле-

дует понимать, что все продукты питания – это источники энергии, которые мы используем, и от их чистоты и красоты зависят во многом наше здоровье, пищеварение и психо-эмоциональное состояние [3].

Исходя из этого для чувствительных организмов детей, которые на ранних стадиях адаптации не приспосабливаются в достаточной мере к таким отклонениям от нормы, рекомендуется использовать продукты питания, которые выращены, прежде всего, в местности проживания, а значит, длительно не хранились. Лучше всего использовать продукты питания, которые произвели на собственных садовых участках и не подвергали дополнительной обработке. Такие продукты питания являются экологически чистыми и полезными с точки зрения их химического состава и энергетического состояния.

Дело в том, что все живое, что произрастает на планете, все деревья и все те пищевые продукты, те овощи и фрукты, которые выращиваются людьми на их участках, они по сути своей несут в себе природную программу помощи человеку и имеют в себе функцию сонастраивания с теми людьми, которые их выращивают. Таким образом они имеют возможность помогать корректировать энергетические нарушения в организме человека, которые рано или поздно все равно сказываются на состоянии здоровья.

Достаточно иметь, как минимум, 30% чистых продуктов на нашем столе, а также исключить попадание в организм продуктов сомнительного качества, это поможет избежать очень многих проблем, связанных с пищеварением и различными пищевыми аллергиями.

Для снижения трудоемкости при выращивании натуральных продуктов в естественных условиях требуется создание устойчивого самоподдерживающегося агробиоценоза, обеспечивающего особый микроклимат, который предохраняет растения от вымерзания. На это необходимо примерно 1 гектар (100 соток) земельного участка. По периметру такого участка нужно высаживать деревья и кустарники, способные создать «живой» забор, служащий одновременно и местом гнездования птиц [2].

При этом возникает законный вопрос: какова отдача от такого участка? С целью получения ответа на данный вопрос было проведено исследование величины денежных доходов с приусадебного участка в 1 гектар, что совпадает с максимально разрешенным в населенном пункте размером. Оно показало, что возможно достижение таких доходов, которые сравнимы с величиной доходов городских семей [1].

В частности, доказано на практике, что с каждым годом наблюдается рост денежных доходов (см. таблицу), который мы связываем с приобретением опыта и навыков ухода за растениями, с лучшей организацией сбыта продукции.

В дополнение к результатам, приведенным в таблице, выращенная в 2009 г. на сумму примерно в 150 тыс. руб. продукция использовалась на питание в течение года семьи из 5 человек, часть ее отдавалась родственникам и друзьям, а также шла на корм домашним животным (200 кур, 1 собака, 5 кошек) и семенной запас.

Усадьба, на которой проводились указанные исследования, располагается в селе Костенеево Елабужского района Республики Татарстан. Продукция продавалась в г. Набережные Челны, который находится в 60 км (1 час езды на автомобиле) от усадьбы. Обычно продажа осуществлялась 3 дня в неделю – с пятницы по воскресенье, 7 месяцев – с июня по декабрь. Расходы на ГСМ – около 170 руб. в день, т.е. 14000 руб. за сезон. Плата за место на рынке – 40 руб. в день, 3300 руб. за сезон. Положительным фактором является то, что после распоряжения В.В. Путина экологическая милиция перестала предъяв-

лять излишние претензии к торгующим. В кризис торговать стало сложнее, увеличилось время, затрачиваемое на продажу товара. При этом отношение покупателей к продукции, выращенной в подсобном хозяйстве, было другое, чем к продукции перекупщиков. В подсобном хозяйстве техника в виде трактора применялась при вспашке, подвозе навоза. Для посадки картофеля использовалась лошадь. Теплицы простейшей конструкции сделаны собственными руками с применением столбов, жердей, гвоздей, пленки. Обычно пленку к середине августа убирают, тем самым обеспечивая доступ солнца и воздуха, что значительно улучшает вкус овощей в отличие от продукции, выращенной в поликарбонатных теплицах.

Выручка от продажи выращенных продуктов за 2007-2009 гг., в тыс. руб.

Продукт	2007	2008	2009	масса, кг	цена, руб./кг	площадь, соток
Салат (в 2009 г. добавились кинза, базилик)		6	7			1
Укроп, петрушка, лук зеленый		15				всего
Капуста	+	30	22,5	1500	15	10
Огурцы грунтовые			40			2
Огурцы тепличные		20				4,
Помидоры тепличные		20	50			теплица
Картофель ранний	+	30	20	1000	20	10
Картофель поздний	+	114	123,5	9500	13	60
Морковь	+		6	300	20	3
Лук репчатый	+	2	3	150	20	4
Кабачки, тыква			10			3
Свекла			6	300	20	1
Репка, редька		6	3	100	30	2-ой урожай
Хрен			2			
Рассада капусты и помидоров			14			теплица
Яйца куриные		10	6			
Куры			27,5			3
Продано	50	253	340,5	12850		101

Торговать продукцией с приусадебного участка действительно должен тот, кто ее вырастил. Тогда связь в цепочке не нарушается, производитель лично отвечает за качество выращенной им продукции, это, в свою очередь, влияет на спрос на нее покупателей. Отсюда следует вывод: если производитель не может по каким-либо причинам реализовывать свой урожай, то и не надо его производить. Для развития данного направления нашим предложением является организация на базе подобных усадеб экологически чистых поселений, ориентированных на прием лиц, желающих поправить здоровье своих детей (а заодно и свое) за счет продуктов, выращенных своими руками, а также проживания в естественных условиях.

В пользу этого предложения говорит и то, что подготовка к выездной торговле также требует затрат личного времени и обычно занимает от полудня до целого дня: необходимо подготовиться к поездке, собрать урожай, упаковать, помыть его и т.д. Летом вывозится довольно большой объем продукции – 500-1000 кг в день, тем не менее он весь распродается. Торговля идет с 9 до 18 часов, пока не закроется рынок.

При грамотном подходе к ведению подсобного хозяйства можно получить и воспитательный, и образовательный эффект, а также наладить и укрепить внутрисемейные отношения. Дети понимают, что деньги на проживание выручают только от продажи выращенной на участке продукции, поэтому помогают родителям в сельскохозяйственных работах. Для поддержания их энтузиазма можно рекомендовать установить прямую зависимость личных денежных доходов детей от выручки за проданную продукцию, выращенную ими на выделенных для этих целей отдельных грядках.

Тем не менее многие жители села не желают получать доходы таким наиболее естественным для сельской местности удобным, выгодным, интересным, творческим и полезным для собственного здоровья способом. Сложилась такая ситуация, что даже не с кем кооперироваться и развиваться дальше. Ведь 10-20 семей могли бы развивать инфраструктуру села, построить дорогу. Однако вместо этого они готовы за 8-10 тыс. руб. в месяц устроиться на любую работу в городе, в том числе на стройки в отдаленные районы, даже за пределами республики.

Представляется, что причина такого поведения односельчан – в непрестижности образа крестьянина, жителя села. Именно поэтому для изменения имиджа нами предлагается развивать и другое, формально считающееся несельскохозяйственным, направление деятельности в сельской местности – сельский туризм. Тем более что опыт приема гостей уже имеется, и специально для развития этого направления бизнеса в настоящее время приобретены 100 гектаров паевой земли. Из-за особенностей разрешенного законодательством использования сельскохозяйственной земли строить стационарное жилье на ней нельзя, но летние временные постройки вполне совместимы с ее назначением.

На наш взгляд, ориентация данного конкретного бизнеса все-таки предпочтительна не для жителей г. Набережные Челны из-за удаленности места расположения, а для жителей г. Нижнекамска, находящегося на другом берегу р. Кама. Действующая в летний период паромная переправа позволяет достаточно легко и в оригинальной форме реализовать данный проект.

Более того, именно развитие сельского туризма (особенно его разновидности – агротуризма, подразумевающего участие гостей в выращивании продукции), поддерживаемого государством в виде субсидий по кредитам в размере 100% ставки рефинансирования, делает проживание в семейных усадьбах, объединенных для этих целей в экологически чистые группы – экопоселения, интересными и привлекательными для молодежи. Именно участие молодых семей обеспечит рождение и воспитание нового, здорового телом и душой поколения, способного в полной мере реализовать заложенный в человеке потенциал совершенства.

Таким образом, полученные в ходе исследования и практической деятельности результаты оценки величины денежных доходов от продажи продукции подсобного хозяйства показывают хорошую перспективу реализуемости проектов использования семейных усадеб для развития на базе экопоселений сельского туризма. Устойчивость подобного способа функционирования экопоселений обеспечивается положительной обратной связью между доходами их жителей и экологической чистотой местности, оздоровительными свойствами продукции, психологической атмосферой в поселении.

Литература

1. Захаров В.В., Насыров И.Н., Мингазова Л.Р., Насырова З.К. Доходы с личного подсобного хозяйства [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Образование и наука Закамья Татарстана». 2010. № 16. Режим доступа: <http://kama.openet.ru:91>.
2. Мегре В.Н. Серия «Звенящие кедры России». Кн. 1-10. СПб.: Диля, 1998-2010.
3. О здоровье и питании [Электронный ресурс]: информация о возможности оздоровления посредством употребления выращенных собственноручно продуктов питания. 2009. Режим доступа: http://preobrazenie.ucoz.ru/load/sbornik_quotbesedy_s_ieshuaquot_chast_3/2-1-0-208/. Зарг. с экрана.

НАСЫРОВ ИСКАНДАР НАИЛОВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и бухгалтерского учета, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (ecoseti@yandex.ru).

NASYROV ISKANDER NAILOVICH – doctor of economics sciences, professor of Finances and Accounting Department, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

МИНГАЗОВА ЛИАНА РУСТАМОВНА – заведующая методическим кабинетом кафедры иностранных языков, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (liana-mingazova@yandex.ru).

MINGAZOVA LIANA RUSTAMOVNA – head of methodical study of foreign languages' faculty, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

НАСЫРОВА ЗИЛЯ КАМИЛОВНА – старший преподаватель кафедры маркетинга и менеджмента, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (nasyrova1972@mail.ru).

NASYROVA ZILYA KAMILOVNA – senior teacher of Marketing and Management's Department, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

МАРТЫНОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – соискатель учёной степени кандидата экономических наук, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (aliksey@rambler.ru).

MARTYNOV ALEKSEY NIKOLAEVICH – competitor of scientific degree of Economics Sciences candidate, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 336.663:636.5

В.И. НИКОЛАЕВ, В.В. ВЛАДИМИРОВ

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА В ПТИЦЕВОДСТВЕ

Ключевые слова: влияние финансового кризиса на сельскохозяйственное производство, оборотный капитал сельскохозяйственных организаций, эффективность оборотного капитала в птицеводстве.

Рассмотрено влияние финансового кризиса на экономические и финансовые показатели деятельности сельскохозяйственных организаций Чувашской Республики. Так, при ежегодном росте суммы выручки с 2005 по 2007 г. в среднем более чем на 10% уже с 2008 по 2009 г. объемы продаж снижались ежегодно на 9%, соответственно за 2 года – более чем на 18%, чистый финансовый результат в 2008 г. сократился в 2,4 раза. Приведены результаты анализа эффективности использования оборотного капитала в птицеводческих организациях. Проанализированы основные показатели финансово-экономической деятельности ведущего предприятия отрасли – ОАО «Чувашский бройлер». Обобщены меры, реализуемые на данном предприятии по повышению эффективности использования оборотного капитала, позволившие значительно улучшить его экономическое положение.

V.I. NIKOLAEV, V.V. VLADIMIROV

FINANCIAL CRISIS AND INCREASE OF EFFICIENCY OF WORKING CAPITAL USE IN POULTRY FARMING

Key words: influence of financial crisis on agricultural production, working capital of the agricultural organizations, efficiency of working capital in poultry farming.

Influence of financial crisis on economic and financial indicators of activity of the agricultural organizations of the Chuvash Republic is considered in the article. At annual average growth of the sum of gain in 2005-2007 more than 10%, volume sales in 2008-2009 have decreased annually on 9%, actually for 2 years more than 18% the pure financial results in 2008 was reduced for 2.4 times. Results of efficiency of working capital use in the poultry-farming organizations are shown. The basic indicators of financial and economic activity of leading enterprise of branch – Open Society «Chuvash broiler», are analysed. Measures generalized at the given enterprise for increase the efficiency of the working capital use allowed considerably to improve its economic situation.

Мировой финансовый кризис, возникший в 2008 г., оказал влияние и на сельскохозяйственное производство в России, хотя и в меньшей степени, чем на отрасли, более тесно связанные с мировым рынком. В основном это влияние обусловлено общим снижением спроса на товары, удорожанием сырьевых и других материальных и финансовых ресурсов.

Так, по данным Чувашстата, общая доля предприятий, завершивших год с прибылью, в сравнении с аналогичным показателем за 2007 г. даже выросла: в 2008 г. на 0,4 процентного пункта и составила 77,5%, а в 2009 г., соответственно, на 5,6 процентного пункта и выросла до 83,1% (табл. 1) [2].

Анализ свидетельствует об увеличении проблем сельскохозяйственных организаций в реализации выращенной продукции. Так, при ежегодном росте суммы выручки с 2005 по 2007 г. в среднем более чем на 10% уже с 2008 по 2009 г. объемы продаж снижались ежегодно на 9%, соответственно за 2 года более чем на 18%. Аналогично снизилась и рентабельность реализованной продукции: с

8,1% в 2007 г. до 2,9% в 2009 г. Основные причины такой ситуации – снижение цен закупок на производимую продукцию и рост ее себестоимости. Определенную положительную роль в смягчении последствий финансового кризиса сыграла государственная помощь, выделенная из бюджета сельскохозяйственным товаропроизводителям. Однако ее влияние на финансовое состояние сельскохозяйственных организаций, как показывают приведенные данные, незначительно. Так, начиная с 2008 г. наблюдается устойчивая тенденция снижения показателей финансового состояния сельскохозяйственных организаций (табл. 2) [2].

Таблица 1

**Основные экономические показатели сельскохозяйственных организаций
Чувашской Республики, млн руб.**

Показатели	Годы					2009 г. к 2005 г., %
	2005	2006	2007	2008	2009	
Выручка от продаж	3379,8	3736,6	4427,7	3750,0	3635,9	107,6
Себестоимость реализованной продукции	3062,9	3407,9	3991,9	3482,5	3439,7	112,3
Валовая прибыль	316,9	329,4	435,9	267,9	196,3	61,9
Коммерческие и управленческие расходы	55,4	89,0	104,6	62,9	93,4	168,6
Прибыль от продаж	261,4	240,4	331,2	204,6	102,9	39,4
Сальдо операционных доходов и расходов	-60	44,9	53,3	-69,5	107,1	-
Сальдо внереализованных доходов и расходов	69,1	0,1	-	0,1	-	-
Прибыль до налогообложения	270,5	285,4	384,5	135,2	210	77,6
Сумма прибыли	383,8	372,3	462,3	535,6	396,0	103,2
Удельный вес прибыльных организаций, %	64,1	75,3	77,1	77,5	83,1	+19 п.п.
Сумма убытка	113,2	86,9	77,8	400,4	186,1	164,4
Удельный вес убыточных организаций, %	35,9	24,7	22,9	22,5	16,9	-19 п.п.

Таблица 2

Финансовое состояние сельскохозяйственных организаций Чувашской Республики

Показатели	Годы					2009 г. к 2005 г., %
	2005	2006	2007	2008	2009	
Рентабельность реализованной продукции, %	8,4	6,9	8,1	5,8	2,9	-5,5 п.п.
Коэффициент текущей ликвидности	2,51	2,46	2,82	2,03	2,04	81,3
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,43	0,33	0,19	-0,035	-0,08	-
Коэффициент автономии	0,74	0,72	0,63	0,54	0,50	67,6

Из табл. 2 видно, что коэффициент текущей ликвидности, характеризующий обеспеченность текущих долгов предприятий оборотными активами, сократился на 0,8 единицы и составляет всего 2,04 (снижение на 28%). Хотя значение данного показателя находится в пределах норматива, высокая отрицательная динамика свидетельствует о возможных больших проблемах с платежеспособностью в ближайшем будущем. Кроме того, близость к крайнему нижнему пределу норматива текущей ликвидности говорит об отсутствии какого-либо запаса финансовой прочности у сельскохозяйственных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод о высокой угрозе потери финансовой самостоятельности крупных и средних предприятий отрасли. В целом финансовый кризис, как показал анализ данных, значительно ухудшил финансовое состояние сельскохозяйственных предприятий.

В данных условиях финансовое состояние отдельного сельскохозяйственного предприятия или отдельной подотрасли сельского хозяйства также испытывает отрицательное влияние макроэкономических факторов. В связи с этим проблема разработки антикризисных мер и обеспечения роста эффективности использования имеющихся оборотных средств предприятий приобретает особую

актуальность. Финансовая устойчивость и высокая результативность работы предприятия во многом зависят от его обеспеченности оборотными средствами.

Рациональное использование материальных оборотных средств занимает важное место в системе мер, направленных на повышение эффективности работы предприятия. Это объясняется тем, что основные и оборотные фонды имеют принципиальные различия по характеру участия в производственном процессе. Если первые многократно участвуют в процессе производства, то оборотные фонды – однократно, они полностью используются в каждом его цикле. Оборот основных фондов исчисляется годами, в то время как оборотные фонды и фонды обращения в течение года совершают, как правило, несколько оборотов. Следовательно, оборотные средства во многом определяют общие темпы и эффективность производства [1].

Основные показатели эффективности использования оборотных средств на птицефабриках Чувашской Республики приведены в табл. 3.

Таблица 3

**Эффективность использования оборотных средств
в птицеводческих организациях Чувашской Республики**

Птицеводческие организации	Коэффициент оборачиваемости обо- ротных средств, раз			Длительность оборота, дней			Коэффициент загрузки, руб.		
	годы								
	2007	2008	2009	2007	2008	2009	2007	2008	2009
ОАО Птице завод «Канашский»	1,76	2,7	1,80	207	176	170	0,57	0,48	0,55
ОАО Птицефабрика «Моргаушская»	2,19	2,72	3,10	166	134	120	0,46	0,37	0,35
ГУП ЧР Птицефабрика «Урмарская»	1,67	2,33	1,80	218	156	191	0,60	0,43	0,50
ОАО «Чебоксарский бройлер»	0,78	0,86	0,88	467	424	410	1,28	1,17	1,10
ОАО «Чувашский бройлер»	1,64	1,80	1,82	222	202	200	0,61	0,56	0,55
ООО «Чебоксарская птицефабрика»	0,45	0,43	0,49	811	848	744	2,20	2,33	2,03
Итого по птицефабрикам ЧР	1,71	1,10	0,85	213	331	420	0,58	0,91	1,18

Из табл. 3 видно, что наблюдается значительное снижение основных показателей эффективности использования оборотных средств. Так, коэффициент оборачиваемости снизился в целом по птицеводческой отрасли почти в 2 раза, соответственно выросла и длительность оборота. Аналогичные тенденции наблюдаются и по отдельным птицефабрикам. Однако на отдельных предприятиях есть и более благоприятные тенденции. Так, в ОАО «Чувашский бройлер», наоборот, наблюдается повышение эффективности использования оборотных средств. Это позволяет высвободить значительные денежные ресурсы и направить их на осуществление мероприятий по наращиванию производственных мощностей, решению социальных задач коллектива предприятия, результативную работу на финансовом рынке. Кроме того, лучшее использование оборотных средств приводит к высвобождению материальных ресурсов, в которых они были ранее размещены. В этом случае речь идет о значении повышения эффективности использования оборотных средств [1].

На сегодняшний день ОАО «Чувашский бройлер» – это одно из ведущих и перспективных предприятий в отрасли мясного птицеводства Чувашской Республики. На птицефабрике функционируют 24 птичника, из них 12 птичников по выращиванию бройлеров, 4 птичника по выращиванию ремонтного молодняка и 8 птичников по содержанию маточного поголовья.

Сегодня фабрика производит 90% мяса бройлеров от общего объема мяса птицы, получаемого в Чувашской Республике, выпускает более 80 наименований продукции, в том числе полуфабрикаты фасованные, рубленые, варено-копченые изделия, колбасы вареные, полукопченые. Постоянно рас-

тет сеть фирменных торговых точек и магазинов. Продукция пользуется большим спросом у покупателей как в Чувашии, так и за ее пределами. Она отмечена дипломами и наградами всероссийских и международных выставок продуктов питания. Основные производственно-экономические показатели деятельности птицефабрики и приведены в табл. 4.

Таблица 4

**Основные производственно-экономические показатели
деятельности птицефабрики ОАО «Чувашский бройлер»**

Показатели	Годы			2009 г. к 2007 г., %
	2007	2008	2009	
Выручка от продажи товаров, продукции, работ, услуг, тыс. руб.	407723	478526	542253	133
Себестоимость проданных товаров, продукции, работ, услуг, тыс. руб.	339247	451000	447697	132
Прибыль от продаж, тыс. руб.	68476	27526	94556	138
Рентабельность проданной продукции, %	20,18	6,10	21,12	+0,94 п.п.

Из табл. 4 видно, что за три анализируемых года предприятие значительно увеличило показатели своей деятельности: так, выручка выросла на 33%, прибыль – на 38%, рентабельность реализованной продукции – на 0,94 процентного пункта. Данные показатели свидетельствуют об успешном противодействии руководства предприятия общим кризисным тенденциям, наблюдаемым в отрасли в последние годы. Если в 2008 г., в 1-й год кризиса прибыль и рентабельность предприятия снизились по сравнению с аналогичными показателями за 2007 г., то в 2009 г. эти показатели смогли превзойти докризисный уровень. Об этом же свидетельствуют и финансовые показатели (табл. 5).

Таблица 5

Финансовое состояние ОАО «Чувашский бройлер»

Показатели	Оптимальное значение	Годы		
		2007	2008	2009
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,2-0,3	1,645	1,802	2,632
Коэффициент промежуточной ликвидности	0,8-1	4,479	3,971	5,884
Коэффициент текущей ликвидности	2-3	7,134	5,540	8,426
Коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженностей	0,9-1	5,253	4,259	8,149
Коэффициент автономии (независимости)	0,5-0,7	0,742	0,739	0,810
Коэффициент маневренности собственного капитала	0,3-0,5	0,433	0,346	0,342
Коэффициент обеспеченности собственными средствами	>0,1	0,609	0,609	0,721

Из табл. 5 видно, что в целом все показатели финансового состояния предприятия за анализируемый период значительно превышают нормативные значения. Причем превышение некоторых нормативных показателей свидетельствует о некоторых проблемах. Так, наибольшую проблему для предприятия составляет высокий коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженностей. За 2009 г. сумма дебиторской задолженности в 8,1 раза превышает сумму кредиторской. Наличие высокой суммы дебиторской задолженности сказывается и на показателях промежуточной и текущей платежеспособности. Они свидетельствуют о нерациональном вложении оборотного капитала. Отмечая высокие показатели, достигнутые предприятием в развитии птицеводства, и его ведущую роль в дальнейшем решении проблемы обеспечения населения республики мясной продукцией, необходимо все же дать ряд рекомендаций в целях повышения эффективности использования оборотных средств.

ОАО «Чувашский бройлер», осознавая важность перечисленных направлений повышения эффективности использования оборотных средств, уже реально работает по ним. Так, на предприятии постоянно обновляют породный состав родительского поголовья птицы – применяют самые последние дости-

жения генетики в птицеводстве и новые и высокопродуктивные кроссы родительских пар, способные обеспечить среднесуточные приросты бройлеров до 50-56 г и снизить срок их откорма до 40 дней. Также используются новые технологии приготовления кормов с применением биологических витаминно-минеральных добавок и премиксов. Данная технология позволяет сократить расход кормов с 2,5 до 2 ц к ед. на 1 ц прироста. Проводится работа по внедрению энерго- и ресурсосберегающих технологий содержания птицы. Так, внедрение ленточной системы пометоудаления и перевод птицеводческих корпусов на автономное отопление с помощью газогенераторов значительно уменьшит расход электроэнергии и другие затраты.

В целом работа по повышению эффективности использования оборотных средств продолжится и в дальнейшем. Это позволит предприятию преодолеть трудности финансового кризиса.

Литература

1. Моляков Д.С., Шохин Е.И. Теория финансов предприятий: учеб. пособие для вузов. М.: Финансы и статистика, 2009. 112 с.
2. Финансы Чувашской Республики 2010: стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. 112 с.

НИКОЛАЕВ ВАДИМ ИВАНОВИЧ – генеральный директор, ОАО «Чувашский бройлер»; аспирант, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары.

NIKOLAEV VADIM IVANOVICH – general director, Open Society «Chuvash broiler»; post-graduate student, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

ВЛАДИМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (ulay62@yandex.ru).

VLADIMIROV VLADIMIR VASILYEVICH – candidate of economics sciences, assistant professor, head of Finance and Credit Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

УДК 004.415.2

Н.В. НОВОЖИЛОВА, Л.А. АЛЯКИНА

ВОПРОСЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ*

Ключевые слова: информационное общество, информационные системы, анализ требований, проектирование информационных систем, функциональная модель, унифицированный язык моделирования.

Выявлена роль этапа проектирования в процессе разработки информационной системы. Представлена модель выполнения работ на этапах анализа требований и проектирования информационных систем. Проведен сравнительный анализ возможностей методологий бизнес-моделирования. Предложена схема организации работ по функциональному моделированию.

N.V. NOVOZHILOVA, L.A. ALYAKINA

THE QUESTIONS OF ENGINEERING OF INFORMATION SYSTEMS

Key words: information society, information systems, analysis of the requirements, engineering of information systems, functional model, unified modeling language.

Role of the stage of engineering is revealed within process of development of information systems. The model of the work execution at stage of the analysis of the requirements and engineering of information system is offered. Benchmark analysis of capacities methodology business-modeling is realized. Scheme of the order of work execution of functional modeling is offered.

Стремительное развитие процессов глобализации и информатизации общества в XXI в. способствует формированию глобального информационного общества, в котором создаются новые, беспрецедентные возможности для развития всех сфер деятельности человека.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-07-97009 п_Поволжье_а «Исследование и оптимизация подходов к разработке масштабируемых, настраиваемых и адаптивных прикладных производственных информационных систем»).

В 2008 г. Правительством РФ утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации». В этом документе определены стратегические направления развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствования системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. К их числу, в частности, относятся следующие [5]:

- стимулирование применения организациями и гражданами информационных и телекоммуникационных технологий;
- создание условий для развития конкурентоспособной отечественной индустрии информационных и телекоммуникационных технологий, средств вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения;
- привлечение инвестиций для развития российской отрасли информационных и телекоммуникационных технологий.

Инвестиционные проекты по разработке и внедрению информационных систем на предприятиях традиционно принято считать высокорисковыми. Причиной возникновения рисков в ИТ-проектах, как правило, является неготовность предприятий к реализации подобных проектов. По экспертным оценкам [3], в России каждый десятый проект по внедрению ERP-системы не доводится до завершения. Результаты примерно 50% проектов не соответствуют ожиданиям заказчиков. В 30% ИТ-проектов происходит превышение используемых ресурсов (временных, финансовых и прочих) более чем на треть. Лишь каждый двадцатый проект по внедрению корпоративной информационной системы ERP-класса завершается в срок, вписывается в бюджет и обеспечивает полную функциональность. Важнейшими факторами успешной реализации подобных проектов являются грамотное и качественное выполнение работ по анализу требований и проектированию информационных систем. Начальные фазы разработки информационных систем оказывают решающее влияние на ее итоги, поскольку качество проектных решений определяет качество разрабатываемой системы.

Назначение корпоративных ERP-систем состоит в сопровождении, обеспечении поддержки и контроля исполнения основных бизнес-процессов компании. Поэтому главной задачей специалистов по системному анализу и проектированию информационных систем является адекватное «отображение» реальных бизнес-процессов предприятия в разрабатываемом программном обеспечении.

Таким образом, базовыми принципами повышения инвестиционной привлекательности российской отрасли информационных и телекоммуникационных технологий должны стать непрерывное совершенствование, оптимизация, регламентация и внедрение в практику единых стандартизованных подходов к проведению системного анализа и проектирования информационных систем, позволяющих существенно снизить риски ИТ-проектов.

К настоящему времени в России разработаны и действуют несколько стандартов, регламентирующих процесс разработки информационных систем. Одним из наиболее актуальных является стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207 «Процессы жизненного цикла программных средств» [1], определяющий на верхнем уровне фундаментальные цели процессов разработки программного обеспечения.

На основе требований этого стандарта нами построена функциональная модель, отражающая действия и задачи, стоящие перед разработчиком на этапах анализа и проектирования информационной системы (рис. 1).

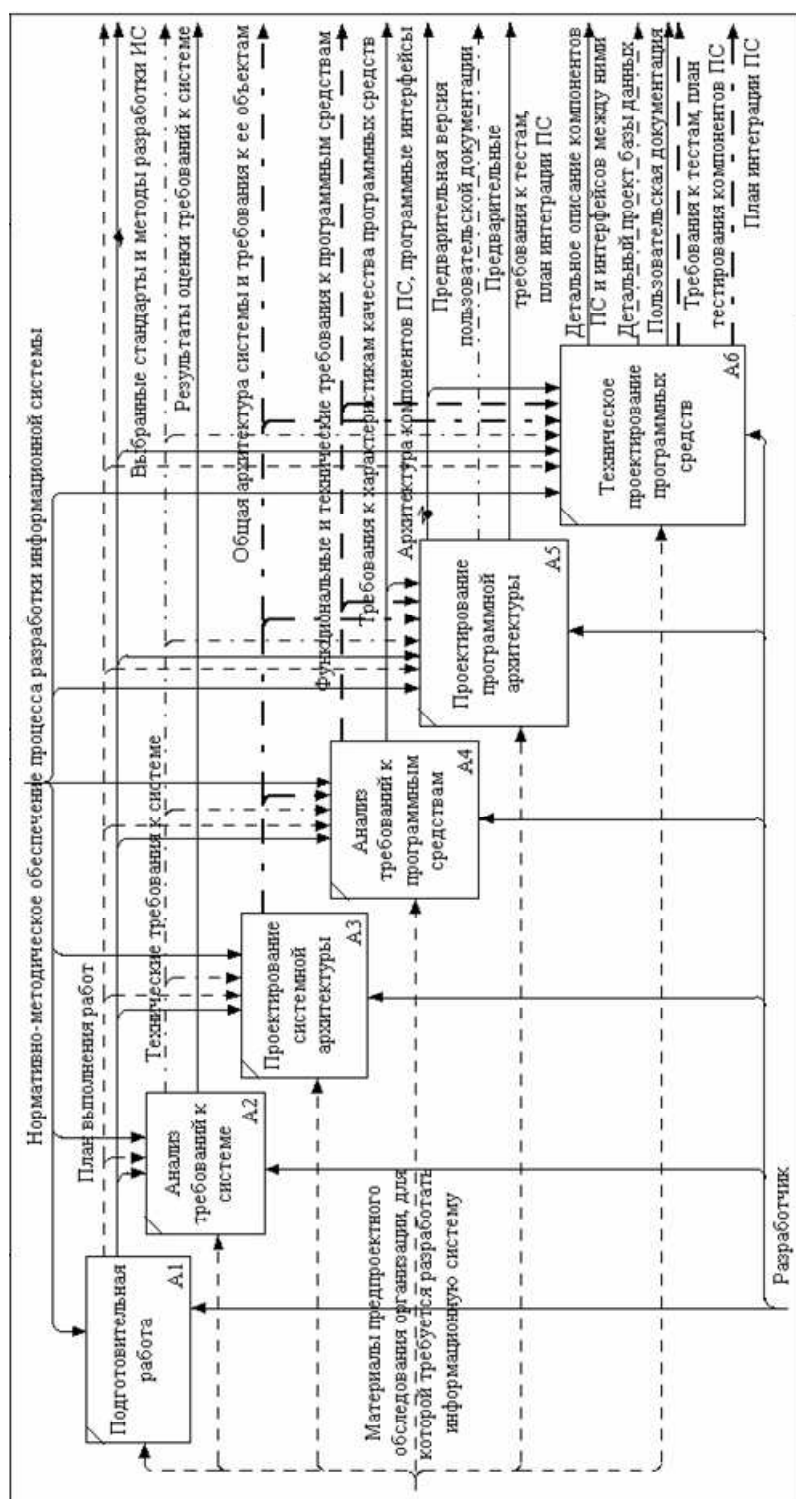

Рис. 1. Функциональная модель этапов анализа требований и проектирования в процессе разработки информационной системы

Диаграмма, представленная на рис. 1, построена в соответствии с методологией IDEF0. Она отображает логику выполнения проектных работ. Каждый процесс, действие или задача инициируется и выполняется другим процессом, преобразуя некоторые входные данные в выходные. Каждый функциональный блок модели детализирован, представлен в виде иерархии взаимосвязанных функциональных блоков на нижних уровнях декомпозиции. Таким образом, нами построена полная функциональная модель, включающая набор иерархически упорядоченных диаграмм, которая детально описывает весь комплекс работ, выполняемых в процессе проектирования информационной системы.

Диаграмма декомпозиции функционального блока «Анализ требований к системе», в частности, включает функцию «Моделирование и анализ бизнес-процессов», которая, в свою очередь, разбивается на следующие составляющие:

- моделирование и анализ основных бизнес-процессов подразделения предприятия;
- моделирование и анализ процессов управления реализующих функцию планирования для подразделения предприятия;
- моделирование и анализ процессов управления, реализующих функцию учета для подразделения предприятия;
- моделирование и анализ процессов управления, реализующих функцию анализа для подразделения предприятия.

В настоящее время при моделировании основных, вспомогательных и управленческих бизнес-процессов, документальных и информационных потоков, а также других аспектов деятельности подразделений предприятий, как правило, применяются следующие графические нотации и методологии: ARIS eEPC, IDEF0, IDEF3, DFD, BPMN, диаграммы унифицированного языка моделирования UML.

В таблице приведены результаты сравнительного анализа возможностей базовых методологий бизнес-моделирования.

На основе анализа возможностей, достоинств и недостатков различных методологий моделирования бизнес-процессов можно сделать вывод о том, что решение задачи проектирования корпоративной информационной системы предприятия, характеризующейся высокой сложностью, масштабируемостью, динамичным развитием, требует разработки моделей в различных графических нотациях, в общем случае, с использованием различных CASE-средств. При этом возникает необходимость одновременного решения проблемы совместимости CASE-средств и взаимосвязанности построенных моделей.

Выбор той или иной методологии моделирования в каждом конкретном случае зависит от целей, стоящих перед разработчиком. Так, в процессе анализа требований к проектируемой информационной системе наиболее часто используется нотация функционального моделирования IDEF0.

Нотация IDEF0 визуального моделирования позволяет наглядно представить логику выполнения бизнес-процесса, в частности, порядок преобразования входных ресурсов в результаты, а также легко выявить на основе построенной модели различные недостатки моделируемого процесса. Типичными примерами узких мест в организации выполнения бизнес-процессов на предприятии, выявляемых в процессе системного анализа функциональных моделей, являются: недостаточно эффективное управление, дублирующие, избыточные или неэффективные работы, нерационально используемые ресурсы. В процессе анализа функциональной модели «как есть» часто вы-

ясняется, что обработка информации неэффективна или что важная информация не доходит вовремя до соответствующего рабочего места. Признаком неэффективной организации работ может являться, например, отсутствие в модели IDEF0 обратных связей по входу и управлению.

Сравнительный анализ возможностей нотаций бизнес-моделирования

Характеристика	IDEF0	UML	ARIS eEPC	BPMN
Эффективность восприятия графического отображения моделей	средний уровень	средний уровень	высокий уровень	высокий уровень
Моделирование организационных диаграмм различных типов	частично реализовано	частично реализовано	частично реализовано	не реализовано
Создание процессных моделей, отражающих динамику поведения системы	реализовано	реализовано	реализовано	реализовано
Создание статических моделей, отражающих структуру системы	не реализовано	реализовано	не реализовано	не реализовано
Обеспечение связи между фазой проектирования бизнес-процесса и фазой его реализации	не реализовано	не реализовано	не реализовано	реализовано
Соответствие объектно-ориентированному подходу к проектированию информационных систем	не реализовано	реализовано	не реализовано	не реализовано

В соответствии со структурно-ориентированной методологией проектирования информационных систем предполагается:

- построение модели «как есть», отражающей реальное положение дел на предприятии;
- анализ и выявление недостатков существующих бизнес-процессов на основе модели «как есть»;
- построение одной или нескольких моделей «как должно быть»;
- выбор на основе всестороннего анализа и обсуждения оптимальной модели, которая будет использоваться при построении корпоративной информационной системы предприятия.

Вопросы, связанные с осуществлением функционального моделирования при проектировании информационных систем, рассматриваются в работах различных авторов. Так, например, В.И. Дубейковский [2] приводит состав участников работ по функциональному моделированию, требования к их профессиональным навыкам, а также достаточно подробно освещает вопросы организации работ в процессе функционального моделирования. Методики осуществления процессного моделирования и анализа моделей «как есть» и «как должно быть» рассматриваются в работе [4].

По нашему мнению, оптимальной, с точки зрения организации процесса функционального моделирования, является следующая обобщенная последовательность выполнения работ:

1. Подготовка плана проведения работ по функциональному моделированию.
2. Сбор необходимой информации.
3. Разработка технического задания на функциональное моделирование.
4. Разработка функциональной модели в соответствии с целью, заданными границами и точкой зрения на высоком уровне достоверности.
5. Согласование проекта функциональной модели с экспертами предметной области.
6. Рецензирование разработанной функциональной модели с целью обеспечения ее корректности.

7. Анализ хода выполнения бизнес-процессов на соответствие разработанной функциональной модели.

8. Разработка технического заключения по функциональной модели.

На рис. 2 изображена схема организации работ по функциональному моделированию. Модель представляет собой диаграмму вариантов использования, выполненную в графической нотации унифицированного языка визуального моделирования UML. Она отражает взаимодействие участников процесса функционального моделирования и их роли:

- заказчик разработки, обеспечивающий доступ к необходимой информации;
- руководитель разработки, осуществляющий общее управление работами;
- системный аналитик, непосредственно осуществляющий функциональное моделирование с использованием специализированных CASE-средств;
- рецензент, обеспечивающий корректность функциональной модели с точки зрения методологии моделирования;
- эксперт, обеспечивающий корректность отражения в функциональной модели специфических аспектов предметной области, неизвестных системному аналитику;
- библиотекарь, обеспечивающий документооборот в процессе разработки функциональной модели, в частности копирование, рассылку и хранение документации.

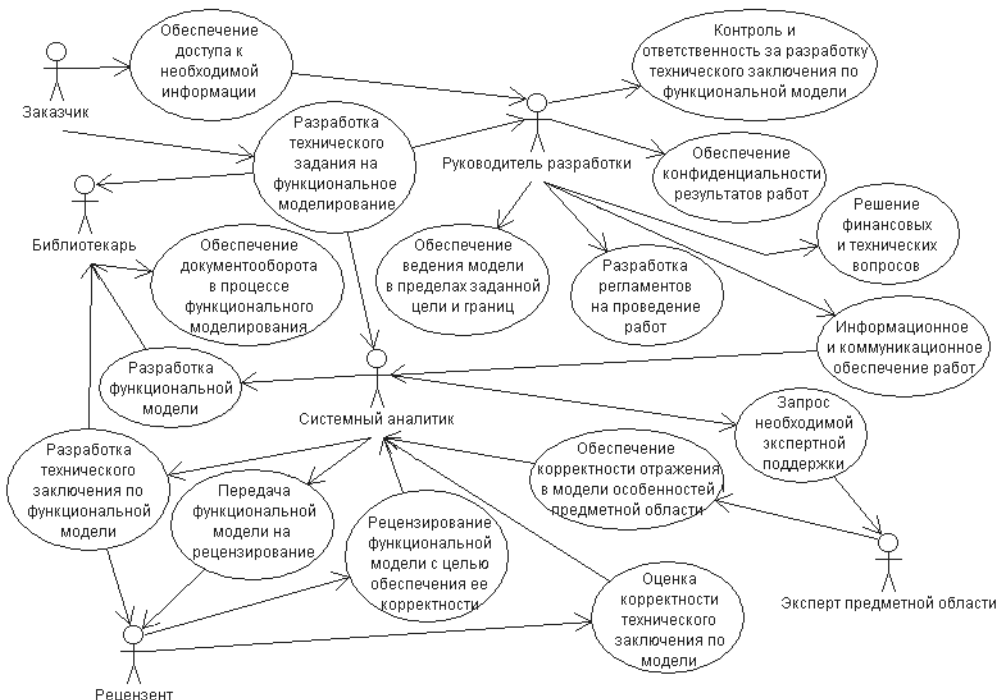

Рис. 2. Схема организации работ по функциональному моделированию информационных систем в графической нотации UML

Модели бизнес-процессов, выполненные в различных графических нотациях, в ряде случаев удобно использовать для эффективного описания окру-

жения проектируемой информационной системы. Между тем важную роль в любой системе играет информация о потоках информационных, материальных, финансовых и других видов ресурсов, обслуживающих систему. Поэтому имеет смысл исследовать не просто модель системы, а ее информационную модель, детализированную до уровня функций, а также модель потоков данных системы.

Приведенный краткий обзор аспектов проектирования информационных систем указывает на необходимость непрерывного совершенствования и стандартизации методологий и подходов к проведению проектных работ с целью существенного повышения эффективности разработки программного обеспечения информационных систем и снижения уровня рисков ИТ-проектов.

Основными задачами, решению которых должна способствовать новая методология проектирования информационных систем предприятия, являются следующие:

- обеспечение создания информационных систем, отвечающих требованиям по автоматизации бизнес-процессов, предъявляемым заказчиками;
- создание систем с заданным качеством в заданные сроки и в рамках установленных бюджетов;
- поддержка удобных механизмов сопровождения, масштабирования информационных систем, а также их адаптации к изменениям, которым могут подвергаться бизнес-процессы предприятия.

Совершенствование методологии проектирования информационных систем должно приводить к снижению трудоемкости процесса разработки и сопровождения программной системы за счет полного и точного описания этого процесса, повышения качества проектных решений, а также применения современных методов и инструментальных средств на всем жизненном цикле информационной системы.

Литература

1. ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207-99 Процессы жизненного цикла программных средств.
2. Дубейковский В.И. Эффективное моделирование с AllFusion Process Modeler 4.1.4 и AllFusion PM. М.: ДИА-ЛОГ-МИФИ, 2007. 384 с.
3. Кашкин В., Петрова Ю. В группе риска [Электронный ресурс] // Эксперт. 2003. №37 (390). Режим доступа: http://eng.expert.ru/expert/2003/37/37tex-egr_21433/.
4. Новожилова Н.В. Особенности проектирования дружественных интерфейсов для пользователей-экономистов // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 441-444.
5. Менеджмент процессов / под ред. Й. Беккера, Л. Вилкова, В. Таратухина, М. Кугелера, М. Роземанна; пер. с нем. М.: Эксмо, 2007. 384 с. (Качественный менеджмент).
6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212): офиц. текст / Российская газета. – Федеральный выпуск. 2008. № 34 (4591).

НОВОЖИЛОВА НИНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент, заместитель руководителя Центра дополнительного образования, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mallin@mail.ru).

NOVOZHILOVA NINA VASILYEVNA – candidate of economics sciences, assistant professor, deputy head of the Center of additional education, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

АЛЯКИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (almila5@rambler.ru).

ALYAKINA LYUDMILA ALEKSANDROVNA – senior teacher of Information Systems Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 330.322.3: 338.49

В.В. ПЧЁЛКИНА, Н.Н. КУЗЬМИНА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ИНСТИТУТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Ключевые слова: государство, частный сектор, регион, государственно-частное партнерство, региональный центр государственно-частного партнерства, инвестиции, социально-экономическое развитие.

Государственно-частное партнерство сегодня переживает настоящий бум. В субъектах Российской Федерации при региональных правительствах стали создаваться специализированные центры государственно-частного партнерства. Их основная задача – налаживание партнерских отношений между правительствами и деловым сообществом в целях обеспечения притока инвестиций в региональную экономику.

V.V. PCHELKINA, N.N. KUZMINA

THE REGIONAL CENTERS OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP AS INSTITUTES OF THE INVESTMENT INFRASTRUCTURE

Key words: state, private sector, region, state-private partnership, regional centre of state-private partnership, investments, social and economic development.

Today the state-private partnership worries the present boom. In subjects of the Russian Federation the specialised centres of state-private partnership began to be created at the regional governments. Their primary goal is the adjustment of partner relations between the governments and business community with a view of maintenance of inflow of investments into regional economy.

Требование к обеспечению ускоренной модернизации экономики в условиях ограниченности бюджетных средств на федеральном и субфедеральном уровнях приводит к смене логики государственной инвестиционной политики. Если ранее бытовало представление о том, что финансирование инфраструктурных инвестиционных проектов в регионах должно происходить либо за счет только бюджетных средств – через долгосрочные целевые программы, либо с использованием субсидий Инвестиционного фонда Российской Федерации, либо за счет частных инвестиций, то теперь стало ясно, что налаживание партнерских отношений между правительствами и деловым сообществом может стать стимулом для притока инвестиций в инфраструктуру.

Такого рода партнерские отношения между государствами и частным сектором принято называть государственно-частным партнерством (ГЧП). В целом ГЧП можно определить как социально-экономические отношения, возникающие между государством и частным сектором по поводу разработки, планирования, финансирования, строительства и эксплуатации объектов инфраструктуры. Эти отношения, как правило, носят долгосрочный характер и ориентированы на привлечение дополнительных источников финансирования и обеспечения социально-экономического развития экономики муниципалитета, региона.

Институты ГЧП стали достаточно популярным инструментом обеспечения притока инвестиций, в том числе и иностранных. Наиболее широкое распространение ГЧП получило в Европе и США. Однако за последнее десятилетие инструменты ГЧП стали активно использовать и в странах Центральной Азии, государствах бывшего Советского Союза, в том числе и России.

ГЧП в настоящее время переживает бум. Механизмы ГЧП позволяют реализовать все преимущества государственного сектора (учет интересов населения, приведение в исполнение принятых решений и функция регулирования) и частного сектора (его ресурсы, управленческий потенциал, инновации) для достижения реальных положительных результатов в социальной сфере.

Применение механизмов ГЧП характеризуется следующими плюсами:

– они позволяют правительствам привлекать остро необходимые инвестиции на развитие сферы услуг без повышения при этом налогов или объемов за-

имствований, и, как мультипликативный эффект, растет приток инвестиций и в другие «несоциальные» сектора экономики, в целом обеспечивается рост региональной экономики;

- они хорошо зарекомендовали себя в плане своевременного выполнения проектов с соблюдением установленных требований;

- они обеспечивают обмен управленческими знаниями и опытом в целях поиска новаторских решений;

- обеспечивают оптимальное перераспределение рисков, где каждая из сторон берет на себя те риски, с которыми она наиболее грамотно может справиться.

С другой стороны, механизму ГЧП свойственны и негативные моменты:

- государство может стать заложником своих обязательств перед партнером;

- частный сектор стремится переложить основные риски на государство, как участника, обладающего административно-властными полномочиями;

- механизмы ГЧП можно применять только в определенных пределах.

При использовании механизмов ГЧП важно получать от них максимальную отдачу и свести к минимуму присущие им риски, причем параллельно с этим создавать в государственном аппарате мощный управленческий потенциал в интересах оптимального распределения рисков. Это крайне важно ввиду того, что одним из главных тормозов на пути развития механизмов ГЧП является отсутствие квалифицированных специалистов в государственном аппарате по вопросам разработки, подготовки, финансирования и реализации таких проектов.

С целью решения данной проблемы и наиболее эффективной координации совместных действий государства и бизнеса в субъектах Российской Федерации стали создаваться Центры государственно-частного партнерства. Данная задача была отмечена еще в Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г., где сказано: «...организовать на региональном уровне системы взаимодействия по реализации приоритетных инвестиционных проектов, которая должна включать как организацию взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций, так и интеграцию финансовых ресурсов бюджетов всех уровней, средств государственных корпораций, средств частных инвесторов, привлечения заемных средств».

Конкретная работа региональных центров государственно-частного партнерства состоит в:

- отборе проектов, реализуемых на условиях ГЧП;

- оценке эффективности проектов с точки зрения потребностей регионального развития;

- представлении проектов на утверждение региональным властям;

- подготовке конкурсов, утверждении контрактной и иной документации;

- создании условий для финансового закрытия сделок в рамках проектов;

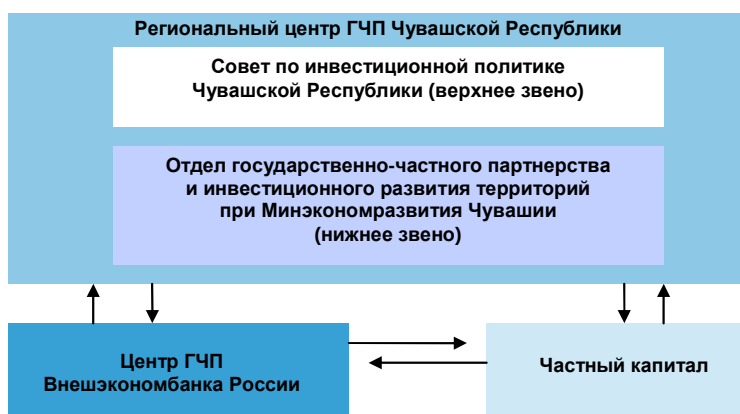
- мониторинга реализации проектов и регулировании условий контрактов.

Региональные центры государственно-частного партнерства являются частью структуры органа исполнительной власти региона, отвечающего за проведение региональной социально-экономической политики и осуществляющего координацию за экономическими процессами в регионе. Деятельность регионального центра государственно-частного партнерства направлена на обеспечение социально-экономического развития региона. Он обладает компетенцией и бюджетом для ведения деятельности по организации инвестиционных проектов на принципах ГЧП.

На данный момент региональные центры ГЧП созданы в 8 субъектах РФ: Курганской, Владимирской, Белгородской, Кировской, Пензенской, Ульяновской областях, Пермском крае, Чувашской Республике.

Наиболее готовы к созданию центров государственно-частного партнерства Иркутская, Нижегородская, Новосибирская, Вологодская, Рязанская, Челябинская, Астраханская, Ленинградская, Калининградская, Ивановская области, Краснодарский край, республики Карелия, Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Кабардино-Балкария и Удмуртия.

В Чувашской Республике региональный центр государственно-частного партнерства создан при Министерстве экономического развития и торговли в 2009 г., деятельность его регламентирована Постановлением Кабинета министров Чувашской Республики от 16 октября 2009 г. № 328 (рисунок). Координирующей структурой является отдел государственно-частного партнерства и инвестиционного развития территорий Минэкономразвития Чувашии.

Структура регионального центра ГЧП Чувашской Республики

Региональный центр государственно-частного партнерства представляет собой двухуровневую структуру, состоящую из рабочего органа (нижнее звено) и коллегиального органа (верхнее звено). Первый (нижний) уровень центра представляет отдел государственно-частного партнерства и инвестиционного развития территорий при Минэкономразвития Чувашии. Задача отдела состоит в проведении аналитической работы для выработки решений по вопросам развития ГЧП (в частности, анализ стратегии социально-экономического развития региона, определение перечня приоритетных для региона проектов ГЧП, организация работы с потенциальными партнерами и консультантами).

Вторым (верхним) звеном регионального центра ГЧП является Совет по инвестиционной политике Чувашской Республики, состав которого сформирован из представителей власти, бизнеса, финансовых институтов, инвестопроводящих структур. Совет по инвестиционной политике Чувашской Республики принимает решения на основании разработанных отделом государственно-частного партнерства и инвестиционного развития территорий Минэкономразвития Чувашии предложений (об утверждении перечня приоритетных инвестиционных проектов ГЧП регионального значения, об утверждении концепций и графиков подготовки конкретных проектов с определением обязательств всех входящих в состав комиссии министерств и ведомств и т.д.).

Задачи регионального центра ГЧП Чувашской Республики состоят в следующем:

- выработка государственной политики Чувашской Республики для решения задач социально-экономического развития региона;

- поддержка наиболее значимых для Чувашской Республики инфраструктурных проектов республиканского и муниципального значения через использование инструментов государственно-частного партнерства;

- управление инфраструктурными проектами на принципах государственно-частного партнерства, получившими поддержку;

- координация деятельности органов исполнительной власти Чувашской Республики и органов местного самоуправления в сфере развития государственно-частного партнерства, обеспечения их взаимодействия с органами местного самоуправления и Центром государственно-частного партнерства Внешэкономбанка;

- взаимодействие с государственными институтами развития, частными субъектами, финансирующими структурами и прочими участниками рынка по вопросам организации ГЧП;

- разработка региональных (муниципальных) программ развития ГЧП;

- подготовка и переподготовка кадров государственного и муниципального управления в области ГЧП;

- развитие региональной нормативно-правовой базы, направленной на развитие и регулирование институтов государственно-частных партнерства.

Несмотря на то, что Чувашская Республика стала одним из первых регионов, где был создан центр государственно-частного партнерства, в республике продолжают отсутствовать специальные нормативно-правовые акты в области ГЧП. Соответствующее законодательство принято лишь в следующих субъектах Российской Федерации: г. Москва и г. Санкт-Петербург, Нижегородской, Воронежской, Кировской областях, Ямало-Ненецком АО, которые активно реализуют инфраструктурные проекты на принципах ГЧП. К примеру, г. Санкт-Петербург стал использовать инструменты ГЧП еще в начале нового столетия и на данный момент среди субъектов Российской Федерации стал лидером по числу успешно реализованных ГЧП проектов.

Развитие и эффективное использование института государственно-частного партнерства – залог экономического роста регионов. В этой связи государственно-частное партнерство выходит на первый план в создании благоприятных условий для устойчивого экономического развития региона, не зависящего от цен на нефть, и диверсификации хозяйствования за счет создания инновационных производств с использованием механизмов государственно-частного партнерства, способного обеспечить увеличение частных инвестиций в региональную экономику.

Вместе с тем для того, чтобы данные механизмы развивались необходимыми темпами, интересы государства должны быть согласованы с интересами частного бизнеса, а также создана прогрессивная система инструментов поддержки инвестора, которая по степени укомплектованности будет приближена к инвестиционным системам развитых и наиболее успешно развивающихся стран.

В настоящий момент наиболее широкому использованию механизмов ГЧП в регионах сегодня препятствуют следующие факторы:

- 1) отсутствие в регионах квалифицированно подготовленных проектов;
- 2) недостаточная квалификация кадров;
- 3) предпочтение модели использования бюджетного финансирования;
- 4) отсутствие на местах координации в деятельности министерств и ведомств, отвечающих за соответствующие инвестиционные проекты;
- 5) несогласованность в разработке нормативно-правовых актов по ГЧП;
- 6) отношение к механизмам ГЧП как к универсальному инструменту обеспечения экономического роста – «синдром панацеи».

Для устранения этих сдерживающих факторов и необходимы региональные центры ГЧП, которые могут быть созданы в виде отдельных комитетов, центров, советов и т.д. в области ГЧП, ранее существовавшие структурные подразделения также могут быть наделены новыми полномочиями.

Тем не менее, несмотря на активные действия регионов по использованию механизмов ГЧП для реализации инфраструктурных проектов и привлечению частного капитала в регионы, все эти усилия оказываются успешными лишь в том случае, если этот инфраструктурный проект будет представлять общероссийский интерес. И в реализации данного проекта будет в первую очередь заинтересовано федеральное правительство, так как проект социально значим для страны и открывает новые возможности не только для экономики региона, на территории которого он реализуется, но и для комплексного социально-экономического развития определенной территории в целом. И федеральное правительство в этом случае выступает своего рода гарантом – этот проект будет доведен до конца и будет успешным. Однако, как правило, большинство проектов, которые регионы предлагают частному инвестору, не столь масштабны и не столь рентабельны. Тем более в отличие от федерального центра у регионов нет таких административных и финансовых возможностей.

Нормативно-правовой базой, в соответствии с которой регионы реализуют ГЧП проекты, являются Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон о концессионных соглашениях, а на региональном уровне – закон о государственно-частном партнерстве. «Скудный» региональный бюджет не позволяет все же на равных с частным инвестором участвовать в реализации инвестиционного проекта.

Таким образом, развитие институтов ГЧП и их эффективное использования невозможны без единой нормативной базы, а именно без специального федерального законодательства, которое бы регламентировало деятельность в форме ГЧП в стране. Необходима законодательная база, в соответствии с которой регионы строили бы свои отношения с бизнесом и решали бы споры, возникающие в ходе реализации ГЧП-проектов. И только в этом случае между бизнесом и властными структурами будут выстраиваться партнерские договорные отношения, и региональные центры государственно-частного партнерства станут эффективным институтом привлечения в регионы так необходимых для них инвестиций.

Литература

1. Дерябина М. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 61-77.
2. www.government.ru – официальный сайт Правительства Российской Федерации.
3. www.economy.chuv.ru – официальный сайт Министерства экономического развития и торговли Чувашской Республики.
4. www.minregion.ru – официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации.
5. www.vrb.ru – официальный сайт Внешэкономбанка.

ПЕЧКИНА ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oper@chuvsu.ru).

PECHKINA VALENTINA VIKTOROVNA – doctor of economics sciences, professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

КУЗЬМИНА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kuzminanadegda@rambler.ru).

KUZMINA NADEZHDA NIKOLAEVNA – post-graduate student of Economics Theory Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 330.33

Л.П. САЖНЕВА

ПРОЦЕСС СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНА

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегический план, технологические процедуры планирования.

Изучены функционирование системы стратегического планирования и реализация разделов стратегического плана предприятий отраслевых составляющих сферы услуг.

L.P. SAZHNEVA

STRATEGY PLANNING AND STRATEGIC PLAN IMPLEMENTATION

Key words: strategic planning, strategic plan, technology procedures for planning.

This article is about functioning of strategy planning system and implementation of sections of strategic plan for service industry branch forming companies.

В настоящее время отсутствуют какие-либо устоявшиеся теоретические положения о применении одинакового или различного состава технологических процедур к процессу стратегического планирования и составлению стратегического плана.

Следует отчасти согласиться с утверждением ряда ученых-экономистов о том, что очень трудно определить, где момент, когда кончается процесс стратегического планирования и начинается процесс реализации стратегического плана [1]. В данном утверждении авторов трудности установления начала и завершения плана, а также процесса планирования стратегически ориентированной социально-экономической системы на достижение наибольших экономических и иных результатов в долгосрочном развитии связаны не с единством осуществления процесса стратегического планирования и реализуемого стратегического плана, а в трудностях вычленения одного (плана) из другого (процесса планирования), что имеет содержательную двойственность процессов реализации стратегического плана и технологии осуществления стратегического планирования.

Процесс взаимодействия технологических и ресурсных составляющих в системе стратегического планирования и реализации сформированных разделов стратегического плана социально-экономического долгосрочного развития должен осуществляться одновременно. При этом не должно быть положения, при котором часть разделов формируемого стратегического плана именовалась бы процессом стратегического планирования, как это предлагается некоторыми учеными-экономистами [2].

Так, например, такие разделы стратегического плана развития хозяйствующего субъекта, как цели и задачи развития, текущие операции, базовая стратегия и стратегические альтернативы, отнесены к стратегическому планированию. Стратегический план предприятия в дополнение к разделам «осуществление стратегического планирования в долгосрочном периоде времени» у авторов включил разделы: формирование стратегий подразделений (функциональных и линейных) предприятия; выполнение инвестиционных проектов; внешнеэкономическая деятельность; ресурсное распределение; формирование систем быстрого реагирования на изменения состояния нестабильной макросреды.

Предлагаемое авторами закрепление разделов стратегического плана за процессом стратегического планирования и остальных разделов индикативного плана, по своей содержательной направленности практически ничем не отличающегося от текущего (годового) плана хозяйствующего субъекта, на наш взгляд, не может быть приемлемо ни для целевой ориентации на достижение максимально возможных экономических и иных результатов в долгосрочном периоде при наступлении негативных последствий влияния факторов внешней

среды в процессе стратегического планирования, ни для экстраполяционного развития сложившихся тенденций социально-экономического развития субъекта хозяйствования, обеспечиваемого имеющимися ресурсным, организационным и конкурентным потенциалами, сбалансированными с планово-расчетными экономическими и иными результатами долгосрочного периода развития.

Следует также отметить, что процесс стратегического планирования и реализации разделов стратегического плана должен иметь определенные ограничительные интервалы времени, в течение которых должны завершиться основные стадии экономического роста жизненного цикла объекта стратегического планирования.

Кроме того, взаимодействие стратегического и перспективного планирования развития социально-экономической системы, характеризующееся высоким уровнем обоснования возможности достижения на экстраполяционной основе экономического и иного результата в формируемом перспективном плане и обеспечения реальности достижения такого ориентира экономической результативности в процессе стратегического планирования в условиях существенных изменений состояния макросреды по сравнению с ретроспективными изменениями, содействует увеличению потенциальных возможностей менеджмента в установленном временном периоде последовательно осуществлять стратегический план и, в соответствии с этим, расширять рамки интервала времени, ограничивающего период достижения установленного ориентира экономической результативности в процессе стратегического планирования. В то же время необходимо придерживаться принципа непрерывности стратегического планирования долгосрочного развития локальных и отраслевых социально-экономических систем сферы услуг.

Поэтому ограничение во времени достижения ориентира экономической результативности, установленного в перспективном индикативном плане, в условиях нестабильного функционирования макросреды, в процессе стратегического планирования развития социально-экономической системы не должно характеризоваться как дискретность процесса стратегического планирования, а представлять лишь этап экономического роста, поддержания непрерывности последующих изменений результативности развития социально-экономической системы.

Объединение процессов стратегического планирования и реализации стратегического плана социально-экономического развития субъекта хозяйствования, экономического вида деятельности сферы услуг возможно на основе того состава технологических процедур стратегического планирования, который обеспечивает не только стратегическую ориентацию локальной и отраслевой социально-экономической системы на достижение максимального возможного экономического результата, эффективности процесса оказания услуг, но и выполнение стратегического плана, основная целевая направленность которого также состоит в достижении планируемых экономических результатов, эффективности процесса оказания услуг в долгосрочном периоде.

В состав технологических составляющих стратегического планирования развития социально-экономических систем, которые могут оказывать прямое и опосредованное воздействие на их экономический, финансовый результат, достигаемый в долгосрочном периоде в условиях высокой нестабильности внешней среды, на наш взгляд, можно включить:

– формулируемое (или генерируемое) ведущими менеджерами и квалифицированными специалистами стратегическое видение своего предприятия, отраслевой составляющей сферы услуг в средне-, долгосрочном периоде времени;

– устанавливаемую миссию (предназначение) хозяйствующего субъекта, экономического вида деятельности сферы услуг, характеризующую процесс оказания услуг в долгосрочном периоде с позиции как основных видов оказываемых услуг, так и диверсифицированных в соответствии с изменяющимися вкусами и предпочтениями потребителей сопутствующих услуг и товаров, позволяющих успешно позиционировать на рынке услуг, расширять свою долю на занимаемом сегменте рынка;

– логико-вербальную форму стратегической цели социально-экономического долгосрочного развития организационно-правовой структуры, экономического вида деятельности сферы услуг, включающую количественные и качественные идентификаторы экономической, финансовой и социальной результативности, а также реализацию тех направлений развития, которые обеспечивают для локальной или отраслевой социально-экономической системы расширение состава конкурентных преимуществ, занятие ведущих (приоритетных) мест на рынке услуг;

– состав частных и обобщающей (базовой) стратегий, формируемых менеджментом социально-экономической системы сферы услуг в целях противодействия (нейтрализации и нивелирования) влиянию негативных факторов внешней и внутренней сред, инициативного повышения темпов экономического роста на основе располагаемого ресурсного, конкурентного и организационного потенциала, использование потенциальных возможностей для этого, складывающихся во внешней среде;

– постоянный мониторинг изменений состояния макросреды на основе прямой и опосредованной информации об изменениях в определенных интервалах и в неопределенном времени, по результатам которого должны приниматься комплексные меры для изменения состава частных стратегий, усиления их влияния на достижение экономических, финансовых и социальных результатов в долгосрочном периоде времени, модернизации обобщающей стратегии на основе рационализации ресурсопотребления, повышения экономической и иной результативности, эффективности процесса оказания услуг.

Однако одной из основных технологических процедур процесса стратегического планирования, реформирования и реализации стратегического плана выступает стратегический анализ состояния внешней и внутренней сред, в процессе которого должны быть получены результаты экономического, финансового, инновационного и информационно-аналитического характера, используемые в целях адекватного содержательного наполнения формулируемых других технологических процедур стратегического планирования.

Ряд авторов в экономической литературе стратегический анализ относят к инструментарию предплановых исследований [3]. Однако такое утверждение авторов нуждается в дополнительной и конкретизированной аргументации. Если стратегический анализ является этапом предплановых исследований, то его вхождение в состав технологических процедур стратегического планирования должно быть исключено, так же как и включение в состав разделов плана, что противоречит не только функциональной предназначенности системы стратегического планирования, но и целевой ориентации предприятия, экономического вида деятельности сферы услуг на достижение планово-расчетного экономического результата.

Осуществление анализа состояния внешней среды должно учитывать значительное количество факторов, которые в силу своего влияния по конкретному направлению должны быть включены в определенные группы. Состав анализируемых групп внешних факторов влияния на долгосрочное социально-экономическое развитие хозяйствующего субъекта, экономического

вида деятельности сферы услуг, на наш взгляд, может менеджментом формироваться по таким направлениям влияния, как политические, нормативно-правовые, социально-культурные, экономические, инновационные.

Так, например, влияние нормативно-правовых положений федеральных, региональных и муниципальных органов власти на текущую деятельность и долгосрочное развитие локальных и отраслевых социально-экономических систем сферы услуг проявляется в постоянных и нередко существенных изменениях правового регламентирования деятельности, обеспечения экономических интересов участников рынка услуг. При этом обобщающее воздействие нормативно-правового регулирования на деятельность организационно-правовых структур и отраслевых составляющих сферы услуг в различные периоды времени проявляется не только в отдельных правовых актах, но и в постоянно изменяющихся регламентах налогового, бюджетного, таможенного, гражданского кодексов, антимонопольного, патентного законодательства, нормативно-правового регулирования денежно-кредитных отношений участников рынков услуг, товаров.

Литература

1. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб.: Питер, 2008. 495 с.
2. Зуб А.Т. Стратегический менеджмент. М.: Велби; Проспект, 2008. 415 с.
3. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации: учебник для вузов. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1998. 576 с.

САЖНЕВА ЛЮБОВЬ ПАВЛОВНА – старший преподаватель кафедры прикладной экономики и маркетинга, Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, Россия, Санкт-Петербург (LKasta@mail.ru).

SAZHNEVA LYUBOV PAVLOVNA – senior teacher, St. Petersburg State University Information Technology, Mechanics and Optics, Russia, St. Petersburg.

УДК 322 (075)

В.В. СМИРНОВ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: *индексы взаимообусловленности, региональная политика, результативное воздействие, селективная государственная поддержка, спектр возможностей, стратегические приоритеты, энтропия региональных процессов, эффективное социально-экономическое развитие.*

Проведён анализ взаимообусловленности произвольного множества показателей экономической деятельности по Чувашской Республики; выявлены наибольшие индексы взаимообусловленности, определяющие уровень энтропии региональных процессов; выделен спектр первостепенных задач и обозначены принципы их решения; отражены основные направления по повышению эффективности социально-экономического развития региона.

V.V. SMIRNOV

STRATEGIC PRIORITIES IN MAINTENANCE EFFECTIVE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: *interconditionality indexes, the regional policy, productive influence, selective state support, a spectrum of possibilities, strategic priorities, entropy of regional processes, effective social and economic development.*

The analysis of interconditionality of any set of indicators of economic activities on the Chuvash Republics is carried out; the greatest indexes of interconditionality defining level of entropy of regional processes are revealed; the spectrum of paramount problems is allocated and principles of their decision are designated; the basic directions on increase of efficiency of social and economic development of region are reflected.

С целью определения и возможной корректировки стратегических приоритетов в обеспечении эффективного социально-экономического развития Чувашской Республики проведём анализ взаимообусловленности произволь-

ного множества показателей экономической деятельности по ЧР, неоднократно применяемых в качестве обобщающих Федеральной службой государственной статистики РФ, используя авторскую многократно изложенную в научных трудах [3-9] методику оценки эффективности социально-экономического развития (ЭСЭР) региона. Результаты оценки сведены в таблицу, в которой выделены наибольшие индексы взаимообусловленности $I > 10$, далее определяемые как стратегические приоритеты.

Матрица стратегических приоритетов ЭСЭР ЧР 2000-2008 гг. / 2000-2007 гг.

	Среднедушевые денежные доходы населения	Среднемесячная номинальная численная заработная плата работников организаций	Средний размер назначенных пенсий	Потребительские расходы в среднем на душу населения	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения	Валовое накопление основного капитала на душу населения	Затраты на технологические инновации на душу населения	Инвестиции в основной капитал на душу населения
Объем платных услуг на душу населения	0,122/0,24 $I = 0,51$	1,163/0,066 $I = 17,62$	0,246/0,07 $I = 3,51$	0,094/0,403 $I = 0,23$	0,128/0,008 $I = 16$	0,426/0,008 $I = 53,25$	11,621/0,055 $I = 211,29$	0,262/0,008 $I = 32,75$
Стоимость основных фондов на душу населения	0,001/0,0002 $I = 5$	0,003/0,004 $I = 0,75$	0,005/0,005 $I = 1$	0,001/0,002 $I = 0,5$	0,038/0,039 $I = 0,97$	0,03/0,042 $I = 0,76$	0,005/0,005 $I = 1$	0,045/0,047 $I = 0,96$
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения	0,25/0,005 $I = 50$	4,326/0,134 $I = 32,38$	0,181/0,101 $I = 1,79$	0,25/0,033 $I = 7,58$	0,039/0,25 $I = 0,16$	0,065/ $\rightarrow \infty$ $I = 0$	0,721/0,169 $I = 4,27$	0,046/ $\rightarrow \infty$ $I = 0$
Продукция сельского хозяйства на душу населения	0,015/0,003 $I = 5$	0,042/0,059 $I = 0,71$	0,064/0,056 $I = 1,14$	0,011/0,017 $I = 0,65$	0,23/0,224 $I = 1,03$	1,152/1,638 $I = 0,7$	0,082/0,072 $I = 1,14$	2,835/ $\rightarrow \infty$ $I = 0$
Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» на душу населения	0,026/0,005 $I = 5,2$	0,053/0,092 $I = 0,58$	0,164/0,176 $I = 0,93$	0,018/0,039 $I = 0,46$	$\rightarrow \infty$ / $\rightarrow \infty$ $I = 1$	0,237/0,245 $I = 0,97$	0,089/0,103 $I = 0,86$	0,249/0,25 $I = 0,99$
Оборот розничной торговли на душу населения	0,227/0,02 $I = 11,35$	$\rightarrow \infty$ / 0,488/ $\rightarrow \infty$	0,222/0,183 $I = 1,21$	0,199/0,074 $I = 2,69$	0,059/0,206 $I = 0,29$	0,112/1,471 $I = 0,08$	2,295/0,682 $I = 3,37$	0,077/1,13 $I = 0,07$
Оборот оптовой торговли на душу населения	0,014/0,003 $I = 4,67$	0,032/0,058 $I = 0,55$	0,075/0,094 $I = 0,8$	0,01/0,023 $I = 0,43$	1,929/ $\rightarrow \infty$ $I = 0$	0,194/0,233 $I = 0,83$	0,055/0,068 $I = 0,81$	0,221/0,239 $I = 0,92$
Внутренние затраты на исследования и разработки на душу населения	0,034/0,65 $I = 0,05$	0,012/0,201 $I = 0,06$	0,006/0,095 $I = 0,06$	0,049/0,215 $I = 0,23$	0,001/0,015 $I = 0,07$	0,001/0,017 $I = 0,06$	0,006/0,153 $I = 0,04$	0,001/0,015 $I = 0,07$
Объем инновационных товаров, работ, услуг на душу населения	0,106/0,014 $I = 7,57$	0,147/0,186 $I = 0,79$	1,231/1,079 $I = 1,14$	0,071/0,136 $I = 0,52$	0,72/0,698 $I = 1,03$	0,213/0,192 $I = 1,11$	0,204/0,203 $I = 1$	0,185/0,182 $I = 1$

1. Объём платных услуг на душу населения относительно:
 - среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций;
 - фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения;
 - валового накопления основного капитала на душу населения;
 - затрат на технологические инновации на душу населения;
 - инвестиций в основной капитал на душу населения.
2. Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения относительно:
 - среднедушевых денежных доходов населения;
 - среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций.
3. Оборот розничной торговли на душу населения относительно:
 - среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций;
 - среднедушевых денежных доходов населения.

Изложенные выше наибольшие индексы взаимообусловленности являются определяющими в показателе энтропии региональных процессов.

Структурирование по наибольшей взаимообусловленности показателей деятельности в регионе и выбор оптимального сочетания управленческих воздействий на данную структуру позволят оптимизировать процесс развития региональной системы и воспроизводства элементной базы её подсистем.

Таким образом, оптимальное и результативное воздействие на формирование меры взаимообусловленности элементной базы подсистем ЧР является неотъемлемой частью управления по снижению уровня энтропии региональных процессов и, как следствие, создания условий для ЭСЭР ЧР в формате неустойчивой экономики.

С целью оптимального и результативного воздействия на выявленную наибольшую взаимообусловленность необходимо осознать потребность в решении следующих первостепенных задач:

- 1) усилить процесс межрегиональной интеграции, что позволит расширить возможности увеличения объёма товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами за счёт диффузии преимуществ межрегионального экономического пространства;
- 2) оптимизировать систему льготного налогообложения по отношению к субъектам хозяйственной деятельности, увеличивающих валовое накопление основного капитала и долю технологических инноваций в процессе производства, способствующих более полному удовлетворению потребностей населения внутри региона и расширяющих своё влияние за его пределы;
- 3) обеспечить целенаправленную государственную поддержку в различных его формах для предприятий, инвестирующих в основной капитал, а также установить систему государственных гарантий для юридических и физических лиц, участвующих в инвестиционном процессе;
- 4) сформировать разумное и оптимальное правовое поле для межрегиональной конкуренции и, как следствие, создать условия для привлечения инвестиций в основной капитал и стимулировать производителей увеличивать затраты на технологические инновации;
- 5) организовать свободное перемещение товаров и услуг по всей территории межрегионального пространства, способствуя повышению темпов роста оборота оптовой и розничной торговли;

6) установить спектр индикативных методов управленческого воздействия на факторы, определяющие темпы воспроизводственных процессов и эволюции трудовых отношений, в контексте формирования приоритета повышения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций и, как следствие, увеличения среднедушевых денежных доходов населения региона;

7) определить законодательные рамки регулирования взаимоотношений региональных органов власти и хозяйствующих субъектов с целью достижения оптимальных показателей производства, распределения, обмена и потребления в контексте воспроизводства регионального сообщества;

8) создать оптимальные условия экономической и хозяйственной деятельности домашних хозяйств, а также определить критерии предоставления им государственной помощи.

В то же время для достижения эффективного сочетания спектра управленческих воздействий на выявленную наибольшую взаимообусловленность, в контексте изложенных выше первостепенных задач, необходимо в методологическом аспекте учесть следующие принципы [1. С. 10]:

- выбор приоритетов с позиции конечных социально-экономических результатов, интересов всех форм хозяйствования и форм собственности (в принципе речь идёт об эмерджентности, связанной с наличием в сложных системах свойства ценности, которое присуще системе в целом, а не её отдельным элементам);

- достижение эффекта от взаимодействия всех элементов экономической системы и получение положительного синергетического эффекта (речь идёт об обеспечении более высокой общей эффективности по сравнению с суммарной эффективностью частей, взятых отдельно);

- получение мультипликативного эффекта, определяющего умножение эффекта в динамике, за счёт включения в сферу производства всё большего и большего числа отраслей.

Стратегия ЭСЭР ЧР должна опираться на лидирующую роль региональной власти и отражать спектр возможностей в управлении процессом морфогенеза эффективных региональных структур и функциональных взаимосвязей в рамках механизма государственного регулирования экономики.

Дж.М. Кейнс (1883-1946), как сторонник вмешательства государства в экономику, в научном труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) указал на то, что действие рыночных сил может оказаться недостаточным для обеспечения полной занятости и сбалансированности экономики [2]. И государственное регулирование, по его мнению, – единственное и действенное средство, которое не только даёт возможность избежать полного разрушения существующих экономических норм, но и является одним из главных условий взаимоувязывания экономических и социальных факторов для успешной реализации личной инициативы.

В современных условиях основной формой влияния государства на ход и меру социально-экономического развития регионов является региональная экономическая политика. Региональная политика – это такой механизм, в результате действия которого реализуются интересы государства в отношении регионов, интересы самих регионов методами и способами, учитывающими специфику региональных систем [10. С. 79].

Для оптимизации процесса достижения целевых ориентиров региональной экономической политики необходимо её рационально абстрагировать и материализовать в многоуровневую систему целевых показателей:

первый уровень – максимизация определённых экономических индикаторов (ВРП, среднедушевые доходы и т.д.);

второй уровень – региональная эффективность, межрегиональная конвергенция среднедушевых доходов, обеспечение минимальных стандартов общественных и социальных услуг всем гражданам;

третий уровень – цели региональной политики должны совпадать с такими целями общенациональной политики, как рост, эффективность, равенство, стабильность, качество жизни.

Вектором социально-экономического развития ЧР, определяющим спектр стратегических приоритетов в процессе обеспечения ЭСЭР региона, должна стать эффективная промышленная политика, направленная на достижение макроэкономической и политической стабильности, экспортной ориентации, эффективного развития человеческих ресурсов. Выбор того, на что могут быть направлены эти меры, обуславливается общей ориентацией экономики региона, спецификой моделей экономического роста и взаимосвязанными общими принципами промышленной политики.

Необходимо фокусирование инвестиционных потоков на высокотехнологичные производства, что является единственной возможностью создать постоянные рабочие места и адекватные источники доходов, хотя бы для того, чтобы предупредить массовую нищету и социальные взрывы. Одновременно «необходим начальный толчок со стороны правительства, чтобы запустить процесс, то есть сдвинуть экономику, основанную на извлечении рентной прибыли, с точки "неудовлетворительного равновесия"» [11. Р. 412].

Исходя из изложенного выше для оптимального решения задачи повышения ЭСЭР ЧР целесообразно проведение следующих мероприятий:

1) переориентация промышленных предприятий на применение и развитие инновационных технологий, разработанных региональными инновационными центрами;

2) повышение научного уровня и практической эффективности управления региональных органов власти в сфере промышленного производства в целях формирования единого экономического пространства и обеспечения промышленной безопасности региона;

3) селективная государственная поддержка деятельности промышленности и активизация роли региональных органов власти в сфере развития промышленной инфраструктуры;

4) оптимальное приведение производственных мощностей численности работающих в соответствии требованиями рынка, реструктуризация промышленности, улучшение инвестиционной привлекательности предприятий;

5) стимулирование деятельности по созданию в регионе новых и эффективных рабочих мест, снижению налоговой нагрузки на производителя;

6) формирование единой технологической базы региона в контексте стимулирования процессов создания инновационных технологий;

7) совершенствование процессов и процедур дальнейшей приватизации и санации, управления государственной собственностью в регионе, интеллектуальной собственностью на уровне предприятий и организаций;

8) решение вопроса по эффективному поддержанию и развитию мобилизационных мощностей региона, нормализации объёмов оборотного капитала;

9) реорганизация банковской деятельности в интересах развития промышленности региона;

10) развитие аналитических и маркетинговых исследований в регионе;

11) уточнение состава базовых отраслей промышленности в регионе, выделение новых, прогрессивных и депрессивных отраслей (подотраслей);

12) формирование уточнённой базы данных предприятий и организаций различных форм собственности в сфере материального производства;

13) сертификация производств, повышение уровня конкурентоспособности промышленной продукции;

14) разработка механизмов поддержки регионального товаропроизводителя, которые дали бы ему возможность расширить своё присутствие на внутрирегиональном рынке;

15) дальнейшее развитие и совершенствование правового поля, в формате которого функционирует промышленность региона.

В рамках задачи повышения ЭСЭР ЧР необходимо принять дополнительные меры по решению проблемы неэффективного собственника. Требуется разработать и внедрить нормативно-правовые акты смены неэффективного собственника, учитывающие рыночные механизмы.

Права собственности на средства производства в условиях рыночной экономики не только должны быть защищены законом, но и подтверждаться адекватностью (состоятельностью, квалификацией, уровнем социальной ответственности и т.д.) владеющего данной собственностью субъекта. Собственность является структурной частью экономики, обладает естественным свойством в процессе взаимодействия образовывать некое количество функций, которые, в свою очередь, ведут к образованию новых структур и, стало быть, новых функций. Следовательно, при эффективном собственнике в полной мере формируется и развивается целостная структура экономики.

Таким образом, для оптимальной реализации стратегических приоритетов обеспечения ЭСЭР ЧР необходимо и целесообразно раскрыть сущность развития данного процесса в виде системной последовательности взаимообусловленных предложений, изложенных выше.

Литература

1. Зельднер А.Г. Приоритеты в стратегии экономического роста России // Экономические науки. 2005. № 1. С. 7-18.
2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. Н.Н. Любимова. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.
3. Научная электронная библиотека ELIBRARY.RU [Электронный ресурс]: официальный сайт. Режим доступа: <http://elibrary.ru/authors.asp>.
4. Смирнов В.В. Исследование методологических аспектов эффективного развития Чувашской Республики (методика, принципы, анализ и синтез) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 27. С. 51-62.
5. Смирнов В.В. Концепция, методика и процесс эффективного социально-экономического развития региона // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 6. С. 424-441.
6. Смирнов В.В. Организация эффективного социально-экономического развития Чувашской Республики (необходимое условие) // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 483-492.
7. Смирнов В.В. Параметры перехода к эффективному социально-экономическому развитию Чувашской Республики // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 22. С. 7-17.
8. Смирнов В.В. Теоретико-методологические аспекты системы эффективного управления развитием региона // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 30. С. 31-42.
9. Смирнов В.В. Эффективное социально-экономическое развитие региона: парадигма и концепция // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 9. С. 55-64.
10. Юрина Е.А. Уровни и приоритеты региональной политики и управления в регионе // Экономические науки. 2007. № 2. С. 79-81.
11. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. Why Is the Rent-Seeking So Costly to Growth? // American Economic Review, 1993. Vol. 83, № 2. P. 409-414.

СМИРНОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (walera712006@mail.ru).

SMIRNOV VALERIY VLADISLAVOVICH – candidate of economics sciences, assistant professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338.48

Г.Н. СОКОЛОВА

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ УПРАВЛЕНИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: санаторно-курортный комплекс, санаторно-курортные услуги, организационно-экономические модели, методические подходы, рынок санаторно-курортных услуг.

Предложены методические подходы (функциональный, системный и смешанный) к разработке организационно-экономических основ управления санаторно-курортной деятельностью на уровне региона, позволяющих учитывать особенности взаимосвязей между компонентами санаторно-курортной системы в целях дальнейшего совершенствования эффективной системы управления санаторно-курортной деятельностью в регионе.

G.N. SOKOLOVA

METHODICAL APPROACHES TO WORKING OUT OF ORGANIZATIONAL-ECONOMIC BASES OF MANAGEMENT BY SANATORIUM ACTIVITY IN REGION

Key words: a sanatorium complex, sanatorium services, organizational-economic models, methodical approaches, the market of sanatorium services.

In article methodical approaches (functional, system are offered and mixed) to working out of organizational-economic bases of management by sanatorium activity at level of the region, allowing to consider features of interrelations between components of sanatorium system with a view of the further perfection of an effective control system by sanatorium activity in region.

Совершенствование системы управления курортно-туристическим комплексом в условиях конкуренции на рынках туристских и санаторно-оздоровительных услуг, нестабильности и недостаточного уровня материально-технического, кадрового и финансового обеспечения оказывает существенное влияние на экономическую и социальную результативность экономики региона и страны в целом.

В сложной многофакторной модели, обуславливающей статическое состояние и динамические процессы санаторно-курортного комплекса (СКК), с определенной долей условности по критерию применимости к различным социально-экономическим системам можно выделить два подхода: специфический и универсальный.

К определяющим специфический подход относятся следующие признаки:

- постепенное и неуклонное повышение потребностей общества;
- подход к здоровью как высшему благу;
- изменение уровня развития технологий оказания санаторно-курортных услуг;

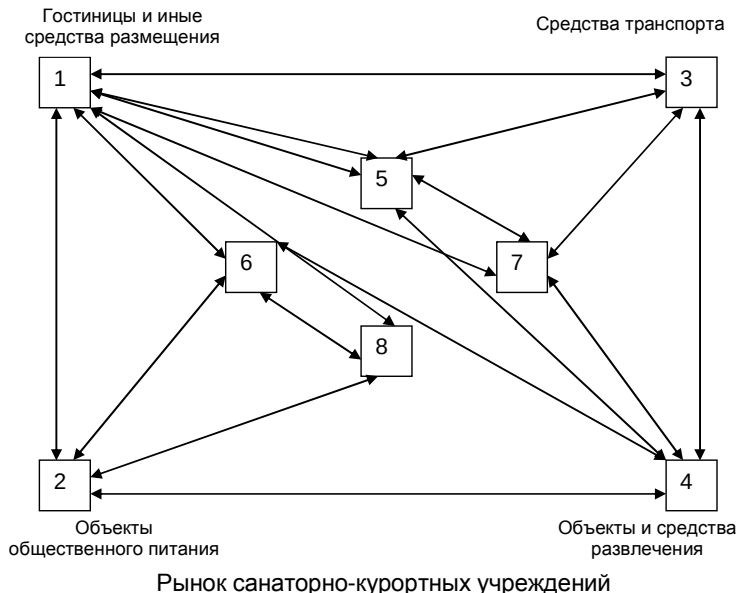
– широкое внедрение результатов медицинских исследований в бальнео- и климатотерапию, наличие благоприятных ресурсов, экологическая обстановка конкретного региона.

Санаторно-курортная деятельность осуществляется различными рекреационными предприятиями и смежных отраслей» (рисунк) [2. С. 102-111].

Потребности в санаторно-курортных услугах все больше возрастают и по степени необходимости все больше приближаются к потребностям в услугах первой жизненной необходимости, без которой полноценная жизнь становится невозможной. Причем, чем выше уровень доходов группы населения, тем заметнее эта тенденция, т.е. по мере роста реальных доходов граждан спрос на санаторно-курортные услуги возрастает.

Усиление взаимосвязи СКК с другими сторонами жизнедеятельности человека повлекло за собой не только повышение роли и значения соответствующих потребностей, но и изменило характер спроса. Прежде всего, обозначилась довольно заметная тенденция к сглаживанию сезонных колебаний спроса по мере того, как лечение и оздоровление в СКК становится для большого числа людей формой удовлетворения потребностей в оздоровлении, а также услуг познавательного, культурно-исторического и социального

характера. Новой особенностью спроса является и то, что его эластичность по цене сокращается. Это свидетельствует о том, что санаторно-курортные услуги из ряда быстроменяемых переходят в группу услуг, которым все труднее найти замену по степени полезности.

Повышение роли санаторно-курортных услуг в жизнедеятельности людей, изменение условий хозяйствования не могут не повлиять на сложившиеся ранее в этой сфере деятельности технологии, а также на структуру оказываемых услуг. Например, наряду с традиционным набором услуг, происходит переориентация курортов на проведение семинаров, конгрессов, симпозиумов и других мероприятий подобного рода, которая предваряется созданием конгресс-центров или реконструкцией для их проведения имеющейся материально-технической базы, переобучением персонала обслуживания, техническим оснащением сервисных служб.

Второй подход, называемый универсальным, формирует спрос населения на санаторно-курортные услуги независимо от того, какую экономическую ситуацию мы рассматриваем и на каком этапе развития она находится. К этому подходу относится более многочисленная группа факторов, чем группа факторов при специфическом подходе.

Факторы универсального подхода можно классифицировать следующим образом: экономические, социально-политические, психологические, природно-климатические, национальные и профессиональные. Они непосредственно формируют структуру спроса населения на санаторно-курортные услуги. Экономические факторы в современных экономических условиях оказывают первоочередное воздействие на объем и структуру рекреационного спроса. На первый план выдвигаются экономические факторы регионального значения, характеристика которых сильно дифференцируется по административным территориям, производственным комплексам, крупным предприятиям, сферам и отраслям деятельности, по доходным слоям населения [1. С. 27-31].

Социально-политическими факторами, возникновение которых также можно связать с условиями переходного периода, являются межнациональные конфликты и напряженные отношения между отдельными регионами. Психологическое отношение потребителей услуг СКК к неопределенности,

риску и безопасности отдыха и лечения, как указывалось выше, – важнейший фактор, формирующий спрос на услуги санаторно-курортного назначения.

Психологические факторы, зависящие от внутренней среды санаторно-курортного учреждения, достаточно разнообразны и многочисленны. Сила их воздействия на спрос на санаторно-курортные услуги может регулироваться самим санаторно-курортным учреждением. Совокупность факторов, присущих внутренней среде одного санаторно-курортного учреждения, формирует конкретный спрос на его услуги, а общее воздействие факторов сети санаторно-курортных учреждений – спрос на региональный рекреационный продукт (в данном случае – лечение и оздоровление) в целом.

К факторам внутренней среды санаторно-курортного учреждения можно отнести следующие [5. С. 148-153]:

- стратегию развития санаторно-курортного учреждения;
- маркетинговую политику;
- учетную политику;
- профиль учреждения (соматический, кардиологический, неврологический, дерматологический, гинекологический, туберкулезный, детской патологии, смешанный);
- количество койко-мест в санаторно-курортном учреждении (среднегодовое, в период максимального развертывания);
- оснащенность лечебно-профилактическими подразделениями;
- сроки лечения;
- стоимость путевки;
- количество врачей и других категорий работников и их профессиональный уровень;
- организацию питания (качество и разнообразие, суточная стоимость рациона, наличие диетических блюд и др.);
- санитарно-технологическую характеристику санаторно-курортного учреждения (количество зданий, наличие канализации, водопровода, горячей воды, вентиляции и др.);
- характеристику территории (общая площадь, в том числе занятая зелеными насаждениями);
- организацию досуга отдыхающих;
- перспективы развития санаторно-курортного учреждения.

Используя положения маржинального анализа, можно показать, что цена путевки становится стабилизирующим фактором, значительно сглаживающим сезонные колебания.

По мере формирования постсоциалистического общества число факторов, реально оказывающих влияние на формирование спроса на санаторно-курортные услуги, имеют тенденцию к росту. Это явилось причиной его резкой дифференциации, высокой избирательности и повышения требовательности к качеству услуг со стороны новых высокодоходных групп и слоев населения. Новое качественное состояние спроса начало сказываться на санаторно-курортных технологиях, а следовательно, на объеме и структуре предложения услуг в санаторно-курортной сфере.

На изменение спроса сравнительно быстро реагируют и отрасли рекреационной структуры, сервисные службы которых оказывают всевозможные дополнительные услуги отдыхающим. Фактически речь идет о формировании в санаторно-курортных учреждениях системы дополнительных платных услуг, основной целью которой является наиболее полное удовлетворение платежеспособного спроса на услуги, не входящие в основной оздоровительный пакет [4. С. 34-39].

Если спрос по каким-либо причинам снижается, служба дополнительных услуг также может быстро свернуть свою работу по какому-либо направлению

из-за отсутствия достаточного количества клиентов или переключиться на другие виды услуг. Высокая мобильность позволяет реализовывать альтернативные стратегии развития санаторно-курортных услуг, всячески укрепляя и расширяя основной вид деятельности по оздоровлению населения.

Вместе с тем СКК является специфическим элементом дестинации туризма и, с точки зрения реализации основной функции, представляет дестинацию оздоровления. Отличительной особенностью СКК, согласно предложенному ранее определению, является предоставление рекреанту услуг, носящих лечебный и лечебно-оздоровительный характер, причем потребность в подобного рода услугах формируется опосредованно с участием тех или иных специализированных медицинских учреждений (реабилитация больных после стационарного лечения, направление для прохождения профилактического оздоровления).

Другой отличительной чертой СКК является необходимое и достаточное условие сочетания определенных природных факторов, оказывающих значительный лечебно-профилактический эффект на организм рекреанта [3. С. 46-51].

Анализ современного состояния туризма в Российской Федерации показывает, что в последние годы эта сфера в целом развивается стабильно и динамично. Отмечается ежегодный рост внутреннего туристского потока. Быстро растущий спрос на туристские услуги внутри страны вызвал бум строительства малых гостиниц, в основном, в курортных регионах, а также увеличение числа гостиниц международных гостиничных цепей в Москве, Санкт-Петербурге и других крупнейших городах страны, создание отечественных гостиничных цепочек. Резко увеличился объем инвестиционных предложений по гостиничному строительству как со стороны иностранных, так и со стороны отечественных инвесторов. При этом основные предложения направлены на развитие гостиничного бизнеса в регионах России. Особо следует отметить успехи последних лет в развитии курортно-туристического комплекса Краснодарского края, которые закономерно привели к выбору нашей страны при определении Сочи местом проведения зимней Олимпиады-2014. Благодаря этому получили всемирную известность не только Красная Поляна и Сочи, но и весь Краснодарский край в целом, что обуславливает долгосрочный бизнес-интерес к развитию туристской инфраструктуры данного региона и гарантию того, что через несколько лет Черноморское побережье станет развитым курортным центром мирового уровня.

Анализируя ситуацию в России, можно отметить, что для нее, как и для многих европейских стран, характерны старение общества, урбанизация, высокий уровень образования, большое количество праздничных дней, повышенный интерес россиян к жизни людей в других странах, а также к оздоровлению и росту работоспособности. Все эти объективные факторы обеспечивают хорошие перспективы для формирования рынка санаторно-курортных учреждений (РСКУ) и использования его инновационного потенциала, обусловленного комплексной системой инновационного управления.

В результате при построении организационно-экономических моделей СКК возможно применение нескольких подходов:

- функциональный – рассматриваются основные факторы, элементы, оказывающие значительное влияние на реализацию тех или иных функций СКК ЧР;
- системный – рассматриваются потребители услуг СКК, поставщики сырья, материалов, услуг, необходимых для обеспечения функционирования СКК;
- смешанный.

На наш взгляд, наиболее рациональным следует признать смешанный подход к построению организационно-экономической модели, как наиболее полно соответствующий поставленным задачам и позволяющий учесть достаточно сложные взаимосвязи между компонентами системы.

Литература

1. Здоров А.Б. Экономика туризма: учебник М.: Финансы, 2008. С. 27-31.
2. Основы туристской деятельности: учебник / Г.И. Зорина и др.; сост. Е.Н. Ильина. М.: Советский спорт, 2007. С. 86-92.
3. Проурзин Л.К. Туризм как экономический приоритет. М.: Новый век, 2008. С. 46-51.
4. Семеняк Н.Г. Стратегическое управление развитием санаторно-курортного комплекса. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 34-39.
5. Чудновский А.Д., Жукова М.А., Сенин В.С. Управление индустрией туризма: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2008. С. 148-153.

СОКОЛОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – ассистентка кафедры экономики и менеджмента в туризме и гостиничном хозяйстве, Филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Чебоксары, Россия, Чебоксары (Galina_1980@list.ru).

SOKOLOVA GALINA NIKOLAEVNA – assistant to chair of economy and management in tourism and a hotel economy, Branch of St. Petersburg State Engineering and Economic University in Cheboksary, Russia, Cheboksary.

УДК 336

Е.А. ТРЕТЬЯКОВА

**ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ
ЖИЛИЩНОГО ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ**

Ключевые слова: ипотечное кредитование, банк, стратегия.

Рассмотрены результаты исследований, связанных с моделированием клиентоориентированных стратегий ипотечного кредитования на финансовых рынках ряда областей Приволжского федерального округа.

Е.А. TRETYAKOVA

EXPERIENCE AND IMPLEMENTATION OF STRATEGIES FOR MORTGAGE

Key words: mortgage lending, bank, strategic.

Reviewed the results of research related to strategies for mortgage lending in the financial markets of a number of areas of the Volga Federal District.

Финансовый кризис фактически подтолкнул ипотечные организации к формированию более продуманных стратегий своего развития, сориентированных не только на получение прибыли, но и на удержание своих позиций на конкурентных рынках ипотечного кредитования. Это происходит за счет повышения качества и дифференциации предоставляемого банковского продукта, разработки более совершенных технологий по обслуживанию своей клиентуры, расширения рыночной среды [1. С. 416]. Стратегии ипотечного кредитования стали рассматриваться как один из важнейших инструментов выживания банковских структур в условиях финансового кризиса, повлекшего за собой существенное сокращение маркетинговой среды заемщиков ипотечного кредитования [3. С. 204]. К примеру, для банковских структур Нижегородского региона, как и для других областей Приволжского федерального округа, количество потенциальных клиентов-заемщиков за два последних года сократилось примерно на треть, что привело к закрытию значительной части их областной филиальной сети, росту кредитной ставки ипотечного кредитования, формированию у населения так называемого отложенного спроса на ипотеку. Однако работа по поиску новых возможностей ипотечного кредитования не только не свернута, но и набирает новые обороты [4. С. 10].

Обобщение опыта наработки конкурентоспособных стратегий ипотечного кредитования на примере группы ипотечных компаний ОАО «НВест-Банк» показало, что финансовый кризис, наряду с определенными трудностями, предоставил банкам ряд возможностей, позволивших им использовать резервы, не пользующиеся ранее особой привлекательностью для банковских структур. Известно, что в Нижегородской, как и в других областях Приволжского федерального округа,

га, количество потенциальных клиентов-заемщиков ипотеки всегда ограничено численностью населения и географическими районами территориального охвата банковскими структурами, возросшими требованиями, предъявляемыми банками к будущим заемщикам, межбанковской конкуренцией [2. С. 144]. В этих условиях наиболее привлекательными оказались стратегии дифференциации банковского продукта; восстановления ранее ликвидированных филиалов; повышения качества предоставляемого банковского продукта в сочетании с разработкой более совершенных технологий по обслуживанию клиентуры.

С помощью новых подходов к развитию рынка ипотечного кредитования нами для группы ипотечных компаний ОАО «НВест-Банк» был разработан ряд стратегий дифференциации банковского продукта, стратегии проникновения с услугами ипотечного кредитования в сопредельные области, концентрации усилий на улучшении качества сервиса, сокращении процесса выдачи кредитов, внутрифирменном обучении специалистов по выдаче кредитов.

Особенность этих стратегий проявилась в том, что все они были рассчитаны на широкие слои населения с разным уровнем душевого дохода. В условиях финансового кризиса и в период восстановления спроса на ипотечные кредиты оказалось целесообразным применять стратегию недифференцированного охвата, ориентированного на область интересов большого числа нуждающихся в жилье граждан на приобретение стандартного банковского продукта [6. С. 376].

На инструментальном уровне ОАО «НВест-банк» рекомендовано реализовать следующий набор стратегий.

Продуктовая стратегия – реализуется через стратегию *инновации ипотечного продукта* (создание новых продуктов: «Соинвестро», «Комбинированный», «Переселение», кредиты на приобретение жилья на вторичном рынке); *стратегию модификации продукта* (выдача кредита без подтверждения доходов и поручительства, двойной залог), а также *стратегию продвижения корпоративной марки* [5. С. 296] (выдача кредитов первичными кредиторами – Совкомбанк, Саровбизнесбанк, НБД-Банк и др.).

Соотношение количества выдаваемых кредитов в течение 2008-2009 гг. и трех месяцев 2010 г. (кредит/залог, %) приведено на рис. 1.

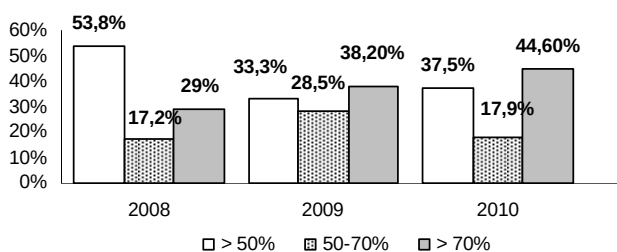

Рис. 1. Соотношение количества выдаваемых кредитов (кредит/залог, %)

Если подписать ряд соглашений о сотрудничестве с ипотечными брокерами и агентствами недвижимости, которые представляют продуктовую линейку ОАО «НВест-Банк») в городах Иваново, Владимир, Ярославль, наряду с ипотечными продуктами других участников рынка (СБ, ВТБ, КИТ-Финанс и др.), то выход ОАО «НВест-Банк» на эти рынки ипотечного кредитования представляется эффективной стратегией роста при расширении маркетинговой среды.

На рис. 2 показан ожидаемый экономический эффект освоения новых рынков как на региональном, так и межрегиональном уровне.

Рис. 2. Соотношение количества выдаваемых кредитов по месту нахождения залога, %

Очевидно, что роль новых рынков (рынков ипотечного кредитования Ивановской и Нижегородской области) растет. С учетом ситуации на конкурентном рынке не факт, что первый квартал 2009 г. был бы закончен компанией с прибылью без работы в районах. Также очевидно, что модель развития сети путем создания дополнительных офисов оправдывает себя в большей степени.

В таблице показаны результаты, определяющие доходность дополнительных офисов, сформированных на территории Ивановской и Нижегородской областей.

**Составляющие доходной части при создании дополнительных офисов
на территории Ивановской и Нижегородской областей**

Параметры	Ивановская область		Нижегородская область	
	Иваново	районы	Н. Новгород	районы
Комиссионные платежи	170	215	210	105
% от выданных займов	2,13%	3,58%	1,62%	2,63%
Агентское вознаграждение, страховые	21,56		26,18	
Агентское вознаграждение, оценка	11		9	
Обслуживание переданного сразу портфеля, руб.	78		120	
Итого, с НДС	495		470	
Итого, без НДС	420		398	
Инвестиционный доход от собственной выдачи	46		56	
Инвестиционный доход от рефинансирования	41		58	
Итого инвестиционного дохода	87		113	
Всего доход в месяц, без НДС	507		512	
Обслуживание от рефинансированного и переданного в предыдущий месяц/ежемесячный прирост дохода	36		69	

Из данной таблицы видны не только абсолютные выражения доходности выхода на новые рынки, но и относительная доходность каждого рынка. При этом рынки Ивановской и Нижегородской областей имеют более высокий показатель рентабельности (рис. 3).

Выполненные расчеты финансового результата в зависимости от варианта развития событий показаны на рис. 4. На графике отображены результаты развития событий по 4 вариантам.

Во всех вариантах заложено условие выравнивания конкурентоспособности продуктов ОАО «НВест-Банк» с продуктами основных конкурентов:

1-й вариант (на графике ряд 1) – комплексная реализация предложенного стратегического плана;

2-й вариант (на графике ряд 2) – частичная реализация предложенного стратегического плана без интенсификации освоения новых рынков: оптими-

зация затрат на уровне 1,1 млн руб. в месяц, активизация работы с первичными кредиторами и ориентация на ряд целевых групп и пр.;

3-й вариант (на графике ряд 3) – реализация предложенного стратегического плана с началом интенсификации освоения новых рынков, но при существенном падении доли костромского рынка (с 20% до 10%) в силу недостаточной реализации плана, относящегося к Нижегородской области;

4-й вариант (на графике ряд 4) – частичная реализация предложенного стратегического плана без интенсификации освоения новых рынков, но при существенном падении доли костромского рынка (с 20% до 10%) в силу недостаточной реализации плана, относящегося к Костромской области.

Рис. 3. Изменение уровня рентабельности компании на рынках Нижегородской, Ивановской и Ярославской областей

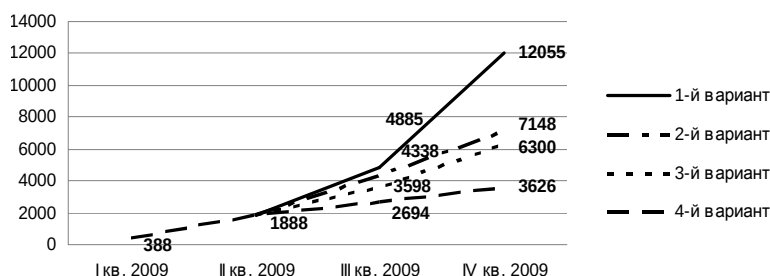

Рис. 4. Динамика чистого финансового результата в зависимости от варианта реализации предложенной стратегии, тыс. руб.

Из графиков видно, что реализация 1-го варианта позволит существенно превысить доходность компании сверх плановых показателей. Развитие событий по 2- и 3-му вариантам позволит уложиться в плановые показатели доходности, 4-й вариант существенно снизит доходность компании, но в любом случае созданный в предыдущие годы задел позволит добиваться доходности бизнеса в размере не менее 70% от средств, вложенных акционерами.

Таким образом, выход ОАО «НВест-Банк» на рынки Ивановской и Нижегородской областей представляется эффективной стратегией роста и распределения. При расширении маркетинговой среды ОАО «НВест-Банк» с учетом соотношения емкости расширенного рынка с емкостью Нижегородской области получается, что суммарный потенциал ипотечного кредитования становится достаточно большим.

Частичная реализация предложенных стратегий развития ипотечного кредитования группы компаний ОАО «НВест-Банк» в условиях развития финансового кризиса уже начинает оправдывать себя и подтверждать свою экономическую эффективность.

Об этом свидетельствуют следующие показатели:

– по итогам 2009 г. получена прибыль в размере 6,23 млн руб., из которой на дивиденды акционерам выделено 5,3 млн руб., на 1 руб. вложений получено 1,06 руб. отдачи, тем самым обеспечена срок окупаемости проекта в течение 2 лет;

– в условиях резкого падения спроса на продукт ОАО «НВест-Банк» по г. Нижний Новгород были обеспечены минимальные объемы выдачи кредитов (20-25 млн руб./мес.) за счет увеличения объемов кредитования в районах, где, по предложению автора, организованы дополнительные офисы компании. В результате чего в первом квартале 2010 г. получена прибыль 380 тыс. руб.;

– подготовлена инфраструктура для дополнительных офисов в областных центрах (Иваново, Ярославль), что значительно усилит позиции ОАО «НВест-Банк» на региональных рынках соответствующих областей.

Таким образом, практическая реализация предложенных стратегий и методических подходов, направленных на максимизацию финансовой устойчивости кредитных учреждений в результате внедрения инновационных подходов при разработке стратегий ипотечного кредитования, подтверждает их высокую экономическую эффективность даже в условиях продолжающегося финансового кризиса.

Литература

1. Зуб А.Т. Стратегический менеджмент. М.: Аспект Пресс, 2004. 416 с.
2. Морозова Г.А. Управление регионом: маркетинговый подход. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 1999. 144 с.
3. Мурьчев А.В. Банки и банковская система России: состояние и пути развития эффективного корпоративного управления. М.: НП «Национальный совет по корпоративному управлению», 2007. 204 с.
4. Обзор банковского сектора Российской Федерации // Аналитические показатели. 2009. № 63. 10 с.
5. Пермичев Н.Ф., Челомин В.Н. Маркетинг для специалистов: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. 296 с.
6. Шкардун В.Д. Маркетинговые основы стратегического планирования. М.: Дело, 2005. 376 с.

ТРЕТЬЯКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры стратегического маркетинга, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, Нижний Новгород (treyakova_ea@mail.ru).

TRETYAKOVA EKATERINA ALEKSANDROVNA – post-graduate student of Strategic Marketing Department, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Russia, Nizhny Novgorod.

УДК 502:656.13

И.Ю. ХОВАВКО

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АВТОТРАНСПОРТА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ключевые слова: экологическое регулирование автотранспорта, экстерналии дорожного транспорта, экономические инструменты регулирования экологического воздействия дорожного транспорта.

Рассмотрены теоретические основы регулирования воздействия на окружающую среду дорожного транспорта. Проанализированы имеющиеся в арсенале экономической науки подходы к интернализации экстерналий дорожного транспорта. Увеличение мобильности населения на личном транспорте сопровождается рядом отрицательных последствий: ростом количества дорожных пробок, дорожных аварий, негативном воздействии на окружающую среду.

I.Yu. KHOVAVKO

ENVIRONMENTAL REGULATION OF ROAD TRANSPORT: THEORY OF ECONOMICS AND PRACTICE

Key words: road transport environmental regulation, road transport externalities, instruments of road transport environmental regulation.

The article is devoted to theoretical background of environmental regulation of road transport. The author showed available approaches to quantification and internalization of road transport externalities. Without fundamental change in road transport policy road transport will continue to impose increasing costs on the natural environment, human health and the economy. New instruments of road transport environmental regulation (road tolls, congestion pricing, cordon tolls, vehicle use fees, fuel fees) are summarized.

Экономика, как наука, занимается вопросами эффективного распределения ограниченных ресурсов (факторов производства), за использование которых ведется соперничество (конкуренция). Принцип равновесия для идеальных рынков (Efficiency Equimarginal Principle), принятый в неоклассической

экономической теории, гласит, что чистые выгоды общества максимальны в точке, где предельные выгоды потребления равны предельным издержкам производства, а цены соответствуют предельным полезностям. Это распределение отвечает критерию оптимальности по Парето¹. Важным является то, что на совершенных конкурентных рынках с правильно определенными правами собственности продавцы и покупатели, максимизируя собственную выгоду, автоматически приходят к оптимальному для общества распределению ресурсов. Информация, подталкивающая агентов рынка к эффективной аллокации ресурсов, передается в рыночной экономике через цены.

Однако существуют ситуации, когда рыночный механизм не ведет к оптимальному распределению ресурсов, получившие в теории наименование «рыночной недостаточности», или провалов рынка. Рыночная неэффективность, связанная со свойствами общественных товаров, наличием экстернальных эффектов и должным образом определенных прав собственности, в полной мере присуща системе общественных отношений в связи с производством и использованием автотранспорта.

И в процессе производственной деятельности, и в процессе работы автотранспорта вовлекаются как блага, создаваемые на конкурентных рынках, так и общественные блага (окружающую природную среду дороги)². Для общественных товаров характерны отсутствие должным образом определенных прав собственности и наличие экстернальных эффектов. В отношении общественных благ не обеспечивается действие свободных рыночных сил ни в смысле установления оптимального уровня производства, ни в смысле оптимального распределения ресурсов. Из этого в экономической теории делается вывод о необходимости государственного регулирования производства и потребления общественных благ. Экономические свойства общественных товаров и роль государства в их регулировании изучает теория общественных товаров (public goods theory).

Современная теория общественных товаров возникла в процессе изучения проблем общественных финансов. Её авторство отдается Самуэльсону [7. С. 350-356]³. С точки зрения теории все товары делятся на чистые частные блага, чистые общественные блага и смешанные блага. Критерием выделения являются такие свойства благ, как исключаемость и соперничество (конкуренция) в потреблении. Благо считается исключаемым, если существует возможность исключить отдельные лица (фирмы) из потребления этого блага. Благо является конкурентным, если потребление его одними уменьшает возможности его потребления другими.

Чистые частные блага характеризуются исключаемостью и соперничеством в потреблении. Все затраты на производство чистых частных благ несет продавец, все выгоды оплачивает и получает потребитель и никакие затраты не перекладываются на третьи лица, не участвующие в сделке (таким образом, для этой категории товаров отсутствуют все признаки наличия экстерналий). Потребление чистых частных благ одними исключает их из по-

¹ Парето-оптимум – это ситуация, при которой никакое допустимое перераспределение продукции и/или затрат в экономике не может увеличить полезности для одного или нескольких потребителей, не уменьшив при этом уровень полезности для других [1. С. 321].

² Дороги строятся и ремонтируются, главным образом, государством за счет общих налогов, а используются в современном обществе в значительной степени для передвижения личного транспорта.

³ Теория получила развитие в работах Окленда (Oakland, W.H. (1987). «Theory of Public Goods», In: Auerbach, A.J. and M. Feldstein (eds.), Handbook of Public Economics, Volume II, North-Holland: Elsevier Science Publishers BV, 485-535), Инмана (Inman, R.P. (1987). «Markets, Government, and the «New» Political Economy», In: Auerbach, A.J. and M. Feldstein (eds.), Handbook of Public Economics, Volume II, North-Holland: Elsevier Science Publishers BV, 647-777), Масгрейва и Пикко (Musgrave, R.A. and Peacock, A.T. (eds.) (1958). Classics in the Theory of Public Finance, London: Macmillan).

ребления другими. Все товары, торгуемые на традиционных конкурентных рынках, являются чистыми частными благами.

Противоположностью чистым частным благам являются чистые общественные блага. Это те блага, которые обладают свойствами несоперничества и неисключаемости. Несоперничество означает, что дополнительный потребитель блага не снижает полезности, доставляемой остальным, поскольку предельные издержки предоставления общественного блага индивиду равны 0. Условие равного потребления общественного блага всеми индивидами связано с неделимостью блага, что означает, что индивид не может непосредственно выбирать объем потребляемого блага. Под неисключаемостью в потреблении понимается невозможность исключения отдельных индивидов (фирмы) из потребления. Невозможность здесь можно понимать двояко: и как отсутствие физической возможности исключения, и как отсутствие экономической целесообразности, когда затраты на исключение сопоставимы с выгодами продавца. Доступ к таким благам практически не ограничен, независимо от того, платят ли граждане за него или нет. Поскольку потребители получают предельные выгоды от чисто общественного блага независимо от того, оплачивают они издержки на его производство или нет, у них возникает желание избежать оплаты и получить благо даром (так называемая проблема безбилетника – free-rider problem). В силу указанных причин эти блага не выгодно производить с помощью частных компаний и обычно существует проблема финансирования их производства государством.

И чистые частные блага, и их противоположность – чистые общественные блага – являются теоретическими конструкциями (аналогично совершенной конкуренции). Весь реальный мир попадает в промежуточную категорию смешанных благ, которые отличаются друг от друга только степенью несоперничества и неисключаемости.

Следующая категория смешанных товаров – это **товары общего доступа (common resources)**. Эти товары делимы (и, значит, за обладание ими существует соперничество), однако исключить их из потребления довольно затруднительно (лес, рыба в водоеме, ассимиляционная способность природы). Режим собственности на товары общего доступа не позволяет ограничить доступ к этим ресурсам. Природа переексплуатации этих благ была показана Г. Хардином (1968) в виде социальной дилеммы «трагедии общинных владений» (tragedy of commons). Если каждый фермер пасет только одну корову, общее пастбище используется оптимально. Но фермер может захотеть удвоить свою выгоду, выпустив еще одну корову. При этом общее количество коров увеличится только на 1%. Но так рассуждает каждый фермер, и поэтому результатом действий фермеров является вытоптанная площадка.

Проблема товаров общего доступа связана и с проблемой распределения прав собственности. Отсутствие прав собственности на эти ресурсы не создает у кого-либо инициативы к поддержанию их использования на разумном уровне. Если договориться о сотрудничестве в использовании пастбища, им можно будет всем долго пользоваться. Если не договориться, то результатом станет «трагедия общинных владений». Эта социальная дилемма является типичной игрой с ненулевой суммой (суммарный выигрыш участников не обязательно равен 0), в которой, сотрудничая, игроки могут выиграть, соперничая – проиграть. Избежать данной ловушки можно, установив определенные правила экономического поведения в обществе или специфицировав права собственности на эти ресурсы.

В табл. 1 все описанные выше виды благ сгруппированы в зависимости от наличия или отсутствия свойств конкурентности (соперничества) и/или исключаемости в потреблении.

Отдельные блага на разных этапах могут выступать в разном качестве. Проследим эти изменения на примере окружающей среды и дорог.

Окружающая среда (чистый атмосферный воздух) является чистым общественным благом. До определенного уровня развития общества его потребление отличается неконкурентностью и неисключаемостью. Однако, как только уровень воздействия переходит определенный предел, общество сталкивается с ограниченным ассимиляционным потенциалом природной среды. Атмосферный воздух, как и другие природные ресурсы, становится ограниченным ресурсом или ресурсом общего доступа и, как и в случае дорог, возникает соперничество за его потребление (расходование ассимиляционного потенциала). Возникает проблема регулирования доступа к экологическим благам.

Дороги с твердым покрытием – необходимый элемент функционирования автомобильного транспорта – исходно создавались как общественное благо. По ним двигались войска, почта и собиратели податей. Автомобилизация изменила объем и характер пользования дорогами. Основная часть передвигающегося по современным дорогам автотранспорта – это личный легковой автотранспорт. Во многих местах интенсивность движения вступает в противоречие с ограниченной пропускной способностью дорожной сети. Бесплатная незагруженная дорога превратилась в бесплатную загруженную дорогу – смешанное благо – ресурс общего доступа со всеми проблемами, присущими данному типу благ (переексплуатация, истощение, недофинансирование)⁴.

Свойством общественных благ является наличие экстерналий эффектов. Экстерналии, или внешние эффекты (ВЭ), – это такой результат производства или потребления некоторого товара, который передается другому лицу (предприятию) без права выбора и без какой-либо оплаты. Наличие не проходящих через рыночный (ценовой) механизм выигрышей или потерь ведет к расхождению между общественными и частными оценками эффективности. Цены в рыночной экономике, которые несут всю информацию агентам производства, ориентируются только на частные издержки. Возникает ситуация, при которой совершенная конкуренция не ведет к экономическому оптимуму. Для чистых общественных благ характерны положительные ВЭ. Именно трудности учета и интернализации частных выгод от использования общественных благ приводят к их хроническому недопроизводству в обществе.

Появление негативных экстерналий свидетельствует о растущей ограниченности ресурса, т.е. о переходе ресурса из категории чистых общественных благ в категорию ресурсов общего доступа. В совершенной рыночной экономике благ с негативными ВЭ производится слишком много (по отношению к общественно оптимальному уровню); цена этих благ ниже оптимальной, а стимулы для участников рынка для коррекции своего поведения отсутствуют. Все вышесказанное провоцирует конфликт интересов между отдельными участниками рынка и между отдельными участниками рынка и обществом в целом.

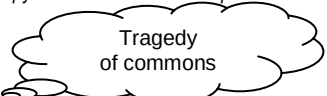
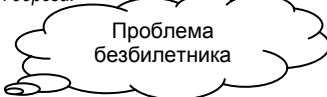
На сегодняшний день выделяют три основных подхода к регулированию доступа к ресурсу. Это, во-первых, административный подход, использующий *стандарты и нормативы* для коррекции поведения источника экстерналий, во-вторых, использование рыночных (ценовых) механизмов регулирования и, в-третьих, изменение правовых режимов собственности на общественные ресурсы.

⁴ Как эти проблемы можно решать? Первое, это попытаться перевести ресурс общего доступа обратно в чистое общественное благо, нарастив его количество. В нашем примере это означает увеличение пропускной способности дорожной сети до уровня «незагруженная бесплатная дорога». Однако опыт развития автомобилизации в развитых странах показывает, что обратного пути нет. Расширение базовой сети дорог для приведения ее в соответствие с потребностями растущей автомобилизации дает только краткосрочный эффект. При высоких уровнях автомобилизации невозможно построить дороги достаточной пропускной способности, потому что удовлетворить спрос при цене, не покрывающей всех издержек, невозможно. Сбалансировать спрос и предложение на передвижение на личном автотранспорте можно, заставив оплачивать полностью все издержки (этим мы переводим дорогу в исключаемое благо).

Административный подход охватывает широкий круг механизмов управления прямым действием, к которым относятся запреты, лицензии, разрешения, нормативы и стандарты (предельно-допустимых значений загрязняющих веществ в окружающей среде, выбросов, сбросов и т.п.), государственная экспертиза и государственная экологическая экспертиза, процедура оценки воздействия на окружающую среду. Данные методы ограничивают свободу выбора хозяйствующего субъекта.

Таблица 1

Чистые, общественные и смешанные блага

		ИСКЛЮЧАЕМОСТЬ	
		да (высокая)	нет (низкая)
К О Н К У Р Е Н Т Н О С Т Ь	Да (Высокая)	Чистое частное благо Исключаемые, есть соперничество. <i>Автомобиль. Топливо.</i> <i>Загруженная платная дорога</i>	Смешанные блага – ресурсы в открытом доступе (режиме) (Common resource) Неисключаемые, есть соперничество. Исключаемые. <i>Окружающая среда (в виде ассимиляционного потенциала).</i> <i>Загруженная бесплатная дорога</i>
	Нет (Низкая)	Смешанные блага Потенциально рыночные клубные товары. Исключаемые, до определенного предела соперничества нет. <i>Незагруженная платная дорога.</i>	Чистое общественное благо (plain old public goods) Неисключаемые, нет соперничества. <i>Окружающая среда, незагруженная бесплатная дорога.</i>

Второй подход базируется на экономической концепции А. Пигу. В своей работе «Экономика благосостояния» [6] он показал неравенство общественных и частных затрат и выгод, с одной стороны, и необходимость и возможность государственного регулирования этих процессов – с другой. В экономическую концепцию Пигу вошли следующие положения, которые в дальнейшем анализировались, дополнялись, развивались и критиковались в обширной литературе, посвященной экстерналий экономике:

- толкование самого понятия ВЭ (очень расширительное у Пигу, который, как говорят, видел неэффективность рынка повсюду);
- исключение из анализа трансакционных издержек;
- интернализация ВЭ с помощью введения налога, равного по величине внешнему эффекту, что позволяет изменить частные предельные издержки (пигувианский налог);
- придание исключительной роли государству в регулировании ВЭ.

Пигу показал, что эффективное распределение ресурсов может быть обеспечено путем установления цен на товары на уровне предельных общественных издержек (first best solution). Поскольку в реальной жизни это труднодостижимо, реальная цена товара должна быть максимально приближена к оптимальной с помощью налога, равного разности общественных и частных предельных издержек (second best solution). Задача определения величины налога и механизма его внедрения возлагается на государство.

Пигувианский подход продекларирован как основной принцип современной экологической и транспортной политики в развитых странах. Он закреплен в принятом в 1972 г. в странах ОЭСР принципе «платит загрязнитель».

В научной литературе два концептуальных положения Пигу встречают усиленную критику. Во-первых, ставится под сомнение само исходное положение концепции Пигу о возможности достижения «правильных» цен с помощью налогов. Согласно неоклассической теории в качестве механизма оптимизации распределения ресурсов могут выступать только свободные рыночные цены. «Правильные» и «неправильные» регулируемые цены абсолютно субъективны и существуют только в головах регулирующих. Во-вторых, критика Пигу фокусируется вокруг роли государства в решении проблемы экстерналий. Сторонники «маленького» государства обвиняют именно Пигу в обосновании вмешательства государства в экономику.

Но Пигу имеет и массу последователей. Его работа дала начало новому направлению экономической мысли – экстернальной экономике. Значительный вклад в развитие теории внесли Т. Tietenberg, W. Baumol и W. Oates. Согласно классификации экстерналий, предложенной этими авторами, выделяются денежные (ресуниары) и неденежные экстерналии (non-ресуниары). Денежные экстерналии возникают, когда экстернальный эффект выражается в изменении рыночных цен (увеличение или снижение стоимости жилищ в зависимости от уровня шума, например). Неденежные экстерналии не имеют обратной связи в виде рыночных (ценовых) сигналов (например, экстерналии от загрязнения). Неденежные экстерналии, в свою очередь, делятся на private goods externalities (depletable) и public goods externalities (undepletable). Private goods externalities также не являются экстерналиями в полном смысле слова, поскольку их устранению препятствуют только институциональные ограничения (помехи в установлении цены за их использование). Public goods externalities (undepletable), составляющие большинство экстернальных эффектов, связаны с использованием общественных товаров и отражают одновременно два провала рынка – наличие экстерналий и свойства общественных товаров самих по себе. По мнению указанных авторов, последние и есть «настоящие» экстерналии, достойные научного изучения.

Научным прорывом в экстернальной экономике явилась фундаментальная работа Р. Коуза [3. С. 1-44], в которой было показано, что если распределить права собственности на ресурсы, то при определенных предпосылках (транзакционные издержки малы и количество участников переговоров ограничено) свободные переговоры между заинтересованными сторонами приводят к интернализации ВЭ (Парето-оптимальному распределению ресурсов) вне зависимости от первоначального распределения права собственности. Это утверждение вошло в экономический обиход как теорема Коуза и послужило толчком к развитию нового способа интернализации ВЭ. Подход основан на расширении сферы рыночной экономики на области рыночной недостаточности. Провалы рынка преодолеваются путем наделения сторон правами собственности и предоставления им возможности обмена.

В отличие от Пигу Коуз видел причины отрицательных экстерналий не в провалах рынка, а в провалах регулирования. Поэтому первоочередной он считал разработку законов, которые позволили бы удалить все препятствия для частных переговоров. Последователь Коуза D. Bromley (1991) доказал, что если права собственности определены, а транзакционные издержки равны 0, экстерналий в долгосрочной перспективе не будет. Процесс переговоров будет продолжаться до тех пор, пока чье-либо положение может быть улучшено (в Парето-оптимальном смысле). Экстерналии могут сохраняться только пока идут переговоры.

Правами собственности можно наделять реально (например, путем приватизации дорог) или создавая суррогатные рынки (с помощью так называемых торгуемых прав или разрешений). Впервые призыв к приватизации дорог для решения проблемы заторов прозвучал в порядке критики Пигу еще в 1924 г.

[5. С. 334-347]. Используя пример Пигу о короткой дороге с пробками и длинной без пробок, Knight продемонстрировал, что частная собственность на короткую дорогу устранила бы расхождение общественных и частных выгод⁵.

Системы торгуемых прав (разрешений) базируются на положениях теоремы Коуза о том, что при определенных условиях переговоры об экстерналиях могут привести к оптимальному результату. Это новый инструмент и в теории, и в практике. Создание суррогатных рынков торгуемых разрешений апробировано для решения проблемы загрязнения. Доказано, что система торгуемых прав на выбросы загрязняющих веществ автоматически выводит общество на эффективное решение при условии задания ограничений на общий объем выбросов. Причем достижение этого эффективного решения обеспечивается при затратах значительно меньших, чем при установлении стандартов на выбросы⁶.

Существует несколько видов систем торгуемых разрешений: система усреднения – averaging (установление средних лимитов выбросов на аналогичные продукты в отрасли⁷); кредитная система (установление лимитов на каждый источник выбросов и разрешение торговли объемами сверхлимитного снижения загрязнения); система «колпака» – Cap&Trade System (установление предельного потолка загрязнения и распределение прав на выбросы)⁸.

Позволив свободную покупку/продажу разрешений, общество получает рыночную оценку доступа к ресурсу. Система торгуемых разрешений гарантированно обеспечивает соблюдение установленного лимита доступа к ресурсу; дает загрязнителям возможность выбирать между установлением очистного оборудования и покупкой разрешений; стимулирует технический прогресс (избыток разрешений можно продать) и в конечном счете обеспечивает переход права на выбросы к тем, кто их выше ценит.

В западной экономической литературе широко дебатировался вопрос об этической стороне наделения правами собственности на загрязнение. В своей работе P. Goodin сравнил систему торговли разрешениями на выбросы загрязнителей с торговлей индульгенциями в средневековье: продавец продает нечто, на продажу чего у него нет прав (право на деградацию окружающей среды); покупатель покупает то, что по моральным соображениям не может быть продано; заключаемая сделка легитимизирует деградацию природной среды (грех); система дает право избранным (владельцам разрешений) делать то, что они не должны делать вообще [4].

По моральным критериям система стандартов выглядит привлекательнее, но, как обычно бывает, моральное оказывается экономически менее эффективным. T. Tietenberg отмечает, что в настоящее время моральные

⁵ Однако до сих пор в мире дороги практически повсеместно являются государственной (общественной) собственностью, за исключением дорог, построенных на правах собственности на частной территории. Платные дороги в мировой практике функционируют в рамках механизма комплексной концессии. Такие концессии предполагают не только строительство дороги и ее эксплуатацию, но и эксклюзивное право концессионера на пользование и владение придорожной полосой. Причем частники могут строить объекты придорожной инфраструктуры уже не на правах концессии, а на правах собственности. Серьезной проблемой для общества являются платные дороги, которые оказались невосстановительными для общества и приводили к завышенным затратам. Такие случаи имели место в США, Нидерландах, Венгрии, Чили, Мексике. Государство прекращало концессии и возвращало дороги в свое управление, но при этом вложенные частными компаниями средства возмещались с процентами и компенсацией упущенной выгоды из государственного бюджета. В итоге проекты строительства дорог оказывались для национального бюджета гораздо дороже.

⁶ Система торгуемых разрешений в сфере транспорта пока остается областью научных дискуссий. В контексте устойчивого развития обсуждаются три вида торгуемых прав: 1) торгуемые разрешения на пробег (tradable vehicle kilometer permits – TVKR), 2) торгуемые разрешения на топливо (tradable fuel permits – TFP), 3) торгуемое право на въезд (tradable entry permits – TEP), а также достоинства и недостатки этих разрешений в сравнении с налогами на топливо, дорожной и кордонной платой.

⁷ Такая система действует на американском автомобильном рынке.

⁸ Самое сложное в системе торгуемых прав – первоначальное распределение разрешений. Оно может проводиться в виде аукционов, лотерей и по другим критериям (поровну, исходя из прошлого опыта и др.).

преграды в общественном мнении на пути практического внедрения системы торгуемых прав почти преодолены [9]. Он подчеркивает, что складывающиеся рынки разрешений на загрязнение являются суррогатными, потому что предполагают не установление полноценных прав собственности на окружающую среду для агентов рынка, а лишь наделение их правом на санкционированный доступ к ресурсу. Причем воздействие при осуществлении такого доступа не должно превышать установленного обществом уровня безопасности (например, по критерию здоровья населения).

Пигувианский налог можно рассматривать как особый случай денежной реализации прав собственности. Например, плата за загрязнение, являющаяся по своей сути налогом Пигу, просто говорит о том, что загрязнитель не является единственным собственником ассимиляционного потенциала, а должен делиться с другими (государством).

Однако между этими подходами существуют и заметные расхождения. Ценность разрешения, в отличие от налогов, устанавливается рынком. Для реализации механизма торгуемых прав нет необходимости в таком объеме информации, который необходим для системы налогов, и он в большей степени, чем налоги, свободен от оппортунистического поведения бюрократии («провалы государства»), вместе с тем трансакционные издержки реализации этого подхода могут быть предельно высокими.

Для выработки эффективной транспортной, социальной и экологической политики важно оценить масштаб искажения цен в автомобильном транспорте. Задача эта чрезвычайно сложна по двум причинам. Во-первых, потому что сложны сами определение и оценка основных категорий экстерналий затрат. А, во-вторых, теория требует от нас оценки предельных затрат, но ни в одной стране мира не ведется их калькуляция. На практике анализ экстерналий эффектов обычно ограничивается ближайшими косвенными результатами какой-либо деятельности (т.е. результатами, непосредственно не относящимися к целям, ради которых данный вид деятельности предпринимался).

Широкий круг издержек водители не включают в рассмотрение в процессе принятия решений относительно способа передвижения, т.е. передвижение на автомобиле для водителя дешевле, чем для общества в целом.

В научной литературе встречаются оценки 20 категорий издержек, имеющих место в дорожном транспорте: владение автомобилем, эксплуатация автомобиля, текущие субсидии (обычно общественному транспорту), время поездки, издержки, связанные с авариями, парковка, дорожные пробки, дорожная инфраструктура, стоимость земли, регулирование дорожного движения, разнообразие транспорта, загрязнение воздуха, шум, редкость ресурсов, барьеры, влияние на землепользование, загрязнение воды, отходы [8].

Усредненные данные показывают, что экстерналии издержки автотранспорта по величине доходят до 80% от внутренних переменных. По нашим расчетам экстерналии издержки от загрязнения воздуха в России составляют в среднем 48,4 коп. на километр [2. С. 161].

Развитые страны давно уже осознали, что неконтролируемая автомобилизация – это тупиковый путь развития. Современные транспортные стратегии ориентированы на расширение возможностей для передвижения населения, а не личных транспортных средств.

Во всех развитых странах, столкнувшихся с негативными последствиями высокой автомобилизации, основными мерами на первом этапе было использование системы экологических стандартов для снижения природоемкости автотранспортных средств (АТС).

В дальнейшем центр внимания был перенесен на методы регулирования спроса на передвижение на личном автотранспорте.

Практически для этого применяются 5 основных видов инструментов: 1) налогообложение автотранспортных средств; 2) налогообложение топлив; 3) плата за пользование дорогами; 4) плата за заторы; 5) плата за парковки.

Задачей первого типа налогов было уменьшить спрос на личные автомобили. По своей экономической сути этот платеж является входной платой за пользование дорожной инфраструктурой.

Налогообложение топлив позволяет переложить переменные дорожные издержки на пользователя автотранспортом пропорционально использованию дорожной инфраструктуры и стимулировать использование экологически чистых топлив.

Плата за пользование дорогами может дифференцироваться в зависимости от времени суток, типа автомобиля, применяться к участку дорожной сети или к отдельной дороге. Такая плата является эффективным способом регулирования объемов, места и времени передвижения автомобилей. Обычно платными делают дороги, на которых возникают пробки. Плата за заторы выступает как форма платежа за использование транспортной сети в городах с интенсивным движением транспорта.

До сих пор значительное количество парковочных мест во многих городах мира предоставляется пользователям автотранспорта бесплатно. Повсеместное введение платных парковок (в сочетании с запретом на парковку на улицах) в значительной степени способно побудить население пересесть на общественный транспорт.

В табл. 2 приводится описание совокупности экономических инструментов, которые могут быть применены для регулирования спроса на передвижение личным автотранспортом.

Таблица 2

Обзор экономических инструментов для регулирования дорожного транспорта

Инструмент	Достигаемые цели
1. Налоги/платежи на покупку, владение и утилизацию автомобиля	– уменьшение собственников авто; – кооперация в использовании авто; – покупка автомобилей с низким расходом топлива и выбросом; – уменьшение числа частных поездок на авто
2. Налоги/платежи на пользование автомобилем	– меньше моторизованного транспорта; – рост использования общественного транспорта; – использование автомобилей с пониженным расходом топлива; – меньше загрязнение окружающей среды; – меньше заторов; – меньше риск несчастных случаев
3. Налоги/платежи за парковку в городе и/или использование системы парковок на въезде в город	– меньше моторизованного транспорта в городах; – больше использование общественного транспорта
4. Налоги/платежи за использование транспортной инфраструктуры	– снижение времени поездки; – меньше моторизованного транспорта; – меньше заторов; – больше использование общественного транспорта
5. Субсидирование общественного транспорта	– снижение платы за проезд в общественном транспорте; – больше поездок в общественном транспорте; – снижение времени поездок; – развитие сети общественного транспорта
6. Налоги/платежи на топливо	– меньше моторизованного транспорта; – больше автомобилей с низким расходом топлива; – меньше потребление моторных топлив; – меньше выбросы от дорожного транспорта
7. Экологическая дифференциация налогов/платежей	– меньше выбросы загрязняющих веществ; – больше малозагрязняющих автомобилей; – меньше потребление моторных топлив

Источник: составлено автором с использованием [10].

Трудно определить «правильный» уровень налогообложения автотранспорта. Рекомендуется применять указанные выше инструменты сначала на низком уровне, постепенно увеличивая налоговые ставки. Не следует рассматривать предложенные инструменты как чисто фискальные, поскольку эффективная система налогообложения автотранспорта (т.е. реализующая поставленную цель – снижение спроса) уменьшит налоговые поступления (в идеале до 0).

Литература

1. Интриллигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория. М.: Прогресс, 1975.
2. Ховавко И.Ю. Административно-правовые и экономические методы регулирования воздействия на окружающую среду. М., 2009.
3. Coase R.H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. № 3.
4. Goodin R.E. Selling Environmental Indulgences // Kyklos. 1994. № 47(4).
5. Knight, Frank N. Some Fallacies in the Interpretation of Social Costs // Journal of Economics. 1924. № 38. P. 582-606.
6. Pigou A. The Economics of Welfare. 4th ed. London: Macmillan and Co, 1932.
7. Samuelson P.A. Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure // Review of Economics and Statistics. 1955. Vol. 37. P. 35-56.
8. www.vtpi.org. – Todd Litman. Transportation Cost Analysis: Techniques, Estimates and Implications. Executive Summary, Victoria Transport Policy Institute. 2002. June.
9. www.colby.edu/personal/thieten – Tietenberg T. The Evolution of Emission Trading: Theoretical Foundations and Design Considerations.
10. www.gtz.de – Economic Instruments for Sustainable Road Transport. An Overview for Policy Makers in Developing Countries, GTZ GmbH. P. 27.

ХОВАВКО ИРИНА ЮРЬЕВНА – старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики природопользования, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (papenov@econ.msu.ru).

KHNOVAVKO IRINA YUREVNA – senior scientific worker, candidate of economics sciences, assistant professor of Nature Management Economy Department, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

УДК 334.735

И.В. ШАВАНДИНА, А.Е. ШАМИН

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В СФЕРЕ ЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на примере Нижегородской области)

Ключевые слова: потребительская кооперация, заготовительная деятельность системы потребительской кооперации, заготовки основных видов сельскохозяйственной продукции, объем закупок, заготовительный оборот.

Дана оценка современного состояния заготовительной отрасли системы потребительской кооперации Нижегородской области. Рассмотрены тенденции развития отрасли на микроуровне на примере Княгининского филиала Нижегородского областного потребительского общества (НОПО).

I.V. SHAVANDINA, A.E. SHAMIN

CONSUMERS' COOPERATIVE SOCIETY IN AREA OF PROCURING ACTIVITY (ON AN EXAMPLE OF THE NIZHNIY NOVGOROD AREA)

Key words: consumers' cooperative society, procuring activity of system of consumers' cooperative society, preparation of the basic types of agricultural production, volume of purchases, a procuring turn.

In article the assessment of a state of the art of procuring branch of system of consumers' cooperative society of the Nizhniy Novgorod area, and as tendencies of progress of branch on micro a level, on example of Knyagininsky branch NOPO is considered.

В период осуществления социально-экономических реформ 90-х годов прошлого столетия в агропромышленном комплексе России коренным образом изменились условия всех сторон жизни. Вместе с переходом от административно-командной системы хозяйствования к рыночной экономике произошло формирование многоукладного сельского хозяйства.

В структуре агропромышленного комплекса большая роль отводится потребительской кооперации, которая исторически специализировалась на обеспечении населения продуктами питания. В сферу ее деятельности входили также заготовка и переработка сельскохозяйственной продукции, торговое обслуживание сельского населения. В целом все социально-экономические преобразования в сельской местности непосредственно связаны с ее хозяйственной деятельностью.

Потребительская кооперация является одним из важнейших достижений человеческой цивилизации. Выдержавшая разрушительные последствия первых реформаторских преобразований, сохранившая в большинстве случаев материально-техническую базу, кадры потребительская кооперация вышла на новый виток развития и в настоящее время занимает ведущее место в кооперативном движении России. Осуществляя закупки у сельских жителей выращенной ими продукции, потребительская кооперация способствует повышению их доходов.

Заготовка сельскохозяйственной продукции, как одна из функций потребительской кооперации, не является самоцелью, а выступает в качестве одного из ресурсных источников эффективного функционирования розничной торговой сети и предприятий кооперативной промышленности. Заготовительная деятельность позволяет не только перейти к более высоким организационным формам взаимосвязей заготовительной отрасли, но и повысить эффективность потребительской кооперации в целом, насыщая потребительский рынок отечественными продуктами питания, непродовольственными товарами, в конечном счете внося свой вклад в реализацию сельскохозяйственного национального проекта.

Участие потребительской кооперации в заготовительной деятельности обусловлено максимальным приближением ее разветвленной сети непосредственно к производителям и переработчикам. Роль ее в организации закупок сельскохозяйственной продукции и сырья, в формировании товарных ресурсов продовольственного рынка основывается на учете потенциальных возможностей кооперативной системы. В настоящее время эти возможности далеки от реализации: заготовительная деятельность потребительской кооперации в основном концентрируется в личных хозяйствах населения, но и на этом локальном поле деятельности с потребительской кооперацией конкурируют частные предприниматели, которые отбирают потенциальных клиентов, осуществляя в основном разовые закупки сельскохозяйственной продукции по более высоким закупочным ценам. Заготовители-частники при этом скупают эту продукцию (яйца, картофель, овощи и фрукты), которая продается в большинстве случаев в переработанном виде, а значит, лучше всего подходит для прямого сбыта потребителю, не требуя наличия складских помещений. Другие продукты (сахарная свекла или зерновые), потребитель, как правило, покупает в переработанном виде, что и объясняет тесные связи заготовителей – кооператоров с предприятиями переработки.

В настоящее время рыночные условия диктуют острую необходимость расширения ассортимента закупаемой продукции, повышения качества заготовительных работ, чтобы уверенно удерживать конкурентоспособные позиции как одно из условий эффективного использования ресурсного потенциала и решения социальных задач.

Эффективность производства является важным экономическим показателем, характеризующим рентабельность. В общем виде её можно определить как уровень использования производственных ресурсов. Если предприятие осуществляет свою деятельность с минимальными затратами всех производственных ресурсов, то принято говорить, что оно работает эффективно,

т.е. рентабельно. Другими словами, чем меньше затрат и чем весомее конечный результат хозяйствования, тем выше эффективность.

Повышение эффективности функционирования организаций в сфере заготовительной деятельности является ключевой задачей потребительской кооперации в условиях рыночных отношений. В связи с этим деятельность организаций потребительской кооперации должна быть направлена на: улучшение качества предоставляемых услуг населению; повышение занятости сельского населения; уменьшение влияния сезонности на сельскохозяйственное производство; увеличение загрузки производственных мощностей, расширение ассортимента, объема производства перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию хозяйствующих субъектов; обеспечение стабильности поставок населению сельскохозяйственных продуктов, необходимого количества, качества и ассортимента.

Из этого следует, что социально-экономическая эффективность в широком смысле проявляется посредством увеличения объема производства, изменения важнейших экономических показателей, уровня жизни и окружающей среды и т.д.

Максимальное удовлетворение потребностей населения в продуктах питания на основе мобилизации существующих ресурсов становится одной из основных целей деятельности потребительской кооперации. Достижение главной цели предполагает решение ряда задач, важнейшая из них – увеличение закупок сельскохозяйственных продуктов и сырья.

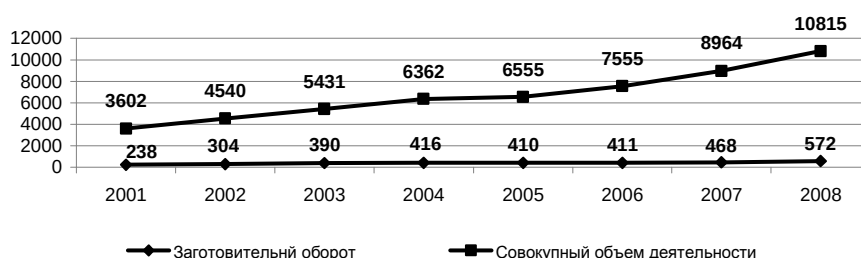
За последние годы (начиная с 1995 г.) Нижегородская область сохранила ресурсный потенциал заготовок сельскохозяйственной продукции, а потребительская кооперация, используя благоприятную ситуацию, улучшает свои позиции в заготовках основных сельскохозяйственных продуктов (табл. 1).

Таблица 1

Закупки сельскохозяйственных продуктов в Приволжском федеральном округе, тыс. т

Потребсоюз	Мясо			Молоко			Картофель		
	2008	рейтинг (место)		2008	рейтинг (место)		2008	рейтинг (место)	
		1990	2008		1990	2008		1990	2008
Башкирский	3,5	1	4	11	7	5	2,9	1	8
Марийский	0,5	14	48	7,2	9	7	0,5	14	44
Мордовский	0,6	13	43	0,9	5	29	0,3	7	54
Татарский	4,7	5	2	62,6	12	1	15,5	2	1
Удмуртский	5,6	10	1	17	8	3	7,2	10	2
Чувашский	3,0	11	6	30,1	3	2	2,9	5	7
Кировский	1,6	9	22	1,4	10	25	1,3	9	22
Нижегородский	2,4	6	8	3,4	13	11	2,7	3	10
Оренбургский	1,6	3	21	1,9	1	19	1,1	13	25
Пензенский	1,8	7	17	0,8	6	31	0,4	6	49
Пермский	0,9	12	37	0,2	11	48	2,6	4	11
Самарский	0,4	4	50	6,4	2	8	0,2	12	57
Саратовский	2,1	2	12	1,9	4	18	1,1	11	24
Ульяновский	0,2	7	55	0,6	13	56	0,1	8	61

По заготовкам мяса, молока и картофеля Нижегородская область в 2008 г. занимала 8-, 11- и 10-е место, а в 1990 г. – 6-, 13- и 3-е место соответственно. Динамика закупок сельскохозяйственной продукции за 2001-2008 гг. свидетельствует об устойчивом росте закупочной деятельности потребительской кооперации Нижегородской области, заготовительный оборот увеличился в 2,5 раза при росте совокупного объема деятельности в 3 раза, или на 7 213 млн руб. Однако доля заготовок сельскохозяйственной продукции в общем объеме деятельности за этот же период снизилась (рисунок).

Заготовительный оборот организаций потребительской кооперации
Нижегородской области, млн руб.

Это снижение на фоне роста объемов заготовительного оборота объясняется снижением в 2008 г. относительно 1990 г. закупок основных видов сельскохозяйственной продукции, причем почти по всем потребсоюзам Приволжского федерального округа (табл. 2).

Таблица 2

Закупки основных видов сельскохозяйственной продукции потребсоюзами
Приволжского федерального округа, тыс. т.

Потребсоюз	Мясо			Молоко			Картофель		
	1990	2008	%	1990	2008	%	1990	2008	%
Башкирский	23,8	3,5	14,7	2,8	11,03	393,9	84,8	2,9	3,4
Марийский	2,5	0,5	20,0	1,6	7,2	450,0	4,5	0,5	11,1
Мордовский	3,0	0,6	20,0	3,3	0,9	27,3	16,0	0,3	1,9
Татарский	15,2	4,7	30,9	0,7	62,6	894,3	49,6	15,5	31,3
Удмуртский	5,5	5,6	101,8	2,1	17,04	811,4	9,6	7,2	75,0
Чувашский	5,2	3,0	57,7	4,8	30,1	627,1	23,0	2,9	12,6
Кировский	7,5	1,6	21,3	1,0	1,4	140,0	10,7	1,3	12,1
Нижегородский	11,6	2,4	20,7	0,5	3,4	680,0	28,0	2,7	9,6
Оренбургский	16,9	1,6	9,5	11,8	1,9	16,1	6,6	1,1	16,7
Пензенский	10,1	1,8	17,8	3,0	0,8	26,7	21,8	0,4	1,8
Пермский	4,2	0,9	21,4	0,8	0,2	25,0	25,3	2,6	10,3
Самарский	15,7	0,4	2,5	6,5	6,4	98,5	7,5	0,2	2,7
Саратовский	18,5	2,1	11,4	4,1	1,9	46,3	7,6	1,1	14,5
Ульяновский	7,7	0,2	2,6	0,5	0,6	120,0	14,8	0,1	0,7
Всего	147,4	28,9	19,6	43,5	145,5	334,4	309,8	38,8	12,5

За анализируемый период закупки мяса организациями потребительской кооперации по Приволжскому федеральному округу сократились на 80,4%, почти в 3,5 раза увеличились закупки молока, закупки картофеля сократились на 87,5%.

Сокращение объемов закупок сельскохозяйственной продукции и их малое количество в последние годы характерны для Нижегородского облпотребсоюза (табл. 3).

Таблица 3

Закупки основных видов сельскохозяйственной продукции
Нижегородским облпотребсоюзом, тыс. т.

Продукция	1990	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Мясо	11,6	2,3	2,7	2,7	3,1	3,5	3,3	2,5	2,2	2,4	2,4
Молоко	0,5	2,2	3,1	5,1	6,8	8,6	11,0	7,0	5,0	4,3	3,4
Картофель	28,0	5,0	3,4	3,9	3,8	4,4	3,9	14,6	4,4	3,0	2,7
Овощи	48,1	2,0	3,6	3,7	3,9	5,5	5,1	5,6	5,4	4,8	5,2

Так, в 2008 г. по сравнению с 1990 г. объемы закупок мяса, картофеля и овощей снизились на 79,3%, 90,4% и 89,2% соответственно. Объем закупок молока в тот же период, наоборот, увеличился почти в 7 раз. Сравнивая объем закупок по основным видам сельскохозяйственной продукции за 2008 г. с аналогичным показателем за 1999 г., следует отметить что, наблюдается увеличение по всем видам продукции, кроме объема закупок картофеля, который снизился на 46%, или на 2,3 тыс. т.

Несмотря на трудности глубокого спада сельскохозяйственного производства в 1990-е годы, свою жизнеспособность показали личные подсобные хозяйства, продавшие потребительской кооперации треть мясомолочной продукции, половину выращенного урожая картофеля.

Однако потребительская кооперация не в полном объеме использовала этот ресурс (табл. 4), закупив у сельскохозяйственных товаропроизводителей от 1,1% молокопродуктов до 24,4% овощей.

Таблица 4

Степень освоения сельскохозяйственной продукции организациями потребительской кооперации Нижегородской области в хозяйствах населения, 2008 г., тыс. т.

Продукция	Реализовано личными подсобными хозяйствами, всего	Закуплено потребительской кооперацией в личных подсобных хозяйствах	
		в натуральном выражении	% к общему объему
Мясо и мясопродукты	27,4	0,8	2,9
Молоко и молокопродукты	103,7	1,1	1,1
Картофель	12,1	1,4	11,6
Овощи	8,6	2,1	24,4

Низкий уровень освоения потребсоюзами ресурсов личных подсобных хозяйств обусловлен не только и не столько экономическим кризисом и несовершенством налоговой базы, сколько значительно большей мобильностью заготовителей-частников и низким уровнем организационной работы самой потребительской кооперации. Взять хотя бы то, что закупкой молока в личных хозяйствах населения потребительская кооперация начала заниматься лишь с 1998 г., когда данный потребительский рынок был основательно освоен конкурентами. Организации потребительской кооперации не смогли преодолеть инерцию и осваивали ресурс слабо, но и с отрицательной тенденцией ежегодного снижения.

В 1990 г. потребительская кооперация Нижегородской области имела более 40 специализированных пунктов по приемке и централизованной отгрузке картофеля и овощей, 128 овощехранилищ, 23 пункта по забою скота, около 40 пунктов по приемке и хранению животноводческого и вторичного сырья. Закупку продукции осуществляли 350 штатных заготовителей. Такая мощная материально-техническая база позволяла вести заготовку более 30 видов продукции. Материально-техническая база потребительской кооперации Нижегородской области представлена в табл. 5.

Таблица 5

Материально-техническая база потребительской кооперации Нижегородской области

Заготовительные объекты	Количество единиц			Темп роста, %
	2002	2005	2008	
Приемозаготовительные пункты	56	51	46	82,1
Магазины – заготовительные пункты	938	944	919	97,9
Овощекартофелехранилища	27	32	33	122,2
Фруктохранилища	4	6	6	150,0
Склады вторичного сырья	15	16	16	106,7
Склады животноводческого сырья	17	14	14	82,4
Холодильники	10	15	9	90,0
Сушильные установки лекарственно-технического сырья	20	18	18	90,0

Из вышесказанного можно сделать вывод, что за период 2001-2008 гг. заготовительный оборот организаций потребительской кооперации области увеличился в 2,5 раза, несмотря на значительное сокращение объемов закупок основных видов сельскохозяйственных культур. Следствием снижения объемов закупок является низкое освоение ресурсов в хозяйствах населения, которое не превышает 20%. Все это привело к снижению материально-технической базы организаций потребительской кооперации области и получаемой прибыли.

Накопившиеся проблемы говорят о необходимости перевода заготовительной отрасли с экстенсивного на интенсивный путь развития, предусматривающий внедрение новых ресурсосберегающих высокоэффективных технологий, повышение качества обслуживания населения и рентабельности заготовительных работ.

В рыночных условиях особое значение приобретает изучение экономических процессов на уровне отдельных субъектов. Это могут быть экономические зоны или отдельные предприятия.

Выбор приоритетов развития муниципальных образований основывается на тщательном анализе существующего социально-экономического положения территории. Для более детального изучения заготовительной деятельности потребительской кооперации сравним показатели Княгининского филиала НОПО с аналогичными показателями ближайших районов с численностью жителей от 12 до 43 тыс. человек (табл. 6).

Княгининский район представляет собой один из типичных средних районов правобережной части Нижегородской области.

По роду хозяйственной деятельности Княгининский район – сельскохозяйственный, не имеет ярко выраженной специализации. Продукция животноводства и растениеводства в валовом объеме производства сельскохозяйственной продукции составляет 49% и 51% соответственно.

Таблица 6

Основные показатели социально-экономического развития Княгининского и ближайших к нему районов Нижегородской области в 2009 г.

Показатели	Районы						
	Княгининский	Б. Мурашкинский	Бутурлинский	Лысковский	Сергачский	Спасский	В среднем по области
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по чистым видам экономической деятельности по крупным и средним организациям в расчете на душу населения, тыс. руб.	39,5	31,6	20,0	22,4	8,9	5,2	103,4
Производительность труда по сельскому хозяйству: производство продукции сельского хозяйства сельскохозяйственными организациями в ценах предыдущего года в расчете на одного работающего в сельскохозяйственных организациях, тыс. руб.	59,1	65,9	128,4	78,0	48,8	44,5	130,4
Объем инвестиций в основной капитал по крупным и средним организациям в расчете на душу населения, руб.	2206,9	1235,5	2158,7	1050,1	393,7	1467,2	14039

Окончание табл. 6

Показатели	Районы						
	Княгининский	Б. Мурашкинский	Бутурлинский	Лысковский	Сергачский	Спасский	В среднем по области
Прибыль (убыток) до налогообложения на рубль оборота крупных и средних организаций, коп.	2,3	33,3	10,5	2,0	-22,6	4,7	4,9
Удельный вес убыточных организаций в общем числе организаций, %	20,0	1,0	10,5	42,9	43,5	28,6	36,6
Налоговые и неналоговые доходы, собираемые на территории муниципального района (городского округа) в консолидированный бюджет области, в расчете на душу населения, руб.	3534,8	2948,6	3063,6	3919,8	3724,4	2749,8	9402,7
Соотношение среднемесячной заработной платы одного работающего со среднемесячной заработной платой по области (по крупным и средним организациям), %	61,7	64,4	60,8	62,5	57,5	55,8	100,0
Соотношение среднемесячной заработной платы одного работающего по крупным и средним организациям и прожиточного минимума для трудоспособного населения, %	226,1	225,2	179,0	201,4	168,7	179,7	278,5
Уровень регистрируемой безработицы, %	1,5	1,1	1,6	1,8	2,3	1,1	1,77
Коэффициент естественного прироста (убыли) населения, чел.	-5,8	-12,2	-8,8	-10,7	-10,4	-17,3	-7,6

Княгининский филиал НОПО по своей деятельности является многоотраслевым с преобладанием розничной торговли (83,7%). Общественное питание и заготовки занимают 12,1 и 4,2% соответственно.

Закупки основных видов сельскохозяйственной продукции Княгининским филиалом НОПО в 2002-2008 гг. (табл. 7), дают основание утверждать, что потребительская кооперация в районе не удовлетворяет запросам жителей и развивается слабыми темпами. Закуплено на 80% меньше мяса, закупка молока практически почти отсутствует.

Таблица 7

Закупки основных видов сельскохозяйственной продукции в Княгининском филиале НОПО, т

Продукция	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Темп роста, %
Мясо	41,8	19,2	26,0	7,4	9,6	12,6	8,4	20,1
Молоко	34,9	0,02	0,6	9,7	1,6	0,3	0,5	1,4
Картофель	89,9	12,6	37,1	27,5	125,5	78,06	21,1	23,5
Овощи	37,3	12,5	25,8	27,5	49,5	53,5	30,5	81,8

В основном сельскохозяйственная продукция, заготавливаемая райпотребсоюзами, продается сторонним организациям, предприятиям общественного питания, розничной торговли и в социальную сферу (табл. 8).

Эффективность заготовительной деятельности (при стабильных ценах) отражается показателем прибыли – барометра финансового положения, стрелка которого бесстрастно фиксирует качественную разность между выручкой от реа-

лизации продукции (услуг) и суммой затрат на заготовительную деятельность. Если второе превышает первое, потребительская кооперация работает в убытке. Данные табл. 9 показывают, как деятельность Княгининского филиала НОПО в течение 2002-2008 гг. из убыточной переходит в прибыльную.

Таблица 8

**Каналы реализации основных видов сельскохозяйственной продукции
в Княгининском филиале НОПО в 2008 г., т**

Продукция	Реализовано			
	сторонним организациям	через розничную торговлю	через обществен- ное питание	организациям социальной сферы
Мясо	2,5	2,2	2,8	0,9
Молоко	-	-	0,5	-
Картофель	9,9	2,0	5,2	3,9
Овощи	21,5	4,1	2,9	1,9

Таблица 9

Финансовые результаты заготовительной деятельности Княгининского райпо, тыс. руб.

Показатель	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Темп роста, %
Прибыль (убыток)	-119	-152	-50	-46	+14	+17	+21	X
Валовой доход	149	249	292	361	317	348	401	269,1
Затраты на покупку сельскохозяйст- венной продукции	3603	4434	3085	2985	2324	2243	2103	58,4
Затраты на реализацию	268	401	342	407	303	286	274	102,2
Заготовительный оборот	3871	4835	3427	3392	2627	2476	2298	59,4

Это произошло вследствие снижения затрат на покупку сельскохозяйственной продукции на 41,6%, но при этом выросли затраты на реализацию продукции на 2,2%. 2005 год стал переломным, началось снижение данных затрат. Валовой доход в 2006 г. по сравнению с 2002 г. увеличился в 2,5 раза, было бы больше, если бы заготовительный оборот не снизился на 40,6%.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что заготовительная деятельность Княгининского филиала НОПО ухудшается. Об этом говорит снижение заготовительного оборота и объемов закупки основных видов сельскохозяйственной продукции. Несмотря на это, заготовительная деятельность Княгининского филиала НОПО является рентабельной, убыток в период 2002-2005 гг. сокращался, а в 2008 г. получена прибыль.

Литература

1. Глебов И., Телегин В. Развивать сельскохозяйственную потребительскую кооперацию // Экономика сельского хозяйства России. 2004. № 8. С. 5.
2. Ильин Ю.А. Отечественная кооперация / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. 472 с.
3. Климов А.П. Потребительская кооперация в системе развитого социализма. М.: Экономика, 1980. 208 с.
4. Отмахов Г.Ф. Нижегородская потребительская кооперация 1868-2000 гг. / Чебоксарский кооперативный ин-т. Чебоксары, 2000. 272 с.
5. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989.

ШАВАНДИНА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и статистики, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (Shirina2008@mail.ru).

SHAVANDINA IRINA VALEREVNA – candidate of economics sciences, associate professor of Economics and Statistics Chair, Nizhny Novgorod State Engineering Economic Institute, Russia, Knyaginino.

ШАМИН АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. См. с. 339.

УДК 334.735

Е.А. ШАМИН

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: конкурентоспособность, потребительская кооперация, анализ, пайщик, товарооборот, заготовки сельскохозяйственной продукции, общественное питание, платные услуги, прибыль.

Рассмотрены конкурентные особенности развития организаций потребительской кооперации в Приволжском федеральном округе, дан анализ экономического развития потребительских союзов округа. Рассмотрены тенденции развития отраслей потребительской кооперации как в целом по Российской Федерации, так и по Приволжскому федеральному округу.

E.A. SHAMIN

COMPETITIVENESS OF THE CONSUMERS' COOPERATIVE ORGANIZATIONS IN PRIVOLZHSKIY FEDERAL DISTRICT

Key words: competitiveness, consumers' cooperative society, the analysis, the shareholder, goods turnover, preparations of agricultural production, public catering, paid services, profit.

In given article competitive features of development of the organizations of consumers' cooperative society in Privolzhsky federal district are considered, the analysis of economic development of the consumer unions of district is given there. Tendencies of development of branches of consumers' cooperative society as a whole across the Russian Federation and on Privolzhsky federal district are considered.

Свойство конкурентоспособности организаций потребительской кооперации проявляется в процессе конкуренции с другими подобными ей субъектами. Наличие пересекающихся целей и ограниченность мобильных ресурсов обуславливают интенсификацию конкурентных процессов, в ходе которых реализуется свойство конкурентоспособности организаций потребительской кооперации.

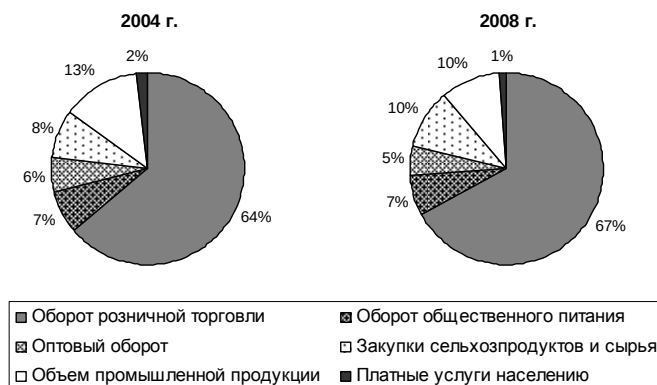
Конкурентоспособность имеет динамичный и временной характер, проявляющийся как быстро меняющееся свойство экономического субъекта в рамках определенного конкурентного поля в определенное время. В этой связи с целью усиления позиций организаций потребительской кооперации в конкурентном пространстве появляется объективная необходимость реализации задач воспроизводства конкурентоспособности территорий, на которых располагается организация потребительской кооперации. Принимая во внимание многоотраслевую деятельность организаций потребительской кооперации, их интеграцию с субъектами сельскохозяйственного производства, активизируются процессы развития потребительской кооперации, которые способны действовать рационально и вступать в конкурентные отношения. Конкурентные преимущества потребительской кооперации выражаются в многообразии, а также в деятельности и работе на удовлетворение потребностей своих пайщиков и других жителей сельских территорий.

Анализ конкурентоспособности организаций потребительской кооперации концентрируется на изучении социально-экономических показателей деятельности организаций потребительской кооперации Приволжского федерального округа.

В каждом субъекте округа работают потребительские союзы. На долю Приволжского федерального округа приходится 26,7% всех кооперативных организаций системы Центросоюза России и 27,6% численности пайщиков, всего по Центросоюзу их насчитывается 1148 тыс. За последние годы в потребсоюзах Приволжского федерального округа происходит сокращение зоны деятельности потребительской кооперации по численности обслуживаемого населения, в связи с этим численность пайщиков сократилась более чем наполовину. Причинами этого является снижение численности населения территории в Приволжском федеральном округе, а также отсутствие должных материальных стимулов привлечения в систему молодых пайщиков.

Объединение потребительских обществ, их союзов в систему обуславливает конкурентные преимущества организаций потребительской кооперации по

сравнению с другими субъектами рынка. Одним из мощных конкурентных преимуществ является многоотраслевой характер деятельности потребительской кооперации, позволяющий создать интегрированное хозяйство. Структура отраслей деятельности потребительской кооперации представлена на рисунке.

Структура совокупного оборота деятельности потребительской кооперации в Приволжском федеральном округе

Основной сферой деятельности потребительской кооперации является розничная торговля, имеющая развитую сеть предприятий, профессиональный состав кадров, занимающая достойное место на рынке потребительских товаров. Но каждая кооперативная организация по-своему использует преимущества системы в сохранении конкурентных позиций на потребительском рынке. Вот почему так важно изучить и обобщить опыт адаптации организаций и предприятий потребительской кооперации к условиям конкурентной среды хозяйствования, выделяя их передовые формы и методы работы [1]. Проанализировав данные за 5 лет, мы видим, что в совокупном обороте системы потребительской кооперации Приволжского федерального округа ее удельный вес увеличился на 3% и составил в 2008 г. 67%. Второй по объемам деятельности потребительской кооперации является отрасль товаров народного потребления. Эта отрасль является одним из главных поставщиков потребительских товаров для кооперативной розничной торговой сети. За анализируемый период удельный вес её в общей структуре уменьшился с 13% до 10%. Третье место занимает отрасль заготовок сельскохозяйственной продукции и сырья, её удельный вес в общей структуре совокупного оборота увеличился на 2% и составил в 2008 г. 10%. Эта отрасль является поставщиком товаров как для розничной торговли, так и поставщиком сырья для предприятий кооперативной промышленности. Четвертое место в структуре совокупного оборота занимает общественное питание, его удельный вес составляет 7%. Пятое и шестое место в структуре занимают отрасли оптовой торговли и платных услуг населения. За анализируемый период времени их доля в общем объеме совокупного оборота уменьшилась и составила в 2008 г. соответственно 5% и 1%.

Все отрасли потребительской кооперации (розничная торговля, оптовая торговля, общественное питание, производство, закупки) взаимосвязаны и взаимозависимы, что дает возможность системе потребительской кооперации стабильно работать и успешно решать поставленные перед ней задачи.

Однако за анализируемый период потребительская кооперация за счет сокращения объемов торговой деятельности в районных центрах потеряла значительную долю рынка, уступив самый выгодный сегмент регионального рынка частным предпринимателям. Результаты исследования показали, что в

потребсоюзах Приволжского федерального округа, как и в целом по Центросоюзу, за период с 2004 г. по 2008 г. также происходило снижение доли рынка. Например, в Нижегородской области доля рынка потребительской кооперации сократилась с 4,1% до 2,8%, в Республике Башкортостан с 1,8% до 1,1%, в Республике Марий Эл с 9,5% до 6,3%, в Республике Мордовия с 4,1% до 2,0%, в Республике Татарстан с 2,4% до 1,1%, в Республике Удмуртия с 6,7% до 5,2, в Республике Чувашия с 11,1% до 8,2%, в Пермском крае с 5,9% до 4,3%, в Кировской области с 3,9% до 2,4%, в Оренбургской области с 3,1% до 2,1%, в Пензенской области с 1,4% до 0,7%, в Саратовской области с 1,6% до 1%, в Ульяновской области с 2,6% до 1,3%, в Самарской области доля потребительской кооперации в товарообороте области не изменилась и составила 0,5%. В среднем по Приволжскому федеральному округу доля рынка, занимаемая потребительской кооперацией, сократилась на 0,9% и составила 2,8%.

Снижение удельного веса потребительской кооперации на рынке обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. Одним из таких факторов является охват денежных доходов населения, направленных на покупку товаров. Данный показатель по Приволжскому федеральному округу варьирует от 6,3% в Самарском до 50,0% в Чувашском потребсоюзе. В Нижегородском потребсоюзе в 2008 г. было вовлечено в оборот 30,2% денежных доходов сельского населения, направленных на покупку товаров. При этом следует отметить, что за рассматриваемый период в целом прослеживается положительная тенденция на увеличение охвата потребительской кооперацией денежных доходов сельского населения, направленных на покупку, в среднем по Приволжскому федеральному округу данный показатель увеличился на 3,5%, а по Центросоюзу – на 2,9%, в то же время в Башкирском, Мордовском, Самарском потребсоюзах произошло снижение данного показателя на 0,1%, 3,4%, 1,9% соответственно.

Утрата потребительской кооперацией позиций в обслуживании сельского населения вызвана не столько низкой платежеспособностью, сколько уменьшением количества торговых предприятий, сдачей в аренду и продажей магазинов, расположенных в местах оживленных покупательских потоков, слабой коммерческой деятельностью, отсутствием в магазинах товаров, необходимых покупателю. Так за период с 2004 г. по 2008 г. количество розничных торговых точек сократилось по всей потребительской кооперации на 27,1% и составило 46 679 единицы. Тем не менее наметилась тенденция снижения количества розничных торговых предприятий потребительской кооперации, отданных в аренду: по Центросоюзу на 15,2%, а по Приволжскому федеральному округу на 14,4%. Несмотря на это, в ряде потребсоюзов сдача в аренду торговых точек растет: в Мордовском потребсоюзе она возросла на 5%, Татарском – на 25,7%, Пермском – на 2,5%. В Нижегородском потребсоюзе количество предприятий, сданных в аренду, увеличилось практически в 2 раза.

Как уже отмечалось выше, основной отраслью потребительской кооперации является розничная торговля, что обусловлено целью ее деятельности – удовлетворение материальных и иных потребностей своих членов. Осуществляя свою деятельность в сельской местности, где проживает основная часть пайщиков, кооперативная торговля обслуживает не только своих членов, но и других жителей, что определяет ее социальную значимость.

Согласно статистическим данным, оборот розничной торговли потребительской кооперации РФ в сельской местности в действующих ценах неизменно растет, в 2008 г. по сравнению с 2004 г. темп прироста розничного товарооборота и общественного питания составил 76,3%, такая же тенденция прослеживается и по Приволжскому федеральному округу.

Оборот общественного питания потребительской кооперации России в 2008 г. составил 12,5 млрд руб., или 8,13% от всего розничного оборота. По

Приволжскому федеральному округу доля оборота общественного питания в розничном обороте потребительской кооперации составляет 10,12%, а сам оборот – 4,9 млрд руб. Наибольший удельный вес во всем товарообороте потребительской кооперации в Приволжском федеральном округе занимает оборот общественного питания Оренбургского потребсоюза – 14,7%, Марийского – 14,2%, и Башкирского – 13,9. В целом по потребсоюзам Приволжского федерального округа в 2008 г. оборот общественного питания в действующих ценах вырос практически в 2 раза. Внешние условия в целом благоприятствуют увеличению объемов деятельности предприятий общественного питания, они, во-первых, удовлетворяют потребность населения – потребность в пище, во-вторых, дают возможность общения людей в кругу знакомых, друзей и т.д. Сельский рынок в достаточной степени не насыщен услугами общественного питания, особенно возрастает спрос на эти услуги со стороны молодежи и детей. На данный момент в сельской местности у потребительской кооперации отсутствуют сильные конкуренты в общественном питании, поэтому имеются реальные возможности для расширения этого рынка.

В заготовительной отрасли в 2008 г. по сравнению с 2004 г. объемы деятельности возросли в 1,7 раза и составили 17 млрд руб. Аналогичные тенденции наблюдаются и в Приволжском федеральном округе, за анализируемый период заготовительный оборот потребительской кооперации вырос более чем в 2 раза и составил в 2008 г. 63 млрд руб. Несмотря на высокий рост заготовительного оборота, наблюдается спад объемов закупок по отдельным видам сельскохозяйственной продукции. Так, по Центросоюзу в целом произошел спад объемов закупок мяса и мясопродуктов на 8,9 тыс. т, и в 2008 г. объем закупок составил 45,5 тыс. т. В потребсоюзах Приволжского федерального округа объемы закупок мяса и мясной продукции в 2008 г. по сравнению с 2004 г. сохранились на прежнем уровне и составили 29,1 тыс. т, в том числе у населения – 19,9 тыс. т.

Закупка молока и молокопродуктов в общем по Центросоюзу за период с 2004 г. по 2008 г. увеличилась на 25% и составила 212,7 тыс. т. По Приволжскому федеральному округу объем закупок молокопродуктов увеличился более чем в 2 раза и составил в 2008 г. 145 тыс. т, в том числе у населения – 117,7 тыс. т. Данное увеличение произошло из-за роста объемов заготовок в Татарском потребсоюзе более чем в 6 раз, Марийском и Самарском – в 4,5 раза, Башкирском – в 2 раза, Удмуртском и Чувашском – в 1,5 раза. Но есть и обратные тенденции, например, за анализируемый период в Ульяновском потребсоюзе количество заготовленного молока сократилось на 90% с 64 т в 2004 г. до 6 т в 2008 г., в Нижегородском потребсоюзе также произошел спад заготовок молока практически на 70%, это связано с уменьшением доли молочного скотоводства в сельском хозяйстве области.

За анализируемый период произошло незначительное уменьшение заготовок картофеля. По Центросоюзу в целом в 2008 г. данный показатель составил 95,5 тыс. т, что на 6% меньше, чем в 2004 г. В организациях потребительской кооперации Приволжского федерального округа заготовка картофеля в 2008 г. по сравнению с 2004 г. сократилась на 4% и составила 38,8 тыс. т, хотя в целом по округу сокращение незначительное. Однако в некоторых потребсоюзах заготовки картофеля сократились практически наполовину. Так, в Пермском потребсоюзе заготовки картофеля сократились на 52%, Ульяновском – на 44%, в Нижегородском, Самарском, Удмуртском – на 31%, 16%, 15% соответственно. Темп роста заготовок картофеля в Марийском потребсоюзе вырос практически в 2 раза, в Мордовском – в 1,8 раза, Татарском – в 1,3 раза, в Башкирском, Чувашском и Оренбургском он остался на уровне 2004 г.

Заготовка овощей в целом по Центросоюзу в 2008 г. по сравнению с 2004 г. возросла на 8% и составила 90,3 тыс. т, в том числе у населения

37,9 тыс. т. По Приволжскому федеральному округу заготовка овощей за последние 5 лет увеличилась 27%, это произошло за счет того, что в Мордовском потребсоюзе заготовка овощей возросла более чем в 4 раза, в Татарском, Удмурдском – почти в 1,5 раза. Наряду со снижением объемов заготовок по некоторым видам сельскохозяйственной продукции возникли серьезные проблемы в сбыте закупленной продукции. На это в какой-то мере повлияла недостаточная оснащенность технологическим оборудованием для длительного хранения продукции, что не позволяет в полной мере осуществлять хранение продукции в межсезонный период.

Вместе с тем следует отметить, что увеличение объемов закупок сельскохозяйственных продуктов у населения не только увеличивает ресурсы торговли, обеспечивая эффективное использование ее материально-технического потенциала и повышая конкурентоспособность организаций потребительской кооперации, но имеет и другую положительную сторону. Сдатчики сельхозпродукции являются потенциальными покупателями на селе. Деньги за проданную продукцию служат для них дополнительным доходом, который можно вовлечь в товарооборот. Поэтому организации потребительской кооперации должны особое внимание уделять развитию заготовительной деятельности.

Среди отраслей кооперативного хозяйства наиболее устойчивое положение на рынке товаров и услуг занимает промышленность. Промышленным предприятиям потребительской кооперации отводится важная роль в обеспечении населения товарами, особенно продуктами питания, в данной отрасли формируется часть товарных ресурсов для розничной торговли потребительской кооперации. Промышленность потребительской кооперации в основном представлена предприятиями по производству хлеба, колбасных изделий, безалкогольных напитков, макаронных изделий и некоторых других продуктов питания. Объем произведенной продукции по Центросоюзу в 2008 г. составил 19,3 млрд руб., что на 20,9% больше, чем в 2004 г. Однако следует отметить, что и в сопоставимых ценах в 2008 г. объем произведенной продукции находится на уровне 2004 г. По Приволжскому федеральному округу темп роста объема произведенной продукции наблюдается во всех потребсоюзах, кроме Мордовского и Ульяновского, где снижение составило 2,7% и 35,3% соответственно.

Важными направлениями повышения конкурентоспособности потребительских обществ являются диверсификация деятельности и расширение сферы услуг. Повышенный спрос на услуги обуславливает приоритетное развитие этой сферы и повышает конкурентоспособность организаций потребительской кооперации по сравнению с другими торгующими организациями. Удовлетворение потребностей сельского населения в услугах способствует увеличению объемов деятельности и созданию новых рабочих мест в сельской местности. Высокая потребность в услугах создает реальную основу для образования в сфере услуг потребительских кооперативов с привлечением пенсионеров, инвалидов и других категорий из числа незанятого населения. Пенсионеров и инвалидов можно привлекать к производству на неполный рабочий день, что очень важно для развития сельских территорий.

В целом по Центросоюзу в 2008 г. объем платных услуг населению по сравнению с 2004 г. возрос на 4,9% и составил 3,9 млрд руб., по организациям потребительской кооперации в Приволжском федеральном округе объем оказанных платных услуг в 2008 г. составил 745,5 млн руб., что практически в 1,5 раза превышает показатель 2004 г. В Самарском потребсоюзе объем услуг вырос в 4 раза, в Башкирском более чем в 2 раза, Марийском, Татарском, Удмуртском Чувашском, Оренбургском в 1,5 и более раза, однако в Ульяновском потребсоюзе объем услуг сократился в 4 раза, в Пермском – на 32%, Пензенском – на 13,1%, Саратовском – на 4,7%.

Немаловажным фактором повышения конкурентоспособности любой организации является устойчивое финансовое положение. За исследуемый период наметились положительные тенденции финансового оздоровления организаций потребительской кооперации. Так, в 2008 г. по сравнению с 2004 г. прибыль потребительской кооперации в целом увеличилась практически в 4 раза и составила 4,6 млрд руб., в Приволжском федеральном округе в 2004 г. прибыльными являлись 80% организаций потребительской кооперации, в 2008 г. все организации сработали без убытков. Положительные тенденции в финансовой деятельности потребительской кооперации обусловлены ростом объемов совокупного оборота, оптимизацией структуры управления отраслями и предприятиями, в частности сокращением числа хозрасчетных организаций, за счет чего и произошло сокращение издержек обращения. Кроме того, укреплению финансовой деятельности способствовала поддержка потребительской кооперации со стороны государства, а также рост денежных доходов населения, направленных на покупку товаров.

В то же время организации потребительской кооперации испытывают острый недостаток в собственных оборотных средствах. При этом недостаточно используется такой способ пополнения финансовых ресурсов, как привлечение денежных средств населения. Кроме того, во всех потребсоюзах Приволжского федерального округа наблюдается рост дебиторской задолженности, что свидетельствует о прямом отвлечении финансовых ресурсов, это при недостатке собственных оборотных средств значительно снижает эффективность финансово-хозяйственной деятельности, а следовательно, и конкурентоспособность организаций потребительской кооперации.

Таким образом, результаты анализа показывают, что потребительская кооперация находится в сложной экономической ситуации: за период экономических реформ снизились объемы деятельности, стареет и изнашивается материально-техническая база, утрачены позиции на региональных рынках в результате усиления конкуренции. Однако система сохранила свою целостность и основные отрасли деятельности. Она по-прежнему обладает мощным экономическим потенциалом. Накопленный за годы реформ опыт и значительные, в сравнении с другими хозяйствующими субъектами, конкурентные преимущества свидетельствуют о наличии внутренних резервов повышения эффективности деятельности и обеспечения конкурентоспособности потребительской кооперации России.

Литература

1. Конкурентоспособность кооперативных организаций на потребительском рынке: препринт / Федорова Л.П. и др. / Чебоксарский кооперативный ин-т МУПК. Чебоксары, 2001. 54 с.
2. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. М.: Центросоюз, 2005. 135 с.
3. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. М.: Центросоюз, 2006. 147 с.
4. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. М.: Центросоюз, 2007. 155 с.
5. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. М.: Центросоюз, 2008. 178 с.
6. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. М.: Центросоюз, 2009. 190 с.

ШАМИН ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры экономика и статистики, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (ngiei-spo@mail.ru).

SHAMIN EVGENIY ANATOLYEVICH – senior teacher of Economics and Statistics Chair, Nizhny Novgorod State Engineering Economic Institute, Russia, Knyaginino.

УДК 338.46:332.14

Е.С. ШЛЁНСКОВА

**МЕТОДЫ ОБОСНОВАНИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ И НАПРАВЛЕНИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СУБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ,
ОТРАСЛИ СФЕРЫ УСЛУГ ЗА СЧЕТ ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ**

Ключевые слова: направления экономического роста, выбор стратегических альтернатив, обоснованность выбора стратегии.

Рассмотрены методы обоснования выбора стратегических альтернатив и направлений обеспечения экономического роста предприятий, отраслей сферы услуг за счет внутренних факторов.

E.S. SHLYONSKOVA

**METHODS OF A SUBSTANTIATION OF A CHOICE OF STRATEGY AND DIRECTIONS OF ECONOMIC GROWTH
OF THE SUBJECT OF MANAGING, BRANCH OF SPHERE OF SERVICES AT THE EXPENSE OF INTERNAL FACTORS**

Key words: directions of economic growth, a choice of strategic alternatives, validity of a choice of strategy.

In article methods of a substantiation of a choice of strategic alternatives and directions of maintenance of economic growth of the enterprises, branches of sphere of services at the expense of internal factors are considered.

В экономической литературе стратегическое направление экономического роста за счет внутренних факторов поддержания и повышения экономического и социального результатов представляется посредством: осуществления комплекса мер по проникновению на рынки услуг, товаров; развития рынка, разработки новых видов или модификации продукции, диверсификации услуг и товаров [1. С. 115].

Проникновение или более глубокое внедрение на рынок услуг, товаров характеризуется автором как концентрация всех видов ресурсов для достижения экономических результатов, позволяющих субъекту хозяйствования занимать лидирующее место на рынке. При этом ресурсная и организационная концентрация субъекта стратегического управления текущим функционированием и долгосрочным развитием разноуровневой социально-экономической системы идентифицируется со стратегией, включаемой в состав функциональных (частных) стратегий в том случае, когда: рынки услуг, товаров имеют низкое насыщение услугами, оказываемыми субъектом хозяйствования, его модифицированными видами продукции; растущие объемы оказываемых услуг, производимой продукции обеспечивают социально-экономической системе конкурентное преимущество.

На наш взгляд, в избираемом ученым-экономистом стратегическом направлении обеспечения планируемого экономического роста за счет влияния внутренних факторов, выражаемых стратегиями концентрации, развития рынка, разработки нового или модифицированного вида услуг, продукции, диверсификации процессов оказания услуг, производства продукции, предлагаются не стратегии, а такие принципы обеспечения достижения планово-расчетного экономического роста в долгосрочном периоде, как: концентрация ресурсного и конкурентного потенциалов на поддержание и повышение экономического результата в условиях высокой нестабильности функционирования внешней среды; занятие новых сегментов и областей рынков модифицированными и обновленными видами услуг и товаров; создание конкурентного преимущества посредством создания диверсифицированных видов услуг, продукции, их улучшений, позволяющего доминировать или занимать приоритетное место на рынке, продлевать во времени жизненный цикл услуг, товаров.

Указанные принципы обеспечения повышения экономических и социальных результатов за счет внутренних факторов расширения занимаемых сегментов, создания новых видов услуг и продукции и перехода в новые области

рынков услуг и товаров в рамках стратегического управления социально-экономическим развитием субъектов хозяйствования и отраслевых составляющих социальной и производственной сфер, в соответствии с нашими представлениями, в основном сводятся к инновационным и диверсифицированным изменениям в текущем функционировании и долгосрочном развитии разноразмерных социально-экономических систем, ориентированных на увеличение своей доли услуг, продукции на рынке, к улучшениям и расширению своих позиций на занимаемых сегментах и областях рынка.

Поэтому применение и соблюдение принципов, направленных на обеспечение экономического роста за счет внутренних факторов (повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов и отраслевых составляющих, расширение занимаемых ими сегментов рынка) может выступать как качественное дополнение в процессе формирования состава функциональных (частных) стратегий, в котором каждая из стратегий, в соответствии со своим предназначением и целевой направленностью, обеспечивает полностью или частично одно из направлений поддержания и повышения экономических и социальных результатов.

В то же время следует отметить, что обеспечение экономического роста субъектов хозяйствования и отраслевых составляющих сферы услуг за счет ресурсного и конкурентного потенциалов, концентрированно используемых частными стратегиями в том или ином направлении, их совокупности развития в долгосрочном периоде, в свою очередь, выступает обобщающей стратегией экономического роста за счет внутренних факторов влияния, взаимодействующих в системе стратегического управления долгосрочным развитием отраслевых и локальных составляющих сферы услуг.

Стратегия экономического роста в деятельности предприятий другими учеными-экономистами [2] моделируется из таких последовательных стадий, как планирование, определяющее возможность достижения в перспективном периоде среднерыночной экономической результативности в соответствии с изменением нестабильных состояний внешней и внутренней сред; подготовка к реализации конкретных мер, проектов, предусмотренных в плане достижения необходимых экономических и социальных результатов; нивелирование негативного влияния внутренних факторов, широкое проникновение на рынок услуг, товаров, достижение пропорциональности объемов реализации услуг, товаров и доходов; расширение и приближение доли рынка оказываемых услуг, производимой продукции к плано-расчетной; вхождение в новый цикл экономического роста, требующее значительного обновления и модернизации основных фондов, пересмотра состава конкурентных преимуществ.

На каждой из вышеназванных стадий последовательного наращивания темпов экономического роста в средне-, долгосрочном развитии субъекта хозяйствования, отраслевой составляющей сферы услуг авторы предлагают формировать, соответственно, стратегии: умеренного экономического роста; глубокого проникновения на сегменты и области рынка, концентрации ресурсного потенциала на повышение темпов экономического роста в составе текущих и долгосрочных программ и проектов социально-экономического, финансово-инвестиционного и научно-инновационного характера; ускоренного экономического роста в условиях высокого уровня эффективности используемых ресурсов, приближения занимаемой на рынке доли оказываемых услуг, производимой продукции к плано-расчетной, экономии ресурсов, снижения затрат, повышения доходности, рационализации системы управления социально-экономическим развитием отраслевой, локальной составляющей сферы услуг.

Предложенная авторами [2] последовательность управленческих воздействий на повышение темпов экономического роста текущего, средне-, долгосроч-

ного развития разноуровневых социально-экономических систем представляет собой не что иное, как управление развитием на различных этапах жизненного цикла отраслевой составляющей или хозяйствующего субъекта сферы народно-хозяйственного производства. Присущая на каждом из этапов жизненного цикла отрасли, предприятия (зарождение, постепенный рост и сменяющий его ускоренный рост, замедление темпов роста, падение экономических и финансовых результатов) стратегическая ориентация на достижение экономического роста, максимально соответствующая этапу, на наш взгляд, выполняет роль не только комплекса мер, необходимого для достижения качественных и количественных показателей результативности поэтапного развития в рамках стратегической цели субъекта хозяйствования или отрасли сферы услуг, но и обобщающей технологической составляющей системы стратегического управления, обеспечивающей концентрацию ресурсного потенциала и состава конкурентных преимуществ в преодолении негативных влияний факторов макро-, микросред, соблюдении плано-расчетных темпов экономического роста.

Поэтому стратегическая ориентация хозяйствующего субъекта, отрасли (экономического вида деятельности) сферы услуг должна обеспечиваться на всех этапах жизненного цикла посредством текущих и перспективных управленческих воздействий на рациональное взаимодействие всех видов используемых ресурсов на основе организации, планирования и программирования процессов оказания услуг, производства продукции, реализации в них комплекса мер, функциональных стратегий, направленных на ежегодную динамику роста экономических и социальных результатов. При этом выбор направления на обеспечение стабильности или повышения темпов экономического роста основывается на использовании внутренних факторов – ресурсного и конкурентного потенциалов, имеющихся возможностей последовательного выполнения технологий стратегического управления социально-экономическим развитием и влиянием их на долгосрочные ориентиры экономической результативности.

Использование состава функциональных (частных) стратегий в системе стратегического управления достижением максимально возможных экономических результатов за счет внутренних ресурсного и конкурентного потенциалов, в соответствии с нашими представлениями, является тем альтернативным вариантом обеспечения необходимых темпов экономического роста, который сочетает стадии возможного экономического роста субъекта хозяйствования, отраслевой составляющей сферы услуг в рамках их жизненного цикла с дифференцированным применением функциональных стратегий, исходя из особенностей достижения экономического результата на той или иной стадии.

Предлагаемый в экономической литературе [2. С. 187] выбор базовых стратегических альтернатив в процессе реализации стратегии экономического роста, состоящий из интенсификации рынка, диверсификации производства, создания стратегических альянсов, осуществления активной внешнеэкономической деятельности, не может быть состоятельным, так как ограничивает обобщающую (базовую) стратегию экономического роста за счет внутренних факторов только одним из вариантов стратегической альтернативы долгосрочного развития.

Действительно, на какой стадии жизненного цикла сочетания выполнения технологических составляющих стратегического управления долгосрочным развитием отраслевой или локальной составляющей сферы услуг следует принимать решение о выборе одной из таких «базовых стратегических альтернатив», как интенсификация рынка, диверсификация производства, участие в стратегических альянсах, активизация внешнеэкономической деятельности? Разве выбор одной из данных стратегических альтернатив может обеспечить экономический рост без влияния каждой из технологических со-

ставляющих стратегического управления на достижение качественных и количественных параметров стратегической цели?

Может быть только один ответ на поставленные вопросы в процессе решения проблемы обеспечения экономического роста разноуровневых социально-экономических систем за счет внутренних факторов. Ни одна из избираемых субъектом стратегического управления базовых стратегических альтернатив не может обеспечить достижение максимально возможных экономических результатов в долгосрочном периоде развития отраслевой или локальной составляющей сферы услуг без совокупного влияния осуществляемых технологий стратегического управления на достижение экономического результата, направленность которых должна корректироваться в зависимости от существенных изменений состояния внешней и внутренней сред.

Доминирующее влияние на принятие решения о реализации стратегии экономического роста за счет внутренних факторов отрасли, предприятия соответствующей сферы народнохозяйственного производства, на наш взгляд, оказывают не только внутренние ресурсные и организационные возможности, состав имеющихся конкурентных преимуществ, используемых в системе стратегического управления, но и нормативно-правовые, инновационные, политические, социо-культурные, финансово-экономические факторы внешнего влияния.

Развитие отрасли, субъекта хозяйствования в условиях изменений состояния внешней среды, отличающихся от инерционных, экстраполяционных тенденций, требует от субъекта стратегического управления принятия решений о приведении в соответствие своей деятельности с установленными новыми нормативно-правовыми регламентациями, с социо-культурными приоритетами, с уровнем научно-инновационных изменений в народном и мировом хозяйстве, с расширяющимся составом конкурентных преимуществ участников рынков услуг, товаров.

Вместе с тем в целях сохранения влияния технологических составляющих стратегического управления на экономический, социальный результаты текущего функционирования и перспективного развития разноуровневых социально-экономических систем сферы услуг в условиях существенных воздействий факторов внешней среды необходимо корректировать формулирование и ресурсообеспеченное исполнение всех технологических процедур стратегического управления.

Ориентированность субъекта стратегического управления долгосрочным социально-экономическим развитием отраслевых и локальных составляющих на повышение экономических результатов за счет внутренних факторов в существенной степени зависит от инвестиционной привлекательности экономического вида деятельности, субъекта хозяйствования, их конкурентного потенциала и организационных возможностей осуществлять в реальном процессе оказания услуг, производства продукции технологические процедуры и элементные составляющие системы стратегического управления.

В том случае, если инвестиционная и экономическая привлекательность отраслевой составляющей сферы услуг имеет тенденцию к значительному снижению степени привлекательности, то возможности эффективного использования внутренних факторов для поддержания сложившегося и повышения в перспективном периоде темпов экономического роста также существенно сокращаются. В этих случаях субъект хозяйствования, так же как и отраслевая составляющая сферы услуг, в процессе реализации внутренних факторов для повышения экономического результата должен разрабатывать такие функциональные стратегии, которые могут способствовать: расширению конкурентных преимуществ; повышению организационного уровня использования ресурсного потенциала; сохране-

нию и росту инвестиционного потенциала посредством направления инвестиций в экономически и социально значимые проекты, уровень эффективности которых соответствует нормативным требованиям и экономическим интересам инвесторов и персонала пользователя объекта инвестиционной деятельности.

Следует также отметить, что на избрание обобщающей стратегии отраслевой или локальной составляющей сферы услуг в существенной степени оказывают влияние такие внутренние факторы, как создание условий для экономии материальных и трудовых ресурсов, доминирования экономических и социально-психологических методов управления персоналом, поддержание и культивирование традиций уважения к потребителям услуг, продукции предприятия, удовлетворения растущих социальных нужд работников, что, в свою очередь, должно находить отражение в щадящем ценообразовании услуг, продукции, в росте производительности труда, фондоотдачи, снижении материалоемкости, увеличении контингента потребителей, в выполнении технологий стратегического управления, ориентированных на совокупное прямое и опосредованное воздействие на повышение экономических и социальных результатов.

Принятие стратегии экономического роста за счет внутренних факторов, ее реализация по направлениям инновационного, финансового, социального, структурно-организационного, маркетингового влияния на долгосрочное развитие субъекта хозяйствования, отрасли сферы услуг, на наш взгляд, требует в процессе обоснования применения стратегии установления своих ресурсных и иных потенциальных возможностей, направленных на обеспечение соответствующих темпов экономического роста, повышения уровня социального развития.

Степень объективности обоснований избрания разноуровневыми социально-экономическими системами обобщающей стратегии экономического роста за счет внутренних факторов в значительной мере зависит от сложившихся и разрабатываемых современных норм и нормативов потребления материально-технических, трудовых ресурсов, позволяющих ориентироваться субъекту стратегического управления на достижение максимально возможных экономических и иных результатов, адекватных нормам потребления ресурсов, обеспечения процесса оказания услуг потребителям.

В то же время рационализация соотношения своих ресурсных возможностей с объемами оказания услуг потребителям, по нашему мнению, возможна на основе приведения их в сбалансированное состояние. При этом балансовое состояние ресурсных возможностей с планируемыми достижениями экономических результатов в долгосрочном периоде развития отраслевой или локальной составляющей сферы услуг должно обеспечиваться адекватностью исполняемых технологических процедур и составляющих стратегического управления с влиянием их на текущий, промежуточный и итоговый (завершающий) экономический результат долгосрочного развития.

Объективность прогностических оценок производимых затрат на оказание услуг потребителям, экономического результата развития отраслевой составляющей, хозяйствующего субъекта сферы услуг выступает одним из основных факторов принятия стратегии роста за счет внутренних факторов. Прогностические оценки при этом должны учитывать качественные и количественные характеристики потребляемых ресурсов и влияние состава конкурентных преимуществ на достижение максимально возможного экономического результата.

Принятие решения о выборе стратегического направления сохранения имеющихся и повышения темпов экономического роста субъекта хозяйствования, отраслевой составляющей сферы услуг может быть обосновано исходя из созданной имитационной модели достижения планируемого в долгосрочном периоде времени экономического результата, многократное экспериментиро-

вание на которой позволяет посредством изменения количественных параметров ресурсопотребления и факторов влияния внешней и внутренней сред добиваться балансового соответствия необходимых экономических результатов и ресурсов, участвующих в процессах оказания услуг потребителям.

Литература

1. Зуб А. Т. Стратегический менеджмент: учебник. М.: ТК Велби; Проспект, 2008.
2. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб.: Питер, 2008.

ШЛЁНСКОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА. См. с. 403.

УДК 332:146:330.341.1

А.П. ЯКОВЛЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СТРУКТУР В РЕГИОНЕ НА ОСНОВЕ САОООУПАОЕМОСТИ И САООФИНАНСИРОВАНИЯ

Ключевые слова: инновационная структура, инновационный потенциал, приоритетные стратегии.

Изложены особенности формирования инновационных структур на примере субъекта федерации на основе анализа динамики определения основных приоритетов стратегии развития инновационного потенциала Чувашской Республики.

A.P. YAKOVLEV

FORMATION OF INNOVATIVE STRUCTURES IN THE REGION BASED ON SELF-REPAYMENT AND SELF-FINANCING

Key words: innovation structure, innovation potential, priority strategies.

The article reveals peculiarity of innovation structure formation on the basis of analysis of main development strategies on innovation potential of the Chuvash Republic.

Чувашская Республика, обладающая незначительным природным потенциалом и достаточно низким инновационным потенциалом, за последние 5 лет (2005-2009 гг.) сделала значительный рывок в направлении инновационного развития. В 2005 г. была разработана и принята «Концепция инновационного развития Чувашской Республики (утверждена Кабинетом министров ЧР от 21.02.2005 г. № 39) (рисунк), определяющая основные приоритеты, стратегию развития и инновационную политику развития до 2015 г. Практические шаги и мероприятия по интенсификации процесса инновационного развития были определены Республиканской комплексной программой инновационного развития на 2006-2010 гг. (утверждена постановлением Кабинета министров ЧР от 30.12.2005 г. № 350).

Данная схема показывает, что для реализации цели Концепция предполагает содружество научных, образовательных и культурных учреждений при поддержке государственных, общественных и коммерческих структур.

При этом предпосылки стратегии инновационного развития Чувашской Республики сформулированы исходя из «Концепции инновационного развития Чувашской Республики».

Суть долгосрочной стратегии включает в себя:

- ускоренный переход к инновационной экономике;
- технологический прорыв в производстве уникальных изделий и захват соответствующих сегментов российского и мирового рынков сбыта;
- лидерство в предоставлении образовательных услуг;
- принципиальное расширение возможностей для граждан (выбраться из бедности, переqualificироваться, реализовать себя, иметь достойную старость);
- удержание темпов развития при вступлении России во ВТО.

Системообразующими принципами инновационного развития являются:

- 1) создание инновационной инфраструктуры, стимулирование инновационного развития;
- 2) инновационное развитие промышленного комплекса;

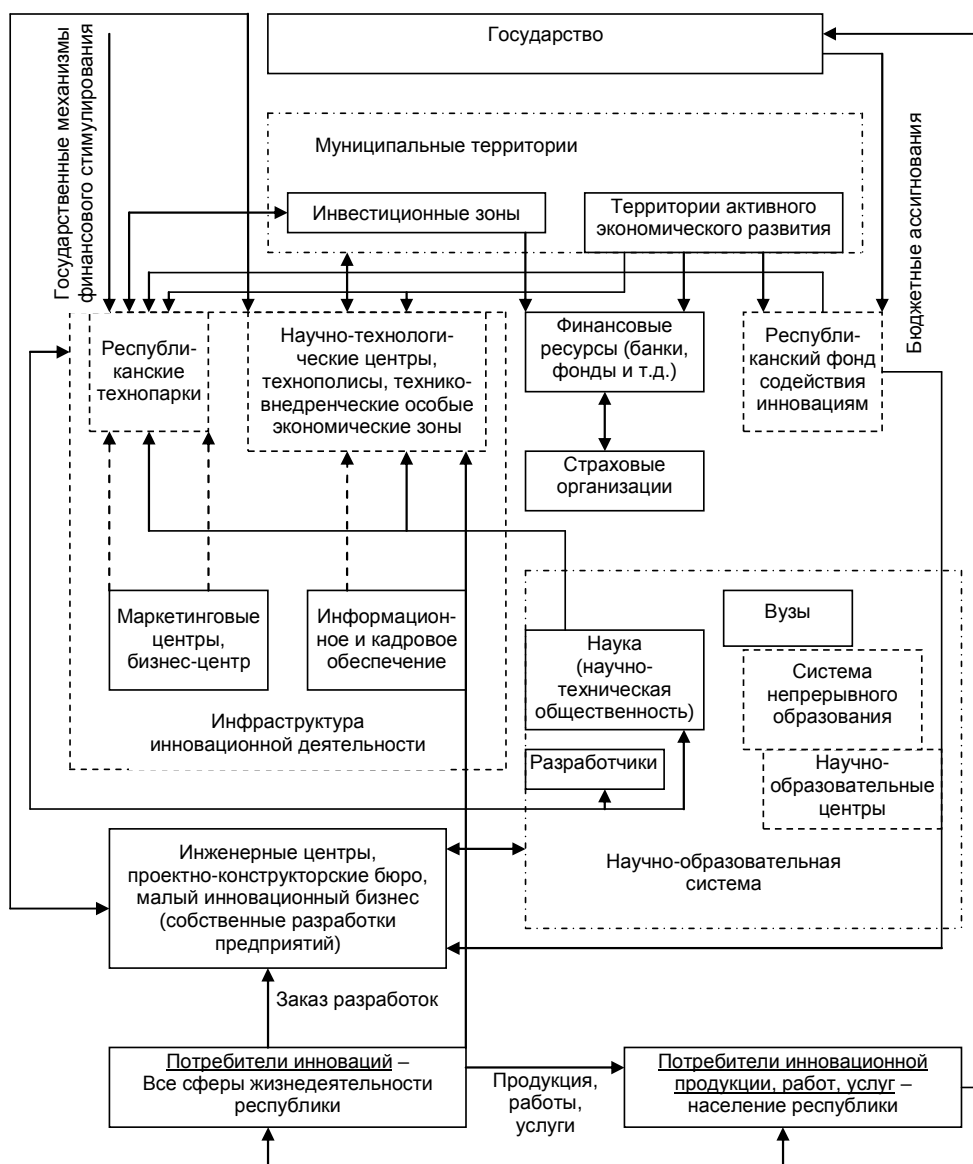

Схема управления инновационной деятельностью в Чувашской Республике (утверждена постановлением Кабинета министров ЧР от 21.02.2005 г. № 39)

- 3) инновационное развитие топливно-энергетического хозяйства;
- 4) инновационное развитие транспортной инфраструктуры;
- 5) инновации в сфере жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства;
- 6) инновации в области развития информационных технологий;
- 7) инновационное развитие здравоохранения;
- 8) инновационное развитие образования;
- 9) инновации в сфере культуры;
- 10) инновационное развитие строительной индустрии;
- 11) экологические инновации, охрана окружающей среды;

- 12) инновационное развитие туризма, спорта и физической культуры;
- 13) развитие правовой культуры;
- 14) инновации в администрировании.

Концепция предполагает, что основой технoэкономической парадигмы является совокупность инноваций во всех сферах жизнедеятельности Чувашской Республики с использованием новых технологических систем, информационно-коммуникационных технологий и связанных с ними общественных изменений. При этом роль государственного управления в инновационном развитии Чувашской Республики выходит на качественно новый уровень. В сущности, речь идет о становлении новой системы управления, направленной на максимализацию получения социально-экономического эффекта за счет эффективного использования интеллектуального потенциала, изменение стиля мышления и формирование нового национального менталитета инновационной Чувашской Республики.

Выбранная на ближайшие годы модель инновационного развития республики определяется целями и задачами Программы.

Сопоставляя приоритеты и основные направления развития, обозначенные Программой, можно отметить, что модель, выбранная на краткосрочную перспективу, синтезирована на основе американской и азиатской моделей инновационного развития, в то время как Концепция инновационного развития Чувашской Республики, определяющая более долгосрочную перспективу, больше ориентирована на европейскую модель, отражающую одновременно и приоритеты устойчивого развития.

В Концепции отмечается, что «... на первом этапе развития необходимо построение систем, позволяющих развивать свою технологическую и научно-исследовательскую базу, привлекать импорт технологий, осуществлять наполнение и импортозамещение внутреннего рынка и экспорта производимой продукции, что, в свою очередь, позволит привлекать валютные поступления и способствовать хозяйственному росту.

Указанные преобразования позволят приблизить основные источники технологического прогресса, находящиеся за пределами Чувашии. Прогресс первого этапа обуславливает непрерывный, ускоряющийся рост потребности в квалифицированных работниках и способствует достижению наилучших результатов. Образование выходит на новую ступень взаимодействия бизнеса с наукой, что формирует иную мотивационную систему, изменяя социальные, информационные и культурные институты, делая преобразования необратимыми. Образование станет «локомотивом общества, основанного на знаниях».

На сегодняшний день на территории Чувашской Республики расположены следующие инновационные инфраструктуры, оказывающие влияние на переход экономики республики на инновационный путь развития:

- ЗАО «Учебно-деловой центр»;
- Инновационный центр Торгово-промышленной палаты Чувашской Республики;
- Научно-технологический парк Чувашия;
- Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Чувашия;
- Республиканский бизнес-инкубатор;
- ЦТТ при Чувашском государственном университете;
- Чувашский центр научно-технической информации;
- Производственно-инновационный бизнес-инкубатор Технопарк «Интеграл».

Технопарк «Интеграл» на сегодняшний день – первая инновационная инфраструктура, созданная в форме производственно-инновационного бизнес-инкубатора. Сегодня процесс создания нового производства малыми предприятиями в Республике затруднен из-за следующих причин:

- отсутствие средств на доведения научной идеи до опытной партии разработки;
- нежелание инвесторов и банков вкладываться в неапробированные проекты;
- малому предприятию необходимы производственные площади не менее 60-100 кв.м и оборудование, на которое у него также нет средств.

Технопарк «Интеграл» призван размещать на своих площадях и помогать развитию малых производственных предприятий в научно-технической сфере, т.е. помогать созданию новых производств через коммерциализацию результатов НИОКР.

Миссия проекта заключается в создании эффективной, действующей системы поддержки и продвижения наукоемких, инновационных проектов в Чувашской Республике от момента зарождения научной идеи до организации серийного выпуска продукции на базе вновь созданных малых предприятий либо на базе крупных предприятий промышленного комплекса Чувашской Республики.

Основная цель – количественный и качественный рост предприятий научно-технической сферы.

Задачи:

- поиск и отбор рациональных изобретений, их формализация, поиск государственных «посевных» инвестиций, доведение изобретений до опытной промышленной партии (самостоятельно либо совместно с инвестором: венчурные фонды, либо крупные промышленные предприятия), организация массового производства;
- подготовка материально-технической базы для размещения МИП (малых инновационных предприятий);
- обеспечение доступа МИП к необходимым услугам;
- создание эффективных механизмов взаимодействия технопарка с финансовыми институтами, научными организациями, МИП и другими потенциальными партнерами.

Специализации:

- новые технологии и технические решения в дорожно-транспортном комплексе;
- химические технологии;
- наноматериалы и нанотехнологии.

Необходимость создания инновационных структур на территории Чувашской Республики осознается и со стороны органов государственной власти Чувашской Республики, и со стороны органов федеральной государственной власти:

- в 2007 г. был присужден грант в размере 5 млн руб. г. Новочебоксарск на реализацию проекта по созданию технопарка «Интеграл» в форме производственно-инновационного бизнес-инкубатора, разыгранный Минпромом ЧР (Распоряжение Кабинета министров Чувашской Республики от 13 декабря 2007 г. № 359-р);
- в 2008 г. был присужден грант в размере 10 млн руб. по итогам победы в конкурсе Минэкономразвития России по отбору субъектов Российской Федерации для предоставления им субсидий.

Необходимость создания, развития и поддержки инновационных структур (технопарков и бизнес-инкубаторов) неоднократно подчеркивалась на всех уровнях государственной власти. Для Чувашской Республики развитие технопарков – это, по меньшей мере, возможность повысить эффективность и ди-

намику научно-технического прогресса в экономике и тем самым снизить «утечку умов» из республики.

Таким образом, следует отметить, что развитие экономики в условиях модернизации требует повышенного внимания к вопросам формирования инновационных структур в регионе на основе самокупаемости и самофинансирования, перехода на инновационный путь развития как главный фактор формирования и использования резервов по повышению эффективности экономики дотационного региона.

Формирование инновационных структур в регионе даёт возможность повысить эффективность и динамику научно-технического прогресса в экономике региона.

Литература

1. Движение регионов России к инновационной экономике / под ред. А.Г. Гранберга, С.Д. Валентея; Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2006. 402 с.
2. Зинченко В.И. Разработка и реализация модели территории инновационного развития на примере Томской области в 2002-2005 годах // IX Всесибирский инновационный форум. Томск, 11-13 октября 2006. Тверской ИнноЦентр, 2007. С. 27-38.
3. Иванова Н.И. Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002. 244 с.
4. Инновационные приоритеты государства / отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Наука, 2005. 275 с.
5. Постановления Кабинета Министров Чувашской Республики от 30 декабря 2005 г. № 350 «О Республиканской комплексной программе инновационного развития Чувашской Республики на 2006-2010 годы» (с изм. от 27 декабря 2006 г., 25 апреля 2008 г.). Чебоксары, 2005.
6. ФЗ РФ № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 года. М., 2007.

ЯКОВЛЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Российский государственный социальный университет, Россия, Чебоксары (efremov1@chuvsu.ru).

YAKOVLEV ALEKSEI PETROVICH – candidate of economics sciences, assistant professor, Russian State Social University, Russia, Cheboksary.

УДК 338.439.02

Г.Е. ЯКОВЛЕВ, Э.Г. КУЗНЕЦОВА

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: Доктрина продовольственной безопасности, государственное регулирование, АПК, импортозамещение, самообеспечение, государственная программа.

Рассмотрены вопросы, связанные с ходом реализации Доктрины продовольственной безопасности страны. Обоснована необходимость обеспечения до 80% потребностей населения страны в продуктах питания внутренним производством. Выявлено, что отсутствие госрегулирования аграрного сектора непосредственно влияет на рост производства и потребления продуктов питания и отрицательно отражается на уровне жизни населения страны. Доказана необходимость разработки импортозамещающих программ на всех уровнях производства.

G.E. JAKOVLEV, E.G. KUZNETSOVA

THE NECESSITY OF STATE REGULATION OF PROCESS OF REALIZATION OF THE DOCTRINE OF FOOD SAFETY

Key words: Doctrine of food safety, state regulation, agrarian and industrial complex, importozamechenie, a self-sufficiency, a government program.

In article the questions connected with a course of realization of the Doctrine of food safety of the country and on its separate regions are considered. Necessity of maintenance of requirements of the population of the country for foodstuff to 80 % is proved by internal manufacture. It is revealed that absence of state regulation of agrarian sector directly influences growth of manufacture and consumption of foodstuff and is negatively reflected in a standard of living of the population of the country. In this connection necessity of working out importozamechenie programs on all levels of production is proved.

Структурные изменения последних лет в стране показывают, что внешняя торговля России переориентируется с экспортно-импортной на преиму-

щественно импортную. Ежегодно завозится почти 40-45% всей потребляемой в стране продукции на сумму 35-37 млрд долл., а в крупных городах объем импорта достигает 70%.

Как известно, внутреннее производство страны должно обеспечить потребности населения в продуктах питания не ниже 80%. Так, в нашей стране импорт по мясной группе составляет более 40%, молочной – 27%, по сырам – 45%, сливочному маслу – 35%, овощам – 50%.

В советское время наша страна занимала 5-6-е место в мире по производству и потреблению основных продуктов питания, Франция и Великобритания – 11- и 12-е. Теперь же Россия откатилась на 78-80-е место.

Сейчас доля отечественной продукции в общем объеме потребления составляет по мясу – 60%, молочным продуктам – менее 80%, рыбе и рыбопродуктам – 55%, овощам – 75%, фруктам и ягодам – 77%. Все это связано с темпами роста отечественного производства, которые существенно отстают от темпов роста импорта продовольственных товаров. Это говорит о том, что Россия переступила порог продовольственной безопасности по многим видам продуктов питания. Для преодоления этой тенденции требуется усилить государственное регулирование. Подсчитано, что оптимальный уровень для продовольственной безопасности – не менее 80% своих продуктов, а завозных – не более 20%.

В Доктрине продовольственной безопасности для оценки степени достижения обеспечения продовольственной безопасности отечественным сельскохозяйственным производством обозначены следующие пороговые значения: по зерну и картофелю – не менее 95%; по сахару и растительному маслу – не менее 80%; по молоку и молокопродуктам (в пересчете на молоко) – не менее 85%; по рыбе и рыбопродуктам – не менее 80%; по мясу и мясопродуктам – не менее 90%.

В настоящее время эти показатели составляют, по данным Минсельхоза: по растительному маслу – 86%; по свинине и птице – 65%; по рыбе – 63%; по говядине – 60%; по сахару – 60%; по овощам – 60%; по фруктам – 40%.

По Чувашской Республике потребление основных продуктов питания в настоящее время снизилось. По сравнению с 1995 г. население республики стало потреблять больше только овощей – на 77,7% и яиц – на 31,8%. По всем остальным товарным группам данный показатель снизился. Например, по молоку и молокопродуктам на 18,8%, по картофелю – на 9,3%, по мясу – на 12,4%. Снижение потребления картофеля связано с увеличением доли его производства в хозяйствах населения. В целом уменьшение потребления основных продуктов питания в республике связано с сокращением платежеспособного спроса населения. В настоящее время основную долю потребляемых продуктов питания занимают молокопродукты, затем следует картофель, на последнем месте – мясо и мясопродукты.

В целом продовольствия, производимого в республике, недостаточно для удовлетворения физиологических потребностей человека. Об этом говорит ежегодно увеличивающийся импорт продуктов питания.

Принятие Доктрины продовольственной безопасности означает юридическое признание в нашей стране самого понятия «продовольственная безопасность». Ею должен заниматься не только Минсельхоз России, это не только отраслевая проблема – это общенациональная проблема.

Принятие этого документа – стратегически важный шаг, позволяющий комплексно решить ряд задач: сократить зависимость от импорта продовольствия и увеличить объемы собственного производства высококачественных продуктов питания по справедливым ценам.

Доктрина будет являться основой для разработки нормативных правовых актов в сфере обеспечения продовольственной безопасности, развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов. Ее приоритетной задачей является удовлетворение потребностей населения страны в качественных и безопасных продуктах питания. Один из главных критериев оценки состояния продовольственной безопасности страны – удельный вес отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в общем объеме внутреннего рынка.

Уже сейчас Министерство сельского хозяйства реализует комплекс мер по поддержке отечественных сельхозпроизводителей. Основные направления – финансирование АПК в рамках госпрограммы и реализация мер таможенно-тарифного регулирования, стимулирующих импортозамещение на внутреннем рынке, в том числе по мясу, молоку, сахару.

Агропромышленный комплекс (АПК) – один из крупнейших и жизненно важных секторов российской экономики, призванный решать проблему продовольственной безопасности страны. В сфере АПК в настоящее время занято 35% всех работающих в сфере материального производства. Здесь сосредоточено более четверти всех производственных фондов и создается почти 15% ВВП. Около 30% отраслей народнохозяйственного комплекса включено в воспроизводственные связи с аграрным сектором. Из сельхозсырья производится более 70% всего набора предметов потребления в стране. Непосредственно в аграрном производстве занято 10% основных фондов, на него приходится 13,3% занятых в экономике народного хозяйства. Доля продовольствия в объеме розничного товарооборота составляет 46,5%. Следует отметить, что на долю России приходится 9% запасов мировой пашни, 52% черноземных почв, 20% запасов мировой пресной воды. В то же время удельный вес российской продукции в мировом сельхозпроизводстве мал: по производству молока – 5%, мяса – 2%.

Если в советское время на селе трудилось около 8 млн человек, то сегодня – всего лишь чуть больше 1 млн. Более 40 млн га земли заброшено. Средняя зарплата в сельском хозяйстве составляет лишь 50% к среднероссийскому уровню. Показатель бедности на селе в 1,6 раза выше, чем в городе. Доля сельчан с доходами в 2 и более раз ниже прожиточного минимума, т.е. живущих в нищете почти в 3 раза больше, чем в городе. Общий уровень сельской безработицы составляет 18%. Скрытая и сезонная безработица, связанная с осенне-зимним перерывом в цикле сельхозпроизводства, еще выше. Сельское производство задыхается без техники и кадров, от диспаритета цен. Через диспаритет цен из сельского хозяйства ежегодно изымаются суммы, многократно превышающие выделяемые из федерального и регионального бюджетов. Разница в ценах за единицу продукции составляет от 3 до 90 раз. В цене буханки хлеба доля крестьянского труда составляет лишь 7-8%. Именно поэтому многие хозяйства попали в финансовые тиски, обанкрочены. Ценовой диспаритет связан не только с разницей в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Неподъемные проценты по банковским кредитам, задержки платежей за поставленную продукцию, беспредел сетевой торговли, постоянные поборы контролирующих органов – все это обескровливает отечественных сельхозтоваропроизводителей и для многих из них превращает работу на селе в постоянную борьбу за выживание. Сегодня задолженность сельхозпроизводителей превысила 1,5 трлн руб.

В этих условиях, чтобы выйти на показатели продовольственной независимости с учетом допустимой доли импорта и обеспечения рациональных норм питания населения, АПК потребуются увеличить производство молока, мяса и овощей примерно в 1,5 раза, а фруктов – более чем в 2 раза.

Россия себя обеспечивает стопроцентно только зерном. В то же время в ведущих странах мира уровень самообеспеченности достаточно высок: в США и Франции он достигает – 100%, Германии – 93%.

К регионам РФ, полностью обеспечивающим себя продовольствием (мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, яйца и яйцапродукты), т.е. имеющим уровень самообеспечения выше 100%, относятся 9 субъектов – Краснодарский, Ставропольский края, Белгородская, Липецкая, Ленинградская и Омская области, республики Марий Эл, Мордовия и Удмуртия.

Экономисты подсчитали, что при росте производства в аграрном секторе увеличивается спрос на продукцию и услуги других отраслей. Так, одно новое рабочее место, созданное в сельском хозяйстве, позволяет создать 7-8 новых рабочих мест в промышленности, а в индустриально развитых странах – 15-20. Естественно, такая зависимость работает и в обратном порядке.

Системный кризис в сельском хозяйстве вызвал поистине катастрофические разрушения в производстве тракторов, зерноуборочных комбайнов, удобрений и т.д. По некоторым данным, «эффект отрицательной мультипликации» прослеживается практически во всех отраслях, связанных с сельским хозяйством. Отсутствие государственного регулирования аграрного сектора ведет к тяжелым экономическим последствиям. Из-за этого резко падает уровень жизни на селе и в целом в стране.

Таким образом, развитие АПК, обеспечивающее продовольственную безопасность, должно быть приоритетной задачей российской экономики, следовательно, импортозамещение может стать средством достижения утраченной продовольственной безопасности, одной из наиболее эффективных стратегий экономического развития государства. От того, как оно будет регулировать этот процесс, создавать условия для привлечения инвестиций в аграрную сферу, зависит в целом и экономическая безопасность. У России есть все условия производства основных видов продовольствия. Так, в 2000 г. объем валовой продукции сельского хозяйства достиг только 85-87% от уровня 1990 г., следовательно, есть резервы. Поэтому вопрос импортозамещения таких основных продуктов питания, как мясо, молоко, масло, сахар, требует государственного вмешательства. В связи с этим в Доктрине продовольственной безопасности РФ четко определено, что угрозой экономической безопасности может стать завоевание иностранными фирмами внутреннего рынка России по многим видам товаров народного потребления, производство которых может быть организовано в стране. Это является своего рода упущенной выгодой. Последствие такого положения: сокращение собственного производства, рост безработицы, снижение уровня жизни населения. Все это отрицательно влияет в конечном итоге на доходную часть муниципального, регионального и федерального бюджетов. Замедляется процесс модернизации производства, идет сокращение внутренних источников инвестирования. Рост импорта – это вывоз валюты за рубеж, что подрывает национальную безопасность страны.

Продовольственная безопасность означает, что все жизненно важные продукты питания должны производиться в собственной стране. Однако, кроме Чеченской Республики, ни один регион не производит мясо, молоко, яйца,

картофель, овощи и бахчевые в количестве, значительно превосходящем норму рационального потребления. Поэтому очень важна разработка программы продовольственного обеспечения жителей регионов недостающими продуктами питания.

Отсутствие четкого механизма государственного регулирования внутренних и внешнеэкономических связей приводит к появлению на региональных рынках большого количества импортных продовольственных товаров. Исключение составляет лишь Вологодская область, которая меньше других зависит от импорта продовольствия. Здесь местная власть отдает предпочтение производству зерна, молочных, мясных продуктов, сахара, растительного масла, картофеля, овощей и яиц. По всем видам продуктов питания область находится на полном самообеспечении.

С другой стороны, в стране возникла широкоразветвленная сеть посреднических структур, которые блокируют непосредственный доступ отечественных производителей на внутренний рынок. Они скупают продукцию у товаропроизводителей за бесценок, лишая при этом их стимула к расширенному воспроизводству. Таким образом, крестьянин не имеет свободного доступа на рынок для реализации своей продукции в интересах развития собственного дела. Деятельность посреднических структур государство практически не контролирует.

Чрезмерная открытость продовольственного внутреннего рынка опасна поступлением на продовольственный рынок некачественных продуктов. По данным национального фонда защиты прав потребителей, на продовольственных рынках более 40% импортных и отечественных продуктов питания в той или иной степени фальсифицированы. Речь идет о существенной угрозе здоровью нации. Одна из причин проникновения недоброкачественных импортных товаров на российский рынок – отсутствие местного контроля на таможенных постах, погоня коммерсантов за быстрой прибылью, в результате чего закупаются продукты с истекающим сроком годности, низкого сорта, без достоверной информации на русском языке. Также из-за большого количества посредников бывает трудно установить нарушителей правил поставки продуктов на российский рынок. Хотя в нашей стране разработаны новые правила добровольной сертификации продуктов питания, которые начали действовать с 15 февраля 2010 г., они не защищают потребителей от опасных продуктов и не согласуются с основными положениями Доктрины продовольственной безопасности. В этих условиях наиболее разумное решение – создание и реализация государственных импортозамещающих программ на всех уровнях производства.

Опыт прошлых лет показывает, что в дореформенной России (до 1990 г.) производство сельхозпродукции обеспечивало продовольственную независимость страны по всем продуктам, за исключением фруктов. Государство, кажется, начинает признавать приоритетное значение сельского хозяйства и российской деревни в социально-экономическом развитии страны. Принят ряд важных документов, проектов и программ, направленных на реализацию Доктрины продовольственной безопасности. Последнее является стратегическим документом, расширяющим горизонты планирования в АПК и определяющим меры по его развитию.

Доступ иностранной продукции на российский рынок продовольствия, на наш взгляд, можно регулировать количественно и таможенными пошлинами. Россия контролирует до 30-40% поступающих продуктов на внутрен-

ний рынок, но имеется ряд факторов, тормозящих процесс их реализации. Например, получен хороший урожай зерновых культур, однако мощности элеваторов не позволяют обеспечить их хранение. Существуют трудности с установлением закупочных цен, обеспечивающих расширенное воспроизводство. Таким образом, только государство может выступить в качестве основного регулятора решения проблемы. В этих условиях встает дилемма: производить или покупать. Конечно же, надо прекратить импортировать продовольствие, совершенствовать (может, и покупать) новые технологии, которые дают зарубежным странам преимущество в производстве продуктов питания.

Чтобы решить накопившиеся проблемы села, необходима серьезная финансовая поддержка государства. Сейчас на развитие села выделяется 1% расходной части федерального бюджета, а желательно – не меньше 10-15% или хотя бы 4-5%, что явилось бы залогом для стабильного развития. Деньги для этого в стране есть, надо проявить лишь политическую волю. А для этого должна быть разработана государственная программа возрождения АПК. В советское время существовала практика составления продовольственных программ. Таким образом, для реализации Доктрины продовольственной безопасности в глубокой модернизации нуждается АПК. АПК – это сложная и особая отрасль, вопросы государственной поддержки данной отрасли должны решаться в комплексе.

Россия располагает достаточным качеством пашни, водными источниками и трудовыми ресурсами, что в сочетании с государственным протекционизмом и рыночным механизмом может обеспечить продовольственную безопасность. В этой ситуации наиболее разумный выход – создание и реализация государственных импортозамещающих программ на федеральном, региональном и районном уровнях. В них должны учитываться специфические особенности сельскохозяйственного производства страны в целом, конкретного региона и района.

К сожалению, в России правительство такую программу не разрабатывает, поскольку средств на ее реализацию нет. К тому же большинство предприятий стали акционерными обществами, и государство не может им диктовать, что и сколько производить. Роль государства в данном случае сводится к тому, чтобы создавать благоприятные условия, в том числе инвестиционные, для развития российских агропромышленных предприятий.

Литература

1. Оболенцев И. Основные направления модернизации агропромышленного комплекса России // Экономика сельского хозяйства России. 2010. № 7.
2. О работе сельскохозяйственных потребительских кооперативов в 2009 году: стат. бюллетень / Чувашстат. Чебоксары, 2010.
3. Российский статистический ежегодник: стат. сборник / Росстат. М., 2010.
4. Серегин С.Н. Модернизация – ключевой фактор в достижении целевых установок продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 7.

ЯКОВЛЕВ ГЕОРГИЙ ЕРМОЛАЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (polyakovalya@mail.ru).

JAKOVLEV GEORGIY ERMOLAEVICH – doctor of economics sciences, professor of Economic Theory Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

КУЗНЕЦОВА ЭЛЬВИРА ГЕОРГИЕВНА. См. с. 407.

УДК 330.341.1:338.24

Е.А. ЯКОВЛЕВ

УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Ключевые слова: инновационный проект, система, программа, команда, комплексное планирование, контроль, управленческий процесс.

Представлены подходы для рассмотрения инновационного проекта как целостной системы, направленной на разработку, создание и реализацию нововведений. Подчеркивается роль команды, которая является основой любой технологии управления проектом.

Е.А. YAKOVLEV

OFFICE OF THE INTERACTION OF ACTORS OF INNOVATION PROJECTS

Key words: innovative design, system, program, team, integrated planning, monitoring, management process.

The paper presents approaches for the consideration of the innovative project as an integrated system aimed at designing, creating and implementing innovations. The role of the team, which is the foundation of any technology project management.

Управление инновационным проектом предполагает, что он выступает не только как объект управления, обладающий специфическими чертами, но и как базовое свойство управления. Это вытекает из внутреннего содержания самого понятия «проект» как совокупности целенаправленных изменений первоначального состояния системы в заданное проектом состояние.

Инновационный проект – это целостная система, складывающаяся из взаимосвязанных частей, направленная на разработку, создание и реализацию нововведений, причем эта система динамическая, гибкая и требующая особых подходов к управлению, которая характеризуется определенными свойствами. Степень уникальности её может отличаться от одного проекта к другому, так как всегда делается то, что никогда раньше не делалось. И поскольку прошлый опыт может в данном случае лишь ограниченно подсказывать, чего можно ожидать при выполнении проекта, он полон риска и неопределенности. Важен в этой связи мониторинг основных показателей проекта [1].

Инновационный проект имеет ограниченную протяженность во времени, затратам и ресурсам, а также качеству работ. Поэтому под управлением инновационным проектом подразумевается деятельность, направленная на реализацию проекта с максимально возможной эффективностью при заданных ограничениях по времени, затратам и ресурсам, а также качеству конечных результатов проекта.

Таким образом, инновационный проект – это система взаимоувязанных целей и программ их достижения, представляющих собой комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, организационных, финансовых, коммерческих и других мероприятий, соответствующим образом организованных (увязанных по ресурсам, срокам и исполнителям), оформленных комплектом проектной документации и обеспечивающих эффективное решение конкретной научно-технической задачи (проблемы), выраженной в количественных показателях и приводящей к инновации. То есть понятие «инновационный проект» рассматривается и как форма целевого управления инновационной деятельностью, и как процесс осуществления инноваций, и как завершённый комплект научно-технической, проектно-конструкторской и технологической документации [3].

Инновационный проект по определению включает в себя множество разнообразных работ, выполнение которых требует опыта и затрат рабочего времени ряда специалистов. Выполнение этих работ поручается различным специалистам как из организации, несущей основную ответственность за

проект, так и из сторонних организаций. Каждый человек, привлекаемый к работе, рассматривается как член команды проекта. Наибольшая эффективность управления достигается в случае, когда все работники работают сообща, как слаженная команда, под общим управлением менеджера проекта [5].

Под «командой» вообще понимается группа людей, при необходимости заменяющих друг друга в ходе достижения поставленных целей. В рамках проектной деятельности под «командой» понимается организационная структура проекта, создаваемая на период осуществления всего проекта либо одной из фаз (стадий) его жизненного цикла. В организационной структуре больших инновационных проектов можно выделить, по крайней мере, три типа проектных команд.

Во-первых, с позиции системного подхода команда – это субъект управления по отношению к процессам и объектам управления (субъект-объектные отношения) в проекте со всеми присущими ему задачами и функциями.

Во-вторых, с позиции проектного подхода команда – это сквозной развивающийся элемент технологии осуществления проекта.

В-третьих, с позиции психологического подхода команда – это самоуправляемый и саморазвивающийся субъект (субъект-субъектные отношения). В рамках менеджмента проектов эта позиция определяется через саморазвивающиеся, самоориентирующиеся и самомотивирующие команды проекта.

С другой стороны, команда является основой любой технологии управления проектом и представляет собой интегрированную совокупность разнородных элементов. Неполный перечень тех характеристик, элементов и составляющих любой команды, которые необходимо не просто учесть, но и увязать в интегрированном контексте проекта, показывает сложность задачи формирования и создания того или иного типа команды в проекте [4].

Однако основная проблема при создании команды проекта не столько в трех ее ипостасях, в количестве и качестве элементов, а в том, что вся эта совокупность элементов должна работать согласованно и целенаправленно.

При создании команды требуются такие технологии, которые позволяли бы проводить взаимодействие членов команды в рабочий контекст конкретного проекта по ходу его осуществления целевым образом под определенные цели и задачи.

При формировании команды следует учитывать, что эффективная команда не может быть создана вообще под любые проекты. Под каждый конкретный проект нужно создавать команду, наиболее адекватную именно для него. Причем речь идет не о замене персонального состава, а о перераспределении управленческих ролей, взаимосвязей между членами команды проекта ответственности и т.п.

Для обеспечения эффективной работы команды важно определить ее состав. При реализации относительно небольших инновационных проектов зачастую не возникает необходимости в проведении этой процедуры. Однако для крупных инновационных проектов требуется конкретное решение о том, какого типа, с какими функциями и на какой фазе (стадии) проекта целесообразно создание различных команд. Мировая практика показывает, что формирование состава команды целесообразно в проектах, в которых необходимо четкое фиксирование позиций различных его участников (прав, полномочий, ответственности, доли участия и долей в прибыли и проч.). В частности, выделение нескольких проектных команд целесообразно для больших, смешанных, средне- и долгосрочных проектов или тогда, когда количество участников проекта достаточно большое, а их интересы противоречивы.

Существующая практика определения состава команды заключается в выявлении всех сторон, которые как-либо заинтересованы в проекте и/или его результатах. Эффективная командная работа в большей степени зависит

от наличия плана и расписания проекта, которые должны отражать реальную возможность членов команды сделать запланированную работу в срок. Команда должна хорошо понимать план и расписание, за которые она готова нести ответственность [2].

Формирование системы комплексного планирования и контроля в процессе управления проектами обусловлено необходимостью обеспечения четкого планирования, составления календарных планов, оценки трудозатрат, формирования бюджета, авторизации работ, мониторинга проекта, ведения отчетности, применения методов и процедур контроля. Менеджер проекта должен не только иметь в своем распоряжении подобные методы и процедуры, но и хорошо понимать и использовать их на практике; выполнять основную работу по планированию на уровне укрупненного календарного плана проекта и руководить деятельностью тех сотрудников, которые выполняют детализированное планирование и осуществляют контроль за ходом работ; внедрить и поддерживать эффективный контроль за ходом выполнения работ; обеспечить адекватность и обоснованность всех планов и расписаний; убедиться, что функции планирования и контроля, указанные в различных должностных инструкциях, выполняются соответствующим образом.

Взаимодействие между потребностями социальных компонентов системы проектной команды и потребностями внешней среды в целом, т.е. заинтересованных сторон проекта, осуществляется на основе обмена. Результатом такого обмена является система целей инновационного проекта. Эта система целей и служит ориентиром при проектной деятельности. Управление проектами связано с динамическими системами и динамической средой, поэтому этот процесс обмена никогда не заканчивается. Потребности изменяются, ограничения устаревают, процесс обратной связи постоянно осуществляется. Управление этим процессом является жизненно важным для деятельности команды проекта и успеха проекта [1].

Таким образом, взаимодействие, интеграция усилий заинтересованных сторон проекта в единый управленческий процесс становятся основным звеном механизма формирования и исполнения инновационного проекта. Система взглядов на проект как на уникальный комплекс взаимосвязанных мероприятий для достижения заранее поставленных целей при определенных требованиях к срокам, бюджету и характеристикам ожидаемых результатов трансформируется в понимание того, что проект – это и одновременно система взаимовыгодных отношений цепочки взаимодействующих фирм и отдельных субъектов инновационно-инвестиционного рынка, объединяющих свои усилия для взаимного создания и совместного использования ценностей. Эта система обуславливает взаимодействие заинтересованных сторон инновационного проекта, балансирует их интересы, выстраивает отношения на долговременной основе.

Литература

1. Бэзьюли Ф. Управление проектом / пер. с англ. В. Петрашек. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 208 с.
2. Грей К.Ф., Ларсон Э.У. Управление проектами. Практическое руководство: пер. с англ. М.: Дело и сервис, 2003. 528 с.
3. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (утв. Минэкономки РФ, Минфин РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 г. № ВК 477).
4. Новиков А.М., Новиков Д.А. Н73 Образовательный проект (методология образовательной деятельности). М.: Эгвес, 2004. 120 с.
5. Шапиро В.Д. Управление проектами. СПб.: ДваТри, 1993. С. 24-27.

ЯКОВЛЕВ ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат экономических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской части, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (maininsidez@gmail.com).
YAKOVLEV EVGENIY ANATOLEVICH – candidate of economics sciences, scientific worker, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

1) *заявление автора на имя главного редактора;*

2) *две внешние рецензии;*

3) *акт экспертизы;*

4) *ходатайство научного руководителя.*

2. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

3. **Оформление статьи:**

1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*

2) *инициалы и фамилия авторов;*

3) *название статьи;*

4) *ключевые слова;*

5) *аннотация статьи;*

6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*

7) *ключевые слова на английском языке;*

8) *аннотация на английском языке;*

9) *текст статьи;*

10) *пристатейный библиографический список;*

11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал. Переносы в словах не допускаются.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

4. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подписанные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

5. **Формулы и буквенные обозначения по тексту.** Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 10 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

6. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

7. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

8. **Сведения об авторах** набираются полужирным шрифтом размера 10 **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. Контактная информация (e-mail).

9. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Большов С.В. История полевых исследований абашевской культуры в Среднем Поволжье	3
Бурдин Е.А. Использование принудительного труда заключённых на объектах гидроэнергетики Поволжья в 1930-1950-х годах	8
Галкин А.Г. Исторический опыт реформирования прокуратуры и института присяжных поверенных в условиях Кубанской области (1864-1914 гг.)	15
Гибадуллин Р.М. Советская концепция государственности российских республик как этнополитический компромисс	21
Дибиров М.А. Научно-техническая политика 1970-х годов: успехи и нереализованные возможности	26
Ермаков В.В. Экономика и предпринимательство в Мензелинском уезде в годы Первой мировой войны	31
Заварюхин В.Ю. К вопросу о примитивной форме денег и ее функциях: средства обмена, меры веса и счетной единицы	35
Иванова Т.Н. Идеи Г. Мабли в оценке русского историка	41
Кистанов С.В. Борьба с оппозицией накануне выборов в IV Государственную Думу на примере Ардатовского уезда Симбирской губернии	45
Коршунова О.Н., Поливанов Я.М. Фальсификация исторических образов как проблема функционирования коллективной исторической памяти	48
Кузнецов В.Н. Меньшевики Среднего и Нижнего Поволжья в 1911 году – начале 1917 года	54
Левин В. Ф. Из истории правового регулирования деятельности неправославных вероучений в начале XX века	60
Левин В. Ф. Церковное правосудие в истории России: основные формы и методы борьбы с религиозными преступлениями	65
Лукина О.В. Особенности развития образовательной системы Казанской губернии в 1861-1917 годах (на примере чувашских крестьян Ангильдинской волости Козьмодемьянского уезда)	71
Матвеев А.П. Основные тенденции и проблемы развития промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза в 1957-1962 годах	77
Матвеев А.П. Производство строительных материалов в Мордовской АССР в 1951-1956 годах	82
Минеева Е.К. Антиклерикальная политика Республики Советов: особенности и последствия	89

Моисеев А.К.

Социокультурное осмысление неформальных молодежных организаций
Республики Мордовия на современном этапе 94

Нефёдов В.В.

СЕПГ и культурное развитие общества в ГДР во второй половине 1980-х годов 99

Пиксайкин В.К.

Создание Мордовского территориального лесотопливного
производственного объединения (1988-1990 гг.) 105

Ратникова А.Р.

Хозяйственное направление деятельности волисполкомов Чувашии в 1917-1927 годах .. 109

Рыбалка В.И.

Развитие здравоохранения в сельской местности Марийской АССР (1966-1985 гг.) 112

Семенова Т.В.

О некоторых особенностях праздника *хёр сăри* в календарной обрядности чувашей 116

Тохтеева Л.Н.

Подготовка и повышение квалификации учителей Чувашского края
в конце XIX – начале XX веков 120

Фоменков А.А.

Русские эмигранты и российская правая оппозиция:
к вопросу о сотрудничестве на рубеже 1980-х – 1990-х годов 125

Халтурина Н.И.

Хозяйство удельных крестьян Яранского уезда Вятской губернии
в конце XVIII – середине XIX веков 128

Шигурова Т.А.

Покрывало мордовской невесты в свадебном обряде: этно-социальный аспект 133

ФИЛОСОФИЯ

Ефимов Ю.И.

Положение этносов Симбирской губернии XIX – начала XX веков 139

Калинина Г.В., Лебедева А.А.

Ключевые методологические концепты изучения социального развития общества 142

Пурнычев М.Ю.

Ритуал как основа принятия решений в китайской традиции 145

Пурнычева Г.М., Шигаева М.И.

Языковое пространство России: методология анализа 150

Степанов А.Г.

Факторы социальной детерминации системы социально-исторического познания 154

Сусликов В.Л., Толмачева Н.В.

Философский анализ причинно-следственных связей процесса «здоровье↔болезнь» 160

Толмачева Н.В., Сусликов В.Л.

Единство причинно-следственных связей и социально-психологических аспектов
в исследовании процесса «здоровье↔болезнь» 167

Толмачева Н.В., Сусликов В.Л.

Феномен оптимальности как философская и физиолого-гигиеническая проблема 173

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кириллова А.М.

Муниципальные образования как участники гражданских правоотношений 178

СОЦИОЛОГИЯ

Аверина Ю.В.

Городские жители о местной печати:
оценки и предпочтения (по итогам социологического исследования) 180

Муртазина Л.Р.

Социальный институт как предмет социологического анализа 185

ПОЛИТОЛОГИЯ

Пыж В.В.

Военная мощь и военный потенциал как объект военной политики государства 191

ПСИХОЛОГИЯ

Одинцова М.А.

Функциональный аспект манипуляций в поведении индивида с установкой «жертвы» 198

ПЕДАГОГИКА

Краснов Н.Н.

Общественно-политическая деятельность И.Я. Яковлева 203

Терехова О.П.

Из истории юннатского движения Чувашии 209

ЛИНГВИСТИКА

Базарова Л.В.

Различные подходы отечественных лингвистов к исследованию термина «концепт» 215

Ермакова Г.А., Губанов А.Р.

Особенности функционирования союза *ибо* в стихотворении Г.Н. Айги «День – мир» 218

Иванова А.М.

Падежная система чувашского языка в историческом освещении: основной падеж 221

Калинина А.А.

Явление смысловой эквивалентности при выражении утверждения/отрицания 228

Каюмова Д.Ф.

Концепт «труд» в зооморфных паремиологических единицах с положительной оценкой 234

Корнилов Г.Е.

Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXIV: А-анлаутные географические названия 240

Кузнецова А.П.

Расширение лексического значения соматизмов в марийском языке (по материалам трудов В.М. Васильева) 244

Пекшеева Э.И.

Сложные названия марийских ихтионимов 248

Петрова В.Д.

Проблемы исихазма и древнеславянского «плетения словес» в современной филологии 251

Прокопьева О.В.

Современные псевдонимы (на материале русских и английских сценических имен) 258

Скворцова И.В., Губанов А.Р.

Диффузность в семантике причинно-следственных отношений (на материале русского и чувашского языков) 260

Табеева Э.И.

Синтаксические повторы как средство передачи экспрессивности при переводе (на примере произведений А. Гавальда) 263

Филоненко В.А.

Концепт «совет» в паремиологическом фонде английского, русского и чувашского языков 267

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Борейкина Т.П.

Монолог и исповедь как приемы психологического изображения драматических героев в пьесах В.И. Мишаниной 271

Закирова И.Г.

Репрезентация мотива души в тюркской эпической традиции 275

Закирова И.Г. Сказание о Бачман хане	279
Палькина Т.Н., Жиндеева Е.А. Репрезентация дискретности сюжетного начала в контексте временной организации взаимосвязи человека и обстоятельств в романе Г.И. Петелина «Безгрешны только боги» ..	284
Палькина Т.Н., Жиндеева Е.А. Способы моделирования художественного времени в образце современной поэзии Мордовии в контексте религиозных исканий автора.....	288
Сарбаш Л.Н. Религиозно-мифологические верования народов Среднего Поволжья в изображении В.Г. Короленко	293
Степанова Л.А. Художественные тенденции в чувашском рассказе конца XX – начала XXI веков	298
Федорова Л.П. Художественно-эстетические поиски удмуртской женской поэзии начала XXI века	301

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Васильев В.А. Художник в контексте взаимодействия культур: А.А. Кокель	307

ЭКОНОМИКА

Акимова Г.Т. Совершенствование организационно-экономического механизма устойчивого развития сельских территорий Чувашской Республики	313
Алексеев М.Ю. Инновация, имитация и интеллектуальная собственность	321
Белова Н.П. К вопросу об устойчивом развитии сельских территорий	326
Бекетов А.Г. Эколого-экономическая и социальная эффективность использования энергетических ресурсов (на примере торфа)	330
Бобышев Е.Н., Шамин А.Е. Факторы, влияющие на развитие дорожной сети в сельских территориях	335
Братцев В.И. Налогообложение недвижимого имущества: проблемы и перспективы	340
Волкова О.Б. Инновационные подходы к управлению банковскими рисками	344
Воропаева Л.А. Экономическая эффективность современных технологий лучевой диагностики в выявлении рака желудка	347
Гуджатуллаева Е.М. Анализ тенденций модернизации высшего профессионального образования в России.....	350
Данилов И.П., Тарасов В.Т. Человеческий капитал и инновационное развитие регионов России.....	359
Дедушкина Н.В. Особенности модернизации экономики России.....	366
Ермолаев А.Н. Web-технологии как средство совершенствования бюджетного процесса	371
Иванова Т.В. Аналитический обзор обеспечения сельскохозяйственных предприятий кадрами массовых профессий	375
Калинин А.М., Семенов А.Н., Белова Н.П. Сущность инновационного потенциала и его роль в процессе инновационного развития региона	380
Калинина Г.В., Старостина О.Е., Церфус Т.А. Инновационное развитие потребительской кооперации как фактор повышения конкурентоспособности системы	384
Кирюшин П.А. Эколого-экономическая оценка снижения энергоемкости России.....	388

Кликушина Е.Г. Определение экологической безопасности и природоохранной деятельности на местном уровне в свете концепции устойчивого развития	392
Кроливецкий Э.Н., Шлёнская Е.С. Стратегии обеспечения экономического роста предприятий и отраслей сферы услуг	397
Кузнецова Э.Г. Механизм сбалансированного развития АПК	403
Лебедев В.В. Компетенции и функции разноуровневых органов в системе управления образовательными учреждениями	407
Мелькина Н.Н. К вопросу о научной теории маркетинга	412
Меркулова В.В. Методические подходы к формированию системы показателей оценки качества страховых услуг	416
Мефодьева Ю.В. Проблемы внедрения инструментов результативного бюджетирования в управление финансово-экономической подсистемой на региональном уровне	420
Насыров И.Н., Мингазова Л.Р., Насырова З.К., Мартынов А.Н. Об экологически чистом оздоровительном питании	424
Николаев В.И., Владимиров В.В. Финансовый кризис и повышение эффективности использования оборотного капитала в птицеводстве	428
Новожилова Н.В., Алякина Л.А. Вопросы проектирования информационных систем	432
Пчёлкина В.В., Кузьмина Н.Н. Региональные центры государственно-частного партнерства как институты инвестиционной инфраструктуры	439
Сажнева Л.П. Процесс стратегического планирования и реализации стратегического плана	444
Смирнов В.В. Стратегические приоритеты в обеспечении эффективного социально-экономического развития Чувашской Республики	447
Соколова Г.Н. Методические подходы к разработке организационно-экономических основ управления санаторно-курортной деятельностью в регионе	453
Третьякова Е.А. Опыт разработки и реализация стратегий жилищного ипотечного кредитования	457
Ховакко И.Ю. Экологическое регулирование автотранспорта: экономическая теория и практика	461
Шавандина И.В., Шамин А.Е. Потребительская кооперация в сфере заготовительной деятельности (на примере Нижегородской области)	470
Шамин Е.А. Конкурентоспособность организаций потребительской кооперации в Приволжском федеральном округе	478
Шлёнская Е.С. Методы обоснования выбора стратегии и направлений экономического роста субъекта хозяйствования, отрасли сферы услуг за счет внутренних факторов	484
Яковлев А.П. Формирование инновационных структур в регионе на основе самоокупаемости и самофинансирования	489
Яковлев Г.Е., Кузнецова Э.Г. Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности	493
Яковлев Е.А. Управление взаимодействием субъектов инновационного проекта	499
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	502

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки
№ 1 2011

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Технический редактор ***О.Н. Павлова***
Компьютерная верстка ***Н.Н. Ивановой***

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-35686 от 19.03.09 г.

Сдано в набор 18.02.11. Подписано в печать 15.03.11. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,9. Уч.-изд. л. 48,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 181. Свободная цена.

428015, Чебоксары, Московский просп., 15
Типография Чувашского университета